РУССКАЯ
КОМЕДИЯ
XVIII в.

РУССКАЯ КОМЕДИЯ

И КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

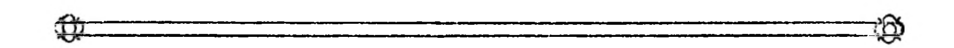
XVIII ВЕКА

«ИСКУССТВО»

РУССКАЯ КОМЕДИЯ И КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА

XVIII ВЕКА

*Редакция текста
и вступительная статья
П. Н. Беркова*



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из огромного количества русских комедий и комических опер XVIII века, сохранившихся в печатном и рукописном виде, в настоящее издание вошло всего четырнадцать пьес: десять комедий и четыре комические оперы.

Цель настоящего сборника — показать большую художественную и общественную ценность русской комедии и комической оперы XVIII века. Советский читатель проявляет живой интерес к классическому наследию прошлого, издания поэтов XVIII века привлекают неизменное внимание советской читательской аудитории. Можно надеяться, что и настоящее — первое вообще — собрание лучших пьес XVIII века в данных жанрах окажется полезным советским студентам литературных и театральных факультетов, преподавателям высшей и средней школы, широкому кругу советских читателей, любящих литературу.

Кроме хорошо известных читателям пьес Фонвизина («Недоросль» и «Бригадир»), Крылова («Трумф, или Подщипа»), Капниста («Ябеда»), в книгу вошли комедии Сумарокова, Лукина, Плавильщикова, Копьева, Кропотова, Клушина и комические оперы Матинского, Николева, Княжнина, Аблесимова, не переиздававшиеся в советское время. Некоторые пьесы, например, первая редакция комедии Сумарокова «Пустая ссора» («Ссора у мужа с женою») и комедия Клушина «Алхимист» печатаются вообще впервые.

Орфография текстов, включенных в настоящую книгу, приближена к современной в пределах, принятых для издания памятников литературы XVIII века. Единообразие орфографии не всегда соблюдено для того, чтобы показать произношение XVIII века, например, «терьпеть», «Верьхоглядов» (фамилия), «эдакой» и т. п.

Помимо примечаний к отдельным пьесам, в конце книги приложен «Словарь устарелых, областных и некоторых других малопонятных слов». В примечания включены либо переводы

иностранных выражений и слов, либо пояснения характерных для эпохи понятий, имен, событий, либо, наконец, текстологические дополнения. В тексте каждой пьесы слова, имеющие примечания, отмечены звездочкой. В «Словарь» вошли слова, не требующие пространных пояснений; слова, отличающиеся от литературных форм только наличием оканья (замены «а» — «о»), аканья (замены «о» — «а» и т. п.), цоканья (замены «ч» и мягкого «д» — «ц» — например, «двадчать» — вместо «двадцать», «роцимой» — вместо «родимый»), в словарь не включены.

РУССКАЯ КОМЕДИЯ И КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА XVIII ВЕКА

I

В литературном наследии XVIII века комедия и комическая опера занимают едва ли не главное место. Только «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, как произведение революционное, стоит по силе своей идейности впереди комедий Фонвизина, Капниста, Лукина, Крылова, комических опер Попова и Аблесимова, «шутотрагедии» Крылова «Трумф». Трагедия же и ода XVIII века, столь уважавшиеся и ценившиеся современниками-дворянами, значительно уступают комедии и комической опере и как памятники эпохи, и как факты литературы.

Новая русская комедия как драматический жанр [1] сложилась в России в самой середине XVIII века: первые пьесы Сумарокова в этом жанре относятся к 1750 году; им, правда, предшествовали многочисленные (малоудачные) попытки разных авторов, но только с Сумарокова идет непрерывная уже линия развития русской комедии, и поэтому именно с Сумарокова следует начинать историю новой русской комедии.

Однако и комедии Сумарокова, и попытки его предшественников представляли одну только линию развития русской комедии — линию комедии дворянской.

Задолго до появления последней существовали в народных массах свои театральные увеселения, своя «комедь», где основным жанром являлось «игрище». На рубеже XVII и XVIII веков окончательно оформились главные темы народного театра, определился его характер, отстоялись основные типы — герои «игрищ». Народный театр был театром сатирическим по преимуществу. Объектами народной сатиры являлись неповорот-

[1] Под «новой русской комедией» в настоящей работе разумеется комедия «литературная», а не «школьная» и не народная, фольклорная.

ливый толстобрюхий воевода, промотавшийся барин-помещик, жадный купчина, взяточник-подьячий (чиновник), поп, ловкий слуга-дворовый, лукавый мужичок-крепостной, франт с пустыми карманами, смазливая девица-Аришенька и т. д. Но были также народные пьесы, в которых сатирически изображались и цари; такова знаменитая «Комедия о царе Максимилиане и его непокорном сыне Одольфе», такова глумливая сценка «Царь Соломон и маршалка» и др.

«Игрища» имели дело только с русской действительностью и только ее и изображали; давая сатирическое освещение русской жизни, авторы народных комедий и актеры из народной среды создавали театр реалистический, по-своему обобщающий социальную действительность, рисующий «русские характеры», но не в психологическом, а в социально-бытовом плане. Этот народный, «социально-бытовой реализм» проявлялся и в живом, полном остроумия, порой грубоватого юмора народном языке. Пословицы, прибаутки, в особенности песни были неотъемлемой составной частью этого театра.

«Игрища» представлялись не на каких-либо построенных сценах, а разыгрывались актерами-любителями в зимние и весенние праздники, на «святках», на масленой и вербной неделе; бродячие актеры то переходили из дома в дом и в комнатной обстановке давали свои коротенькие представления, то разыгрывали более или менее длинные пьески в специально нанятых сараях или амбарах. Пьесы эти имели антидворянский и антицерковный характер, и поэтому власти относились к народным актерам-любителям подозрительно, запрещали им одеваться для представления в «чернеческое» (монашеское) платье и вообще старались, с одной стороны, ограничить репертуар народного театра, а с другой — подчинить этот театр интересам господствующего класса, взять его в свои руки; последняя тенденция настойчиво проводилась при Екатерине II в 1760-е и 1770-е годы.

Иным путем шло развитие комедии «литературной».

II

Развитие при Петре I государства помещиков и торговцев проявилось также в формировании и дворянской культуры, в основном порвавшей тесную связь, существовавшую ранее между нею и церковной традицией Московской Руси. Дворянская культура при Петре и в особенности при его преемниках развивалась под знаком пренебрежительного отношения к народной демократической культуре, с одной стороны, и под знаком лишенного самоуважения, неприкрытого преклонения перед за-

падной цивилизацией,— с другой. Впрочем, нельзя отказать отдельным представителям дворянской культуры в историческом значении.

Комедия Сумарокова была одним из результатов и в то же время факторов формировавшейся дворянской русской культуры и отразила характерные свойства дворянской идеологии: пренебрежение к народно-фольклорным формам театра («игрищам») и преклонение перед комедией европейской, преимущественно французской.

Новая русская комедия оформляется под пером Сумарокова к самой середине XVIII века. В истории России это был период, когда окончательно оформилась «чиновничьи-дворянская монархия XVIII века» (Ленин). Дворянские идеологи,— и Сумароков в первую очередь,— чувствовали прочность господства своего класса, они понимали, что верховная власть выражала и защищала интересы дворянства, подавляя крепостную массу и лишая ее юридически и фактически последних остатков прежней «вольности». Дворянские идеологи видели торжество своего класса или, как они говорили тогда, «корпуса дворянства». Один из них (повидимому, А. В. Олсуфьев), в стихах, поднесенных императрице Анне Иоанновне в 1735 году от имени «шляхетной юности», от имени «кадетов рыцерской академии», обращаясь к дворянству, писал:

Есть ли другой Корпус где, одолженный тако?
Вспомянем твою бытность в прошедшее время,
Собственные твои нужды и трудов беремя:
Кто тебя так украсить довольно потщился?
И каков недавно ты еще находился?
Рассеян и разделен далеко повсюду,
А ныне в твою пользу собрался оттуду.
Кто прежде сего тебя обучал в потребном?
Кто прибавил разума в житии безбедном?
Кто телу дебелому дал силу иную?
И должность чад отечества показал прямую?

Сумароков учился в «рыцерской академии» (Сухопутном шляхетном корпусе) одновременно с Олсуфьевым и сам выступил в 1740 году в печати с такими же прославляющими дворянскую царицу стихами:

Ты нам, Анна, мать, мать всего подданства,
Милостью же к нам мать всего дворянства.

Дворянские идеологи понимали связь между верховной властью и своим классом; они считали свой «корпус» единственно

достойным исполнителем военных и гражданских функций государства, они считали себя истинными «чадами отечества», а все прочие классы они признавали только «рабами отечества».

Сумароков был типичным представителем подобной дворянской идеологии. Выступив в 1747—1748 гг. с первыми своими трагедиями, он ставит своей целью бороться средствами литературы и театра с классовыми врагами дворянства, но особыми методами: его увлекает идея укрепить с помощью театрального искусства монархический принцип, поучать царей, воспитывать в них «идеальных» с дворянской точки зрения государей, тем самым упрочивая позиции своего класса как господствующего.

Комедии же Сумароков не придавал столь серьезного значения. Она, по его понятиям, должна была бороться с отрицательными явлениями в самом дворянстве, должна была служить внутриклассовым целям. По сравнению с высокими задачами, которые Сумароков ставил перед трагедией, назначение комедии было более скромным. Поэтому и сам Сумароков считал свои комедии менее значительным фактом своей литературной биографии, и его современники разделяли эту точку зрения.

Между тем, комедии Сумарокова оказались более жизненными и значительными, чем можно было думать.

В 1748 году, то есть за два года до создания своих первых комедий, Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» сформулировал свои воззрения на этот жанр. Комедиограф не должен выбирать темы просто забавные, лишенные поучительности, его задача гораздо серьезнее:

Не представляй того, что мне на миг приятно,
Но чтоб то действие мне долго было внятно.

Длительность воздействия комедии, по Сумарокову, необходима потому, что цель ее педагогическая:

Свойство комедии — издевкой править нрав,
Смешить и пользовать — прямой ее устав.

Смех как таковой, смех без пользы Сумароков отрицает. «Смешить без разума,— пишет он,— дар подлыя души». При этом слово «подлый» он употребляет в значении «простонародный», а не «порочный». По его мнению, смешат без разума «игрища», развлечения «подлой черни». Социально-сатирическая комедия демократических низов с ее осмеянием царя, помещика, попа, купца, подьячего и т. д. решительно отвергается Сумароковым; классовым чутьем дворянского идеолога он понимает, что народная сатирическая комедия подрывает, расшатывает недавно

упроченные устои дворянского государства. Он предупреждает своего читателя-дворянина и возможного комедиографа:

Для знающих людей ты игрищ не пиши.

Поэтому, намечая в «Эпистоле о стихотворстве» круг тех персонажей, которые должны стать объектом изображения в комедии, Сумароков ограничивается очень небольшим перечнем отрицательных «героев»:

Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью, что не поймет, что писано в указе.
Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос,
Что целый мыслит век о красоте волос,
Который родился, как мнит он, для амуру,
Чтоб где-нибудь к себе склонить такую ж дуру.
Представь латынщика на диспуте его,
Который не соврет без эрго ничего.
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скупого, что готов в удавку за полушку;
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя: «рест».

Если внимательно всмотреться в этот перечень, станет ясно, что большая часть отрицательных персонажей, намечаемых Сумароковым как объект осмеяния, принадлежит к тому же классу, что и сам автор. И «гордый, раздутый, как лягушка», и щеголь-петиметр, и скупой, и судья, и картежник — все это дворяне; и только для мелких чиновников — подьячих и школьных педантов-латынщиков, обслуживающих дворянское государство, делает Сумароков исключение, и то потому, что в них он видит если не врагов своего класса, то, во всяком случае, вредных для дворянства людей, паразитствующих за его счет. Только здесь комедия Сумарокова выходит за рамки критики недостатков своего класса.

Уже современники обратили внимание на одну важную особенность комедий Сумарокова, на то, что они памфлетны и портретны.

Общепризнано, что Сумароков был представителем классицизма в русской литературе. Если это и верно, то требует очень серьезного пересмотра в отношении трактовки самого понятия «классицизм». Во всяком случае, комедии Сумарокова больше всех других жанров его творчества отступают от канонов классицизма.

Перед искусством середины XVIII века, по условиям того времени, по уровню художественного сознания писателей, не

стояла и не могла еще стоять задача — реалистически обобщать типические явления русской жизни и создавать законченные образы представителей русской действительности. Поэтому Сумароков, все же стремясь быть полезным для своего «корпуса» деятелем, пошел по пути изображения не типичных, а конкретных носителей того или иного «порока», того или иного скупого (Кащей — Бутурлин в «Лихоимце»), того или иного педанта-латынщика (Тресотиниус — Тредиаковский в «Тресотиниусе»), того или иного злоязычника (Менедем — Эмин в «Ядовитом») и т. д.

То, что делал Сумароков в комедии, называлось на театральном языке XVIII века «ввести подлинник», то есть изобразить определенное, «подлинное» лицо. Эта портретность и памфлетность являлась для комедий Сумарокова не случайным моментом, а методом. Вместе с тем эта портретность и памфлетность раздвигала тесные рамки классических требований и сближала комедию с реальной действительностью. Если в большинстве комедий Сумарокова «любовники», то есть действующие лица, любовные отношения которых образуют интригу, сюжетную сторону пьесы, трафаретны и книжны, то «порочные» живы, интересны, хотя и шаржированы.

В публикуемой впервые в настоящем издании ранней редакции комедии «Пустая ссора», названной автором сначала «Ссора у мужа с женою», эти свойства метода Сумарокова особенно бросаются в глаза. Мы не знаем, какое определенное лицо изобразил Сумароков в Фатюе, в Дюлиже, Деламиде, Дюфизе, но совершенно несомненно, что это были не абстрактно нарисованные «порочные», а живые «подлинники», снимки с живых людей, хотя и сделанные средствами искусства, построенного на других художественных основаниях, чем реалистическое искусство XIX—XX веков.

Обращение Сумарокова к «подлинникам» было бесспорным шагом в направлении реалистического искусства даже тогда, когда в большинстве случаев результаты были неудачны. Пусть схематичны Оронт, Гидима, Октавий, Валер, Доронт, Клариса, Салмина, пусть гротескно-карикатурны Тресотиниус, Бобембиус, Критициондиус, Ксаксоксимениус, Деламида, Дюлиж, Дюфиза и т. д., но отдельные образы комедий Сумарокова нельзя не признать удачными. Таков, например, Фатюй из «Ссоры у мужа с женою»; это первый в русской литературе набросок типа деревенского дворянина, играющего со своими крепостными в свайку, пьющего по-старинке мед и квас, говорящего «ёкая» вопреки правилам столично-дворянского произношения. Таковы, например, Викул и Хавронья, также деревенские дворяне, из «Рогоносца по воображению».

Сближение с русской действительностью проявляется у Сумарокова,— в особенности в более поздних комедиях, в которых он учитывает новые достижения в области комедиографии,— в том, что он вводит в речь действующих лиц пословицы, поговорки, прибаутки.

Метод «подлинников», примененный Сумароковым и выросший на почве конкретной политической — классовой и внутриклассовой — борьбы современности, был очень высоко оценен и подхвачен через некоторое время сатирической журналистикой 1769—1774 годов. Новиков, полемизируя с Екатериной II по вопросу о характере и пределах сатиры, сделал даже теоретическое обобщение, опираясь на опыт Сумарокова и отчасти Мольера: «Меня никто не уверит и в том,— писал он,— чтобы Молиэров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок. Осмеянной по справедливости Кащей [1] со временем будет общий подлинник всех лихоимцев. Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного» («Трутень», 1769, л. XXV).

По пути Сумарокова в создании памфлетной комедии пошли многие его современники: Ф. А. Эмин («Ученая шайка»), А. Г. Карин («Россияне, возвратившиеся из Франции»), позднее Екатерина II, П. С. Батурин («Сговор», недошедший до нас «Бездушник») и многие другие. Даже принципиальный противник Сумарокова как автора комедий, В. И. Лукин, о котором подробнее будет сказано ниже, следовал в известной мере за Сумароковым в применении метода «подлинников». Так, достаточно хорошо осведомленный Новиков сообщает относительно комедии Лукина «Мот, любовию исправленный», что «сочинитель ввел в свою комедию два смешные подлинника, которых представляющие актеры весьма искусным и живым подражанием, выговором, ужимками и телодвижением, также и сходственным к тому платьем зрителей весьма много смешили» [2].

Если метод «подлинников», толкавший комедии Сумарокова на путь сближения с жизнью, на путь реалистического искусства, был их достоинством, то карикатурность этих пьес, их условность, введение имен, взятых непосредственно из французских комедий и чуждо звучавших в русском театре, появление на сцене чуждых русской действительности порядков, вроде заклю-

---

[1] Кащей,— напомним,— главное «порочное» лицо комедии Сумарокова «Лихоимец»,— в нем автор изобразил своего зятя А. И. Бутурлина, и современникам это было хорошо известно.

[2] Ефремов, П. А. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 67.

чения браков при посредстве нотариуса, а не церкви, и многое другое составляло недостатки Сумарокова как комедиографа. Это современники довольно скоро заметили, и поэтому, когда возникла потребность в комедии «на нравы национальные» и начали появляться первые опыты в этом роде, комедии Сумарокова стали ставить ниже его трагедий и других его произведений.

III

В 1756 году был опубликован указ Елизаветы об открытии Российского театра под смотрением бригадира Сумарокова, в феврале 1757 года театр начал свою деятельность. Остро встал вопрос о репертуаре. В отношении трагедий положение было более или менее терпимо: к этому времени существовало шесть трагедий Сумарокова, две трагедии Ломоносова (трагедия Тредиаковского «Деидамия» на Придворном театре, да, кажется, и вообще не ставилась); в 1757 году Н. Хрущев перевел в стихах трагедию П. Корнеля «Полиевкт-мученик». Гораздо хуже обстояло дело с комедиями. Согласно обычаям эпохи, после трагедии в каждый спектакль должна была итти «малая пьеса», то есть одноактная комедия. Комедий у Сумарокова к 1757 году было всего четыре, может быть, пять, но пятая («Нарцисс»), обращенная против фаворита Елизаветы, И. И. Шувалова, не могла быть поставлена на сцене.

Недостаточное количество оригинальных русских комедий и отсутствие хоть сколько-нибудь литературно одаренных любителей театра, способных к самостоятельному творчеству, вызвали в 1758—1761 гг. большое число переводов французских и — реже — немецких комедий. Переводчиками были офицеры привилегированных (гвардейских) полков, театралы-любители.

В отличие от оригинальных комедий Сумарокова, всегда преследовавших воспитательные, хотя и классово-ограниченные цели, переводные комедии — Леграна, Сен-Фуа, Реньяра — были чисто развлекательными. Даже в тех случаях, когда во Франции эти комедии имели серьезное общественное значение (например, «Жорж Дандэн» Мольера), у нас они становились развлекательными, так как многие явления французской общественности (например, взаимоотношения дворянства и буржуазии) были еще чуждыми русской жизни конца 1750-х, начала 1760-х годов. Кроме того, дворянские зрители не умели извлекать из переводных комедий, как тогда говорили, «нравоучения». «Они мыслят,— писал В. И. Лукин в предисловии к «Награжденному постоянству»,— что не их, а чужестранцев осмеивают».

Тот же Лукин несколько далее писал: «К тому же мне и то известно, что у нас есть много и таковых зрителей, которым ни малыя нет в том нужды, свойственная ли нашим нравам комедия представляется или и виду сходствия не имеющая. Они того лишь желают, чтобы им посмеяться. Явное тому свидетельство «Принужденная женитьба» господина Молиера».

Переводчики-дилетанты ставили своей целью забавлять дворянского зрителя, обличительно-памфлетный пафос комедий Сумарокова был чужд «золотой молодежи» тех лет. И хотя переводческая деятельность 1757—1761 гг. не прошла бесследно в области русской комедии благодаря разработке комедийного языка, но все же она представляла явление отрицательное — с этих переводных комедий началось в России безидейно-развлекательное направление в области комедиографии, направление несомненно реакционное.

В самом начале 1760-х годов один из переводчиков-любителей, гвардейский офицер А. А. Волков выступил и с оригинальными комедиями развлекательного характера. Возможно, что причиной успеха «развлекательной» комедии в конце царствования Елизаветы была усилившаяся в это время правительственная реакция, связанная с недовольством, проявлявшимся некоторой частью дворянства в отношении чуждой его интересам Семилетней войны и сильно развившегося тогда откупщичества, поддерживавшегося господствующей придворной кликой Шуваловых — Воронцовых.

Однако уже в очень скором времени, в 1763—1764 гг. на литературно-театральном поприще появляются Д. И. Фонвизин, В. И. Лукин, Б. Е. Ельчанинов, кн. Ф. А. Козловский и один из первых учеников Сумарокова, писатель более раннего времени, И. П. Елагин. Все перечисленные писатели были так или иначе связаны друг с другом. Фонвизин и Лукин были секретарями у Елагина, состоявшего кабинет-министром Екатерины «у принятия челобитен»; Ельчанинов был связан дружбою с Лукиным, кн. Ф. Козловский был университетским товарищем Фонвизина и в дальнейшем был тесно с ним связан.

В сезон 1764—1765 гг. на сцене Российского театра, директором которого уже несколько лет не был Сумароков, появляются пьесы Елагина («Русской-француз»), Фонвизина («Корион»), Ельчанинова («Награжденная добродетель»), представлявшие переработки иностранных комедий в применении к русской обстановке. Особенностью всех этих переделок было то, что авторы их ставили себе общественно-воспитательные, а не безидейно-развлекательные цели. По поводу одной из них, именно комедии Елагина «Русской-француз», «преложенной из театра барона Голберга», Лукин писал: «Сия комедия очень нужна для

отучения многих молодчиков от вздорного и постыдного французским шалостям подражания». В январе 1765 года была поставлена комедия «Мот, любовию исправленный» Лукина.

Одновременное выступление четырех авторов в один год с переводами-переделками пьес серьезного содержания не было случайностью. Оно свидетельствовало о сознательной борьбе определенной литературной группы с «развлекательным», реакционным направлением в комедии. Наиболее значительной была в этой области деятельность Лукина.

В. И. Лукин начал с обычных переводов, которые напечатал в 1763 году. Поступив на службу к И. П. Елагину в качестве секретаря в декабре 1764 года, Лукин включился в то серьезное направление в области комедии, которое возглавлял его патрон. Несомненно, однако, что Лукин пришел к этому течению самостоятельно: «Русской-француз» Елагина был впервые поставлен 12 января 1765 года, «Мот, любовию исправленный» и «малая комедия» Лукина «Пустомеля» были сыграны 19 января того же года; большая пятиактная комедия не могла быть написана быстро, то есть через неделю после представления пьес Ельчанинова и Фонвизина.

Вступив на путь, по которому одновременно с ним шли Елагин, Фонвизин и Ельчанинов, Лукин, хотя и обладавший более скромными литературными дарованиями, чем Елагин и Ельчанинов и, тем более, Фонвизин,— все же оказался самым значительным на тогдашнем этапе развития русской комедии представителем идейного направления. Он сделался теоретиком этого течения, которое можно, пользуясь его же терминологией, назвать направлением «прелагательным».

Под «преложением» Лукин подразумевал переделку иностранных пьес: «переделывать,— пояснял он,— значит нечто включить или исключить, а прочее, то есть главное, оставить и склонить на свои нравы». Иными словами «прелагание» означало переработку чужеземных произведений в соответствии с русской действительностью и нравами. В предисловии к комедии «Награжденное постоянство» Лукин писал: «Мне всегда несвойственно казалось слышать чужестранные речения в таких сочинениях, которые долженствуют изображением наших нравов исправлять не столько общие всего света, но более участные нашего народа пороки; и неоднократно слыхал я от некоторых зрителей, что не только их рассудку, но и слуху противно бывает, ежели лицы, хотя по нескольку на наши нравы подходящие, называются в представлении Клитандром, Дорантом, Циталидою и Кладиною, и говорят речи, не наши поведении знаменующие». В другом месте он вновь касается несообразностей в изображении быта в современных комедиях:

«Кажется, что в зрителе, прямое понятие имеющем, к произведению скуки и сего довольно, если он однажды услышит, что русский подьячий, пришед в какой ни есть дом, будет спрашивать: «Здесь ли имеется квартира господина Оронта?» — «Здесь,— скажут ему,— да чего же ты от него хочешь?» — «Свадебный написать контракт», скажет в ответ подьячий. Сие вскружит у знающего зрителя голову. В подлинной российской комедии имя Оронтово, старику данное, и написание брачного контракта подьячему вовсе не свойственно. Однако иные говорят, что и сие им не противно. Я же чрезмерно дивлюсь, как может русскому человеку, делающему подлинную комедию, притти в мысли включить в нее нотариуса или подьячего, для сделания брачного контракта, вовсе нам неизвестного. Первый у нас только векселя протестует, а другой только по должности своей дела в том приказе исправляет, откуда дают ему жалованье. И какая связь тут будет, если действующие лица так именуются: Геронт, Подьячий, Фонтицидиус, Иван, Финета, Криспин и Нотариус. Не могу проникнуть, откудова могут притти сии мысли, чтобы сделать такое сочинение. Это дело поистине странное; а то еще страннее, чтобы почитать его правильным. Я мню, что не можно русскому писателю сплести толь несвойственное сочинение».

Говоря о своих переделках, в которых французские имена и географические названия заменены русскими и введены намеки на современные литературные и театральные отношения, Лукин обосновывает это таким образом: «Зрители имели бы довольную причину негодовать на меня, если бы Тимандр, у меня Еграфом названный, в самом лучшем месте сея комедии, а именно в третьем действии, говоря сатиру на необузданный партер, стал вплетать чужие имена и речения, которые бы не наших жителей осмеивали. Сие бы для всякого было неприятно, а прямых бы знатоков на меня жестоко огорчило и хотя оных у нас мало, однако я их большому числу предпочитаю. Итак, если бы Тимандр следующее при них выговорил: «Едва успел я из Фландрии приехать, так уже и просили меня старые знакомцы испортить новую из Лиона присланную комедию, которая к представлению на Королевском Театре назначена». Ежели бы он сие при них сказал, то бы на тот раз преселил их из Петербурга в Париж, а может быть и столько бы им досадил, что и из театра бы выгнал; а я того-то и не желаю. Лучше несколько человек знающих иметь зрителями, которые и правильно осуждают и отдают беспристрастную похвалу, нежели толпу невежд, которые, сами ни о чем судить не могши, последуя слышанному, и хулят и восхищаются. Полно, не один из Еграфовой речи здесь предложенный пример бывает отвратителен как прямым знатокам, так и начинающим вникать в красоту

зрелищ и в пользу от них получаемую; есть еще многие и самые малые выражения; например, я недавно из Марселии приехал, или я гулял в Тульлерии, был в Версалии, виделся с викомптом, посидел с маркизою и прочее чужеземское».

Что же побудило Лукина приступить к «прелаганию»? Мы видели, что путь его в этом направлении был самостоятельным и независимым от исканий Елагина и Фонвизина. Сам Лукин прямо не говорит об обстоятельствах, приведших его к «прелаганию»; однако есть несколько мест в его предисловиях, которые дают возможность ответить на этот вопрос.

Лукин очень высоко ставил театральное искусство и литературу. В них видел он средство гражданского служения: «По моему мнению,— писал он, в предисловии к «Награжденному постоянству»,— всякий человек, увидя другого в ослеплении, должен всевозможно стараться подать оному просвещение и чрез то его исправить и привесть на путь истины. Сие называется и вечно называться будет долгом истинного гражданина и честного человека, желающего пользы как своему отечеству, так и всей ему подобной твари». В другом месте (в предисловии к «Моту, любовию исправленному») он писал: «Надлежит в русском быть чему ни есть русскому».

Патриотическое стремление принести «писанием пользу общественную», помочь своим единоземцам было тесно связано у Лукина с его взглядом на народный театр, на аристократически презиравшиеся Сумароковым и великосветскими театралами-дилетантами народные «игрища».

Он умел правильно оценить эти сатирические народные комедии, он увидел в них не «смех без разума», как Сумароков, а нечто значительно большее: «Есть еще много таких же комедий, которые единственно только смех рождают, а пользы ни малыя, хотя точное намерение писцов комических при начале зрелищ на том и основывалось и хотя оному все, рассудок имеющие, до ныне следуют. А когда зрители только смеяться желают, то могут их и наши игрищи равномерно утешить, с тем еще прибавлением, что увидят они в оных русские характеры и услышат слова вовсе им незнакомые, но притом потребные для познания силы, пространства, а иногда и красоты природного своего языка».

Итак, «игрища» показали Лукину «русские характеры», показали ему силу и красоту «природного своего языка». Это было очень важным и многообещающим моментом в развитии как творчества самого Лукина, так и в развитии русской комедии вообще.

Под влиянием мыслей, возникших в результате раздумий над «игрищами», Лукин пишет комедию «Мот, любовию испра-

вленный», где выводит положительного героя, крепостного слугу Василия.

Однако Лукин, субъективно симпатизировавший крепостному крестьянству, в «Моте, любовию исправленном» оказался непоследовательным: высшим проявлением благородства Василия Лукин считал то, что крепостной слуга не пожелал взять у хозяина, находившегося в затруднительном положении, предложенной ему «воли». Таким образом, Лукин объективно способствовал утверждению крепостников, что крестьянам вовсе не нужна свобода, так как от «хороших господ» они не желают уходить. Все же искреннее сочувствие Лукина к крепостным несомненно.

Отвечая на нападки дворянских критиков на свою пьесу, в частности на их замечания, что крепостные слуги неграмотны и не смогут извлечь пользу из чтения «Мота, любовию исправленного», Лукин пишет: «Неправда, всезнающие господа,— сказал я им, несколько разгорячась,— очень многие читают, а есть и такие, которые пишут лучше пересмешников, а мыслить все люди могут, потому что каждый из них с мыслями, кроме дураков и вертопрахов, родится». В «Письме к господину Ельчанинову», предпосланном комедии «Щепетильник», Лукин с еще большей определенностью выражает свои симпатии обездоленной крепостной массе: «. . .я, не имея деревень, с крестьянами живал мало и редко с ними разговаривал. Полно, у нас не все те крестьянской язык разумеют, которые наделены деревнями; не много сыщется помещиков, в состояние сих бедняков по должности христианской входящих. Есть довольно и таких, которые от чрезмерного изобилия о крестьянах инако и не мыслят, как о животных, для их сладострастия созданных. Сии надменные люди, живучи в роскошах, не редко добросердечных поселян, для пробавления жизни нашей трудящихся, без всякия жалости раззоряют. Иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет с шестью лошадьми, без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев. А можно сказать, что ведают жизнь крестьянскую только те, которые с природы человеколюбивы и почитают их равным созданием и потому и об них пекутся».

Размышления о «русских характерах» в «игрищах» приводят Лукина к тому, что он ставит себе цель: «Прочие в комедии моей лицы старался я всевозможно сделать русскими».

Таким образом, реформа русской комедии, предложенная Лукиным, состояла в том, чтобы максимально сблизить ее с русской действительностью, с русской обстановкой, нравами, понятиями.

Почему же, в таком случае, Лукин остановился на «преложениях» и не перешел к оригинальному творчеству? Сам он объяс-

няет это так: «Желал бы и я сочинять наши подлинные комедии, но не только что сил, да и времени довольно на то не имею».

Однако было бы большой ошибкой предполагать, что «преложения» Лукина действительно заключаются только в незначительных переделках. На самом деле он оставлял почти без изменения основную сюжетную линию «прелагаемой» пьесы, а все остальное подвергал существенной переработке.

Особенно легко проследить это на одной из наиболее известных и показательных для лукинского творчества комедиях — на «Щепетильнике». Устарелым для нашего времени словом «щепетильник», то есть «продавец мелких галантерейных товаров», Лукин перевел заглавие французской пьесы «Boutique de Bijoutier», являвшейся в свою очередь переводом сатирической комедии Р. Додслея «The Toy-Shop» («Галантерейная лавка»). Сравнение русского текста с французским оригиналом-переводом показывает, как далеко зашла переработка Лукина. Во-первых, он вводит действующих лиц, отсутствующих в оригинале (майор Чистосердов и его племянник, работники Мирон и Василий и др.); во-вторых, он сокращает число женских персонажей с четырех до двух; в-третьих, наконец, иностранные «обыкновения» заменяет русскими, в том числе и образы-маски переводимой комедии заменяет русскими «подлинниками», о чем, между прочим, и сам говорит в напечатанном перед «Щепетильником» письме к Ельчанинову: «Верьхоглядов, Самолюбов суть лицы также почти вымышленные».

Переработка «Галантерейной лавки» в «Щепетильника» сделала пьесу Лукина только едва похожей на ее источник: сохранен сюжет [1] — разговоры покупателей с владельцем галантерейной лавки, а «характеры» — придворный, щеголь, ханжа, самовлюбленный писатель (Сумароков) и др., — взяты из русской жизни.

Обращаясь, подобно Сумарокову, к русским «подлинникам», Лукин старался сделать действующих лиц своих комедий действительно русскими персонажами. Правда, он понимал эту задачу чисто внешне. Поэтому он позволял себе такие нарушения принятых в тогдашнем русском театре условностей, как введение имен и отчеств действующих лиц вместо одних только имен — «Софья Менандровна», «Филат Фадеич», «Орест Васильевич», «Виктор Семенович» («Тесть и зять»), как употребление уменьшительных имен («моя Клеоша» — вместо «Клеофида») и т. д. Еще больше, чем Сумароков, пересыпает Лукин речь своих героев пословицами и поговорками. Далее, Лукин

---

[1] Если он может назваться сюжетом — пьеса состоит из бесед «щепетильника» со сменяющими друг друга покупателями.

заставляет некоторых действующих лиц (точнее, работников щепетильника, Мирона и Василия) говорить не литературным языком, а «галичким» диалектом. Впрочем, здесь он только развивает робкие попытки Д. И. Фонвизина, у которого в комедии «Корион» (1764) эпизодический персонаж, Крестьянин, почти в каждой фразе прибавляет к отдельным словам частичку «ста», повидимому, звучавшую в то время как признак крестьянской речи.

В 1765 году Лукин издает в двух томиках свои «Сочинения и переводы». До него на это отважились только Ломоносов (1751—1757) и Тредиаковский (1752); даже Сумароков не счел возможным при жизни издать свои сочинения в виде собрания. Поступок Лукина воспринят был как неслыханная дерзость молодого автора; то обстоятельство, что в предисловиях к отдельным пьесам он высказывался резко и откровенно о комедиях Сумарокова и в особенности о переводных и оригинальных комедиях А. А. Волкова, А. А. Нартова, И. И. Кропотова, П. С. Свистунова и других переводчиков-дилетантов, вызвало против него много лет длившееся негодование. Сатирические журналы 1769—1772 гг. довольно резко высмеивали личность, деятельность и даже стилистические особенности Лукина.

Тем не менее идеи, высказанные Лукиным в предисловиях, и его «преложения» оказали серьезное воздействие на дальнейшее развитие русской комедии. Безидейно-развлекательное направление было осуждено и если не совсем исчезло, то, во всяком случае, вынуждено было отступить перед комедиями, ставившими себе серьезные общественно-воспитательные цели. Так через посредство Лукина народный театр начинает заметно влиять на русскую комедию. Влияние это выражалось не в форме простого заимствования «приемов» народного театра, не в перенесении на сцену персонажей «игрищ», а в том, что, начиная с комедий Лукина, содержанием русской комедии становится русская жизнь, героями — «русские характеры»: помещик, крепостной, чиновник, купец, мещанин и т. д.

Следует отметить как черту, положительно рисующую Лукина, живейший интерес, проявленный им к так называемому «Всенародному театру», организованному в 1765 году демократическими актерами-любителями из числа академических наборщиков.

IV

До нас дошло очень немного комедий второй половины 1760-х годов. Но то, что мы знаем о них, свидетельствует о том, что пьесы эти в большинстве своем были проникнуты передовыми

для той эпохи идеями. Они, за несколько лет до сатирических журналов 1769—1774 гг., ставили вопросы не только о взяточничестве чиновников, о дурном воспитании, о галломании дворянства, но и о положении крепостных.

Характерной особенностью русской комедии, начиная со второй половины 1760-х годов, было то, что все больше и больше появляется авторов недворянского происхождения (М. Д. Чулков, М. И. Попов, А. О. Аблесимов) и комедиографов-дворян, настроенных прогрессивно (Д. И. Фонвизин, М. И. Веревкин, П. А. Кропотов и др.). Писатели эти — сознательно или бессознательно, в той или иной мере — отражали глухое недовольство крестьянских масс и поэтому выступали с критикой разных сторон крепостнического государства. Они не умели добираться до сути вопроса, не понимали, что причиной всего является крепостной уклад, с которым должно бороться, но добросовестно полагали, что следует «искоренять пороки» там, где они проявляются. Поэтому на тогдашнем этапе развития русской комедии деятельность перечисленных авторов, в особенности Фонвизина, Веревкина, Попова, Аблесимова, была весьма прогрессивной.

Русская комедия последней трети XVIII века в своих лучших образцах имела остро политический характер, выражавшийся по преимуществу в «обличительстве».

В конце 1760-х, начале 1770-х годов появляются в значительном количестве комедии, ставящие своей целью обличать отрицательные явления современности. Таковы, например, «Подьяческая пирушка» Аблесимова, «Россияне, возвратившиеся из Франции» А. Карина, комические оперы М. Попова и А. Аблесимова и пр. Вершиной «обличительной» комедии 1760—1770-х годов бесспорно является «Бригадир» Фонвизина.

Если Сумароков и его продолжатели создали «памфлетно-портретную» комедию, нападавшую на «пороки» при помощи сатирического осмеяния данных «подлинников», конкретных носителей порока, «так, чтобы критика не всем была открыта»,— как формулировал Новиков,— то Фонвизин сделал огромный шаг вперед. В «Бригадире» он от метода «подлинников», не вполне, впрочем, отказываясь от последнего, переходит к художественным обобщениям, к типизации образов.

Действующие лица «Бригадира» — бригадир, бригадирша, советник, советница, Иванушка, это уже не просто неудачные «подлинники», как это было у Сумарокова, а живые, разумно построенные художественные образы, сохраняющиеся в памяти читателя или зрителя именно как реальные люди со своими индивидуальными чертами, голосом, походкой, жестами, складом речи, ходом мысли; но в то же время они — бригадир и брига-

дирша, советник и советница, плохо воспитанный дворянский сынок.

Фонвизин стал рисовать не просто «характеры»: скупого, тщеславного, подозрительного и т. д., а *«русские* характеры», представителей различных профессий и категорий русских людей. Пусть у него выбор действующих лиц еще очень ограничен: представитель военного сословия, его жена; представитель чиновничества, его жена, и т. д.,— но важен был самый факт перехода к художественному изучению и изображению «русских характеров», образов, созданных русской действительностью; важно было то, что от внешней характеристики русских героев, какую применял малодаровитый как художник Лукин, Фонвизин перешел к внутренней, к созданию образов, о которых современники говорили, что они «многим родня».

Переход от внешних приемов характеристики к внутренней, к раскрытию внутреннего мира героев при посредстве действия и отношений этих героев между собою — был ценнейшим завоеванием русского реалистического искусства. Это не был еще критический реализм, в полном смысле слова. Фонвизин, возможно, и не подозревал, какое огромное открытие представляет его бригадирша, результат и жертва тяжелых условий русской жизни XVIII века. Несомненно, однако, то, что Фонвизин понял зависимость между внешней, социальной обстановкой и внутренним миром своих героев. Люди, их поведение, их мысли, их поступки получили осмысление в свете «условий», в которых эти люди живут и развиваются. Поэтому в «Бригадире», хотя и скупыми чертами, но все же в меру необходимости сообщается аудитории прошлое главных действующих лиц: мы знаем и краткую биографию бригадира, и его жены, и их сына, и советника, и Добролюбова, и Софьи; одна только советница проходит без каких-либо биографических приурочиваний, но и за ней чувствуется нехитрая биография молодой, небогатой дворянки, польстившейся на пожилого богатого чиновника, сколотившего взятками значительное состояние.

В «Бригадире» есть еще одна важная черта, обогатившая русскую «обличительную» комедию. При видимом уважении к верховной власти, ее установлениям и мероприятиям Фонвизин очень смело и недвусмысленно показывает, что внутренняя политика Екатерины терпит поражение. Положительный герой комедии, Добролюбов, добивается справедливого решения по делу о своем имении, незаконно у него отнятом, и нигде, от самой низшей до самой высшей судебной инстанции, ему не удается получить удовлетворения, и, только обратившись к «вышней власти», к «вышнему правительству», то есть к Екатерине, он получает справедливое решение дела. Но такой «благопо-

лучный» исход равносилен признанию полнейшей бесполезности «вышнего правительства»: если в каждом конкретном случае нужно обращаться к самой императрице, значит, государственный аппарат работает неудовлетворительно, и похвалы справедливости Екатерины являются скорее насмешкою над ее уверениями об искоренении взяточничества, обманов и непорядочности чиновников.

Так и поняли дальновидные современники комедию Фонвизина и соответствующим образом отнеслись к ее автору: Н. И. Панин, возглавлявший либерально-дворянскую оппозицию против Екатерины и состоявший в то же время руководителем Коллегии иностранных дел, привлек Фонвизина к сотрудничеству в качестве своего личного секретаря, не предполагая даже, что социальные и политические взгляды молодого писателя значительно прогрессивнее его собственных.

В «Бригадире», таким образом, наметилась Фонвизиным линия борьбы с Екатериной, борьбы не прямой и непосредственной, а, так сказать, косвенной, смысл которой становится ясным только при помещении комедии в историческую обстановку времени ее возникновения. Фонвизин разоблачает фальшь и ложь екатерининских уверений о благоденстве подданных тем, что заставляет этих подданных получать полагающееся им по закону только из рук самой императрицы, бессильной воздействовать на развращенный государственный аппарат, не желающий исполнять повеления верховной власти.

Политическая борьба Фонвизина с Екатериной, стремление его нарисовать подлинно русские характеры, примененный им метод обобщений — все это привело к тому, что в «Бригадире» он сделал ряд важных художнических открытий, оказавшихся очень плодотворными в дальнейшем развитии русской комедии. Наряду с социально-бытовым реализмом, проявившимся в тексте комедии во множестве разнообразных верных и живых черт современности, Фонвизин показал в «Бригадире» и черты социально-психологического реализма: рисуя бригадира, бригадиршу, советника и т. д., Фонвизин умело раскрыл психические состояния каждого из них в тот или иной момент развития сюжета пьесы, правдиво и в соответствии с характером каждого персонажа обосновал их поступки, подошел даже к показу внутренних противоречий некоторых из них, именно, у бригадирши. В этой ограниченной, запуганной женщине Фонвизин разглядел черты хорошей, простой русской души, которая могла бы в иных, благоприятных условиях быть нужной и полезной обществу; может быть, не догадываясь даже об этом, Фонвизин в лице бригадирши создал образ, являвшийся живым укором тогдаш-

ней русской жизни с ее грубостью, некультурностью, неуважением к человеку, в особенности к женщине.

Таким образом, «Бригадир» целым рядом своих особенностей оказался значительным этапом в развитии русской комедии, «обличительной» по своему характеру и политической по своим тенденциям.

Еще большей силы и политической остроты достигла вторая комедия Фонвизина «Недоросль», написанная через тринадцать лет после «Бригадира». Но о ней уместнее сказать дальше, после обзора развития русской комедии в течение 1770-х годов.

V

В конце 1760-х, в самом начале 1770-х годов зарождается в русской драматической литературе новый жанр — «комическая опера».

Возникновение этого жанра обычно ставится в прямую зависимость от гастролей в Петербурге в 1764—1768 гг. французской труппы, возглавлявшейся дирижером и композитором Рено. Однако это предположение совершенно необоснованно. Если бы первые русские комические оперы, «Анюта» М. Попова и «Мельник-колдун, обманщик и сват» А. Аблесимова, были результатом воздействия французской комической оперы, на них лежала бы печать этого воздействия, которое прежде всего отразилось бы в обязательных для этого жанра куплетах. Между тем, и в «Анюте» и в «Мельнике» не куплеты основное, а народные русские песни или песни, написанные в народном духе. Этим русские комические оперы больше связываются с народными «игрищами», где песня является обязательным составным элементом, чем с французской комической оперой.

Появление русских комических опер на рубеже 1760-х, 1770-х годов тоже связано с русской действительностью, а не со случайным фактом гастролей французской труппы Рено. (Обе были написаны до 1772 года, первая представлена в 1772, вторая в 1779 году.)

У Фонвизина в «Корионе» и у Лукина в «Моте, любовию исправленном», «Щепетильнике» и других комедиях фигурируют крестьяне, чаще как эпизодические персонажи, иногда и как одно из существенных действующих лиц. После Лукина и Фонвизина в комедию входит в качестве важной темы — тема крестьянина.

Конечно, не то, что Лукин касался положения крепостных в предпосланном «Щепетильнику» письме к Ельчанинову, имело значение для постановки крестьянской темы в комедии.

Сама жизнь, сама борьба крепостных против дворянского угнетения сыграла в проникновении в литературу и театр крестьянской темы решающую роль. Задолго до пугачевского восстания крепостные подымали протест против помещиков, не останавливаясь перед убийством последних. Екатерина знала это, и на полях рукописного «мнения» Сумарокова о ее «Наказе» против того места, где Сумароков говорит, что «ныне помещики живут покойно в вотчинах», она приписала: «и бывают отчасти зарезаны от своих [крепостных]» [1].

Крестьянские волнения в 1760-е годы вызвали резкие меры екатерининского правительства, включая знаменитый указ 1767 года о запрещении крепостным подавать жалобы на своих владельцев под угрозой ссылки в Сибирь. Созванная в 1767 году Комиссия для сочинения проекта Нового уложения стала местом яростных споров между крепостниками, требовавшими усиления крепостного принципа, и демократическими депутатами, стоявшими за постепенное уничтожение крепостного права. Сатирическая журналистика 1769—1772 гг. в своей передовой части также отстаивала в той или иной форме интересы крепостной массы. В народном творчестве этих лет, в так называемом «Плаче холопов» (1768) ярко выразился протест крепостной массы.

В этом произведении безыменного народного поэта с исключительной силой отразилась и тяжелая жизнь крепостных в эти предпугачевские годы, и ненависть к помещикам, и наивная крестьянская вера в «доброго царя».

О! горе нам, холопем, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить!
А хотя кто и служит — так, как острая коса,
Видит милость — и то, как утренняя роса.
О! горе нам, холопем, от господ и бедство!
А когда прогневишь их, так отымут и отцовское наследство.
Что в свете человеку хуже сей напасти?
Что мы сами наживем — и в том нам нет власти.
Пройди всю подселенную — нет такого житья мерзкого!
Разве нам просить на помощь Александра Невского?

Далее поэт переходит к характеристике взаимоотношений дворян и крепостных, откликаясь на самые злободневные факты русской действительности второй половины 1760-х годов:

---

[1] Сборник Русского исторического общества, 1872, т. X, стр. 85—86.

Боярин умертвит слугу, как мерина,
Холопьему доносу и в том верить не велено.
Неправедны суды составили указ,
Чтоб сечь кнутом тирански зато нас.
В свою ныне пользу законы переменяют:
Холопей в депутаты затем не выбирают,
Что могут-де холопы там говорить?
Отдали б им волю [стали б] до смерти нас морить...

Таким образом, настроения крепостных (не следует забывать, что через несколько лет, в 1773 году, вспыхнуло восстание Пугачева) отразились и в публицистике, в речах и письменных «мнениях» депутатов Комиссии, и в журналистике, и в народном творчестве, и поэтому неудивительно, что именно около этого времени появляются первые русские комические оперы антидворянского характера.

«Анюта» М. И. Попова по времени наиболее ранняя русская комическая опера. По своему содержанию она близка к постановке крепостной темы в сатирических журналах Новикова и Сичкарева. Не случайно (хотя и неверно) довольно долго именно Попову приписывались некоторые, наиболее антикрепостнические произведения в «Трутне» (1769) и «Живописце» (1772) Новикова. Однако пьеса Попова противоречива, в ней борются две тенденции: с одной стороны, с самого начала комической оперы автор показывает исключительно трудные и изнуряющие условия крестьянской жизни; с другой стороны, Попов изображает дворян благородными, тонко чувствующими, культурными, а крепостных жадными, лишенными элементарных человеческих чувств, при виде денег забывающими свои обиды и даже готовность отомстить; крестьяне даже говорят грубым и не всегда понятным языком в отличие от изящной речи дворян.

Однако даже если найти объяснение противоречий «Анюты» в том, что Попов хочет показать, как крепостное право искажает психологию крепостных, как оно вытравляет из них даже естественное стремление протеста, остается еще одно, уже не устранимое противоречие в пьесе, именно проповедываемая автором мораль смирения и покорности, мораль довольства своим положением и отказа от протеста против этого положения; эту мораль Попов сформулировал в куплетцах, заключающих «Анюту»:

Всех счастливей в свете тот,
Кто своей доволен частью.

Но следует ли из-за этого считать, что Попов осуждает песню Мирона, открывающую комическую оперу и с первых же тактов ее произносящую приговор над крепостными порядками? Такие суждения об «Анюте» Попова были бы совершенно неправильными.

Эта комическая опера не идиллия, в которой сглажены противоречия интересов крепостной массы и помещиков. «Анюта» тем ценна, что Попов, может быть, и против своего желания, объективно отразил настроения крепостных со всеми их противоречиями. При оценке пьесы Попова нельзя смешивать его субъективное, личное отношение к проблеме взаимоотношений крепостных и помещиков и объективное отражение в его комической опере реально существовавших противоречий в социальной жизни екатерининской крепостной России, непосредственно перед восстанием Пугачева.

Поэтому какими сусальными куплетцами ни кончалась бы «Анюта», объективно важное значение имеет то, что Попов заставляет крепостного Мирона петь песню, в которой отразилась ненависть крепостной массы к дворянину-помещику:

Охти, охти, хресьяне!
Зачем вы не дворяне?
Вы сахар бы зобали
Так, словно как бы лед,
И пили бы вы мед,
Да деньги огрёбали
Из рода в род и род:
Лежали б на печи,
Да ели колачи,
Про вас бы роботали,
А вы бы лишь мотали...
Боярская забота —
Пить, есть, гулять и спать,
И вся их в том работа,
Штоб деньги огрёбать.
Мужик сушись, крушиса,
Потей и работай,
И после хоть взбесиса,
А денежки давай...
Вот наша жизнь какая,
Проклятая! благая [1]!

Характеризует Попов также и отношение крепостных к екатерининской администрации, к ее постоянным вымогательствам

[1] Благая — сумасшедшая. Благой — отчаянный (ср. «кричать благим матом»).

и притеснениям крестьянской массы. В этом смысле особенно важна сцена, опять-таки помещенная автором в самое начало «Анюты», где батрак Филат рассказывает Мирону о сходе крестьян, созванном старостой для организации складчины. Происходит такой диалог:

Мирон

Да на што жо ёму и экая складчина?

Филат

Слышь, у подьячова жона родила сына.

Мирон

Неушто и робя приносы уж берет!
Полно; не староста ль в карман себе дерет?

Филат

Нет, пра, сте, на поклон: подьячому на кстины,
А жонке на родины.

Мирон

Да што жо много так?

Филат

Ему ведь пять рублей;
А досталь на харчи, да на других судей.
Ефрем боло судил и гроша не давати:
За што де за это нам деньги им совати,
Што множитца в Руси их злой кропивный род?
Какой дескат от них нам добрым людям плод,
Ведь только де они бумагу лишь морают,
Да взятки и с живых, и с мертвых собирают.

Мирон

Нешто ведь, побери их прах!
Они охальники,
Еретики,
И бусорманы,
Так словно как Цыганы,
Сжирают весь наш хлеб, вгоняя бедных в страх.
Хресьянскоё житье и плохо, и убого...

Хотя Попов в конце пьесы заставляет батрака Филата помириться с потерей обещанной ему Анюты и радоваться полученным от дворянина Виктора тридцати рублям, однако в ушах читателя и зрителя не могут не звучать произнесенные в ответ на угрозу Виктора:

Платить приготовляйся,
Ты дерзость головой,—

более ранние слова того же Филата:

Смотри поберегайса
Того же и с собой.
Да петь [1] и помни то, што такжо и хресьяне
Умеют за себя стоять, как и дворяне.

Наконец, не следует упускать из виду еще одного существенного обстоятельства: «Анюта» была исполнена в первый раз летом 1772 года на сцене Придворного театра в Царском селе в присутствии Екатерины и двора; возможно, что «благополучный», хотя и противоречащий началу комической оперы эпилог был приделан автором именно по этой причине, а затем печаталась пьеса в этой измененной, а не первоначальной редакции.

Однако пьеса М. Попова все же настолько противоречива, что у читателя невольно остается от нее двойственное впечатление, впечатление какой-то недоделанности, недоговоренности, даже реакционности: не то автор убоялся слишком смело нарисованной им картины настроений крепостной массы и путем разных — и явно неудачных — оговорок попытался смягчить первую часть пьесы, не то он действительно был солидарен с крепостниками.

Эта идейно-художественная слабость «Анюты» чрезвычайно снижает ее значение как исторического свидетельства настроений крепостной массы непосредственно перед началом восстания Пугачева.

«Мельник — колдун, обманщик и сват» Аблесимова лишен тех бросающихся в глаза противоречий, которые делают столь спорной «Анюту» Попова. В комической опере Аблесимова склонны видеть простую, немудреную шутку: отец-крепостной хочет выдать свою дочь за крестьянина, мать, происходящая из дворян, желает выдать свою дочь за дворянина, а сама девушка любит однодворца, свободного крестьянина, и ловкий мельник, слывущий в деревне колдуном, к общему удовольствию устраивает брак однодворца Филимона с Анютой, разъяснив родителям невесты, что однодворец —

Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам и пашет, сам орет
И с крестьян оброк берет.

---

[1] Петь, пить — частица, соответствующая междометию «ведь».

Этот несложный сюжет «Мельника» вводил читателей и даже критику в заблуждение. Белинский видел в «Мельнике» «народный водевиль», советские литературоведы считают, что фабула «Мельника» представляет род веселого анекдота. С этим едва ли следует согласиться, и вот почему.

Пьеса Аблесимова вовсе не лишена социальных моментов. Во втором действии впервые появляется на сцене Анкудин, отец Анюты; остановив лошадь, он подходит к оркестру и обращается к публике со следующими словами: «что, барям — то рай жить, хоть раз бы пожил так, как они да полно што не́кошная [1] живет и их доля, бывает и им хлопот полон рот, а нашему брату, чего не видя, заботы меньше: пропадай оно, не хочу быть в барях!»

Если вспомнить, что комическая опера Аблесимова была написана до 1772 года, а издана только в 1779 году, после подавления пугачевского восстания, когда касаться крестьянской темы можно было в очень осторожной форме, то приведенная выше цитата станет понятна, как обломок когда-то более подробно развитой темы, очевидно трактованной в тонах, близких к аналогичным рассуждениям и песне Мирона в «Анюте». Нам ясно, что существующая редакция «Мельника» представляет переработку ранней, более острой и потребовавшей приглушения перед отдачей в печать.

Однако и в своем теперешнем виде «Мельник» не просто веселый анекдот. Это пьеса об идеалах крепостного крестьянства: нет помещиков, нет и крепостных, не на кого крестьянам работать, кроме самих себя, некому платить оброк, потому что однодворец — «сам боярин, сам холоп, и с крестьян (то есть с самого себя) оброк берет».

«Анюта» Попова и «Мельник» Аблесимова — первая несмотря на свою противоречивость — положили начало русской комической опере демократического направления.

По другому пути пошли либералы-дворяне Н. П. Николев («Розана и Любим», 1776) и Я. Б. Княжнин («Несчастье от кареты», 1779); тяжелое положение крепостных объясняется в их пьесах необдуманными поступками хорошего дворянина в одном случае и испорченным воспитанием помещиков-галломанов в другом. Видеть в этих комических операх серьезное стремление помочь крепостным было бы неправильно. В лучшем случае авторы ставили своей целью морально воздействовать на дурных помещиков, чтобы устранить слишком уж резкие формы эксплоатации крепостных, как насильный увоз красивой Розаны или продажа крепостных для покупки заграничной кареты.

---

[1] Не́кошный — поганый, нечистый, дурной.

В основном комическая опера в России в XVIII веке была жанром с крестьянской тематикой. Однако почти одновременно с либерально-дворянскими комическими операми Николева, Княжнина, Хераскова («Добрые солдаты», 1779) появляется и комическая опера с купеческой темой — «Санкт-Петербургский гостиный двор» М. Матинского (1781). По существу это продолжение знакомого нам «обличительного» направления русской комедии 1760-х, начала 1770-х годов в применении к купеческой среде, ранее почти не нашедшей отражения в драматической литературе. С комическими операми демократического направления пьесу Матинского роднит обилие фольклорного материала, живой народный язык, этнографическая порой бытопись. Однако идейная направленность «Санкт-Петербургского гостиного двора» не столь прогрессивна, как например у пьесы Аблесимова; Матинский хотя и осмеивает купца Сквалыгина и подьячего Крючкодея, однако целью его пьесы является воспитание честных и порядочных купцов, а отнюдь не критика буржуазии в целом. Но уже одно то, что автор придерживался программы «обличительного» направления, устремляя свое внимание и острие своей сатиры на отрицательные явления русской действительности, позволило ему создать произведение, сыгравшее заметную роль в развитии реалистической, передовой русской комедии. Комическая опера Матинского выдержала в течение 1790-х годов три издания, чем похвалиться могли немногие авторы и пьесы: таким успехом пользовались только произведения, отвечавшие вкусам демократических читателей.

Комическая опера Матинского имела еще и то значение, что она больше чем какая-либо другая русская пьеса XVIII века разработала тему народного театра о жадном, не брезгующем никаким «прибытком» купчине. Пьеса Матинского, посвященная изображению купеческого мира, расширила социальный охват русской комедии XVIII века, присоединив к ранее наметившимся «русским характерам» — помещика, неслужащего столичного дворянина, чиновника, крепостного,— еще тот значительный слой общества, который становился все более и более заметным в социальной жизни.

VI

Активизация прогрессивных группировок русского общества в конце 1760-х, начале 1770-х годов, связанная с крестьянскими настроениями и выразившаяся в Комиссии 1767 года, в сатирической журналистике и в появлении «обличительной» комедии, заставила реакцию во главе с Екатериной II мобилизовать свои силы, в том числе и на поприще драматической литературы.

Потерпев фиаско на арене журнальной деятельности, Екатерина пишет в 1771—1772 гг. ряд сатирических комедий, обращенных против «критикующих» и «недовольных»,— «О время!», «Именины г-жи Ворчалкиной», «Госпожа Вестникова с семьей», «Передняя знатного барина», «Невеста-невидимка». Этим самым Екатерина положила начало «реакционно-охранительному» направлению. Кроме нее, в этом же духе писал видный консервативный дворянский деятель, Д. В. Волков, которому принадлежит прославляющая старинные дворянско-монархические добродетели малоталантливая комедия «Воспитание». Пьесы других сторонников Екатерины были еще менее интересны.

Как комедии Екатерины, так и пьесы ее приближенных были настолько малохудожественны, что никак не могли пойти в сравнение с «обличительными» комедиями Фонвизина («Бригадир»), Веревкина («Так и должно»), Л. Т. [атищева] («Свадьба г-на Промоталова») и др.

Екатерина начала бороться с комедиями теми же средствами, что и с сатирической журналистикой 1769—1774 гг.,— она стала действовать с помощью цензурных притеснений. Разразившееся в 1773—1774 гг. восстание Пугачева еще более усилило цензурные гонения против передовой литературы, так что в течение 1770-х годов почти не появляется сколько-нибудь крупных комедий передового характера.

Лишь в начале 1780-х годов вновь подымается волна прогрессивной русской литературы, в том числе и комедийной. Лучшие произведения в области комедии, написанные или напечатанные в 1781—1785 гг.,— «Недоросль» Фонвизина, «Злоумный» неизвестного автора, «Точь в точь» Веревкина, «Фомушка, бабушкин внучек» П. Кропотова, «Судейские именины» И. Соколова — не ограничиваются уже «обличительством», они затрагивают коренные вопросы русской действительности того времени,— роль двора, то есть Екатерины, в тяжелом состоянии России, политическое устройство страны, безграничный произвол крепостников, наглое взяточничество судейских чиновников, полнейшую неспособность провинциальной администрации управлять порученной ей территорией и т. д. Прежнее «обличительное» направление перерастает в «сатирико-политическое», объекты комедийного осмеяния становятся важнее и серьезнее, тон пьес делается более решительным, они звучат возмужало и веско.

Во главе этой группы комедий стоит великая комедия Фонвизина «Недоросль».

Чем объяснить тот несомненный факт, что именно в начале 1780-х годов вновь заметно активизировалась передовая русская литература и театр, что около этого времени политическая мысль в России сделала значительные шаги вперед?

Время после подавления народного движения, возглавлявшегося Пугачевым, было ознаменовано рядом важных моментов в истории России. Это период наибольшего расцвета и укрепления крепостничества. В 1775 году Екатерина издает «Учреждения для управления губерний», представлявшие юридическое оформление дворянской диктатуры; через десять лет «Жалованная грамота российскому дворянству» окончательно делает дворянство классом, обладающим правами и не имеющим обязанностей: дворянин может служить и не служить, и в то же время крепостное право доводится до самых возмутительных форм.

Период после 1775 года представляет также время максимального разгула фаворитизма. За десятилетие с 1775 по 1785 год у Екатерины сменилось семь фаворитов, которым императрица щедро раздавала огромные денежные подарки за счет казны и отписывала тысячи крепостных крестьян и сотни деревень. За это десятилетие Екатерина подарила своим «любимцам» свыше 300 тысяч крестьян, а за все свое царствование она «высочайше пожаловала» разным лицам 800 тысяч крепостных душ.

Все это сопровождалось невероятным казнокрадством и взяточничеством. «От канцлера до последнего протоколиста,— писал Пушкин в «Заметках по истории XVIII века»,— все крало и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила свое государство».

Расцвет фаворитизма, казнокрадства, упадок нравственности при дворе и в высших дворянских кругах вызвали в передовой части общества возмущение, негодование и желание бороться с язвами, разъедавшими государство. Именно этим и объясняется новый подъем «обличительной» литературы, появление сатирических комедий и публицистических и исторических произведений, проникнутых резкой критикой внутренней политики и поведения Екатерины как личности.

Когда Пушкин писал: «Таким образом развратная государыня развратила свое государство», это не было его личным выводом из известных ему исторических фактов; в то время (1821 год) было еще очень мало опубликовано секретных документов екатерининского царствования, не было еще в печати мемуаров людей второй половины XVIII века, не существовало научных исторических обзоров деятельности Екатерины. Зато многое Пушкин знал от живых свидетелей царствования «Тартюфа в юбке и короне», как поэт назвал Екатерину; ему были известны и неизданные рукописные памфлеты и публицистические трактаты предшествующего периода. Поэтому нет никаких сомнений, что формулу: «Таким образом развратная государыня развратила свое государство», поэт воспринял (и осознал),

вместе с фактическим материалом, от передовых людей екатерининского века.

В самом деле, мысль о том, что от поведения государя зависит поведение подданных, неоднократно высказывалась противниками Екатерины с 1770-х годов, начиная с Сумарокова и Новикова. Во второй половине 1780-х годов даже такой консервативный писатель, как кн. М. М. Щербатов в своем памфлете «О повреждении нравов в России» на множестве конкретных фактов из скандальной хроники екатерининского царствования доказывал мысль, что развращение общества при Екатерине являлось следствием «умоначертания двора», поведения Екатерины.

Несколько раньше ту же мысль высказал Д. И. Фонвизин в «Рассуждении о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления и оттого о зыблемом состоянии как империи, так и самих государей». В этом «Рассуждении», написанном Фонвизиным по поручению его начальника Н. И. Панина, в развитие некоторых указаний последнего (почему оно носит обычно название «Завещание Панина»), Фонвизин проводит следующую мысль: «Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или к пороку. Все на него смотрят, и сияние, окружающее государя, освещает его с головы до ног всему народу... Быть узнану есть необходимая судьбина государей... Он, став узнан своею нациею, становится тотчас образцом ее. Государь — добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния».

То, что публицисты разных политических лагерей, критикуя Екатерину, говорили в своих памфлетах и трактатах, сатирики-комедиографы воплощали в художественных образах. Полнее всего сказалась эта политическая установка комедий тех лет в «Недоросле» Фонвизина.

На первый взгляд «Недоросль» кажется сатирико-бытовой комедией. Перед нами проходит ряд сцен в помещичьем доме Простаковых: семейные отношения, вопросы воспитания, отношения помещиков и крепостных, нравственные понятия действующих лиц — вот что на первый, повторяем, взгляд бросается в глаза при знакомстве с пьесой. Однако наряду с этой конкретной бытописью автор вводит в комедию резко выраженную политическую проповедь, как будто не связанную с основной фабулой «Недоросля», но, на самом деле, представляющую ее идеологический комментарий, позволяющий осмыслить комедию

как документ политической борьбы, как явление политической сатиры.

Выразителем идеологической позиции Фонвизина в «Недоросле» является Стародум. Однако может показаться непонятным, почему столь важное в идейном замысле пьесы действующее лицо выходит на сцену только в третьем акте. На самом деле в этой кажущейся несообразности есть серьезный и глубокий смысл. В двух первых действиях Простаковы и Скотинины достаточно показали себя и в статическом, так сказать, состоянии, до того, как стало известно, что Софья из бедной, лишней в доме родственницы превратилась в богатую невесту, наследницу Стародума, и в состоянии динамическом, в состоянии возбуждения, вызванном тем, что изменение в положении Софьи нарушило планы Простаковых и увеличило желание Скотинина жениться на богатой наследнице Стародума.

Первые два действия «Недоросля» показывают Простакову, фактически главное действующее лицо комедии, и как жену, тиранящую своего мужа, превратившую его в запуганное, безличное существо, и как мать, портящую сына своим возмутительным воспитанием, и, наконец, как хозяйку-помещицу, деспотически обращающуюся с дворовыми крепостными и мимоходом сообщающую, что «все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем».

То, что Фонвизин в ходе первых двух актов сообщает нам о семействе Простаковых, дополняется характеристикой, вложенной драматургом в уста положительного персонажа, Правдина: «Я живу здесь уже три дни. Нашел помещика-дурака бессчетного; а жену — презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома».

Чем же вызвано это «несчастье целого дома»? Что позволяет «презлой фурии» Простаковой проявлять свой «адский нрав»? На эти именно вопросы и отвечает Стародум своими рассуждениями, которые, на первый взгляд, не имеют как будто отношения к происходящему на сцене, но которые на самом деле освещают эти факты и поступки.

Стародум с первого своего появления в пьесе вносит в сферу бытописи острый и громко звучащий элемент злободневной публицистичности. Буквально первые же его реплики, порывистые, резкие, оригинальные, нарушают привычную для русской комедии предшествующего периода бытовую направленность сатиры и переводят ее в открытую политическую борьбу с екатерининской идеологией. Вся речь Стародума в первом явлении с ее лейтмотивом: «при Петре Великом», «тогда», «по-тогдашнему», каждая его фраза, противопоставляющая неприемлемую, порицаемую современность идеализованному прошлому, его негодую-

щая, искренне взволнованная характеристика придворных нравов, его язвительные афоризмы, умные и злые сравнения,— все это мастерски, виртуозно подготовляет аудиторию к окончательному выводу: двор (то есть верховная власть) — «больной неисцельно», «тут врач не пособит, разве сам заразится».

Иными словами, первая сцена с участием Стародума, лишенная действия, сплошь состоящая из разговоров, характеризующих взгляды Стародума, должна внушить читателю или зрителю мысль о том, что Екатерина («двор» это только цензурная замена слов «государь», «Екатерина») ответственна за то положение, которое создалось в стране.

Из последующих сцен особенно важна беседа Стародума с Софьей в четвертом действии, посвященная на первый взгляд только теме воспитания, по существу же продолжающая развивать идеи, затронутые в первом разговоре Стародума с Правдиным. Здесь опять фигурируют понятия «двор», «придворные», «знатный, но недостойный господин»; снова — совершенно прямые намеки на Екатерину, любившую, чтобы ее называли «философом на троне». Очевидно именно это имеет в виду Стародум, когда говорит Софье: «Я боюсь для вас нынешних мудрецов», и хотя он сразу же после этих слов прибавляет, что ему «случилось читать из них все то, что переведено по-русски», можно не сомневаться, что добавление это сделано было из тактических соображений. Особенно неприкрытым намеком на Екатерину является то место беседы Стародума и Софьи, где Стародум дает оценку уму: «Ум, коль он только что ум, самая безделица. С пребеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену ему дает благонравие. Без него умный человек — чудовище».

И уже прямо, без намеков говорит Стародум о Екатерине во второй своей беседе с Правдиным (в первом явлении пятого действия). Впрочем, и здесь фразы построены так, что на первый взгляд они могут показаться даже комплиментами Екатерине, но при внимательном чтении становится очевидной их умная, чисто фонвизинская лукавость.

Стародум. Слушай, друг мой! Великий государь есть государь премудрый. Его дело показать людям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, который плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданых. Мы это видим своими глазами.

Правдин. Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать...

Стародум. А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться!

И ниже:

Правдин. Несчастиям людским, конечно, причиною собственное их развращение; но способы сделать людей добрыми..

Стародум. Они в руках государя. Как скоро все видят, что без благонравия никто не может выйти в люди; что ни подлой выслугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбираются для мест, а не места похищаются людьми, тогда всякий находит свою выгоду быть благонравным и всякий хорош становится.

Правдин. Справедливо. Великий государь дает...

Стародум. Милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин... я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих, благонравие.

Итак, «великий государь» — это не Екатерина, не «больной неисцельно», к которому звать врача уже нет смысла.

Высказывания Стародума тесно связаны с кругом идей одновременно написанного Фонвизиным «Завещания Панина»: государь, «став узнан своею нациею, становится тотчас образцом ее... Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом запрещает каждому выходить из мер своего состояния... Одно благонравие государя образует благонравие народа».

Каков же в таком случае смысл пьесы? Если «способы сделать людей добрыми... в руках государя», если «одно благонравие государя образует благонравие народа», так как надо понимать последнюю реплику Стародума, адресованную Простаковой: «Вот злонравия достойные плоды!»?

Не остается сомнения в том, что в злонравии Простаковой автор винит злонравную Екатерину и что наличие противопоставления: «государь — добрый муж, добрый отец, добрый хозяин» («Завещание Панина») и «с пребеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан» («Недоросль», д. IV, явл. 2) не случайное, а преднамеренное, сознательное, подчеркнутое.

Не остается сомнения и в том, что Фонвизин из правильного художнического расчета сперва показал в первых двух действиях Простакову как жену, мать и хозяйку-гражданку, а затем уже ввел в действие Стародума, воззрения которого раскрывают политический смысл казалось бы сатирико-бытовой комедии.

С давних времен принято говорить о том, что в «Недоросле» «действующие лица преутомительно толкуют о нравственности и прочем» (Греч), что «эта часть не идет к делу» (Вяземский)

и что поэтому «в представлении многое выкидывается из роли Стародума» (он же). Объясняется это мнение, конечно, тем, что в целях приглушения политического, антиекатерининского звучания пьесы из «Недоросля» стали исключать наиболее резкие места, мотивируя это их утомительностью, а затем, когда политическая злободневность комедии была забыта, мнение о «скучности» роли Стародума в результате традиции очень упрочилось.

Между тем, по свидетельству современников, отношение первых зрителей к Стародуму и его морально-политической проповеди было совсем иным. Вот что сообщает один из писателей первой половины XIX века: «Карамзин, бывший в первом представлении «Недоросля», сказывал мне, что сцены комические возбуждали в зрителях мимолетный смех, а сериозные обращали на себя все внимание публики, которая в то время любила такие разглагольствия на сцене, если они были наполнены колкими замечаниями на светские обычаи и слабости того времени».

Что это, как не завуалированное признание того, что «все внимание публики» обращали на себя стародумовские резкие обвинения Екатерины в ответственности за общественное «злонравие»?

Таким образом, «Недоросль» оказался первой русской сатирико-политической комедией и положил начало великой традиции, вершинами которой являются «Горе от ума» и «Ревизор».

В «Недоросле», помимо только что отмеченной важнейшей стороны, есть и другие большие художественные достижения. По сравнению с «Бригадиром», в котором Фонвизин только вступил на путь создания «русских характеров», то есть типов русских людей, возникающих в результате социальной обстановки, «условий», галлерея живых образов чрезвычайно разрослась и достигла исключительной силы. В «Бригадире» было всего семь действующих лиц, в «Недоросле» их почти вдвое больше — тринадцать. Социальный охват в первой комедии Фонвизина значительно у́же, чем во второй: в первой действующие лица — служилые дворяне в отставке, в «Недоросле» — и помещики, и служилые дворяне, и крепостные, и разночинцы, вроде учителей Митрофанушки. В «Недоросле» Фонвизин достигает еще большей силы в изображении психологического реализма (Простакова, Еремеевна, Митрофанушка, Скотинин, Стародум, Софья, Простаков, Тришка, Кутейкин, Цыфиркин, Вральман). Реализм в «Недоросле» настолько естествен и органичен, что в этой пьесе труднее найти черты так называемого «классицизма», чем реализма: перед нами не «характеры-схемы» — «злая», «грубый», «благородный», «робкий», «дурновоспитанный» и т. д., а типические обобщения дворянского общества того

времени, а также и представителей других классов крепостнического государства.

Зрелость художественного мастерства Фонвизина сказалась в «Недоросле» и в динамичности пьесы, в том, что в ней комическое действие заменило прежние комические разговоры, которыми изобиловал «Бригадир». Многие сцены «Недоросля» полны неподдельного, высокого комизма; таковы, например, эпизоды с Тришкой (примерка кафтана), с учителями, ссора Еремеевны и Митрофана со Скотининым и т. д.

Подобно тому как в «Бригадире» образ бригадирши оказался много ёмче и человечнее первоначального — специально комического — задания автора, благодаря глубокой правдивости, с которой он был нарисован, так в «Недоросле» образ Простаковой вырос в обобщение большой, трагической силы. Простакова не просто отвратительна и отталкивающа из-за своей злости, жестокости, жадности, низости, животности; она страшна, и в то же время на ней лежит печать обреченности: ее бесчеловечность — порождение того самого крепостного права, которым она беспредельно пользуется, которое, давая ей силу, одновременно и губит ее. Это прекрасно заметил М. Горький в своей «Истории русской литературы»: «Недоросль»,— писал он,— является крупным шагом вперед: до этой комедии литература занималась исключительно обличением невежества, взяточничества, ложного внешнего образования; в «Недоросле» впервые выведено на свет и на сцену растлевающее значение крепостного права и его влияние на дворянство, духовно погубленное, выродившееся именно рабством крестьян».

М. Горький, относясь достаточно критически к размерам и характеру дарования Фонвизина, все же признает его громадные заслуги перед русской литературой: «Фонвизиным,— писал он дальше в той же «Истории русской литературы»,— начата великолепнейшая и, может быть, наиболее социально плодотворная линия русской литературы — линия обличительно-реалистическая... По пути, проложенному Фонвизиным, пойдут такие крупные люди, как Крылов, Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Щедрин, Лермонтов, Писемский, Слепцов, Г. Успенский — до Чехова...»

Характеризуя направление творчества Фонвизина как обличительно-реалистическое, М. Горький отмечал одну только, правда, важнейшую сторону; мы видим, что в условиях социальной борьбы последней трети XVIII века «Недоросль» представлял не просто обличительное произведение, обращенное против злоупотреблений крепостного права, это была серьезная, продуманная борьба с самодержавием, не с принципом самодержавия как таковым (на этот путь мог в XVIII веке встать

только А. Н. Радищев и, как будет показано ниже, И. А. Крылов), а с самодержавием Екатерины и екатерининского типа. В тогдашних условиях это было чрезвычайно важно и прогрессивно, и здесь уместно напомнить слова Горького из той же «Истории русской литературы»: «Конечно, мы должны признать известную историческую последовательность в развитии идеи, признать тот факт, что человеку не дано законами природы прыгать выше своей головы. Все это так,— но, с другой стороны, мы должны, по мере сил, правильно оценивать организующие свойства той или иной идеи — степень объективизма каждой из них: т. е., иными словами, рассмотреть — выходит ли данная идея за пределы всегда своекорыстной узкой классовой точки зрения, вмещает ли она в себе весь опыт класса в данную эпоху и плюс еще нечто, уже охватывающее интересы всех классов?»

Сатирико-политическое антиекатерининское направление в русской комедии, основанное Фонвизиным, как раз и было реализацией той идеи, которая, говоря словами Горького, представляла «плюс нечто, уже охватывающее интересы всех классов». «Недоросль» потому и имел такое громадное общественное значение (даже без политической проповеди Стародума, почти опускавшейся при постановках комедии на сцене), что пьеса Фонвизина показывала гнилость, аморальность и обреченность крепостнического принципа и поддерживавшего его царизма. Именно эта прогрессивная идея, лежащая в основе пьесы, сделала «Недоросля», по словам Пушкина, «истинно народной комедией».

«Недоросль» отразил недовольство широких — и в первую очередь народных — кругов русского общества самодержавно-крепостническим разгулом, и это сделало комедию Фонвизина не только выдающимся документом литературы начала 1780-х годов, но и всей классической, то есть передовой русской литературы вообще.

VII

Мы отмечали уже выше, что, и помимо Фонвизина, в комедии начала 1780-х годов отразилось это резко критическое отношение к екатерининской современности. Придворный актер И. Я. Соколов, который замечателен тем, что пытался организовать первую «забастовку» среди русских актеров, издает в 1781 году комедию «Судейские именины», в которой обличение взяточничества чиновников тесно переплетается с борьбой с крепостным правом. В том же 1781 году была написана анонимная комедия «Злоумный» (напечатанная лишь в 1787 году); в ней неизвестный автор с исключительной смелостью нападает на екатерининский

фаворитизм, превратившийся в молчаливо признанную «политическую систему».

Таковы были пьесы, писавшиеся одновременно с «Недорослем». После напечатания этой комедии появляется ряд пьес, представляющих в определенном смысле «школу Фонвизина». Это в первую очередь комедия П. А. Кропотова «Фомушка, бабушкин внучек» (1785), в которой герою пьесы, невежественному Фомушке Слюняеву, варианту Митрофана Простакова, противопоставляется умный, образованный и хорошо воспитанный лейтенант Остромыслов. Автор заставляет благородного графа Чистосердова, после нескольких официальных комплиментов «славным узаконениям» Екатерины, подвергнуть суровой критике не частные отклонения в применении законов в екатерининской России, а самую организацию судебного дела. Идея произведения выражена в словах графа: «Правительство думает, что везде все хорошо, а напротив того — дурно» (д. II, явл. 2).

П. А. Кропотов не ограничивается одной только критикой судебных непорядков. Он заставляет графа Чистосердова расспрашивать лейтенанта Остромыслова о политическом устройстве стран, посещенных моряком во время плавания. Последний подробно останавливается на характеристике республиканского строя Голландии, а затем, перечислив другие страны и бегло обрисовав их политическое устройство, завершает свой рассказ характеристикой Турции, как «государства деспотизма или господственного, то есть государь без законов, затем что может всякой час их переменить, не требуя общего совета». Так характеризуя государственное устройство Турции, как государства без гарантированных законами прав граждан, Кропотов наталкивал зрителя и читателя на неизбежное сопоставление с екатерининской Россией, и сатирико-бытовая комедия «Фомушка, бабушкин внучек» естественно оказывалась комедией сатирико-политической, в духе «Недоросля».

Такой же сатирико-политический характер имеет вторая комедия старого соратника Фонвизина, в свое время (в конце 1750-х годов) его наставника по Московскому университету, М. И. Веревкина. Комедия эта носит название «Точь в точь» и была, по указанию автора, написана в 1774 году, по свежим следам изображенных в ней фактов. Это мелодраматическая история одной провинциальной дворянки, попавшей в руки пугачевцев и насильно сделанной женой одного из предводителей пугачевских отрядов. Однако суть пьесы не в этой мелодраматической фабуле, а в строгом, беспощадно правдивом показе абсолютной непригодности провинциальной администрации, ее неспособности, ее хищничества, совершенной дикости и кретинизма провинциальных дворян-помещиков, варварской расправы с усмиряемыми

повстанцами. Самое название «Точь в точь» относится не только к точности передачи истории Пульхерии Трусицкой, но и к верности изображения русской провинциальной жизни 1770-х, 1780-х годов. Комедией «Точь в точь» Веревкин по-своему пытается объяснить и пугачевское восстание, и положение России в 1780-е годы.

В большей мере, чем «Точь в точь», примыкают к «школе Фонвизина» А. Д. Копьев, автор «Обращенного мизантропа, или Лебедянской ярмонки» (1794) и В. В. Капнист, которому принадлежит одна из крупнейших русских комедий между «Недорослем» и «Горем от ума» — «Ябеда».

Комедия Копьева, одного из остроумнейших и своеобразнейших русских людей конца XVIII, начала XIX века (1767—1846), даже внешне связана с «Недорослем» Фонвизина: героем пьесы, по крайней мере, по замыслу автора, является знакомый нам по комедии Фонвизина Правдин, ставший «мизантропом» по мере большего знакомства с жизнью и людьми; подлинные герои «Лебедянской ярмонки», помещик Гур Филатач и его семья, оказываются в родстве с Простаковыми, которые доводятся Гуру дядей и теткой, а не раз упоминаемый в пьесе Митрофан — двоюродным братом; няня Митрофана, Еремеевна также фигурирует в комедии Копьева, но уже в качестве профессиональной свахи.

Пьеса Копьева — произведение сложное, противоречивое и очень интересное. В ней борются две тенденции: с одной стороны, реакционная — через всю комедию проводится мысль, что все несчастия людей — и в индивидуальном, и в семейном, и в общественном, и в государственном аспекте — являются следствием неумения правильно использовать «волю», свободу: отсюда рождается и дикое своевольство Гур Филатачей и невежественных буянов, провинциальных сердцеедов Затейкиных, и «губительное своеволие французской нации», свергнувшей монархию, и многое, многое другое.

Но, с другой стороны, Копьев проводит, помимо своей воли, и прогрессивную тенденцию: он, вслед за Фонвизиным, на другом отчасти материале, не поместного, а провинциального дворянства, изображает «злонравие» правящего класса, не умеющего разумно пользоваться «Учреждениями о губерниях» и «Жалованной грамотой российскому дворянству». Копьев показывает, к чему приводит безгранично привилегированное положение дворянства, наталкивает аудиторию на мысль о преступности предоставления Гур Филатачам, Надоедаловым, Затейкиным и прочим членам «благородного корпуса» таких широких прав и возможностей.

Картины быта удаются Копьеву много лучше, чем сентиментально-любовные сцены ««мизантропа» Правдина и Любиньки,

с одной стороны, и княжны и графа, с другой. Образы Гура Филатача, жены его Феклы Тарасовны, недоросля Микеши, «монастырки» Любови, сержантов Затейкина и Простофилина, предводителя дворянства Надоедалова, свахи Еремевны — очень художественны, полны живости, движения, в каждом из них отразилась умная наблюдательность автора, чуткий слух прекрасного знатока и ценителя русского языка, глубокое чувство юмора, местами переходящего в злой сарказм. Сцены, в которых Гур поет свои куплеты или Затейкин угощает княжну и Любиньку апельсинами, по силе комизма можно сравнить с отдельными эпизодами «Недоросля».

Как художник Копьев оказался сильнее, чем как идеолог; его комедия как картина нравов конца XVIII века глубже и поучительнее, критичнее и прогрессивнее, чем ограниченная и ошибочная идея, которую автор искусственно пытался навязать своей пьесе. Копьев создавал свою комедию тогда, когда сентиментализм в России уже упрочился, когда Карамзин закончил издание «Московского журнала» (1791—1792) и когда сентиментальные вкусы становились определяющими. Комедиограф «школы Фонвизина» по основному характеру своего творчества, Копьев попытался сочетать в своей пьесе как фонвизинское, так и карамзинское направления. Первое отразилось в бытописи комедии, второе — в ее любовно-сентиментальной интриге; даже в заглавии пьесы видна эта двойственность и противоречивость произведения: «Обращенный мизантроп» — это дань модному сентиментализму, «Лебедянская ярмонка» — полнокровная, сочная «жанристика», одним своим сценическим изображением и воплощением являющаяся судом над лежащей в ее основе действительностью. «Лебедянская ярмонка» — произведение умного, скептически настроенного человека, даже психологически близкого Фонвизину; разница между ними та, что «бессмертный Денис» верил в силу честного слова честного писателя и до конца своей жизни боролся с «злонравием» самодержавия и крепостничества, а Копьев был более скептичен и мало доверял преобразовательной силе литературы. В жизни, считал он, многое случайно, жизнь, в конце концов, скучна, и каждый должен развлекаться как может. Смех — одно из таких средств. Особенно обстоятельно развита Копьевым эта точка зрения во второй его, очень интересной комедии «Что наше, того нам и не надо», предвосхищающей в некотором отношении драмы середины XIX века.

Этот скептицизм и ограниченность политической позиции Копьева привели к тому, что он скоро был забыт, а высокое

сознание писательского долга, соединенное с несравненно большей художественной одаренностью, сохранило за Фонвизиным неумирающую славу.

VIII

Одновременно с «Обращенным мизантропом, или Лебедянской ярмонкой» Копьева писал свою стихотворную комедию поэт державинского круга В. В. Капнист. Завершая начавшуюся еще в 1760-х годах «Подьяческой пирушкой» Аблесимова разработку «судейской темы» в комедийной литературе, Капнист сумел в своей большой пьесе поднять эту тему на высокий политический уровень — это уже не обличение «порока на лицо», а большое и серьезное обобщение, касающееся бюрократического аппарата страны в целом, где «от канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно» (Пушкин). Использовав примененный Фонвизиным в «Бригадире» способ критики судебных плутней в нижних инстанциях, заключающийся в том, что только верховная власть (у Капниста — Сенат) в силе установить справедливость и потому отменяет неправильные решения этих низших инстанций, Капнист пошел, однако, дальше: устами опытного и скептически настроенного, единственного честного чиновника Доброва автор высказывает уверенность в том, что гроза, якобы разразившаяся над гражданскою палатой, не имеет и не может иметь реального значения, так как принцип действий администрации в екатерининской России остается незыблемым и нетронутым. Аппарат власти развращен не вопреки желаниям Екатерины, а с ее ведома, при ее попустительстве, при ее лицемерной снисходительности к «слабостям человеческим».

Очень интересна цензурная история «Ябеды». Капнист намерен был особенно подчеркнуть фальшь Екатерины, с одной стороны, заявлявшей, что в ее царствование искоренено взяточничество и неправосудие, и с другой, хорошо знавшей подлинное положение вещей в стране. Поэтому в четвертом действии комедии Капнист в рукописи, представленной в цензуру, ввел песню Софьи идиллически-панегирического характера:

София *(играет и поет)*

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы;
Что под свой покров берет
Вдов, убогих и сирот.
От драгой своей десницы
Им она блаженство шлет;

Вкруг блестящей колесницы
Счастье и любовь ведет.
Воспоем тьму щедрот
и пр.
Мы все, как сиротки птицы,
К ней направя наш полет,
Под крылами сей орлицы
Жизнь спасем от непогод.
Воспоем тьму щедрот
и пр.
Как лучом она денницы
Просвещает россий род;
И под кровом багряницы
Воспитывает тьму сирот.
Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы,
Что под свой покров берет
Вдов, убогих и сирот.

Все судьи
Помути, господь, народ,
Да накормит воевод.

София с арфой поспешно уходит.

После запрещения цензурой этой явно издевательской песни, фальшивый сентиментально-идиллический рефрен которой заглушается пьяным хором подьячих: «Помути, господь, народ, да накормит воевод», Капнист попытался ввести в текст пьесы другую песенку, уже без упоминания «нашей матери царицы». Но была запрещена и эта песенка, начинающаяся словами: «Счастлив кто на все на свете мог без зависти глядеть», рефрен которой: «Счастлив истинно лишь тот, с правдой кто в миру живет», сливается с известным уже нам припевом пьяной подьяческой компании: «Помути, господь, народ, да наркомит воевод». Эти цензурные вмешательства, конечно, нарушили художественный замысел Капниста, ослабили его политически-сатирическую антиекатерининскую направленность. В результате этого сохранившаяся в тексте пьесы песенка прокурора Хватайко:

Бери, большой тут нет науки,
Бери, что только можно взять;
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать.
(Все повторяют: Брать, брать, брать!),—

потеряла значительную часть политической остроты своего нагло-обнаженного цинизма, который обретал особенно рази-

тельную силу на фоне прославления «щедрот нашей матери царицы» или восхваления тех, кто, по советам Екатерины в ее сатирическом журнале «Всякая всячина», смотрит на все без зависти и живет в мире со своими соседями.

Однако даже в искаженном цензурой виде «Ябеда» оказалась произведением неслыханной в то время политической смелости. Она касалась одного из важнейших вопросов русской жизни на протяжении многих веков, касалась независимо, свободно и прямо. Эту гражданскую смелость Капниста особенно ценили великие русские революционно-демократические критики.

Белинский неоднократно останавливался на определении исторического значения «Ябеды», причем почти всегда связывал ее с «Недорослем» Фонвизина. В 1838 году он писал: «Есть еще и такие произведения, которые могут быть важны как моменты в развитии не искусства вообще, но искусства у какого-нибудь народа, и сверх того как моменты исторического развития и развития общественности у народа. С этой точки зрения «Недоросль» Фонвизина и «Ябеда» Капниста получают важное значение».

Через несколько лет Белинский, характеризуя в главных чертах развитие русской комедии, снова коснулся «Ябеды»: «Капнист написал Я б е д у — комедию, замечательную более по цели, нежели по исполнению. От Я б е д ы должно перейти прямо к Г о р е о т у м а, а от него к драматическим опытам Гоголя, потому что все, написанное в эти два промежутка времени, решительно не стоит упоминания».

Белинский ценил не только «цель» комедии Капниста, но и ее объективную роль: «Обратите, например, внимание на лихоимство. Благодаря преобразованиям Петра, у нас не замедлило явиться противоборство этому общему злу. К чести нашей литературы,— в ней в первой возникла эта благородная, благодетельная оппозиция. Муза Сумарокова объявила непримиримую войну подьячим и клеймила лихоимство и казнокрадство печатию позора и отвержения... «Ябеда» Капниста была сильным ударом я б е д е».

Высоко ценя благородную цель и реальное действие «Ябеды», Белинский считал «это произведение незначительным в поэтическом отношении», а несколько раньше еще решительнее говорил о «поэтическом и даже литературном ничтожестве» комедии Капниста. Надо полагать, что в данном случае Белинский не замечал противоречия тому, что он сам же говорил о значении другого русского писателя XVIII века, Сумарокова: «Сумароков был невмеру превознесен современниками и невмеру унижаем нашим временем. Мы находим, что как ни сильно ошибались современники Сумарокова в его гениальности, но они были

к нему справедливее, нежели потомство. Сумароков имел у своих современников огромный успех, *а без дарования, воля ваша, нельзя иметь никакого успеха ни в какое время*» (курсив мой.— *П. Б.*).

Нельзя поэтому отказать в талантливости и комедии Капниста. Беда Капниста и слабость комедии заключалась в том, что после «Недоросля», после «Лебедянской ярмонки», после даже «прелестного, по словам Белинского, народного водевиля» аблесимовского «Мельника», произведений с резко выраженными чертами реалистической бытописи, «Ябеда» попыталась сделать шаг в сторону большей схематичности, в сторону классических «характеров» вместо уже ставших привычными типов-обобщений.

Именно эта «старомодность» «Ябеды» и коробила Белинского, ощущавшего внутреннее противоречие содержания и формы в комедии Капниста.

Издана была «Ябеда» не сразу по написании, а только в 1798 году, при Павле I, но вскоре пьеса была снята с репертуара, и почти весь тираж конфискован. Только в начале царствования Александра I была разрешена продажа книги (конфискованные экземпляры полностью были возвращены издателю комедии, актеру А. Крутицкому еще в 1802 году) и около 1805 года возобновились ее представления на сцене.

IX

К 1780-м, 1790-м годам относится комедийное творчество актера, писателя и театрального теоретика П. А. Плавильщикова, автора, вышедшего из купеческой среды. Лучшей его пьесой следует признать комедию «Бобыль» (1790; напечатана в 1792 году), посвященную крестьянской теме. В отличие от своих предшественников-дворян, изображавших крестьянскую жизнь то в форме идиллии («Деревенский праздник» В. И. Майкова, «Матросские шутки» неизвестного, комические оперы Екатерины), то в форме комической оперы с угнетателями-помещиками и приказчиками, угнетенными крепостными и благополучной развязкой (Николев, Княжнин, В. Левшин), Плавильщиков в «Бобыле» показал начало классового расслоения в деревне.

Тема «денег», усердно разрабатывавшаяся в 1760-х, 1770-х годах в дворянской драматургии и в 1780-х в пьесах с купеческой тематикой, развертывается Плавильщиковым в «Бобыле» в среде крепостных крестьян. С одной стороны, в комедии фигурируют крестьянин-богатей Парамон и староста Влас, тоже весьма состоятельный крепостной, а с другой — молодой бедняк, «бобыль» Матвей.

Богатеи Парамон и Влас, жена Парамона, Исавна, черствы, жестоки, алчны, грубы. Сын Парамона, Аксен доведен побоями отца до идиотического состояния. Этой группе противопоставлен умный, деловитый, трудолюбивый бобыль Матвей. В нем нет забитости и приниженности крепостного-горемыки, привыкшего к помыканиям богатых односельчан и господской челяди. Матвей смел, находчив и умеет постоять за себя. Он ненавидит богача Парамона и его сына дурака Аксена; он умеет сильно и нежно любить, страдать, волноваться. «То так! — говорит бобылю староста Влас,— я знаю, ты всему смышлен, да голова-та твоя забеглая! степени-та в тебе нет» (д. III, явл. 2).

Староста не умеет найти точных слов для определения отличительных свойств Матвея и пользуется таким эпитетом, как «забеглый», что означает «своенравный, непокорный», отмечает отсутствие у бобыля «степенности», то есть наличие быстрых и резких реакций на внешние воздействия.

Плавильщиков, писатель из купцов, человек очень умеренных политических убеждений, не делает,— что и понятно,— Матвея революционером, борцом с крепостным строем. Бобыль с очень теплым чувством говорит о старой барыне и ни разу не выступает против своего подневольного состояния.

Однако важно то, что в своем кругу, в крестьянской обстановке Матвей уже отстаивает свои человеческие права. В этом отношении очень существенно проводимое Плавильщиковым противопоставление бобыля Матвея барскому егерю Хватову. Матвей подкупает чистотой своих чувств, открытостью своего порывистого, но честного характера; он человек с достоинствами и не без недостатков, но он внутренно благороден и привлекателен. Егерь Хватов — типичный «холоп», как его называет бобыль. Он лжив, корыстолюбив, развратен, с барином держится довольно фамильярно, а с крепостными ведет себя как власть имущий, говорит с ними дерзко, пренебрежительно, с явным презрением и высокомерием.

Противопоставление «холопа» «бобылю» имеет у Плавильщикова сознательный характер. В диалоге Матвея и Хватова (д. II, явл. 7) автор развивает теорию целесообразности сложившегося порядка, при котором и дворяне, и крестьяне — все на месте; лишними являются только «холопья». Матвей считает, что «первые-та люди у барина» — крестьяне: они ему и хлеб достают, и деньги дают, и государеву подать платят, «холопья» — «дармоеды». «Крестьянин-та,— говорит Матвей,— не для того работает, что велят, а для того, что надобно».

В приведенных рассуждениях Матвея следует различать две тенденции: то, что бобыль говорит о роли крестьян в жизни дворянского государства, и то, что в апологетическом тоне ска-

зано о целесообразности социального строя в дворянско-помещичьей империи. Вторая группа рассуждений Матвея не представляет интереса, так как это не больше, чем повторение взглядов самого Плавильщикова, высказывавшихся им и ранее, и позднее, и в особенности в статье «Мир», посвященной заключенному в Яссах миру с Турцией (журнал «Зритель», 1791). Напротив, первая часть рассуждений Матвея, в которых бобыль осознает значение труда крепостного, очень важна, так как здесь отразились воззрения крепостных накануне нового подъема крестьянских волнений, которыми ознаменовалась вторая половина 1790-х годов. Взгляды, которые выражает Матвей, могли бы быть чреваты серьезными последствиями, если бы бобыль понял, что «наш брат, рабочий человек», как он говорит, кормит не только «дармоедов-холопей», но и дармоедов-помещиков. Плавильщиков, по своим умеренным воззрениям, не мог и не захотел бы, если бы мог, изобразить дальнейшее прояснение воззрений бобыля.

Но и то, что дал Плавильщиков в своей комедии, было очень существенно. В «Бобыле» впервые в русской комедии было показано, что деревня не представляет сплошной, недифференцированной массы, что денежные отношения проникли и в крестьянскую среду и основательно ее расслоили, что появились деревенские богатеи.

Еще важнее то, что Плавильщиков показал, что растет сознательность деревенских бедняков, что в крестьянской крепостной среде есть люди с «забеглой головой», с зачатками социального критицизма, с чувством собственного достоинства. Это уже не были идиллические «пейзаны» из комических опер Екатерины или тупые «мужички», на каждом шагу растерянно твердившие «тово-воно».

Комедия Плавильщикова интересна и как известный шаг в разрушении классических требований и в уступке укреплявшемуся в это время сентиментализму. В параллель к карамзинскому «и крестьянки любить умеют», в «Бобыле» Плавильщикова мы находим следующее. Егерь Хватов, рассказывая невесте бобыля, Анюте, что Матвей якобы обратился к барину с просьбой дать ему разрешение на женитьбу, прибавляет: «Только барин долго смеялся, глядя на этого Матюху. Тьфу, пропасть какая! мужик в сером кафтане, как будто путный человек, знает любовь». Анюта в ответ на это сентенциозно говорит: «У мужика такое же сердце, как у барина» (д. IV, явл. 5).

Плавильщиков не стоял на позициях угнетенной крепостной массы, и не нужно поэтому преувеличивать субъективной его радикальности в «Бобыле». Объективно же комедия «Бобыль» являлась фактом, положительно характеризующим развитие

сознательности русской крепостной массы и несомненный рост передовой русской литературы, в частности драматической.

Важен «Бобыль» и тем, что проблему «русских характеров», выдвинутую народным театром и теоретически поставленную Лукиным, Плавильщиков углубил в этой комедии (как и в своих теоретических работах) и тем самым еще шире раздвинул социальный охват русской реалистической комедии.

X

Среди прогрессивных комедиографов 1790-х годов следует поставить А. И. Клушина (1763—1804). Человек без систематического образования, но одаренный блестящими способностями, Клушин путем самостоятельного чтения и общения с передовыми писателями тех лет, вольтерьянцем И. Г. Рахманиновым, И. А. Крыловым, И. А. Дмитревским, П. А. Плавильщиковым, приобрел основательную литературную и философскую подготовку и усвоил прогрессивные взгляды. Особенно сблизился Клушин с Крыловым. Его литературная деятельность началась с 1790 года и проявлялась в самых разнообразных формах: он писал и стихи, и сатирические статьи в прозе, выступал с рецензиями на литературные и театральные произведения.

Перу Клушина принадлежат четыре комедии: «Смех и горе» (1792; в первый раз представлена 15 января 1793 г.), «Алхимист» (1793), «Худо быть близоруким» (1799) и «Услужливый» (1800). Только первые две из них пользовались успехом у современников.

Комедия «Смех и горе» вызвала обстоятельную рецензию Крылова, в которой дан благожелательный, но справедливый разбор пьесы Клушина.

«Смех и горе» — комедия остро политическая. Буквально с первых стихов начинает звучать резко сатирический тон и не ослабевает на всем протяжении пьесы.

Кроме общих пессимистических оценок современности, в «Смехе и горе» находится множество выпадов против знати, против придворных и, повидимому, против Екатерины.

Большая часть нападок на знатных господ связывается в клушинской комедии с образом придворного щеголя Ветрона.

Так, Ветрон просит мнимого философа-пессимиста Плаксина без робости, без пристрастия и не греша в красках описать его:

Плаксин

Вы с ног до головы похожи на машину,
Котора действует через свою пружину.
Когда ту заведут, лепечет и визжит,

И франт теперешней так точно говорит.
Поспешно с стороны кидаясь на другую,
Найдет ли мать, отца, сестру иль дорогую
Bon jour, monsieur! madame! .. ma chère! .. comment vous va?
Дрягает, корчится, французски врет слова,
А русского совсем почти не понимает.—
То ногу дернет так, то рожицу кривляет,
То прибоченится, то песню запоет,
То вдруг с презрением глаза на всех ведет.
Науки, ум его — в жаботах и манжетах;
Неустрашимой дух — в рисованных жилетах,
А сведеньи — болтать пыль, вздор без головы.—
Кто это, спросите? все франты таковы.

Хохоталкин

Прибавь, что глупости одне их занимают,
Что гонят здравой ум, а должность презирают,
Что мода — идол их; французы — божество,
Что франт премелкое на свете существо.

(Д. III, явл. 5).

Как ни злы эти характеристики Ветрона, «родившегося при дворе» (д. I, явл. 1), они отступают далеко на задний план перед одним, но крайне показательным стихом в этой комедии. Пламен, любовник Прияты, хочет вызвать на дуэль Ветрона; разговор их происходит в присутствии слуги Андрея.

Пламен *(к Ветрону)*. Ты — честный человек?
Ветрон. Конечно!
Андрей. Нет, придворный.

(Д. IV, явл. 6).

Весьма возможно, что, если бы цензура обратила внимание на слово «придворный», Клушин объяснил бы это опиской и заменил бы словом «притворный». Но в тексте «Смеха и горя» напечатано совершенно точно: «придворный», и этим сказано очень много.

В этой связи интересны два маленьких диалога Ветрона и Старовека.

Ветрон. Политика нужна, ум тонкий и проворство.
Старовек. Политика, сударь, бездельство!
Ветрон. Да, притворство.

(Д. IV, явл. 7).

И чуть ниже:

Ветрон. Да, тут политика, о, я ее люблю!
Старовек. А я политику, как язву, не терплю.
Мне прямодушие одно, сударь, любезно.
Притворство гнусно мне, хотя оно полезно.
(Д. IV, явл. 8).

Таким образом, «придворность», «притворство» и «политика» — вот те вопросы, которые связаны в комедии Клушина с образом Ветрона.

Большой удачей Клушина Крылов считает образ Вздоровой: «Вздорова есть также прекрасный характер,— и что еще более,— что всегда действующий. Автор, кажется, не желая, сделал из нее героя поэмы, потому что в ней одной более действия, нежели слов. По сему лицу, кажется, льзя судить, что бы был в силах сделать автор, если бы во всех характерах соединил он сатиру с действием».

Таким образом, осторожно, многократно оговаривая при помощи «кажется» свою мысль, Крылов обращал внимание читателей на образ Вздоровой, как на центральный, основной, важнейший. Близкий к Клушину Крылов, конечно, знал суть замысла пьесы, и если он говорит, что автор сделал из Вздоровой «героя поэмы», то таково и было намерение Клушина.

Сказать прямо, что в лице этого персонажа Клушин изобразил Екатерину, было бы неверно, но что автор придал этому образу отдельные черты, напоминавшие Екатерину, несомненно. Здесь и самомнение, и жажда власти («Нет лутче ничего, как управлять другими!»), и притворство («Без строгости — престрогой притворяться»), и разврат («Без воздержания — воздержною казаться»), и преклонный возраст, и гнусные методы привлеченья фаворитов:

Да, нынече любовь за деньги лишь бывает.
Лишь молотом ударь старушка золотым,
Вмиг голову вскружит красавцам молодым.
Появится любовь, преданность, нежность, ласки...
И деньги придадут приятные нам краски.
(Д. III, явл. 1).

Все это делает понятным намеки Крылова в характеристике образа Вздоровой, и его слова, что это «характер всегда действующий» и что в изображении Вздоровой соединена сатира с действием, уточняют наши догадки.

Ветрон и Вздорова, с одной стороны, «мнимые философы» Хохоталкин и Плаксин, с другой, образуют «сатирическую

партитуру» пьесы, в которой прочие персонажи, за исключением, пожалуй, резонирующего Старовека, осуществляют обычную комедийную интригу. И как раз не в замысловатой развязке, которую так выдвигал в своей рецензии Крылов, и не в интриге пьесы, а именно в сатирической направленности ее состояло достоинство «Смеха и горя». Автор средствами «философской» комедии хотел дать резко сатирическую картину русского общества начиная с Екатерины и придворного дворянства и кончая рядовыми столичными жителями-дворянами. Лучше всего идейные побуждения Клушина при создании «Смеха и горя» выразились в следующем месте пьесы:

Плаксин. Смеяться над людьми, поверьте мне, грешно.
Хохоталкин. Когда бесчестию хотят дать виды чести.
Когда подлец, дурак живут посредством лести,
Коль сердце, ум, душа — осуждены страдать,
Не должно ли тогда смеяться и кричать?

(Д. II, явл. 7).

Нам кажется, что в двух последних стихах предвосхищается социальный сарказм бессмертной грибоедовской комедии, с которой «Смех и горе» роднит общая жанровая линия — линия политической комедии.

Крылов в своей рецензии свидетельствует, что «редкое сочинение принималось с таким успехом». Успехом Клушин был обязан тому, что после бесконечного множества пресных, благонамеренных комедий и комических опер, восхвалявших «благополучное царствование Астреи» (в связи с двадцатипятилетием вступления Екатерины на престол, отмечавшимся в 1787 г.), после пошлых, «развлекательных» пьесок, со сцены Российского театра зазвучали серьезные, злые слова о подлинной русской действительности, и эти слова нашли живейший отклик в демократической части зрительного зала. От этой части публики и выступали и Крылов, и Клушин, являвшиеся продолжателями дела Фонвизина, создателя лучшей русской политической комедии XVIII века.

Вторая комедия Клушина «Алхимист» (1793), также имевшая большой успех у современников, не была до настоящего времени опубликована. Крылов посвятил этой пьесе Клушина рецензию, в которой отмечал, что «сей род комедий не иное что есть, как забавная шутка, освобожденная от всех строгих правил театра и самого вероподобия», что «Алхимист» «состоит в одних разговорах».

По своей композиции «Алхимист» напоминает «Щепетильника» Лукина: в обеих комедиях нет обычной интриги, обе представляют сатирическую галлерею современных типов, порою

портретов (Самохвалов, Верьхоглядов в «Щепетильнике», Ветхокрасова, Сгорепьянов в «Алхимисте»), проходящих перед главным персонажем пьесы; наконец, обе пьесы затрагивают ряд вопросов, имевших злободневный характер.

«Алхимист» привлекал к себе внимание публики по ряду причин: во-первых, несмотря на отсутствие интриги, комедия Клушина — довольно живая, динамичная, местами неподдельно веселая; во-вторых, важно было то обстоятельство, что в пьесе участвуют два актера, из которых второй играет семь ролей: ротмистра Рубакина, грубого и хвастливого вояку, плута-слугу Криспина, лгуна и краснобая, глупого дворянина Разгильдяева, престарелую кокетку Ветхокрасову, во что бы то ни стало желающую быть любимой молодыми «красавчиками», горько жалующегося на свое унизительное положение в дворянском государстве талантливого живописца Сгорепьянова и, наконец,— Здравомыслова, друга «алхимиста» Вскипятилина. Эта «трансформаторская» сторона пьесы, новая еще в то время для русского зрителя, в значительной мере способствовала популярности «Алхимиста»: пьеса довольно долго держалась на сцене и петербургского и московского театров.

Однако не одни только внешние особенности «Алхимиста» вызвали интерес к комедии Клушина: подобно «Смеху и горю», «Алхимист» сумел затронуть живые вопросы современности; в забавной и далекой по несложному сюжету от политики пьесе Клушин поставил ряд серьезных проблем общественной жизни и довольно прозрачно показал некоторых реальных людей своего времени. В репликах почти каждого действующего лица «Алхимиста» есть критические оценки современности, есть сатирические намеки и отклики на злободневные факты действительности.

Так, появление на сцене пройди-света Криспина позволяет Клушину коснуться вопроса о космополитизме и «безнациональности» многих его соотечественников-современников.

Вскипятилин. Но что вы? Русской? или...

Криспин. Я сын целого света; дом мой — север, восток, юг и запад, а родина в России.

Вскипятилин. В России?

Криспин. Да, сударь.

(Явл. 4).

Интересно, что это место Крылов счел нужным привести в своей рецензии на «Алхимиста»; очевидно, в концепции Клушина оно было существенно.

Очень важна сцена, посвященная Ветхокрасовой, которая, подобно Вздоровой из «Смеха и горя», любит «молодчиков». В образе Ветхокрасовой эта омерзительная черта еще более

сгущена и подчеркнута. Явны намеки на престарелую Екатерину, которой в это время шел уже шестьдесят четвертый год и которая как раз в начале 1793 года сменила фаворита двадцатипятилетнего Платона Зубова на его двадцатидвухлетнего брата, «красавчика» Валериана.

Большую часть «Алхимиста» занимает сцена с талантливым неудачником, художником Сгорепьяновым, в лице которого изображен известный гравер Г. И. Скородумов (1755—1792); Скородумов под фамилией Трудолюбов был описан Крыловым в «Почте духов» в 1789 году (письмо XI). Здесь Трудолюбов — Скородумов, жалуясь на свое тяжелое положение, говорил: «Сие меня столько опечалило, что, не размышляя нимало, предался я пьянству; знаю, что разумному человеку сие непростительно, но что уже делать, когда о том я скоро думав, сделался теперь совершенным пьяницею; известно, что скорость не одному мне, но многим причинила пагубу». Но если молодой Крылов касался вопроса о Скородумове, как вопроса о возмутительном отношении к отечественным талантам, то Клушин, продолжая эту линию, расширяет проблему до вопроса о недопустимости «покровительства» художникам со стороны невежественных и тщеславных вельмож.

Вскипятилин намекает Сгорепьянову, что тот мог бы «найти людей, которые бы» ему «помогли».

Сгорепьянов *(с горячностью).* Что! Искать покровителей художнику? Ах! Это у меня сердце рвет! Не думал я, чтобы ты разумел меня подлым человеком. Пусть ищет тот покровительства, который без него жить не может. Достойного человека покровители — его достоинства.

(Явл. 9).

Шестикратное переодевание Здравомыслова давало Клушину широкую возможность вводить сатирический элемент в свою пьесу. Подтверждением этого являются следующие слова Крылова: «Разговоры все в сей комедии очень остро ведены; но по большей части отдалены они от содержания комедии и наполнены эпизодами, которые ничуть не служат к исправлению Вскипятилина, что бы, кажется, в виду должен был иметь автор — комедия же вообще наполнена остроты и соли».

Подобно «Смеху и горю», и «Алхимист» своей политической сатирой производил впечатление на зрителей того времени: «Алхимист»... принят с рукоплесканиями,— заканчивает свою рецензию Крылов,— и не часто можно видеть в театре такого стечения публики».

В годы общения с Крыловым Клушин был настроен прогрессивно и воинственно; как раз в 1793 году с особой интенсивностью Клушин печатался в «Санкт-Петербургском Меркурии»,

издававшемся им, совместно с Крыловым, и здесь Клушин проявил свои передовые взгляды; его рукописные «Сатирические, философические и аллегорические сны» были причиною обыска, устроенного полицией в 1792 году в типографии «И. Крылова с товарищи» и в комнате самого Клушина, а представленные им по этому поводу объяснения свидетельствуют о том, что в данном произведении с сочувствием изображались революционные события во Франции. И хотя позднее Клушин отошел от своих передовых позиций начала 1790-х годов, но в это время он безусловно должен быть причислен к группе передовых писателей эпохи.

Обращает на себя внимание все-таки то обстоятельство, что ни в «Смехе и горе», ни в «Алхимисте», насколько можно судить по существующим материалам, ни в какой форме не затрагивалось положение крепостного крестьянства; впрочем, и в своих журнальных выступлениях Клушин почти не касался этого вопроса. Это уклонение Клушина от рассмотрения вопроса о крепостном праве наводит на мысль о том, что, в отличие от Крылова, он был ближе к либералу Княжнину и, подобно последнему, был в политическом отношении радикальнее, чем в отношении социальном. Вообще следует помнить, что отношение к крестьянской массе и ее положению в дворянско-крепостническом государстве служило важным признаком, разделявшим в XVIII веке (и позднее) писателей-демократов и писателей-либералов.

Дальнейшее политическое развитие Клушина явилось закономерным итогом указанного выше противоречия между его социальной и политической позицией.

XI

В самом конце XVIII века была написана одна из наиболее важных пьес в истории русской комедии этого столетия,— именно «шуто-трагедия» И. А. Крылова «Трумф» («Подщипа»). В этой комедии прежняя сатирико-политическая линия, представленная именами Фонвизина, Капниста, Кропотова и др., получила наибольшее выражение и логическое завершение; в «Трумфе» русская прогрессивная мысль, опираясь на традиции народного театра, на осмеивающие царей «кумедии», показала, что она не приемлет вообще монархического принципа, ни в форме допетровских московских царей — Вакул, ни в форме немецких принцев — Трумфов.

В то же время эта глумливая пародия на классические трагедии была одним из сильнейших ударов упрочивавшегося рус-

ского демократического реализма по отжившим, но еще цепким пережиткам реакционно-дворянской эстетики середины XVIII века.

К «Трумфу» долгое время относились только как к «гениальной шалости». В старой литературе о «Трумфе» установились взгляды на нее: а) как на пьесу, являющуюся сатирой на режим Павла I, и б) как на «чистую» пародию на классические трагедии.

В советском литературоведении установилась преимущественно первая точка зрения, и в «Трумфе» видят политическую сатиру на Павла I и его гатчинское окружение; попутно говорят и о пародии на классические трагедии.

Однако эта точка зрения на «шуто-трагедию» Крылова недостаточна, она не полностью раскрывает «карикатурно-гениальный» характер этого произведения. Если бы «Трумф» был только сатирой на Павла I, значение его было бы временным и исторически-ограниченным, крыловская пьеса утратила бы свой смысл вместе с падением гатчинского режима Павла I. А успех ее приходится именно на время после Павла I, ее широко распространяли в списках декабристы; исключительный интерес к «Трумфу» проявился в советское время.

Гениальность «шуто-трагедии» Крылова заключалась именно в том, что она была сатирой на самый принцип монархизма, на монархизм вообще. То, к чему с более глубоким философским подходом пришел в течение 1780-х годов А. Н. Радищев, Крылов, писатель, идейно в то время очень близкий к Радищеву, выразил в форме «шуто-трагедии», в форме гениальной сатиры на монархический принцип вообще.

А сила этой гениальности состояла в том, что для этой передовой в то время идеи Крылов нашел изумительно удачную форму — сочетание принципов народного театра, народных «игрищ» с «пустой формой» классической трагедии. Здесь важно особенно подчеркнуть, что, как и Лукин, Крылов обратился к принципам, а не приемам народного театра, хотя и эта сторона «игрищ» оказала известное влияние на «Трумфа».

Современному советскому читателю, если он предварительно не введен в суть дела, «Трумф» может даже не понравиться; кое-кому может показаться слишком карикатурным сюжет «шуто-трагедии», не отвечающий привычным у нас требованиям эстетики комического; некоторые подробности пьесы могут представиться преувеличенно натуралистическими. Может даже возникнуть вопрос, почему все это так нравилось людям с несомненным литературным вкусом, как Пушкин, Грибоедов и др.

Ответ может быть дан такой.

Крылов определил жанр «Трумфа» как «шуто-трагедию».

В поэтике так называемого классицизма такого жанра нет; в более старой, «школьной» пиитике есть жанр комедо-трагедии, близкий, но все же не совпадающий с жанром «шуто-трагедии». Ближе всего подходит «шуто-трагедия» к жанру пародий на трагедии. В русской литературе существовали некоторые пародии на трагедии Сумарокова.

Особенность произведения Крылова была очень точно сформулирована молодым Пушкиным в стихотворении «Городок» (1814). Обращаясь к Крылову, одному из авторов, чьи запрещенные произведения хранились у него, Пушкин писал:

И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Талье дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я с Чернавкой
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забыв войну, сраженьи,
Играют в кубари.

В первых строках приведенного нами отрывка дано очень существенное указание: котурны и кинжал Мельпомены (то есть музы трагедии) Крылов дал игривой Талии (музе комедии). Иными словами, весь этот смехотворный текст надо читать «трагически», то есть так, как читали в XVIII веке трагедии, подчеркнуто выделяя все звуки, патетически, повышенным голосом, напирая на «о» («окая»). Поэтому обыкновенное «реалистическое» чтение совершенно лишает «Трумфа» одной из основных черт крыловского замысла.

«Высокое» произношение употреблялось, как известно, только в трагедии. Применение его к тексту «Трумфа» сразу создавало в представлении слушателей XVIII и начала XIX века два своеобразных эффекта: во-первых, ощущение напыщенности низменного, недостойного придаваемого ему внешнего величия, и, во-вторых, ощущение низменности напыщенного, прикрывающего своим внешним величием недостойное этого содержание. Таким образом, «шуто-трагедия» Крылова лишала самодержавие его наружного ореола и в то же время заставляла трагедию

утрачивать свое «возвышенное» начало, свою исконную связь с «идеей государственности», так как показывала эту «государственность» в виде царя-дурака, в виде царевны-плаксы, ни о чем, кроме своей любви к дегенерату Слюняю, не думающей, в виде идиотика Слюняя.

Образы крыловской «шуто-трагедии» делятся на две группы: русских персонажей и персонажей немецких. Ко второй группе принадлежит один только Трумф, за которым современники видели множество реальных немцев в павловской России; к первой — все остальные. И та, и другая группа представлена в сказочно-гротескном освещении, соответственно тому, как изображается все это в народном театре, в «Комедии о царе Максимилиане и его непокорном сыне Одольфе», в «игрищах» вроде «Царя Соломона и маршалки» и т. п. «Шуто-трагедия» Крылова пронизана сатирическим духом народных сказок, с их трактовкой царя как злого, глупого и капризного человека, дающего подурацки сформулированные задачи, из злости и зависти совершающего глупые поступки.

Говоря о связи «Трумфа» с традициями народного театра, народных «игрищ», так презиравшихся Сумароковым и пренебрегавшихся его последователями, а также вождями русского предромантизма (Херасков, М. Н. Муравьев, Карамзин и пр.), мы имеем в виду не прямое заимствование сюжета «шуто-трагедии» или хотя бы отдельных эпизодов из той или иной пьесы народного репертуара, а общую направленность, общий дух «Трумфа». Но это усвоение Крыловым эстетических принципов народного театра происходило, конечно, не натуралистически, а было углублено и претворено в соответствии с его общей реалистической позицией.

Но, помимо этой общей традиции народно-сатирического театра, в «Трумфе» можно найти отдельные элементы, более тесно связывающие эту пьесу с народными «игрищами». Так, в «игрище» «Царь Соломон и маршалка» дерзкий шут-маршалка крайне невежливо поступает с сидящим на троне царем. В параллель этому можно привести следующие слова царя Вакулы из речи его в совете бояр:

Ну, вот, бояре, в чем все дело:
Нас семя вражье здесь немчинско одолело;
Вить, слышь, сказать — так стыд, а утаить — так грех;
Я — царь, и вы, вся знать,— мы курам стали в смех.
Нам, слышь, по улицам ребята все смеются;
Везде за нами гвалт — бес знает, где берутся!
Частехонько — ну, срам! — немчина веселя,
Под царский, слышь ты, зад дают мне киселя.

(Д. I, явл. 7).

В параллель к мотивам жестокости и бессердечия царя в «Комедии о царе Максимилиане» можно привести следующее место из «Трумфа».

П о д щ и п а

Какое ж новое нас горе одолело?
Не хлеба ль недород?

В а к у л а

А мне, слышь, что за дело?
Я разве даром царь? — Слышь, лежа на печи,
Я и в голодный год есть буду калачи.
Да дело все не в том, моя беда сильнее;
Ну, слышь ты, ничего мне не было больнее...

П о д щ и п а

Так верно Трумф...

В а к у л а

Ах, нет!

П о д щ и п а

Так что ж, о государь?

В а к у л а

Ну слышь, проклятый паж мой изломал кубарь.
Я им с ребячества доныне забавлялся,
А, знашь, теперь хоть кинь. Ну, так бы разорвался.

(Д. II, явл. 1).

Близко сюда подходит еще следующее место:

П о д щ и п а

Какою новою грозит нам рок бедой?
Не новою ль злодей идет на нас войной?

В а к у л а

Вот вздор бы, слышь, какой! На то вить есть солдаты!
Пускай бы и дрались они себе из платы.

(Д. II, явл. 1).

В сатирических народных сказках часто осмеивается жадность и скупость царей; нашло это свое отражение и в «Комедии о царе Максимилиане» в сцене со стариком-гробокопателем, которому царь сперва обещает дать «манету» (рубль), затем — пятак, «а не то пройдет и так», и кончает тем, что приказывает «скороходу-фельдмаршалу» «дать старику раза по шее».

В параллель этому можно в «Трумфе» указать место, когда царь Вакула поручает гофмаршалу Дурдурану послать за цыганкой-ворожеей.

Вакула

Да если б занял ты мне для нее полтинник...
Скажи-ка, будто я... ну, знашь ты, именинник,
Так мне подарками тут с рубль перепадет.

(Д. II, явл. 2).

В духе народной сатиры звучит строка из ответной реплики Дурдурана:

На кашель, государь, я пошлину накинул.

(Д. II, явл. 2).

Совершенно той же тенденцией проникнута в «Трумфе» сцена, изображающая заседание совета царя Вакулы. Один из вельмож, которому царь дает прочесть бумагу, оказывается слепым, другой — немым, третий — глухим, четвертый — «за старостью едва он дышит» (д. I, явл. 8).

Сказочно-сатирический характер имеет помощь, которая приходит к царю Вакуле в лице ворожеи-цыганки: она сильнее войска Трумфа и его самого своей хитростью и изворотливостью, своей смелостью и находчивостью, как в народных сказках — мужик, герой из народа.

Такова одна линия в «Трумфе», которую можно назвать народно-сатирической. С нею тесно переплетается литературно-пародийная, которая проходит буквально через все произведение с первых же стихов. Создается пародийность опять-таки не в плане конкретного осмеяния какой-либо одной определенной трагедии, а, так сказать, трагедии вообще, жанра «трагедии». Традиционной трагедийной сюжетной схеме (тиран требует любви героини, которая связана узами любви с героическим возлюбленным) Крылов придал в «Подщипе» пародийный характер тем, что смешон «тиран», смешна «героиня», смешон «героический любовник», который оказывается ни «героическим», ни «любовником».

Далее, пародийность осуществляется тем, что при «трагическом» чтении «Трумфа» первая половина большей части стихов звучит серьезно, а вторая, при сохранении прежнего характера чтения, переводит все в комический план. Иногда этот же принцип осуществляется не на полустишиях, а на последовательных стихах. Приведем для образца начало крыловской «шуто-трагедии»:

Чернавка

Престанете ль, княжна, крушиться столько вы
И молодость губить?

Подщипа

Увы! Увы!! Увы!!!

Чернавка

Ах, сжальтесь над собой! И так уж вы, как спичка,
И с горя в неглиже, одеты, как чумичка...
Склонитесь, наконец, меня, княжна, послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

(Д. I, явл. 1).

На тех же противопоставлениях серьезного начала и комического разрешения стиха или двустишия построена тирада Подщипы, вспоминающей о любви князя Слюняя:

Подщипа

А бедный князь Слюняй, с его жестокой страстью,
Колико поражен такою стал напастью!
Увы! из детских я к нему привыкла лет,
И с ним заветного у нас друг другу нет.
Как вспомнить я могу без слез его все ласки,
Щипки, пинки, рывки и самые потаски!
Делили все мы с ним забавы меж собой:
Катанья з масляну, качели о святой;
Друг без друга, увы! мы в жмурки не играли
И вместе огурцы по огородам крали...
А ныне, ах! за весь его любовный жар
Готовится ему несносный столь удар.

(Д. I, явл. 1).

Особенно резко этот принцип «противоставления полустиший» обнаруживается в последних стихах Подщипы во втором явлении первого действия. Гофмаршал Дурдуран возвещает Подщипе о том, что сегодня же она пойдет под венец с Трумфом.

Подщипа

Не сон ли это все? — Не брежу ль я?

Чернавка

Ах, нет!

Но укрепись, княжна! се твой жених грядет!

Подщипа *(вставши)*.

О царский сан! Ты мне противней горькой редьки!
Почто, увы! не дочь конюшего я Федьки!

(Д. I, явл. 2).

Столь же комично-пародийно звучат гневные реплики Подщипы: первая, обращенная к Трумфу, угрожающему царевне сделать ее своей прачкой:

Подщипа

Тиран! не устрашишь ты сердце тем мое:
В моем несчастьи мне сноснее мыть белье,
Когда бы только князь Слюняй носил мне воду,
Чем быть супругою столь скверному уроду.

(Д. I, явл. 3).

Вторая реплика обращена к Слюняю, отказывающему Подщипе броситься с нею в пруд.

Подщипа

Жестокий! робостью ты бед моих не множь!
Ну, хочешь ли: вот я украла в кухне нож...
Зарежемся!.. мы тем от бед себя избавим,
И наши имена навек с тобой прославим!

(Д. I, явл. 5).

Одновременно с принципом «противоставления полустиший» (или стихов) Крылов с теми же пародийными целями применяет в «Трумфе» то, что решительно было запрещено стилистическими наставлениями Ломоносова, непререкаемого авторитета в этих вопросах, и полустолетней практикой русской «высокой» поэзии,— смешение просторечия со славянским языком. Характеризуя особенности «среднего штиля», которым, по указанию Ломоносова, должны быть написаны трагедии, он замечал: «И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного». В «Подщипе» нарушение этого основного стилистического требования встречается чуть ли не на каждом шагу. Приведем наиболее яркие примеры:

Подщипа

Ломает грусть меня, как агнца лютый зверь.

(Д. I, явл. 1).

Чернавка

Не спорю, что его [Слюняя] опасно то здоровью:
Как резом в животе, он мучится любовью;
Но если спасть должна ты царство и отца,
Княжна! поступком сим ты все пленишь сердца,
И скажут все, что ты героев всех не ниже.

Подщипа

Да, да, рассказывай: рубашка к телу ближе.

(Д. I, явл. 1).

Дурдуран (*кланяясь низко*).

Княжна! родительский узнай к тебе приказ
И будь готова ты венчаться через час.

. . . .

Подщипа

Что слышу! .. Ой, умру! .. ой, тошно! .. ой, живот! ..
(*Упадает в кресло.*)

(Д. I, явл. 2).

И в царе Вакуле, и в немецком принце Трумфе Крылов едко, саркастически осмеял российское самодержавие в двух его вариантах: в допетровском, старомосковском виде, в лице царя Вакулы, и в императорском, петербургско-гатчинском, в образе Трумфа. И та, и другая карикатура получилась убийственно меткой и не менее убийственно злой. В русской драматической литературе XVIII века это наиболее острая, сильная и неотразимая сатира на монархию и на монархический принцип.

Конечно, можно утверждать, что в гениальном объединении начал народной сатиры с литературно-театральной пародией, примененном Крыловым, проявилось все своеобразие его творческой натуры, его личности, его поэтической смелости. Все это будет верно, но будет верно лишь отчасти. Нельзя отрицать двух моментов.

Во-первых, в сатирической струе «Трумфа» отразилась народная ненависть к самодержавию, существовавшая бок-о-бок с верой в «доброго царя» и проявлявшаяся в сатирических сказках о злых и глупых царях, отразилась та крестьянская революционность, которая за несколько лет до того вызвала крестьянские волнения 1796—1797 гг.; волнения эти хотя и не имели антимонархического характера, но все же они были проявлениями крестьянского недовольства феодальным строем.

Во-вторых, сила крыловской памфлетной «шуто-трагедии» заключалась в том, что как писатель истинно народный он обратился к истокам театра — к народному театру, к народным игрищам.

XII

Русская комедия второй половины XVIII века, начиная с Сумарокова и кончая Крыловым, была живым и ярким проявлением общественной жизни, она в специфических формах

жанра отражала классовую (на первых порах — внутриклассовую) борьбу, имевшую место в русской действительности.

С первых шагов своего существования литературная русская комедия приобрела сатирический характер, стала комедией-сатирой, обращавшей свое острие против различных общественных пороков, против отрицательных сторон русской жизни, не останавливаясь даже перед критикой самодержцев и осмеянием их.

Н. А. Добролюбов, довольно сурово относившийся к русской литературе XVIII века, делал исключение именно для комедии этого периода: «Это было великое дело — восстать на пороки сильные, господствующие, распространенные во всех классах общества, начиная с самых высочайших и чем выше, тем больше. . .» Из цензурных соображений Добролюбов словами «самые высочайшие классы» прикрывал мысль о том, что русская комедия нападала на Екатерину и ее придворных. Добролюбов особенно подчеркивал «сильную, настойчивую борьбу с главнейшими недостатками эпохи». Эта черта русской комедии представлялась Добролюбову тем более ценной, что литература тогда, по его словам, «сама еще едва выходила из пеленок». «Ход нашей комедии,— писал он о комедии XVIII века,— показывает, что с небольшими средствами тогдашние писатели делали много. . . Не говоря о Фонвизине и Капнисте, даже второстепенные слабые деятели на этом поприще в прошлом столетии умели затрагивать живые общественные вопросы. Вспомним «Опекуна» и «Лихоимца» Сумарокова, «Вояжера» Ефимьева [1], «Несчастье от кареты» Княжнина и т. п.». .

В этой неизменной близости к явлениям и вопросам общественно-политической жизни страны, в этом настойчивом стремлении представить эти явления на суд зрителей и читателей и дать им собственное объяснение заключается одна из важнейших сторон развития русской комедии XVIII века. Все это придавало комедии характер публицистичности, а лучшие комедии становились явлениями политической сатиры. И «важнейшие» комедии, и передовая так называемая «массовая» комедия являлись в своей совокупности большой политической силой, боровшейся с самодержавием, с феодально-крепостническим строем, с дворянско-бюрократической монархией XVIII века. Враждебное отношение екатерининского правительства к русской комедии тех лет свидетельствует о серьезной политической роли, какую она играла во второй половине XVIII века.

Литературная русская комедия могла стать и стала серьезным

---

[1] Комедия Ефимьева «Вояжер» не была напечатана: местонахождение рукописи, по которой Добролюбов знакомился с этой пьесой, нам неизвестно.

явлением, вышедшим за пределы классово-дворянских интересов, только в результате обращения передовых писателей начала 1760-х годов к народному театру, к презиравшимся дворянскими драматургами народным «игрищам». Именно из них почерпнут был Лукиным, а вслед за ним и другими комедиографами 1760-х годов интерес к «русским характерам», понимаемым в плане социально-политическом, а не психологическом, и усвоено внимательное отношение к живому, сильному и образному народному языку. От Лукина и до «Трумфа» Крылова идет одна непрерывная линия — опора на народный театр. Именно эта часть русских писателей представляла демократическое, прогрессивное направление в русской культуре XVIII века.

Народный театр влиял на литературную комедию не внешне, не формально. Зависимость русской комедии от народного театра гораздо глубже, органичнее и многообразнее, чем это может показаться на первый взгляд. Западноевропейская комедия, с которой русские комедиографы были знакомы и по постановкам в придворных и публичных театрах, и еще больше по книгам, была в основной своей массе комедией условной, «классической». Народный театр противопоставлял этой условности свой здоровый и ясный реализм, который можно назвать «народно-бытовым».

Первое и существеннейшее воздействие народного театра, «игрищ», на литературную комедию XVIII века заключалось в том, что в лучших произведениях этого жанра, в передовых комедиях реалистическая струя преобладает над условной, «классической». Из всех жанров русской литературы XVIII века комедия в наибольшей мере стала жанром реалистическим в результате того, что она явилась одним из актуальнейших способов общественной борьбы и что она черпала силу из принципов народного театра.

Положительное влияние народного театра на комедию XVIII века сказалось также и в вопросе о литературном языке этого жанра. Вместе с тем, не следует думать, что развитие языка русской комедии зависело только от народного театра и только им питалось. Как в вопросе о «русских характерах», так и в отношении языка русская комедия усвоила основной принцип народного театра, и в то же время талантливые и просто способные литераторы вкладывали в развитие литературного языка также и собственные усилия и достижения.

Внимательное изучение материала приводит к выводу о совершенной несостоятельности утверждений о «подражательности» русской комедии XVIII века. Сила русской комедии XVIII века — в ее связи с народной жизнью, в ее смелом обращении к больным сторонам народной жизни. Оригинальность ее —

в ее социально-сатирическом бытовом реализме, в том, что она отражала стихийно-революционные настроения русского крепостного крестьянства. Этим она самобытна, этим она самостоятельна, этого она нигде не заимствовала, и смешно поэтому говорить о ее «подражательности».

Русская комедия XVIII века представляет одну из самых ценных и плодотворных страниц в развитии русской литературы XVIII века, один из важных этапов в развитии реализма в русской драматургии и в русском театре.

П. БЕРКОВ

А. П. СУМАРОКОВ

ССОРА
У МУЖА С ЖЕНОЮ

ССОРА У МУЖА С ЖЕНОЙ

Комедия

ЛИЦА

Оронт

Салмина, жена его

Деламида, дочь их

Дюлиж } Женихи ее

Фатюй } Женихи ее

Дюфиза

Кимар, слуга Оронтов

Финета, служанка Деламиды

В ПЕРВОЙ РАЗ ПРЕДСТАВЛЕНА
НА ПРИДВОРНОМ ТЕАТРЕ 1751 ГОДА ГЕНВАРЯ ДНЯ

ЯВЛЕНИЕ I

Финета (одна).

Финета. Быть у нас в доме сегодни ссоре; отец дочери выбрал жениха, а мать другого; да, полно, она о замужестве и не думает, не то у нее на уме, у нас только в мысли, как бы нам ото всех людей отлично одеться, чтобы господа петиметры наряды ее до неба возносили, а прямые бы люди ею гнушались.

ЯВЛЕНИЕ II

Фатюй и Финета.

Фатюй, не говоря ни слова, делает Финете три поклона, а она ему обратно на всякий поклон по поклону.

Финета. Что, сударь, у вас нового?

Фатюй. Одни только башмаки, да и тех я не надел, очень тесны, жмут ноги, окупился.

Финета. Куда как этого, сударь, жаль.

Фатюй. Что делать!

Финета. Чем вы забавляетесь?

Фатюй. Иногда играю в свайку, иногда. . .

Финета. А с кем ты эдак тешиться изволишь?

Фатюй. С людьми своими, разве у нас и холопей нет.

Финета. И, сударь, как тебе не стыдно, какой ты игрой забавляешься, да еще с холопями.

Фатюй. Я не спесив, Финета, а эта игра безубытошнее той, в которую я намнясь поиграл с Дюлижем.

Финета. Изволь-ка с ним поводиться только, а то он тебя выучит доброму.

Фатюй. Перед обедом пришел ко мне, да ну меня звать, чтоб я с ним пошел в гости обедать; мне было не хотелось, однако он так привязался, что я не мог отговориться. Пошел с ним; пришли, вижу, что стоит стол, да нет ни кушанья, ни тарелок, ни скатерти на нем, только лишь обит, не помню синим,

не помню зеленым сукном. Вышел хозяин; хозяин очень ласков, говорит: чего изволите, все готово, а чего готово — и стол не накрыт. Потом подал два костяных шарика, а Дюлиж взял две палки, одну дал мне, а другую оставил себе, с одного конца такие толстые, а с другого самые тоненькие. Стал меня учить, эта де игра, а играют в нее, вот эдак да эдак. Мне показалось, что эта игра не очень мудрена, стал с ним играть; он было хотел по червонному игру, только я по червонному играть не отважился; ин де хотя рубли по полтора, я и по полтора рубли играть не хотел; ин де хотя по сороку алтын *, наконец, согласились, чтоб играть игру без полугривны по сороку *. Проиграл ему пять игор, да и выиграть-та нельзя, все считает в двое, шар положит однажды, а считает по два. Я больше играть с ним на деньги не хотел; стали играть, чтоб тот, кто проиграет, купил бутылку вина, и тут я еще столько ж игор проиграл. Другая беда пришла, однажды толкнул я в шар, шар-ат как-то свернулся, ан остреем-то палки немножко прорвал сукно, так и за то взяли с меня два рубли, восемь алтын и две деньги *. Сели потом есть, подали нам и вино это, которое я проиграл: кто ж это мог подумать, что оно по полтора рубли бутылка? коли б оно уже сладко было, так бы уж и живот не болел, а то вино такое кислое, только лишь пенится; да я ж им еще и ушибся и облился: стал вынимать пробку, ан как меня щелкнет в лоб, так я насилу усидел; стал его отведывать, так оно мне и в горло не пошло. Попросил меду, меду нет; попросил квасу, нет и квасу, такая меня изняла жажда, что я не знал, что делать, все мне подают вино, а о квасе де мы и не знаем; и ежели б на стол воды не подали, то б мне из-за стола пришло бежать: за все плати деньги, да еще и напиться не дадут. Нет, Финета, в эдакие гости, вперед он меня не заманит.

Финета. И впрямь, лучше играй все в свайку.

Фатюй. То ли пить это дело, в свайку как ни играй, так не проиграешься.

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и Салмина.

Салмина. Напрасно ты суетишься, дочери моей за тобою не бывать, ты Дюлижева и мизинца не стоишь.

Фатюй. И меня, сударыня, люди не хулят.

Салмина. Чтобы я дочь выдала за дурака, как весело с эдаким жить мужем, я уж это отведала, да мой же еще и сми-

рен; а ты каков бы был, я еще не ведаю; иногда и свинья рыло подымает, я в том немного искусилась.

Фатюй. Я, сударыня, всегда буду у вас в послушании.

Салмина. Сколько я в молодости своей слез потеряла, еще я того не позабыла.

Фатюй. Однако вы вить мужа-то своего любили ж.

Салмина. Никогда; а любила я тех, которые мне нравны были, да я этого и не стыжусь. Бывало я хочу ехать, да повидаться с тем, кто мне надобен, а он свое несет, поезжай с ним туды, где не только молодую бабу, и старика разумного одурь возьмет. Сидим, бывало, сидим с ним у такого ж, каков он, хозяина целой день, да так иногда скучится, что все заснем, и только тут и утешенья мне было, что как от пустых их речей заснешь, да того, кто мил, во сне увидишь. Всякая беда человеку тяжела, а это, чтоб быть за дураком, всех тяжеле.

Фатюй. Да хотя б я и впрямь, сударыня, глуп был, так разве нам и не жениться?

Салмина. Давно вас перевесть пора, уж вас и так на свете гораздо умножилось, напрасно только на вас хлеб тратится *.

Фатюй. И без дураков-та нельзя.

Салмина. А на что они?

Фатюй. Как же, сударыня, вить не всем быть умными.

Салмина. На что вас женить, от дураков дураки ж и родятся, да уж так вас много развелось, что и перевесть нельзя.

Фатюй. Не всегда от безумцев безумцы родятся; коли, по вашему слову, господин Оронт глуп, так неужели и госпожа Деламида глупа?

Салмина. А тебе кто это сказывал, что она дочь его?

Фатюй. Как же, вить она дочь ваша?

Салмина. Эдакой человек! и этого не поймет.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Кимар.

Кимар (*Салмине*). Господин Дюлиж дожидается вас в покоях ваших.

Фатюй (*Салмине*). Можно ли и мне туды войти?

Салмина. Нечего делать.

Фатюй (*кланяясь*). Пожалуйте, сударыня, прикажите и мне туды войти.

Салмина (*отходя*). Нечего делать: мне и от своего дурака тошно.

ЯВЛЕНИЕ V

Фатюй, Финета, Кимар.

Фатюй. Так я лутче пойду да прохожусь, покамест господин Оронт домой не будет.

Кимар. Давно бы ты это вздумал.

Финета. Или бы пошел, да поиграл в свайку.

Кимар (*Финете*). Изрядной у нас господин будет, ежели Деламида за него выдет.

Финета. Этому не бывать.

Фатюй. Вить я в зеркало-та сматривался, мне кажется, что я совсем человек.

Финета. Поди-т-ка лутче, да поиграй в свайку.

Фатюй. А здесь есть?

Кимар. Как не быть.

Фатюй. Так и впрямь поиграть было от скуки.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кимар и Финета.

Кимар. Ежели, Финета, госпоже нашей не быть за кем другим, так я желаю, чтоб она лутче была за Дюлижем, нежели за эдаким уродом.

Финета. Тот и этого хуже.

Кимар. А я говорю, что тот лутче.

Финета. Ты сам не знаешь, что говоришь; тот лутче! чем тот лутче? ты бы лутче сказал, у того платье полутче сделано, да лутче волосы подвиты.

Кимар. А ты бы лутче сказала, что этот потише, нежели тот, и стариннную б примолвила пословицу, что смиренье молодцу ожерелье; да, полно, эдакое ожерелье не всегда надевается для украшения, иногда для того, что другого наряда нет.

Финета. А и эдакие господа, каков Дюлиж, вить только для того так много о платье думают, что ничего другого вздумать не умеют, а это не мудрено; к тому же и портной пособит; да что я с тобой заговорилась! я чаю, что меня уже спрашивали.

ЯВЛЕНИЕ VII

Кимар (один).

Кимар. Мне кажется, что ее слова около правды вертятся. Повеса Фатюй, повеса и Дюлиж, ты, Деламида, несчастливая невеста, что эдаких женихов имеешь. А вам, отцы их, не стыдно

ли это, что вы эдаких воспитали, один дурачество сына своего называет смиреньем, а другой щегольством, а мне кажется, что неумеренное смиренье и неумеренное щегольство всеконечно малоумия примета; что есть такие девушки, которым петиметеры нравятся, это не мудрено: петиметерка петиметера далеко видит. Пускай их слюбливаются, это никому незавидно. (*Оглядываясь.*) Счастлив я, что я это без них говорю, а то бы я петиметеров и петиметерок на себя взволновал: а армия эта велика.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Оронт и Кимар.

Оронт. Долго ли это будет? что ни молвишь, за все бьют.

Кимар. Что еще такое сделалось?

Оронт. Хоть уж ты меня не выдай. Жена меня убила, да еще велела принесть розог, да как малого ребенка сечь меня хотела; да ежели б я в чем виноват был, так бы то было дело другое, а то я сегодни с нею был чиннехонек.

Кимар. Коли меня будешь слушать, так этому вперед ничему не бывать.

Оронт. Что ж ты мне советуешь?

Кимар. Однажды только ее побей, так она вся будет другая.

Оронт. А как она не дастся, да меня убьет еще и больняе сегоднишнего.

Кимар. Я тебя уж отстою. Да ежели ее не унять, так она и весь у нас дом разгоняет.

Оронт. А чем бы ее побить-то, Кимар?

Кимар. Я это сыщу.

Оронт. Да не выдай же меня.

Кимар. Надейся на меня, как на городовую стену.

Оронт. То-то, Кимар, чтоб мне не попасть в беду.

Кимар (*отходя*). Крепко на меня надейся.

ЯВЛЕНИЕ IX

Оронт (один).

Оронт. Ох, Салмина, Салмина, приходит мне удавиться, и камень от жару трескается, а я в сорок лет, в которые я от тебя мучусь, еще жив; все этому удивляются, что я так великодушен, да в чем же и мужество наше состоит, ежели не в великодушии.

ЯВЛЕНИЕ X

Оронт и Салмина (с драничкой).

Салмина. Ты от меня бегать?

Оронт. Виноват, матушка.— Кимар!

Салмина (*приступая к нему*). Не станешь ли так вперед делать?

Оронт. Кимар! Кимар!

Салмина. Не о Кимаре теперь дело. Не станешь ли ты, свинья, вперед бегать от меня?

Оронт. Не стану, сударыня. Рассеки меня, ежели я вперед это сделаю. Кимар!

Салмина. Не станешь ли спорить? и будешь ли слушаться?

Оронт. Буду, матушка, буду, сударыня, буду, мое сокровище, буду, радость моя, утеха моя, веселье мое, жизнь моя, душа моя. Кимар! Кимар!

Салмина. Дашь ли мне в дочери волю?

ЯВЛЕНИЕ XI

Те ж и Кимар.

Оронт. Отстаивай меня, Кимар.

Салмина. А! а! так ты Кимара-та за этим звал?

Кимар (*дает ему драничку*). Становись за меня; посмотрим сперьва, что от нее будет.

Салмина (*Оронту*). Так ты мне противиться хочешь? (*Приступает к Оронту, а он из-за Кимара отмахивается.*)

Салмина (*Кимару*). Так я, коли так, тебя.

Кимар. Нет, сударыня, этому не бывать.

Оронт. Салмина, вить он сердит, не связывайся с ним.

Салмина. Я его сердца не боюсь.

Оронт. Ей! поберегись, вить он не я, у него у самого руки есть.

Салмина (*Оронту*). Так вот я ж тебя, коли так. (*Достает его за Кимаром, Оронт бежит от нее, а она за ним гонится и бегучи упала, а Оронт ушел.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Салмина и Кимар.

Салмина (*сидя на полу*). Подыми меня, Кимар, я ногу зашибла.

Кимар. Я давно тебе говорил, чтоб ты унялась, а то похождение-то твое так чудно, что хотя бы и в книгу написать.

Салмина. А чем же оно, бездельник, чудно?

Кимар. Тем чудно, что ты от него и теперь на полу сидишь.

Салмина. Да это и со всяким случиться может, и лошадь падает, а у нее еще и четыре ноги.

Кимар. Ежели б ты не от этого упала, что ты гналася за мужем, так то не было бы смешно.

Салмина. Однако подыми меня; неровно, кто еще зайдет.

Кимар (*приподняв два раза, опять опускает*). Нет, сударыня, тяжеленька ты, изволь посидеть, у меня есть знакомой механик. Это, я слыхал, их дело, чтобы то, что тяжело, искусно подымать.

Салмина. Да ты только приподними меня, а то я уж и сама встану.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те ж и Дюлиж.

Дюлиж. Я вас в премудреной вижу ситуации.

Салмина. Это мне все за тебя, муж меня бить было хотел, что я за тебя, а не за Фатюя дочь свою выдаю; насилу я от него ушла, оттого-то я и упала, что от него побежала, да еще и ногу зашибла, подыми меня.

Дюлиж. Гоняться за дамой! как это не гнусно!

Салмина. Однако подыми меня прежде.

Дюлиж. Да еще за такой дамой, которая адорабль, и которая тот один имеет порок, что не бывала в Париже.

Салмина. Подыми ж меня, пожалуй.

Дюлиж. И которая лучше умрет, нежели выдаст дочь свою не за галантома.

Салмина. Подыми ж наперед меня.

Дюлиж. Дама, которая в молодости своей человек по десяти в день воздыхателей делала.

Салмина. Что ж, подымешь ли ты меня?

Дюлиж (*Кимару*). Пожалуй, друг мой, сыщи мне перчатки. (*Кимар отходит.*) Это, сударыня, очень неучтиво будет, ежели мне вашу руку взять голою рукою.

Салмина. Где эдакого сыщешь премудрого зятя.

Дюлиж. На что и родиться, сударыня, ежели уж и того не знать, что всего на свете нужняе, а нужняе комплиментов нет ничего на свете; ими-то человек от скота и отличается.

Салмина. В них-то и благородие наше состоит, чем же дворянин от подлого человека и разнствует?

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те ж и Кимар (опять входит).

Дюлиж (*берет у Кимара перчатки и надевает, а надевши*). Ежели б я перчаток не сыскал, я бы вас поднять истинно не осмелился, хотя бы вы по великодушию своему мне дурость мою и отпустили, ежели б я вас и голою рукою принял. (*Потом подает ей руку.*)

Салмина. Только я эдак не встану. (*Дюлиж дает ей и другую.*) Нет, и эдак не встану.

Дюлиж (*взяв ее за руки и приподняв ее, упал и сам. Потом встав, говорит ей*). Я надеюся, что вы мне этот проступок простите, что я, опустив вас, немного вас обеспокоил; истину сказать, вы немного тяжелы.

Кимар (*Салмине*). Не лучше ли по механика-то послать?

ЯВЛЕНИЕ XV

Те ж и Фатюй.

Фатюй (*Дюлижу*). Ба-ба-ба! не ты ль это ее повалил?

Дюлиж (*бьет*). Bête *! Будто с дамами эдак обходятся.

Фатюй. Или муж, никак?

Дюлиж. А мужу-то эдак с женою поступать разве вольно?

Фатюй. Как же не вольно, да мужья-то жен и бьют.

Дюлиж. О! подлая душа!

Кимар. Достойно ты его эдаким называешь именем; подлинно, что подлая в нем душа, за это я тебе госпожу свою поднять помогу.

Дюлиж (*обнимая его*). О! друг мой, достоин ты имени французского лакея.

Дюлиж опять обеими руками Салмину подымает, а Кимар ему пособляет.

Салмина. Я тебе, Кимар, теперь это упускаю, что ты мне дурака-то поучить не дал; а впредь ты на меня уж не пеняй, ежели еще эдак сделаешь, а с ним я теперь поговорю.

Кимар. Воля твоя, а я господина своего бить не дам.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Дюлиж и Фатюй.

Дюлиж. Ты этого, чтоб тебе жениться на Деламиде, еще не выложил из головы?

Фатюй. Будто это в моей воле? вить суженой и конем не объедешь.

Дюлиж. Что это такое, суженой конем не объедешь?

Фатюй. Будто ты этова не знаешь? вить ты русской человек.

Дюлиж. Ты русской человек, а не я; ежели ты мне эдак вперед скажешь, так я тебе конец шпаги покажу. Я русской человек!

Фатюй. Какой же ты?

Дюлиж. Я это знаю, какой. Русской человек! Да ему и думается, что это не обидно!

Фатюй. Так ты, я вижу, с ума сошел, братец!

Дюлиж. Monsieur! я тебе не братец, ты это ведай! Или ты это позабыл, что ты по-французски ни одного не знаешь слова?

Фатюй. Кабы я учился, так бы и я знал.

Дюлиж. И ты бы знал, думаешь ты? нет, друг мой, для французского языка не эдакая голова надобна, не эдаким волосам на ней быть должно.

Фатюй. Были бы волосы, а подвить их не мудрено.

Дюлиж. Не мудрено, ты думаешь? ха! ха! ха! ха! Не мудрено волосы подвить! ха! ха! ха! ха! Эдак, как ты подвиваешь, не мудрено, а эдак (*указывая на свои*) не так легко, как ты думаешь.

Фатюй. Что мне с тобою говорить, лутче пойти к господину Оронту.

ЯВЛЕНИЕ XVII

Дюлиж (один).

Дюлиж. На что эдакие люди рождаются? какая от них народу польза? Не умеет ни одеться, ни молвить, как должно галантому, ни шпаги пониже спустить, ни о дамских говорить уборах, да думает еще, что это и не надобно.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Дюлиж и Деламида.

Деламида. Я думала, что вы уж ушли.

Дюлиж. А я не думал, что я вас сегодни еще увидеть удостоюсь.

Деламида. Это для вас, чтоб меня видеть, не очень велико.

Дюлиж. Всего больше, сударыня.

Деламида. Вы так мне флатируете *, что уж не возможно, по чести.

Д ю л и ж. Вы мне еще не верите, что я вас адорирую *.

Д е л а м и д а. Я этого, сударь, не меритирую *.

Д ю л и ж. Я думаю, что вы довольно ремаркировать * могли, что я в вашей презанс * всегда в конфузии.

Д е л а м и д а. Что вы дистре *, так это может быть от чего-нибудь другого.

Д ю л и ж. Я все, кроме вас, мепризирую *.

Д е л а м и д а. Я этой пансе * не имею, чтобы я и впрямь в ваших глазах эмабль * была.

Д ю л и ж. Трезэмабль, сударыня, вы как деесса * в моих глазах?

Д е л а м и д а. И я вас очень эстимую *, да для того-то я и за вас нейду; когда б вы моим мужем стали, так хотя вы и многие калите * имели, мне б вас больше эстимовать было уже нельзя.

Д ю л и ж. А для чего, разве бы вы любить меня не стали?

Д е л а м и д а. Любить мужа, ха! ха! ха! ха! Это посадской бабе прилично!

Д ю л и ж. Против этого спорить нельзя, однако ежели б вы меня из адоратера * сделали меня своим амантом *, то б это было пардонабельно *.

Д е л а м и д а. Пардонабельно любить мужа! ха! ха! ха! ха! Вы ли, полно, это говорите, я б не чаяла, чтоб вы так не резонабельны *были.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Т е ж и Д ю ф и з а.

Д е л а м и д а (*Дюфизе*). Что это тебе сделалось, что я тебя дни с три не видела?

Д ю ф и з а. Я хипохондриею замучилась, а ты этого и не знаешь?

Д е л а м и д а. Да отчего?

Д ю ф и з а. Тот, что намнясь целадоновую * ту твою хвалил самару *, изволит надо мною тешиться. Мне это пересказали; так мне так стало досадно, что я занемогла.

Д е л а м и д а. Не сказал ли уж он, что ты его любишь?

Д ю ф и з а. Это бы еще сносняе было.

Д е л а м и д а. Или уж не говорил ли он и больше этого каких о тебе сотизов *?

Д ю ф и з а. И это бы еще экскюзабельнее *.

Д е л а м и д а. Что ж было такое?

Д ю ф и з а. Выговорил в публичной компании, что Клариса убирается лутче, нежели я.

Д ю л и ж. Est-il possible *?

Деламида. Разве он ослеп и этого не видит, что она не по-французски убирается?

Дюлиж. Конечно, он разум потерял.

Дюфиза. И я думаю, что так. А Клариса очень commun одевается.

Дюлиж. Très commun *, так, как все русские дамы. Да и нельзя, чтоб она хорошо когда оделась; она у своего тоалета никогда ни одного не видовала кавалера, я разумею из таких, которые не игноранты *, и основательно о одеванье говорить знают, а мужские глаза, что к которой даме пристало и что не пристало, лутче видят.

Дюфиза. Да я из эдаких людей около ее никого и не вижу. Знать, что она хорошо одевается.

Дюлиж. Она на французскую даму ни с чего не походит; самая русская. А что она хороша, это безделица, ежели одевается худо: и крестьянские девки хороши бывают, да вить не волочиться ж за ними.

Дюфиза. А что она хорошо танцует, это мне диковинка.

Деламида. Она ж еще и хорошо поет, и это мне чудно.

Дюфиза. Да, я слышала, изрядно поет. Какие ж поет песни? Русские.

Дюлиж. Это уж вы на нее клеплете.

Дюфиза. Право, русские намедни пела песни *.

Дюлиж. Русские песни? Ха, ха, ха, ха! Статное ли это дело? Нет, вы издеваетесь.

Деламида. И я, право, намнясь слышала, что она по-русски пела.

Дюлиж. Ха, ха, ха, ха! Это невероятно. Этого я уж и не думал.

Деламида. Мы слов по двадцати по-французски знаем, да и мы этого не делаем, а она по-французски очень хорошо умеет, а русские поет песни.

Дюлиж. Этому, право, статься нельзя, чтоб она впрям уж на русском языке песни пела. Belle brune que j'adore, vous qui me privez l'amour *... то ли это дело? Sans champagne, sans tendresse le *... Какое сравнение! Aprens à boire de ce vin *. Все не то.

ЯВЛЕНИЕ XX

Те ж и Финета.

Финета (*Дюлижу*). Госпожа Салмина вас к себе просит. Продают с красными каблуками башмаки, в красной коже книги, красную, синюю и песошную * бумагу и много таких хороших вещей.

Дюлиж. Я давно эдакой бумаги искал: мне инда стыдно, что я старинную бумагу употребляю. Это скаредно, чтоб по белой бумаге писать, да и не так ловко.

ЯВЛЕНИЕ XXI

Деламида, Дюфиза.

Дюфиза. Знаешь ли ты, какой я делаю прожект?

Деламида. Какой?

Дюфиза. А вот послушай. Перьвое: хочу ввесть в моду, чтоб и дамы, как кавалеры, кошельки носили; второе: чтоб только в одном ухе серьга была. Третье: чтоб одна щека была нарумянена, а другая нет. Четвертое: чтоб одна половина головы была напудрена, а другая нет. Пятое: чтоб «сударь» и «сударыня» не говорить, а говорить бы monsieur и madame.

Деламида. Это бы всего лутче было *, ежели б это в разговоры ввесть было можно, да, полно, кто этот варварской обычай выведет, чтоб «сударь» и «сударыня» перестать говорить?

Дюфиза. Для чего не ввесть? Вить вместо уборного стола говорят ле тоалет, вместо обоев — tapesserie, вместо простительно — пардонабельно, вместо готовальни — étuit. Да мало ли уж эдаких прекрасных слов в варварской наш язык введено. Когда готовальню étuit называем, так для чего и часы не назвать в русском языке montre? И вместе «да» и «нет» не сказать oui и non? Отчего ж тебе кажется, что monsieur и madame ввести трудно?

Деламида. Ей, ей! Ты правду говоришь!

Дюфиза. Ах! жаль мне, что я не взяла с собой этой бумаги, на которой у меня все, что я выдумала, записано.

Деламида. Пошли, пожалуй, по нее.

Дюфиза. Я бы послала, да стыдно показать, написано не на синей и на красной бумаге, на белой *.

Деламида. Что ты, мать моя, не с ума ли сошла? Уж по белой бумаге писать стала.

Дюфиза. Не знаю, мать моя, где купить, а французская-та бумага у меня изошла.

Деламида. Да я ж тебя намнясь видела, что ты едешь с вершниками *. Как тебе эдак срамиться-то не стыдно?

Дюфиза. Разве ты моей ливреи * не знаешь? Вить ты видела, что я в чужой карете ехала.

Деламида. Да вить это не всяк знает. Эдак когда-нибудь и соболью шапку * на тебя взденут.

Дюфиза. Чего уж ты не вздумаешь?

Деламида. А это, право, что ты сказала давича, недурно

будет. Отведаем-ка мы это сделать. Я нарумяню левую щеку, а ты правую, я напудрю правую сторону головы, а ты левую, я серьгу положу в левое ухо, а ты в правое.

Дюфиза. Кстати ль это? И серьга и румяны на одной стороне будут.

ЯВЛЕНИЕ XXII

Те ж и Финета.

Деламида (*Дюфизе*). Отведаем-ка сперьва убрать эдак Финету *. Каково покажется?

Финета (*Деламиде*). Как это, сударыня?

Дюфиза (*Финете*). Чтоб одна щека была нарумянена, а правая так осталась, в правом бы ухе была серьга, а в левом бы не было, да одна б половина головы напудрена была, и на волосы мужской кошелек.

Финета (*кланяясь им*). Благодарствую, сударыни: извольте вы сами эдак убираться.

Деламида (*Финете*). Так не лутче ли уж в подкапке * ходить?

Финета (*Деламиде*). Сто раз лутче.

Дюфиза (*Финете*). А коли не станем выдумывать, так и это, в чем мы нынче ходим, подкапками нам казаться станет.

Финета (*Дюфизе*). Извольте выдумывать, что хотите, а я безобразиться не хочу; вить я не дура.

Деламида (*Финете*). Да и мы не дуры.

Финета (*особливо*). Диво не так ли?

Деламида (*Финете*). Что ты говоришь?

Финета (*Деламиде*). Я говорю, сударыня, что вы... Я, право, позабыла, что я молвила.

Дюфиза (*Деламиде*). Я думаю, что она нам смеется.

Финета (*особливо*). Да нельзя и не смеяться. (*Дюфизе*.) Статное ли это, сударыня, дело, чтоб таких разумных пересмехать девиц (*особливо*), которые что ни вздумают, так то все не по-людски.

Деламида (*Финете*). Что ты еще говоришь?

Финета (*Деламиде*). Я говорю, сударыня, что и я нечто выдумала.

Деламида и Дюфиза. Что такое?

Финета. Как не скажу, так вы надумаетесь.

Дюфиза. Скажи ж, Финетушка, скажи, враг мой *.

Деламида. Скажи ж, mon âme *.

Финета. Я выдумала, чтобы вместо рукавиц на руки надевать чулки.

Д е л а м и д а (*Дюфизе*). А что? ежели б это выдумали в Париже, так, я чаю, это бы было недурно.

Ф и н е т а (*Деламиде*). А разве не все равно *, что в Париже, что в Петербурге.

Д ю ф и з а (*Финете*). Да все равно.

Ф и н е т а (*особливо*). Всякой дурак равен, что парижской, что петербургской.

Д ю ф и з а (*Финете*). Что ты говоришь петербургской?

Ф и н е т а (*Дюфизе*). Я говорю, что петербургской в платье обычно не хорош (*особливо*) для эдаких дур.

Д ю ф и з а (*Финете*). Срамно здесь одеваются.

Д е л а м и д а (*Дюфизе*). Подлинно, что скаредно.

Д ю ф и з а (*Деламиде*). А перенимать не хотим, да еще и думаем, что мы хорошо одеваемся. Эдакое ослепление!

Д е л а м и д а (*Дюфизе*). А все это от самолюбия!

Д ю ф и з а (*Деламиде*). От незнания больше.

Ф и н е т а (*особливо*). Вы много знаете.

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Т е ж, Д ю л и ж и Ф а т ю й.

Д ю л и ж (*Фатюю*). Так тебя выслали? Ха, ха, ха, ха!

Ф а т ю й (*всем*). Выслали, право, только не знаю, для какой причины.

Д ю л и ж (*Фатюю*). Сведаешь после. (*Деламиде.*) Баталия будет сегодни, сударыня. Так матушка ваша опасалась, чтобы господин Фатюй не был батюшку вашему сюкурсом *. Правда, что он хороший сюкурс, ха, ха, ха, ха! Это сюкурс.

Ф а т ю й (*Дюлижу*). Что ты это говоришь? скажи мне по-русски, вить ты ведаешь, что я по-немецки не знаю.

Д ю л и ж (*Фатюю*). У нареченной вашей тещи с нареченным вашим тестем за нареченного их глупого зятя будет сегодни война, и для того-то тебя нареченная твоя теща выслала, чтоб ты мужу ее против нее не подал помочи. Ужли тебе не понятно?

Ф а т ю й (*Дюлижу*). Право, так?

Д ю л и ж (*Фатюю*). Как дважды два четыре.

Ф а т ю й (*подняв у руки по два пальца, считает пальцы*). Перьвой, другой, три, четыре; да, четыре.

Д ю л и ж (*Фатюю*). А в остатках сколько?

Ф а т ю й (*остальные пальцы считает*). Перьвой, другой, три, четыре, пять, шесть; шесть.

Д ю ф и з а (*Фатюю*). Сколько ж всех?

Ф а т ю й (*Дюфизе, считая пальцы на одной руке*). Перьвой,

другой, три, четыре, пять, да на этой столько ж; так десять. Пять да пять вить десять *.

Дюфиза (*Деламиде*). Изрядной у тебя жених.

Деламида (*Дюфизе*). Вот ежели б он в Париже-то побывал, так тот ли бы он был?

Финета (*Деламиде*). А там разве эдаких нет?

Дюлиж (*Финете*). Да, есть. Ты думаешь, что и впрям есть?

Финета (*Дюлижу*). Этого товару везде, сударь, много.

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Те ж, Оронт, Салмина и Кимар.

Оронт бежит, а за ним Кимар и потом Салмина с драничкой.

Оронт. Не выдавай же меня, Кимар.

Кимар (*Оронту*). Спрячься за меня, спрячься.

Салмина (*приступая к Оронту*). Так ты дочери за Дюлижа не отдашь?

Кимар (*Оронту*). Говори: не отдам.

Оронт (*Салмине*). Не отдам, сударыня.

Дюлиж (*Кимару*). Я тебе нос касирую *.

Салмина (*Оронту*). А я хочу, чтоб по-моему было.

Кимар (*Оронту*). Говори: а я хочу, чтоб по-моему было.

Оронт (*Салмине*). А я хочу, чтоб по-моему было, сударыня.

Фатюй (*Кимару*). Так-таки: будто я его и хуже? Ай, Кимар!

Деламида (*Салмине*). Ma mère *, я имею интенцию * ваш диспут финировать *...

Салмина (*Деламиде*). Я не хочу, чтоб по его сделалось *.

Деламида (*Салмине*). Да не будет по его.

Фатюй (*Дюфизе*). Вот так-то, смиреньем-то больше возьмешь, нежели прытостью. (*Потом Деламиде.*) Так ты меня и поцалуешь?

Деламида. Фуй! Это уж и гадко.

Финета. Ни слова по-французски не знает, да чтоб она его поцаловала!

Дюлиж (*Дюфизе*). Какую госпожа Деламида сделает резолюцию, я этого, право не компренирую *, и я очень этоне *.

Деламида. Monsieur батюшка и вы, сударыня ma mère, я нейду ни за monsieur Дюлижа, ни (*указывая на Фатюя*) за этого урода, да и ни за кого. Это очень подло *!

Дюфиза (*Деламиде*). Ты, конечно, juste * резонируешь *.

Дюлиж. Чтоб я не aimable * в глазах ее был, это incroyable *!

Фатюй. Что ж делать, коли она не суженая!

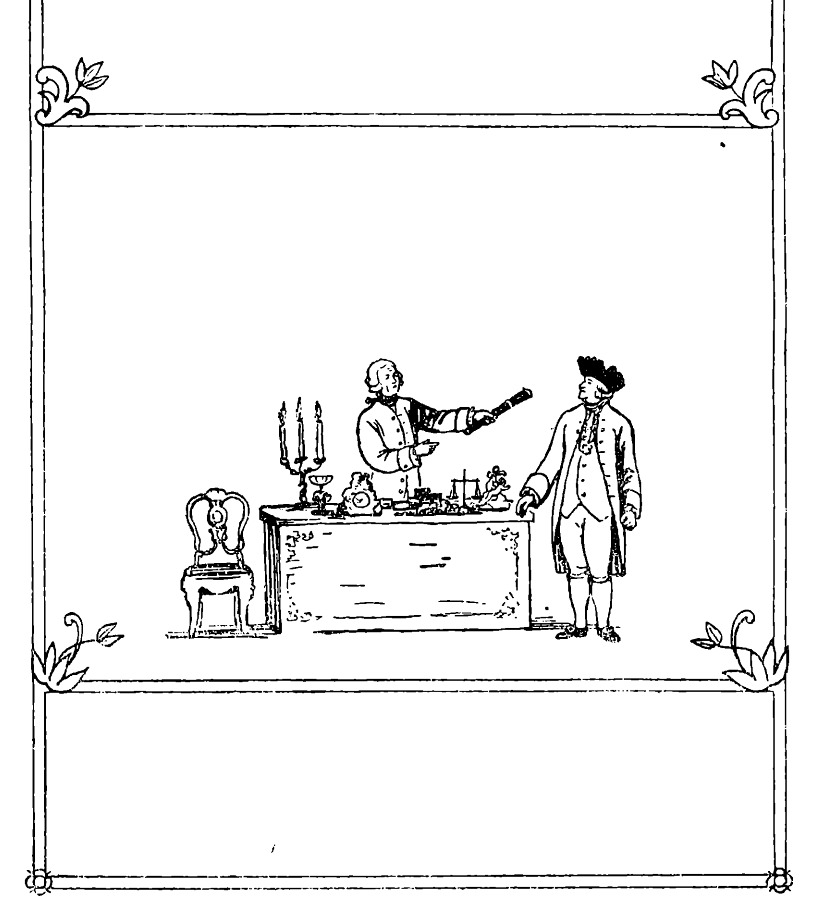
Оронт (*Салмине*). Так вот, ни по-моему, ни по-твоему не сделалось.

Салмина (*Оронту*). Да и по-твоему не стало. (*Деламиде.*) А тебе, упрямица, бездельница, дам я себя знать. Даром-то, что ты прытка и что я с тобой не могу сладить: я это все * (*указывая на мужа*) на нем вымещу.

Конец комедии

В. И. ЛУКИН

ЩЕПЕТИЛЬНИК



ПИСЬМО

к господину Ельчанинову

Любезный друг!

Справедливость велит нам неупустительно благодарить тех людей, от коих мы одолжение получаем. Я, будучи одолжен тобою, спешу доказать тебе, не столько по сему правилу, сколько по чувствованию сердечному, новый знак моего дружелюбия и тем желаю оное утвердить между нами.

Удивишься ты, любезный друг, прочтя сие вступление: оно тебе весьма невнятно покажется; но еще более удивишься, узнав, что избран ты мною в число меценатов и что я приношу тебе такое сочинение, в котором твоею помощию голова моя нимало не трудилась, а только правая рука несколько часов черкала по бумаге и тем не много обеспокоилась. Ведаешь ты, что она у меня весьма поспешна, но по ее несчастию не столь быстры мои мысли. Оне почасту заставляют сию скороделку останавливаться и класть перо; а она, не любя праздности, иногда чрезмерно за то огорчается.

Но время оставить ничего значущее слов сплетение и начать о деле, для того, что и ты при всех своих редких дарованиях, то есть при кротости, скромности и хладнокровии, иногда нетерпелив бываешь; не взирая на то, что, учася в К... * прослушал ты неоднократно и небесплодно все части философии и, будучи между педантами, прочел раз пять-шесть, хотя и неохотно, Гофманово о спокойствии душ сочинение *, редко оные успокоивающее.

Я думаю, что не забыл ты своей просьбы, которую нередко убеждал меня к преложению Boutique de Bijoutier * на наши нравы, таким образом, чтобы ее, как драматическое сочинение, и на театре представлять можно было. Если ты сие памятуешь, то и о том вспомнить можешь, что я всегда от того отрицался, видя, по моему мнению, великие в том трудности. Но сие отрицание единственно в словах заключалось, а сердце мое с твоим сердцем, по согласию чувствований на веки соединенное, всегда к противному меня побуждало и нудило сделать тебе угождение. А как ты не упустил и из Глухова * о том ко мне отписать, то я начал самым делом приготовляться к переделанию в комическое сочинение сей аглинской сатиры, не только солью, но и селитрою наполненной. Прочел я ее в один день два раза, и чем больше в нее вникал, тем меньше к удовольствию твоему находил способов. Целый день об ней думая, лег я спать и, наполняя ею голову, однако не предприняв точного к преложению намерения, но утомившись мыслями, заснул и к чрезвычайному и притом неожиданному счастию ее во сне увидел. Многим людям, которые мало или вовсе снов не читывали *, весьма странно покажется таковое сновидение. Но нам, прочетшим славные сны г. Кригера * и еще немецкого же сновидца, изданного без имени авторского, в котором, несмотря на то, что он не в поллиста

и не в десяти частях, можно найти очень много доброго нам с тобою и тем, кто столько же, как мы, снов прочли, и следующие из моего сонного приключения обстоятельствы в диковинку не будут. Я чувствительно сожалею, что не могу всего сна точно написать, но что из него вспомню, то и тебе между прочим сказать не упущу.

Вдруг узрел я себя, не знаю каким случаем, в числе зрителей комедии, на всенародном театре * представляемой [1]. Но какой же комедии? Самой той, о которой от тебя довольную вытерпел я докуку и которую тебе приписываю.

Очутившись при сем позорище еще до начатия и не зная, что представлено будет, спрашивал я о том стоявших возле меня, и в ответ сии слова от одного соседа услышал: «По правде сказать благородию вашему, мы материи, о чем комедь гласит, досконально и фундаментально не ведаем; а от ахтеров слышали, что имеют быть предварительно и стоически представлены в лицах разныя новоманерные галантереи» *. Разные галантереи? — спросил я его... — «Да, сударь»,— отвечал мне другой по левую руку стоявшей, которой при всяком слове в затылке почесывал и которой так скоро говорил, как трещотка, и в речах его не было ни запятых, ни двоеточия, ни точек. «Да, дорогой наш милостивец, я тоже слышал, что станут выкидываться на предъявленном киятре ориэнтальные, французские штуки, на наши русские манеры обделанные, и сам медиатер * [2] мне предположительно божился, что очень много проказного увидим».

Я нарочно пишу тебе словами моих соседов, которым я очень не рад был, но уйти от них не имел способу, чтобы ты узнал, кто они таковы; а что бы тебе об них еще легче угадать было, опишу их одеяние. На одном был кафтан синей и на нем только три пуговицы, камзол зеленой, штаны черные замшаные, а шлифы висели, для того, что пряжек шлифных не было, о которых я, по их дружескому между собою разговору, скоро узнал, что оне для опохмеления заложены поутру на первом кружале. Рубаху имел он с холстинными пречорными брызжами. Волосы у него не только не завиты, но всклочены и назади пучком связаны были; а шея пречорная, напоказ выставленна, без галстука и без платка; а куда оные, по нашему необходимые вещи, скрылись, узнать мне не удалось, но уповаю, что с пряжками имели оне одинаковую участь. На другом какой кафтан и камзол были, приметить я не мог, потому что он имел на себе епанчу преветхую, под пазухами распоротую и без пуговиц же, не отставая своей братьи; а на волосах кошелек, на шее же, вместо галстука, поношенной полуиталианской платок, нараспашку завязанной.

Ты, любезный друг, думаю, не удивишься сей неопрятности, ведая, что оные молодцы и в должности столько ж нерадивы и, перенимая от

[1] О сем позорище, может быть, ты и не слыхал, живучи в стране, о театре ни мало не пекущейся, и я согрешил бы пред тобою, не уведомив тебя о том, что сведения всякого человека, пользу общественную любящего, достойно. Со второго дни Святыя Пасхи открылся сей театр; он сделан на пустыре за Малою Морскою. Наш низкия степени народ * толь великую жадность к нему показал, что, оставя другие свои забавы, из которых иные действием не весьма забавны, ежедневно на оное зрелище сбирался. Играют тут охотники, из разных мест собранные, и между оными два-три есть довольно способностей имеющие, а склонность чрезмерную. Сия народная потеха может произвесть у нас не только зрителей, но современем и писцов, которые сперва хотя и неудачны будут, но вследствии исправятся. Словом, я искренно тебя уверяю, что сие для народа упражнение весьма полезно и потому великия похвалы достойно.

[2] Сим именем называется начальник всех таковых комедиантов.

большой части наставников своих одно криводушие, не только о порядке, но многие из них и о самой истине вовсе не пекутся. Продолжение удалого их разговора долго слушать не имел бы я терпения, потому что слова их мимо меня летали; а вместе с ними и запах винной, показывающей, что они держатся сея пословицы: «Кто празднику рад, тот и до свету пьян; а кто его чтит, тот весь день не просыпается». Но они, повидимому, и более того могли бы сделать, и на целую неделю пуститься, только сии зрелищи им помешали; а если бы оных не было, то бы они в сию седьмицу остались так чисты, как их мать родила. Божусь тебе, что их разговор удушил бы меня, и я, несмотря на тесноту и грязь, всеконечно бы от них удалился, но, к счастию моему, началась комедия и с нею смех общенародной, чему причиною был парик на Чистосердове * надетой, ибо речи его отнюдь ничего смешного в себе не имеют.

Услышав его с племянником разговор, которой мне показался достойным внимания, весьма я удивился, что такая комедия для народа представляется, где лишь одни, смех производящие, сочинении играть надлежит. Но по первому явлению отнюдь не было следа узнать, что оная комедия из Бижутиера переделана *, да и я, не взирая на прилежное мое слушание и на то, что часто твердил Чистосердов племяннику своему о галантерейщике, не мог об ней догадаться, ибо действие начавшие лицы, суть против аглинския сатиры прибавленные, также как и два крестьянина, работники Щепетильниковы. Выход и разговор оных простолюдимов несказанно рассмешил меня, и думаю, что смех мой был столь неумерен, что ежели бы слуга мой спал в одной со мною комнате, то бы он непременно разбудил меня, подумав, что, конечно, домовой шутит надо мною, чего бы он из христианской любви, конечно, не вытерпел; но, к удовольствию моему, спал он в другой комнате и не помешал сновидению. По выходе галантерейщика и по речам его, нашел я в нем точного Bijoutier, и наконец, слушая с пущим прилежанием последующие явления, ясно уже я приметил, что сия сатира довольно хороша для нашего театра переделана. Соблюдено в ней единство места, и все наклонено на наши нравы; а больше всего то мне показалось, что действие положено в вольном маскараде *, которой весьма к тому приличен. Долженствую к стыду моему признаться, что избрание места к действованию, мне больше всего труда причиняло, тогда, когда я старался тебе угодить, помышлял о преложении сего сочинения, и я не мог попасть на таковое счастливое изобретение, какое в оной комедии, видя ее во сне, приметил. Но мне не об себе говорить должно, а о превращенном Бижутиере. Он, претворившись в комическое сочинение, как по содержанию, так и по колкой сатире может назваться довольно хорошим, а по слогу весьма посредственным, ибо видно, что хотя трудившейся и желал показать свойство российского языка, но, не имея довольного знания и дара красноречия, желания своего не исполнил. В нем виден человек с охотою начинающей, и ты, прочетши, думаю, сам то же скажешь, потому что я ни одного не переменил слова, а все его выражениями писал, кроме разговора крестьянского, коих наречия не мог я изобразить толь живо, как во сне слышал. Причиною тому, что я, не имея деревень, с крестьянами живал мало и редко с ними разговаривал. Полно, у нас не все те крестьянской язык разумеют, которые наделены деревнями; не много сыщется помещиков, в состояние сих бедняков по должности христианской входящих. Есть довольно и таких, которые от чрезмерного изобилия о крестьянах инако и не мыслят, как о животных, для их сладострастия созданных. Сии надменные люди, живучи в роскошах, нередко добросердечных поселян, для пробавления жизни нашей трудящихся, без всякия жалости раззоряют. Иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет, с шестью лошадьми без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев. А можно сказать, что ведают жизнь крестьянскую только те, которые

с природы человеколюбивы и почитают их равным созданием и потому и об них пекутся. Но я, забывшись, вовсе было от содержания удалился, что нередко со мною, как и со многими молодыми писцами, случается; однако опять за него принимаюсь.

Не трудно было мне приметить, что Верьхоглядов и Самолюбов * суть лицы, также почти вымышленные; но не мог я угадать, на каких характеров оными целено. И как скоро комедия кончилась, то я, спросив моих соседов, можно ли идти на театр, и услыша, что можно, немедленно пошел туда. Вошедши спросил я комедианта, игравшего лицо крестьянское, потому что он мне прежде всех на глаза попался, чьего сочинения комедия, и как называется. Он мне сказал с довольною гордостью, хотя был в действии не героем, а крестьянином, что о том не знает, а что могу я сведать от их медиатора.— Да где же мне его сыскать,— осмелился я еще спросить наиучтивейшим образом сего надменного Цапату *? — В пробирной или в уборной палатах,— ответствовал он и, указав рукою, продолжал: «Вон туда поди!» и не промолвив более ни слова, начал подбоченившись между театром и уборною похаживать. Не взирая на холодной его прием, которой смутил меня, взял я смелость войти в уборную и только дверь отворил, то увидел между прочими комедиантами одного наборщика академической типографии *, из тех, которые мои переводы набирают. Спросил я его о названии комедии и сочинителе ее, и в ответ, весьма учтиво произнесенный, получил, «что он ни того, ни другого не знает, ибо имеет честь быть при киатре суфлером; а в роли комедиальные и в артемедии * не мешается». Однако же по знакомству сделал он мне ласку и подвел меня к г. медиатору, в котором увидел я наборщика ж. Оной был тот самый, которой первые играет лицы и которой больше всех способности имеет. Я не могу приветливостию его довольно нахвалиться. Он, видав меня в типографии, весьма снисходительно со мною обошелся, и я увидел, что не надмен он мнимым своим достоинством, подобно некоторым из чужих краев выезжающих актерам; а притом не было в нем и виду излишнего унижения, подлыми низкопоклонщиками и гнусными такальщиками, для прикрытия их поносных желаний употребляемого. Оной г. наборщик сказал мне, что имя комедии французской *Галантерейщик*, а кто ее делал, он не знает. Я начал было его убеждать просьбою к открытию сея тайны, но не мог ничего выведать. Он поклялся мне, что не ведает, чьей она композиции; а известно ему только то, что прислана к ним в комверте с партикулярным человеком... Я просил ее показать мне, что он и сделал, и с его же позволения списал я имена действующих лиц и число явлений. А как, по их словам, «начали на киатре балет выкидывать и ломаться», то я, не желая сих забав видеть, с медиаторской же воли прочел игранную комедию и так твердо удержал ее в памяти, что, проснувшись и повторив все виденное и слышанное, взял перо и записал сперва имена и явлении, а потом в два дни и всю положил на бумагу. Но мне не захотелось назвать ее *Галантерейщиком;* это бы значило чужое слово написать нашими буквами, и для того назвал я ее *Щепетильником*, и в защищение оного слова принужден написать предисловие.

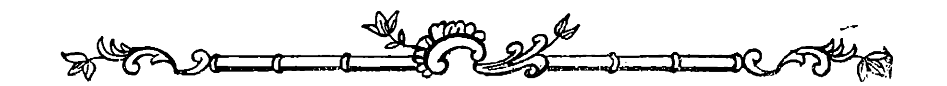
Стыжусь тебе, Богдан Егорович, сказать о слабости моей. Я был столько суеверен, что на другой день предприял идти на общенародное позорище и искусненько выведать, какие там играются комедии и нет ли между ими в истину Бижутиера. Самым делом подозвав с собою некоторых знакомцев, к письменам прилежащих, пришел я на оное зрелище и, удаляся от них, пробрался на театр, и там действительно нашел... но не комедию, а наборщиков, играющих комедии, и тех самых, коих я во сне видел. Сие заставляет меня верить, что сны иногда некоторую часть правды предсказывают, ибо я прежде не бывал там и не знал, кем комедии играются. Спрашивал я господ комедиантов, какие есть у них комедии? И узнал, что

они выучили *Скупого* *, *Лекаря поневоле* *, *Генриха и Пернилу* *, *Новоприезжих* * и *Чадолюбие* *, и что более оных не выучили, а будут еще учить *Привидение с барабаном* *.

В тот день играли *Скупого*, и народу было очень много: почти вся чернь, купцы, подьячие и прочие им подобные. Много и знатных господ и посредственных чиновных людей из любопытства приезжают. Но дело не до описания туда ходящих и комедий там представляемых; а дело в принесении тебе благодарности за то, что твоею просьбою получил я случай доставить на русской язык сие сатирическое сочинение. К тому же и письмо мое, которое приписанием назвать долженствовало, и так уже слишком расплодилось и почти уже вышло из своего роду, но пусть читатели называют его, как им заблагорассудится. Я уверен, что ты почтешь его знаком дружбы моей. Ты причиною моего сновидения, и тебе долженствую приписать плод, от него полученный. Прими его, любезный друг, и верь, что я и наяву всего для тебя сделать не отрекуся, что дружба повелевает. Живи благополучно! Я сердечно желаю исполнения всех твоих желаний и без околичностей, которые между людьми, в письменах упражняющимися, а кольми паче между друзьями, не должны быть терпимы, просто сказываю тебе, что я есмь и вечно буду

Твой верный друг и усердный слуга
Вл. Лук.

*П. П.** Чуть было и не забыл я о пребажной для меня просьбе. Она будет состоять не в убеждении тебя к защите приписанныя от меня комедии, в противность многих писцов, кои свои сочинении единственно для получения обороны боярам надписывают, но в том она заключается, чтобы ты, ради бога, промолчал, что сие письмо довольно беспорядочно написано. Ежели ты скромен будешь, так немногие о том узнают по нижеследующим причинам. Иные заняты делами и не имеют времени читать наших сочинений, да они же и не поспеют за нами, потому что мы ныне чресчур поспешно бумагу мараем, иные вовсе наших трудов не читают; а иные хотя и читают, но не только о тех правилах, в коих читаемое ими сочинение должно быть написано, не ведают и ведать не будут, но и читают не для понимания, а для того, чтобы похвастать, будто и они нечто читают... А! я пропустил было еще род чтецов, которые почти все читают, но только на то, чтобы побранить трудившихся; и они имеют множество подражателей, которые хотя и ничего не знают, однако язвительно бранятся. О защищении же комедии просить тебя я ни малыя не имею нужды, твердо уповая, что хотя некоторые чтецы просмотрят мое надписание и предисловие, а от оных промчится слух и до тех, кои предисловии и надписании никогда не читают, а чрез то, и те и другие сведают, что комедия не моя, а во сне виденная.



ПРЕДИСЛОВИЕ

к «*Щепетильнику*»

Всякой, кто не поленится прочесть письма моего к г. Ельчанинову, пред сим напечатанного, увидит, что следующая комедия не плод трудов моих, но плод счастливого сновидения. Я пишу сие предисловие в защиту единого только слова и за то по справедливости можно назвать меня педантом. Пусть называют; что делать! я принужден на этот раз, хотя и неохотно, вытерпеть сию укоризну и должен непременно защитить данное оной комедии наименование.

Я писал к г. Ельчанинову, что странно показалося мне сию комедию назвать французским *Галантерейщиком*, как оную во сне называли, и я чаял, что многие читатели меня за то еще бы более, нежели за слово *Щепетильника*, осуждать стали. К тому же я и сам никогда бы не простил себе, издав на свет сие сочинение под чужестранным наименованием. Итак, следуя сему мнению, думал я, каким бы словом объяснить на нашем языке французское слово Bijoutier, и не нашел иного средства, как чтобы, войдя в существо той торговли, от которой произошло у французов оное название, сообразить ее с нашими торгами и рассмотреть, нет ли ей подобныя, что я без великого труда сыскал, и здесь предлагаю.

Во Франции в лавках Boutíques des Bijoutiers или Boutiques des galanteries продаются часы, табакерки, перстни, пряжки и другие мелкие золотые, серебряные, фарфоровые и прочие разных металлов и минералов вещи, которые по-французски галантересю называются и которые с французского языка в столичных наших городах почти всеми жителями под тем же именем приняты; за что тех, которые говорят, а не пишут, и винить почти не должно. Они, покупая из Франции вывезенные вещи, так их и называть начали, как у французов называются. Но мне, издавая сию комедию на русском языке, как уже выше сказано, не захотелось французское слово тиснуть русскими буквами. Чего ради, не взирая на то, что подвергнулся хуле, несметному числу мнимых в нашем языке знатоков, взял к тому старинное слово Щепетильника, потому, что все наши купцы, торгующие перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочим мелочным товаром, назывались и ныне называются Щепетильниками. И если бы у дедов

наших часы, готовальники и прочие, французами и другим народом к нам вывозимые вещи, даже до самых ни к чему годных безделок были во употреблении, то бы и оные также щепетким товаром назывались и Щепетильниками продаваны были. И сверьх того неоднократно, не только от жителей малых городов и от купцов, но и от многих степенных господ, в столицах живущих, слыхал я в разговорах, что они вместо того: «Он одет богато или прибористо», говорят: «Он щепетко одет». Итак habit galant может назваться кафтан и щегольской и щепеткой, а из того следует, что сие слово не только к тем товарам, кои галантереею называются, приличествует, но может быть довольно объяснительно и к другим, но однакож не ко всем вещам, коим на французском языке прилагательное имя galant дается.

Итак для вышесказанных обстоятельств, а притом имея к чужестранным словам, язык наш безобразящим, совершенное отвращение, назвал я комедию *Щепетильником*, но назвал ее не с таким гордым намерением, чтобы никогда не переменить слова сего. Нет! Если те люди, кои язык наш лучше меня знают, и коих я всегда за то почитаю, если такие, говорю я, мнение мое опровергнут, то я в минуту с ними соглашуся. Но и тогда тем утешаться буду, что мною понуждены они к истреблению сего иноплеменнического слова, которое в наш язык совсем почти внедрилось и которое, если его, так как и многих, не истребят, может на долгое время остаться.

Что же принадлежит до переговорки таких людей, которые будут сие мною возобновленное слово опорочивать, не показав неоспоримого на мои доказательствы опровержения, то я таковым сказываю, что их неосновательная хула меня не тронет, ибо я знаю, что они большею частию все то хулят, чего не разумеют. Но что мне до оных хулителей, ведаю я, что их много сыщется, но они не опорочивают, а ругают, и для того надлежит их презрить, что и сделаю. Но когда они вместо брани напишут на мои погрешности осуждение, то я на оное, если будет неправильно, сделаю ответ учтивой, а если правильно, то употреблю его в мою пользу.

Много жалел я о том, что сия комедия почти не может быть играна, ибо в ней нет ни любовного сплетения, ниже завязки и развязки, как и в аглинском подлиннике, и она не что иное, как характеры, на театр выходящие. Короче, она таковогo ж роду, как *Всесветный друг* * и *Река забвения* * господина Легранда и подлинники господина Фагана, но в ней гораздо более соку. Сверьх того, она же для комедии в одном действии долговата, и ежели бы я ее сам переделывал и для представления готовил, то бы и сократить мог, но я, как уже все знают, ее себе не присвоиваю и печатаю для моих одноземцов, надеяся, что многие будут ее читать, подобно прочим сатирическим сочинениям, которые и в чтении приносят удовольствие и пользу всякому читателю, с добрым намерением за книгу принимающемуся. Я для таких только и тружуся, а не для тех, кои книгами стараются украшение комнатное сделать, а о том и не думают, что книги — и души и головы наши украшают.

ЩЕПЕТИЛЬНИК

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Щепетильник
Чистосердов, майор при гражданских делах
Племянник Чистосердова
Нимфодора } вертопрашки
Маремьяна } вертопрашки
Полидор, пересмешник
Притворов, бывший в придворной службе
Вздоролюбов
Легкомыслов
Обиралов
Верьхоглядов
Старосветов
Самохвалов
Мирон } работники Щепетильниковы
Василий } работники Щепетильниковы

Действие в вольном маскараде

Театр представляет большую комнату, украшенную столами, стульями и стенными подсвешниками, в которых свечи, уже по приходе Щепетильниковых работников, зажигаются. На правой стороне, близко оркестра, сделан прилавочек Щепетильников. В оную комнату вход с трех сторон.

ЯВЛЕНИЕ I

Чистосердов и Племянник.

Чистосердов. Когда уже моему брату непременно захотелось записать тебя в службу и здесь оставить, то я в твою предосторожность, любезный племянник, покажу тебе все сборища, в которые почти ежедневно жители столичных городов съезжаются. Несколько раз видел ты комедии и меня обрадовал, что они тебе, в противность мнения многих людей, которые зрелищи пуще порчею, нежели поправлением нравов почитают, показались в истинном их виде. Ты почел их не увеселением для глаз, но пользою для твоего сердца и разума. Был ты и в маскараде придворном; он тебе весьма понравился. Теперь увидишь ты здесь и вольный маскарад; увидишь в нем множество людей, и, не знавши их, испытаешь их нравы и обхождения, что великую принесет тебе пользу.

Племянник. Я вам, дядюшка, за ваше обо мне попечение весьма благодарен и буду...

Чистосердов. Будь всегда таков, каковым я теперь тебя вижу: чужд ласкательства и хитростей и непричастен таким делам, которые вечное бесчестие нам наносят. Ты безвыездно жил в Пензе с своим отцом, которой хотя и воспитал тебя в благонравии, но не мог там показать в лицах всех сетей, в которые молодой человек, как ли он ни одарен разумом, однако часто попадается. Но в здешнем городе, а особливо в этом доме, рассмотришь ты всех родов людей: я нарочно для того тебя и сюда привез; но дивлюсь, что так долго не съезжаются.

Племянник. Может быть сегодни и никого не будет.

Чистосердов. Не может статься! Мне уже чрезмерно жаль, что по сию пору нет того глумливого Щепетильника, кото-

рой здесь продает и по ярлыкам проигрывает разные безделюшки; ты уже от меня об нем слыхал неоднократно. Постоявши возле него, в два часа больше людей узнаешь, нежели живучи в городе в два года.

Племянник. А в которой же горнице он бывает?

Чистосердов. Вот его прилавочек. Он по 50 рублев на неделю за него платит и вымещает дороговизну над нашими молодчиками: берет с них за безделки тройную цену и их же при всякой вещи дурачит.

Племянник. Но ездят ли сюда придворные и другие господа?

Чистосердов. Всеконечно. Большая часть из них после ужина приезжает. Иные прямо для провождения времени и отдохновения от трудов, а иные сбираются только за тем, чтобы над нашею братьею, малочиновными людьми посмеяться, но часто сами смешнее нас бывают.

Племянник. Но кто осмелится над господами смеяться? Я хотя недавно здесь живу, однако видал, что их нередко и за дурачествы хвалят.

Чистосердов. Это делают льстецы, которых здесь больше, нежели чистосердечных.

Племянник. Разве льстецы всегда возле бояр трутся и разве в них слабостей больше?

Чистосердов. Нет! Слабости и страсти находятся равно в людях всякого состояния, но на знатного господина глаза всего народа обращаются, и в нем пороки виднее, нежели в малочиновном. Правда, что у нас больше таких бояр, которые, обладая прямыми достоинствами, истину любят, но и тех довольно, которые слепыя похвалы желают. А иногда и самые добродетельные и разумные люди несколько времени от льстецов в ослепление приведены бывают.

Племянник. Для чего же у вас льстецов терпят?

Чистосердов. Для того, что их слова приманчивы человеческому самолюбию, которое иными чрезмерно обладает. К тому же честной человек льстеца не скоро и узнать может. Первой о большей части людей по себе рассуждает; а последней без труда приемлет на себя все виды, по времени и обстоятельствам, и хотя он похвалами всякому погибель готовит, однако притворством обольщает простосердечие.

Племянник. Я от батюшки слыхал, что вы очень откровенны; итак, я чаю, вам жить здесь невесело.

Чистосердов. Несносно! Если бы льстецов не столько много было, то бы и преодолеть наконец удалося, но их число несметное. Ими набиты не только передние, но и все комнаты

многих знатных господ. Они сводят знакомство с дворецкими, со всеми прислужниками, с няньками и с мамками; а в случае нужды они и последним холопьям в пояс кланяются. Словом, они своею подлостию сыскивают не только свободной пред честным человеком вход, но и замолвленье доброго слова, хотя до того непозволенным образом добиваются.

Племянник. Да как же вы между ими живете?

Чистосердов. Делая тому противное и ежечасно их ругая.

Племянник. За то вас возненавидят.

Чистосердов. Что мне до того нужды!

Племянник. Неужели вы и большому господину о пороках его в глаза сказать осмелитесь?

Чистосердов. Без сумнения! и я прошедшую зиму с некоторыми господчиками здесь и больше этого сделал.

Племянник. А каким образом?

Чистосердов. Однажды куча молодых шалунов, мнимыми достоинствами надутых, приехали сюда над добрыми людьми посмеяться. Многих дурачили, которые, будучи их разумнее, из презрения сносили от них обиды. Наконец напали они на бедную девочку, которая ни малого не подала поводу над собою ругаться. Обступили ее, начали бесстыдно шутить, ходили всюды за нею, делали разные и холопьям неприличные похабствы, и, напоследок оттолкнув ее подруг, с которыми она приехала, хотели свое дурачество усугубить; но, по счастию этой беднянжки, я с моим другом тут случился. Мы избавили эту девочку и ругали вертопрахов за гнусной поступок, сколько хотели; а они, снося брань, бесстыдно смеялися и тем безумство свое утверждали. Короче сказать, дело кончилось тем, что о девочке все сожалели, все озорников бранили; поступок их остался для них поношением, а я с моим другом нажил с двадцать новых злодеев.

Племянник. Сами виноваты; лучше убегать от неприятелей, нежели им в глаза лезть.

Чистосердов. Ты говоришь правду. Но я иногда почитаю за грех оставить дурака без обличения и хотя я сюда очень редко приезжаю, однако всякой раз увижу множество шалостей, которых пощадить не можно. Но слава богу, что Щепетильник стал сюда жаловать. Он со всякого лукавца снимает личину и всякого повесу осмеивает.

Племянник. На это много ума и учения потребно, и я дивлюсь, что из наших купцов столь умной и обхождение знающей сыскался.

Чистосердов. Он не купец, а отставной офицер, которой давно без награждения отставлен за то, что начальникам своим, слепого повиновения требующим, в глаза говорил правду.

Племянник. У нас и офицеры не все ученые; довольно и таких, которые с нуждою писать умеют.

Чистосердов. Доселева бывало, но ныне начинают выводиться, для того, что уже слуга боярской и купец через месяц в офицеры не выйдут, не так как встарину. Я знал некоторых письмоводцев, из ничего и не за весьма похвальные дела в чины вышедших. Они, втершись в случаи к большим добросердечным господам, их обманывали и на их ответ довольно купцов, подьячих и холопей вывели в офицеры; пускай бы уже достойных, а то таких, которые и в тех званиях гадки были. Но оставим прошедшее время, я желаю, чтобы оно у всех честных людей из памяти истребилось и их не сокрушало.

Племянник. Этого всем желать надлежит.

Чистосердов. Отец Щепетильников был офицер * и хотя жил в бедности, однако сына своего так воспитал, как и дворяне редко воспитываются, и, терпя нужду, обучил его языкам и другим наукам в такое время, когда государевых училищ для недворян еще не было. Но зато, ни он, ни сын его никакого награждения не получили и просить стыдились, не так как многие из нынешних молодчиков. Они лишь немножко выучатся на государевом иждивении, то уже и хотят чрезмерного награждения, тогда, когда еще и учения не заслужили; не только чтобы из благодарности потщились оказать отличные отечеству услуги. Но вот и работники его принесли товары. (*Работникам.*) Скоро ли хозяин ваш будет?

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и два работника (одеты по-крестьянски. Приносят корзину на шесте, и, постановя ее, один отвечает на вопросы Чистосердову, а другой отпирает лавку и ставит свечи).

Мирон работник. Тотчас-стани пожалует.

Чистосердов. Для чего же он замешкал?

Мирон работник. Не ведаю, роцимой.

Чистосердов. Но верно ли он будет?

Мирон работник. Право будет-ста, и велел всим чостным боярам сказаци, что у него новые есть... новые-стани! .. ни товары, а! ..а! .. голотиреи, привезенные из заморья, из Мемщизны... Имена-та некрещеные, так, кормилец, мудрены, что их скоро и не пробаишь. Как, бишь, они зовутся... ляд ведает! так хитров, хоть голова проць, так не знаю.

Чистосердов и Племянник улыбаются.

Мирон работник. А ла, а ла, а ла тилогрея! да а ла, а ла салфетка! .. што же-ста, боярин, галишься надо мною. Вить

на нас дивит нецево; еще только с неделей двадчать как мы из Галица * сюда прибрели; а у нас эдаких мудрых слов ниту, и мы голчим по старинному поверью.

Чистосердов. Я не тому смеюсь и знаю, что вам эти слова выговаривать трудно. (*Племяннику.*) Это последние моды: а-ла-грек * и а-ла-салюет *. Пойдем в залу, я чаю, уже много людей собралось. (*Работникам.*) А вы, как скоро хозяин ваш приедет, нам скажите.

ЯВЛЕНИЕ III

Мирон и Василий.

Мирон работник. Спасиба, брат Васюк, что ты отомкнул прилавок-от; а я с бояринам-та позагуторился. Виць это тот, который не охоць до бусурманских-та фиглей и которой и тех бранит, кто их за христианские манеты покупает.

Василий работник. Как ево не знать, он очень знакомит. И когда сюда ни зайдет, то ницаво не купит, а весь вецер пробаит с нашим шалбером. Да нутка, брат Мироха, станем разбирать кузовеньку-та. Вить хозяин до сабя из нее велел все выбрать.

Мирон работник. Давай, парень! Вздымем-ка ее на лавку-та. Берись же моцнее! Вить она, братень, грузна, и я из саней ее церез моготу сюда притаранил. (*Оба работники, поставивши корзину на лавку, вынимают вещи и разговаривают.*)

Мирон работник (*держа в руке зрительную трубку*). Васюк, смотри-ка. У нас в экие дудки играют, а здесь в них один глаз прищуря, не веть цаво-та смотрят. Да добро бы, брацень, из-дали, а то нос с носом столкнувшись, утемятся друг на друга. У них мне-ка стыда-та совсем, кажется, ниту. Да посмотрець было и мне. Нет, малец, боюсь праховую испорцить.

Василий работник. Кинь ее, Мироха! А как испорцишь, так сороми-та за провальную не оберешься. Но я цаю, в нее и подуцеть можно, и колиб она ни ченна была, так бы я сабе купил „и, пришедши домой, скривя шапку, захазил с нею. Меня бы наши деули во все посиденки стали с собою браци и я бы, братень, в переднем углу сидя, чуфарился над всеми.

Мирон работник (*вынув груп купидонов, изображающих художества и науки, смеется*). Смотри-т-ка! что за проказь? Какая их сарынь рабенок. (*Испугавшись.*) Ах, братень, никак это ангели божии! прости меня, чарь небесный! я, проклятой, глядя на хранителей-та наших, ухмыльнулся. Экие мемцы-та безбожники, как они их в кучу сколько смямкали!

Василий работник (*смотря на купидонов*). И, дура-

чина! С вора вырос, а ума не вынес! Какие ангели! Я слышал от нашево хозяина, что это хранчуские болванчики.

Мирон работник. О, так я и не согрешил. Смотри-ка, парень, что у них в руках-то. У инова мазилька, у инова мкнига, иной с зажжоной луцыной; а этот по пестренькому шарику развильниками тыцет.

Василий работник. Покинь их, малец! Вон и хозяин идет. Ставь поскоряе.

ЯВЛЕНИЕ IV

Щепетильник и работники.

Щепетильник. Не изломали ль чего?

Мирон работник. Ницаво, кормилец!

Щепетильник. Не спрашивал ли кто меня?

Василий работник. Тот цостной боярин, которой не покупает ницаво из мудростей хранчуских, а все с вашей милостью гуторит. Он мне-ка приказал сабе весть подаць, как ты-стани сюда пожалуешь. Да был с ним какой-та боярцук, только с лича парень оцосной.

Щепетильник (*в сторону*). Это, чаю, маиор Чистосердов; но с кем, не знаю, и он, конечно, в зале. (*Мирону.*) Поди скажи ему обо мне и всем гостям. Да смотри же искусненько и не согруби никому.

Мирон работник. Разумею-стани вить я не дурак.

Щепетильник (*вслед Мирону*). Э! и дожидайся там, покуда все не разъедутся и как никого не будет, так мне скажи. (*Василию.*) А ты поди и будь в этой комнате, покуда не кликну.

ЯВЛЕНИЕ V

Щепетильник (один).

Щепетильник (*вошедши в прилавок, разбирает вещи и вынув бумагу, говорит*). Мне кажется, что сегодня был я очень счастлив, а со мною многие бедные люди. (*Читает.*) Золотые часы с будильником купил у меня сын судьи Лихоимцева за 250 рублев, а мне они за 70 достались. Продал я молодым вертопрахам несколько детских игрушек, которых ныне сотни по две к часам привешивают, на 200 рублев, а они мне самому и 50-ти не стоили. Барыш хотя не христианской, однако взят с таких людей, которые сердятся, ежели их шалости сделать не допустишь. Если бы я с них столько не взял, то бы чужестранцы пуще моего ограбили и деньги бы из государства вышли. За это

нельзя меня назвать бессовестным. Я беру дорого не с бедных людей, которые трудами деньги получают, а с таких мотов, которые и без меня разориться сыщут случай. Недавно начал я торговать безделюшками и столько уже денег имею, что и каменные могу построить палаты, исключая то, что третью часть бедным разделяю. Безделицы ныне очень дорого покупаются, и весь свет так в них устремился, что почти ни о чем, кроме их, не мыслит. Все почти люди, кроме безделиц, ничего не читают, ни в чем, кроме безделиц, не упражняются и ни о чем, кроме безделиц, не спорят. Бездельнаго мужчину женщины наподхват любят, а женщина бездельная мужчинами обожается. Но что я за пример нашел? как будто бы не довольно и без того безделок на свете. Самые важные вещи, о которых больше всего стараться надобно, ныне в безделки превращаются. Тратят время, изнуряют здоровье, проматывают имение, бесчестят своих предков, бесславят самих себя, преступают должности, утесняют беспокровных, оправдают виновных и забывают присягу, так как сущие бездельники. Искренность стала безделица, честь безделка, совесть безделюшка, а, наконец, и вера, как главная вещь, у многих несмысленных дураков почитается из безделиц безделкой.

ЯВЛЕНИЕ VI

Щепетильник, Чистосердов и Племянник.

Чистосердов. Здравствуй, сударь! Ты так зачитался, что нас и не видишь.

Щепетильник. Виноват! Я право вас не приметил. (*В сторону.*) Лицо этого молодого человека меня удивляет, и он на наших щегольков не походит.

Чистосердов. Что ты опять шептать начал?

Щепетильник. Так, сударь, (*Племяннику.*) Не изволите ли чего купить?

Чистосердов. Конечно, он купит, только продавай ему не с таким описанием, как здешним жителям. Еще тому не более двух месяцев, как он из Пензы сюда приехал, и он мой родной племянник.

Щепетильник. А! радуюсь, что вижу в нем человека, на вас похожего. (*Племяннику.*) Да что же вам потребно?

Племянник. Хорошие часы, сударь.

Щепетильник. Вот самые верные и лучшего мастера, они же с будильником. Если бы я их продавал безмозглому петиметру, то бы должен был описать их доброту в следующих словах: что они будут его разбужать по полуночи в двенадцатом

часу и позже; что будут показывать время, когда должно ему скакать на свидание с любовницею, которых он в день по десяти обманывает, а из них каждая сама по двадцати любовников проводит; когда ехать в церькву, не богу молиться наряду с добрыми людьми, а поспеть к выходу, чтобы провести за руку до кареты какую-нибудь бесстыдницу или вертопрашку. А вам скажу противное: эти часы станут вас будить к должности в такое время, чтобы вы, приехавши вместе с товарищами, исправили на вас положенное, успели бы отдать почтение вашим благодетелям, побывали бы в церькви, во-время бы отобедали, отужинали и спать ложились. Словом, они будут вам так показывать время, что вы, следуя порядку, наживете имя прилежного, доброго и исправного человека и от знатных степенных людей милость сыщете.

Чистосердов. Ну, племянник! таковы ли тебе наставлении его кажутся, как я сказывал?

Племянник. Они мне очень приятны, и я желаю их чаще слушать.

Щепетильник (*Чистосердову*). Никак вы, сударь, против своего обыкновения, сегодня развеселились и хотите пошутить надо мною?

Чистосердов. Отнюдь нет! я нарочно привез сюда моего племянника, чтобы он послушал твоих описаний. Они его вразумят к познанию здешних жителей.

Щепетильник. Неужли вы в истину это говорить изволите? И ежели не шутите, так поэтому я умнея, нежели сам о себе думал. Вот каково человеческое самолюбие: оно уже меня словам вашим и верить заставляет, и я вижу, что излишними похвалами каждого человека испортить не трудно.

Чистосердов. Вы чрезмерно скромны. Всяк, у кого хоть малый есть разум, увидит достоинствы ваши. Но я не знаю, как бы мне с племянником пробыть у вашей лавки во все то время, как вы гостей подчивать станете. Надо мною и так уже многие смеются, что я, приходя в маскарад, проговариваю с вами.

Щепетильник. Над вами смеются те, которые сами правильное осмеяние заслуживают, и потому ругательствы их вам невредны. Вы можете, надев личины, просидеть здесь целый вечер. А как уже скоро десять часов ударит, то я по ерлыкам сегодня проигрывать не стану, хотя бы и много съехалось, а только за деньги продавать буду.

Чистосердов. Как я пошел из зала, так там еще только человек с тридцать было. Да, полно, и всегда за деньги мало сюда ездят; а на даровое весь город сбирается. Но вот трое. Они конечно к вам подходят. Сядем, племянник, и послушаем. (*Садятся и надевают маски.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и три маски (две в женском и одна в мужском, маскарадных платьях; взявшись за руки, идут и, идучи, кричат).

Нимфодора. Ах, радость! Какая это скука! не поверишь, душа моя, что бы я дома веселея время проводила.

Маремьяна. Уж конечно, матушка, и я тоже! Мне-было и ехать не хотелось, да Полидор меня просьбами замучил.

Полидор. Я виноват, сударыни, и очень виноват, только чорт меня возьми, ежели я не думал больше найти здесь веселья. Однако, матушки, мы можем несколько минут в лотерею поиграть. Пойдем к этому вралю и возьмем по дюжине билетов.

Щепетильник (*Чистосердову*). Вот самые умные люди своим именем меня клеплют.

Полидор. Давай нам, господин мудрец, билетов.

Щепетильник. Я не люблю этого имени, для того, что и сущих дураков ныне нередко тем же величают.

Полидор (*с усмешкою*). А ты ведь очень умен. Но что мне до того? давай билетов!

Щепетильник. Ежели купить изволите, так все состоит к вашим услугам, а проигрывать сегодня за малолюдством я ничего не стану.

Полидор. За малолюдством? Всеконечно, что ты нас не знаешь. Ежели где есть такие, как мы, два-три гостя, тогда компания *[1] малолюдною не почитается.

Щепетильник (*в сторону*). Для того, что вы трое за тридцать человек пустого накричите.

Полидор (*Щепетильнику*). Что же у тебя есть нового?

Щепетильник. Очень много! Все что я в лавке имею.

Полидор. Не нравится ли вам, сударыни, что-нибудь из этой галантереи?

Щепетильник. Извольте сказать, сударыни, в каких вещах нужду имеете?

Нимфодора. Боже мой! Какой это глупой и обветшалой вопрос! В каких вещах нужду имеете? Я ни в чем нужды не имею, а хочу купить у тебя от скуки несколько безделиц.

Щепетильник. А я по себе думал, сударыня, что покупать должно одни необходимые товары.

Маремьяна. О! оставь, пожалуй, прескучные свои нравоучении и говори их подьячим, купцам и таким шалунам, каков ты, а мне покажи это зеркало.

---

[1] Все иностранные слова говорят такие образцы, которым оные свойственны; а Щепетильник, Чистосердов и Племянник говорят всегда порусски, разве изредка повторяют слово которого-нибудь пустозвяка.

Щепетильник. Извольте, сударыня. Зеркало предорогое! стекло самое лучшее в свете! Кокетка тотчас увидит в нем все свои гнусные ужимки; притворница — все лукавство; многие женщины усмотрят в лицах больше коверканья, нежели приятности, больше похабства, нежели благочиния, и приметят в себе больше врожденной остроты, нежели здравого рассудка.

Полидор. Начал дурачиться. Ну,повирай, друг сердешной.

Нимфодора. Пусть его болтает. Проповеди его изрядное от бессонницы лекарство.

Щепетильник. Так не перебивайте же их, сударыни. Многие женщины увидят в это зеркало, что румяны и белилы, хотя их горшка по два в день тратят, не могут бесстыдства их загладить, и что...

Полидор. Для чего же ты одним женщинам делаешь описании, разве нас вовсе забыл?

Щепетильник. Тотчас, сударь, и ваша очередь придет. Ежели петиметр в него посмотрится, то в одну минуту с своим нарядом все свои шалости увидит, и увидит, что он достойно от степенных людей скотиною почитается. Многие люди, а особливо некоторые большие господа, не увидят тут ни своих великих заслуг, о которых они кричат ежеминутно, ни милостей, к бедным людям показанных; однако тому не зеркало виною. Многие из мнимо ученых найдут себя невежами, многие из остроумных — самыми грубиянами; но при всем том, зеркало предорогое и самое редкое в свете.

Маремьяна. Не о доброте дело, а о цене.

Щепетильник. Мне необходимо надлежало это описание сделать, чтобы оно вам дорого не показалось. Последняя цена двенадцать рублей.

Полидор. Вот деньги!

Маремьяна. Что это, батюшка! Я бы и сама заплатила.

Полидор. Полно, сударыня, как вам не стыдно! Вы конечно меня одурачить хотите.

Чистосердов (*Племяннику*). Дурака не надобно дурачить, он сам о себе знать даст.

Нимфодора. Что это за табакерочка? Она ужасть как мала, и я не знаю, на что ее употребить можно.

Щепетильник. О, сударыня! эта табакерочка, или, лучше сказать, эта маленькая редкость, самая удивительная вещь на свете! Меньше ее нет во всем Париже, и она в числе последних мод вышла и ко мне прислана за диковинку.

Нимфодора. Да что с нею делать, ежели я ее куплю, скажи мне, пожалуй?

Щепетильник. С охотою, сударыня. Только не скоро вы

поверите, услышав почти невероятные об ней дела. В эту табакерочку, как ли она ни мала, некоторые из придворных людей могут вместить всю свою искренность, некоторые из приказных всю честность, все кокетки без изъятия свое благонравие, вертопрахи весь их рассудок, стряпчие всю совесть, а стихотворцы все свое богатство, и она только двадцать рублев стоит.

Нимфодора. О, так я куплю ее для последних и подарю господина Рифмолюбова *. Этот бедняк слишком десять лет марает бумагу, а ни одного хорошенького стиха и в элегиях, кроме краденых, написать не умел. (*Она, Маремьяна и Полидор смеются.*)

Полидор. Лучше этого, матушка, выдумать не можно. Вот деньги за табакерку, изволите ее взять.

Нимфодора. Ты сегодни своим женерожством * нас пристыжаешь?

Полидор. Никак, сударыня; я делаю должность нашей братьи и жертвую прелестным богиням.

Маремьяна. Шутишь, радость.

Нимфодора. Где ты так пришибать научился?

Полидор (*целуя у ней руку.*) Там, где мое сердце вольности лишилось. Но не изволите ли еще чего купить?

Нимфодора. Нет, душа моя.

Маремьяна. И я ничего.

Полидор. Так, я куплю себе какую-нибудь безделку. Пусть он и мне казанье скажет. Подай записную книжку.

Щепетильник (*в сторону*). Будет и тебе хорошая почесть. (*Полидору.*) С описанием или без описания?

Полидор. Изволь молоть, что хочешь.

Щепетильник. Вот в золоте оправленная; она стоит семьдесят рублев. Все люди покупают книжки для записки; но не все в них одинакие дела записывают. Иные вносят сюда все благодеяния, от людей полученные, собственные свои пороки, которые сами в себе находят, все нужные дела для пользы людской, и это на таких листах, где их скорея увидеть можно; а туда, куда они не так часто заглядывают, вписывают слабости людские, не для того, чтобы язвительным образом вывесть их на посмешище народное, но чтобы иногда из христианской должности остеречь ближнего, и то не сделав ему огорчения. Словом, они записывают в них все то, что хорошими делами называется. Но таких людей мало, а тех больше, которые покупают на то, чтобы не забыть все места, куда они задыхаясь бегают, стараяся дураками показаться. Здесь записывают господа пересмешники дела постыдные. Например, как обесчестили добродетельную женщину,

как обманули заимодавцев, как простосердечного провели человека, как. . .

Полидор. Пойдемте, сударыня. Он уже слишком заврался. Лучше дурака оставить. (*Уходят и, идучи, кричат: вздор*).

ЯВЛЕНИЕ VIII

Щепетильник, Чистосердов и Племянник.

Щепетильник (*вслед*). Не врать было много, так бы пошел не с таким носом.

Чистосердов. Ты их живыми описал красками. Вот, племянник, какие у нас есть люди; хотят всех пересмехать, а сами ничего снести не могут. Они все достойны, чтобы их в комедиях осмеивали.

Щепетильник. Это правда. Но вот идет какой-то гость и очень гордо выступать изволит.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Притворов.

Притворов. Подай мне доминную маску.

Чистосердов (*Племяннику*). А! это бывший придворный хитрец, господин Притворов.

Щепетильник. Я, сударь, не держу больше этого товару, на него ныне купцов мало.

Притворов. А для чего? Мне кажется, что в маскараде этот товар пренужной?

Щепетильник. Бывал доселя, но недавно почти все люди личинами запаслися, и от них лишь убытков ожидать должно. Почти все уже в том достигли до такого совершенства, что к притворству лиц не имеют более нужды в личинах. Вы найдете обманщиков, лжецов и клятвопреступников в разных духовных и светских почтения достойных одеждах. Увидите, что самые распутные и бесстыдные люди при всяком почти слове притворно краснеются. Усмотрите, что притеснение, обида и грабеж скрыты под именем правосудия, а льстецы и бездельники под именем людей благоразумных. Иногда вертопрах, обманывая людей постоянных, выступает под маскою ложного степенства. Иногда самой гнусной лицемер не виден при его клятвах, а зловредной наушник почитается другом. Словом, сударь, часто и то бывает, что воровствы и злодействы тогда сокрыты под богатыми одеждами и под знатными чинами, когда истинные достоинствы терпят

нужду, голод и холод, или лучше сказать, ныне почти весь свет в личинах, и по лицу ничьего сердца не познаешь.

Притворов (*в сторону, сердяся*). Как бы от этого дурака отвязаться. (*Указывая на зрительную трубку, которую Щепетильник держит.*) Что она стоит?

Щепетильник. Самую безделку, хотя по себе и не безделка, а вещь пренужная в свете, которая и в городе и в деревне равномерно потребна. Вот ее доброта! Но прошу не прогневаться, что скажу вам то, о чем вы и без меня, конечно, известны и на что, без сумнения, покупать ее изволите. Ежели посмотрите с этой стороны, то все вещи увеличатся, к вам приближатся, и вы их ясно рассмотрите. Поверните же и посмотрите в другую сторону: видите ль, как те же вещи малы становятся и от зрения удаляются? С этой стороны смотрим мы, сударь, всегда на собственные наши пороки, на благодеянии, награждении и всякие выгоды, от людей полученные. А когда взор на ближнего устремляем, тогда обращаем другою стороною, и тут самые слабости людские покажутся нам не только пороками, но и злодеяниями. Если же случится, что наши благодетели востребуют от нас воздаяния, свойственного благодарности, тогда опять в эту сторону трубки смотреть станем и от докуки их удалимся. Короче молвить, посредством этой вещи можем мы от зависти затмевать добродетель и умалять достоинствы тех, которые нашему счастию мешают, и можем сами собою любоваться, видя толь редкие в нас даровании, которых никто из посторонних людей приметить не в силах.

Притворов (*с досадою*). А цена?

Щепетильник. Десять рублев.

Притворов. Вот деньги; пора домой ехать.

ЯВЛЕНИЕ X

Чистосердов, Племянник и Щепетильник.

Чистосердов. Ну, этому досталось за все его пронырства. Я знаю, что он, служа при дворе и в других местах, всегда делал ложные бедным людям обнадеживании, притворные друзьям уверении и неблагодарность против благодетелей.

Племянник. Поэтому он несносной человек.

Щепетильник. Всеконечно, и надобно радоваться, что он ныне не в службе. Эдакой лукавец всякого доброго человека провести без труда может и, после управляя им, вред обществу делать. Но что это еще за маленький мужичонка?

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Вздоролюбов (в личине).

Вздоролюбов. Я слышал, что ты имеешь целый магазин вещей курьезных. Скажи, есть ли из них достойные любопытства? И ежели есть, так покажи мне, я куплю наверное, денег не пожалея.

Щепетильник. У меня их очень много, и самые редкие со мною. Вот, сударь, посмотрите это медное блюдо. На нем вырезана речь Адамова, которую говорил он праматери нашей Евве, в первом их свидании; тут же и ответ добросердечной Еввы. Но буквы, за несметным прошествием времени, совсем почти вытерлись и их разобрать не можно; однако это не вредит достоинству моей редкости, но тем удивительнее ее делает. А всего примечания достойнее на ней то, что речь Еввина в три раза мужниной длинняе. Также есть у меня одна из тех труб, которые способствовали к разорению Ерихона *, прядь волосов Самсоновых *, обернутая в лоскут епанчи лепообразного Иосифа *, и множество жидовских диковинок, за которые с меня честные господа евреи столько денег взяли, сколько им захотелось.

Вздоролюбов. Еще что?

Чистосердов. А, это Вздоролюбов. Послушай, племянник; ты удивишься тому, как этот молодчик к ничего значущим безделюшкам страстен.

Щепетильник. У меня их еще много, только здесь нет, а дома оставлены. Пузыречек с слезами великого Александра, которые пролил он оттого, что людям более вреда не мог делать. Табакерка из бочки угрюмого Диогена, сети почти невидимые, в которые поймал Вулкан свою супругу с ее любовником *. Но нынешние наши женщины столь непорочны стали, что этот товар на такую потребу уже негоден, потому что слишком в двадцать лет ни один муж жены своей не заставал с любовником.

Вздоролюбов. Мне в этих вещах нет нужды; этот муж всегда дураком останется, который за женою примечать будет. (*В сторону.*) Ежели он и застанет, так прибыли мало.

Щепетильник (*в сторону*). Не искусился ли он в том?

Вздоролюбов. Нет ли у тебя каких минералов и металлов?

Щепетильник. Есть, сударь! Вот раковины из реки Евфрата, в которые, как ли они ни малы, хищные крокодилы вмещаются, и их все любители редкостей сбирают. Вот еще три камня с острова Нигде Небывалого *; камни самые редкие, которых ни у кого, кроме вас, не будет; а называют их алграментибардасы *, т. е. сок и фундамент физики, химии и алхимии.

Вздоролюбов. А что эти камни и раковинки стоят?

Щепетильник. Крайняя цена три тысячи рублев.

Вздоролюбов. А блюдо и все редкости, о которых ты теперь же мне сказывал?

Щепетильник. Последнее слово семь тысяч рублев.

Вздоролюбов. Вот тебе тысяча задатку, а за достальными приезжай завтре с вещами; только дай мне теперь один камушек и раковинку показать охотникам и их взбесить. Я думаю, что мне маски скидать не надобно: ты меня и без того по моей охоте к редкостям узнать можешь. Прости!

ЯВЛЕНИЕ XII

Чистосердов, Племянник и Щепетильник.

Щепетильник. По твоим дурачествам узнать тебя не трудно. Это Вздоролюбов.

Чистосердов. И я его тотчас узнал.

Щепетильник. Не странная ли это охота: за пять раковин таких, каких в Яузе * много набрать можно, и за три камня, которых по дорогам лежат кучи, заплатил он с жадностью три тысячи рублев.

Чистосердов. Не видавши, этому поверить трудно.

Щепетильник. Для того, что его дурачество редко слыханное. Да, полно, он на этих безделках совсем ума рехнулся. Ему хочется прослыть первым знатоком в натуральных вещах, и вы видели, как щедро он за них платит. Недавно продал он слишком тысячу душ и купил на взятые деньги разных вздоров, которые при его же жизни с молотка за десятую или двадцатую долю проданы будут, а это уже с такими охотниками, каков он, не однажды случалось.

Чистосердов. Только удивительно, что он весьма неосновательную жизнь ведет, имея изрядной умишко. Мне очень жаль, что сын такого доброго человека, каков его отец был, стал посмешищем не только нашему государству, но и многим чужестранцам.

Щепетильник. Это правда; лучше бы было, ежели бы он за своим имением смотрел прилежнея, помогал бы бедным и не давал... Мне жестоко досадно, что этот гость помешал нам поговорить о Вздоролюбове.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Легкомыслов.

Легкомыслов. Мне надобен перстень, точно такой величины. Ежели ты имеешь, так покажи скоряе.

Щепетильник. Он очень мал и, конечно, не для вас, сударь.

Легкомыслов. Нет!

Щепетильник. Знать для обручения, ежели холосты, или для подарения супруге, ежели женаты.

Легкомыслов. Нет! Нет! И! как тебе не стыдно! Неужли ты меня дураком почитаешь? Я очень остерегаюсь жениться и навязать себе камень на шею. Обручальные кольцы самые опасные вещи. Новобрачные должны их почитать несчастливым предзнаменованием, которое рано или поздно, только много бед наделает. Хотя до свадьбы и несколько дней после свадьбы муж с женою обнимаются и лижутся ежеминутно, но скоро потом так друг другу наскучат, что и удавиться ради будут, лишь бы не быть вместе.

Чистосердов (*Племяннику*). Вот дурак из самых вредных, и ты пуще всего от этой заразы стерегись.

Щепетильник. Да на что же вам перстень потребен?

Легкомыслов. Скоро, мой друг, услышишь. О боже! как же мы счастливы в робячестве бываем! Мы можем, оставя одну игрушку, забавляться другою и переменою получать ежедневно новые удовольствии; но чем старее, тем глупяе становимся, и нам никакая игрушка, кроме женщин, нравиться не будет. Многие почитают их игрушкою, для нас необходимою, но я их почитаю таким колоколом, которой беспрестанно звонит над ушами и тем пуще нас беспокоит, что с рук сжить его не можем; таким барабаном, которой в доме ежедневно бьет тревогу, и такой трещоткой, которая и во время сна своего не умолкает, и таким. . .

Щепетильник. Ну, сударь, продолжайте вредное ваше описание, которое вы против совести остроумною шуткою почитаете. Что до меня, я, не взирая на вашу хулу, не престану почитать добродетельную супругу прямым в жизни нашей блаженством и самым драгоценным от создателя награждением. Она услаждает наши горести, усугубляет веселии, бывает участником в благополучии и другом непременным во время бедственное. Сохраняет наше здоровье и в болезни нашей больше об нас печется, нежли мы сами. Подает нам в злополучии полезные советы, а в унынии утешает и, освобождая нас от тяжелого ига домоправления, сберегает иждивение на нашу жизнь и на жизнь детей наших.

Чистосердов (*Племяннику*). Вот истинное о жене описание.

Легкомыслов (*остепенившись*). Самое прекрасное! и когда я вижу, что вы за женщин так усердно вступаетесь, так признаюсь вам, что этот перстень надобен мне для обручения. Я сперва для того потаился и сам шутил над супружеством,

чтобы надо мною не начали смеяться за то, что я жениться вздумал.

Щепетильник. Вот нынешние светских, а особливо молодых людей мысли! Они стыдятся сделать доброе дело, для того, что не по моде будет, и они в угождение этому чудовищу частенько и совесть забывают.

Легкомыслов. И то правда! из тысячи молодых людей и таких, как я, редкой осмелится быть добродетельным, опасаясь, чтобы не почли его странным человеком и не стали бы над ним ругаться. До сего времени этой слабости и я был подвержен; но теперь, оставя ее, стану следовать правилам людей степенных.

Щепетильник. Я тому сердечно радуюсь. Вот перстень! Он сто рублев стоит.

Легкомыслов. Вот деньги. Я слуга ваш покорный и всегдашний презиратель вредных мод и шалостей петиметрских.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и судья Обиралов.

Щепетильник (*Чистосердову*). Этот образумился, но надолго ли, не знаю. (*Увидев Обиралова, говорит ему.*) Чего, сударь, изволите?

Чистосердов (*Племяннику*). Это судья Обиралов. (*Потом говорит тихо с Племянником, и оба надевают маски и садятся*).

Обиралов. Мне надобно купить вески, только самые верные.

Щепетильник. Вот самые правильные. Они для истины сделаны! Один волосок тотчас стрелку перетянет.

Обиралов. Такие-та мне и надобны.

Щепетильник. Сказать ли их доброту?

Обиралов. Всеконечно.

Щепетильник (*в сторону*). Надобно этого взяткобрателя отправить хорошенько. В старые, сударь, годы покупывали их господа судьи, не для делания правды, но для вешания денег; а ныне уже не на то покупают. Но я, не знав чину вашей милости, не могу попасть на точное описание той потребы, на которую вы их покупаете, и для того стану говорить разные примеры. В прежние времена, сударь, истина столь легка была, что тысячной мешок, от виновного челобитчика во взяток даванной, ее перевешивал; а ежели приносим он бывал сам-друг или сам-третей, так уже род, племя и весь причет госпожи истины не мог тягости денежной перевесить. В прежние времена, говорю я, обещания судейскии для бедных так маловесны были, что комар и муха их перетягивали...

Обиралов. Да что тебе до судей, оставь их, пожалуй, и скажи, что весы стоят?

Щепетильник. Тотчас, сударь. Я вкратце опишу вам всю их доброту. Однажды положил я павлиное перо на одну чашку, а на другую тридцать пар новомодных и дорогих одежд господина Верхоглядова, и с удивлением увидел, что весы ровно стояли (*Обиралов смеется*) и притом собственным испытанием выведал я, что знание петиметров есть точное равновесие уму тех невежд, которых очень много в наших приказах за красным сукном сиживало; да полно, не сидит ли несколько и ныне. Вслушались ли вы, сударь? Равновесие уму тех невежд, которые не выучась не только приличных к правосудию прав, ниже оснований грамматических, хотят прослыть...

Обиралов. Что им до эдакой безделки? они не учиться, а судить должны, и они по форме и указам должность свою исполнять могут.

Щепетильник. Послушай, сударь. Есть между ими и помощниками их такие, которые не знают и о том, что азбука российская в правилах грамматических напечатана и это в ней ясно показано, каким образом можем мы разделять речи и порядочно изъясняться.

Обиралов (*весело*). Это дело не судейское, а секретарское.

Щепетильник. Что мне до того! Я не знаю, чье оно по-вашему, а по-нашему это дело всех тех, которые писать должны. Но скажи лишь этим невеждам, что они азбуки не знают, так они и драться и в суд идти готовы, забывши, что таковою просьбою им же стыд сделается и что уже они в незнании совершенно обличатся.

Обиралов. Перестань или я уйду.

Щепетильник. Еще одно слово: я узнал чрез эти же вески, что гордость и тщеславие всех людей тянут против дурачества, что золотник природного ума весит против пуда учением приобретенного, что премудрая голова не перетянет сердца добродетельного, что взяткобратели...

Обиралов. Перестань, пожалуй, а скажи цену. Мне пора домой ехать и свесить несколько сотен червонных.

Щепетильник (*в сторону*). Награбленных с бедных просителей. (*Обиралову.*) Три рубли, сударь.

Обиралов. Вот деньги, желаю тебе доброй ночи. (*Отходит.*)

Щепетильник (*вслед Обиралову*). А я тебе доброго сердца, потому что старое у тебя весьма гнусно и если оно не исправится, так скоро тебя к столбу выведут *, чего ты за свои поступки достоин.

Чистосердов. Это правда! И я не думаю, чтобы слезы вдов и сирот пропали. Но что это за шалун?

Щепетильник. А! Это Верьхоглядов; он ныне красавцем у кокетков почитается. Но сколько лицо его хорошо, столько поступки дурны. Смотрите! один идучи кривляется и поет.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и Верьхоглядов.

Верьхоглядов. А пар дие *! Рад я, что тебя вижу в добром здоровье, господин Щепетильник. О! проклятой твой титул колет и дерет уши. Пожалуй, брось это варварское имя, а называйся галантерейщиком. Это будет тре-галан, и ты сам галантомом * почитаться станешь.

Щепетильник. Я не хочу никогда быть галант-омом и не переменю моего названия, для того, что оно правильно на нашем языке.

Верьхоглядов. О, фидом *! на нашем языке! Вот еще какой странной екскюз *! Наш язык самой зверской и коли бы не мы его чужими орнировали * словами, то бы на нем добрым людям без орёру * дискурировать * было не можно. Кель диабле *! уже нынче не говорят риваль *, а говорят солюбовник. Ха! ха! ха! Какое иниоранство! Да пусть бы говорили, а то уже и пишут, и я слышал, что комедию Троа Фрер-Риво * назвали Три брата солюбовники. Три брата солюбовники! Ах! эти слова умертвят меня.

Щепетильник. Для того не пишут риваль, что это по-французски, а по-русски солюбовника значит.

Верьхоглядов. Пусть так, мой друг! Пусть так! но эти дикие слова из гоннет-омов * душу вытянут. Соперник! Солюбовник! Как же это срамно! и прононсуасия * одна уши инкомодирует *.

Щепетильник. Ин, не говорите по-русски, ежели вам язык свой столько противен, а лучше лепечите так, как теперь, или как один князек, побывавши года с два, к стыду нашему, в Париже и приехав оттуда, сказал некогда русскому сапожнику, которой снимал с него мерку: «Мон ами, ты не должен жужировать * по таким малым аппарансам» *.

Верьхоглядов. Он сделал то, что все наши братья вояжоры * должны делать.

Щепетильник (*в сторону*). Кроме тех, которые имеют здравый рассудок.

Верьхоглядов. Есть ли у тебя новые табакерки? Ре-

комендуйся мне! Я о тебе рекомендацию у всего монде галан * сделаю.

Щепетильник. Есть, сударь. Алагрек, аласалюет и...

Верьхоглядов. Нет, мон ами! Мне надобно табакерку разумную. Ты меня, я думаю, разумеешь?

Щепетильник (*в сторону*). В голове нет разума, так ищет в табакерке. (*Верьхоглядову.*) Вот предорогая табакерка фарфоровая в золоте. Вот вся золотая. Вот еще с бриллиантами, алабюшерон *.

Верьхоглядов. Что мне до твоих алабюшеронов! Это все старинные уже вздоры! Не офрируй * мне их, а дай такую, при которой бы проворство моего эспри * монтрировать * можно было. Я хочу с двойным куверклем *, на котором бы изображались хорошие миниатюрные пентюры *, чтобы нечто... там... ты уже дивинируешь *; нечто такое, чтобы можно дать случай продюировать * приятные бонмо *, непринужденные экивоки и инженуэзное * и благопристойное похабство.

Щепетильник. Где это слыхано, чтобы было благопристойное похабство?

Верьхоглядов. Мы одни его эдаким сделать умеем! Мы одни, мой дружища! Атташируйся * к нам, так и сам савант-ом * будешь. Маленькое похабство, авек эспри выговоренное, анимирует * компанию; это марк де бон сан *, трез естиме * в дамских серкелях *, при игре картошной, а лучше всего на балах. Это такой фасон, чрез которой мы, пригожие люди, себя презинтировать * можем. Турнюр * хорошего экивока кокетку рассмешает, притворщицу принуждает глаза аббесировать *, а стыдливую закраснеться; но всем им офонд эмабле * бывает.

Щепетильник. Вот в каком вы заблуждении. Напротив того, я смело вас уверяю, что всякой разумной мужчина и всякая добродетельная женщина таких дурачеств отнюдь терпеть не станут. Эти шалости свойственны петиметрам, у которых нет в голове ни зерна здравого рассудка и которые прямыя учтивости совсем не знают.

Верьхоглядов. Здравого нет рассудка! О, мон ами, как же худо ты об нас жужируешь! Чорт меня возьми! Ты сформировал дезавантажные * об нас идеи. Послушай меня, я докажу тебе, что мы лучше всех людей на свете здравой рассудок поседируем *. Он есть приятное, справедливое, жантиль * забавное... истинное... лежер * удивительное... коммод * и... и... Уф, чуть я не задохся! Однако сказать тебе тукур *, мон шер... мне стыдно быть педантом и дефинировать * это слово. Но ты видел, что ежели бы я хотел, то бы всеконечно доказать мог! Я во всем тебе контрадировать * капабель *, и капабель еще и не то сделать. Во мне, эксепте селя *, много есть меритов *. Я пью алла санте де бо

секс *, говоря самые острые экивоки; могу над степенными людьми и священным чином мокироваться *, пренебрегать всяким законом и сделать дураком и скотиною ту-ле-серие * моралист, которые на тебя походят и вот это-та здравым рассудком антер ну * называется.

Щепетильник. А я не разгорячаясь могу слушать враки безмозглых вертопрахов и смотреть на них с презрением, и это здравым рассудком называю.

Верьхоглядов. Ты опять начал мораль прешировать *. Послушай меня, дружища! оставь ее, и так уже все люди говорят, что в твоем бутике * все галантереи хуже, грубое твое лицо и мордамант * язык. Прощай и суспандируй *нас вперед от таких гардиесов или за импертинанство * будешь батирован * чрез наших лакеев. (*Уходит.*)

Щепетильник. Коли они есть. Вот сущий попугай и достойной, чтобы его из всех мест, сказать-было его языком, чтобы его из всех мест прогонировали.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Чистосердов, Племянник и Щепетильник.

Чистосердов. Это правда! но я думаю, что большая часть таковых повес, угождая друг другу, язык свой ненавидят.

Племянник. Да лих на это смотреть несносно.

Щепетильник. Нет, сударь, не все из шалости; есть между ими и такие, которые с злостию природного своего языка не терпят. Я слыхал сам в комедиях от стоявших возле меня молодчиков, которые, никакого языка на свете не знавши, в каждое русское зрелище, если оно хорошо и актер играет с успехом, с досады бледнеют и грызут пальцы. А если приметят, что чужестранцам, которые совершенно нашего языка не знают, представление нравится, то станут их уверять, что или переведено, или написано дурно, или актер действует несогласно с речами.

Чистосердов. О, эдаких терпеть не должно, и мне кажется, что у нас повес разного роду больше, нежели в целом свете.

Щепетильник. Я с вами согласен; но большая часть из них не дураки, а доведенные до шалостей, из которых бы и к делу современем многие годилися, ежели бы строжее над ними смотрели.

Чистосердов. Самая истина! Из повес иногда полезные бывают люди, а из дураков никогда; только не надобно ни одного молодого человека допускать до этого порока.

Племянник. Вон еще гость жалует, и насилу идет, о костыль опираясь.

ЯВЛЕНИЕ XVII

Те же и Старосветов.

Племянник. Этому старику либо очки, либо трость потребна.

Чистосердов. Это советник Старосветов. Я чаю, он пришел сюда посмотреть на молодых людей или, может быть, сыну своему товарищество сделал.

Щепетильник. Нет, он сам часто сюда таскается.

Старосветов. Есть ли у тебя хорошие фарфоровые табакерки, на которых бы была миниатура? Портреты красавиц, сердца, стрелами пронзенные, или кольцы с любовными стишками, или что-нибудь такое, на чем бы страстная любовь изображалась? (*Утирает пот.*)

Щепетильник. Есть, сударь, разные, но не изволите ли наперед купить этих очков; они для пожилых людей новое дают зрение.

Старосветов. Для прозрения мне в них нет нужды, но я куплю их для близиру или подарю моему меньшому брату; он худо видит, а я, благодаря бога, в них нужды не имею и еще долго иметь не буду, и неприлично смотреть в очки в моих летах. Что же они стоят?

Щепетильник. Надобно описать их доброту, чтобы дороги не показались. В них можно ясно увидеть все шалости, что мы в молодых летах делали, и все те пороки, которые большему числу молодчиков невидимы. Гляду в них, не будешь иметь излишнего почтения к распудренным волосам на безмозглой голове против нечесанных волос умного человека. Бархатные кафтаны и кружевные на дураке маншеты покажутся столько же гнусны, как одежда его холопов. В них все отличить можно. Никто не почтет дресву золотом, а рогожу ковром, а если и почтет, так на короткое время; а рассмотрев, первое бросит в грязь, а последнее к порогу положит; а ковер всегда на столе останется.

Старосветов (*смеется*). Уподоблении не очень кстати. Однако ежели все сказанное правда, то это вещь предорогая, и я дивлюсь, что в щепетильной лавке такой редкой товар сыскался.

Щепетильник. В них же увидите, что чрезмерная многих людей учтивость есть покрывало сущего коварства и подлости, что скорая дружба не что инос, как торг, для прибытку сделанной. Словом, многие старики. . .

Старосветов. Оставь доброту, а скажи, сколько за них денег, и покажи мне вещи, которых я купить хочу.

Щепетильник. Очки стоят пять рублев, а вот и вещи.

Старосветов. А что это такое? (*Смотрит на крышку табакерочную.*)

Щепетильник. Ежели не видите, изволите очки надеть.

Старосветов. Нет, я вижу, а хочу, чтобы ты изъяснил мне эту живопись.

Щепетильник. С охотою! изволите смотреть: на крышке изображено, что шестидесятилетней старик дурачится, любовника представляя, и бегает вслед за шалунами и вертопрахами, надеясь пленять сердца молодых красавиц.

Старосветов (*рассердяся*). Не на меня ли ты, государь мой, целишь и не вздумал ли ты шутить надо мною?

Щепетильник. Сохрани меня боже! Я этого и в мыслях не имел.

Старосветов. Мне кажется, что неприлично над честным человеком смеяться, и я от такого дурака, как ты, не снесу ни малой обиды.

Щепетильник. А! когда же вы и вподлинну гневаться изволите, так послушайте, сударь, самую истину. Вы невольно принуждаете смеяться над собою, потому что, имев седые волосы, младенчествуете. Ежели бы мне по человечеству не жаль вас было, то бы я допустил купить этих безделюшек, за которыми вы сюда запыхавшись прибежали. Не изволите ли деревянных куколок, коньков, гремушек и прочего? Я безденежно услужу вам целым возом. . .

Старосветов. Молчи, грубиян! Я не за безделюшками бежавши запыхался, а протанцовал несколько менуетов и контротансов в угождение влюбленным в меня красавицам. Прости! я клянуся двадцатью моими любовницами, что отмщу тебе. Помни меня! (*Идучи с театра, бранится.*) Ты дурак, невежа, скотина, неуч! . .

Чистосердов. Вот он-та в правду ума рехнулся и он-та прямой младенец. Но что это за урод идет сюда? Наденем, племянник, поскорее маски.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Те же и Самохвалов (идет на театр тихо).

Щепетильник. А! это неуклюд Самохвалов. Знать, он недавно сюда приехал.

Самохвалов. Скажи мне, пожалуй, что это за старой дурак бежал отсюда? Он было меня с ног сбил. Никак его здесь рассердили? Он, идучи, жестоко бранился.

Щепетильник. Этот пожилой шалун прогневался на меня за самую безделку. Он хотел к стыду своему купить безде-

люшек, а я посоветовал очки купить и сказывал, на какую потребу они годятся и что в них увидеть можно.

Самохвалов. Ты мне кстати об очках вспомнил, я их купить должен.

Щепетильник. А на какую, сударь, потребу?

Самохвалов. Смешной вопрос! Смотреть на людей и читать разные книги.

Щепетильник. А я думал, что писать.

Самохвалов. Писать не для кого! Здесь достоинства трудов моих никто не разумеет.

Щепетильник (*в сторону*). Для того, что ты кроме ни к чему годных безделюшек, еще ничего не написал и не перевел. (*Самохвалову.*) Да какие же книги вы читаете, на своем языке, или? ..

Самохвалов. На нашем языке? Видно, что ты в литературе незнающ. А что бы такое на нашем-та языке прочесть было можно?

Щепетильник. Такие сочинении, которые довольную похвалу заслужили.

Самохвалов. Я таких не знаю!

Щепетильник. Итак, вы чужестранные только читаете?

Самохвалов. Да, но и это не для научения. Учиться мне не у кого, следственно и подражать некому, а могу я счесть равными с собою некоторых чужестранных писцов; а не пишу ныне для того, что не хочу больше показать своего искусства.

Чистосердов (*Племяннику*). Вот пречудное животное.

Племянник. Весьма самолюбивое.

Щепетильник (*ищет очков*).

Самохвалов. Долго ли ж искать? Я чаю, в твоей лавке очков много.

Щепетильник. Есть довольно, но я ищу таких, которые очками знаменитых авторов называются. Они нарочно выдуманы для слушанья чужих сочинений.

Самохвалов. На то-та и мне они потребны. Ныне проявилось, к стыду нашего отечества, множество писателей, а особливо комических, которые и грамоте не умеют и которых сочинении иногда буду я принужден слышать.

Щепетильник. А вы еще и не видали и не читали?

Самохвалов. Нет!

Щепетильник. Да почему ж хулите?

Самохвалов. Потому, что написать хорошего некому, и я уже наперед знаю, что здесь все очень гадко и сочиняют и переводят.

Щепетильник. Так не слушайте и не смотрите дурного.

Самохвалов. Мне не хочется прослыть ненавистником;

я буду ходить в комедии и, надев очки, смотреть на театр, отнюдь не слушая того, что актеры болтать станут, ведая, что доброго ничего не услышишь.

Щепетильник. А! так эти очки будто бы нарочно для вас сделаны. Они на уши надеваются, и ежели вы не захотите слушать, то, не отворяя этой пружины, их оставьте, и так не согреша против своей совести, т. е. не слыша дурно или хорошо написано, можете бранить сочинителя. А ежели слушать захотите, то подавите пружину, так эти дырочки отворятся, и все к слуху вашему доходить станет.

Самохвалов. Очень хорошо! О, как много умел ты меня одолжить! В твоей голове ума больше, нежели во всех наших новых писателях. Ты меня избавляешь от муки, и я выхвалю тебя перед молодыми нашими писцами, написавши сравнение между ими и тобою.

Щепетильник (*в сторону*). Сравнении не всем удаются; у многих и стихи неровные в них бывают.

Самохвалов. Что ты задумался? Радуйся, мой друг! Скоро об тебе моим старанием свет узнает: я расхвалю тебя.

Щепетильник (*Чистосердову*). Боюсь, чтобы не сказали: кто его хвалит? протухлая ветчина!

Самохвалов. Скажи же, что очки стоят?

Щепетильник. Двадцать рублев.

Самохвалов. Вот деньги. Завтре же начну я писать тебе похвальной эпитр, а на молодых вралей комедию, и подлинно сделаю смеху...

Щепетильник (*в сторону*). Над собою. Не заведи опять муз в избу; это не их, а твое жилище.

Самохвалов. Прости! я покажусь скоро во всей моей славе.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Щепетильник, Чистосердов и Племянник.

Щепетильник. Скоро все об тебе узнают, что ты ни в чем сведения и вкуса не имеешь, и быть тебе в комедии осмеяну прежде тех людей, которых ты неумолкно ругаешь. Они тебя скоряе на позорище выведут.

Чистосердов. Не гадко ли смотреть, что этот человек столь много заражен самолюбием! Он, ничего не сделавши, хочет, чтобы его хвалили, а тех презирали, которые трудятся.

Щепетильник. Мне кажется, что он сам будет презираем, и над ним исполнится эта пословица: «как кликнешь, так и откликнется». Он ругает, станут ему платить тем же; а ежели бы

он жил, других не беспокоя, и сам бы, научиться постаравшись, написал что-нибудь полезное, то бы и его так же, как и прочих, любили.

Чистосердов. Но он не один столь гордых о себе мыслей. Эдаких самолюбцев у нас много, которые, ничего сделать не умевши, всех пересмехают. Я знаю одного, которой, увидя чье-нибудь сочинение, тотчас опорочит, хотя и без доказательств, не взирая на то, что другие хвалят; и он обещается сделать на всякого гвоздь с молотком, а всегда выходит рассохшаяся бочка.

Племянник. Итак, здесь во всяком состоянии есть странные люди?

Щепетильник. Очень много; но эдакие осуждатели, по правде, больше осмеяния достойны. Они так ослеплены собою, что ежели не постараются перемениться, то скоро будут совершенным посмешищем всему народу.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и работник.

Щепетильник (*работнику*). Что ты?

Работник. Я пришел-стани сказаци, что бояра-та вси по домам разъехались, и никово больше ни в харях, ни без харь не осталось.

Щепетильник. Хорошо! запирай же лавку. Время и нам домой ехать.

Чистосердов. И нам также. Этот вечер много просветил моего племянника.

Племянник (*Щепетильнику*). Это правда, и я рад чаще слушать ваши рассуждении. Они мне чрезмерно приятны, и я за счастие почту, ежели удостоюсь войти в число искренних ваших слуг и буду получать от вас полезные советы.

Щепетильник. Ежели они вам полезными кажутся, то всегда к услугам вашим готовы.

Чистосердов. Прости, государь мой, до свидания, и я, желая тебе доброго здоровья, желаю и того, чтобы многие из наших богатых откупщиков и разного звания людей, которые, богу известно, как нажилися, хотя бы сотую долю, следуя вашему примеру, бедным разделяли и чтобы все, кто чрезмерно порокам подвержен, от поучений ваших исправлялись.

Щепетильник. Ежели бы это бог сделал! Но я думаю, что моими поучениями мало дураков исправлю. Сегодни осмеял я с двадцать образцовых молодцов, и только один исправился, а все рассердились, и я чуть ли не с двести нажил злодеев. Сатирически говорить весело, в этих разговорах время невидимо

протекает, и они бывают всем приятны до тех пор, покуда находят чужие пороки; а ежели приметят сходствие с своими, то в миг прогневаются и тогда уже и мстить готовы бывают.

Чистосердов. Самую истину говорите; однако этим устрашаться не должно.

Щепетильник. Я знаю, государь мой, что от того часто великие случаются огорчении; а иногда и то, как Боало сказал, исполниться может, что часто те же самые слова, которые читателей рассмешают, у писателя извлекают слезы; я думаю, что чуть ли он не испытал их над собою. Полно, слава богу, что у нас не все этого сатирика знают, а то бы и шутки его в худо употребили.

Чистосердов. Легко бы могло статься.

Щепетильник. Но, полно, такие мстительные и у нас уже выводятся, и уже все, слушающие мои шутки, над осмеянными образцами тешиться изволят и тем доказывают, что, конечно, себя тут не находят, для того, что над собою никто смеяться не любит, а над ближним все готовы, от чего я их до тех пор отучать буду, покуда сил моих станет.

Конец комедии

Д. И. ФОНВИЗИН

БРИГАДИР

БРИГАДИР

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бригадир
Бригадирша
Советник
Советница
Софья, дочь советника
Добролюбов, жених и любовник ее
Иван, сын бригадира
Слуга

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сертуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит советница в дезабилье и корнете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья сидит также одаль и шьет в тамбуре.

Советник (*смотря в календарь*). Так ежели бог благословит, то двадцать шестое число быть свадьбе.

Иван. Hélas *!

Бригадир. Очень изрядно, дорогой сосед. Мы хотя друг друга и недавно узнали, однако это не помешало мне, проезжая из Петербурга домой, заехать к вам в деревню с женою и сыном. Такой советник, как ты, достоин быть другом от армии бригадиру, и я начал уже с вами со всеми обходиться без чинов.

Советница. Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии.

Бригадирша. Ах! Мать моя! Да какая церемония меж нами (*указывая на советника*), хочет он выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, с божьим благословением? А чтоб лучше на него, го́спода, положиться было можно, то дайте вы ей и родительское свое награждение. На что тут церемония?

Советница. Ах! сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах! радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был.

Иван (*вслушавшись, приподнимает шишку колпака*). Madame! я благодарю вас за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотел бы иметь и сам такую жену, с которою бы я говорить не мог иным языком, кроме французского. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливее.

Бригадирша. О! Иванушка! Бог милостив. Вы, конешно, ста́нете жить лучше нашего. Ты, слава богу, в военной службе

не служил, и жена твоя не будет ни таскаться по походам без жалованья, ни отвечать дома за то, чем в строю мужа раздразнили. Мой Игнатей Андреевич вымещал на мне вину каждого рядового.

Бригадир. Жена, не все ври, что знаешь.

Советник. Полно, соседушка. Не греши, ради бога. Не гневи господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имеешь? Она годится быть коллегии президентом. Вот как премудра Акулина Тимофеевна.

Бригадир. Премудра! Вот-на, соседушка. Ты, жалуя нас, так говорить изволишь, а мне кажется, будто премудрость-та ее очень на глупость походит. О! Иное дело твоя Авдотья Потапьевна. Я сказать ей могу, в глаза и за глаза, что ума у нее целая палата. Я мужчина и бригадир, однако ей-ей рад бы потерять все мои патенты на чины, которые купил я кровию моею, лишь бы только иметь разум ее высокородия.

Иван. Dieu *! Сколько прекрасных комплиментов, батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умов, голова головы лучше.

Советник. А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше.

Иван. К каким делам? Что читать?

Бригадир. Читать? Артикул * и устав воинской *; не худо прочесть также инструкцию межевую * молодому человеку.

Советник. Паче всего изволь читать уложение * и указы. Кто их, будучи судьею, толковать умеет, тот, друг мой, зятюшка, нищим быть не может.

Бригадирша. Не худо пробежать также и мои расходные тетрадки. Лучше плуты-люди тебя не обманут. Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой.

Советница. Боже тебя от того сохрани, чтоб голова твоя наполнена была иным чем, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все на свете науки. Не поверишь, как такие книги просвещают. Я, не читав их, рисковала бы остаться навеки дурою.

Иван. Madame, вы говорите правду. Vous-avez raison *. Я сам, кроме романов, ничего не читывал и для того-то я таков, как вы меня видите.

Софья (*в сторону*). Для того-та ты и дурак.

Иван. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о вас думаю.

Иван. А как же бы это было? Je vous prie *, не льстите мне.

Советник. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю о чем-та, с ума сходит.

Б р и г а д и р. О! это пройдет. У меня жена перед свадьбою недели полторы без ума шаталась; однако после того лет десятка с три в таком совершенном благоразумии здравствует, что никто того и приметить не может, чтоб она когда-нибудь была умнее.

Б р и г а д и р ш а. Дай бог тебе, батюшка, здоровье. Продли бог твои долгие веки; а я, с тобой живучи, ума не потеряла.

С о в е т н и к. Всеконечно, и мне весьма приятно, что дочь моя иметь будет такую благоразумную свекровь.

С о в е т н и ц а (*вздыхает*). Для чего моей падчерице и не быть вашею снохой? Мы все дворяне. Мы все равны.

С о в е т н и к. Она правду говорит. Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской. Тебе еще до бригадирства распроломали голову, а я до советничества в Москве ослеп в коллегии. В утешение осталось только то, что меня благословил бог достаточком, которой нажил я в силу указов. Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетов, манжет и прочих вздоров, не служащих ни к временному, ни к вечному блаженству.

С о в е т н и ц а. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна * с тобою развестися, ежели ты меня еще так шпетить станешь.

С о в е т н и к. Без власти создателя и святейшего синода развестись нам невозможно. Вот мое мнение, бог сочетает, человек не разлучает.

И в а н. Разве в России бог в такие дела мешается? По крайней мере, государи мои, во Франции он оставил на людское произволение — любить, изменять, жениться и разводиться.

С о в е т н и к. Да то во Франции, а не у нас, правоверных; нет, дорогой зять! Как мы, так и жены наши, все в руце создателя. У него и все власы главы нашея изочтены суть.

Б р и г а д и р ш а. Вить вот, Игнатей Андреевич, ты меня часто ругаешь, что я то и дело деньги да деньги считаю. Как же это? Сам господь волоски наши считать изволит, а мы, раби его, мы и деньги считать ленимся,— деньги, которые так редки, что целый парик изочтенных волосков насилу алтын за тридцать достать можно.

Б р и г а д и р. Враки. Я не верю, чтоб у всех волосы были сочтены. Не диво, что наши сочтены. Я — бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их?

Б р и г а д и р ш а. Не греши, мой батюшка, ради бога. У него генералитет, штаб и обер-офицеры в одном ранге.

Б р и г а д и р. Ай, жена! Я тебе говорю, не вступайся. Или я скоро сделаю то, что и впрямь на твоей голове нечего считать будет. Как бы ты бога-та знала побольше, так бы ты такой пу-

стоши и не болтала. Как можно подумать, что богу, который все знает, не известен будто наш табель о рангах? Стыдное дело.

Советница. Оставьте такие разговоры. Разве нельзя о другом дискютировать *? Выбрали такую сурьезную материю, которую я не понимаю.

Бригадир. Я и сам, матушка, не говорю того, чтоб забавно было спорить о такой материи, которая не принадлежит ни до экзерциции, ни до баталий, ни до чего такого, что бы. . .

Советник. Что бы, по крайней мере, хотя служило к должности судьи, истца или ответчика. Я сам, правду сказать, неохотно говорю о том, о чем, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша. Мне самой скушны те речи, от которых нет никакого барыша. (*К советнице.*) Переменим, свет мой, речь. Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами? Свой ли овес едят лошади, или купленной?

Иван. C'est plus intéressant *!

Советница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина?

Советник (*к жене*). Не стыди меня. Матушка Акулина Тимофеевна! Люди наши едят застольное. Не прогневайся на жену мою. Ей до того дела нет: хлеб и овес я сам выдаю.

Бригадирша. Так-та у меня мой Игнатей Андреич: ему ни до чего дела нет. Я одна хожу в анбары.

Советник (*в сторону*). Сокровище, а не женщина! Какие у нее медоточивые уста! Послушать ее только, так раб греха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадир. Что ты это говоришь, сват? (*В сторону.*) Здешняя хозяйка не моей бабе чета.

Советник. Хвалю разумное попечение твоей супруги о домашней экономии.

Бригадир. Благодарен я за ее экономию. Она для нее больше думает о домашнем скоте, нежели обо мне.

Бригадирша. Да как же, мой батюшка? Вить скот сам о себе думать не может. Так не надобно ли мне о нем подумать? Ты, кажется, и поумнея его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадир. Слушай, жена, мне все равно, сдура ли ты врешь или из ума, только я тебе при всей честной компании сказываю, чтоб ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будет худо.

Иван. Mon père *! Не горячитесь.

Бригадир. Что! Не горячитесь?

Иван. Mon père! Я говорю, не горячитесь.

Бригадир. Да первого-та слова, чорт-те знает, я не разумею.

Иван. Ха, ха, ха, ха; теперь я стал виноват в том, что вы по-французски не знаете.

Бригадир. Эк он горло-та распустил. Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то, чего здесь не разумеют?

Советница. Полно, сударь. Разве ваш сын должен говорить с вами только тем языком, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка, Игнатей Андреевич, пусть Иванушка говорит, как хочет. По мне все равно. Иное говорит он, кажется, и по-русски, а я, как умереть, ни слова не разумею. Что и говорить? Ученье свет, неученье тьма.

Советник. Конечно, матушка! Кому бог открыл грамоту, так над тем и сияет благодать его. Ныне, слава богу, не прежние времена. Сколько грамотей у нас развелось: и то-та кому господь откроет. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, так те знавали грамматику; а ныне почти ее никто не знает, а все пишут. Сколько у нас исправных секретарей, которые экстракты сочиняют без грамматики, любо-дорого смотреть! У меня на примете есть один, который что когда напишет, так иной ученый и с грамматикою вовеки того разуметь не может.

Бригадир. На что, сват, грамматика? Я без нее дожил почти до шестидесяти лет, да и детей взвел. Вот уже Иванушке гораздо за двадцать; а он — в добрый час молвить, в худой помолчать — и не слыхивал о грамматике.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, так вить ее купить еще надобно. Заплатишь за нее гривен восемь, а выучишь ли, нет ли — бог знает.

Советница. Чорт меня возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне. В городе, по крайней мере, изорвала я одну на папильоты.

Иван. J'en suis d'accord *, на что грамматика! Я сам писывал тысячу бильеду *, и мне кажется, что, свет мой, душа моя, adieu, ma reine *, можно сказать, не заглядывая в грамматику.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и слуга.

Слуга. Господин Добролюбов приехать изволил.

Софья (*в сторону*). Боже мой! Он приехал, а я невеста другому.

Советник. Пойдемте же навстречу сына друга моего и погуляемте с ним по саду.

Бригадир (*К советнице*). Не изволите ли и вы проходиться?

Советница. Нет, сударь, я останусь здесь. Мне сын ваш сделает компанию.

Иван. De tout mon coeur *, o! я с вами наедине быть рад.

Советник (*к бригадирше*). Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. Изволь, изволь, мой батюшка.

Советница (*Софье*). А ты, по крайней мере, сделай компанию своей свекрови.

ЯВЛЕНИЕ III

Советница, Иван.

Иван (*садится очень близко к советнице*). Мне кажется, сударыня, что ваш сожитель не больше свету знает, сколько для отставного советника надобно.

Советница. Вы правду сказали: он ни с кем в жизнь свою не обходился, как с секретарями и подьячими.

Иван. Он, я вижу, походит в этом на моего батюшку, который во свой век разумных людей бегал.

Советница. Ах, радость моя! Мне мило твое чистосердечие. Ты не щадишь и отца своего! Вот прямая добродетель нашего века.

Иван. Чорт меня возьми, ежели я помышляю его менажировать *.

Советница. В самом деле, жизнь моя, мне кажется, он не умнея моего мужа, которого глупея на свете и бывают, однако, я думаю, очень редко.

Иван. Ваш резонеман * справедлив. Скажите ж, сударыня, что вы думаете о моей матери?

Советница. Как, радость! В глаза мне это тебе сказать совестно.

Иван. Пожалуй, говори, что изволишь. Я индиферан * во всем том, что надлежит до моего отца и матери.

Советница. Не правда ли, что она свет знает столько же, сколько ваш батюшка?

Иван. Dieu! Какой ты знаток в людях! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно об этом говорить без всякой диссимюляции *. (*Вздохнув.*) Итак, вы знаете, что я пренесчастливый на свете человек. Живу уже двадцать пять лет и имею еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и с добрыми отцами; а я, чорт меня возьми, я живу с животными.

Советница. Я сама стражду, душа моя, от моего урода. Муж мой — прямая приказная строка. Я живу несколько лет с ним здесь в деревне и клянусь тебе, что все способы к отмщению до сего времени у меня отняты были. Все соседы наши такие неучи, такие скоты, которые сидят по домам, обнявшися с женами. А жены их — ха, ха, ха, ха! — а жены их не знают

еще и до сих пор, что это — дезабилье, и думают, что будто можно прожить на сем свете в полшлафроке. Они, душа моя, ни о чем больше не говорят, как о столовых припасах; прямые свиньи...

Иван. Pardieu! Поэтому мать моя годится в число ваших соседок; а давно ли вы живете с такою тварью?

Советница. Муж мой пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве *. Он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего, и для того повез меня мучить в деревню.

Иван. Которую, конешно, нажил до указа.

Советница. При всем том он скуп, как Кащей *.

Иван. Или как моя матушка. Я без лести могу сказать об ней, что она за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами.

Советница. Мой урод при всем том еще ужасная ханжа: не пропускает ни обедни, ни завтрени и думает, радость моя, что будто бог столь комплезан *, что он за всенощную простит ему то, что днем наворовано.

Иван. Напротив того, мой отец, кроме зари, никогда не маливался. Он, сказывают, до женитьбы не верил, что и чорт есть; однакож женяся на моей матушке, скоро поверил, что нечистый дух экзистирует *.

Советница. Переменим речь, je vous en prie: мои уши терпеть не могут слышать о чертях и тех людях, которые столь много на них походят.

Иван. Madame! Скажите мне, как вы ваше время проводите?

Советница. Ах, душа моя, умираю с скуки. И если бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было; я тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

Иван. По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чорт ли видит то, что скрыто? а наружное всяк видит.

Советница. Так, душа моя: я сама с тобою одних сентиментов; я вижу, что у тебя на голове пудра, а есть ли что в голове, того, чорт меня возьми, приметить не могу.

Иван. Pardieu! Конешно, этого никто приметить не может.

Советница. После туалета лучшее мне препровождение в том, что я загадываю в карты.

Иван. Вы знаете загадывать, grand Dieu! Я сам могу назваться пророком. Хотите ли, чтоб показал я вам мое искусство?

Советница. Ах, душа моя! Ты одолжишь меня чрезвычайно.

Иван (*придвинув столик с картами*). Сперва вы мне отгадайте, а там я вам.

Советница. С радостью. Извольте загадывать короля и даму.

Иван (*подумав*). Загадал.

Советница (*раскладывает карты*). Ах, что я вижу! Свадьба! (*Вздыхает.*) Король женится.

Иван. Боже мой! Он женится! Что мне этого несноснее!

Советница. А дама его не любит...

Иван. Чорт меня возьми, ежели и я ее люблю. Нет, нет сил более терпеть. Я загадал о себе. Ah, madame! Или вы не видите того, что я жениться не хочу?

Советница (*вздыхая и жеманяся*). Вы жениться не хотите? Разве падчерица моя не довольно пленила ваше сердце? Она столько постоянна!

Иван. Она постоянна! .. О, верх моего несчастья! Она еще и постоянна! Клянусь вам, что ежели я это в ней, женяся, примечу, то в ту же минуту разведусь с нею. Постоянная жена во мне ужас производит. Ah, madame! Ежели бы вы были жена моя, я бы век не развелся с вами.

Советница. Ах, жизнь моя! Чего не может быть, на что о том терзаться? Я думаю, что и ты не наскучил бы мне лишними претензиями.

Иван. Позволь теперь, madame, отгадать мне что-нибудь вам. Задумайте и вы короля и даму.

Советница. Очень хорошо. Король трефовый и кёровая дама.

Иван (*разложив карты*). Король смертно влюблен в даму.

Советница. Ах, что я слышу! Я в восхищении. Я вне себя с радости.

Иван (*посмотрев на нее с нежностью*). И дама к нему не без склонности.

Советница. Ах, душа моя! не без склонности. Скажи лучше, влюблена до безумия.

Иван. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдал за то, чтоб сведать, кто эта кёровая дама. Вы краснеетесь, вы бледнеете. Конешно, это...

Советница. Ах! как несносно признаваться в своей пассии!

Иван (*с торопливостью*). Так это вы...

Советница (*притворясь, будто последнее слово дорого ей стоит*). Я, я сама.

Иван (*вздохнув*). А кто этот преблагополучный трефовый король, который возмог пронзить сердце кёровой дамы?

Советница. Ты хочешь, чтоб я вдруг все тебе сказала.

Иван (*встав*). Так, madame, так. Я этого хочу, и ежели не я тот преблагополучный трефовый король, так пламень мой к вам худо награжден.

Советница. Как! И ты ко мне пылаешь?

Иван (*кинувшись на колени*). Я разжжен тобою. Ты кёровая дама!

Советница (*поднимая его*). А я тобою. Ты трефовый король!

Иван (*в восхищении*). О счастье! О bonheur!

Советница. Может быть, ты, душа моя, и не ведаешь того, что невеста твоя влюблена в Добролюбова и что он сам в нее влюблен смертно.

Иван. St! .. St! .. Они идут. Ежели это правда, oh, que nous sommes heureux *. Нам надобно непременно оставить их в покое, чтоб они со временем в покое нас оставили.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Добролюбов и Софья.

Софья. Вы изволили здесь остаться одни, матушка; я нарошно пришла к вам для того, чтобы вам одним не было скушно.

Добролюбов. А я, сударыня, взял смелость проводить ее к вам.

Советница. Нам очень здесь нескушно. Мы загадывали в карты.

Иван. Мне кажется, mademoiselle, что вы как нарошно сюда, сведать о вашей судьбине.

Софья. Что это значит?

Советница. Мы загадывали о тебе, и если верить картам, которые, впрочем, никогда не лгут, то брак твой не очень удачен.

Софья. Я это знаю и без карт, матушка.

Иван. Вы это знаете, на что ж вы рискуете?

Софья. Тут никакого риску нет, а есть очевидная моя погибель, в которую ведут меня батюшка и матушка.

Советница. Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отроду того не хотела, чего отец твой хочет.

Иван. На что такие изъяснения? (*К советнице.*) Madame, мы друг друга довольно разумеем; не хотите ли вы сойтиться с компаниею?

Советница. Для меня нет ничего комоднее * свободы. Я знаю, что все равно, иметь ли мужа, или быть связанной.

Иван (*дает ей знаки, чтоб она Софью и Добролюбова оставила*). Да разве вы никогда отсюда вытти не намерены...
Советница. Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНИЕ V

Добролюбов и Софья.

Добролюбов. Они нас оставили одних. Что это значит?
Софья. Это значит то, что мой жених ко мне нимало не ревнует.
Добролюбов. А мне кажется, что и мачехе твоей не противно б было, если б твоя свадьба чем-нибудь разорвалась.
Софья. Это гораздо приметно. Мне кажется, что мы очень некстати к ним взошли.
Добролюбов. Тем лучше, ежели этот дурак в нее влюбился, да и ей простительно им плениться.
Софья. В рассуждении ее кокетства очень простительно, и она лучше себе любовника найти, конешно, не может; однако я жалею о батюшке.
Добролюбов. О, пожалуй, о нем не тужите. Батюшка ваш, кажется мне, с отменною нежностью глядит на бригадиршу.
Софья. Нет. Этого я не думаю. Батюшка мой, конешно, и для того мачехе моей не изменит, чтоб не прогневить бога.
Добролюбов. Однако он ведает и то, что бог долготерпелив.
Софья. Ежели ж это правда, то, кроме бригадирши, кажется мне, будто здесь влюблены все до единого.
Добролюбов. Правда, только разница состоит в том, что их любовь смешна, позорна и делает им бесчестие. Наша же любовь основана на честном намерении и достойна того, чтоб всякой пожелал нашего счастия. Ты знаешь, что ежели б мой малый достаток не отвратил отца твоего иметь меня своим зятем, то бы я давно уже был тобою благополучен.
Софья. Я тебя уверяла и теперь уверяю, что любовь моя к тебе кончится с жизнию моею. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоею женою. Малый твой достаток меня не устрашает. Я все на свете для тебя снести рада.
Добролюбов. Может быть, и достаток мой скоро умножится. Дело мое приходит к концу. Оно давно б уже и кончилось, только большая часть судей нынче взяток хотя и не берут, да и дел не делают. Вот для чего до сих пор бедное мое состояние не переменяется.
Софья. Мы долго заговорились. Нам надобно итти к ним для избежания подозрения.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Советник и Софья.

Советник. Поди сюда, Софьюшка. Мне о многом с тобою поговорить надобно.

Софья. О чем изволите, батюшка?

Советник. Во-первых, о чем ты печалишься?

Софья. О том, батюшка, что ваша воля с моим желанием несогласна.

Советник. Да разве дети могут желать того, чего не хотят родители? Ведаешь ли ты, что отец и дети должны думать одинаково? Я не говорю о нынешних временах: ныне все пошло новое, а в мое время, когда отец виноват бывал, тогда дерут сына; а когда сын виноват, тогда отец за него отвечает; вот как в старину бывало.

Софья. Слава богу, что в наши времена этого нет.

Советник. Тем хуже. Ныне кто виноват, тот и отвечай, а с иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноват только один виноватой. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего ж быть виноватым?

Советник. Для того, что все грешны человецы. Я сам бывал судьею: виноватой, бывало, платит за вину свою, а правый за свою правду; и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик.

Софья. Позвольте мне, батюшка, усумниться; я думаю, что правый, конешно, оставался тогда недоволен, когда он обвинен был.

Советник. Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвинен, тогда он уже стал не правый, а виноватой; так ему нечего тут умничать. У нас указы потверже, нежели у челобитчиков. Челобитчик толкует указ на один манер, то есть на свой, а наш брат, судья, для общей пользы, манеров на двадцать один указ толковать может,

Софья. Что ж, наконец, батюшка, вы от меня желаете?

Советник. Того, чтобы ты мой указ, итти замуж, толковала не по нашему судейскому обычаю, и шла бы за того, за кого я тебе велю.

Софья. Я вам должна повиноваться; только представьте себе мое несчастие: я женою буду такого дурака, который набит одними французскими глупостьми, который не имеет ко мне не только любви, ни малейшего почтения.

Советник. Да какого ты почтения от него изволишь? Мне кажется, ты его почитать должна, а не он тебя. Он будет главою твоею, а не ты его главою. Ты, я вижу, девочка молодая и не читывала священного писания.

Софья. По крайней мере, батюшка, будьте вы в том уверены, что он и вас почитать не будет: русской француз обыкновенно никого, кроме себя и французов, не почитает. Да разве вы не знаете, какова большая часть наших приезжих из Парижа?

Советник. Знаю, все знаю; однако твой жених имеет хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Советник. Деревеньки-та у него изрядные. А если зять мой не станет рачить о своей экономии, то я примусь за правление деревень его.

Софья. Я не думаю, чтоб будущий мой свекор захотел вас трудить присмотром за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочем, я ни чрез то, ни чрез другое не выигрываю. Я привыкла быть свидетельницею доброй экономии.

Советник. Тем лучше. Ты своего не растеряешь; а это разве малое тебе счастье, что ты иметь будешь такую свекровь, которая, мне кажется, превосходит всякую тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастию моему, их в ней приметить еще не могла.

Советник. Это все-таки оттого же, что ты девочка молодая и не знаешь, в чем состоят прямые доброты. Ты не ведаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямого пути к своему спасению.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участие свекровь может иметь в прямом пути к моему спасению.

Советник. А вот какое: вышед замуж, почитай свекровь свою; она будет тебе и мать, и друг, и наставница; а ты имей ее первую по бозе *, угождай во всем быстропроницательным очам ее и перенимай у нее все доброе. О таковом вашем согласии и люди на земле возвеселятся, и ангелы на небесах возрадуются.

Софья. Как, батюшка, неужели ангелам на небесах так много дела до моей свекрови, что они тогда радоваться будут, ежели я ей угождать стану?

Советник. Конешно, так. Или думаешь ты, что у господа в книге животной * Акулина Тимофеевна не написана?

Софья. Батюшка! Я не ведаю, есть ли в ней она.

Советник. А я верую, что есть. Поди ж ты, друг мой, к гостям и как будто от себя выскажи ты своей будущей свекрови, что я, я наставляю тебя угождать ей.

Софья. Позвольте мне вам доложить, батюшка, на что это? Не довольно ли того, если я угождать ей буду без всякого высказывания?

Советник. Я велю тебе ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вот тебе мой ответ. Пошла!

ЯВЛЕНИЕ II

Советник (один).

Советник. Она не дура, однако со всем ее умом догадаться не может, что я привязан к ее свекрови, привязан очами, помышлениями и всеми моими чувствы *. Не знаю, как объявить ей о моем окаянстве. Вижу, что гублю душу мою, желая соблазнить непорочную. О, грехов моих тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моление, что сотворит со мною Игнатей Андреевич, который столько же хранит свою супругу, сколько я свою, хотя, впрочем и не проходило у нас двух часов бессорно: вот до чего доводит к чужой жене любовь! Выдаю дочь мою против желания за ее сына, для того только, чтоб чаще возмог я по родству видеться с возлюбленною сватьею. В ней нахожу я нечто отменно разумное, которого другие приметить в ней не могут. Я не говорю о ее муже. Он хотя и всегда слыл мужиком разумным, однако военный человек, а притом и кавалерист, не столько иногда любит жену свою, сколько свою лошадь... А! да вот она идет.

ЯВЛЕНИЕ III

Советник и бригадирша.

Советник. Ах!

Бригадирша. О чем ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Советник. О своем окаянстве.

Бригадирша. Ты уже и так, мой батюшка, с поста и молитвы скоро на усопшего походить будешь, и долго ли тебе изнурять свое тело?

Советник. Ах, моя матушка! Тело мое еще не изнурено. Дал бы бог, чтоб я довел его грешным моим молением и пощс-

нием до того, чтоб избавилося оно от всякого искушения: не грешил бы я тогда ни на небо, ни пред тобою.

Бригадирша. Передо мною? А чем ты, батюшка, грешишь передо мною?

Советник. Оком и помышлением.

Бригадирша. Да как это грешат оком?

Советник. Я грешу пред тобою, взирая на тебя оком...

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обеими. Неужели это грешно?

Советник (*говорит как суевер*). Так-то грешно для меня, что если хочу я избавиться вечныя муки на том свете, то должен я на здешнем походить с одним глазом до последнего издыхания. Око мое меня соблазняет, и мне исткнуть его необходимо должно для душевного спасения.

Бригадирша. Так ты и вправду, мой батюшка, глазок себе выколоть хочешь?

Советник (*говорит как ябедник и суевер*). Когда все грешное мое тело заповедям сопротивляется, так, конешно, и руки мои не столь праведны, чтоб они одни взялись исполнить писание; да я страшусь теплыя веры твоего сожителя, страшусь, чтоб он, узрев грех мой, не совершил на мне заповеди божией.

Бригадирша. Да какой грех?

Советник. Грех, ему же вси смертнии поработилися. Каждый человек имеет дух и тело. Дух хотя и бодр, да плоть немощна. К тому же несть греха, иже не может быть очищен покаянием... (*С нежностию.*) Согрешим и покаемся.

Бригадирша. Как не согрешить, батюшка! Един бог без греха.

Советник. Так, моя матушка. И ты сама теперь исповедуешь, что ты причастна греху сему.

Бригадирша. Я исповедываюся, батюшка, всегда в великий пост на первой. Да скажи мне, пожалуй, что тебе до грехов моих нужды?

Советник. До грехов твоих мне такая же нужда, как и до спасения. Я хочу, чтоб твои грехи и мои были одни и те же и чтоб не могло ничто разрушити совокупления душ и телес наших.

Бригадирша. А что это, батюшка, совокупление? Я церковного-то языка столько же мало смышлю, как и французского. Вить кого как господь миловать захочет. Иному откроет он и французскую, и немецкую, и всякую грамоту; а я, грешная, и по-русски-то худо смышлю. Вот с тобою не теперь уже говорю, а больше половины речей твоих не разумею. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумею. Коли чью я речь больше всех разберу, так это своего Игнатья Андреевича. Все

слова выговаривает он так чисто, так речисто, как попугай... Да видал ли ты, мой батюшка, попугаев?

Советник. Не о птицах предлежит нам дело, дело идет о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотения?

Бригадирша. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь?

Советник. Могу ли я просить...

Бригадирша. Да чего ты у меня просить хочешь? и если только, мой батюшка, не денег, то я всем ссудить тебя рада. Ты знаешь, каковы ныне деньги: ими никто даром не ссужает, а для них ни в чем не отказывают.

Здесь входит Иван, а они его не видят.

Советник. Не о деньгах речь идет: я сам для денег на все могу согласиться. (*Становится на колени.*) Я люблю тебя, моя матушка...

В самое то время, увидев советник Ивана вскочил, а Иван хохочет и бьет в ладоши.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Иван.

Иван. Bravissimo! Bravissimo!

Бригадирша. Что ты, Иванушка, так прыгаешь! Мы говорили о деле. Ты помешал Артамону Власьичу: он не знаю чего-та у меня просить хотел.

Иван. Да он, матушка, делает тебе declaration en forme *.

Советник. Не осуждай, не осужден будеши. (*Оторопев, выходит.*)

Бригадирша. Иванушка! Вытолкуй ты мне лучше, что ты теперь сказал.

Иван. Матушка, он с тобою амурится! Разумеешь ли ты хотя это?

Бригадирша. Он амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на уме!

Иван. Чорт меня возьми, ежели это не правда.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься; опомнись: вить чортом не шутят. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Иван. Матушка! я вижу, ты этому не веришь. Да на что ж он становился на колени?

Бригадирша. Я почем знаю, Иванушка. Неужели это для амуру? Ах, он проклятый сын! Да что он это вздумал?

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и советница.

Иван. Madame! я теперь был свидетелем пресмешныя сцены. J'ai pensé créver de rire *. Твой муж объявил любовь свою моей матушке! Ха, ха, ха, ха!

Советница. Не вправду ли? *(Во время речи бригадиршиной она отводит сына и нечто шепчет ему.)*

Бригадирша (*всердцах*). Ах он, собака! Да что он и вправду затеял? Разве у меня бог язык отнял? Я теперь же все расскажу Игнатью Андреичу. Пускай-ка он ему лоб раскроит по-свойски. Что он это вздумал? Вить я бригадирша! Нет, он плут! Не думай того, чтоб он нашел на дуру! Мне, слава богу, ума не занимать! Я тотчас пойду...

Иван и советница ухватили ее за полы.

Иван. Матушка, постой, постой...

Советница. Постой, сударыня.

Иван. Да разве ты, матушка, не приметила, что я шутил?

Бригадирша. Какая шутка! Ведь я слышала, как ты божился.

Советница. Он, сударыня, конечно, шутил.

Иван. Чорт меня возьми, ежели это была не шутка.

Бригадирша. Как, ты и теперь так же божишься! Что за дьявольщина! Да чему же верить?

Советница. Как, сударыня! Вы не можете шутки отделить от сурьезного.

Бригадирша. Да нельзя, мать моя: ведь он так божится, что мой язык этого и выговорить не поворотится.

Советница. Да он, конешно, в шутку и побожился.

Иван. Конешно, в шутку. Я знавал в Париже, да и здесь превеликое множество разумных людей, et même tant de fort honnêtes gens *, которые божбу ни во что ставят.

Бригадирша. Так ты и заправду, Иванушка, шутил?

Иван. Хотите ли вы, чтоб я еще вам побожился?

Бригадирша. Да ты, может быть, опять шутить станешь! То-то, ради бога, не введи ты меня в дуры.

Советница. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа: ежели б это была правда, о! я сама капабельна взбеситься.

Бригадирша. Ну, слава богу, что это шутка. Теперь душа моя на месте. (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Иван и советница.

Советница. Ты было все дело испортил. Ну, ежели бы матушка твоя нажаловалась отцу твоему, вить бы он взбесился и ту минуту увез отсюда и тебя с нею.

Иван. Madame! Ты меня в этом простить можешь. Признаюсь, что мне этурдери * свойственно, а инако худо подражал бы я французам.

Советница. Мы должны, душа моя, об том молчать, и нескромность твою я ничем бы не могла экскюзовать *, если б осторожность не смешна была в молодом человеке, а особливо в том, который был в Париже.

Иван. O, vous avez raison *! Осторожность, постоянство, терпеливость похвальны были, может быть, тогда, когда люди не знали, как должно жить в свете; а мы, которые знаем, что это такое, que de vivre dans le grand monde *, мы, конечно, были бы с постоянством очень смешны в глазах всех таких же разумных людей, как мы.

Советница. Вот прямые правила жизни, душа моя. Я не была в Париже, однако чувствует сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человеческое есть всегда сердце и в Париже, и в России: оно обмануть не может.

Иван. Madame, ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятие имеешь о сердце, как я о разуме. Mon Dieu! Как судьбина милосерда! Она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы друг для друга.

Советница. Без сомнения, мы рождены под одною кометою *.

Иван. Все несчастие мое состоит в том только, что ты русская.

Советница. Это, ангел мой, конешно, для меня ужасная погибель.

Иван. Это такой défaut *, которого ничем загладить уже нельзя.

Советница. Что ж мне делать?

Иван. Дай мне в себе волю. Я не намерен в России умереть. Я сыщу occasion favorable * увезти тебя в Париж. Тамо остатки дней наших, les restes des nos jours *, будем иметь утешение проводить с французами; тамо увидишь ты, что есть между прочими и такие люди, с которыми я могу иметь société *.

Советница. Верно, душа моя! Только, я думаю, отец твой не согласится отпустить тебя в другой раз во Францию.

Иван. А я думаю, что и его увезу туды с собою. Просвещаться никогда не поздно; а я за то порукою, что он, съездя

в Париж, по крайней мере, хотя сколько-нибудь на человека походить будет.

Советница. Не то на уме у отца твоего. Я очень уверена, что он нашу деревню предпочтет и раю, и Парижу. Словом, он мне делает свой кур.

Иван. Как? Он мой риваль?

Советница. Я примечаю, что он смертно влюблен в меня.

Иван. Да знает ли он право честных людей? Да ведает ли он, что за это дерутся?

Советница. Как, душа моя, ты и с отцом подраться хочешь?

Иван. Et pourquoi non *? Я читал в прекрасной книге, как бишь ее зовут... Le nom m'est échappe *, да... в книге Les sottises du temps *, что один сын в Париже вызывал отца своего на дуэль... а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилося в Париже?

Советница. Твой отец очень смешон... такие дураки... ах! как он легок на помине-то... вот он и идет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и бригадир.

Бригадир. Я уж начал здесь хозяйничать. Пришел вас звать к столу. Да что ты, матушка, разговорилась с моим повесою? А ты что здесь делаешь? Ты должен быть с своею невестою.

Иван. Батюшка, я здесь быть хочу.

Бригадир. Да я не хочу.

Советница. Да вам, сударь, какое до того дело?

Бригадир. Мне не хочется, матушка, чтоб он тебе болтаньем своим наскучил. Я лучше бы хотел сам с тобою поговорить о деле.

Советница. Говорите, что вам угодно.

Бригадир. Мне угодно, чтоб сын мой был от вас подале: он вам наскучит.

Советница. Нет, сударь, мы очень весело без вас время проводили.

Бригадир. Да мне без тебя скушно. (*Взглянув на сына.*) Поди ты вон, повеса.

Советница (*к сыну*). Когда время итти к столу, так пойдем. (*Подает ему руку, он ведет ее жеманяся, а бригадир, идучи за ними, говорит.*)

Бригадир. Добро, Иван! будет то время, что ты и не так кобениться станешь.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Бригадир и Иван.

Бригадир. Слушай, Иван. Я редко смолоду краснелся, однако теперь от тебя, при старости, сгорел было.

Иван. Mon cher père! или сносно мне слышать, что хотят женить меня на русской?

Бригадир. Да ты что за француз? Мне кажется, ты на Руси родился.

Иван. Тело мое родилося в России, это правда; однако дух мой принадлежал всегда короне французской.

Бригадир. Однако, Иван, ты все-таки России больше обязан, нежели Франции. Ведь в теле твоем гораздо больше связи, нежели в уме.

Иван. Вот, батюшка, теперь вы уже и льстить мне начинаете, когда увидели, что строгость вам не удалася.

Бригадир. Ну, не прямой ли ты болван? Я тебя назвал дураком; а ты думаешь, что я льщу тебе: эдакой осел!

Иван. Эдакой осел! (*В сторону.*) Il ne me flatte pas *. Я вам еще сказываю, батюшка, je vous le répète *, что мои уши к таким терминам не привыкли. Я вас прошу, je vous en prie, не обходиться со мною так, как вы с вашим ефрейтором обходились. Я такой же дворянин, как и вы, monsieur.

Бригадир. Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, так все врешь, что лошадь. Ну кстати ли отцу с сыном считаться в дворянстве? Да хотя бы ты мне и чужой был, так тебе забывать того, по крайней мере, не надобно, что я от армии бригадир.

Иван. Je m'en moque *.

Бригадир. Что это за манмок?

Иван. То, что мне до вашего бригадирства дела нет. Я его забываю; а вы забудьте то, что сын ваш знает свет, что он был в Париже. . .

Бригадир. О, ежели б это забыть можно было! Да нет, друг мой! ты сам об этом напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, из которых за самое малое надлежит, по нашему военному уставу, прогнать тебя шпицрутеном.

Иван. Батюшка! вам все кажется, будто вы стоите пред фрунтом и командуете. К чему так шуметь?

Бригадир. Твоя правда, не к чему; а вперед как ты что-нибудь соврешь, то влеплю тебе в спину сотни две русских палок. Понимаешь ли?

Иван. J'entend. Понимаю, а вы сами поймете ли меня? Всякой галантом, а особливо кто был во Франции, не может парировать, чтоб он в жизнь свою не имел никогда дела с таким человеком, как вы; следовательно, не может парировать и о том, чтоб он никогда бит не был. А вы, ежели вы взойдете в лес и удастся вам наскочить на медведя, то он с вами так же поступит, как вы меня трактовать хотите.

Бригадир. Эдакой урод! Отца применил к медведю: разве я на него похож?

Иван. Тут нет разве. Я сказал вам то, что думаю: voilà mon caractère *. Да какое право имеете вы надо мною властвовать?

Бригадир. Дуралей! я твой отец.

Иван. Скажите мне, батюшка, не все ли животные, les animaux, одинаковы?

Бригадир. Это к чему? Конечно, все. От человека до скота. Да что за вздор ты мне молоть хочешь?

Иван. Послушайте, ежели все животные одинаковы, то вить и я могу тут же включить себя?

Бригадир. Для чего нет. Я сказал тебе: от человека до скота; так для чего тебе не поместить себя тут же?

Иван. Очень хорошо; а когда щенок не обязан респектовать того пса, кто был его отец, то должен ли я вам хотя малейшим респектом?

Бригадир. Что ты щенок, так в том никто не сомневается; однако я тебе, Иван, как присяжной человек, клянусь, что ежели ты меня еще применишь к собаке, то скоро сам с рожи на человека походить не будешь. Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мною палки, эдакой скосырь выехал!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и бригадирша.

Бригадирша. Что за шум? Что ты, мой батюшка, так гневаться изволишь? Не сделал ли ты, Иванушка, какого нам убытку? Не потерял ли ты чего-нибудь?

Бригадир. И очень много. Пропажа не мала.

Бригадирша (*запыхалася*). Что за беда! Что такое?

Бригадир. Он потерял ум, ежели он у него был.

Бригадирша (*отдыхая*). Тьфу, какая пропасть! Слава богу. Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что-нибудь.

Бригадир. А разве ум-от ничто?

Бригадирша. Как ничто! Кто тебе это сказывал, батюшка? Без ума жить худо; что ты наживешь без него?

Бригадир. Без него! А без него нажила ты вот этого урода; не говаривал ли я тебе: жена! не балуй робенка: запишем его в полк; пусть он, служа в полку, ума набирается, как то и я делывал; а ты всегда изволила болтать: ах! батюшка! нет, мой батюшка! что ты с младенцем делать хочешь? не умори его, свет мой! — Вот, мать моя! вот он здравствует. Вот за минуту применил к кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Иван (*зевает*). Quelles espèces *!

Бригадир. Вот, говори ты с ним, пожалуй, а он лишь только рот дерет. Иван, не беси меня. Ты знаешь, что я разом ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каков я.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и советница.

Советница. Что ты, сударь, затеял? Возможно ль, чтоб я стерпела здесь такое barbarie *?

Бригадир. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Советница. Как! Вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадир. Да вить, матушка, у него не только что два ребра; ежели я их и выломлю, так с него еще останется. А для меня все равно, будут ли у него те два ребра, или не будут.

Бригадирша. Вот, матушка, как он о рождении своем говорить изволит.

Иван (*к советнице*). C'est l'homme le plus bourru que je connais *.

Советница. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша к сыну вашему меня беспокоит?

Бригадир. А я, матушка, думал, что грубость его ко мне вас беспокоит.

Советница. Нимало. Я не могу терпеть пристрастия. Мериты * должны быть всегда респектованы: конечно, вы не видите достоинств в вашем сыне.

Бригадир. Не вижу, да скажите же вы мне, какие достоинствы вы в нем видите?

Советница. Да разве вы не знаете, что он был в Париже?

Бригадирша. Только ль, матушка, что в Париже! Он был еще во Франции. Шутка ль это!

Бригадир. Жена, не полно ль тебе врать?

Бригадирша. Вот, батюшка, правды не говори тебе.

Бригадир. Говори, да не ври.

Советница (*к бригадиру*). Вы, конечно, не слыхивали, как он был в Париже принят.

Бригадир. Он этого сказать мне до сих пор еще не смел, матушка.

Советница. Скажите лучше, что не хотел; а ежели я вас, monsieur, попрошу теперь, чтоб вы о своем вояже что-нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать *?

Иван. De tout mon coeur *; только в присутствии батюшки мне неспособно исполнить вашу волю. Он зашумит, помешает, остановит. . .

Советница. Он для меня этого, конешно, не сделает.

Бригадир. Для вас, а не для кого более на свете, молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будет. Говори, Иван.

Бригадирша. И я, мой батюшка, послушаю.

Иван. С чего ж начать? Par où commencer *?

Советница. Начните с того, чем вам Париж понравился и чем вы, monsieur, понравились Парижу.

Иван. Париж понравился мне, во-первых, тем, что всякой отличается в нем своими достоинствами.

Бригадир. Постой постой, Иван! Ежели это правда, то как же ты понравился Парижу?

Советница. Вы обещали, сударь, не мешать ему. По крайней мере, вы должны учтивостию дамам, которые хотят слушать его, а не вас.

Бригадир. Виноват, матушка, и для вас, а не для кого более, молчать буду.

Советница (*к сыну*). Продолжайте, monsieur, continuez!

Иван. В Париже все почитали меня так, как я заслуживаю. Куда бы я ни приходил, везде или я один говорил, или все обо мне говорили. Все моим разговором восхищались. Где меня ни видали, везде у всех радость являлася на лицах, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее таким чрезвычайным смехом, который прямо показывал, что они обо мне думают.

Советница (*бригадиру*). Не должны ли вы прийти в восхищение? Я, ничем не будучи обязана, я от слов его в восторге.

Бригадирша (*плача*). Я без ума от радости. Бог привел на старости видеть Иванушку с таким разумом.

Советница (*бригадиру*). Что ж вы ничего не говорите?

Бригадир. Я, матушка, боюся вас прогневить, а без того бы я, конешно, или засмеялся, или заплакал.

Советница. Continuez, душа моя.

Иван. Во Франции люди совсем не таковы, как вы, то есть не русские.

Советница. Смотри, радость моя, я там не была; однако я о Франции получила уже от тебя изрядную идею. Не правда ли, что во Франции живут по большей части французы?

Иван (*с восторгом*). Vous avez le don de déviner *.

Бригадирша. Как же, Иванушка! Неужели там люди-та не такие, как мы все русские?

Иван. Не такие, как вы, а такие, как я.

Бригадирша. Для чего же! Вить и ты мое рождение.

Иван. N'importe *! всякой, кто был в Париже, имеет уже право, говоря про русских, не включать себя в число их, затем что он уже стал больше француз, нежели русской.

Советница. Скажи мне, жизнь моя, можно ль тем из наших, кто был в Париже, забыть совершенно то, что они русские?

Иван. Totalement * нельзя. Это не такое несчастье, которое бы скоро в мыслях могло быть заглажено. Однако нельзя и того сказать, чтоб оно живо было в нашей памяти. Оно представляется нам, как сон, как illusion *.

Бригадир (*к советнице*). Матушка, позволь мне одно словцо на все ему сказать.

Иван (*к советнице*). Cela m'excède, je me retire *. (*Выходит.*)

Бригадирша (*к советнице*). Что он, матушка, это выговорил? Не занемог ли Иванушка, что он так опрометью отсюда кинулся? Пойти посмотреть было.

ЯВЛЕНИЕ IV

Бригадир, советница.

Советница. Вот что вы сделали. Вы лишили меня удовольствия слышать историю сына вашего и целого Парижа.

Бригадир. А я бы думал, что я избавил тебя от неудовольствия слушать дурачества. Разве, матушка, тебе угодно шутить над моим сыном?

Советница. Разве вам, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадир. Над тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтоб меня ту минуту аркибузировали, в которую помышлю я о тебе худо.

Советница. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму *.

Бригадир. Не за что, матушка.

Советница. Ваш сын, я вижу, страждет от ваших грубостей.

Бригадир. Теперь для вас ему спускаю; однако рано или поздно я из него французской дух вышибу; я вижу, что он и вам уже наскучил.

Советница. Вы ошиблись; перестаньте грубить вашему сыну. Ведаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадир. Какими?

Советница. Разве вы глухи? Разве вы бесчувственны были, когда он рассказывал о себе и о Париже?

Бригадир. Я хотел бы таким быть на этот раз, матушка, я вижу, что вы теперь шутить изволите; рассказы его — пустошь. Он хотя и мой сын, однако таить нечего; где он был? в каких походах? на которой акции *? А ежели ты охотница слушать и впрямь что-нибудь приятное, то прикажи мне, я тебе в один миг расскажу, как мы турков наповал положили; я не жалел бусурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако все не так опасно, как теперь.

Советница. Как теперь? Что это такое?

Бригадир. Это то, о чем я, матушка, с тобой давно уже поговорить хотел, да проклятый сын мой с безделками своими мешал мне всякой раз; и ежели тебе угодно, то я его за это завтра же без живота сделаю.

Советница. За что, сударь, хотите вы его так изувечить?

Бригадир. За то, что, может быть, без него я давно бы тебе сказал мой секрет и взял бы от тебя ответ.

Советница. Какой секрет? Какой ответ?

Бригадир. Я чинов не люблю, а хочу одного из двух: да или нет.

Советница. Да чего вы хотите? Что вы так переменились?

Бригадир. О, ежели бы ты знала, какая теперь во мне тревога, когда смотрю я на твои бодрые очи.

Советница. Что это за тревога?

Бригадир. Тревога, которой я гораздо больше опасаюсь, нежели идучи против целой неприятельской армии. Глаза твои мне страшнее всех пуль, ядер и картечей. Один первой их выстрел прострелил уже навылет мое сердце, и прежде, нежели они меня ухлопают, сдаюся я твоим военнопленным.

Советница. Я, сударь, дискуру * твоего вовсе не понимаю и для того, с позволения вашего, я вас оставляю.

Бригадир. Постой, матушка. Я тебе вытолкую все гораздо яснее; представь себе фортецию *, которую хочет взять храбрый

генерал. Что он тогда в себе чувствует? Точно то теперь и я, как храброй полководец, а ты моя фортеция, которая как ни крепка, однако все брешу в нее сделать можно.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, советник, Добролюбов.

Советник (*к Добролюбову*). Так дело твое уже решено?

Добролюбов. Решено, сударь.

Бригадир. О! Чорт их побери! Который раз принимаюсь, да не дадут кончить!

Советница. Что ж вы, сударь?

Бригадир. Матушка! Это не такое дело, о котором бы я говорил при вашем сожителе. (*Выходя.*) Я с досады тресну.

ЯВЛЕНИЕ VI

Советник, Добролюбов, советница.

Советник. Да ты как рано о деле своем сведал?

Добролюбов. Сейчас.

Советница. Как? Вы ваш процесс выиграли?

Добролюбов. Так, сударыня; состояние мое гораздо поправилось. Я имею две тысячи душ.

Советник. Две тысячи душ! О создатель мой, господи! И при твоих достоинствах! Ах, как же ты теперь почтения достоин.

Советница. Да не были ли вы притом и в Париже?

Добролюбов. Нет, сударыня.

Советница. Жаль, это одно все мериты помрачить может.

Советник. Однако, ежели у кого есть две тысячи душ, то, мне кажется, они все пороки наградить могут. Две тысячи душ и без помещичьих достоинств всегда две тысячи душ, а достоинствы без них — какие к чорту достоинствы; однако, про нас слово, чудно мне, что ты мог так скоро выходить свое дело и, погнавшись за ним, не растерял и достальное.

Добролюбов. Если б не страшились того, что слух о несправедливости и грабеже может в нынешнее время дойти далее и получить достойное наказание, то бы я, конешно, выхаживая ныне мое дело, имел случай совершенно разориться. Со всем тем, когда уж взятки запрещены наистрожайшим образом, бездельники нашли другую дорогу к разорению.

Советник. Какую?

Добролюбов. Долго обо всем рассказывать. (*Советнице.*) Я боюсь вам наскучить, сударыня.

Советница. Нет, сударь, я сама куриозна об этом слушать.

Добролюбов. Дорогу нашли такую, чтоб дело волочить и тем самым заставить жалеть публику уже и о том, что взятки запрещены, потому что, когда их брали, то сколько ни дорого становилось челобитчикам, однако деньгами можно было поспешить решением; напротив того, ныне взяток брать не смеют, следовательно, пресекся последний путь к скорейшему решению дел.

Советник. Ну, так не говорил ли я, что худо, эй, худо сделано то, что взятки запретили?

Добролюбов. Ваша правда. Корыстолюбие наших лихоимцев перешло все пределы. Кажется, что нет таких запрещений, которые их унять бы могли.

Советник. А я так всегда говорил, что взятки и запрещать невозможно. Как можно решить дело даром за одно свое жалованье? Этого мы, как родились, не слыхивали! Это против натуры человеческой... Как же ты дошел до того, что, наконец, дело твое решено стало?

Добролюбов. Мы счастливы тем, что всякой, кто не находит в учрежденных местах своего права, может итти, наконец, прямо к вышнему правосудию; я принял смелость к оному прибегнуть, и судьи мои принуждены были строгим повелением решить мое дело.

Советник. Хорошо, что твое дело право, так ты и мог итти далее; ну, а ежели бы оно было не таково, как бы ты далее-то с ним пошел?

Добролюбов. Я бы не только не пошел тогда далее, да и не стал бы трудить судебное место.

Советник. Так хорошее ли это дело? А в мое время всякой и с правым и неправым делом шел в приказ и мог, подружась с судьею, получить милостивую резолюцию. В мое время далее не совались. У нас была пословица: до бога высоко, до царя далеко.

Советница (*к Добролюбову*). Мне кажется, что вам время уже себя этаблировать *, время жениться.

Добролюбов. Я ни на ком жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

Советник. Друг мой сердешной, ты был недостаточен, да к тому же и мои обстоятельства, право, теперь не таковы.

Советница. Я с моей стороны никогда в вашем сватовстве не препятствовала.

Добролюбов. Однако уже я льститься не могу?..

Советник. Теперь мне ни того, ни другого сказать нельзя. Пойдем-ка лучше да выпьем по чашке чаю. После обеда о делах говорить неловко. Я всегда интересные дела решал по утрам.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Добролюбов, Софья.

Добролюбов. Я великую надежду имею к совершению нашего желания.

Софья. А я не смею еще ласкаться ею. С тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка мой изменяет моей мачехе, то и перемена состояния твоего не может переменить его намерения.

Добролюбов. Однако я видел, с каким чувствием услышал он весть о решении дела моего в пользу мою. Я также мыслей своих от тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отец твой любит богатство; а корыстолюбие делает из человека такие же чудеса, как и любовь.

Софья. Со всем тем корыстолюбие редко любовь побеждает. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтоб судьба твоя с моей соединилась; однако я и тем одним уже утешаюсь, что твое состояние поправилось.

Добролюбов. Мое состояние до тех пор несчастно будет, пока не исполнится мое главнейшее желание. Ты знаешь, в чем состоит оно. Тебе известно мое сердце...

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и бригадирша.

Добролюбов (*видя, что бригадирша слезы отирает*). О чем вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первый раз на веку плачу. Один господь видит, каково мое житье!

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу другу и ворогу итти замуж.

Софья. Ка́к, сударыня? Можете ли вы говорить это в са-

мое то время, когда хотите вы того, чтоб я женою была вашего сына?

Бригадирша. Тебе, матушка, для чего за него нейти? Я сказала так про себя.

Добролюбов. Нет, вы про всех теперь сказать изволили.

Бригадирша. И ведомо.

Софья. Как же это; то про себя, то про всех? Скажите, матушка, что-нибудь одно.

Бригадирша. Ты изволь говорить; а мне что?

Добролюбов. Что же вам угодно?

Бригадирша. Ничего. Я пришла сюда так, поплакать в свою волю.

Софья. Да о чем же?

Бригадирша (*плача*). О том, что мне грустно. Теперь Игнатей Андреевич напади на меня ни за что, ни про что. Ругал, ругал, а господь ведает за что. Уж я у него стала и свинья, и дура; а вы и сами видите, дура ли я?

Добролюбов. Конечно, видим, сударыня.

Софья. Да за что он так на вас теперь напал?

Бригадирша. Так, слово за слово. Он же такого крутого нраву, что упаси господи; того и смотрю, что резнет меня чем ни попало; рассуди ж, моя матушка, вить долго ль до беды: раскроит череп разом. После и спохватится, да нешто сделаешь.

Добролюбов. Поэтому ваша жизнь всякую минуту в опасности?

Бригадирша. До лихого часу долго ли?

Софья. Неужели он с вами столько варварски поступал, что вы от него уже и терпели на это похожее?

Бригадирша. То нет, моя матушка. Этого еще не бывало, чтоб он убил меня до смерти. Нет, нет еще.

Добролюбов. Об этом, сударыня, вас никто и не спрашивает.

Софья. Довольно, ежели он имел варварство пользоваться правом сильного.

Бригадирша. То он силен, матушка. Однажды, и то без сердцов, знаешь, в шутку потолкнул он меня в грудь, так веришь ли, мать моя, господу богу, что я насилу вздохнула: так глазки под лоб и закатились, не взвидела света божьего.

Софья. И это было в шутку!

Бригадирша. Насилу отдохнула; а он, мой батюшка, хохочет да тешится.

Добролюбов. Изрядной смех.

Бригадирша. Недель через пять, шесть и я тому смеялась, а тогда, мать моя, чуть было, чуть богу души не отдала без покаяния.

Добролюбов. Да как же вы с ним жить можете, когда он и в шутку чуть было вас на тот свет не отправил?

Бригадирша. Так и жить. Вить я, мать моя, не одна замужем. Мое житье-та худо-худо, а все не так, как бывало наших офицершей. Я всего нагляделась. У нас был нашего полку первой роты капитан, по прозванью Гвоздилов; жена у него была такая изрядная, изрядная молодка. Так, бывало, он рассерчает за что-нибудь, а больше хмельной: так, веришь ли богу, мать моя, что гвоздит он, гвоздит ее, бывало, в чем душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну, мы наше сторона дело, а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о том, что возмущает человечество.

Бригадирша. Вот, матушка, ты и послушать об этом не хочешь, каково же было терпеть капитанше?

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Иван и советница.

Советница (*Ивану*). Не угодно ли сыграть партию в карты?

Иван. С великой охотою, avec plaisir *!

Советница. Так велеть подать карты. Лакей, стол и карты. (*К Добролюбову.*) Не изволите ли вы здесь партию в кадриль?

Добролюбов. Ежели вам угодно.

Между тем подают стол и кресла ставят.

Иван (*разбирает карты и подает каждому по карте для мест. К советнице*). Madame! (*К бригадирше.*) Madame!

Бригадирша. Это на что, Иванушка? да коли играть, так все раздай. Разве, мой батюшка, ныне по одной карточке играют?

Иван. Это для мест.

Бригадирша. И! Мне и так, по милости хозяйской, место будет.

Иван. Матушка, берите же.

Бригадирша. Да что же, батюшка, в одной карточке?

Советница. Играете ли вы в кадриль *, сударыня?

Бригадирша. И, мать моя, и я и слыхом не слыхала, что это.

Советница (*к Софье*). Так возьмите вы.

И в а н. Mademoiselle! (*Подает, и все садятся, между тем как Иван сдает карты.*)

Б р и г а д и р ш а. А я сяду, матушка, да посмотрю на вас, как вы забавляетесь.

ЯВЛЕНИЕ IV

Т е ж е, б р и г а д и р и с о в е т н и к.

Б р и г а д и р. Ба! здесь и картеж завели!

С о в е т н и к. А ты не изволишь ли со мною игорку в шахматы, в большую?

Б р и г а д и р. Давай, бери. (*Садятся в другом конце. Между тем советник с бригадиром выступают, и один другому говорит:*) я так, (*а тот ему:*) а я так.

С о в е т н и ц а. В кёрах волю.

С ы н. Passe *! (*И все пасуют.*)

С о в е т н и ц а. Они и они *.

Б р и г а д и р ш а. Что за околёсница — они и они? А кто это они?

С о в е т н и к (*услышав ее вопрос*). Ныне, матушка, всех игор и не разберешь, в которые люди тешиться изволят.

Б р и г а д и р ш а. Так, мой батюшка, уж чего ныне не выдумают. Они и они! Куды мудрен народ! (*Заглянув к Ивану в карты.*) Ах, Иванушка, как на руках-та у тебя жлудей, жлудей!

И в а н. Матушка, я брошу карты; je les jette par terre *.

С о в е т н и ц а. И впрямь, сударыня, вы бы могли это держать только на уме... Рекиз *.

Б р и г а д и р (*вслушавшись в речь советницы*). На уме? Было бы на чем! .. Шах!

С о в е т н и к. Плохо, плохо мне приходит.

Б р и г а д и р. Не шути, сватушка.

И в а н (*показав карты*). Санпрандер * шесть матадоров.

Б р и г а д и р ш а. Что, мой батюшка, что ты сказал, матадуры? Вот нынче стали играть и в дуры, а бывало так все в дураки игрывали.

С о в е т н и к. Так, матушка моя, мало ли чего бывало и чего нет,— чего не бывало и что есть.

Б р и г а д и р ш а. Так, мой батюшка. Бывала и я в людях; а ныне — что уж и говорить — старость пришла; уж и памяти нет.

Б р и г а д и р. А ума не бывало.

И в а н (*поет французскую песню; советница пристает к нему. К советнице*). Madame! мы оба беты. Матушка, пропой-ка ты нам какой-нибудь новенькой эр *.

Бригадирша. Что пропеть? И, мой батюшка, голосу нет. Дух занимает... Да что это у вас за игра идет? Я не разберу, хоть ты меня зарежь. Бывало, как мы заведем игорку-та, так или в марьяж, или в дураки; а всего веселей, бывало, в хрюшки. Раздадут по три карточки; у кого пигус, тот и вышел; а кто останется, то дранье такое подымут, что животики надорвешь.

Советник (*смеется с нежностию*). Ха, ха, ха! Я сам игрывал, бывало, и, помнится мне, при всякой карте разные забавы.

Добролюбов. Матадор.

Бригадирша. Так, мой батюшка! (*Схватила со стола одни карты и подбежала к советнику.*) Вот, бывало, коли кто виноват, так и скажут: с этой стороны не проси вот этого, а с этой этого; а потом (*держа в одной руке карты, одним пальцем шмыгает, между тем советник покидает игру в шахматы и смотрит на нее с нежностию*) чего хочешь, того просишь,— тот и выглядывает карточку; а там до этой карты и пойдет за всякую драньё; разно: краля по щеке, холоп за ухо волок.

Бригадир. Жена, давай-ка со мною в хрюшки! (*Встает.*) Воля твоя, мы эдак век не кончим.

Иван. Где же карты? Не чорт ли их унес?

Бригадирша. Нет, я, Иванушка.

Иван (*вскоча*). Il est impossible de jouer *.

Все встают.

Бригадирша. Да я вам что, мой батюшка, помешала? Вить у вас есть карты, да еще и с тройками.

Бригадир. Слушай, жена! ты куда ни придешь, везде напроказишь.

Бригадирша. Да тебе, мой батюшка, чем я помешала? Ты бы знал выступал своей игрой. Вить я к нему подошла (*указывая на советника*), а не к тебе.

Бригадир. У кого нет ума, тот, подошедши к одному, всем помешать может.

Бригадирша. Вот так; я же и виновата стала.

Иван. Матушка, да разве я виноват? (*Указывая на Добролюбова.*) Этот monsieur? (*Указывая на женщин.*) Эти mesdames?

Советник. Полно, зятюшка: тебе бы и грешно было упрекать рождшую.

Советница. А вам стыдно, сударь, не в ваши дела вступаться.

Бригадир. Я, сват, тебя люблю; а с женою моею, пожалуй, ты не мири меня. Разве ты, сват, не ведаешь пословицы: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Иван. Так, батюшка, все пословицы справедливы, а особливо французские. Не правда (*к Добролюбову*), monsieur?

Добролюбов. Я знаю много и русских очень справедливых; не правда ли, сударыня (*к Софье*)?

Софья. Правда.

Иван (*к Софье*). А какие ж?

Софья. Например, сударь: ври дурак, что хочешь, со вранья пошлин не берут.

Бригадир. Так, матушка, ай люблю! Вот тебе пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иван, чтоб я отгадал ее, так дурак-от выйдешь ты.

Иван. Par quelle raison *?

Советница. По какому резону?

Бригадир. По такому, матушка, что он врет беспошлинно.

Бригадирша. Слава богу, милость божия, что на вранье-та пошлин нет. Ведь куда бы какое всем нам было разорение!

Бригадир. Ништо тебе: ты бы часов в пять-шесть пошла помиру.

Советник. Не гневайся, матушка, на своего супруга, на него сегодни видно худой стих нашел.

Бригадирша. И, мой батюшка, мне ль сердиться, когда он гневается; мое дело убираться теперь дале. (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Бригадир, советник, советница, Добролюбов, Софья, Иван.

Бригадир. Дело и сделано.

Советница (*к Софье*). Поди ж, сударыня, к своей свекрови. Вить ей не одной сидеть тамо.

Софья. Иду, сударыня. (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Бригадир, советник, советница, Добролюбов, Иван.

Советник. Воля твоя, братец. Ты весьма худо поступаешь с своею супругою.

Бригадир. А она весьма худо со мной.

Советница. Чем же, сударь?

Бригадир. Тем, матушка, что она не к месту печальна, не к добру весела, зажилась, греха много, не кстати.

Советник. Как не кстати? Что ж ты и заправду, сва-

тушка? Дай бог ей многолетнее здравие и долгие веки. С умом ли ты? Кому ты желаешь смерти?

Иван. Желать смерти никому не надобно, mon cher père, нижѐ собаке, не только моей матушке.

Бригадир. Иван, не учи ты меня. Я хотя это и молвил, однако все больше ей хочу добра, нежели ты нам обоим.

Иван. Я вас не учу, а говорю правду.

Бригадир. Говори ее тогда, когда тебя спрашивают.

Советница. Для чего же вы говорите ему тогда, когда он вас не спрашивает?

Бригадир. Для того, матушка, что он мой сын; каково же мне будет, когда люди станут говорить, что у эдакого-то бригадира, человека заслуженного, есть сын негодница?

Иван. Батюшка! я негодница? Je vous demande pardon *; я такой сын, по которому свет узнает вас больше, нежели по вашем бригадирстве! Вы, monsieur (*к Добролюбову*), конешно, знаете сами многих детей, которые делают честь своим отцам.

Добролюбов. А еще больше таких, которые им делают бесчестье. Правда и то, что всему причиной воспитание.

Бригадир. Так, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что он сделался повесою, и тем хуже, что сделался он повесою французскою. Худы русские, а французские еще гаже.

Советник. Э! Господа бога не боишься ты, Игнатей Андреевич; за что ругаешь ты так свою супругу, которая может назваться вместилищем человеческих добродетелей?

Бригадир. Каких?

Советник. Она смиренна, яко агнец, трудолюбива, яко пчела, прекрасна, яко райская птица (*вздыхая*) и верна, яко горлица.

Бригадир. Разве умна, как корова, прекрасна, как кто бы? .. как сова.

Советник. Как дерзаешь ты применить свою супругу к нощной птице?

Бригадир. Денную дуру к нощной птице применить, брат, можно.

Советник (*вздыхая*). Однако она все тебе верна пребывает.

Советница. В самом деле, много в ней добродетели, если она вас любит.

Бригадир. Да кого же ей и любить-та, ежели не меня? Мне дурно самому хвастать; а, право, я, кажется, благодаря бога, заслужил мой чин верой и правдой, то есть она по мне стала бригадиршей, а не я по жене бригадир; а это в нынешнем свете приметить надобно. Так как же ей другого-та и полюбить

можно? А кабы я не таков был, тогда посмотрел бы ее добродетель; а особливо когда бы поискал в ней кто-нибудь также из нашей братьи первых пяти классов.

Советник. Нет, братец, не говори того; супруга твоя воистину не такова. Да не похвалится всяка плоть пред богом; а хоть бы достойной и предостойной человек поискал в ней, право бы ничего не нашел. Вить это, мой друг, не город,— штурмом не возьмешь.

Бригадир. Ты говоришь это, а я знаю, каков я.

Иван. Что ж вы, батюшка? Ха, ха, ха, ха! Неужели вы думаете и сердце взять штурмом?

Бригадир. Иван! мне кажется, нет ли теперь штурму в твоей головушке? Не можно ли потише?

Советница. Вы сами шуметь больше всех любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтоб сын ваш не говорил того, что он думает? Вы ужесь как бизарны *! (*К Ивану и Добролюбову.*) Messieur! я хочу оставить их продолжать важные их дискуры и вас прошу сделать то же.

Иван. Я иду за вами. Adieu, messieurs!

Добролюбов. Я воле вашей повинуюсь.

ЯВЛЕНИЕ VII

Бригадир, советник.

Советник. И жена моя уже приметила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадир. Нет; а я приметил, что она слишком горячо вступается за моего сына.

Советник. Я этого не примечаю.

Бригадир. Тем хуже.

Советник. А что же?

Бригадир. Ничего, сват; однако я моей жене не советовал бы за чужого детину так при мне вступаться.

Советник. Ты думаешь, братец, что и я спустил бы моей жене, ежели б усмотрел я что-нибудь у нее благое на уме... Слава богу, у меня глаза-то есть; я не из тех мужей, которые смотрят, да не видят.

Бригадир. Я, с моей стороны, спокоен; жена моя другого не полюбит.

Советник. Целомудрие ее известно тому, кто, по несчастию, ослеплен ее прелестьми.

Бригадир. Однако такого дурака нет на свете, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

Советник. Да за что же ты бранишься?

Бригадир. Кого? Нет, братец. Я говорю, что этакова скота еще не родилось, который бы вздумал искать в моей жене...

Советник. Да за что же ты бранишься?

Бригадир. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься моею женою.

Советник. Будто ты не бранишься? (*С сердцем.*) Почему же тот дурак, который бы пленился Акулиной Тимофеевной?

Бригадир. Потому что она дура.

Советник. А она так разумна, что все ее слова напечатать можно.

Бригадир. Для чего не напечатать! Я слыхал, сват, что в нонешних печатных книгах врут не умнее жены моей.

Советник. Возможно ли тому статься, чтоб в книгах врали? Да ведаешь ли ты, братец, что печатному-та надлежит верить всем нам православным? Видно, вера-та у нас пошатнулась. Еретиков стало больше.

Бригадир. А мне кажется, что много печатного вздору у нас не от того, что больше стало еретиков, а разве от того, что больше стало дураков. Вить я, говоря о жене моей, не говорю того, чтоб она была всех глупее.

Советник. А я говорю о твоей супруге и всегда скажу, что нет ее разумнее.

Бригадир. Ну, вот видишь, сват; а мне так кажется, будто твоя хозяйка всех разумнее.

Советник. Всякому, братец, в чужой руке ломоть больше кажется. Я в своей жене много вижу, чего ты не видишь.

Бригадир. Положим, что это правда; однако и то не ложь, что я в супруге твоей также много теперь вижу, чего ты не видишь.

Советник. А что бы такое?

Бригадир. То, что ты, может быть, увидишь, да не будет ли поздно.

Советник. Я знаю, братец, к чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моею женою; однако для счастия мужей, господи боже, дай, чтоб все жены таковы целомудренны были, как моя.

Бригадир. Женщины обыкновенно бывают целомудренны с людьми заслуженными, а с повесами редко.

Советник. Мудрено, братец Игнатей Андреевич, меня обмануть.

Бригадир. А всего мудренее, ежели я в этом обманываюсь.

Советник. Мы оба, кажется, не таковы, чтоб наши жены могли от нас полюбить чужого мужика. Я с первою женою жил

лет с пятнадцать и могу, благодаря бога, сказать, что она так же жила, как и эта. Я в женах не бессчастен.

Бригадир. Разумею.

Советник. Жена какая бы ни была, да только ежели у доброго мужа, то ей и на ум не вспадет полюбить другого.

Бригадир. Не говори, братец. Со мною служил в одном полку секунд-майор — до имени нужды нет — мужик не дурак и на взгляд детинка добр. Ростом чуть не вдвое меня выше...

Советник. О! этому статься нельзя, братец...

Бригадир. Однако я не лгу. В мое время, когда я был помоложе, народ был гораздо крупнее.

Советник. Только все не так крупен, как ты сказываешь. Правда, что и в нашей коллегии был канцелярист один, чуть не впятеро меня толще...

Бригадир. О! этому статься нельзя, братец...

Советник. Конечно, так. Когда я был в коллегии, тогда, от президента до сторожа, все были люди дородные.

Бригадир. Ты, братец, перебил только речь мою. Да о чем бишь я тебе хотел сказывать?

Советник. Право, не знаю.

Бригадир. И я не ведаю... о чем бишь... да, о секунд-майоре. Он был мужик предобрый; целый полк знали, что жена его любила нашего полковника, подполковника, премьер-майора, или, лучше сказать, все ведали, что из наших штаб и обер-офицеров не любила она одного его; а он, собачий сын, и мыслить не хотел, чтоб она кроме его кого-нибудь полюбить могла.

Советник. Что же мы так долго одни заговорились?

Бригадир. О деле я говорить нескучлив; однако пойдем туда, где все. (*Выходя.*) Впрямь, ежели не переставая сказывать о том, как люди ошибаются, то мы не сойдем с места и до скончания нашей жизни.

Советник. Пойдем же, пойдем.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Бригадирша и Иван.

Бригадирша. Не упрямься, Иванушка. Для чего тебе не жениться.

Иван. Матушка! довольно видеть вас с батюшкою, чтоб получить совершенную аверсию * к женитьбе.

Бригадирша. А что ж бы такое, друг мой? разве мы спустя рукава живем? То правда, что деньжонок у нас немного, однако ж они не переводятся.

Иван. Мало и ничего, c'est la même chose *, для меня все равно.

Бригадирша. Как все равно, батюшка! Случится иногда и в десяти копейках нужда, так и тех из земли не выроешь. Уж куда, право, ныне вы прихотливы стали! У вас вот и десять копеек за помёт, а того и не помните, что гривною в день можно быть сыту.

Иван. Матушка! Я хочу быть лучше голоден, нежели сыт за гривну.

Бригадирша. Куда больно, Иванушка! Не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко завтре, так ты небось и нашим сухарям рад будешь.

Иван. В случае голода, осмеливаюсь думать, что и природный француз унизил бы себя кушать наши сухари. . . Матушка, когда вы говорите о чем-нибудь русском, тогда желал бы я от вас быть на сто миль французских, а особливо, когда дело идет до моей женитьбы.

Бригадирша. Как же, Иванушка? Вить мы уж и на слове положили.

Иван. Да я нет.

Бригадирша. Да что нам до этого? Наше дело сыскать тебе невесту, а твое дело жениться. Ты уж не в свое дело и не вступайся.

Иван. Как! ma mère, я женюсь, и мне нужды нет до выбору невесты?

Бригадирша. И ведомо. А как отец твой женился? А как я за него вышла? Мы друг о друге и слыхом не слыхали. Я с ним до свадьбы отроду слова не говорила и начала уже мало-помалу кое-как заговаривать с ним недели три спустя после свадьбы.

Иван. Зато после слишком вы друг с другом говорили.

Бригадирша. Дай-то господи, чтоб и тебе так же удалось жить, как нам.

Иван. Dieu m'en préserve *.

Бригадирша. Буди с вами милость божия и мое благословение.

Иван. Très obligé *!

Бригадирша. Или я глуха стала, или ты нем.

Иван. Ni l'un, ni l'autre *.

Бригадирша. Что это мне с тобою будет, Иванушка? Да по-каковски ты со мною говорить изволишь?

Иван. А! виноват. Я и забыл, что мне надобно говорить с вами по-русски. Je vous demande pardon, ma très chère mère. Je parlerai toujours russe avec vous *.

Бригадирша. Иванушка, друг мой, или ты выучи меня по-французскому, или сам разучись. Я вижу, что мне никак нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить. (*Отходит.*)

Иван. Как изволишь.

ЯВЛЕНИЕ II

Иван и советница.

Советница. Знаешь ли что, душа моя? Мне кажется, будто твой отец очень ревнует, нам как возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Иван. Madame, возможно ли скрыть пожар? и такой сильный, car je brûle — moi *.

Советница. Я боюсь того, чтоб, сведав о нашем пламени, твой отец и дурак муж мой не пришли его тушить.

Иван. Так, vous avez raison *; это такие люди, которые не в свои дела вступаться любят.

Советница. А особливо муж мой. Ему ничего нет приятнее, как быть замешану mal à propos * в такое дело, которое до него не принадлежит, и чем меньше ему нужды до нашего пламени, тем больше он в том интересоваться будет.

Иван. Le diable m'emporte *! Какая бы ему тут была нужда?

Советница. Вот какая: он говорит, жизнь моя, что будто муж и жена составляют одного человека.

Иван. Тем лучше; par conséquant *, ежели тебе приятно лю-

бить меня, так и ему должно то быть приятно, что ты меня любишь.

Советница. Конешно, он сам себе контрадирует *.

Иван. Madame, ты не была в Париже, а знаешь все французские слова. *(Садятся оба.)* D'où viens cêla *? Avouez * *(с веселым видом)*, не имела ли ты коннесансу * с каким-нибудь французом?

Советница *(застыдясь)*. Нет, душа моя. Мне нельзя было ни с кем, живучи в Москве, познакомиться.

Иван. Et pourquoi *!!? Там разве мало французов?

Советница. Я никого не знала *(с презрением)*, кроме учителей.

Иван. Да знаешь ли ты, каковы наши французские учители? Даром, что большая из них половина грамоте не знают, однако для воспитания они предорогие люди: ведаешь ли ты, что я,— которого ты видишь,— до отъезду моего в Париж был здесь на пансионе у французского кучера.

Советница. Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon *. С сего часа буду я в сердце моем сохранять истинное почтение к французским кучерам.

Иван. И советую. Я одному из них должен за любовь мою к французам и за холодность мою к русским. Молодой человек подобен воску. Ежели б malheureusement * я попался к русскому, который бы любил свою нацию, я, может быть, и не был бы таков.

Советница. Счастье твое и мое, душа моя, что ты попался к французскому кучеру.

Иван. Однако оставим кучера и поговорим об отце моем и о твоем муже.

Советница. Возможно ли, душа моя, с такой высокой материи перейти вдруг на такую низкую?

Иван. Для разумных людей нет невозможного.

Советница. Говори же.

Иван. Нам надобно взять свои меры, prendre nos mesures.

Входят, с одного конца бригадир, с другого советник, а они, не видя их, продолжают.

Советница. Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Иван. На все! *(Кидается на колени.)* Idole de mon âme *!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, бригадир и советник.

Бригадир. Ба! Что это? На яву или во сне?

Советник. С нами бог! Уж не обморочен ли я?

Иван *(вскоча и оторопев)*. Serviteur très humble *.

Бригадир. Нет, Иван! Теперь я с тобой по-русски поговорить хочу.

Советница (*к советнику*). Ты, мой батюшка, вне себя. Что тебе сделалось?

Советник (*с яростью*). Что мне сделалось, проклятая! А разве не ты, говоря с этою повесою, на все соглашалась?

Иван. Да вы за что меня браните! Пусть изволит меня бранить батюшка.

Бригадир. Нет, друг мой. Я тебя поколотить сбираюсь.

Советница. Как! вы его за то бить хотите, что он из политесу * стал передо мною на колени?

Бригадир. Так, моя матушка. Видел я, видел. (*К советнику.*) Поздравляю тебя, братец, переменив зятя на свояка *.

Советник. О, создатель мой господи! Приходило ль на мое помышление видеть такое богомерзкое дело!

Бригадир. Я, братец, тебе, помнишь, говорил: береги жену, не давай ей воли; вот что и вышло. Мы с тобою породнились, да не с той стороны. Ты обижен, дочь твоя тоже (*в сторону*), да и я не меньше.

Иван (*к советнику*). Не все ли равно, monsieur; вы хотите иметь меня своим свойственником, я охотно...

Советник. О, злодейка! ты лишила меня чести — моего последнего сокровища.

Бригадир (*осердясь*). Ежели у тебя, сват, только сокровища и оставалось, то не слишком же ты богат: не за чем и гнаться.

Советник. Рассуди ж ты сам, разумный человек, и это малое сокровище вверил я вот в какие руки (*указывая на жену свою*).

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, бригадирша, Софья, Добролюбов.

Бригадирша. Сокровище! Что за сокровище? Никак вы клад нашли! Чур вместе.

Бригадир. Клад не клад, а кое-что нашли, чего и не чаяли.

Бригадирша. Что такое?

Бригадир (*указывая на советника*). Вот он в прибылях.

Советник (*к бригадирше*). Проклятая жена моя, не боясь бога, не устыдяся добрых людей, полюбила сына твоего, а моего нареченного зятя!

Бригадирша. И какая околесница, мой батюшка. У Иванушки есть невеста, так как ему полюбить другую! Это не водится.

Иван. Конешно, не водится; да хотя бы и водилось, то за такую безделицу, pour bagatelle *, честным людям осердиться невозможно. Между людьми, знающими свет, этому смеются.

Бригадир. Кабы кто-нибудь за моей старухой имел дурачество поволочиться, я бы не стал от него ждать дальних разговоров: отсочил бы я ему бока, где ни встрелся.

Советник. Нет, нет, государь мой; я знаю, что с сыном вашим делать. Он меня обесчестил; а сколько мне бесчестья положено по указам, об этом я ведаю.

Бригадирша. Как! Нам платить бесчестье! Напомни бога, за что?

Советник. За то, моя матушка, что мне всего дороже честь... Я все денежки, определенные мне по чину, возьму с него и не уступлю ни полушки.

Бригадир. Послушай же, брат; коли впрямь дойдет дело до платежа, то сыну моему должно будет платить одну половину, а другую пусть заплатит тебе жена твоя. Вить они обесчестили тебя заодно.

Бригадирша. И ведомо, грех пополам.

Советница (*к мужу*). Разве вы не хотите иметь его своим зятем?

Советник. Загради уста свои, проклятая!

Софья. Батюшка! после такого поступка, который сделал мой жених позвольте мне уверить вас, что я в жизнь свою за него не выйду.

Советник. Я на это согласен.

Добролюбов (*к Софье*). Надежда мне льстит от часу более.

Бригадир. И я не хочу того, чтоб сын мой имел такую целомудренную тещу; (*Ивану*) а с тобой, Иван, я разделаюсь вот чем (*указывает палкою*).

Советник. Так, государь мой, ты палкой, а я монетою.

Иван. Батюшка, вы не слушайте его: он недостоин иметь ее женою.

Советница (*подбежав к мужу*). Изменник! варвар, тиран!

Советник (*оторопев*). Что, что такое?

Иван (*к советнику*). Разве не я видел, как вы становились на колени перед матушкою?

Бригадир. Кто на колени? Ба! Перед кем?

Иван. Он перед моей матушкой.

Бригадир. Слышишь ли, друг мой? А! Что это?

Советник. Не смею воззрети на небо.

Бригадир (*к бригадирше*). Он за тобою волочился, а ты мне этого, дурища, и не сказала!

Бригадирша. Батюшка мой, Игнатей Андреевич, как перед богом сказать, я сама об этом не ведала: мне после сказали добрые люди.

Бригадир. Брат, с Иваном-то я разделаюсь; а тебе, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходит, только не в бесчестье, а в увечье.

Советник (*струся*). Ваше высокородие! И господь кающегося приемлет. Прости меня, согреших пред тобою.

Иван. Mon père! Из благопристойности...

Бригадир. Не учи ты меня, Иван, не забудь того, что я тебя поучить сбираюсь.

Советница. Что ж ты и вправду затеял? (*Приступая к нему.*) Разве не ты объявлял мне здесь на этом месте любовь свою?

Советник. Как? Что такое, государь мой...

Бригадир (*тише*). Чего изволишь?

Советник. О ком она сказывает?

Бригадир. Обо мне.

Советник. Так ты, государь мой, приехал в дом мой за тем разве, чтоб искушать жену мою?

Бригадир. Коли так, то я назад поеду.

Советник. Не мешкав ни часа.

Бригадир. Ни минуты. Видно, что я к честным и заслуженным людям в руки попался. Иван, вели скорей подавать коляску. Жена! Сей минуты выедем вон из такого дому, где я, и честный человек, чуть было не сделался бездельником.

Бригадирша. Батюшка мой, дай мне хоть прибрать кое-что.

Бригадир. В чем стоим, в том со двора долой!

Советник. А что останется, то мое.

Иван (*к советнице кинувшись*). Прости, la moitié de mon âme *!

Советница (*кинувшись к Ивану*). Adieu, полдуши моей!

Бригадир и советник кидаются разнимать их.

Бригадир. Куды, собака!

Советник. Куды, проклятая! О, господи!

Бригадир (*передражнивая его*). О, господи! Нет, брат, я вижу по этому, что у кого чаще всех господь на языке, у того чорт на сердце... Вон, все мои!

Советник (*вслед за бригадиршей, всплеснув руками*). Прости, матушка моя, Акулина Тимофеевна!

ЯВЛЕНИЕ V

Советник, советница, Софья, Добролюбов.

Советник. О, господи! Наказуешь нас по делам нашим. А ты, Софьюшка, за что ты лишилась жениха своего?

Добролюбов. Если ваша воля согласится с желанием нашим, то я, став женихом ее, почту себя преблагополучным человеком.

Советник. Как? Ты получив уже две тысячи душ, не переменяешь своего намерения?

Добролюбов. Меня ничто на свете не привлечет переменить его.

Советник. И ты, Софьюшка, итти за него согласна?

Софья. Если ваше и матушкино желание не препятствуют тому, то я с радостию хочу быть его женою.

Советница. Я вашему счастию никогда не препятствовала.

Советник. Ежели так, то будьте вы жених и невеста.

Добролюбов (*Софье*). Желание наше совершается; столь много я благополучен!

Софья. Я одним тобою могу на свете быть счастлива.

Советник. Будьте вы благополучны, а я, за все мои грехи, довольно господом наказан: вот моя геенна.

Советница. Я желаю вам счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вот мой тартар.

Советник (*к партеру*). Говорят, что с совестью жить худо: а я сам теперь узнал, что жить без совести всего на свете хуже.

Конец комедии

Н. П. НИКОЛЕВ

РОЗАНА И ЛЮБИМ

ОБЪЯСНЕНИЕ

«Ежели невежда (говорит Волтер) вплетается навыворот толковать твои сочинения, объяснися, устыди его. Буде же осуждают слог письма твоего, молчи; на это не ты, но сочинение твое должно ответствовать».

Ябедников столько же сыщется между мнимыми рачителями наук, как и между мнимыми рачителями приказных дел: кривотолк везде суется, и для того объяснение творцово нужно. Творец человек не так, как творец бог; он может творению своему дать ум, дать глупость и проч., но не может дать воли; следственно за умное, или за глупое творение отвечать должен умной или глупой творец, а не умное или глупое творение. Объяснимся.

Сию драмму с голосами или комедию с песнями, или оперу комик, или пастушью драмму с музыкой, или пастушью драмму с чем кто изволит, сочинил я в 1776 году, в то самое время, когда на Московском театре в последний раз французские представлялися оперы; в 1777 я отдал ее на театр; в том же году положена была г. Керселием * на нее музыка; а в 1778 удостоили ее представлением. Из чего выходит на поверку, что она целой год после положенной на нее музыки хранилася под спудом. Что ж было тому причиной, я не знаю [1]; а знаю только то, что и до ныне ее представляют, или, лучше сказать, тиранят; ибо где надобно петь троим или четверым вместе, там поют двое, а один или двое зевают; где надобно петь, там говорят, а что надобно говорить, то пропускают, но последнему не должно дивиться; ибо в России не токмо актеры [2], но и сочинители, хотя и непротивно что благопристойности, однако и то от разных толков невежд, принуждены шептать себе под нос. Невежество есть сильная чума для просвещения.

---

[1] Сие случилося может быть для того, чтоб «Деревенский праздник» * и «Колдун» * (того же автора, гораздо после «Розаны и Любима» сочиненные и на театр отданные) были ее предводителями. Хотя сие подобно той известной притче, в коей хвост пожалован был головою.

[2] За сие не должно порицать актеров; им что велят, то они и делают. Для прекрасного выглашения (declamation) потребны актерам слова, но ежели заставляют их на театре молчать, то мудрено ли, естьли они на театре зевают? Одни телодвижения не составляют драммы, ибо в драмме не танцуют, а говорят.

Предприяв сочинить сию драмму, почел я за должность не выводить на театр таких лиц, коим бы необходимо надобно мне было дать низкое и подлое речение российской черни, как, например, наречия фабришных и степных крестьян; ибо, мне казалося, что первых буянское, а вторых слишком дикое наречия не могут иного принести зрителям и читателям, вкус имеющим, кроме отвращения. И вот для чего Розана выведена солдатскою дочерью, Любим дворовым, а лесник крестьянином, близь Москвы живущим. Тем я дал наречие московское, а этому московское с крестьянским смешанное; одни не говоря: *увы, бесподобно, беспримерно, обожаю* и проч., говорят обыкновенно, но просто. Другой не говоря: *взъерепеню, взбутетеню, припопоню, холуй*, или вместо *чево, цево;* вместо *человек, целовек* и проч., говорит, как крестьянин, просто, иногда странно, смешно, но не отвратительно. Песни же, в коих есть замысловатые выражения и слишком нежные для нашей черни чувствования, хотя и просто изъясненные, посвятил я себе и поэзии, твердо будучи уверен, что сочинитель никогда не должен быть скован. Рассматривай природу и последуй ей, говорит Квинтилиан *. Будь естествен, будь умерен, но не будь в цепях, говорит Аристотель, и их устами говорила истина.

Некоторые уверяют меня, что «Розана» торжествует; но мне кажется, что она чуть держится, и то одним дровосеком, без которого бы она с первого раза еще упала или должна была упасть, буде такое в Москве нещастие с дурными представлениями или произведениями случиться может, но это-то и сомнительно. Просвещенные московские зрители, как видно, снисходя к малому числу российских творцов, снисходят еще некоторым образом и к дурным творениям; а российские оранг-утанги *, не поняв причины такого снисхождения, столько ж усердно бьют в ладоши по представлении подлого игрища, как и по представлении «Синава и Трувора» *, а часто еще и усерднее; но это уже тогда, когда они, удостоя своим покровительством сочинителя, сами предводительствуют к торжеству его...

Иль взявши в лапы «Елисея» *
Кричат: Гомер сие писал,
Поэма эта и «Пантея» *[1]
Превыше в свете всех похвал,
Но чтя бессмертну «Россияду» *,
Сию эпическу Палладу,
Предь песнями других творцов;
Они сердец не восхищают,
И так в восторге не вещают:
Херасков! ты пример певцов.
Ты в ней с Гомером возвышался,
И часто в ней ты нам казался
Творцом искусных Энеид...
Но полно, муза, горячиться,
Не должно нам за то сердиться,
Что обезьяна говорит.

---

[1] «Пантея», российская трагедия.

Везде невежды были, есть и будут; дурному повод, а на хорошее бич; и ежели первого не возносят, а второго не унижают, так, по крайней мере, об одном шумят, а другое заглушать стараются. И вот от чего скаредные писатели не истребляются, посредственные не исправляются, а хорошие остаются без удовольствия.

Il male è l'inimico del bene *.

Многие (все-таки невежды же) говорят, что я все почти театральные украшения выкрал из разных французских опер, а дровосека моего сделал из «Дровосека» французского *[1]. Правда, что громы, дожди, горы, леса, реки, шалаши и проч. во многих есть французских операх, во многих комедиях и во многих увеселительных зрелищах; но доказывает ли сие кражу? желая представить гору, льзя ли, вместо горы, представить ров? и какая нужда избегать такой малости? в театральных ли украшениях сочинителевы заключаются чувствования, правила и остроумие? наконец, льзя ли избежать, чтоб не повстречаться воображением своим не довольно с воображением таких безделиц, каковы суть театральные украшения, но даже с воображением пиитическим, с мыслями, с чувствиями и с выражениями бесчисленного множества как древних, так и новых писателей? менее ли Расин Еврипида, хотя он не токмо, чтоб встречаться с Еврипидом, но и занимал у него? [2] странные люди, или лучше сказать, странные мухи! .. терпи.

Пускай жужжат,
Пускай бунчат
И пыль в глаза пускают.
Во век хорошего они не помрачат
И просвещенного ума не ослепят,
Колико ни хотят,
Колико тем себя невежды ни ласкают:
От мух
Не будешь глух.

Прекрасная игра г. Ожогина * произвела во мне желание прибавить игры и сделать некоторые перемены во многих явлениях, а из оного желания по расположению моему прибавилось и четвертое действие. Те, кои читали или видели прежнюю, легко могут судить по этой, лучше или хуже я сделал, а я скажу только, что...

Хоть лужа всякая реки бывает хуже,
Но часто от реки приходим мы и к луже.

---

[1] В защищение дровосека я скажу только то, что дровосек русской столько походит на дровосека французского, сколько всякой человек русской — на всякого человека французского. И признаюся, что этого уже сходства я избежать не мог.

[2] О нечаянном сходстве и подражании писателей я со временем более упомяну в сочиняемой мною книге, под титулом: «Смешанной словарь» *, в главе о искусстве драматическом.

РОЗАНА И ЛЮБИМ

Драмма с голосами в четырех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Щедров, богатый дворянин
Излет, отставной солдат
Милена, Розана — его дочери
Любим, Розанин любовник
Семен, лесник
Рыбаки, Псари, Певчие, Женщины, Служители — Щедрову принадлежащие

Действие близь Москвы

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет луг, окруженный лесом, близь леса протекающую реку; через реку мост; за рекою гору с биющими из нее источниками и простертое у подошвы ее стадо; вдали село, а по сю сторону шалаш с обыкновенным сельским прибором. Близь шалаша должны быть кочки.

ЯВЛЕНИЕ I

Розана (*идучи с гор, несет корзину и поет песню, к которой вся подстает музыка*).

Песня

Одним тобою, мой Любим,
Одним я веселюся;
К тебе и сердцем я моим
И мыслию несуся:
Когда не вижу я тебя,
Бежала б я сама себя!
Ты мне моей
Души милей,
Тобой цвету, твоей увяну.
Красен ненастливый мне день
Твоею красотою;
Где ты ступил, таё ступень
Ценю я золотою;
И сон мне тот к счастливу дню,
В котором я Любима сню. .
Спеши, спеши,
Душа души,
Обнять, обнять свою Розану!

Любима нет, и затрик наш простынет! . . ой, уж мне эта рыбная ловля! всегда-то за нею я его дожидаюся; знать ему там веселее? — полно, вить батюшка и сестрица говорили мне, что еще

рано тебе итти, рано; погоди, дай взойти хорошенько солнышку... нет, не поверила... ах! да как и поверить? Я лишь спущу Любима с глаз, ан, думается мне, что я его и бог знает как давно не видала! бедненькой! я чаю, он теперь измок, устал, проголодался... как мне без него скушно! .. тошно! кажется, что все около меня грустит, и словно все перед ненастьем насупилося, и птички, и мошки. Таки вот без него все тоже, да и не то.

Голос

Я куда ни погляжу,
Грусть везде я нахожу.
Посмотрю ли я к реке,
Река льется, как в тоске.
Посмотрю ли на цветы,
Нет в цветах уж красоты!
От всего мой смутен зрак,
Все мне кажется не так.

ЯВЛЕНИЕ II

Розана и лесник.

Лесник (*за рекою, таща из лесу хворост*). Эй! Эй! Розана! Розана...

Розана. А! Семен! здравствуй.

Лесник. Здорово, красотка, здорово.

Розана. Бог помочь!

Лесник. Спасибо-ста, спасибо: да что ты это ни свет ни зоря сюды прикотила?

Розана. Семен? ..

Лесник. Ну?

Розана. Посмотри, голубчик мой! не едет ли Любим.

Лесник. Ха, ха, ха! эк-те блохи-та кусают.

Розана. Пожалуйста, посмотри.

Лесник. Изволь-ста, изволь. (*Смотрит.*)

Розана. Так, в доль реки-та... что?

Лесник. Никем никого.

Розана. Налево-та, налево-та?

Лесник. Ни бешеной собаки.

Розана. Экай! да взойди повыше.

Лесник. Тьфу, какая беда! вить я ощо не слеп. Слышишь ты, ни бешеной собаки. (*Уходит в лес.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Розана (одна)

Розана. Боже мой! когда будет наша свадьба? когда пройдет этот пост? о! вышедши за Любима замуж, ни на пяди не отойду от него... только хотела бы я знать, для чего меня в мясоед не выдали замуж? это все кутит приходской наш батюшка; я уж давно смекнула, что он метит меня за своего племянника; подлинно парень! что худо-то, что дурно-то, что не уклюже-то... ну, вот ни дать ни взять мерзлой баран... О! я лучше век просижу в девках *(вздохнувши)*, чего мне очень, очень, очень не хочется, нежели пойду за эдакого шалапая. Велика вещь, что он понамарь, да я и сама солдатская дочь.

Голос

Словно невидаль какой?
Да для милого и барин
Мною будет отбоярен,
Не токма что ровня мой.
Мне не в диву барской род;
Я видала ведь господ,
Да Любима дорогого
Не видала я другого,
Госпожа я в шалаше,
Естьли я в его душе.

Нет, я Любима не променяю ни на какие золотые горы; он теперь-то в рыбаках, а то он живал и в господском доме; он у меня и одевается-то словно, как боярин... Пойду нарву цветочков, наберу ягодок, всего, всего ему заготовлю. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Лесник (один).

Лесник *(таща из лесу хворост и бросая на прежнюю груду)*. Фу! на силу-то вся хворостина; теперь дело до рубки пришло; то-то жизнь! я же стереги лес, да я же в Москву и дров наруби, таков-то Сенюха!.. *(Взяв топор.)* Ну-тко, брат топор, пораспоясывайся; кто с кем, а мы завсегды с тобою. Давно на это дерево я зубы грызу. *(Поет и рубит.)*

Голос

Кто голубушку целует,
Кто гуляет, кто пирует,

Кто в сыть тешится вином;
А я все за топором!
Ажно стерлись кулачки
Обо пни, да об сучки.
Наддавай небось обух,
Бух, бух, бух, бух.
Наддавай небось обух
и пр.

Хоть бы полкружечки послал владыко. (*Услыша вдали охотничьи рога.*) Эк дуванют в рога-то, инда в ушах дребёжит. (*Рога и голоса слышны ближе.*) То-то весело! завсегды хохочут: это знать из Цыволдаева *, откуда ономнясь забёжала к нам кобыла. (*Рога слышны еще ближе, и Розана выбегает.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Розана и лесник (в конце театра прибирая дрова).

Розана (*выбежав из лесу*).

Голос

Пропала я!
Попалась я!
Куда деваться мне?
Ах, близко уж оне!
Сгубят меня!
Сразят меня!
Куда деваться мне?
Ах, близко уж оне!
Сгубят меня
и пр.

(*Услыша рога еще ближе.*)

Чу! так, я угадала, это опять-опять тот едет пострел, которой анамнясь чуть-чуть не увез меня с собою... что мне делать? куда деваться?.. экай Любим!.. О! пойду, забьюся в такую трющобу, что меня и во сто лет не дороются. Семен! Семен!

Лесник. Что?

Розана. Ежели у тебя этот боярин станет обо мне спрашивать, пожалуйста, голубчик мой, не сказывай, что ты меня здесь видел; а скажи, что ты меня и знать не знаешь.

Лесник. Ха, ха ха!..

Розана. Слышишь ли?..

Лесник. Эка трусея рогоновна.

Розана. Ради бога не сказывай!..

Лесник. Навастривай-жо лыжи-то скорее, а то вить сама

им попадешься: вон они уж почти у мосту. (*Псари, показавшись на горе, порскают, а Розана, увидя их, стремглав бросается в лес.*) Ха, ха! как заяц пырнула! откуда взялися ноги. (*Прибирает дрова и относит в лес.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Лесник, Щедров и псари его.

Псари (*за мостом, увидя собаку*). Ого! го! го! сюда, сюда, Докука, Докука. *.

Щедров (*перешед мост*). Что? все ли притекли?

Псари (*все вдруг*). Все, сударь!

Щедров. На смычки.

Псарь. Тотчас, сударь.

Щедров. Отдохнем и поедем влево... ба! да где ж этот мужичок? ..— гей! мужичок, мужичок! лесник, лесник! ..

Лесник (*выходя из лесу*). Здесь, боярин, здесь.

Щедров. Поди сюда. (*В сторону.*) Спросить было у него, не из одной ли он деревни с той девочкой, которая онамедни мне здесь попалася; естьли бы из одной, он бы мне наверное спроворил.

Лесник. Что поволишь, боярин?

Щедров. Здорова, дружина! здорова.

Лесник. Твоей милости поклон.

Щедров. Откуда ты?

Лесник. Вон из этого-то села, государь.

Щедров. Из Шмелёва?

Лесник. Так, боярин, так; из него-то.

Щедров (*в сторону*). Отгадал. (*Вслух.*) Пьешь ли ты водку?

Лесник (*почесывая голову с усмешкой*). Грешен, государь, грешен.

Щедров (*стремянному*). Поднеси ему водки.

Лесник. Кормилец мой!

Щедров. Вот я и сам с тобою выпью.

Лесник. Да кто с ней расстанется? а особливо наш-то брат? статимое ли дело! нам хмельное-то, государь, и во сне-то грезится.

Щедров. На, пей, пей...

Лесник (*взяв в руки стакан, поет*).

Голос

Брату нашему вино,
Вместо душеньки дано:

Им и дышим,
Им и слышим,
Им и спим, и работаем,
Им кручину забываем.
Вить как льется в животок,
Словно липовый медок,
Что при песнях твой гудок?
Примешь всё за тоболу,
Как взыграет глу, глу, глу. (*Указывая на горло.*)
Тут-то глу, глу, глу. (*Пьет*).

Щедров. Ха, ха! ай мужичок! смотри, пожалуй, он еще и с затеями? .. О! за эдакую песню не грех и еще поднесть. Гей! поднеси ему еще.

Лесник. Золотой помещик!

Щедров. Спой же мне опять свою песенку, мне хочется у тебя ее перенять.

Лесник. Сколько поволишь, государь! за эдакую хлеб-соль и охрипнуть-то сполагоря. (*Взяв другой стакан, поет ту же песню.*)

Щедров. Спасибо, спасибо.

Лесник (*выпив*). Не поволишь ли, и в третей спою тебе?

Щедров. Нет, полно, полно. Ты еще и вправду охрипнешь.

Лесник (*в сторону*). Мне было троицы-то хотелося!

Щедров. Скажи-тка мне теперь, в вашей ли деревне эта востренькая, не так чтоб рослая... Да полно, точно в вашей, ежели ты из Шмелёва...

Лесник (*в сторону*). Смёкнул...

Щедров. То есть, знаешь ли ты эту...

Лесник. Знаю, государь, знаю.

Щедров. Так ты понял, о ком я спрашиваю?

Лесник. Как тотовано не понять? вострая? ..

Щедров. Да, да.

Лесник. Не больно росла?

Щедров. Так, так.

Лесник. Ушаста?

Щедров. Что? ..

Лесник. Ушаста? с лысиной?

Щедров. Как с лысиной? ..

Лесник. Да с лысиной, боярин, с лысиной, рыжая? ..

Щедров. Да о ком ты это говоришь?

Лесник. О твоей кобыле, боярин.

Щедров. Ха, ха, ха!

Лесник. Она у нашего мельника гостюет.

Щедров. Ха, ха, ха! ..

Лесник. То-то кобыла-то!

Щедров. Перестань, перестань... мочи нет! .. Провались ты и с нею! я у тебя не об кобыле спрашиваю...

Лесник. А я, право-тка, думал ты о кобыле баишь, боярин.

Щедров. Нет, нет, я у тебя спрашивал об этой востренькой девочке, которая мне дней с пять назад здесь попалася.

Лесник. Да ныне, боярин, и все девочки-то, как кубари, покатываются. Все, не в урок им молвить, востры стали; кто ее узнает?

Щедров. Эта собою не величка, бела, румяна, черноброва.

Псарь. Я слышал, сударь, что ее зовут Розаною.

Щедров. Ну, вот? ..

Лесник (*смеючись*). Розана? о! эта востра, больно востра, боярин.

Щедров. Так ты ее знаешь?

Лесник. Как эту вострухи не знать? да вить она уж... товано в загулке у нас.

Щедров. Как?

Лесник. У нее парень доброй подтибрен; детина, статное ли дело!

Щедров. Так она замужем?

Лесник. Нет, то она ощо не замужем; однако, диво-тка ли, не к тому ль дело-то валится.

Щедров. Да что он за человек? крестьянин, что ли?

Лесник. Какой крестьянин? дворовой; парень кровь с молоком! он отпущен на волю, а живет в селе у своего дяди, который промышляет рыбою; так ему, знаешь, и с руки товано.

Щедров. Экая беда! .. однако, нельзя ли как-нибудь постараться тебе? .. понимаешь? ..

Лесник. Бог весть, боярин! девка-то воровата дюжо, вить, что твоя лисица?

Щедров. Неужли уж так, что и приступу нет?

Лесник. То-то и оно-то, что не скоро в западню-то посунется, а то бы кто твоей милости не работник?

Щедров. Ну, да как-нибудь, как-нибудь, ты сам не дурак. *(В сторону.)* Дать было ему денег. *(Вынимает.)*

Лесник (*в сторону*). От троицы-то не свернется.

Щедров. Вот тебе на лапти.

Лесник. Отец мой, да тут на целую неделю колывань.

Щедров. А ежели спроворишь, то дам больше и велю тебя всякой раз, когда ни придешь ко мне, впускать без докладу и подносить по стакану водки.

Лесник. Хоть в петлю, так готов; (*в сторону*) как ты про вострухуто не выболтнешь?

Щедров. Поднеси ж ему еще чарку.

Лесник. Ах, государь! (*В сторону.*) Ну? третей-та чепорухой всю душу подтибрил.

Щедров. Пей, пей! (*В сторону.*) Кабы да удалось.

Лесник (*выпив*). Ну? боярин! весь твой: теперь скажу тебе всю матку правду. Вить девка-то здесь...

Щедров (*с любопытством*). Где здесь? ..

Лесник. Здесь, слышь ты, здесь; она тольке что вслухалась в твои рога-то, да так опрометью в лес и сунулась.

Щедров. Эдакой ты какой! для чего ж ты мне по сех пор не сказал?

Лесник. Да уж как быть? не туды было шло, да туды доехало; вить ты какой колдун, боярин, всего меня обморочил.

Щедров. О! пойдем, пойдем искать ее... (*псарям*) гей! вы за мною, а вы стерегите здесь.

Лесник. Ха, ха, ха. Разве порскнем, как по красному.

ЯВЛЕНИЕ VII

Псари.

Первой псарь. Ну? добро, робята; кто за добычей, а мы на карауле-то хватим по чарке; да дернем с усталу песню.

Все. И впрям так.

Первой псарь (*друг другу подносят*). Что зевать по пустякам?

Другой псарь. Однако ты русака-та давича прозевал же.

Первой псарь. Балагурь, балагурь.

Другой псарь. Чего балагурить? из-под ног ушел; кабы да не моя Искра, ан, бы его только что видели.

Первой псарь. Ах ты, хвастун, хвастун! твоя Искра? ну, ей ли безногой у моего Дикобраза выторговать? да в ней только и проку-то, что семенит по опушке... с тобой ли глаза-то были?

Другой псарь. Я б твоего Дикобраза давно повесил на осине.

Первой псарь. А я бы с Искрой-то тебя повесил.

Третий псарь. Ну полно, братцы, о пустяках спорить, чья ни поймала, да поймала; споемте лучше охотничью песню.

Другой псарь. Ин, песню.

Хорная песня

Все городские забавы безделье:
Тамо всяк в неволе:
Прямое веселье
Здесь в чистом поле.

Льзя ли с чем сравнити охотничью трубу?
Так и раздается: бу, бу, бу, бу.
Что твоя музыка, как в острове начнут:
Га, га, га, га, ту, ту, тут, тут, тут.
Как же удалой встречу появится,
То-то уж потеха!
Так и покатится
В сердце утеха.
Льзя ли с чем сравнити нам травли красоту?
Есть ли что забавней, как ух! ату, ату...

Второй псарь. Ай, ребята; ну-ка другую? что-та разохотилось.

Все. Давай, давай... да какую ж бы?

Второй псарь. Нет в свете счастья?..

Все. Начинай.

Хорная песня

Нет в свете счастья, бояры говорят,
Скука,
Да мука,
Всегда они твердят.
Это нам не диво.
Им ли жить счастливо?
Барское счастье — наше несчастье,
Барское вёдро — наше ненастье,
Их забота —
Наша сухота;
Их забава —
Наша отрава;
Их беда —
Хлеб да вода;
Хлеб да вода —
Наша еда;
Затеи да холя —
Боярская доля;
Наша холя —
Милая воля;
Нет, нет, нет,
Не худ для нас свет.
Жизнью мы довольны;
Спорить бары вольны;
Нет, нет, нет,
Не худ для нас свет.

Второй псарь. Ну-тка, третию?
Первой псарь. Ши! .. Барин...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Щедров, лесник, псари.

Щедров *(вышед из лесу)*. Что, не видали?

Псари. Нет, сударь.

Щедров. Эдакая воровка!

Лесник. Что делать, боярин? вишь ее сотана куды занёсла, что и следов не видно; а то как бы тововано... да вот не тут-то было?

Щедров. Добро: авось-либо в другой раз... (*Смотрит на часы.*)

Лесник. Чего крушишься? будет и на нашей улице праздник, будет.

Щедров. О! пора, пора (*псарям*) на лошадей. (*Псари уходят.*)

Лесник. Куда ж ты, боярин?

Щедров. А вот поезжу в этой стороне, дружища, да опять сюда заеду.

Лесник. Ладно.

Щедров. Смотри же, постарайся...

Лесник. Ну, да уж взявшись за гуж, не говори, что не дюж.

Щедров. Прощай! ..

Лесник. Прости, боярин! счастливой те путь!

ЯВЛЕНИЕ IX

Лесник (один)

Лесник. Ну! только не дура ли, не глупуша ли эта девка, что от такого орла хоронится? *(Поет.)*

Голос

Ну, что его бояться?
Ну, что его пужаться?
За чем бы бегать ей?
Боярин вить не змей:
Ее бы не ужалил,
Ее бы не убавил,
Безделица ей, ей!
Безделица ей, ей!

Кабы да я родился девкою, я бы завсегды цаловался; а то вот какая дурища, с осину выросла, а все още в гулючки играет. Добро, пойти позавтрикать, да опять приниматься за работу. (*Отходит и поет.*)

Голос

Быть работать день и ночь,
Когды нечем уж помочь;
Нас за леность дюжо бьют,
Даром хлеба не дают. (*Поючи с театра сходит.*)

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет приближающуюся тучу; при самом конце первого действия облака ежеминутно умножаются; гром сначала гремит вдали, потом ближе, а наконец на самом театре, и после трех или четырех сильных ударов и проливного дождя, небо, прочищаяся, показывает солнце, а Розана, имея покрытую голову платком, выглядывает сперва из лесу, а потом подходит к оркестру. В сие междудействие музыка отвечает непогоде.

ЯВЛЕНИЕ I

Розана (одна)

Розана (*выглядывая из лесу*). Не тут ли? .. кажется никого... не спрятался ли? .. оборони боже! .. нет, видно, что уехал. (*Подошед к оркестру.*) Фу! насилу-то с душою собралася!

Голос

Ну! подлинно мне было!
Чуть, чуть не задавило
Под хворостом меня;
Куды труслива я!
Куды труслива я!
Да будешь трусея
От этого пострела!
Я так-то оробела,
В такой инда глуши
В берлоге залегла,
Что чуть своей души
В тот свет не понесла.

Уж жалась, жалась! корчилась, корчилась! а гром-та? а молонья-та? а дождик-та? таки вот, то то, то другое, так по коже и подирает, так и дрожу; словно в лихорадке, права... О! родясь не бывала в такой муке; да и есть отчего: будто это шутки? кабы с Любимом, я б его ни малехонько не испужалася; а то одна

вить. (*Услыша вдали рожок и бросившись в лес.*) Ай! (*Возвращаясь.*) Да это наши, наши едут? (*Рожок слышен и голоса поющих ближе; Розана вслушиваясь.*) Так, это Любимов голос! эк ярко раздается! знать его завозят товарищи? (*Подошед к реке.*) Они! они! вон и Любим! (*Махает, прыгает и кланяется.*) То-то перед ними, как сокол перед птицами! (*еще махает*) скорее! .. скорее! .. так летком и летят! (*Лодка показывается.*) Любим! Любим! Любим!

ЯВЛЕНИЕ II

Розана, Любим, рыбаки.

Любим (*приплывая к берегу*). Розана.

Рыбаки. Шабаш! опускай веслы!

Любим (*выскоча из лодки*). Друг мой! сокровище мое!

Розана. Да, да; сокровище-та твое рыба, а не я.

Любим. Как же быть, Розанушка? ты сама знаешь, что...

Рыбаки. Ну! да полно ластиться-то; выбирай-ко скорей снадобье-то свое: добрые люди отобедали.

Любим. Тотчас, робята, тотчас. Вот лишь выну сеть да ушат, а то и с богом. (*Вытаскивает сеть и ушат на берег.*)

Розана. Дай, я тебе помогу, Любим.

Любим. Ах! что ты делаешь? вить ты надсядешься! ..

Розана. Как бы да не надселася, лих я не так бессильна.

Рыбаки. Ну! всё ли?

Любим. Всё, братцы, всё; спасибо, что довезли!

Розана. И от меня спасибо; только вперед поранее его завозите.

Рыбак. Поранее? вить рыба-то не ты, она к нему не так бежит скоро.

Рыбаки (*все откачивая от берегу*). Прощайте!

Розана, Любим. С богом, с богом. (*Рыбаки поплывши начинают петь, а Розана и Любим, стоя у берегу, прощаются с ними знаками, а между тем и сами ласкаются до тех пор, пока уплывают они из виду и голос их едва слышен становится*).

Рыбаки поплывши поют. Выбор песни отдается на произволение актеров. Впрочем могут они и совсем не петь.

ЯВЛЕНИЕ III

Розана, Любим.

Любим. Ну! исполать нынешнему утру; сегодни мне из всех дней посчастливилось.

Розана. А для меня из всех дней было скушнее и страшнее.

Любим. Как это страшнее? ..

Розана. А так-то, что без тебя чуть-чуть я не попалась в руки тому барину, про которого я тебе анамнясь рассказывала.

Любим. Эдакая собака!

Розана. О! я так напужалась, что и господи! и естьли б не ушла в лес, ан бы прости и Любим.

Любим. Так ты меня любишь, Розанушка? тебе я и барина дороже? ..

Розана (*поет*)

Песня

Что люблю тебя иль нет,
Я того не знаю;
Но тогда лишь мил мне свет,
Как с тобой бываю,
А в отбытие твое
Всё веселие мое
Чтоб тебя всякой час мне воспоминати.
Отдыхаю ли когда
На траве в кусточках,
Ты в глазах моих всегда,
Даже и в листочках.
Рву ли в поле я цветы,
В цветах кажешься мне ты,
Отгадай сам теперь, чем то льзя назвати?

Любим. Любовью, прекрасная моя Розанушка! я по себе это знаю.

Голос

Когда нет тебя, Розана,
Словно на сердце как рана,
Замерзает кровь моя!
А тебя лишь дорогую,
Я обнявши поцалую,
С сердца камень,
Кровь как пламень,
Будто вновь родился я.

Розана. Лих я этому не верю; коли бы ты меня так любил, ан не расставался б со мною, не ездил бы каждой день на промысл; а то какая уж любовь! ты веселишься, а я грущу, да тоскую по тебе.

Любим (*пост*)

Голос

И на промысле бывая,
У души держу тебя;
На Розану лишь гадая,
Рыбу вижу у себя.
Только кину сеть в реку,
К тебе мыслию теку,
И счастием твоим
Я неводом моим
Рыб пропасть волоку.

Розана. Будто я так счастлива? .. О! покажи ж, покажи рыбу-то. Посмотрим, правду ли ты говоришь.

Любим. Вот тебе целой ушат.

Розана. И! и! и подлинно ее пропасть!

Любим. Солгу ли я тебе? .. Да я еще рыб со сто на месте продал.

Розана. Ах! лещик! лещик! какой же узорочной, словно золотой! голубчик мой! .. Он мне жалок: пустим его опять в реку. Посмотри, как он трепещется; право, он знает, что ему не долго пожить на свете.

Любим. Нет, ему весело, что ты на него любуешься, Розанушка; в твоих руках всякая вещь веселится.

Розана. Куда уж какой балагур! будто меня и рыба знает? неужли она так умна, как ты.

Любим. По чему знать, может быть, и умнее.

Розана. О, ох! праказник, праказник, уж чего ты не выдумаешь? Ах! упал, упал... бедненькой! он, я чаю, ушибся... нет, пущу, пущу; пускай он жив останется (*Бежит к реке.*)

Любим (*про себя*). Какое доброе сердце!

Розана (*пустя леща в реку*). Прости, миленькой лещик, живи и помни Розану!

Любим. Ну, как я его опять поймаю, Розанушка?

Розана. А я опять его пущу.

Любим. Убыточно же твое сердце.

Розана. Экай! .. Нет ли еще такого же? .. Ай! они кусаются?

Любим. Берегись! тут всё остались щуки.

Розана. Щуки, эдакие кусаки! оне видно так же злы, как наша приказчица? О, этих не надо пускать.

Любим (*смеючись*). Ха, ха! подлинно, что наша-то приказчица на щуку похожа. Кроме своего брюха, ничего не любит.

Приказчики да приказчицы то-то уж воры наголо: с нас дерут, а у господ крадут. От всего греют руки; много они мне насолили! кабы да эта проклятая ведьма захотела, ан бы мы давно были обвенчаны и батька бы не протянул до испожинок.

Розана. Э! скажи мне, Любим, для чего это в пост не венчаются.

Любим. Для того, что грех.

Розана. Уж грех? Вить мы не говеем? ..

Любим. Ха, ха, ха! простушка моя! быть так: не мы первые, не мы последние... Однако соловья баснями не кормят; кто отобедал, а мы позавтрикаем-ка, Розанушка. Я, право, проголодался. (*Идет в шалаш.*)

Розана. Что ж ты давно не скажешь? Я тебе всего нанесла.

Любим. Какой же смачной пирог!

Розана. Сама пекла.

Любим. Ба! да и яишница? ..

Розана. И, и! какой! дивится! кушай на здоровье.

Любим. Так завтрик-то у нас и боярской: полно, бары-то приморчивы; им бы это не показалось. Много я на них насмотрелся! то-то чудаки! что ни делают, всё навыворот. Ночь шатаются, день дрыхнут,.. пречудные люди!

Розана. Для чего ж они так делают?

Любим. Для чего? для того, что господа.

Розана. Да это, право, глупо.

Любим. Ну! да уж их такая планида.

Розана. О! так я не хочу быть госпожою.

Любим. Сохрани тебя боже! на что нам боярство? Была бы любовь.

Два голоса

Любим.

В любви утешно жить —
Счастие прямое,
Друг друга век любить.
Время золотое
В ней проводят двое.
В любви утешно жить —
Счастие прямое
Друг друга век любить.

Розана.

Нам это счастие дано,
Твое
Мое
Сердце все одно.
Тобой мила мне жизнь моя,

Любя
Тебя,
Век окончу я.
Когда тебя со мною нет,
Тогда темница мне и свет;
В тот раз
Мне час
Долее ста лет.
Скажи же мне и ты, Любим,
Как я
Твоя,
Будешь ты моим.

Любим.

Готов тебе сказать,
Что одна ты мною
Век будешь обладать.
Розанины очи
Мне как месяц в ночи.
Нет больше мне отрад,
Как перед собою
Твой видеть милый взгляд.

Любим. Розаной я счастливей всех
Розана. Любимом я счастливей всех. (*Вместе.*)
Любим. Дня с ней,
Розана. С ним дней,

Два голоса.

Нет мне без утех.
Печаль мне и на ум нейдет,
Дух мой
Весь твой,
Он в тебе живет.
Пусть не богаты мы с тобой,
Любовью сыты мы одной,
Где ты,
Где ты,
Там и всё со мной.
Так пусть идет, как хочет свет,
Любви,
Любви
Нам дороже нет.

Любим. Да! Любви мне дороже нет для того, что я люблю милую мою Розанушку.

Розана. А мне для того, что я люблю милого моего Любима.

Любим. Чего ж нам больше? так мы с тобою и довольны.

Розана. Да сыт ли ты, Любим?

Любим. По самое горло.

Розана. Ну! так пойдем же домой.

Любим. Рано еще.

Розана. Как рано? взгляни на солнце-то... того и жди, что батюшка пришлет сестрицу по нас...

Любим (*услыша в лесу шум*). Постой-ка... ба! лошадиной топот!

Розана. Ну! знать опять давишней-то чорт едет; полно, я с тобою-то не боюсь его.

Любим. Оно... так... однако... не лучше ли уйти, Розанушка.

Розана. И, и! какой же ты трус! пожалуйста, посидим здесь; посмотрим, что от него будет.

Любим. Да вить с боярами-то... чу, говорят, они знать близко.

Розана (*выглядывая*). Он, он, идет, идет...

Любим. Нишни, нишни.

ЯВЛЕНИЕ IV

Розана, Любим, Щедров, псари.

Щедров (*перешед мост, останавливается и говорит псарям своим*). Вы стойте здесь, а ты сыщи давешнего мужика и приведи ко мне.

Любим (*тихо*). О! да он из себя молодец!

Розана (*тихо*). Эдак разрядился! весь в прозументах!

Щедров. Гроза послужила моим намерениям; а то бы я, заездясь на поле, может быть, и позабыл об этой неприступной девочке... о! ежели она мне теперь попадется, то я не буду уж столько прост, чтоб упустить в другой раз такую добычу... то-то хорошо позабыл было завесть часы.

Розана (*немного громче*). Что-то вынул? дай посмотрю...

Любим (*тихо*). Что ты это делаешь? вить он увидит нас.

Розана. Ну что ж! вить он не волк, не укусит.

Любим. Оборони боже! не равен час, Розанушка!..

Щедров. Кто-то говорит? (*Оглянувшись и видя лесника.*) Ба! дружи... (*Лесник грозит ему пальцем, чтоб он молчал и, показав знаками, что Розана в шалаше, опять уходит.*) Ага, га! насилу попалася! (*Идет к шалашу.*)

Розана (*тихо*). Идет к нам...

Любим (*тихо*). Ну! пропали мы!

Розана. Не бось, он тебя испужается...

Щедров. Ба, ба, ба! так это ты поговаривала? здравствуй, моя красавица, здравствуй!

Розана. Здорова, боярин!

Щедров. Да выступи сюда. Дай мне на себя хоть полюбоваться. (*Берет ее за руку и выводит.*) Дождь миновался; так лучше... о, ты и с товарищем в шалаше-то посиживала.

Розана. Мы всегда с ним вместе.

Щедров. Еще пригожее!

Розана. Спасибо, барин; да и ты ныньче-то понаряднее.

Щедров. Это для того, чтоб тебе показаться, душа моя.

Любим (*тихо Розане*). Не очень с ним разговаривайся.

Щедров. Чтоб обратить на себя эти воровские глазёнки...

Розана. Мои воровские глазёнки... солгал, барин, я бы их давно выколола; я всё воровское ненавижу.

Щедров. То есть, что они очень милы, быстры; одним словом, так прекрасны, как солнце.

Розана. Ха, ха, ха! как солнце! смотри не обожгись, барин.

Любим (*в сторону*). Люблю!

Щедров. Так ты еще надо мною и посмеиваешься? неблагодарна же ты, Розана; а я так по тебе грустил, мучился и нарочно за тем сюда приехал, чтоб тебя увидеть.

Розана. Вот те на! с собаками-то? Да разве я заяц?.. ну! право, ты лгун, барин.

Щедров. Простосердечие твое час от часу больше меня прельщает; а эти розовые губки... эта белая шейка...

Любим (*тихо*). Розана!.. уж это не шутки!..

Розана (*не допуская*). Поди, поди; ты уж близко подъезжаешь, барин.

Щедров. Ты так мне мила, что бы я хотел к тебе и еще быть поближе.

Розана. Мало ли чего хочется.

Любим (*в сторону*). Меня уж дрожь пронимает!

Щедров. Розана! поедем ко мне...

Любим (*тихо*). Уйдем поскоряе.

Розана. Спасибо, нам пора домой.

Щедров (*останавливая*). Я тебя набогащу, сделаю тебя госпожою.

Розана. Госпожою? этого-то я и не хочу; я слыхала, что господа всем скучают и ничего долго не любят; так зачем же мне добровольно из веселья да в скуку?

Щедров. Нет, ты у меня всегда будешь весела, довольна, счастлива; я для тебя ничего не пожалею, во всем тебе стану угождать. (*Поет.*)

Голос

Розана моему
И сердцу и уму
Заразой вечно будет;
Душа моя, тебя
Так сильно полюбя,
Во век не позабудет.

Ты так меня прельстила, что я в тебя влюблен до смерти.

Любим (*тихо*). Уйдем поскоряе.

Розана (*поет*).

Голос

Непристойно в нас влюбляться,
  Я слыхала, господам.
Ты изволишь издеваться,
  Мы служить родимся вам;
Да и слух идет об вас,
Что любовь у вас на час;
А крестьянские сердца
В ней не ведают конца.
Мы обмана вить не знаем,
  А что в мыслях говорим,
Нашу совесть почитаем,
  Сердца многим не дарим;
Кто ж приглянется нам раз,
Тот по смертной дорог час;
Свет не надобен тогда,
В милом видим свет всегда.

Щедров (*бросаясь к ней*). Нет мочи! . . я тебя расцалую. . .

Любим (*тихо*). Смотри!! .

Розана (*не допуская*). Барин! . . это, право, непригоже.

Щедров (*с пущим жаром*). Розана! жизнь моя! я быть не могу без тебя, согласись. . . поедем со мною; сделай свое и мое счастие.

Любим (*тихо*). Уйдем поскоряе.

Розана. Послушай, барин. (*Поет.*)

Голос

Хоть в правду любишь ты меня,
  Не можно мне тебя любить;
Любиму уж клялася я
  До смерти верной быть.
Рассуди ж, сударь, как можно,

Чтоб польстилась я тобой?
Ах! то было бы безбожно.
Он измучится тоской.
Посмотри, как он пригож,
Бел, румян и становит;
Не его ль, боярин, вид
На всё милое похож? ..
Нет, не льсти себя, не льсти;
С ним умру; а ты прости. (*Хотят уйти.*)

Щедров. Нет, нет, нет! постой, постой...

Любим. Чего, барин, стоять? нам пора домой!

Щедров. Молчи.

Любим. Как молчать, когда нет мочи терпеть.

Щедров. Еще таки! ..

Любим. Да вить поневоле волосы вянут, как за них тянут; а твои-то к ней, барин, ласки и гораздо тянут за язык.

Щедров. Эдакой дерзкой мальчишка! ..

Розана. Как бы да он не мальчишка? лих он мой жених.

Щедров. Твой жених? ..

Розана. Таки жених, жених мой.

Щедров. Так ты его-то мне предпочитаешь?

Розана. А для чего ж не так? он, право, сударь, тебя пригожее.

Щедров. Неблагодарная! .. знай же, что я тебя насильно возьму с собою.

Розана. А Любим-то что? ..

Любим (*тихо*). Уйдем скоряе.

Щедров. Стойте (*псарям, указав на Розану*), в карету (*указав на Любима*), а его держите здесь, пока уеду.

Три голоса

Розана. Ах, Любим!
Ах, Любим!
Любим. Убежим!
Закричим!
Розана. За что ты губишь нас?
Любим. За что ты губишь нас? (*Вместе.*)
Щедров. Исполни мой приказ.
Розана (*охотникам*). Постойте хоть на час!
Любим (*охотникам*). Постойте хоть на час! (*Вместе.*)
Щедров (*в сторону*). Милее всякой час!
Розана. Не погубите нас!
Любим. Не погубите нас! (*Вместе.*)
Щедров. Милее во сто раз!

Р о з а н а. Любима не увижу.
Себя возненавижу.
Л ю б и м. Розану не увижу
Себя возненавижу. (*Вместе.*)

Щ е д р о в (*Розане*). Я слез твоих не вижу.
(*Любиму.*) Тебя я не обижу.

Р о з а н а. Измучуся тоской,
Живот окончу мой.

Л ю б и м. Измучуся тоской,
Живот окончу мой!

Щ е д р о в (*Любиму*). Доволен будешь мной.
(*Розане*) Ступай, ступай за мной.

Р о з а н а. Ах, с кем я расстаюся!
Л ю б и м. С печали изорвуся!
Щ е д р о в. Терпения лишуся. (*Вместе.*)

Л ю б и м. Так помощи нам нет!
Р о з а н а. В последний вижу свет!
Л ю б и м. Убийца ты прямой!
Щ е д р о в. Веди ее за мной.

Щ е д р о в уходит.

Р о з а н а. Любим! Любим! Прости!
Л ю б и м. Постой! Я рад с тобой!
И муки все снести.

ЯВЛЕНИЕ V

Л ю б и м и несколько п с а р е й.

Л ю б и м. Злодей мой! .. ах, будьте отцы мои! пустите меня за Розаною! ..

П с а р ь. Естьли ты шаг вперед ступишь, так тут твоя и смерть.

Л ю б и м. Пустите меня, или вы не христиане? ..

В т о р о й п с а р ь. Нам что велят, то и делаем.

Л ю б и м. Мучители, разбойники! душегубцы! ..

Т р е т и й п с а р ь (*крича из-за реки своим товарищам*). Гей! .. ступайте.

П е р в ы й п с а р ь (*Любиму*). Прощай! теперь делай, что хочешь.

ЯВЛЕНИЕ VI

Л ю б и м (один).

Р е ч и т а т и в

Куда итти? куда бежать?
Где помощи искать?

Трясутся ноги! .. силы нет! ..
От глаз катится свет! ..
Земля валится подо мной! ..
Розаны нет со мной! ..

*(Тут упадает на находящуюся близь шалаша кочку, а музыка начинает адажио и вдруг впадает в фурию *, которую Любим вскоча начинает петь.)*

Фурия

Уйдем, уйдем отселе прочь,
Чтоб ей помочь.
На всё пуститься рад...
Везде сыщу, везде достану
Мою любезную Розану.
Готов за ней и в ад
Готов за ней и в ад.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Лесник (с бутылкой).

Лесник. Ха, ха, ха! спроворил: кому кручина, кому беда, а мне попойка. Излет без дочери, Любим без невесты, а Сенюхе хобар. (*Показывая деньги.*) Эвося, скольке сокровища-то. (*Обнимая бутылку.*) Хозяюшка моя! с тобой я живу душа в душу. (*Поет.*)

Песня

Как с тобою я бываю,
О бесценное вино,
Труд и тягость забываю;
Ты мне снадобье одно!
Да и льзя ль тому не пить,
Кто родился век рубить?
А я рад, или не рад,
Мне всегды рубить наряд:
Тольке слышно лишь от рук
Тук, тук, тук, тук. (*Попив вина.*)

Фу! .. то-то любо! так разве по всему животу и пошло!

Песня

Нет, кто выдумал хмельное,
Тот куды разумен был!
Хмель сокровище прямое,
Он товарищ наших сил.
Вить как дернешь за пётак,
Как ни рубишь, ан всё так;
Кустья, рощи и леса
Отхватаешь в полчаса,

Только слышно лишь от рук
Тук, тук, тук, тук. (*Попив несколько.*)

От доброй сивухи, да от хорошей молодухи, хоть ты что так не отстанешь: так те, как в омут, и тянет, добро... покамест полно, и то дюжо разбирает; а дров-то още охватку надо... дай-ка вот эту дуру-то дорубим. (*Начинает рубить.*)

Голос

Вся моя кручина
Сгинула как раз,
Только лишь хмелина
Дала тулумбас.
Веселися дух,
Топор и обух,
Раздавайся бух, бух, бух...
Вся моя кручина
и пр.

ЯВЛЕНИЕ II

Лесник, Милена.

Милена (*идучи с горы*). Ау! ау! (*Волторы ей повторяют.*)

Лесник. Ба! кто-то аукается? а! это знать наши бабы ходят по грибы.

Милена. Ау! ау! ау!

Лесник. Эк горло-то дёрут!

Милена (*из-за реки*). Семен!

Лесник. О?..

Милена. Не видал ли ты сестрицы?

Лесник. Кто-то меня кличет... никого нет: не лешей ли? (*Схватя бутылку.*) С нами крёстная сила! (*Пьет.*)

Милена. Семен, Семен!

Лесник. Опять?.. Сем-ка запоем; авось-либо он меня испужается. (*Поет и весь трясется.*)

Голос

Не робкую душу
Вложил в меня бог,
Лешего не струшу,
Хоть имей сто рог...
Был бы дорогой
Мой топор со мной,
С чортом кинусь в бой.

Милена (*громче*). Семен!..
Лесник (*подхватывает песнею*).

Голос

Не робкую душу
Вложил в меня бог.
Лешего не струшу,
Хоть имей сто рог...
Был бы цел обух,
Сгинет злой и дух,
Лишь отдастся бух...

Милена (*переходя мост*). Семен, Семен, или ты глух?
Лесник (*поет*).

Не робкую душу
и пр.

Милена (*ударив его по плечу*). Глухой чорт, глухой.
Лесник (*испугавшись падает*). Ух!..
Милена. Что ты не откликаешься?
Лесник. Провал бы тя взял, как напугала меня; чуть-чуть душа не выскочила.
Милена. Да чего ты это испугался?
Лесник. Чёго? лешего; я думал он меня кличет; вить их в лесу-то разве и господи!
Милена. И! пьяница, пьяница; видишь ли, как ты нахлюстался, что и человека с лешим не узнал.
Лесник. Да кто тя с ним узнает? лешей да ты завсегды в лесу.
Милена. Скажи мне, не видал ли ты Розаны?
Лесник. Розаны? ха, ха, ха!
Милена. Чему ж ты хохочешь?
Лесник. Успела хватиться Розаны; ха, ха, ха!..
Милена. Добьюсь ли от тебя толку?
Лесник. Эво-та с чем сюды прибежала. Ха, ха!..
Милена. Он, право, из ума выпился?..
Лесник. Бедняга! ха, ха, ха!..
Милена. Боже мой! какой это пьяница!
Лесник. Вить вот, ты тотчас и расхорохорилась.
Милена. Да как же на тебя не сердиться? ты все пустое болтаешь.
Лесник. Ух!.. то-то кусок! кому-то достанется?
Милена. Опять?
Лесник. Куда ты, Миленушка, смазлива!
Милена. Не о том тебя спрашивают.

Лесник (*поет*).

Голос

Словно чем ты подаришь,
Как умильно поглядишь:
Хмель в головушке бурлит,
Взгляд твой на сердце кутит;
Лишь кивнет твой озрачёк,
В миг сердечушко ёк, ёк, ёк.

Два голоса

Милена.

Перестанешь ли ты врать?

Лесник.

Вить язык мне не взнуздать.

Милена.

Где сестрицу мне искать?

Лесник.

Поцелуй меня хоть раз,
Хмель, сердечушка и глаз,
Всё скажу тебе за раз.

Милена (*рассердясь*).

Чтобы пьяница такой
Мог ругаться надо мной?
Нет, нет, нет, не уступлю;
Я пьянюшек не люблю.
Сколько я ни прожила,
Еще в дурах не была.

Лесник.

Не пузырься ж так,
И я не дурак;
Твоя сестра,
Ни дать,
Ни взять,
Как ты,
Всегды
Была востра;
Однако же и ей,
Голубушке моей,
Хоть ныньче пост,
Прижали хвост.

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и Излет.

Излет (*с мосту*). Милена, Милена! . .
Милена (*побежав к нему навстречу*). Батюшка! . .

Лесник. Эвоси и старой хрыч притащился.

Излет. Я тебя послал за сестрою; а ты и сама пропала.

Милена. Да что ж мне делать, батюшка? Я не нашла ни сестрицы, ни Любима; спрашивала, спрашивала у Семена, не добилась от него толку: вот он пьянехонек; спроси у него сам.

Лесник. Добро, переносчица!

Излет. Скажи, брат, не видал ли ты дочери?

Лесник. Дочери? Хватился малах, как уж смерть в головах. Негде уж те искать своей дочери: поклонись ей в след-то пониже.

Излет. Что за околесную ты несешь?

Лесник. Не околесную, а дело; твоя теперь дочь, как ворона, залетела в высокие хоромы.

Излет. Да не говори же мне пустого-то.

Лесник. Слышь ты, бают не пустое: Розаны нет, да и не будет.

Излет. Да где ж она? ..

Лесник. Там, где сидит, али лёжит, али ходит.

Излет. Ты из терпения меня выводишь...

Милена. Вот так-то и я с ним билась.

Лесник. Да вить мне колякать-то с вами некогды: мне още работать тововано...

Излет (*останавливая*). Да пожалуй скажи мне толком, куда она девалася?

Лесник. Виноват ли я, что ты бестолков? .. Вот-те наотрез, Розану подтетерили, да и полно.

Излет. Как! ..

Лесник. Още как? Так, как водится: взволили на плёча, да и след простыл.

Излет. Что я слышу? ..

Милена. Ах, сестрица!

Излет. А Любим? ..

Лесник. А Любим твой совался, совался, как угорелая кошка, да и сам провалился к чорту.

Излет. Боже мой! кто этот беззаконник?

Лесник. Кто? Дворянин.

Излет. Дворянин! ..

Лесник. Боярин, что твой орел: милосердой такой, что разве дувань небось... О! дочь твоя...

Излет. Милосердой! .. (*С скоростию.*) Да кто он таков?

Лесник. А чорт вспомнит хвамилью-то! Я знаю только, что он помещик села Цывалдаева.

Излет. Щедров! ..

Лесник. Ти, ти, ти! .. Ну, вот как тут был.

Излет. Этот честной и хвальной сосед во всем околотке?

так вот добродетели-то знатных бояр; коли не раззоряют соседей, так увозят девок, не ставят за грех обесчестить бедного человека, с тем, чтоб бросить ему деньги! .. Не християнин! не знает он, что честь так же дорога и нам. Ах, будто легко это отцу! .. (*Плачет.*)

Милена. Ты плачешь, батюшка?

Лесник. Ну, полно же хныкать-то: вишь она ощо не околела?

Излет. Ах! мне бы легче было видеть ее во гробе, нежели в позоре. (*Милене.*) Поди домой; а я... я пойду... (*Бросаясь на кочку.*) Боже мой! какое беззаконие! ..

Когда Излет падает в отчаянии на кочку, тогда лесник собранные им дрова во время разговоров его с Излетом и Миленою уносит на другую сторону реки; а Милена пред отцом своим поет.

Милена.

Голос

Ах! батюшка, возьми меня с собою!
Как мне одной
Итти домой,
Не видевшись с сестрою?
Без нее и без тебя
Умру с печали я,
Умру с печали я.

Излет (*вставши, говорит с сердцем*). Поди, поди домой, делай, что велят.

Милена уходит.

ЯВЛЕНИЕ IV

Излет, лесник.

Излет. Да... Я пойду к нему... пойду...

Лесник (*встречая его, останавливает*). Постой, постой, ты, право, брат, тововано с ума спятился; ну, куды ты хочешь итти? вить там так-те приколошматят, что и до могилы не забудешь. Нам ли, свиньям, с боярами возиться; а Щедров дворянин вить не на шутку!

Излет. Дворянин? да что ж, что он дворянин? я видал и государей; я проливал за них кровь мою; я сам служил при лице их; я знаю, каковы им наши слезы; так и я на дворянина суд найду... Небось, затрясется и дворянин с таким делом стать перед судом земного бога.

Лесник. Право-ста, Излет, по пустякам хорохоришься; вить у него там тысяча душ; а псарей, псарей-та и неведь числа.

Излет (*поет*).

Голос

Правым силы не ужасны,
Правде царской мы подвластны;
В ней защиту я найду,
Пред царицею паду,
Перед ней открою раны,
Грудь открывши я свою...
Донесу ей, как тираны
Дочь похитили мою.
Мне она по царску праву
С дворянином даст расправу
И велит мне дочь отдать;
Нам царица та же мать. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Лесник (один).

Лесник. Да вить до бога-то высоко, а до царя далеко; а когды те хочется, так поди-се, пожалуй, знать ты ощо у бар-то в пределе не бывал; вить это, брат, не под турком; тут так те отдубасят, что разве инда на-поди! (*Поет.*)

Голос

Как велят в дубьё принять,
Позабудешь пустошь врать.
Не солдату бар унять,
Чтоб крестьянок не таскать
Бары нашу братью так
Принимают, как собак.
Нет поклонов, нет речей,
Как боярин гаркнет: «бей»;
В зад и в макушку и в лоб,
Для него крестьянин клоп.

ЯВЛЕНИЕ VI

Лесник, Милена.

Милена. Семен!.. голубчик мой!

Лесник. Ба! опять прикотила?

Милена. Сделай милость! проводи меня туда, где сестрица.

Лесник. Проводить? Разве я рёхнулся? мне ощо бока-то не надоели.

Милена. Ах! не оставь меня! .. я умру, ежели ты меня не проводишь!

Лесник. Что за беда? пожалуй-се умирай.

Милена. Не погуби меня! ..

Лесник. Убирайся же...

Милена (*став на колени и плакав*). Ради самого бога! .. я не отойду от ног твоих! умились надо мною! ..

Лесник. Как ты с ней изволишь? весь не свой, когды ее проклятые глаза на меня смотрят; да выколи, пожалуй, свои бурколы-то, чтоб они меня не соблазняли.

Милена. Душа моя!

Лесник. Ага! лисица! теперь душа моя, а давеча так и приступу нет. То-то, не плюй в поганой колодец, случится водицы испить... Ан вот нет; я хорохориться-то и сам горазд.

Два голоса

Милена

Не будь ты мой злодей!
Ради бога поспеши!
Голубчик мой!
Проводи,
Проводи,
Ради бога поспеши!
Чего тебе бояться?
Ах, долго ль дожидаться?
Какой несешь ты вздор!
Какой несешь ты вздор!
Право, поздно, не дойдем.

Лесник

Что изволишь делать с ней?
Так и вьется у души.
Я весь не свой.
Погоди,
Погоди,
Нет ни сердца ни души.
Дай с мочью мне собраться!
Вить надо тамо драться.
Дай взять мне хоть топор.
Дай взять мне хоть топор.
Быть уж так; пойдем, пойдем.

Лесник (*отошед несколько шагов ворочается и поет*).

Голос

Ну, что ж хоть и побьют!
Хоть до смерти убьют!
Веселья жить не многа,
Туды мне и дорога.
Умру я не один,
Мне смерть алтын...
Готов с тобой на нож...
Ух! ух! пронимает дрожь... (*Отошед несколько, опять возвращается.*)

Милена. Долго ли тебе мучить меня?

Лесник. Тьфу! пропасть! не дурак ли я? чего я боялся? (*Поет, а Милена сердится и тянет его за полу.*)

Голос

Как словно вел старуху?
Да эту как вострyху
Мне к барину отвесть,
Ан денег у себя
И ввек не перечесть. (*Милене, которая тянет его за руку.*)
Иду с охотой я.
Пойдем, душа моя. (*К портерам *.*)
Не девка ли она?
Вёдро дадут вина!

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет регулярной со всеми украшениями сад; куртины и аллеи освещены разноцветными огнями: близь оркестра с обеих сторон из дерну сделаны канапе; а напротив, во всю широту театра, великолепной иллюминованной в три жилья дом, из средины коего сделан выход на кругловатое крыльцо. Большие и растворенные настежь двери показывают среднюю нижнего жилья горницу, где Розана в богатом, но беспорядочно надетом на нее платье, простоволосая и окруженная толпою убирающих ее женщин, в отчаянии сидит в креслах; а Щедрова стоящие у крыльца певчие поют песню, к которой вся подстает музыка.

ЯВЛЕНИЕ I

Щедров и певчие.

Щедров выходит из дому в задумчивости и, прошед несколько раз по театру, бросается на дерновое канапе.

Хорная песня

Пусть забавы городские
Всех прельщают суетой;
Там забава звук пустой:
Вечно прихоти людские,
Вечно шум их городской
Не встревожит наш покой.

Там коварство, ложь и лесть,
Там всегда в изгнаньи честь;
Здесь веселия простые
Дни приносят золотые;
Здесь сердец любовь не рвет:
Всяк счастливо здесь живет.

Щедров (*вставши*). Эта песня меня бы восхитила; она б соответствовала расположению моей жизни, ежели б любовь или, лучше сказать, странной род бешенства, происходящий от самолюбия, не испортил вдруг моего сердца! . . О слабость! для того,

что крестьянка из верности к своему любовнику презирает мою склонность, мое богатство, мои старания испортить ее сердце! .. я начав шуткою, оканчиваю страстью и делаю преступление! (*Поет.*)

Голос

Какой мы слабости подвластны!
К чему ты нам, рассудок, дан?
К тому ль, чтоб наш ты был тиран,
Чтоб были мы несчастны,
Когда бываем страстны? ..
Но что? быв властен в ней,
Почто в любви моей,
Толико сокрушаюсь?
Почто терзаю грудь?
Поди... и все забудь...
Забыть? .. я заблуждаюсь! ..

На чем решиться? и что начать? .. какое волнение! какие противности! .. что за шум?

ЯВЛЕНИЕ II

Те ж и слуга.

Щедров. Что ты?

Слуга. Рыбак, сударь, которого мы давича на поле оставили, прибежал сюда, как бешеный, и чуть не ворвался в палаты, увидя в окошко Розану; мы его остановили; что прикажете с ним делать?

Щедров. В цепи.

Слуга. Слышу, сударь. (*Уходит.*)

Щедров. Какая дерзость! .. ну, ежели Розана его видела? так я угадал; она бежит сюда... стыжусь ей показаться! .. я сам себя стыжусь! .. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Розана и множество женщин.

Розана (*вырываясь из рук их, поет*).

Пустите,
Подите,
Подите прочь от глаз,
Ах змеи!
Злодеи!
Подите прочь от глаз.

Хор женщин.

Послушайся ты нас,
Послушайся хоть раз.

Розана.

Отдайте мне его.

Хор женщин.

Опомнися! кого?

Розана.

Любима моего.

Хор женщин.

Здесь не было его.

Розана.

Я видела его.

Хор женщин.

Здесь не было его.

Розана.

Я видела его,
Я видела в сей час.

Хор женщин.

Послушайся ты нас,
Здесь не было его.

Розана.

Я видела в сей час.

Хор женщин.

Послушайся ты нас,
Послушайся хоть раз.

Розана.

Подите прочь от глаз.
Мне вы,
Как львы,
Подите прочь от глаз.

Хор женщин.

Послушайся ты нас,
Послушайся ты нас.

Розана.

Подите прочь от глаз.
Мне вы,
Как львы,
Подите прочь от глаз.
Подите прочь от глаз.

Розана. Отстаньте от меня, отступитесь; за что вы меня, как колодницу, здесь держите? Это-та боярская любовь? . .Ах! сымите с меня ваш саван, ваши наряды; возьмите назад все

ваши дары, лишь отдайте мне Любима... Любима моего мне отдайте! (*Плачет.*)

Первая женщина. Да где ж нам взять его, моя голубушка!

Вторая. Его здесь нет.

Третия. Мы его и не видывали.

Четвертая. Тебе он почудился.

Все. Право, почудился.

Розана. Так подите ж прочь от меня! оставьте меня здесь одну! дайте мне погрустить хоть часочек... экие подколодные змеи!

Все. У такого милосердого господина, да ты...

Розана. Слышите ли, что я не люблю... не люблю его; боюсь, как волка, а вас, как той медведицы, что анамнясь у батюшки изломала корову? .. Ради Христа подите от меня... или я убьюся до смерти. (*Бросается на канапе.*)

При последних ее словах приходит слуга и, шепнув на ухо женщинам, вместе с ними опять уходит.

Одна женщина (*в сторону*). Эдакого на шею навязали урода! (*Все уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Розана (одна).

Розана. Боже мой! за что я на такой каторге? .. Батюшка! сестрица! Любим! .. Ах, Любим! .. Голубчики вы мои! где вы теперь? что вы делаете? так ли вы тужите по мне, как я по вас? (*Поет.*)

Песня

Что я без вас ни вижу,
Я все,
Я все
В печали ненавижу!
Что прежде ни манило мне,
То сталось как во сне.
В грусть пременилась радость.
Моя увяни младость!
Любима нет со мной! ..
Ах, жив ли ты, мой дорогой?
Ты свет моих очей! ..
Не слышишь ты моих речей!
Теките реки слезны

К тому,
К тому,
Чьи очи мне любезны;
Пускай узнает дорогой,
Как рвуся я тоской
И как по нем вздыхаю,
Крушуся, унываю. . .
Услышь, Любим, мой стон!
Приди, приди взять душу вон;
Хотя б живот я мой,
Живот окончила с тобой.

ЯВЛЕНИЕ V

Розана и Щедров.

Щедров. Розана! дражайшая моя Розана!

Розана (*бросаясь на канапе и закрывши лицо свое*). Поди. . . я тебя боюся! . .

Щедров (*в сторону*). Какая любовь! какая твердость! а я? . . (*Подошед к ней.*) Итак, я ничем не могу угодить тебе? ни мое старание, ни моя любовь, ни мое богатство не могут смягчить сердца твоего? . . Розана! ужли вечно ты будешь ненавидеть меня? . . (*Став на колени поет.*)

Два голоса.

Щедров.

Вот к чему меня приводишь
Ты, терзая грудь мою:
Я у ног твоих стою!
Ах! скажи мне, что находишь
Ты противного во мне? . .

Розана.

Всё мне в этой стороне,
Всё противно, всё постыло.
Нет того, что сердцу мило,
Отпусти меня домой!

Щедров.

Не расстанусь я с тобой.
Что во власти ни имею
Для тебя не пожалею;
Молви слово,
Всё готово;
Все сокровища твои,
Только сердце не томи! . .

Розана.

Нет, ни чем я не прельщуся,
Без Любима сокрушуся,
Без Любима изорвуся.
Втуне все твои слова.
Вечно буду такова.

Щедров. Жестокая!..

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж и Излет.

Излет. Стой, барин, стой у ног крестьянки. Это твоя участь.

Розана. Батюшка!..

Щедров. Отец ее!..

Излет. В чем я тебя вижу?.. О, бедная!

Щедров (*в сторону*). Его смелость!.. Его седины!.. Все приводит меня в замешательство! но как ты осмелился войти сюда без докладу?

Излет. Без докладу? горесть открыла мне к тебе дорогу! я пришел избавить дочь мою. (*Падая к ногам.*) Ах, ты видишь старика у ног своих, едва дышущего от твоей несправедливости! пощади седины его! не дай умереть с печали!

Щедров (*в сторону*). О совесть... но о чем ты сокрушаешься? (*С замешательством.*) Дочь... твоя... благополучна, и ты будешь; я обещаю тебе...

Излет. Ничего не хочу, государь! я сыт, я благополучен, отдай лишь мне дочь мою!..

Щедров (*с сердцем*). Ты безрассуден, ты дерзок... ты требуешь невозможного.

Излет (*вставая с колен*). Так умертви меня вместе с нею...

Розана. Батюшка! а Любим-ат?

Излет. Или я пойду к самой царице просить суда на твое беззаконие; она защитит меня: для ее правосудия все подданные равны.

Щедров (*в сторону*). Укоризны его справедливы, стыжусь и не смею промолвить слова!.. (*Бросается на канапе.*)

Розана. Ах! куда ты итти хочешь? (*Увидя Любима, бегущего от множества людей его догоняющих.*) Батюшка!.. Любим, Любим!

Излет. Бедной!..

Щедров (*вскоча*). Не допускайте!.. (*Слугам.*) Так-то вы?..

Слуги (*окружив Любима*). Мы...

Щедров. Молчи... возмите... стойте... не трогайте... я вне себя!..

Розана и Любим, ставши перед ним на колени, поют.

Четыре голоса.

Розана. Сжалься, барин, ты над нами!
Любим. Сжалься, барин, ты над нами!
Излет. Над невинными сердцами.
Щедров. Рвуся разными страстями!
(*Вместе.*)

Розана. Не будь его и мой мучитель злой!
Мучитель злой!
Любим. Не будь ее и мой мучитель злой!
Мучитель злой!
Излет. Смягчи, смягчи дух свой.
Не мучь, не мучь ты нас тоской.
Щедров. Любовию презлой,
Стыдом, тоской.
Где разум мой?
(*Вместе.*)

Розана. Сжалься, барин, ты над нами!
Любим. Сжалься, барин, ты над нами!
Излет. Сжалься, барин, ты над нами!
(*Вместе.*)

Розана. Расстаться с ним мне то ж,
Что сердцу яд и острый нож!
Любим. Расстаться с ней мне то ж,
Что сердцу яд и острый нож!
Щедров. Рвет страсть и совесть то ж!
Их слезы мне, как в сердце нож!
(*Вместе.*)

Розана. Сжалься, барин, ты над нами!
Любим. Сжалься, барин, ты над нами!
Излет. Сжалься, барин, ты над нами!
(*Вместе.*)

Розана. Будь нам отец!
Любим. Будь нам отец!
Излет. Будь нам отец!
Щедров. Что делать наконец!
(*Вместе.*)

Щедров. Встаньте... вы торжествуете. Природа! в ком сокрываешь ты прямую нежность человеческого сердца? прямую верность, которая для того только презираема в городах, что не умеют ею наслаждаться... соймите с него железы. Друзья мои! простите меня! (*Излету.*) А ты, ты редкой в своем роде человек! поди и обойми твоего друга, ежели чрез мое раскаяние заслуживаю это имя!

Излет. Прости, государь, коли дерзостен был в моих словах! прости тому, что говорил огорченный отец!

Щедров. Не напоминай мне моего преступления! ты научил меня своим примером, что добродетель неравенства не знает... (*В сторону.*) Тщетно наша гордость присвоивает все преимущества: природа везде одинакова. (*Поет.*)

Голос

Быть может и мужик
Душою так велик,
Как сильных царств владетель:
Любезна добродетель,
Закон имея свой,
Ровняет всех собой.

Цалуйтесь, друзья мои! цалуйтесь; ваша горячность меня утешает.

Розана. Ах, барин, ты нас словно оживил!

Щедров. Нет, я еще ничего для вас не сделал, но...

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те ж, Милена и лесник.

Милена. Сестрица!..

Розана. Миленушка!

Милена (*друг друга цалуют и обнимают*). Батюшка!

Щедров. Какое зрелище!

Лесник. Отец мой! вот те и ощо синица.

Щедров (*в сторону*). Слова его раздирают мое сердце! судьба нарочно его привела ко мне, чтоб в наказание умножить стыд мой и грызение совести!.. о сколь я гнусен был! (*Леснику, отошед с ним к стороне.*) Послушай, ежели ты мне прямым хочешь быть другом, то ни для кого и ни за какие деньги вперед в беззаконных делах не участвуй. Копейка, полученная тобою за труды, бесценнее рубля, полученного тобою за безделъство.

Лесник (*в сторону*). Он видно с похмелюги?

Щедров. А вы, любезные друзья мои! примите от меня этот подарок (*Излету отдавая кошелек*): тут сто рублей, раздели их в добродетельной семье своей.

Все. Милостивой отец!..

Щедров. Не говорите о милости...

Лесник (*тихо Излету*). Смотри ж, и я те с родни.

Щедров. Я должен вас наградить. Пускай хотя за сделанное мною вам огорчение твои дети будут счастливы и вечно так, как теперь, друг друга любят.

Хор

Все

В ком любовь и добродетель,
Тот прямой сердец владетель:
Он ко счастию рожден,
Он и завистью почтен.

Лесник

Кто хмелину разумеет
И до капли пить умеет,
Тот, не ведая кручин,
Не горюет и один.

Щедров

Кто чести не подвластен,
Тот в счастии несчастен.
Любовь приятный жар,
А честь прекрасный дар.

Хор

Все

В ком любовь и добродетель
и пр.

Лесник

Кто хмелину разумеет
и пр.

Излет

Продли твой век, о боже!
Нам в жизни сей дороже
Спокойствие всего;
А ты нам дал его.

Хор

Все

В ком любовь и добродетель
и пр.

Лесник

Кто хмелину разумеет
и пр.

Лесник

А я себе пробаю,
Что в жизни я не знаю
Бесценнее вина;
Вино дороже сна.

Хор

Все

В ком любовь и добродетель
и пр.

Лесник

Кто хмелину разумеет
и пр.

Милена

Хотя любви не знаю,
Любить и я желаю:
А после-то придет
Мой скоро очеред.

Хор

Все

В ком любовь и добродетель
и пр.

Лесник

Кто хмелину разумеет
и пр.

Любим

Кто хочет суетися,
Хоть в тысячу влюбися;
Розану полюбя,
Ей верен буду я.

Хор

Все

В ком любовь и добродетель
и пр.

Лесник

Кто хмелину разумеет
и пр.

Розана

Зовите верность скукой,
Моей не будет мукой,
Не будет в век она.
Любиму я верна.

Хор

Все

В ком любовь и добродетель
и пр.

Лесник

Кто хмелину разумеет
и пр.

Конец

МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ

МЕЛЬНИК—КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ

Комическая опера в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Анкудин, крестьянин

Фетинья, жена его

Анюта, дочь их

Филимон, жених Анюты

Фаддей, мельник — колдун, обманщик и сват

Несколько подруг Анюты

Действие в деревне

ПРЕДСТАВЛЕНА В ПЕРВЫЙ РАЗ НА МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ
ГЕНВАРЯ 20 ДНЯ 1779 ГОДА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет с одной стороны лес, вдали по холмам малые деревеньки, а с другой стороны — мельницу и при ней телеги с мешками. Напереди ж всего дерево.

ЯВЛЕНИЕ I

Мельник (один).

Мельник (*стругая доску, поет только тон песни без речей и музыки, потом говорит.*) Какая бишь это песня? .. Да: «Как вечор у нас со полуночи» *... так... (*Зачинает петь на этот тон песню, продолжая сам свою работу*).

Как вечор у нас со полуночи,
Со полуночи до бела света...

Какой проливной бола * пошел дозжик, да перестал скоро. (*Так же поет и продолжает работу.*)

На заре-то было да на утренней,
На закате ведь светлого месяца...

Ну уж был ветер! то-то, слышь ты, дул сильно, что чуть бола и мельницу-та мою совсем не спрорушил; в пень бы я стал, да спасибо! хоть исковеркал, да немного; а хоть и немного, да наделал дела. (*Приноравливает доску.*) Ну, будет ладно, пойдет опять заново. (*Подошед к оркестру.*) Смешно, право, как я вздумаю: говорят, будто мельница без колдуна стоять не может, и уж-де мельник всякой не прост: они-де знаются с домовыми, и домовые-то у них на мельницах, как черти, ворочают... Ха! ха! ха! .. какой сумбур мелют? а я, кажется, сам коренной мельник: родился, вырос и состарился на мельнице, а ни одного домового сроду в глаза не видывал. А коли молвить матку-правду, то кто смышлен и горазд обманывать, так вот все и колдовство

тут... Да пускай что хотят они, то и бредят, а мы наживаем этим ремеслом себе хлебец.

Кто умеет жить обманом,
Все зовут того цыганом;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь колдун угадкой.
И колдовки колотовки
Те жа делают уловки.
Много всякого есть сброду:
Наговаривают воду,
Решетом вертят мирянам
И живут таким обманом.

Как и аз грешный!..

ЯВЛЕНИЕ II

Филимон и прежний.

Мельник (*его увидя*). А!.. это ко мне гость. На сей день будет поживка. (*К Филимону.*) Путь-дорога доброму молодцу!

Филимон. Челом бью, старинушка.

Мельник. Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?..

Филимон. Не пуще дальное дело.

Мельник. Да волею или неволею?

Филимон. Коней ищу: савраско да гнедко вдвоем куда-то запропастились; а кони-та, кони-та какие добрые были. (*Особливо.*) Это он-та ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. (*К мельнику.*) Что, старинушка, хочу спросить тебя...

Мельник. О чем поволишь? изволь-ста, мы ваши работники.

Филимон. Доброе дело... и мы вам плательщики... Итак, поворожи мне: найдутся ли мои кони?

Мельник. Найдутся ли кони?..

Филимон. Так, старинушка; мне об них очень хочется сведать.

Мельник. А вот эдак, например, как будет ли от тебя что? (*Подставляет руку.*)

Филимон. Наперед угадай, дедушка, а там мы посмотрим.

Мельник (*отворачивается, сердится и зачинает петь*).

Угадать,
Не устать;
Да как дело плоховато,
Так и платят торовато.

Филимон. Да я тебе, старинушка, плательщик буду.

Мельник.

На посуле,
Как на стуле,
Посидя да не поешь,
Так живот не будет свеж.

Филимон. Ни из чего не солгу, поверь пожалуй...

Мельник.

В тот черед,
Наперед
Эти басни не под нужу,
Вынь-ка мошну-та наружу,
И пустого не болтай,
Да нам денежки считай. (*Подставляет руку, смотря ему в глаза.*)

Филимон. Ну, коли так, изволь пожалуй: мы вам и наперед дадим посильно место копеек.

Мельник. Это только-та?

Филимон. Будет покамест: чего больше?

Мельник (*особо*). Ладно, ты без полтинки-та от меня не отъедешь.

Филимон. Что ж ты мне скажешь?..

Мельник. А как теперь на дворе — рано?

Филимон. Не больно еще поздно, и сонце за лес не село.

Мельник. Перевернись жа три раза по сонцу.

Филимон. Что бы так?

Мельник. Что бы так!.. в ворожбе это нада... Ну, делай что велят!..

Филимон. Во твою угоду мы и повернемся. (*Вертится один раз.*)

Мельник. Ещо против сонца.

Филимон (*вертясь*). Ещо таки и против сонца.

Мельник. Теперь стань вот к этому дереву. (*Филимон хочет иттить, а мельник говорит.*) Нет, нет, постой... есть ли у тебя плат?

Филимон (*вынимает платок*). Есть вот.

Мельник. Зажми жа глаза плотно... завяжи платом крепче... ещо крепче... Ну! ладно... теперь слушай жа: стой да нишкни, с места не двигайся и никому не аукайся, а я пойду к старшому...

Филимон (*исполняя все, что мельник ему ни приказывал*). А буде кто без тебя ко мне придет и станет меня спрашивать: зачем-де ты стоишь так, доброй молодец, ясные твои очи завязаны?..

Мельник. Ни с кем ни словечка; а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимон. А песню спеть в потребу ли будет?

Мельник. Всполошишь всех; не нада.

Филимон (*про себя*). Эдакая причина!

Мельник. Стой же плотно.

Филимон. Ин, добро быть так.

Мельник, отходя от Филимона, примечает его движения; а он покушается глаза немного открыть. Мельник, воротясь, подходит крадучись и говорит с сердцем.

Мельник. Тють! .. тють! .. что ты это чудесишь? .. этакой рахманной, ведь испужаешьси... (*Взяв его за руку.*) Поди за мною... стой, ухватись вот за это дерево. (*Потом очерчивает его мелом.*) Ну, стой жа, слышь ли ты, плотно, не трожься и за черту ни ногою а то быть худу... (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Филимон (один).

Филимон (*приклоняя голову в ту сторону, куда мельник ушел, слушает*). Слышится, колдун ушел... так, ушел теперь. Что-та он мне скажет? .. Ну, да что ни будет, то будет! .. (*Открывает немного глаза.*) Да... нет... уж меня, ничего не видя, от страху как будто мороз по коже подирает... Что ж мне делать? ничего иного, как орать что есть мочи... Нет! стану курныкать помаленьку, только чтоб не так страшно мне было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся;
Спою песню; да какую ж я спою? ..
А! любиму свою...

Музыка зачинает а в это время, как Филимон готовится петь.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мельник и прежний.
Мельник выносит жернова, ставит их у мельницы.

Филимон (*продолжает петь на голос: «Как ходил, гулял молодчик» *.*)

Вот спою какую песню:
Ходил молодец на Пресню,
Под вечерок,
Путь недалек.

Ходил молодец на Пресню
Из Сесвяцкова села,
Под вечерок,
Путь недалек.
Из Сесвяцкова села,
Красна девка там жила,
Девка душа
Там хороша,
Красна девка там жила,
Молодца с ума свела.

Мельник вертит жорновом и сим делает шум; а Филимон, продолжая петь, пугается.

Девка... ду...ша
Там... хо...ро...ша... (*Оканчивает диким голосом.*)

Мельник. Расступись, вода!.. растворись, мельница!.. явись ко мне, седой демон!.. (*Вертит опять жорновом сильняе и производит шум.*)

Филимон (*дрожит*). Чур меня!.. чур меня!.. с нами невидимая сила...

Мельник (*подбегая к Филимону*). Ухватись, ухватись за дерево плотняе.

Филимон хватаясь за дерево, и сам дрожит.

Мельник (*обходя его кругом*). Будут кони?.. будут кони?.. Таки будут?.. (*Сиповатым голосом.*) Нет, не будут. (*Обходит другой раз.*) Придут кони?.. Таки придут ли кони?.. (*Также сиповато.*) Нет, не придут... Что за дьявольщина! (*Обходит третий раз.*) Найдутся ли кони?.. да найдутся ли кони?.. (*Притворным голосом с сердцем.*) Хоть найдутся, да не скоро... (*Своим голосом.*) Исчезни ж, окаянной! (*Сам подбегает опять к жорнову и вертит оное. Потом, подошед к Филимону.*) Теперь поди сюда, развяжи глаза и не бойся ничего.

Филимон (*развязав глаза*). У!.. (*Дрожа поет.*)

О ты, дедушка Фаддей!
И ты сильной ворожища!
Ты могучий чародей.

Мельник.

Кабы ковш теперь пивища:
Я в него бы поглядел,
То наделал бы уж дел.

Филимон.

Ты нам, дедушка, помога,
У кого кручины много.

Мельник (*особо*).

Я тем, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон. Ты нам, дедушка, помога, } (*Вместе.*)
Мельник. Я вам, детушки, помога,
Филимон. У кого кручины много. } (*Вместе.*)
Мельник. У кого есть денег много
Филимон. Итак, дедушка, пропали мои кони? ..
Мельник (*поет*).

Я вам, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон. Что ж ты мне скажешь?
Мельник (*еще поет*).

Я вам, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон. Да вот, пожалуй, я и ещо дам тебе денег, только отгадай мне. (*Дает ему денег.*)

Мельник (*заикаясь*). А! .. а кармливал ты их овсом?

Филимон. О! нет, они с роду зерна не видали.

Мельник. Ну, так век не найдутся...

Филимон. Этакое мое горе!

Мельник. Постой ещо... подай-ка мне свою руку! (*Филимон кажет руку, а мельник водит по ладони пальцем.*) Так, в твоей руке их нету; только корысть будет, лихих людей переможешь; а на сердце кручина пала...

Филимон (*особливо*). Как сказали об нем, так и подлинно, что он все подноготное узнавает!

Мельник. Погляди-тка сюда пряменько! .. что-та есть у тебя на мысли? ..

Филимон. Ох! старинушка, есть... да боюсь молвить.

Мельник. Небось, небось, поведай мне свою крепкую думу, авось-либо в чем и пособить можно.

Филимон. Нет, дедушка, кажется, несбыточное дело, и статься-та этому не можно.

Мельник. Не болтай пустого.

Филимон (*поет на голос: «Западала путь-дороженька моя»* *.)

Я поведаю тоску-печаль ему;
Отчего так больно сердцу моему;

Ведь он сильной ворожища
И мне стался быть дружища,
Так я думушку свою
Перед ним не потаю...

Мельник. Не утай, не утай ничего, а мы посмотрим, как пособить будет можно.

Филимон. Ну, ин, быть так, правду молвить: я прибрёл бола к тебе кручину свою размыкать; придумай, пригадай мне, я задумал, доброй молодец, жениться и пришла мне одна красная девица по обычью; да вот беда моя! отец и мать ее друг с другом не согласны: старухе как-то исстари случилось быть дворянского отродья; а выдана в крестьянство по неволе; старик-ат ведь и хочет дочку выдать за детину хлебопашца, а старуха-хлопотунья за дворянского сыночка... и за то-та муж с женою и хлопочут.

Мельник. О! о! это плёвое дело; я смекнул как быть этому: девка будет наша! Что за работу?

Филимон. Четверть доброй ржи старинушке челом бью.

Мельник. Ну-тка по рукам... ладно!.. (*Поет на голос: «Вы реченьки, реченьки»* *.)

Не кручинься, молодец,
Горю сделаем конец,
Назову тебя я братом
И пойду к невесте сватом,
Ты об этом не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

Филимон.

О том, дедушка, ни слова,
Будет рожь тебе готова;
О дарах ты не тужи,
Делом сам лишь не держи.

Мельник.

Я тебе жену добуду,
Иль я мельник ввек не буду!..

Филимон.

Чудеса ты все творишь,
Как рублем меня даришь.

Мельник.

Мы пойдем приготовляться,
Как с невестой повидаться.

Филимон.

Пойдем к делу поспешать.

Мельник.

Пойдем свадьбу затевать.

Оба.

А чтоб быть нам посмелея
И приттить повеселея,
Так зайдем мы в кабачок:
Тяпнем там винца крючок.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет поле, с одной стороны вдали мельницу, реку и лес, а с другой напереди двор крестьянской, потом сумерки и восходящий месяц.

ЯВЛЕНИЕ I

Анюта и Филимон.

Анюта выходит из двора, а после Филимон из лесу.

Анюта. У! .. да уж на дворе-та и смеркается! Когда это день прошел? Смотри, пожалуй, а я работаючи-та и не видала. (*Поет начало: «Земляничка ягодка»* *.)

Во всей я младости
Ведь не вижу радости,
    Вот мой
    Талан какой (*2 раза*).
Нету мне весела дня;
    Все сушит,
    Все крушит
Всякой час меня.

Филимон (*ходя между тем задумавшись и по голосу увидя ее, останавливается*). Это она! .. она точнехонько! ..

Анюта (*увидя Филимона*). Это он? .. Точно он! ..

Филимон. Подойду к ней, что ни будет, то будет. (*Подходит.*)

Анюта. Он ко мне идет? .. так, ко мне; нет, я уйду от него, а то неровно как старики мои меня с ним увидят, то пойдет дым коромыслом! (*Хочет уйтить и после останавливается.*)

Филимон (*также остановясь*). Беги пожалуй, что нужды? видишь какая, коли так упряма, ты чаешь краше тебя и нету; ан лих есть много, не тебе чета, и я право гоняться-та за тобою не буду.

Анюта (*про себя*). Кажется, он вздурился, что я уйтить-та хотела! эдакая напасть моя, что станешь делать? Не уйтить —

горя, а уйтить и вдвоя... да не кая пропасть, мне и самой хочатся повести с ним поговорку.

Филимон (*увидя, что она остановилась*). А! а... это ей не по сердцу, что я сказал: гоняться-та за ней не буду... эдак-та лучше с ними водиться; у нас ведь по-сельски: как любушке своей тулунбаса два-три в спину влепишь, и она стерпит, так и наша.

Анюта. Не знаю сама, что бы это такое со мною сталось? .. что я его лишь увижу, так сердце мое все затрепещет, руки опустятся, ноги подогнутся, и с места не сдвинешься! .. Что ж будешь делать? Хоть побои принять, а с ним перемолвлю. (*Воротясь, подходит к нему тихо.*)

Филимон (*также к ней приближаясь, про себя*). Ты ко мне, и я к тебе. (*Анюте.*) Девица красная, по-добру ль живешь, по-здорову?

Анюта. Не пуще так, чтобы тебе сказать,— радошно.

Филимон. Да тебя давно уж и в посиденках не видно.

Анюта. Матушка меня не пущает; говорит: ты, дискать, уж девушка-невеста, так женихи осудят: и я от этого иногда и плачу.

Филимон. Не тужи, красная девица, авось-либо дождемся и мы своей воли.

Анюта. Кажется, мне не нажить этих дней. (*Особо.*) Он, видно, хочет на мне жениться.

Филимон (*особо ж*). Женился бы не шутём, кабы было можно.

Анюта (*поет начало на голос: «Кабы знала, кабы ведала, мой свет»* *.*)*

Кабы я, млада, уверена была,
Что дружку свому хоть чуть-чуть я мила:
Я бы всякий день немножко,
С ним видалась хоть в окошко,
И не в скуке бы жила.

Филимон (*особо говорит*). Побожусь ей, что я нивесть как ее люблю.

Анюта (*продолжает петь на тот же тон начало*).

Только милый мой не ведает того,
Как безвременно крушусь я для него:
Он во сне мне часто снится,
Будто вздумал он жениться
На иной, а не на мне.

Филимон. Нет, нет! что пустое затевать! этого и в уме не бывало.

ЯВЛЕНИЕ II

Мельник и прежние.

Мельник. Ого! сокол, ты уж и здеся! Скоренька ты залетел... а я нечего-таки, тяпнул винца мерочку, так и веселяя стало. Здорова-ка, Анюта!

Анюта. Здравствуй, соседушка.

Мельник. Что-та как эдак вы делаете?

Анюта. Пели песни.

Филимон (*мельнику*). Слышал ли ты, как она жалобно пела?

Мельник. Слышал, слышал, да это не надолго; скоро запоет иным голосом, уж не так заунывно.

Анюта (*досадуя*). Зачем его чорт принес?..

Филимон. Небось, нет ничего.

Анюта. Да видишь какой, только помешал нам!

Филимон (*поет*).

Полно, светик мой, стыдиться,
Станем мы при нем дружиться,
Дай мне рученьку свою,
Дай голубушку мою.

Анюта.

Ничуть это не годится,
Чтоб так при людях резвиться,
Отвяжись и не шути,
Ведь нисколько в том пути.

Филимон.

Его нечего таиться;
Старик этот пригодится,
Распознай сама его,
Он пригоден для всего.

Анюта (*обертываясь назад*). Ай! ай!.. уйдите, уйдите! старуха моя сюда идет.

Мельник. Уйдем, уйдем, ведь старуха-та великая хлопотунья.

Мельник и Филимон уходят назад театра и прячутся за крестьянской двор.

ЯВЛЕНИЕ III

Фетинья и Анюта.

Фетинья. Ты, рыскушка, все на улице, и рано и поздно; а что делаешь? ведь только зеваешь; а ты бы, девушка, лучше кросна ткать смышляла.

Анюта. Да я и так лишь теперь из-за дела: тебе шила подзатыльник, а себе низала поднизь; целой день работаючи, кажется, рук не покладывала, когда ж погулять-та? ..

Фетинья. Девушки теперь не гуляют, уже смеркается... поди, поди за дело.

Анюта (*особо*). Вот какая, право, все делай да делай, и погулять некогда; видать ли уж как бы замуж вытти, тогда не сказала бы она мне: лучше бы, девушка, кросна ткать смышляла...

Фетинья. Что ж ты стала? ..

Анюта. Да теперь уж тёмна дело делать.

Фетинья. Так ин ложись да спи, завтра рано вставать.

Анюта. Мне и спать-та еще не хочется.

Фетинья. Поди ж! поди! .. эдакая упрямица!

Анюта (*отходя*). Куда, право, какая! ..

ЯВЛЕНИЕ IV

Фетинья (одна).

Фетинья. Пора девку замуж, нечего мешкать, у нее уж теперь не дело на уме, а она женихов смышляет... Да что мне делать? придумать не могу; давно бы я ее с рук сбыла, как бы не старой хрыч мне перечил, охо-хо-хо-хо! таково-та быть не за ровней! не то смышляй, что хочется, а то делай, что муж велит.

*(На голос: «Ах на что ж бола, ах к чему ж бола» *.)*

Ах! на что ж бола, ах! к чему ж бола
Мне на свете быть,
Во кручине жить?
Я родилася, я родилася
Не крестьянкою,
А дворянкою.
Меня отдали, меня отдали:
За крестьянина,
Не за барина.
Навязался мне, навязался мне
Некошной старик,
Все с ним шум да крик.
Иссушил меня, иссушил меня,
Как лучиночку,
Как былиночку,
Горя мыкаю, горя мыкаю
Я от младости
И до старости.

ЯВЛЕНИЕ V

Прежние и мельник.

Мельник. Помогай бог, Антипьевна!

Фетинья (*кланяясь*). Соседушка Гаврилыч! что бы так поздненько?

Мельник. Укрой от темной ночи.

Фетинья. Добро пожаловать... а моего старика видел?

Мельник. Нет, кормилица, и в глаза не попадался.

Фетинья. Он к тебе на мельницу поехал.

Мельник. Ко мне?..

Фетинья. Да.

Мельник. Куда ж бы это он запропастился?

Фетинья. То-то я и горюю! клячонка-та окаянная не очень надежна, на коей он поехал.

Мельник. Ну, так и впрямь не скоро и дотащится... Да нет, ты не о том горюешь... я смышлю, что у тебя на мысли.

Фетинья. А что бы такое?

Мельник. Девка-та у вас на возрасте, пора бы ее веселым пирком да за свадебку.

Фетинья. Суженого-та нет.

Мельник. Будет, будет, я уж тебе в том.

Фетинья. Поворожи-тка, будет ли ей удача?

Мельник. Поворожи-тка!.. ведь даром не ворожат (*подставливает ей руку*), клади-ка сперва гривенку денег, да попотчивай бражкой, так и пойдет дело.

Фетинья. А без этого не можно?

Мельник. Никак нельзя, а особливо без сивухи; без нее и язык не поворотится.

Фетинья. Ну, коли так, то пойдем в горницу, там я тебя и попотчиваю.

Мельник. Зачем дело стало: пойтить, так пойтить. (*Отходят.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

Филимон (один).

Филимон (*выходя*). Ушли!.. ну, что-та будет, авось-либо пойдет дело на лад, старик и туда, и сюда, да провальная старуха все поперек ломит... Полно, сват-ат у меня ведь колдун, так и кручины нет. Что ж мне на досуге делать? От скуки хоть песню скуныркаю.

(*На голос, начало: «При долинушке гуляли»* *.)

Стану свата дожидаться,
Нечего бояться,

Сват мне любушку достанет,
Ничуть не обманет:
Он колдун,
Не болтун,
Водится все с домовыми,
И сам набольшой над ними,
И пьет и ест с ними!
Стану свата дожидаться.
Нечего бояться,
Сват мне любушку достанет,
Ничуть не обманет!
Он чертей,
Как детей,
Когда надобно, скликает,
Куды хочет помыкает,
После вон толкает.

ЯВЛЕНИЕ VII

Фетинья, Анюта и мельник. А Филимон, увидя их, опять прячется.

Мельник. В пору вышли, не опоздали, месяц лишь только всходить начал... подите ж сюда.

Фетинья. Нет, Гаврилыч! право, кажется, ты ума рехнулся, ну, святки ныне, что ли, так загадывать?

Мельник. Это только вашим сестрам, бабам, черед загадывать о святках, а нам, ворожеям, и летом и зимою, осенью и весною, и днем и ночью, когда ни захотим, всегда святки: чорт-ат ведь в наших вожжах, и мы, когда хотим, тогда его и погоняем... ну, теперь понимаешь ли?

Фетинья. Разумею.

Мельник. Вели же сперва чего-нибудь поднесть мне выпить.

Фетинья. Разве еще мало?.. Мне кажется, ты и так уже на-веселе и хлебнул довольно.

Мельник. Это-то нашему брату и надобно. Ведь, сказать правду: с чортом-та не с своим братом ладить, надобно быть смелу, а смелость-ту делает сивуха.

Фетинья. Эдакая дьявольщина! ну, добро, изволь. Анюта, вынеси соседу давешную с вином сулейку.

Анюта уходит.

Фетинья (*между тем говорит мельнику*). Я тебя, сватушка, подарю, посмотри каким подарком.

Анюта выносит дорожную фляжку на ремне и подает матери, а она, отдавая мельнику, говорит.

Фетинья. Вот, изволь владать и попивать из нее на здоровье.

Мельник (*взяв и любуясь*). О! о! .. то спасиба... прямо удружили... (*Надев фляжку через плечо и потом пьет из нее.*) Ну! .. гожа! .. хоть бы куды сивуха. Вот добрая хозяйка! .. что ж теперь станем делать?

Анюта и Фетинья. Загадывать, разве забыл ты?

Мельник. Да так... а я, право, думал, что вы об этом забыли.

Обе. Как забыть то, что нужно?

Мельник. Ну! ну, ладно, ладно. (*К Фетинье.*) Побудь же ты покамест там за дверьми... поди ж, поди, тебе говорят! ..

Фетинья. Посмотрю, что будет. (*Становится в дверях и выглядывает.*)

Мельник (*к Анюте*). А ты стань вот здесь, к месяцу спиною, руки подними эдак, гляди в зеркало... наведи его на месяц, загадай: суженой, ряженой, за кем мне быть замужем?

Анюта. Суженой, ряженой, за кем мне быть замужем? ..

Мельник дает знать Филимону, чтоб он вышел, а тот показывает, что боится выйтить. Мельник досадует.

Мельник (*к Анюте*). Видишь ли что?

Анюта. Вижу: на небе звезды.

Мельник. А ещо?

Анюта. Ничего больше.

Мельник. Что ж бы такое мешало? .. А! .. облачко нашло. Да оно пройдет скоро. (*К Филимону тихо.*) Выдь сюда, покажись ей.

Филимон. Чтоб ее не всполошить! (*Выходит.*)

Анюта. Дедушка! мне что-та чудится.

Мельник. Ладно! смотри, что еще будет. (*Еще Филимону.*) Подь поближе.

Филимон подходит.

Анюта. Ай! .. кто это? он... так, он! ..

Мельник (*дает знать Филимону, чтоб он ушел. К Анюте*). Ударь, ударь по зеркалу, чтоб не схватил тебя.

Анюта (*опустя зеркало*). Ну! .. что это почудилось! .. кажется, самой он. О, кабы да это сбылося!

Мельник. По обычаю ль жа тебе?

Анюта. Вот ища что знать хочет? что бы я была за дура, чтоб тебе сказала! люблю ли, нет ли, до того дела нет, это ведь девушке-невесте сказывать, кажется, стыдно.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Старуха и прежние.

Фетинья (*выходя говорит про себя*). Боюсь, чтоб девка не испугалась, ведь ища она у меня рабенок. (*К дочери.*) Почудилось ли тебе что, Анюта?

Анюта. Вот он скажет.

Мельник. Ничего, ничего... (*К Анюте.*) Поди ты теперь в свое место.

ЯВЛЕНИЕ IX

Мельник и Фетинья.

Фетинья. Ну, теперь поворожи-тка и мне.

Мельник. Тебе?.. изволь... постой жа, нада сперва выпить.

Фетинья. Да долго ли этого будет?..

Мельник. Ещо по одной выпьем... (*Выпив.*) Ну!.. что ж тебе надобно? загадай, да и мне скажи.

Фетинья. Мне хочется узнать: какой у меня зять будет.

Мельник. А вот это дело, как сказала, так и угадать можно. Ведь тебе дворянин надобен?

Фетинья. Я-таки за иного и выдать ее не думаю.

Мельник. Ладно, ладно, пройди ж вон по этой тропинке.

Фетинья. Куда так?

Мельник. Туда, туда недалёчка, да и вернись назад.

Фетинья. Ну, да какого шатуна я там увижу?

Мельник. Не шатуна, суженого своей дочери; какой первой тебе пырь встречу, такой и зять у тебя будет.

Фетинья. А как их встретится целая гурьба?..

Мельник. Нет, нет! поди лишь, я знаю, что одного только встретишь.

Фетинья. Ин добро быть так. (*Отходит назад театра; Филимон с нею встречается; Фетинья подходит к нему ближе, рассматривает и пугается.*) Ай!.. ай!.. (*Бежит к мельнику.*) Зачурай, зачурай меня!..

Мельник. Небось, небось, обернись назад, он уже провалился.

Фетинья. Ох!.. не могу отдохнуть... Ну, Гаврилыч, не солгал ты, теперь я поверю, что в тебе много дьявольщины.

Мельник. А затеев и ещо больше.

Фетинья. Да правду молвить: почудился мне детинушка изряден, и он был бы Анюте очень настать, кабы да только он дворянин был.

Мельник. Дворянин, дворянин, что и думать, я все ведаю,

Фетинья. А кто ж он таков? ..

Мельник. Он... тот... кой живет не пуще далече отсюда и всего гоны с трои, из села Хлебородова, деревни Доброй-Пожни; есть также у него посильно место мужичков, работников и домашних челядинцев.

Фетинья. А зовут его как?

Мельник. Не скажу теперь... будет с тебя и этого... Поди ж покуль и ты к своему месту.

Фетинья. А ты?

Мельник. Мне есть свое дело, кое... все ль бабам ведать? поди, поди, не мешай мне. А я ещо покамест выпью. (*Между тем пьет и, на фляжку любуясь, говорит.*) Какая это добрая фляга!

Фетинья (*отходя*). Ин час тебе доброй.

ЯВЛЕНИЕ X

Филимон и мельник

Филимон (*отходя к мельнику, он пугается*). Ах, дедушка! я ни весть как рад: ты приставляешь мне голову к плечам.

Мельник. И вперед нас, стариков, держися... А! да вон и старик домой едет. Пойдем сюда покамест. (*Отходит к стороне.*)

ЯВЛЕНИЕ XI

Анкудин и прежние.

Анкудин (*погоняет лошадь, а она стала*). Ну, ну! сивушка... эк она... стала... что делать? (*Помогает ей.*) Ну! ну! дотяни еще немного... нет, провальная, не везет... ин добро быть так, отдохни, сивка, и я с тобою в пень стал. (*Подходит к оркестру.*) Что, барям-та рай жить, хоть раз бы пожил так, как они; до полно что некошная живет и их доля, бывает и им хлопот полон рот, а нашему брату, чего не видя, заботы меньше: пропадай оно, не хочу быть в барях!

Мельник и Филимон подходят к нему.

Мельник. Помогай бог, соседушка!

Анкудин. Ба! сват Гаврилыч, откуда взялся?

Мельник. Шли путем-дорогой, да завернули и к тебе побывать.

Анкудин. Добро пожаловать, что добренького? ..

Мельник. А вот что: мы к тебе прибрели не пир пировать, не ржи торговать, а думу крепкую думать: есть у тебя суженая, есть у вас ряженая, благослови-тка ее за соседа моего.

Анкудин. А его милость откудова? ..

Филимон. Из села Хлебородова, деревня Доброй-Пожни челом бьем.

Анкудин. Доброе дело, я бывал там.

Мельник. Хе! .. как сказать тебе про его житье-бытье и богатство, так ты с ним не расстанешься: детина он собою, ты видишь, уж на все ухват; борону ли сладить, тын ли огородить, уж ничего из рук не вывалится; а дом-ат у него, кабы ты ведал, как полной закром; чего нету? скота-то что ли, хлеба-та ли, или другого протчего, необъятная сила, а ни отца ни матери, ни роду ни племени, весь тут, как видишь. . .

Анкудин. Такого доброго молодца давай нам. . . да скажу тебе, вот беда: старуха провальная со мной не ладит; я хочу так, а она поперек ломит! .. я чтобы к доброму, а она по-своему мудрует, да и чорт ее не перековеркает.

Мельник. Где чорту возиться! а разве я ее поверну по-своему, она будет наша.

Анкудин. Правду тебе молвить, а не чаю.

Мельник. Дай покамест ты свое слово.

Анкудин. Я! .. я готов, с моей руки час доброй.

Мельник. Только нам было и нада, мы теперь побредем ко двору, и уж ты нас с поезжанами к себе дожидайся. Челом бьем... *(Хотят итти, но мельник останавливает Филимона.)* Постой, постой еще, по последней выпьем, будьте здоровы. (*Пьет, а выпив.*) Челом бьем. (*Отходят.*)

Анкудин. Не помешкайте ж, Гаврилыч.

Мельник (*отходя*). Будем, будем скоро.

ЯВЛЕНИЕ XII

Анкудин (один).

Анкудин (*подходя к воротам, их отворяет и потом к лошади*). Ну-тка, сивушка, ужли отдохнула? .. ну! ну! пошла. . . ну, на двор прямо. . .

ЯВЛЕНИЕ XIII

Фетинья и прежний

Фетинья. Насилу ты приехал, а я тебя уж отчаяла.

Анкудин. Только так-так что дотащился.

Фетинья. А я без тебя дочь просватала.

Анкудин. А за кого бы эдак? ..

Фетинья. За кого, я знаю.

Анкудин. Так и я также просватал.

Фетинья. Ты, за как это? . .

Анкудин. А такжа, не скажу, так и думаешь.

Фетинья. О! мне и дела нет, я знаю, что на своем поставлю. (*Поют.*)

Как ни стану,
А достану
Дворянина-жениха.

Анкудин.

Как ни стану,
А достану
Хлебопашца-жениха.

Оба.

Отдам в нынешнем дочь лете,
Молодец есть на примете,
Дочь мою кой может взять.

Фетинья.

Сколько хочет, пусть он вздорит,
А меня не переспорит:
Дворянин мне будет зять.

Анкудин.

Пой, пожалуй, что я вздорю.
А тебя я переспорю:
Мне крестьянин будет зять.

Фетинья.

Я отдам за дворянина.

Анкудин.

Я отдам за мужика. . .

(*говорит*) за нашего брата, за крестьянина.

Фетинья. За такого ж дурака, как сам.

Анкудин. Ан лих нет, дворянин-ат вишь хорошей дочь-ту нашу не возьмет; а буде какой бы и сыскался на ней жениться, так уже разве такой, вот что называется-та, самая мелкая сошка. А наш брат крестьянин, чему-та пить не быть. . . (*Поет.*)

Не дурак наш брат детина,
И работник он прямой.

Фетинья.

Да лих зять не будет мой.

Анкудин.

А вот будет.

Фетинья.

Вот не будет.

Анкудин.

Да, ведь я большой в дому.

Фетинья.

Да не быть по-твоему.

Анкудин.

Почему?

Фетинья.

Потому:
Ты мужик, а я дворянка.

Анкудин.

Нет, крестьянка.

Фетинья.

Дочь ведь тож по мне дворянка.

Анкудин.

Нет, крестьянка.

Фетинья.

Ан дворянка.

Анкудин (*с сердцем*).

Нет, крестьянка! .. слышь, крестьянка.

Фетинья. Опомнись, старой пес! ведь ты знаешь, что я рождена от благородной крови.

Анкудин. Вспомни-ка, старая негодяйка, и ты, что уже двадцать лет, как ты жена моя.

Фетинья (*поет*).

Да, хоть я твоя жена,
А тебя лих мало тешу.

Анкудин.

Так вот раз тебе отвешу,
То и будешь ты смирна.

Фетинья.

Плюю я на эти враки.

Анкудин.

Ну, уж вот дойдет до драки.

Фетинья.

Враки! .. Враки! ..

Анкудин (*особливо*).

Хоть боюся я греха,
А скрою ей треуха!

Фетинья.

На твои-та я угрозы,
Знай, хотела наплевать.

Анкудин.

Ну смотри ж, жена, чтоб слезы
Ты не стала утирать.

(*Говорит.*) Я с тобою, лебедь моя, справлюсь, да-ка мне только

приобострожиться, а то нет, ты вострa очень, и что ты думаешь дворянского-та отродья, так тебе и чорт не брат! *(Поет особо.)*

Мне на спорщицу-женищу
Купить добрую плетищу.
Настрехтать ее спинищу...
Будем жить, как я хочу.

Ф е т и н ь я.

А я старому хрычу
Сама втроя отплачу,
А ты с дочкой-та простися!..

А н к у д и н.

Эй! жена, слышь ты, уймися!

Ф е т и н ь я.

Сам уймись!

А н к у д и н.

Ну, жена, поберегись.

Ф е т и н ь я.

Я тебя лих не боюся,
С женихом уговорюся,
За кого хочу отдать.

А н к у д и н.

О! тому-та не бывать!..

Ф е т и н ь я.

По-твому-та не бывать...

А н к у д и н.

По-твому-та не бывать...

О б а.

По-твому-та не бывать.
Не бывать!.. не бывать!.. (*Уходят.*)

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет тот же крестьянской дом, и при нем на скамьях сидящих девок.

ЯВЛЕНИЕ I

Фетинья и несколько девок, из коих иная прядет, иная шьет; только всякая с делом и поют свадебные песни.

Хор.

Что без бури, без вихоря
Ворота отпиралися,
В терем двери отворялися.

Фетинья. Нет, девки, другую спойте, позаунывнея.

Хор.

Тошненько мне младой в девках быть,
Тошней того мне замуж итить.

Фетинья. О! нет, эта уж очень жалобна, спойте ещо иную.

Хор.

Вечор-та мне косоньку матушка плела,
матушка плела
И жемчугом косоньку всю унизала, всю унизала.

ЯВЛЕНИЕ II

Анюта и прежние.

Фетинья. Поди-ка сюда, Анюта; а мы тебе свадебные песни пели.

Анюта. Матушка! .. да за кого ты меня выдать-та хочешь?

Фетинья. Небось, небось; я выдам тебя за такого молодца, какой нашим девкам и во сне не пригрезится. . .

Анюта. Почему это ведать?

Фетинья. Глупенькая, захочет ли мать, чтоб дочь ея была за дурным мужем, а я еще и больше хочу: чтоб муж у тебя был детинушка завидной и также барыша и дворянского отродья.

А н ю т а (*поет*).

Вот моя, вот напасть:
Злодейка любовна страсть
Взяла надо мною власть:
Свет не мил,
Свет постыл;
Всякой час крушуся я,
Противна мне жизнь моя!

ЯВЛЕНИЕ III

А н к у д и н и п р е ж н и е.

А н к у д и н. Ге! .. старуха! .. чтой-та... На тебя эту ночь сна нет! .. *(Увидя девок.)* Ба! да ты и впрямь свадьбу затеяла? ..

Ф е т и н ь я. Таки не шутя.

А н к у д и н. Сунбурщица! да ты послушай меня.

Ф е т и н ь я. Нет, нет, ты хоть тресни, а я свои буду петь песни; на зло тебе, дочь просватала в село Хлебородово...

А н к у д и н. Э! .. как! в село Хлебородово ты хочешь выдать?

Ф е т и н ь я. Так-таки.

А н к у д и н. А... а за кого бы там?

Ф е т и н ь я. За помещика деревни Доброй-Пожни.

А н к у д и н. Вот-на! да там и помещиков-та нету.

Ф е т и н ь я. Ан лих есть; мне кажется, Фаддей-мельник сватает, и уже мы, я и она (*указывая на дочь*) его и видели.

А н к у д и н. Когда видели?

Ф е т и н ь я. Давеча, как смерклось.

А н к у д и н. Так Фаддей-мельник вам сватает?

Ф е т и н ь я. Да, так-таки, и он кланяется и божится за него, как за дворянина.

А н к у д и н. Ха-ха-ха! .. он вас морочит; а ведь и ко мне он жа, из той жа и деревни приходил сватать, только крестьянина.

Ф е т и н ь я. Неужто?

А н к у д и н. Стану ль я тебя обманывать... да вот он и сам катит к нам.

ЯВЛЕНИЕ IV

М е л ь н и к и п р е ж н и е.

Ф е т и н ь я. Поди-тка, поди, соседушка, разбери нас; ведь ты сватаешь за дочь-ту мою дворянина?

М е л ь н и к. Ты его видела? ..

Фетинья. Видела.

Мельник. И спрашивать нечего.

Анкудин. Как жа, а ко мне ты приходил с детиной и называл его крестьянином?

Мельник. Я и теперь в том стою, и коли милости вашей в потребу, так мы его и на лицо выставим.

Анкудин и Фетинья (*оба*). Подай-ка сюда, мы и посмотрим.

Мельник. За нами дело не станет. (*Ухватя их обоих, поет.*)

И теперь я то пою,
В своем слове я стою.
Этой ночи,
Что есть мочи,
Я чудес вам натворю:
Тебя с нею помирю!
Подождите,
Не ходите,
Жениха вам покажу
И все дело развяжу. (*Уходит, и они все, смотря ему вслед.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, кроме мельника.

Анкудин. Старуха!.. как ты смышляешь? сват-ат наш не дьявольщину ль какую городит и уж не оборотня ли нам сватает?

Фетинья. Чего доброго и быть так.

Анкудин (*поет*).

Вижу я, колдун морочит:
Обмануть нас всех трех хочет;
Только как колдун ни дюж,
Да ведь я и сам уклюж:
Как обман его я смечу,
То, как чорта, изувечу.
Провожу с двора дубьем... (*2 раза*)

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Мельник (пьяный и с балалайкой), Филимон и прежние.

Мельник. Ну-те-тка... (*К старику.*) Этого ли я к тебе приводил?

Анкудин. Этого, этого, не спорное дело, только брат...

М е л ь н и к (*к старухе*). А ты с ним ли на дороге-та столкнулась?

Ф е т и н ь я. С ним, точнехонько.

М е л ь н и к. А у невесты и спрашивать нечего.

А н ю т а (*подходя к ним, рассматривает Филимона; он ей кланяется, и она ему*). Он! .. точнехонько он! .. как же я рада!

Ф е т и н ь я. Да ведь он дворянин, ты сказывал?

М е л ь н и к. Да еще и природной.

А н к у д и н. Почему жа мне называл ты его крестьянином?

М е л ь н и к. А потому жа, что это правда.

А н к у д и н. Что ж за чертовщина такая? Дворянин и крестьянин; нет! нет, видно, брат-сват, ты нас морочишь.

А н ю т а. Батюшка и матушка, что до того нужды? пускай он хоть пастух будет, да мне полюбился; не думайте, отдавайте скорее.

М е л ь н и к (*берет старика и старуху за руки; сперва к старику*). Ты за него отдать думаешь?

А н к у д и н. С охотой бы.

М е л ь н и к (*к старухе*). А ты, сватьюшка?

Ф е т и н ь я. И я бы не упрямилась, коли дворянин он.

М е л ь н и к. Ладно, слушайте ж, что я вам петь буду. (*Настраивает сперва балалайку, потом поет.*)

Уж как шли старик с старухой из лесочка,
Из лесочка,
С ними дочка,
Пригожайка... (*2 раза*).
Навстречу им попался сосед-мельник,
Сосед-мельник,
Не бездельник,
Ворожайка... (*2 раза*).
Сосед-мельник загадает им загадку,
Им загадку,
Правду-матку
Загадает... (*2 раза*).
Ещо что да таково,
На Руси у нас давно:

Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам и пашет, сам орет
И с крестьян оброк берет.

Отгадайте!
Толк в том дайте.

Не болтайте,
Отгадайте... (2 раза).

Анкудин. Чорт разве это отгадает, а не мы, грешные!

Мельник (*продолжая петь*).

Старики мои догадки не имеют,
Не имеют,
Не умеют
Отгадати... (2 раза).
Так ин мне пришло загадку разгадати,
Разгадати,
Не солгати,
Объявити... (2 раза).
Ища вот да что оно,
На Руси у нас давно:
Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам и пашет, сам орет
И с крестьян оброк берет.
Это знайте:
Это знайте,
Не вступайте
Больше в спорец.
Его знают,
Называют
Однодворец!..

Слышали ль?.. он однодворец, а однодворец — и дворянин, и крестьянин — все один.

Анкудин. Вот-на! а я, хоть бы те треснуть, не домыслился этого.

Мельник. Ну, теперь спору больше нет?

Анкудин. Нисколько.

Фетинья. И я ни словечка. (*Особливо.*) Ведь все уж дочь-та моя будет не за простым мужиком-охреяном, а таки хотя за половиною да дворянином.

Анкудин. Пускай, пускай по-твоему.

Мельник. Нечего ж и смышлять больше, ну-тка, в доброй час веселым пирком да за свадебку.

Фетинья. Во святой час! по рукам да и замуж.

Анкудин. Спасиба, брат соседушка, правду молвить, удружил всем нам. (*Зачинает петь.*)

Теперь у нас, старуха, нету спора:
Приходит наше дело до сговора.

Хор

Мельник.	Все.
Так... я к вам, мои други, Я не даром приходил, Я вам свадьбу снарядил, Всем вам, всем вам угодил.	Вот... друг наш сват Гаврилыч, Сват не даром приходил, Он нам свадьбу снарядил, Всем нам, всем нам угодил.

Фетинья.

Крушить не буду молодость девичью,
Сыскала жениха ей по обычью.

Хор

Мельник.	Все.
Так... я к вам, мои други *и пр.*	Вот... друг наш сват Гаврилыч *и пр.*

Филимон.

Теперь мое сердечушко на месте:
По нраву я пришел моей невесте.

Хор

Мельник.	Все.
Так... я к вам, мои други *и пр.*	Вот... друг наш сват Гаврилыч *и пр.*

Анюта.

Не грезилось младеньке и не снилось,
Замужество чтоб такое мне случилось.

Хор

Мельник	Все.
Так... я к вам, мои други *и пр.*	Вот... друг наш сват Гаврилыч *и пр.*

Мельник.

Как женится на девочке детинка,
То придет мне в карман от них полтинка.

Хор

Мельник.

Так... я к вам, мои други,
Я не даром приходил,
Я вам свадьбу снарядил,
Всем вам, всем вам угодил.

Все.

Вот... друг наш сват
Гаврилыч,
Сват не даром приходил,
Он нам свадьбу снарядил,
Всем нам, всем нам угодил.

Все.

Зачинать пора пирушку нам смекать,
И в веселости затеем куликать.

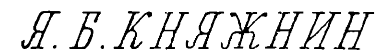
Мельник (*поет к Анкудину*).

Поведи-ка ты к себе нас, доброй тесть:
У тебя вина и пива много есть.

Все.

Поведи-ка ты к себе нас, доброй тесть:
У тебя вина и пива много есть. (*Все отходят.*)

Сим оканчивается третье действие и опера



НЕСЧАСТЬЕ ОТ КАРЕТЫ

НЕСЧАСТЬЕ ОТ КАРЕТЫ

Комическая опера в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Господин Фирюлин
Госпожа Фирюлина
Анюта, дочь Трофимова
Лукьян, ее любовник
Трофим, отец Анюты
Афанасий, шут
Клементий, приказчик
Толпа крестьян

Действие происходит в деревне господина Фирюлина *, находящейся недалеко от Санктпетербурга.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет долину, окруженную горами; на одной стороне видны вдали крестьянские избы.

Лукьян (один).

Лукьян (*имея в руках связку*). Уф! как я устал, бежав из города. Я только вчера отсюда, а кажется, будто год моей Анюты не видал. . . отдохнуть не могу. . . но напрасно я так торопился. Солнце еще высоко. Вот день, в которой я счастлив буду. Чрез час. . . да! чрез час. . . повсюду будешь ты со мной. . . чрез час будешь ты моя жена,— Анютушка будет моя. . . какая это радость! Анюта, вот дары тебе, которые я в городе купил.

Ария.

Вот розовой тебе платок.
Когда, меня цалуя, ты краснеешь,
Тогда ты цвет такой в лице имеешь.
Вот бисер, бел, как снег; но он далек
От белизны Анюты дорогия.
О, пышные вы жители градские,
Которых видел я в сей час,
Стократно я счастливей вас.

Пойду, пойду к любезной Анюте. . . а! да вот и она.

ЯВЛЕНИЕ II

Лукьян, Анюта.

Анюта. Насилу я тебя дождалася.
Лукьян. Здравствуй, Анютушка, голубушка!
Анюта. Можно ли так долго замедлиться в городе!
Лукьян. Я бы виноват был, когда бы не ты сама была

тому причиною. Я все искупил, что для тебя и для меня надобно.

Анюта. Итак, сегодни совершенно буду я твоя?

Лукьян. Сегодни! Я так тебя люблю, что едва счастью моему верю.

Анюта. О чем сомневаться? Батюшка мой видел, как ты бежал в деревню. Он пошел уже к попу и, я думаю, скоро к нам будет сказать, что поп в церкви; а после не только приказчик, и барин сам не сможет нас разлучить.

Лукьян. Как я счастлив!

Анюта. Скажи, что ты видел в городе?

Лукьян. Шум, великолепие. Золото реками льется, а счастия ни капли. Словом: все то же видел, что видали мы с тобой, когда там жили у старого барина, который нас воспитал, как детей своих, и после смерти которого мы брошены. Но я тебя люблю и тобою любим: мне не надобно целого света. Так ли и ты меня, Анютушка, любишь, как я тебя люблю?

Анюта. Люблю ли я тебя? не стыдно ли тебе? Я сегодни за тебя замуж выхожу, а ты сомневаешься! ты тем меня огорчаешь. И я бы на тебя рассердилась, если бы [не] такое время было.

Ария.

Ты сомненьем огорчаешь
Нежность сердца моего
И блаженство помрачаешь
Дня счастливого сего.
Если, как ты уверяешь,
Страстно так меня любя,
Счастье все во мне включаешь,
Нет счастливее тебя.

Лукьян. Не сердись, Анютушка! я виноват... но чем же я виноват? — моя чрезвычайная любовь тебе досадила. Мне кажется, никому нельзя так много любить, как я тебя люблю.

Дуэт.

Лукьян.

Люби ты так меня,
Как я люблю тебя,
Как я люблю сердечно.

Анюта.

На то хочу я жить,
Чтобы тебя любить,
Чтобы любити вечно.

(Вместе.)

Лукьян.
Боюсь увидеть и во сне,
Чтобы лишиться мне тебя.
Анюта. (Вместе.)
Любить тебя, вот счастье мне.
Мне все противно без тебя.

Лукьян. Вот и батюшка твой! Что он так печален?

ЯВЛЕНИЕ III

Трофим, Лукьян, Анюта.

Анюта. Что тебе, батюшка, сделалось?

Лукьян. Уже ли поп в церкви?

Трофим. Нет еще.

Лукьян. Да от чего же ты так грустен?

Трофим. Ох, друг мой, Лукьянушка,— беда!

Анюта. Скажи, батюшка, что такое?

Трофим. Беда! чего тебе больше,— беда!

Анюта. Что, разве поп не хочет венчать?

Трофим. Не то!

Лукьян. Умилосердись, скажи, что такое?

Трофим. Не пугайся: приказчик приехал.

Лукьян. Что ж это за беда?

Трофим. Это не беда, что он приехал, да то, что пристал у попа на дворе.

Анюта. Какая ж и то беда?

Трофим. И то не беда, что он пристал у попа; да то беда, что он, Анютушка, сердит. А даром он никогда сердит не бывает.

Лукьян. Ну, так мы ему за то заплатим, чтобы он перестал сердиться.

Трофим. Боюсь, чтоб нам слишком дорого не заплатить. Я его так сердитого и никогда не видал. Я пришел к попу и, отправя им обеим по поклону, сказал: «Батюшка, пожалуй в церковь,— уже и Лукьян из города воротился. И твою милость, господин приказчик, просим на свадебной пир», а он, как зверь, посмотрел на меня и закричал: погоди, это не уйдет, и сегодни свадьбы не бывать.

Лукьян. Свадьбы не бывать!

Трофим. Да, Лукьянушка.

Анюта. Да для чего же?

Трофим. Не знаю, Анютушка.

Лукьян. Пойду к этому злодею, которой счастие мое удаляет; пойду, пускай возьмет, что хочет, я все отдам, лишь только б не препятствовал мне сегодни быть благополучным.

Боже мой! как мы несчастливы! нам должно пить, есть и жениться по воле тех, которые нашим мучением веселятся и которые без нас бы с голоду померли. Пойдем, Трофим, пойдем и ты, Анютушка. Помогите мне его упрашивать.

Анюта. Да вот и приказчик. Зачем с ним так много людей?

Трофим. Ахти! он еще сердитее кажется.

ЯВЛЕНИЕ IV

Трофим, Лукьян, Анюта и приказчик Клементий с крестьянами.

Приказчик. Возьмите его.

Трофим. Господин приказчик!

Приказчик. Чего?

Трофим. Помилуй, я милости твоей челом бью овцой.

Приказчик. Изрядно. Возьмите же его.

Трофим. Помилуй, и бараном.

Приказчик. Очень хорошо. Что вы стали? Да! Лукьяна возьмите.

Трофим. А я право думал, что меня; кабы еще немного, всю бы скотину отдал.

Лукьян. А за что бы взять меня?

Приказчик. Я знаю за что.

Лукьян. Ты знаешь, да я не знаю.

Трофим. Не спорь, Лукьянушка,— ведь он приказчик. Уж он знает, что делает.

Лукьян. Он приказчик, однако у нас и барин есть.

Приказчик. Да по чьему же, когда не по барскому приказу, я это делаю? Он мне прислал указ, и вот я его вам прочитаю. (*Приказчик читает.*) «О, ты! которого глупым и варварским именем Клементия доныне бесчестили, из особливой моей к тебе милости за то, что ты большую часть крестьян одел по-французски, жалую тебя Клеманом» *.

Приказчик при этом слове смотрит на всех, и мужики кланяются.

Трофим и мужики. Дай бог счастия в новом чину!

Приказчик (*продолжает читать*). «И впредь повелеваю всем не оф. . .ан! . . си. . . ро. . . вать». (*Перестает читать.*) Не офансировать *. Это, кажется, не чин; однако я не разумею. (*Читает.*) «Не офансировать тебя словом Клементия, а называть Клеманом».

Приказчик (*спесиво смотря на всех*). А называть Клеманом! слышите ли?

Трофим и мужики. Слышим-ста; слава богу, мы все ради!

Приказчик (*продолжает читать*). «Между тем знай, что мне прекрайняя нужда в деньгах. К празднику надобна мне необходимо новая карета. Хотя у меня и много их, но эта вывезена из Парижа. Вообрази себе, господин Клеман, какое бесчестие, не только мне, да и вам всем, что ваш барин не будет ездить в этой прекрасной карете; а барыня ваша не купит себе тех прекрасных головных уборов, которые также прямо из Парижа привезены. От такого стыда честной человек должен удавиться. Ты мне писал, что хлеб не родился; это дело не мое, и я не виноват, что и земля у нас хуже французской. Я тебе приказываю и прошу, не погуби меня; найди, где хочешь, денег. Теперь уже ты Клеман и носишь, по моей синьёрской милости *, платье французского бальи *. Итак, должно быть тебе умнее и проворнее. Мало ли есть способов достать денег. Например, нет ли у вас на продажу годных людей в рекруты. Итак, нахватай их и продай. Фирюлин».

Приказчик. Ну! видите ли, что я не виноват и барское приказание исполняю? Поздравляю тебя, Лукьян, служивым.

Анюта. Я повсюду готова с тобою. Где будешь ты, там мне везде хорошо.

Трофим. А мне с кем же остаться,— все меня оставить хотят.

Приказчик. Не суетись, Трофим. Ведь он еще не женат. Анюта твоя и нам нужна. Есть люди, которые ее не меньше Лукьяна любят.

Анюта. Да я их любить не могу.

Приказчик. Как ты не можешь приказчика любить? любить Клемана?

Анюта. Не только приказчика, ни барина и никого; Лукьян мне всех милее.

Приказчик. Увидим, увидим.

Лукьян. А что ты сделаешь?

Приказчик. Что я сделаю? только что Анюта будет моя.

Лукьян (*взяв Анюту за руку, с грозным видом*).

Ария

Доколе стану жить,
Того не может быть!
Когда с душою разлучуся,
Тогда, тогда ее лишуся!
А прежде нет, не может быть!
Чтобы ее меня лишить,

Ко мне осмелься приступить.
Увидишь то, кто все теряет,
Тот все на свете презирает.

ЯВЛЕНИЕ V

Приказчик, Трофим, Анюта, Лукьян, шут.

Приказчик. Зачем ты, Афанасий?

Шут. Как зачем! барин и с барыней ездят на охоте и скоро сюда будут. Здравствуй, Трофим, здравствуй... ба! Лукьян, за что тебя мужики, схватив, держат?

Приказчик. За то, что годится в солдаты; а барину надобно новая карета.

Шут. О, он виноват!

Лукьян. Еще одну вину позабыл сказать.

Шут. Какую?

Лукьян. Что хочет у меня отнять Анюту.

Шут. Он прав.

Лукьян. Я без нее жить не могу.

Шут. А приказчику какая в том нужда? было б ему хорошо. И я, когда бы не был женат, соблазнился бы не только тебя, но и всех приказчиков отдать в солдаты, чтоб Анютою владеть.

Приказчик. Вот Афанасий дело говорит.

Ария

Как свежей на кусту цветок,
Которого не трогал ветерок,
Листки пред солнцем открывает,
И всяк его сорвать желает,—
Анюта наша такова,
Всем нравится и всем мила.

Приказчик (*к мужикам*). Я пойду навстречу барину, а вы смотрите за ним.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анюта, Лукьян, Трофим, шут.

Лукьян. Я думал, что ты вступишься за нас, но и ты сторону берешь бесчеловечного приказчика.

Шут. Что ж мне делать? сам виноват. Ты вырос так, что можно на тебя купить около трети кареты; не выростать было так дорого.

Лукьян. Ты шутишь, а у меня не смех на уме. Тебе хо-

рошо; хотя ты по-французски и не разумеешь, однако барин тебя любит, а только мы несчастливы.

Трофим. Мы, бедные, несчастливы!

Шут. И вам бы не дурно было, когда бы вы шутить умели.

Ария

Полезным быть — нет хуже ничего.
На свете таково:
Кто шут, кто плут,
Того не гнут;
А тот страдает,
Кто работает.
О чем грустить, стонать;
На свете все плевать, плевать.
По дудочке чужой плясать, вот вся наука, —
Быть шутом, плутом, в том вся штука.

Трофим. Помилуй, вступись за нас у барина.

Анюта. Сжалься над нами, Афанасьюшка!

Шут. Я бы сжалился, кабы льзя было; да барин-та у нас такой, что ничем русским его нельзя умилосердить.

Трофим. Что это за диковина?

Шут. Он и имен русских ненавидит; и меня, нарядивши в праздничное отца своего платье, перекрестил из Афанасья,— Буфоном *.

Трофим. Какая ему в том нужда?

Шут. О, великая!

Трофим. Разве он богатее будет от того?

Шут. На что ему богатее быть? он и так доволен; и теперь только остается ему дурачиться.

Лукьян. Оставьте пустяки. Афанасий, помоги нам, ты можешь много у барина, и я тебе заслужу.

Шут. Вот, Лукьян говорит, как надо умному.

Анюта (*отдавая дары Лукьяновы*). Возьми все, что я имею; у меня только и есть, что Лукьян мне купил. Возьми; мне ничего не надобно, лишь только избавь его.

Шут (*взяв*). Она еще умилительнее и Лукьяна говорит.

Трофим (*вынув деньги*). Вот и от меня, а после. . .

Шут. Еще.

Лукьян (*показывая деньги*). Когда ты поможешь нам, вот мои последние деньги; они все будут твои.

Шут. Фу, пропасть, что это за люди,— от них отговориться не можно! Лукьян, ты можешь мне теперь отдать деньги, я уверяю, что вас отстою. (*Лукьян ему отдает деньги*). Подите, успокойтесь, я слышу охотничьи рога. Барин наш близко едет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Приказчик и прежние.

Приказчик. Возьмите, скуйте вы его.
Трофим. За что и чем я виновен?
Приказчик (*к Трофиму*).

Не до тебя, до зятя твоего
Мне дело есть.
Ты стар, так ты невинен. (*К мужикам.*)
Лукьяна скуйте, да, его.

Шут и Лукьян (*вместе*). Куют плутов: вели сковать себя.

Приказчик.

И ты передо мной еще бесчинен!
Заставлю я тебя учтивым быть,
Тебя приму в свои я руки.

Лукьян. Чем винен я, за что такие муки?
Трофим. Чем винен я, за что такие муки?
Анюта. Вели мне с ним делить все страшны муки.
(*Вместе.*)

Анюта.

Вели меня, вели ты с ним сковать:
Готова с ним страдать и умирать. (*Упав к ногам приказчику.*)
Помилуй, сжалься надо мною.

Лукьян.

Не плачь, владей сама собою,
Страданье прекрати и стон.
Невинен я, что может сделать он?

Мужики, Трофим, Анюта, Лукьян.
Велико дело, ведь приказчик он!

Шут.

Велико ль дело, что приказчик он!

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Лукьян (один, в цепях)

Лукьян.

Среди надежды и боязни
Колеблюсь и мятусь...
Ах, если я ее лишусь!..
Какие нестерпимы казни!
Я млею, трепещу...
Но, может быть, напрасно я грущу,
Премену, может быть, моей увижу доле;
А если мне уже не будет средства боле,
Во смерти я прибежище сыщу.

ЯВЛЕНИЕ II

Трофим, Лукьян.

Лукьян. Что скажешь, Трофим?

Трофим. А что, ничего. Бедной Лукьян! Бедной Лукьян!

Лукьян. Говори скорея: я на все изготовился.

Трофим. Дурно, Лукьянушка!

Лукьян. Конечно, Афанасий ничего не мог сделать.

Трофим. Он просил за нас, да ничего не выпросил; приказчик пересилил. И барин за него Анюту выдает.

Лукьян. Ну, все теперь кончилось!

Трофим. Как мне жаль тебя!

Лукьян. Так надежды никакой не осталось?

Трофим. Видно, что никакой. Афанасий уже пошел за тем, чтоб нам все отдать, что у нас взял; не тужи, и твои деньги принесет.

Лукьян. Перед ним! мне ничего не надобно!

ЯВЛЕНИЕ III

Трофим, Лукьян, Анюта.

Анюта (*с поспешностью вбежав*). Лукьян! ах, что делать?

Терцет

Лукьян. О, нестерпима часть!
Анюта. О, гибельная страсть.
Трофим. Приказчикова власть!
Все.

Я с тобою погибаю,
Я тебя навек теряю.
Ах! навек, навек прости!
Можно ль, можно ль то снести?

ЯВЛЕНИЕ IV

Трофим, Лукьян, Анюта, шут.

Шут. Вот я тотчас вам принесу, что у вас взял.

Трофим. А я думал, что ты и принес.

Шут. Нет еще. Ведь не так легко отдать, как взять. У всех людей привычка, что берут, как хватают, а отдавать тяжелы. А тебе, Лукьян, отдавать ли деньги? ведь ты умирать хочешь... ась! не надобно... слышу. Вот ему-то прямо свет постыл. Плюнь на все, умри; это лучший способ. Ты не можешь поверить, как этот свет плох. Право, он того не стоит, чтоб в нем жить. Видишь, от каких безделиц беда. Ты влюблен в Анюту, Анюта в тебя, в Анюту приказчик, барин в карету, а карета безденежно никого не любит. А от этого и все хоть брось. Я, как друг, тебе советую умереть.

Ария

Провал возьми весь свет,
Где столько бед,—
То от карет,
То от манжет,
То от Анют
И где приказчик плут!

Однако, я еще не отчаяваюсь: барин сам сюда скоро приедет. Вы сами его попросите, я вам буду помогать; авось-либо... Лукьян! не умеешь ли ты по-французски?

Лукьян. На что это?

Шут. То-то бы хорошо было.

Лукьян. Я немного слов французских выучил, когда жил при старом барине; и Анюта также знает.

Шут. Как это хорошо! Теперь, пожалуй себе, не умирай; деньги твои верно будут мои.

ЯВЛЕНИЕ V

Фирюлин, Фирюлина, приказчик, шут; а в отдалении Трофим, Анюта, Лукьян.

Фирюлин. Варварской народ! дикая сторона! Какое невежество! какия грубые имена! как ими деликатес * моего слуха повреждается! Видно, что мне самому приняться за экономию и переменить все названия, которые портят уши; это первое мое дело будет.

Фирюлина. Я удивляюсь, душа моя! Наша деревня так близко от столицы, а никто здесь по-французски не умеет; а во Франции от столицы верст за сто, все по-французски говорят.

Шут. Есть чему дивиться! Вы, я думаю, с мужем скоро и тому станете удивляться, что собаки лают, а не говорят.

Фирюлин. Ха, ха, ха! как это хорошо сказано! По чести, здесь говорят, как лают. Какие врали! Не правда ли?

Шут. То так, когда посмотришь на вас.

Фирюлин. Когда посмотришь на нас, великую разницу увидишь,— не правда ли? А и мы еще, и мы, ах! — ничего перед французами.

Шут. Стоило ездить за тем, чтоб вывезти одно презрение, не только к землякам, да и к самим себе.

Фирюлин. Довольно бы, правду сказать, было и этого; но мы с женою вывезли еще много диковинок для просвещения грубого народа: красные каблуки * я, а она чепчики. . .

Фирюлина. Которые почти все разошлися, и теперь надобно самой покупать; а денег. . .

Фирюлин (*к приказчику*). Клеман, дорогой Клеман нам поможет.

Приказчик. Извольте быть надежны, деньги будут.

Фирюлин. А девочка будет твоя, о которой ты просил.

Шут. Вывезли много вы диковинок, а жалости к слугам своим ничего не привезли; знать, там этого нет.

Фирюлин. Жалости к русским? ты рехнулся, Буфон. Жалость моя вся осталась во Франции, и теперь от слез не могу воздержаться, вспомнив. . . О, Paris! . .

Шут. Это хорошо! плакать о том, что вы не там, а слуг своих без жалости мучить; и за что? чтоб французскую карету купить.

Фирюлин. Перестань и не говори о этом! Нам, несчастным, возвратившимся из Франции в эту дикую сторону, одно

только утешение и осталось, что на русскую дрянь, сделав честной оборот, можно достать что-нибудь порядочное французское; да и того удовольствия хотят нас лишить.

Шут. Теперь живите, как хотите; я вам сказываю, что от вас уйду. И можно ли при вас жить? Того и бойся, что променяют на красной французской каблук.

Фирюлин. Нет, нет, тебя я не отдам.

Шут. Да разве хуже меня продаете? (*Указывая на Лукьяна.*) Посмотрите, какого молодца, которой еще и по-французски знает.

Фирюлин. И по-французски? Mon Dieu *! что я слышу!

Фирюлина. Ах! Mon coeur *! он по-французски знает, а скован! это никак нейдет.

Фирюлин. Это ужасно, horrible *! Снимите с него цепи. Mon ami *! я перед тобой виноват.

Приказчик. А карета французская...

Шут. Молчи, плут.

Фирюлин. А это что за девочка? она не дурна.

Лукьян. Ах, сударь! это та, которую я люблю больше себя, которая меня любит и которую вы отдаете за приказчика.

Фирюлин. Что делать, я слово дал.

Анюта.

Отец твой нас любил, а сын его терзает.
Жестокой, жизнь мою в Лукьяне отнимает.

Лукьян.

Вели ты умертвить меня в сию минуту,
А после уж отдай иному ты Анюту.

Анюта и Лукьян (*вместе*).

На слезы посмотри
Тебе подвластных,
Страданье прекрати
Тобой несчастных!

Фирюлин. Parbleu *! я этому б не поверил, чтобы и русские люди могли так нежно любить. Я вне себя от удивления! Да не во Франции ль я? Что он чувствует любовь, тому не так дивлюсь,— он говорит по-французски. А ты, девчоночка, а ты?

Шут. И она разумеет.

Фирюлин. И она? теперь меньше дивлюсь.

Лукьян (*на коленях*). Monseigneur *! сжальтесь над нами!

Анюта (*на коленях*). Madame! вступитесь за нас.

Фирюлин. Monseigneur! Madame! встаньте, вы меня этими словами в такую жалость привели, что я от слез удержаться не могу.

Шут. Оставленную жалость во Франции вытащили оттуда два французские слова. Видите ли вы, какого сокровища лишал вас плут приказчик?

Фирюлин (*грозя приказчику*). Monsieur Клеман, ты бездельник.

Фирюлин. Mon cher *! соединим их; они достойны друг друга и достойны жить при нас.

Приказчик. Разве вы изволили отдумать карету покупать?

Фирюлин. Нет, но у меня еще много людей и без него; а мне такой лакей надобен, которой знал бы по-французски, чтоб ездить за мной. (*К Лукьяну.*) Соглашаешься ли ты никогда не говорить по-русски?

Лукьян. Я вам клянуся, и это мое последнее русское слово.

Шут (*Лукьяну*). Смотри же не промолвись. (*Фирюлину.*) Видите ли, какой он вам полезной человек.

Ария.

Какая это радость,
Какая сердцу сладость,
Коль, стоя назади,
Не говоря по-русски,
И вместо, чтоб кричать — поди!
Кричать он будет по-французски!
Какая это радость,
Какая сердцу сладость,
Как станет он о чем шуметь,
На улице никто не будет разуметь!

Фирюлин (*Лукьяну*). Ну, mon ami! женись на ней, mariez-vous *, теперь я тебе позволяю.

Фирюлина. Я этому очень рада! Они так друг друга любят, что мне, по чести, за них было тошно.

Трофим (*кланяясь Фирюлину*). Ты отец...

Фирюлин. Что это за тварь меня отцом называть смеет? Разве мой батюшка был твой отец, а я не хочу такому свинье отцом быть. Впредь не отваживайся.

Шут. Ни слова по-французски не разумеет, а туды же лезет.

Трофим. Не я, да кровь во мне говорит, Афанасьюшка.

Фирюлин (*к Лукьяну и Анюте*). Ну, вы теперь счастливы; я тому рад. Мы едем, а вы, женясь, приезжайте к нам в город.

Фирюлин и Фирюлина уходят.

Шут (*к приказчику*). Приказчик! что ж ты не зовешь к себе на свадьбу?

Приказчик уходит с сердцем.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Шут, Лукьян, Анюта, Трофим и крестьяне.

Шут. Ну, видите ли, когда я чего захочу, то все сделаю.

Лукьян. Ты жизнь мне дал; будь уверен, что я вечно не забуду твоего благодеяния.

Анюта. И я.

Трофим. И я.

Шут. О чем вы плакали? Где шут Афанасий, там надобно смеяться. Видите ли, что на свете ни о чем не надобно тужить и никогда не надобно прежде времени умирать.

Должно ль, чтоб нас жизнь крушила,
Хоть и много в жизни зла?
Вас безделка погубила,
Но безделка и спасла.

Лукьян.

Никогда не позабуду,
Чем меня ты одолжил;
В ней всечасно видеть буду,
Что мне жизнь ты возвратил.

Анюта (*к шуту*).

Что напасти окончались,
Тем должна тебе и я. (*Лукьяну.*)
Мы с тобой всего лишались,
Но ты мой, а я твоя.

Трофим (*шуту, кланяясь*).

Афанасью благодарен,
Что Анютушка жива.
Ох! скрутил-было нас барин!
Ох! французска голова!

Хор.

Должно ль, чтоб нас жизнь крушила,
Хоть и много в жизни зла?

Шут. Вас безделка погубила
Крестьяне. Вас безделка погубила, } (*Вместе.*)
Трофим. Вас безделка погубила,
Лукьян. Нас безделка погубила, } (*Вместе.*)
Анюта. Нас безделка погубила,
Все. Но безделка и спасла.

Конец оперы

М. МАТИНСКИЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСТИНЫЙ ДВОР

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСТИНЫЙ ДВОР

Комическая опера в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сквалыгин, Ферапонт Пафнутьевич, богатой купец
Саламанида Мироновна, жена его
Хавронья, дочь их
Крючкодей, Аксен Филимонович, отставной регистратор, жених Хавроньи
Прямиков, офицер
Щепеткова, барыня, должница Сквалыгина
Крепышкина, заимодавица Сквалыгина
Проторгуев, Федул Вахромеев
Перебоев, Феклист Парамонов
Разживин
Смекалов
} купцы, должники Сквалыгина
Улита Сафроновна, жена Проторгуева
Афросинья Евстигнеевна, жена Перебоева
Дружка
Сваха
Секретарь
Хвалимов, купец, племянник Сквалыгина
Вдова, должница Сквалыгина
Сын вдовы 9-ти лет
Дочь 8-ми лет
Мужик, крестьянин
Приказные служители, официанты
Девушки песенницы, театральные танцовщицы

Действие 1-е в Гостином дворе, 2-е и 3-е в доме Сквалыгина в Санктпетербурге.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Скваλыгин, Разживин, Проторгуев, Перебоев и Смекалов.

Скваλыгин (*Разживину поет*).

Ну чтож, дружок,
Когда ж должок
Ты мне заплатишь?

Разживин (*поет*).

Я с деньжонками собьюся,
И коё-как расплачуся;
Только-сте пожалуй дни два потерпи.

Скваλыгин (*Проторгуеву поет*).

А ты что стал?
Вить срок настал
Платить по счетам.

Проторгуев (*поет*).

Хоть и время уж доспело,
И платить бы мне довлело;
Только-сте маленько потерпи на мне.

Скваλыгин (*обоим*).

Я сейчас пошлю сыскную
И прижму я вас вплотную;
Нет отсрочки никакой,
Расплатитеся со мной.

Разживин и Проторгуев.

Посылать на что сыскную,
Разглашать молву дурную?
Ты пожди лишь день, другой,
Мы расплатимся с тобой.

Скваλыгин (*Разживину*). Я тебе сказываю, что теперь же подавай деньги. Срок векселю минул. Ты денежки хоть на

камешке роди, а мне с рекамбией заплати. Не уступлю тебе ни полушки.

Разживин. Ферапонт Пафнутьевич! напомните тововона-тка смертной час и помилосердуй. Вить-сте милость твоя и так по двадцати четыре процента * с меня лупит.

Сквалыгин. Ты думаешь, велика мне от этого прибыль! Нынче, брат, дают с радостью по пяти копеек и по гривенке на рубль в месяц *.

Разживин. Эдак-сте тововона-тка токмо одни жиды делают, а твоя милость веть не жидовское отродье. Воля-сте твоя, Пафнутьевич... Всеконечно тововона-тка и бога-та ты уж забыл.

Сквалыгин. Ври, что помнишь, а я на эти базгалы не смотрю... *(Отходя.)* Чтобы сейчас были! *(Проторгуеву.)* А ты, молодец, теперь же за товары заплати и счет окончи, а не то, сегодни ж в магистрат!

Проторгуев. Эдакой-сте касимовской татарин! Никак на те креста нет? Веть-веть-веть товары-то ты дал с обожданием. Ну так-так что ж ты меня как на правеже поставил? Видно-видно, что душа то в тебе как-как-как буркольцо вертится. Усовестись-сте!

Сквалыгин. Какая тут совесть! веть я не письменно ждать обещался. Ну, так подай их назад, а ждать не хочу.

Проторгуев. Да-да-да где ж мне их взять-сте, когда я их почти все в долг роздал? Курьеза-сте ты, а-а-а не человек. Я-я-я эдакого другого еще родясь не видывал. Веть-веть я-сте плачу тебе за то проценты.

Сквалыгин. По двадцати-то? Разве я своему добру лиходей? *(К обоим.)* А коли хотите, чтобы я потерпел, так отрежьте мне аршинчиков по десятку чего-нибудь. *(К Разживину.)* Ты тафтички. *(К Проторгуеву.)* А ты хоть ситчику. *(Отдаляется.)*

Разживин. Как ты, брат, тововона-тка об этом деле смекаешь?

Проторгуев. Что ж делать? Уж-уж заткнем ему окаянному глотку.

Сквалыгин *(подступил.)* Ну, что ж, согласны ли? Или я теперь же...

Разживин *(отдает Сквалыгину)*. Извольте тововона-тка принимать. Владей на здоровье!

Проторгуев. Перед тобою-сте, коли-коли вымозжил.

Сквалыгин. Теперь я и пойду, только смотрите ж, скорей исправляйтесь. *(Отходя.)* Что урвал, то и наше. Так-то и всегда жить надобно!

Разживин. Чтоб тебе этим тововона-тка глаза покрыть собачьему сыну!

Проторгуев. Саван бы тебе из-из-из этого сшить окаянному жиду.

Сквалыгин (*подходя к другой стороне*). Дай-ко и этих поприжму. (*К Перебоеву поет.*)

Дай за лавку
Мне прибавку,
Ты мне платишь мал оброк.

Перебоев.

Пощади-сте от накладок,
Я и так пришел в упадок,
Худы-сте торжишки, от всего изъян.

Сквалыгин (*Смекалову*).

Ты двойною
Впредь ценою
За квартиру мне плати.

Смекалов.

Мне уж, право-сте, не в силу
За твою платить квартиру
Эдакие деньги, как прошаешь ты?

Сквалыгин (*обоим*).

Нет ни малой вам уступки,
Нет отсрочки ни на сутки:
Иль теперь же вон ступай,
Иль наем вперед давай.

Перебоев и Смекалов.

Коль не делаешь уступки,
Так по крайней мере сутки
Ты нам времени хоть дай
И нас вон не выгоняй.

Сквалыгин (*к Перебоеву*). Теперь же вон из лавки! Мой должник ее возмет и хоть втрое за нее заплатить принужден будет.

Перебоев. Веть уж уговор об лавке у нас сделан, следовательно, довлело бы тебе-сте держаться своего слова. Мне-ко уж и так прибавки твои невмогуту.

Сквалыгин. А по мне хоть ты волком вой. (*Смекалову.*) За квартиру-то изволь платить ты вдвое: ныне квартирки-та жгутся, или вон выезжай.

Смекалов. Хозяин! милостивец мой! патрон и благодетель! помилуй и покажи резон: статешно ли пить-сте дело ты затеял, якобы в одночасье можно со всем своим скарбишком перетащиться, занележе-сте веть у меня есть такожде хозяйка и ребятишки.

Скалыгин. А мне какая в том нужда! Коли не выедешь добровольно, так я все на улицу повыкидаю.

Смекалов. Ты меня-сте этим не токмо что больно тревожишь, но наипаче вящше того и в конец разоряешь. Это-сте не резонабельно.

Скалыгин. Ин, добро! — Я и потерплю; а вы возьмите у меня эти товарчики *(показывает)* за мою цену. Эдакой доброй тафты и ситцу еще здесь никогда не бывало.

Перебоев. Эти товары не вельми добротны и, следовательно, не лутче наших.

Смекалов. А почему они сте?

Скалыгин. Ситец по два рубли, а тафта по два с полтиною. Тут по десяти аршин. Они отменной доброты, у вас их с руками отнимут. *(Перебоеву.)* Ты хоть тафту. *(Смекалову).* А ты хоть ситец.

Смекалов. О своем ли ты уме! Да эдакой цены нигде и не слыхано.

Перебоев. Они мало толико подмокли и позатасканы.

Скалыгин. О! коли не так, то я уж сказал, что с вами сделаю.

Перебоев. Быть так: следовательно, возьмешь и по неволе. Вот тебе деньги. *(Дает).*

Смекалов. Хоть вздыхай, а деньги давай. Изволь, милостивец, наживайся. *(Дает деньги.)*

Скалыгин *(взяв деньги)*. Ну! прощайте, друзья; нечего мне теперь с вами больше раздобарывать. *(Отходя.)* Сегодни таки попало мне в лапу. *(Уходит.)*

Перебоев. Эдакой ахид!

Смекалов. Эдакой жидомор!

ЯВЛЕНИЕ II

Те ж, Щепеткова и Крепышкина, кроме Скалыгина.

Разживин *(поет)*.

Барыни, сударыни! что угодно вам?

Проторгуев.

Барыни, сударыни! пожалуйте-сте к нам.

Перебоев.

Барыни, сударыни! что надо для вас?

Смекалов.

Барыни, сударыни! товар у нас хорош.

Щепеткова.

Есть ли атлас?
Есть ли гас?

Есть ли шелковы чулки,
И ост-индские платки?

Крепышкина.

Есть ли ленты,
Аграменты?
Есть ли чепчики, цветы
И французские тафты?

Разживин.

Здесь атласы,
Канифасы,
Здесь есть гасы
И каркасы.

Проторгуев.

Здесь есть шелковы чулки
И ост-индские платки.

Перебоев.

Здесь есть ленты,
Позументы,
Аграменты
И флоренты.

Смекалов.

Здесь есть чепчики, цветы,
И французские тафты.

Щепеткова (*Разживину*). Покажи мне атлас.

Разживин. Извольте, матушка, сударыня! эдакой заздравной атлас! луб лубом. Такой доброты ей-ей нигде не сыщете-сте.

Щепеткова (*бросает*). Какой это скверной атласишка! видишь ли? он мшист и мякок. (*Бросает.*) Покажи лучше.

Разживин. Да не мните ж-сте, барани! вить всякой товар тововона-тка лицом продать... Вот вам и другой, сударыня.

Крепышкина (*Смекалову*). Покажи мне кофейную тафту, батька мой, и чепчики.

Смекалов. Вот вам тафты хозовой кончик, ее уж намале у меня осталось; занележе берут-ста наподхват; а чепчики славная мадам Фирюлю делала, и они вельми в моде.

Крепышкина рассматривает.

Щепеткова. Этот очень тонок и много клею. (*Бросает.*) Чорт ли в нем? Эти грубияны никогда с первого разу хорошего не покажут.

Разживин. Да на что-сте бросать-то, барани? Да я тововона-тка десять рублей плачу за аршин, ежели где лутче этого атласу найдете.

Щепеткова. Покажи гас.

Разживин. Вот вам и тововона-тка и гас, барани!

Щепеткова. Узок и гадок! (*Бросает.*)

Разживин. Вот-сте и другой.

Щепеткова. Широк и скверен! (*Бросает.*)

Разживин. Господи боже мой! что это за фигли такие? Это притоманно что-нибудь напущоное. Да я тововона-тка лавкой буду прост, ежели вы где лутче моих товаров сыщете.

Щепеткова (*отходя*). Наплевать на тебя и на твою лавку!

Крепышкина. А почему, мой свет, тафта и чепчики?

Смекалов. Без торгу, барани! тафта одиннадцать гривен, а чепчик четыре монеты с половиною, сударыня!

Крепышкина. Тафта гривен семь бы, а чепчик-ат рублика полтора, сокол мой! ..

Смекалов. Оборони пречистая! Скупенько-сте жаловать изволите. Эдакой цены и слыхом не слыхано.

Крепышкина рассматривает.

Щепеткова (*к Проторгуеву*). Покажи шелковые чулки!

Проторгуев (*показывает*). Эдаких чулок поискать, поискать, барани!

Щепеткова (*бросает*). Взбесился! Эдакую дрянь кажешь! Это русские.

Проторгуев. Вот вам и туринские.

Щепеткова. Какая адская разница! Эти в тысячу раз хуже.

Проторгуев. Это, это бишь русские, а те туринские.

Щепеткова. Так эти скверны, а те лутче. (*Бросает.*) Покажи платки.

Проторгуев. Извольте, извольте.

Щепеткова рассматривает.

Крепышкина. Так за тафту-та по семидесят по две копейки, а за чепчик-ат полтора рубли с пятью копейками. Уступи, белянчик. (*Отходит.*) Посмотреть у другого.

Смекалов. Барани! барани! торгуйте-сте настояще. Истинно за свою цену отдаю. Другой ей-ей дешевле моего не отдаст.

Крепышкина (*ворочается назад*). Ну, ин, еще по копеечке на то и другое прибавлю. (*Отходит.*)

Смекалов. Статное ли пить-сте дело?

Крепышкина (*к Перебоеву*). Покажи мне, голубчик, пюсовых лент и аграментов.

Перебоев (*показывает*). Здесь самые хорошие французские ленты и преславные аграменты.

Щепеткова. Ах! какое мерзкое тряпьё! Это дерюга, а не платки. (*Кидает.*) Нет ничего у тебя хорошего, а кличешь, шалун! (*Расхаживает мимо лавок.*)

Проторгуев (*про себя*). Затейлива, право-сте, ты! Перероет, перемнет, обругает с ног до головы, да-да-да-и да-и поди здорово.

Крепышкина. Почему аршин, голубчик?

Перебоев. Эти ленты и аграменты самолутчие, и, следовательно, за первые нельзя ниже шестидесят, а за другие пяти копеек взять за аршин.

Крепышкина. Уступи, батька, ленты по осьмнадцати копеек, а аграменты-та по две копеечки.

Перебоев. Статешно ли пить-сте дело! Дешевенько жалуете. Это живой наклад и, следовательно, вам не купить.

Крепышкина (*отходит и прохаживается*). Так быть, подождать, пока цена сбудет.

Перебоев (*про себя*). Эдакая покупщица пожаловала, что почти даром просит!

Щепеткова (*к Разживину*). Покажи-ка опять атлас и гас!

Разживин. Нету-ти тововона-тка, барани; продал-сте.

Щепеткова. Эдакой грубиян! (*К Проторгуеву.*) Покажи мне чулки и платки.

Проторгуев. Нет, нет! я-я положил все под гнет. (*Про себя.*) Еще было пожаловала мять да бросать... Пусть прогуляется.

Щепеткова (*поет*).

Отсмею же я купцам эту игрушку,
Не куплю у них я впредь ни на полушку;
То-то сильной будет им удар,
Как сама я выпишу товар!

Крепышкина (*поет*).

Ничего купить нельзя; купцы вздурились,
И ценой они безмерно вздорожились;
А чтоб их за это наказать,
Стану с акциону покупать.

Обе.

Их товары залежатся,
Станут сами набиваться:
Только лишь возьми.

Щепеткова и Крепышкина уходят.

В сии сцены и в последующие до девятой входят разные покупатели, и покупают товары.

ЯВЛЕНИЕ III

Купцы, Сквалыгин и Прямиков.

Прямиков. Здравствуй, брат, старой мой должник! я уверен, что сегодни, конечно, от тебя деньги свои получу, а особливо для того, что я поверил тебе их без расписки; я ж теперь отсюда еду, потому что пожалован я городничим, так намерен жениться и прожить век свой в покое.

Сквалыгин. Счастливой-сте путь желаю вашему благородию; только я теперь пришел в такое изнеможение, что ей-ей, по чести, насущного хлеба не имею.

Прямиков. Ба! как так? Да ты и нынешнем году множество товаров за море отправил?

Сквалыгин. Это хоть и правда, милостивец, однакож все те корабли, на коих мой товаришка находился, занесло из Зунда * в Хвалынское море * и все потопило.

Прямиков. Ну, брат, загуляли ж! Это под Астрахань! Туда на корабле-то не проедешь.

Сквалыгин. Нет бишь, милостивец, не в Хвалынское, а в Каспийское. Я об этом верное известие имею.

Прямиков. Ну, ну, ну! переври сызнова! Да это все равно.

Сквалыгин. Ошибся-сте! как бишь? Дай бог память. Эдакая ромода! (*Приставливает палец ко лбу.*) Право, запамятовал. Да мне помнится, что диво-то-ка не заплатил ли я вам должок-ат?

Прямиков. Мошенник, мошенник, мошенник! Мне давно сказывали, что ты плут; все не хотел верить. Ты, я думаю, рад теперь и присягнуть, что ты заплатил?

Сквалыгин. Вестимо, что заплатил-сте; они и в книге похерены.

Прямиков. Бесчестной человек! Как тебя своя братья терпит? Ты им собою только стыд делаешь! (*Отходя.*) Эти деньги будешь ты помнить! (*Уходит.*)

Сквалыгин. Где гнев, тут и милость, сударь! (*Про себя.*) Ха! ха! ха! ха! Э! брат взял, пошел, как не солоно хлебал. Веть брань на вороту не виснет, а стыд не дым, глаза не выест. (*Увидя Крепышкину и Щепеткову.*) Вот еще этих чорт несет; надобно и их как-нибудь отбоярить.

ЯВЛЕНИЕ IV

Щепеткова, Крепышкина и прежние, кроме Прямикова.

Щепеткова. А! здравствуй, батюшка, Ферапонт Пафнутьевич!

Крепышкина. Здравствуй, мой батька!

Скваłыгин. Покорной-сте слуга чести вашей.

Щепеткова. Я хочу выкупить у тебя мой вексель и взять остальной в поручительстве заклад.

Скваłыгин. Мне помнится, что я заклад ваш по нужде другому заложил.

Щепеткова. Нельзя тому статься, это пустое.

Крепышкина. А я неотменно хочу назад получить от тебя мои деньги, кои в процентах у тебя ходят, и выдать тебе вексель.

Скваłыгин. Во власти вашей. Я не в силах заплатить, потому что в превеликой пришел упадок.

Крепышкина. Ах! батька, как ты лжешь! Да я знаю, что у тебя превеликое множество лавок, фабрик и заводов.

Щепеткова. Также и своих денег много в процентах.

Скваłыгин. Душа бы-сте вон изо пса, ежели есть полушка за душой. (*Поет.*)

Вот каков стал ныне свет;
Баламутит так речами,
Нищих ставит богачами,
Бредит то, чего и нет!
Ныне так мал барышишка,
Не добудешь в день грошишка,
Хоть из лавки вон бежать;
Разве стареньки тряпички
Или серены спички
Ходя в рынке продавать.

Крепышкина. Так изволь знать, что я вексель твой отдала стряпчему для взыскания, потому что добровольно с тебя получить не могла.

Щепеткова. И я также принуждена буду просить на тебя.

Скваłыгин (*вслед*). Видал я эти угрозы! Мне уж не первой дождь на голову.

Крепышкина и Щепеткова отдаляются от лавки вперед театра, и встречаются с Прямиковым.

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж и Прямиков.

Щепеткова. Умилосердись, мой батька! Где ты был?

Крепышкина. Мы тебя нигде найти не могли.

Прямиков. А я все вас искал. Да что такое?

Щепеткова. Знаешь ли что, батюшка? Сквалыгин не отдает мой заклад.

Крепышкина. А мне не хочет платить по векселю денег.

Прямиков. Прошу не погневаться; мы все трое не спросясь броду, да сунулись в воду. Вперед наука, не имей дела с плутом. Он и в моем долгу заперся.

Щепеткова. Как же мне заклад свой получить от него?

Прямиков. Надобно требовать тот вексель, на котором вы заклад в поручительстве подписали. (*К Крепышкиной*). А ваш вексель где?

Крепышкина. Я отдала для взыскания денег регистратору Крючкодею.

Прямиков. Крючкодею? Этому плуту? Веть за этого Крючкодея этот плут Сквалыгин выдает свою дочь! Да он и в доме у него же живет. Ну, ну, так сами вы судите, можете ль вы получить деньги, когда плут плута погоняет?

Крепышкина и Щепеткова (*обе*). Что ж нам делать?

Прямиков. Надобно сыскать этого крючкотворца и вырвать у него вексель. Теперь здесь делать нечего, а ужо поедем к этим плутам на дом и постараемся дело привести в порядок.

Уходят Прямиков, Щепеткова и Крепышкина.

ЯВЛЕНИЕ VI

Сквалыгин, Разживин, Перебоев, Смекалов и Саламанида входят.

Саламанида (*мужу*). Бог на помочь, Пафнутьич!

Сквалыгин. Здравствуй, милочка жонушка! Что ж ты одна? Веть ты хотела быть вместе с нареченным нашим зятем, регистратором Крючкодеем?

Саламанида. Я его послала наперед, а сама зашла к ворожее. Знаешь ли, какая сделалась причина? Веть бочонок-та с вином, которой ты взял с должника за пожданье, совсем рассохся, и вино-то вытекло.

Сквалыгин. Как так? Статимое ли пить это дело? Веть он был полон?

Саламанида. Эдакой ты, батька, неверной! Да, может быть, сперва вино-то усыхало по капельке, после того по рюмочке, а там и по стаканчику. Посмотри поди, веть и обручи посвалились.

Сквалыгин. Эти обручи надобно наколотить на тебя, чтоб ты с вина не треснула. Это твое дело, ты его высушила, пьяница!

Саламанида. Тьфу, батька, с умом ли ты? — Стала ль бы я без ведома твоего делать? Ворожея Федотовна мне ска-

зала, что де бочонок-ат мыши прогрызли, и как ни разведет бобами, ан все точь-в-точь так выходит.

Сквалыгин. Дай-ко мне притти домой! Вот я поворожу над тобой бобами! Добро, это винцо выдет из тебя соком.

Саламанида (*поет*).

Муженек мой дорогой,
Власть твоя, сударь, со мной;
Ты не столь меня побьешь,
Сколь себя ты надорвешь.
Брилиянтовые глазки!
Возврати мне прежни ласки,
Стану впредь над домом лучше надзирать.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те ж и Крючкодей (тащит мужика на театр).

Крючкодей. Я с тобою, плут, сделаюсь! Ступай на съезжу. Ты мне должен заплатить бесчестие и увечье.

Сквалыгин. А! зятюшка нареченной! что с тобою, друг мой, сделалось?

Саламанида. Уж не мужик ли этот тебя обидел?

Мужик. Пожалуй, баценька барин! к цому ты придираёшься?

Крючкодей. Как придираюсь? Разве ты на меня не наехал и оглоблею меня не толкнул?

Мужик. Вольно табе меня всклёпаць.— Вот, послушайтё, цосные осьпода, как это дзело было. (*Поет.*)

Ехал я уличей вместе с обозом,
Правил я истинно лошадью с возом;
Милость твоя церез уличу шел,
Быстро ты, быстро в глаза мне глядел.
Вдруг ты, как пьяной, тогда закацался,
Дзелал мыслете, вот эдак шатался;
Я раз десяток «подзи» прокрицал,
Только ты с умыслу под воз попал.

Крючкодей. Ты, каналья бороноволок! имел бы сказать мне со всепокорною покорностию, чтобы я посторонился; ибо понеже я имею регистраторской ранг.

Мужик. Ваше высокородьё! колды бы я табе не баил, толды бы ты и турбацыл мёня, а то, суди милостиво, я ажно охрип табе крицавши.

Крючкодей. Поставь свидетелей, или есть ли у тебя доказательные доказательства, что ты кричал?

Скважыгин. Дельно, Аксён Филимонович! он докажи.

Мужик. Да кокие табе, барин, свидетели? Кто на уличе за меня вступитча и пойдзет за мною докасцыком?

Саламанида. Ну, так ты и виноват.

Мужик (*вынимая мошну*). Помилуй, ваше происходительство! Ин, вот-ста табе. (*Дает денег.*) Только ослободи, пожалуй, мне право неколи.

Крючкодей. И то дело! — Как! только гривну-та? Ты меня новым бесчестьем обесчестил и поставил меня, якобы я хуже холопа. Да я жалованья получал в прошлых годех по осмидесяти рублей; того ради подлежательно доправить с тебя по самой справедливой справедливости бесчестья восемьдесят рублей, а увечья вдвоя.

Мужик. Воля твоя, отецкой сын, у меня только и деньжонок в мошне сорок алтын. (*Подает ему.*) Вот, ин, всё табе. Отпусти, родзимушка.

Скважыгин. Ну, зятюшка, коли нечего взять, так уж пропадай он вставши.

Саламанида. И впрям так, батька, будь и тем доволен; авось-либо с другого и побольше бог пошлет.

Крючкодей (*толкает мужика*). Сгинь твоя голова, шмерц каналья!

Мужик (*в сторону*). Што ты дзелаешь? Вот еще какая собака натялась, што середи бела дни ограбил! Вижу, что самой коновной плут, а побарахтатчи не смею. О! хо! хо! хо! (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те ж, кроме мужика.

Крючкодей (*поет*).

Я нарочно перед вами
Этот сделал образец,
Чтоб своими вы глазами
Видели, что я делец.
Я крючок,
Я сучок,
Хамка,
Амка,
Я волчок,
Я придираюсь,
Я прицепляюсь,
Я мужика в один миг подцепил,
Сорок алтын с него разом схватил.

С к в а л ы г и н. Я давно себе эдакого зятя искал и теперь сердечно рад, нашел избранного по сердцу. Ты, зятюшка, и по моим делам так ходить будешь.

К р ю ч к о д е й. Давай, бери! Мы иного так огреем, что охнет, да и издохнет.

С к в а л ы г и н. Да вот, во-первых, заняла у меня барыня Щепеткова под вексель сто рублей, а вместо поручительства подписала внизу векселя, что положила у меня серебра на двести пятьдесят рублей, так нельзя ли серебрецо-то серебрецом, а сто рубликов таки деньгами сгладить?

К р ю ч к о д е й. Чего нельзя? как дважды два.

С к в а л ы г и н. Какая это неоцененная голова.

С а л а м а н и д а. Меня от радости слезы прошибли.

С к в а л ы г и н. Другой казус, пожалуй же меня, имеет на меня старушка Крепышкина векселек в десять тысяч рублев; и сколько я ни отбывал от платежа, однако отдала она его уже ко взысканию.

К р ю ч к о д е й. Ну-ка, тесть, что ты мне дашь, естьли я этот векселек-ат смахлюю?

С к в а л ы г и н. Что уж тут рядиться? все пополам.

К р ю ч к о д е й. А коли так, то все трын-трава и безделя.

С к в а л ы г и н. Что ты говоришь?

К р ю ч к о д е й. Вить вексель-ат Крепышкина мне, мне отдала для взыскания, так уж тут легко с нею сладить.

С а л а м а н и д а (*целует его*). Умник мой, разумник мой! ненаглядное мое сокровище! Дочка наша истинно в сорочке родилась.

С к в а л ы г и н. Да надобно, чтоб это приказным порядком с рук сошло. Есть тебе тамо знакомые? Веть ныне приказные-то становятся не таковы, не много эдаких, каков ты.

К р ю ч к о д е й. А вот я завтра схожу и попытаюсь. Ныне подлинно нашему брату, старинному подьячему, служить не след. Набрали все молокососов, ну, где им такие премудрости коверкать, как наш брат пожилой? (*Поет.*)

Ах! что ныне за время?
Взяток брать не велят,
Штрафованьем грозят,
Переводится племя
Стародавних писцов,
Нашей братьи дельцов,
Опустела уж стрелка * (*повторяет*)
И любезный тычок *,
Милой мой кабачок,

Тужит, тужит горелка
Что писцам мал доход,
Мал и ей стал расход.

Саламанида. Время бы уж теперь и девишнику быть.

Сквалыгин. Поди ж, хозяйка, наперед, да приготовься, а мы с тобой, Аксён Филимоныч, пойдем и попросим кое-кого на девишник посидеть.

Саламанида. Ин, час же вам доброй! прощайте. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Те ж, кроме Саламаниды. Купцы запирают лавки.

Сквалыгин. Позовем, зятюшка, вот этих моих должников. (*Указывает на лавки.*) Они с голыми руками не придут, а что-нибудь таки принесут.

Крючкодей. Я со всеуниженною униженностию преданно предаюсь воле вашей; и понеже вы благоволите за благо их приглашать, того ради, в силу раболепного моего к вам почтенного почтения, на все я согласен.

Сквалыгин. Посмотри, зять, как должники мои мне покорны. Я над ними, как господин, ломаюсь, а они, как рабы мои, не смеют и пикнуть передо мною. Вот что денежки делают! (*Подходит к купцам и поет.*)

Господа честные,
Купцы гуртовые,
На вечер откушать,
Песенок послушать.

Сквалыгин и Крючкодей.

Просим униженно
Быть к нам непременно.

Купцы.

Что это за диво
Что ты слишком чиво
Так гостей сзываешь,
Балы подымаешь?

Сквалыгин.

Свадьбу затеваю,
Зятя в дом принимаю,
Регистратор чином,
Будет мне он сыном.

Крючкодей.

Аз вышереченной
Зять усыновленной;

Жалуйте, любите,
Хлеб и соль водите.

Сквалыгин и Крючкодей.

Просим униженно.
Быть к нам непременно.

Купцы.

С браком поздравляем,
Искренно желаем
Вам любви, совета
На бессчетны лета.

Перебоев.

Ну, скажите ж, как нам быть?

Разживин.

На сговор к нему нейтить.

Проторгуев.

Как?

Смекалов.

Так.

Перебоев.

Да как?

Разживин.

Да так.

Проторгуев и Перебоев.

А как штуки он нам сладит,
В магистрат за долг посадит?

Смекалов и Разживин.

Может быть, и то придет,
Самого провал возмет.

Сквалыгин и Крючкодей.

Что же вы, как пни, стоите?
Будете, иль нет? скажите,
Мы от вас ответу ждем.

Смекалов и Разживин.

Так вот мы-сте к вам нейдем.

Проторгуев и Перебоев.

Мы к вам тотчас-сте придем.

Разживин и Смекалов.

Побегайте.

Перебоев и Проторгуев.

Эй, ступайте!
Он наделает вам бед.

Сквалыгин и Крючкодей.

Ну, так знайте,
Мы вам сделаем лабет.

Разживин и Смекалов.

Все пустое; нет, нет, нет.

Проторгуев и Перебоев.

Непонятно дело
Поступать так смело;
Эдак нам гордиться
Вовсе не годится.

Сквалыгин и Крючкодей.

Вы за ум схватились,
Что быть согласились.
Ну, так не солгите,
Поскорей придите.

Проторгуев и Перебоев.

Ей! ей! несомненно,
Будем непременно.

Сквалыгин и Крючкодей.

Просим униженно
Быть к нам непременно.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет гостиную комнату Сквалыгина с накрытым столом.

ЯВЛЕНИЕ I

Невеста Хавронья Ферапонтьевна и позади ее девушки идучи поют.

Девушки (*поют*).

Во саду земзюлюшка кликала *,
В тереме Хавроньюшка плакала:
Бог судит родимого батюшка;
Молоду в чужи люди отдают,
Останется зеленой сад без меня,
Завянут все цветы во саду.
Вставай уже, мой батюшка, раненько,
Поливай мои цветы частенько
Утренней вечернею зарею,
Сверьх того горючею слезою.

ЯВЛЕНИЕ II

Те ж и Саламанида.

Саламанида. Ну, Хавроньюшка! Смотри ж ты, дружок; как придет жених, так сиди чинненько.

Хавронья. Вот, чинненько! Да как мне перед ним чиниться-то?

Саламанида. Сиди смирнёхонько, не шевелись, голову-то опусти вниз, по сторонам не гляди, и руками не шали.

Хавронья. А ну-как в голове зачешется, так как же?

Саламанида. Уж не чешись, матка.

Хавронья. Да, вот!

Саламанида. Коли жених протянет голову поцаловаться, так цалуйся с ним.

Хавронья. Ну, как пить не так! Камень бы ему горячей в зубы-то.

Саламанида. Что ты, дура? Вить он будет твой муж, и тебе должно его почитать.

Хавронья. Почитать? Великой он фря!

Саламанида. Да что ты не бела набелилась и мало нарумянилась?

Хавронья. Разве уж кожу-то содрать, што ли? И так уж я бодягой так натерлась, што все лицо распухло.

Саламанида. Ну-те-ка, красны девицы! милости прошу за стол садиться, покуда жених еще не бывал. *(Уходит).*

ЯВЛЕНИЕ III

Хавронья и девушки садятся за стол, Хавронья в средине; зачинает музыка, покуда все сядут.

Девушки (*поют*).

Ах, сборы, сборы Хавроньины!*
Собирала девушек за свой стол,
Думала думушку:
Как назвать мне свекра батюшкою,
Свекровь мне назвать матушкою;
Убавлю спеси, гордости,
Назову я свекра батюшкой,
Свекровь назову матушкой.

Одна из девушек. Жених идет! жених идет!

Другая. Так встанем, девушки.

ЯВЛЕНИЕ IV

Крючкодей, дружка с ларцом, сваха, Перебоев, Проторгуев, Улита, Афросинья, Сквалыгин, Саламанида и Хавронья с девушками. Дружка ставит ларец на большой стол.

Сваха. Господин дружка! изволь купить жениху у девиц место.

Дружка. Красные девицы! пирожные мастерицы! уступите жениху свое место.

Одна девушка. Это место даром не дают, а за деньги продают.

Дружка. А что просите золотой казны?

Другая девушка. Подари нас не рублем, не полтиною, а золотою гривною.

Дружка *(дает деньги)*. За золотую гривну у нас слова нет.

Девушки из-за стола выходят назад.

Сваха. Подайте шубу. *(Шубу подают, и она стелет ее вверх шерстью на скамейку, где жениху с невестою сидеть.)*

Дружка. Бери свою невесту за белы руки, сажай свою невесту за дубовой стол.

Крючкодей берет невесту и садится на постланную шубу; подле их и гости садятся.

Саламанида *(подходит с подносом, на коем серебреные чарки)*. Аксён Филимоныч! милости прошу выкушать. *(Крючкодей берет чарку. Потом Проторгуевой жене.)* Улита Сафроновна, пожалуй-ка. *(Берет, а сама на мужа поглядывает.)* Афросинья Евсигнеевна! милости прошу. *(Берет также и поглядывает на мужа.)* Свашенька добрая! пожалуй! *(Берет. Проторгуеву.)* Федул Вахромеич! покорно прошу. *(Берет. Перебоеву.)* Феклист Парамонович, прошу принять и выкушать. *(Берет)*. Господин дружка! *(Берет.)*

Все взяли и вставши держат.

Сквалыгин *(Саламаниде)*. Смотри ты, не слишком приневоливай. Выпьют, хорошо; а не выпьют, и того лутче. *(К жениху.)* Аксён Филимоныч! вам довлеет начать, прошу выкушать во здравие.

Крючкодей, поклонясь по-подьячески на все стороны, вдруг проглотил.

Сваха. И! батька жених! куда ты неочеслив! Один все проглотил; тебе бы невесту-та надобно было попотчивать.

Крючкодей. А я, право, думал, что одному мне. Я бывало взятками не деливался. А понеже мне заранее об этом сведения не сообщено, того ради подайте мне другую чарку. *(Подает.)* Любезная моя невеста! красное мое солнышко! ненаглядное сокровище! всепокорнейше прошу из прежде выпитой мною чарки теперь выкушать.

Хавронья отворачивается и головой махает.

Крючкодей. Пожалуй, любезная моя невеста! лебедушка моя беленька, прошу выкушать! ты моя перепёлочка!

Хавронья. Нет! я хмельного не пью.

Саламанида. Ну, матка, хоть прикушай.

Хавронья. Так! уж ты прикушай! что сама же охотница прорву-та тянуть. *(Прихлебывает и ставит на поднос.)*

Крючкодей. Постой, постой! матушка! вышепомянутую чарку невеста моя выкушать не изволила, то, в силу сей церемонии, подлежит выпить ее мне, частореченному. *(Выпивает.)*

Сквалыгин. Гости дорогие! прошу во здравие выпить.

Проторгуев. Ферапонт Пафнутьич — Саламанида Мироновна! поздравляю-сте вас с нареченным зятем.

Сквалыгин с женою кланяются.

Перебоев. Аксён Филимонович! Хавронья Ферапонтьевна, желаю-сте начатой брак во всяком благополучии, душевном и телесном здравии, совершить.

Крючкодей и Хавронья кланяются.

Проторгуев *(отведав, говорит Перебоеву)*. Как ты думаешь, Феклист Парамонович? Как-то водка-та, твоим пожалованьем не вкусна?

Перебоев *(отдав)*. Заподлинно горьковата, Федул Вахромеич! и, следовательно, довлеет ее подсластить.

Дружка. А! а! я знаю, что это! Аксён Филимонович! поцалуй, пожалуй, Хавронью Ферапонтьевну, так вот она и сладка будет.

Крючкодей протягивает рыло, а Хавронья отворачивается и толкает его.

Крючкодей. Любезная невеста! лебедь моя белая, понеже батюшка и матушка определяют тебя мне в жену, того ради и не имеется никакого зазору — тебе поцаловать меня. *(Протягивает губы. Хавронья вдруг губами ударяет об его губы так, что толкнет его)*.

Проторгуев *(выпив)*. Вот! теперь совсем другой вкус.

Перебоев *(выпив)*. И заподлинно, что богатель.

Дружка. Вот! то ли дело теперь!

Саламанида. *(Улите)*. Ну-ка, матка, милости прошу.

Улита *(отведав, хочет ставить на поднос, а сама глядит на мужа.)* Благодарна, свет мой!

Саламанида. Прошу обо всей.

Проторгуев. Ну, пей, не шали, хозяйка.

Улита *(еще отпив, и поглядев)*. Довольна, матушка, душа не принимает.

Саламанида. Пожалуй, радость моя, выкушай всё.

Проторгуев. Ну, пей же, коли я приказываю, слышишь ли ты?

Улита все выпивает.

Сквалыгин *(дергая за душегрейку жену и говоря ей на ухо)*. Экая ты чертовка! разве позабыла, что я тебе приказывал? На что так приставать?

С а л а м а н и д а *(к Афросинье)*. А ты, радость моя, без того не приму, хоть душеньку-то обмочи.

А ф р о с и н ь я *(поглядывает на мужа)*. Вот тебе бог, не пью! право не пью, душа моя!

П е р е б о е в *(мигает ей, чтоб не пила)*. Уволь-сте ее, Саламанида Мироновна! Она челэк щедушной и пойла не поднимает.

А ф р о с и н ь я подносит чарку ко рту, а сама на мужа смотрит.

П е р е б о е в *(грозит ей и кашляет)*. Хозяйка, перестань! Саламанида, уволь-сте ее, Мироновна. Что эту божию курочку изневаживать?

А ф р о с и н ь я ставит чарку.

С а л а м а н и д а. Ну-ка, свашенька матка!

С в а х а. Желаю здравия всей смиренной беседе. *(Ставит чарку)*.

С к в а л ы г и н *(пока сваха пьет, говорит жене)*. Дьявол тебя побери, проклятая! Смотри же, хоть опивки-та в одно место сливай, да сама поменьше трескай.

С а л а м а н и д а. Прошу во здравие выкушать, гости дорогие, чем бог послал. Улита Сафроновна! полюби нашей хлебасоли.

У л и т а. Челом бью, мать моя! и так сахаром летит в душу.

С а л а м а н и д а. Афросинья Сысоевна!

А ф р о с и н ь я. Благодарна, свет мой! копной передо мной. *(Кушает.)*

Д р у ж к а. Ну-те-ка, красны девицы, повеличайте.

Д е в у ш к и *(поют)*.

Соболем Хавроньюшка все леса прошла *;
Крыла леса, крыла леса алым бархатом;
В путь катила, в путь катила золотым кольцом;
Прикатила, прикатила ко синю морю;
Вскликнула, взгаркнула громким голосом:
Кто бы меня перевез на ту сторону?
Где ни взялся, где ни взялся Аксён господин:
Я тебя, Хавроньюшка, в корабле перевезу.

Д е в у ш к и подносят ж е н и х у чего-нибудь в стакане. Он выпив вынимает кошелек, что у мужика отнял, и дает несколько из него.

Д е в у ш к и. Никак ты по миру ходил, жених, что даришь все полушками.

К р ю ч к о д е й. Не погневайся! как случилось.

Д р у ж к а. Теперь, красные девицы, спойте-ка песенку мне, дружке, да повеличайте и попляшите, а без того не подарю.

Девушки (*поют и пляшут*).

Друженька хорошенькой *.
Друженька пригоженькой,
Как на дружке кафтан
Багрецового сукна;
Как на дружке камзол
Золотой парчевой.

Друженька
и проч.

Как на дружке чулки
Белы шелковые;
Как на дружке башмаки
Черны замшеные.

Друженька
и проч.

Пряжки с искорками
Вон повыскакали;
Он при тросточке стоит,
Прибодряся говорит.

Друженька
и проч.

На нем шляпа со пером
И перчатки с серебром;
Коли хочешь в рай,
Передайся к нам.

Друженька
и проч.

Еще есть про тебя
У нас скляница вина;
Сладка меду ендова
И конец пирога.

Дружка. Благодарствую, красные девицы. Вы так умеете хорошо выхвалять, что хоть каменной, так расступится.

Девушка подносит ему, и он кладет деньги.

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж, Щепеткова, Крепышкина и Прямиков. Гости увидя встают.

Прямиков (*Сквалыгину*). Хотя у тебя и девишник сегодни, однако ж нам не до пиров; а ты сам знаешь, в чем состоит наше дело. Скажи ты мне, пожалуй, признаешься ли ты, что ты мне должен? (*К гостям.*) Прошу покорно садиться.

Гости садятся.

Щепеткова. Я принесла вам деньги. Пожалуйте, возвратите мой вексель и заклад.

Крепышкина. А я хочу взять мой вексель у регистратора Крючкодея, которой, я слышала, живет у вас.

Сквалыгин. Ах, премилосердые государыни! сколько я рад, что вы мою хижину посещением удостоили! Прошу садиться. Эдаких гостей и ждать бы, да недождаться. Мироновна! поднеси.

Прямиков. Мы к тебе не пить и не сидеть пришли, а окончи, пожалуй, дело со мною и с госпожею Щепетковою. *(К Крючкодею.)* А ты, Крючкодей, возврати вексель госпоже Крепышкиной.

Крючкодей. Хотя помянутой вексель и имеется у меня во всякой точной и исправной исправности; но как оного я теперь при себе не имею, того ради подлежательно отложить сие до другого времени.

Крепышкина. Нет, нет, мой батька! воля твоя; мне теперь он надобен.

Сквалыгин. Да покорно прошу присесть на малую толику, дайте хоть подумать.

Прямиков. Очень хорошо, подождать можно. *(Садятся.)*

Сквалыгин. Девушки! ну-тка песенку! А ты, Мироновна, других гостей попотчивай.

Девушки поют, а Саламанида между тем подносит. Прямиков пьет, а те отговариваются; а Сквалыгин, подходя, кланяется и просит, чтоб выпили.

Девушки *(поют)*.

Летал голубь, ворковал,
Ко терему припадал,
Что в тереме говорят:
Феклист, сударь, говорит,
Парамонович, говорит:
Афросиньюшка ты моя,
Евсигнеевна ты душа,
Роди сына сокола,
И личиком во себя,
Умом, разумом во меня.

Девушка подносит Перебоеву стакан, а другая другой — жене. Они, выпив, кладут деньги.

Сквалыгин. Как вам, милостивец, церемония наша нравится?

Прямиков. Да, ты с нами изрядную строишь церемонию; однако увидим, что будет вперед.

Сквалыгин. Государь мой! вся тленная благая мира сего. *(Про себя.)* Как бы мне их сегодни отбоярить! *(Подходя к Крючкодею, толкает и мигает ему.)*

Щепеткова. Что ж, Ферапонт Пафнутьевич? пожалуй, со мною разделайся.

Крепышкина. Господин Крючкодей! пожалуй, батька мой, принеси вексель-ат.

Крючкодей. Я прошу, как уже и выше сего упомянул, сделать мне, в силу теперешних моих обстоятельств, отсрочку; понеже вексель ваш очень далеко запрятан быть имеет.

Сквалыгин. Веть это дело не медведь, в лес не уйдет. Прошу покорно посидеть, да позабавиться. Девушки! что ж песенку-то?

Девушки (*поют*).

Ох, как возговорит в тереме
Свет Улита Сафроновна,
Что ясен ли светел месяц?
Что весел ли мой милой друг,
Свет Федул Вахромеевич?
И он пьет, прохлаждается,
И он мною похваляется:
У меня жена разумная,
Что не пьет пива пьяного,
Зелена вина в рот не берет;
У ней речь лебединая,
А походка павлиная;
Она пройдет, утешит меня,
Слово молвит, накормит меня.

Девушка подносит Проторгуеву стакан, а другая другой — жене. Они, выпив, кладут деньги.

Саламанида. Пафнутьич! велю-ка я девушкам тебя повеличать.

Сквалыгин. Чорт бы тебя ободрал! (*Передражнивает.*) Повеличать! этот грош-ат на крошево годится.

Дружка (*ставит на стол ларец*). Вот вам ларец, а ключа у меня нет.

Сваха. Невеста сударыня! изволь попросить ключа-та у жениха.

Хавронья, оборотясь к Крючкодею, протягивает руку.

Крючкодей. Попроси, сударыня, поласковее.

Хавронья. Ну, подай, што ли? полно, балагурить-то.

Крючкодей. Изволь, мое сокровище. (*Отдает ключ.*)

Сваха, взявши ключи, отпирает ларец, и вынимает из него чулки, башмаки, ленты, белилы, румяны и проч. Берет поднос и насыпает на него из ларца овощей, а на них кладет невестины дары, как-то, платки и проч., кои ей подают сзади, и подает невесте, а невеста подает жениху. Жених, принявши, подарком утирается и цалует невесту и, высыпавши овощи

на подарок, кладет в карман. Потом невеста и прочим гостям также раздает. Жених и невеста стоят; во время сие девушки поют и пляшут.

Девушки (*поют*).

Гусли мои, гусельцы;
А где гусли были? гусли мои, гусельцы.
У Хавроньи в тереме, гусли
и проч.
Что Хавронья делает, гусли
и проч.
Плачет, возрыдает, гусли
и проч.
К ларцу припадает, гусли
и проч.
Ты ларчик мой, ларчик, гусли
и проч.
Кованой, приданой, гусли
и проч.
Не год я копила, гусли
и проч.
Пришла пора, время, гусли
и проч.
Я в час раздарила, гусли
и проч.
Я свекру сорочку, гусли
и проч.
Свекрови другую, гусли
и проч.
Деверьям платочки, гусли
и проч.
Золовкам веночки, гусли
и проч.
Красуйтесь, золовки, гусли
и проч.
Красуйтесь, голубки, гусли
и проч.
Как я красовалась, гусли
и проч.
Косой похвалялась; гусли
и проч.

По окончании песни и даренья две девушки к невесте подходят.

Дружка. Не пора ли хлеб-соль величать?

Проторгуев. Да уж время-сте.

Перебоев. Так, ин, с позволения всей честной компании, и встанем.

Встают девушки и, подхватя невесту под руки, уводят, а за ними и прочие девушки уходят.

Дружка. Ну, господин жених! пойдем невесту искать и выкупать.

Крючкодей. Сокровище мое, свет очей моих, у меня похитили!

Дружка и жених уходят, Сквалыгин с женою также в разные стороны уходят.

Перебоев *(к Проторгуеву)*. Следовательно, пойдем и мы поглазеть, что там делается.

Проторгуев. Изрядно, твоим пожалованьем! Пойдем тововона-тка, чтоб после ужина сделать переминаж.

ЯВЛЕНИЕ VI

Прямиков, Щепеткова, Крепышкина, Улита, Афросинья и сваха. Три последние тайно между собою говорят.

Щепеткова. Ах, какая подлость! Посмотрите, жених с невестою сидели на шубе! ха! ха! ха!

Крепышкина. Чему ж этому смеяться, моя мать? Это не худо.

Щепеткова. По чести! умереть со смеху должна! Уж будто это хорошо? Какая эта смешная церемония!

Крепышкина. Никак. Я как и сама замуж шла, то и со мною такие ж церемонии были. Как ехать к венцу, то сдернула я со стола скатерть со всем, что на ней было. В карман положили мне тогда чесноку, мыльца, кусочек хлебца, гребешок, глинки; а как надобно было становиться в церкве на подножки, то я прежде жениха ступила. За то-то и брала над своим покойным мужем первенство.

Прямиков. А я вам скажу, что смешными кажутся нам эти церемонии потому, что мы от них отвыкли. Однако ж как бы Скваыгин нам не перецеремонил, не худо посмотреть, что-то он там делает. Пойдем-ка.

ЯВЛЕНИЕ VII

Саламанида, Улита, Афросинья и сваха.

Саламанида. Насилу вас нелегкая отсюда вынесла! Теперь-то мы душеньку-то отведем! *(Наливает из штофа в стакан и говорит Афросинье.)* На-ка, мать, выкушай; видишь, муж-то твой какой грозной, что уж и выпить-то не велит.

Афросинья. Да, матка моя, он, помилуй бог, крут. Вить без того не обойдется, чтоб уж дома-то он поботух мне не надавал за то, для чего я приняла. Так вот, на ж ему на зло! *(Выпивает.)*

Саламанида *(к Проторгуевой)*. На-ка ты, матка.

Улита. Я, пожалуй, выпью. Мне Вахромеич пить не заказывает, только чтоб за столом, ведашь ты, мало толико почи-

ниться. Вот он меня таки колачивал, коли не бело набелюсь и зубов не подчерню *. Здравствуйте, светы мои. *(Пьет.)*

Саламанида. Ну-ка, матка сваха!

Сваха. А меня мой Титыч бивал за то, для чего не все волосы платком закрыты. Как плотно бывало не повяжися, а он все-таки хоть волосок найдет; так уж ныне стала подклеивать; он говорит: жене, дискать, волос казать не подобает. Здравствуйте, матки! *(Пьет.)*

Саламанида. Мой Пафнутьич ничего этого на мне не взыскивает, только уж береги у него, да и береги деньги и всякую всячину. Рассохся у нас бочонок с вином, так статешное ли дело! Чуть было до смерти не прибил. Да, полно, сказать матку правду: винцо-то веть я высуслила. Здравствуйте, любезные. *(Пьет.)* Выпьем-ка еще по стаканчику пивца.

Улита и Афросинья. И то дело.

Саламанида подносит им, свахе и сама пьет, после чего запели и пошли плясать.

Не пью я, младешенька,
Пива и вина.
Только я выпью
Медку с холодку;
Полюблю детинушку
Молоденького,
Которой, душа моя,
Вечор приходил.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Крючкодей, Хавронья, Прямиков, Щепеткова, Крепышкина, Проторгуев, Перебоев, Сквалыгин и прежние входят, помешав им петь.

Проторгуев. Бабы! бабы! что вы тововона-тка вздурились?

Перебоев. И следовательно, кой прах вам сделался?

Саламанида. Ничего, батька. Ну, что ж такое, что от скуки поплясали?

Сквалыгин. Милости прошу присесть. *(Садятся.)*

Прямиков *(к Сквалыгину)*. Что ж, братец, дождемся ли мы от тебя толку?

Сквалыгин. Милостивой мой патрон! вы видите, что дело свадьбишное, скоро ли эти вещи отыщешь?

Крючкодей. И у меня все дела так далеко запрятаны быть имеют, что никакой манирой найтить векселя не возможно.

Крепышкина. Как хочешь, друг мой, а я без векселя не выду.

Щепеткова. И я без закладу моего от тебя не отстану.

Сквалыгин (*шатаясь и кривя язык*). Воля ваша, пьян! прошу на мне не взыскать, что для эдакой радости лишнюю чарку выпил. Естьли далее отсрочить нельзя, так хоть до завтра отложите. (*Повалился на канапе.*)

Крючкодей (*шатаясь и кривя язык*). Равномерным образом и у меня, многореченного, сильно в голове булавка бродит. Того ради и я покорнейше прошу, в силу законной моей нужды, дать мне до завтра поверстной срок. (*Повалился.*)

Прямиков. О плуты! вот какие у них умыслы! (*Подошед к ним тормошит то того, то другого, а они молчат.*) Сквалыгин! Сквалыгин! Крючкодей! Крючкодей! — ни гласу, ни послушания. (*Оборотясь к Щепетковой и Крепышкиной.*) Ну, что делать? Пойдем и постараемся завтра их иным манером побудить.

Крепышкина. Эдакой проклятой! Чтобы тебе век не проспаться!

Щепеткова. Какой, каналья, подлец!

ЯВЛЕНИЕ IX

Сквалыгин, Крючкодей, Хавронья, Саламанида, Проторгуев с женою и Перебоев с женою.

Саламанида. Ушли! вставай, брат — зять! Олухи наши ушли. Ха! ха! ха! ха!

Крючкодей. Ха! ха! ха! ха! как славно их отбоярили! Пошли, как не солоно хлебали.

Сквалыгин. Что не пора ли гостям со двора? Кажется был празднику трезвон. Веть уж час первой за полночь будет. Мироновна! поднеси по одной, да и по последней.

Саламанида (*идучи к рюмкам, шатается и поет без музыки*).

Ох, вы гости мои,
Дорогие мои.
Посидите у меня.

Сквалыгин. Кой чорт тебе сделалось? Веть у тебя векселей не просят. Ты уж и завыла, пьяница. (*Она берется за рюмки.*) Не нада! пропадай ты, окаянная! Гости не прогневаются, хоть и не выпьют.

Проторгуев с женою.

Бьем челом за угощенье,
За хлеб, за соль и за честь.
Просим, просим мы прощенье,
Ко двору нам время бресть.

Перебоев с женою.

Мы довольно посидели,
Время также и нам.

Прохлажались, пили, ели
И за то челом бьем вам.

Сквалыгин, Крючкодей, и Саламанида.

Завтра к нам на свадьбу просим посидеть.

Проторгуев и Перебоев с женами.

Некуда деваться, будем честь иметь.

Проторгуев.

Я оставлю все делишки,
Отложу свои торжишки,
Лишь бы вашей чести этим услужить.

Перебоев.

Я до будущей субботы
Отложу свои заботы
И запру лавчонку завтра на весь день.

Сквалыгин (*грозя Проторгуеву*).

Да смотри ж, не обмани.

Проторгуев.

Ни, ни, ни, ни, ни, ни.

Сквалыгин (*грозя Перебоеву*).

Да смотри ж, не обмани.

Перебоев.

Ни, ни, ни, ни, ни, ни.

Сквалыгин, Крючкодей и Саламанида.

Мы чрез то узнаем ласки,
Сколько всяк служить нам рад.
Никаки уже острастки
Вас вперед не изнурят.

Проторгуев и Перебоев с женами.

Мы служить готовы рабски,
Почитать должны ваш взгляд.
Вашей так к нам много ласки,
Что глаза уж не глядят.

(*Вместе.*)

Проторгуев и Перебоев с женами.

Прости, прости, прости
Пора уж нам брести,
Мы служить готовы рабски
и проч.

Сквалыгин, Крючкодей и Саламанида.

Прости, прости, прости.
Счастливо вам брести.
Мы чрез то узнаем ласки
и проч.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната та же.

ЯВЛЕНИЕ I

Сквалыгин сидит, а Саламанида приходит.

Сквалыгин (*зевает*). От свадьбы и выспаться хорошенько не удалось. Жена, исправила ль ты то, что я тебе вчера закупить приказывал?

Саламанида. Я, право, и забыла. Да что бишь такое?

Сквалыгин. Розиня чортовская! долго ли мне с тобою биться? Я тебе говорил, что как пойдут булошницы из лавок под вечер домой, то купить у них для свадьбы черствых хлебов.

Саламанида. Батька! да сегодни и мягких достать можно.

Сквалыгин (*передражнивая*). Мягких! мягких! чорта крести, а чорт в воду лезет! мягких! веть мягких то вдвое больше съедят.

Саламанида. И, батька! от хлеба-то не изубыточишься.

Сквалыгин. Да об одном ли хлебе я тебе толковал, лошадь веслоухая? Я говорил, чтоб посматривать молошниц, как понесут назад молоко; не пройдет ли мясник с какими остатками; не пройдет ли мужик с клюквою или брусникою? Веть эдакие люди по нужде иногда и вдвое дешевле продают, как уж им девать некуда.

Саламанида. Вздурился ты, батька! хоть для эдакой радости-то удобрись!

Сквалыгин. Сова Елизарьевна! да худого-то меньше съедят. Я не хочу, чтоб они обожравшись сидели, вытараща глаза. Веть объядение великой грех. Послушай же, что тебе делать надобно. (*Поет.*)

Режь потоне ломоточки,
Собирай с стола кусочки,

Чтоб после искрошить,
В сухари пересушить;
Ставь пореже все похлебки,
Подноси поменьше водки;
Кто начнет с кем речь вести,
Можно тех и обнести;
Как начнут домой сбираться,
Чур тебе тут не мешаться:
Не держи, не унимай,
Им в том полну волю дай.

Сделай же так, как я приказываю. Да пожалуй-ста по вчерашнему не нахлюстайся. Как пройдет свадьба, так хоть воронкой себе наливай в горло.

Саламанида (*целуя его*). Сдержи же слово-то.

Сквалыгин. Поди ж, да приготовляй, что надобно. (*Садится.*)

ЯВЛЕНИЕ II

Скалыгин и Хвалимов.

Хвалимов. Желаю здравствовать, милостивой государь дядюшка.

Скалыгин (*сидя и говоря гордо*). Здравствуй, милостивой государь племянничек. Не слыхать, зачем пожаловал?

Хвалимов. Уведомить вас об общей нашей печали. Ко мне пишут из Москвы, что матушка моя, а ваша сестрица, преставилась.

Скалыгин. Ах! эта старая чертовка околела? Веть она мне пятьдесят рублей еще должна. Так за этим-то ты только и притащился?

Хвалимов. Мне поручена комиссия выкупить из магистрата несколько должников, в том числе и ваших; затем-то я больше к вам и пришел.

Скалыгин. Ах! садись дружок, Андрюша, милости прошу. (*Подает ему стул.*) Сожалею, сожалею о твоей матушке; старушка была добренькая, царство ей небесное.

Хвалимов (*вынимая из кармана бумагу и, прочитавши, ему отдает*). Вот записка вашим должникам. Тит Ефремов сын Горюев содержится за триста девяносто рублей осьмнадцать копеек с четвертью. Андрон Варфоломеев Исплошнин за четыреста пятьдесят рублей и семь копеек три четверти. Фома Абрамов Понадеев за двести семьдесят пять рублей и двадцать одну копейку с четвертью. Итак, дядюшка, из сострадания к этим бедным людям, не изволите ли сделать им уступочки?

С к в а л ы г и н (*взяв бумагу, после кладет в карман*). Я уступаю им от всего моего сердца все лишние копейки. Мне хоть рубли-то сполна заплатите.

Х в а л и м о в. Не шутите ли вы, дядюшка?

С к в а л ы г и н. Какая это шутка!! А коли этого мало, так я и еще с копейкою восемь с костей сброшу.

Х в а л и м о в.

Постыдися,
Расступися;
Полно полтины на рубль получать.

С к в а л ы г и н (*с изумлением*).

Очунися,
Перекрестися:
Видно, пришел ты балясы точить.

Х в а л и м о в.

Будь рад половинной плате,
Чем держать их в магистрате,
И столь выгодной случай
Ты из рук не выпускай.

С к в а л ы г и н.

Я не рад толь малой плате;
Буду жать их в магистрате,
Иль сполна мне все отдай,
Иль хоть там околевай.

Не выкините ли еще одну сирую, а честную вдовицу? Ребятишек у ней целая ватага, мал мала меньше, а пить-есть нечего.

Х в а л и м о в. Да где ж она? в магистрате ее нет. Эдаких-та нам и надобно.

С к в а л ы г и н. Я сегодни ж пошлю за ней сыскную. Пожитки ее хотя уже и взяты, да их настолько не станет.

Х в а л и м о в. Вот драгоценной пример сострадания и любви к ближнему!

С к в а л ы г и н (*передражнивая*). Сострадание! любовь к ближнему! (*Уклонно.*) Послушай, дружок! ты еще мальчик молоденькой, а поучить тебя некому. Сострадание, любовь к ближнему и прочая суть такие вещи, о которых только языком лебезят, а на сердце, особливо же у такого купца, каков я, совсем быть не должно.

Х в а л и м о в. Напрасно вы, дядюшка, столь бесчестную должность купцам предписываете. Я вам легко докажу, что весьма многие купцы имеют добродетель сию не на языке, а на сердце.

С к в а л ы г и н. Дуракам закон не писан. Эти простяки не понимают существа коммерции. Купец, старающийся о прибыли,

так как я, не взирая ни на какие добродетели, всячески обогащаться должен.

Хвалимов. Ошибаешься, дядюшка! предмет его не в том состоит, чтоб грабить беззаконно, а поступать во всех делах честно и быть хоть малым, но справедливым довольну.

Сквалыгин. Дудки, брат, дудки! послушай, Андрюша! Я тебе всего этого фундамент открою. Добродетель есть не что иное, как дурная привычка, и кто ею сильно заразится, тот остается во весь свой век в презрении и бедности; а кто один только вид добродетельного представляет, тот называется разумной и честной человек и живет благополучно.

Хвалимов. Так вы добродетель только по наружности почитаете?

Сквалыгин. А как же инако? И вот мои непоколебимые правила: Первое. Кроме себя, никому добра не желать. Второе. Стяжать имение свое, хотя бы со вредом другому. Третье. Что зависит от произволения, дать ли другому хлеб, или разорить его до основания. Вот тебе начальные основания истинного купечества, кои меня обогатили. Запиши их себе и ты.

Хвалимов. Дядюшка! неужели не чувствуешь ты ни малого упрекания совести?

Сквалыгин. Совести? Да что ж она такое? Совесть! совесть! а спроси-ка про нее, так я думаю, редкой ее и знает, что она за зверь.

Хвалимов. А вот что она: случилось ли вам хоть комунибудь милость сделать?

Сквалыгин. Помнится, что однажды случилось.

Хвалимов. Что ж вы тогда чувствовали?

Сквалыгин. Как-то мне было любо.

Хвалимов. А когда что у кого отняли, то тогда как?

Сквалыгин. Как-то стыдно и страшно.

Хвалимов. Рассудите же теперь. Когда вы опровергли добродетель, то для чего ж не могли совершенно истребить и совесть, этого внутреннего судью дел наших? Она-то возвещает нам, что за доброе можем надеяться мы воздаяния, а за худое ожидать наказания. Естьли не признавать сего, то разве не повиноваться и тому, кто нам ее дал?

Сквалыгин (*слушав со вниманием*). А! а! (*Покачав головою, как-будто стал убежден, а потом с гордостию.*) Чорт тебя возми с твоим болтаньем! Чуть было ты меня самого не сбил с кругу. Вон нечестивая собака! Дух твой не пахни! (*Поет*).

Вон, мерзавец, со двора!

Хвалимов.

Проучить тебя пора.

Скважыгин (*наступая*).

Ты пред дядею так дерзок?
Ты мне смеешь так сказать?
Так бессчетно обругать?

Хвалимов.

Ты становишься мне мерзок,
Позабывши совесть, стыд:
Ты грабитель, ахид, жид.

Скважыгин (*схватя палку*).

Ушибу до полусмерти,
Вот так это знай. (*Кидает.*)

Хвалимов (*убегая вон*).

Чтоб тебя побрали черти,
Пропадай ты-ай! ай! ай!

ЯВЛЕНИЕ III

Скважыгин, Крючкодей и Саламанида.

Саламанида. Батька мой! что такое сделалось? Доровое ли?

Скважыгин. Да вот мошенник Андрюшка подъехал было ко мне с балами, да еще и обругал меня.

Крючкодей. Так, ин, исковую челобитенку в бесчестии на него брякнуть.

Скважыгин. Кабы это старые времена, так угодил бы он у меня под красную шапку; или наложил бы на него подати душ за десять. Добро, оставим это. А что ж, зятюшка? Время уже нам начатое-то окончать.

Крючкодей. Я уж выдумал фигли. С тобой ли теперь вексель-та Щепетковой?

Скважыгин. Вот он. (*Показывает.*)

Крючкодей. Ну, смотри же. Поручительство-то от векселя отрежь, как будто закладу у тебя не бывало; а я вексель Крепышкиной на обороте поскоблю, так вот и все беси в воду и пузырья вверьх.

Саламанида. Клад бог дает, а не зятя.

Крючкодей (*выняв вексель и перочинной ножик, скоблит на колене*). Я в миг ухитрюсь.

Скважыгин (*взявши ножницы, от векселя отрезывает*). И я тотчас смастетерю. (*Отрезок кладет в ту записку, что Хвалимов принес, а вексель отдает Крючкодею.*)

Саламанида. Дай-то господи во святой час архангельской!

Крючкодей. Теперь я подам оба эти векселя ко взысканию, а ты в том и стой, якобы ты Крепышкиной деньги почти

все заплатил, понеже де и на обороте подписано; а Щепетковой то говори, что ты закладу у ней не брал, а вексель подал ко взысканию.

Сквалыгин. Ладно! А я с капитаном Прямиковым и сам сделаюсь. Веть я ему письма-то не давал.

Саламанида. Ну! зятюшка, подлинно, что ты сутяга.

Крючкодей. Да и знать то, что так. Я зачал учиться говорить, то не говорил прежде: мама, а кричал: дай. Мы бывало не заботились о том, как бы убрать голову, да почище вытти, а тот был и хорош, кто умел вертеть крючки да закорючки.

Сквалыгин. Только, воля твоя! я нынеча из приказных-то довольно видаю нечесаных. На ином кафтан как кафтан, а голова, как у пугалы, что в горохе от воробьев ставят. Вся в перьях да в пуху.

Саламанида. А у иного торчит пучок на самой маковке, веревочкой или ниточкой завязан, и такой тоненькой и востренькой, как чортов пальчик; а кафтан и сапоги все в грязи выпачканы.

Сквалыгин. Неужто не отвыкнут они по сие время от подлостей? Ныне есть где научиться.

Крючкодей. А где бы? Был на нас гонитель Сумароков *, да и тот не мог нас исправить. До проповедей мы не охотники, а в комедию ходим только посмеяться. Например: сидит там какой-нибудь обирала, и в то время, хотя бы точно его каверзы представляли, а он сидит, как правой, да туда же хохочет! Вить он знает, что это не явная улика, комедиант не судья, а слова его не определение. Наш брат как привык уже бояться только явного и крепленного, то об этом он и ухом не ведет. Э! скажи-ка, знает ли моя невеста-то грамоте?

Сквалыгин. Не от силы. Азбуку она было выучила; после купил я ей у носящего на рынке книжку для забавы, Лошадиной лечебник *; только она мямлила, мямлила ее, да и бросила. Да на что девке знать грамоте?

Саламанида. Лишнее, лишнее ты затеваешь! Я и сама аза в глаза не знаю, да веть живу же.

Сквалыгин. Я, брат, и сам на силу имя свое подпишу, да побогаче тебя, даром что ты строки две из дела языком вылижешь. Женись-ка да ходи за моими делами, так будем все делить пополам. Мы с тобою заживем, что ну-поди?

Крючкодей. Давай! бери! то-то погуляем, да повеселимся!

Саламанида. Так зальем, что и ворота запрем.

Трое.

Мы станем лишь смотреть и веселиться,
Как будут наши денежки копиться;

Осыплемся несметною казною,
Серебреной монетой, золотою.

Сквалыгин.

Стану караулить сам,
Спать не буду по ночам;
В том веселье мне, забава,
Миллионы чтоб скопить.

Крючкодей и Саламанида.

Лишь проснемся, водки штоф
Будет нам всегда готов;
Вот в чем наша вся забава,
Чтобы было что попить.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Хавронья.

Хавронья. Вчерашней офицер и с ним две барани идут опять к вам.

Сквалыгин (*вскоча*). Эдакая беда! опять их чорт несет. (*К Крючкодею.*) Побегай же ты поскорей в приказ с их векселями-то, зятюшка! Ну! ну! ну! в добрый час, нечего мешкать.

Крючкодей. Ин, побегу ж я проворить. Я в миг это поверну.

Сквалыгин. А ты, Хавронья, останься здесь и скажи им, что меня нет дома и что я пошел в магистрат для получения денег с моих должников, кои там содержатся; а коли не поверят, так вот (*отдает ей из кармана вынятую записку должникам, в коей отрезок от векселя вложен*) и записку покажи им.

Хавронья. Ну, ладно.

Саламанида. Да смотри ж, умненько им отвечай, не промолвись, что дома.

Хавронья. Вот учельщица! дура што ли я?

ЯВЛЕНИЕ V

Хавронья, Прямиков, Щепеткова и Крепышкина.

Прямиков. Здравствуй, дорогая невеста! А батюшка твой дома ли?

Хавронья. Хоть и дома, да не велел сказываться.

Щепеткова. Конечно, ты, душенька, шутишь?

Хавронья. Шучу ли, нет ли, да я уж сказала, што нет его дома.

Крепышкина. Как же, душенька? Нам сказали на дворе, что он дома.

Хавронья. Лукавой их за язык-то тянет.

Прямиков. Поэтому он от нас спрятался?

Хавронья. Не колдун ли ты? Да он велел сказать вам, што пошел он в магистрат принимать по этой записке *(подает ему)* с должников деньги; однако ж я пойду, скажу ему, штоб он сам вас уверил, што нет его дома; а жених мой, так уж притоманная правда, што в приказ теперь только, как угорелая собака, побежал с векселями вашими.

ЯВЛЕНИЕ VI

Прямиков, Щепеткова и Крепышкина.

Прямиков. Вот прекрасное воспитание детям, где отец бездушной ахид, а мать беспросыпная пьяница! *(Развернув.)* Ба! Это что за лоскуток? *(Читает.)* А! вместо поручительства положено серебра на двести пятьдесят рублей. *(К Щепетковой.)* Ну, матушка, поздравляю тебя! Это твоя рука и от твоего векселя отрезано. *(Щепеткова рассматривает с Крепышкиной.)* Я вижу, что и с вашим векселем какую-нибудь они пакость сделали. Теперь я побегу в правление и, узнавши, что там делается, объявлю этот лоскуток и буду просить на этих плутов управы. Вы оставайтесь здесь, одни, а мне он не покажется и что вы от него узнаете, то приезжайте немедленно меня уведомить.

ЯВЛЕНИЕ VII

Щепеткова, Крепышкина и Скваыгин.

Скваыгин. Многолетствовать желаю вашей чести навсегда.

Щепеткова.

Я свой вексель выкупаю,
Взять заклад пришла сюда.

Крепышкина.

Я ответу ожидаю,
Деньги мне отдашь когда?

Скваыгин *(Щепетковой)*.

Какой заклад?
Я клясться рад,
Что я закладу знать не знаю,
А сто рублей своих считаю.
Готов итти хоть в суд. *(К Крепышкиной.)*
А вексель твой

Во всем пустой;
Хотя и должным я считался,
Да уж давно с тобой сквитался. (*К обоим.*)
Вот вам вся сказка тут!

Обе.

Ах ты, плут проклятой!

Щепеткова.

Ты заклад мой прижимаешь?

Крепышкина.

Ты мой долг не признаваешь?

Обе.

Ах, грабитель, вор, злодей!
Ах, разбойник, лиходей!

Скваллыгин.

За ругательства такие,
Проводить велю я вас.

Обе.

На поступки плутовские,
Мы пойдем просить в приказ.

Скваллыгин (*вслед*). Побегайте себе, куда как вы много себе поможете!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Скваллыгин и вдова с сыном девяти и дочерью осьми лет.

Вдова. Милостивой государь! сегодни пожитки мои забрали в магистрат для продажи с публичного торгу по вашему векселю.

Скваллыгин. Я это и без тебя знаю; естьли их недостанет за долг, то и ты посажена будешь.

Вдова. Милостивой государь! вы, конечно, имеете право поступать так со мною, но естьли вы имеете человечество, то я достойна более вашего сожаления, нежели столь немилосердого поступка.

Скваллыгин. Послушай, голубка! соловья баснями не кормят. Не надейся ни на какое сожаление. Коли об вас жалеть, так придет и самому итти по миру.

Вдова. Избави вас от того боже! — Однако ж милостивой государь, вы сами тому свидетель, что покойной мой муж задолжал вам по приключившимся ему великим несчастиям. Он, конечно, посредством трудов своих заплатил бы вам все, естьли бы не умер, оставя меня и детей без пропитания, без призрения и без всякой надежды.

Скалыгин (*про себя*). Эта баба в уныние меня приводит. Да чего ей в зубы смотреть? (*К ней*). Ну, что мне до рассказов твоих нужды? Ты после мужа наследница, и мне где ни возми, да заплати. Вот хоть из души вытащи.

Вдова. Я еще не знаю, чем бы мне сегодни накормить моих сирот, коих у меня шестеро. Так нас вы обобрали, что мне бы из комнаты вытти стыдно было, естьли б не дали из жалости сходить только к вам этого платья; и как я могу успокоить бедных младенцев, когда не только постелей, да и ни единой ложки вы нам не оставили?

Мальчик. Пожалуйте, велите отдать мне кафтан и башмаки с чулками.

Скалыгин. Видишь как! бегай в рубашке и босиком.

Девочка. Хоть постелю-то нам отдать прикажите.

Скалыгин. Валяйся по полу.

Мальчик и девочка. О боже мой!

Скалыгин. Да отвяжитесь от меня. Я веть сказал, что вам от меня ждать нечего. (*Садится*).

Вдова с детьми (*стоя на коленях*).

На страдания жестоки
Бедных нас сирот воззри;
Слез лиющися потоки
Милосердием отри.

Скалыгин. Я вам говорю, что не будет уступки ни шелега. Кто должен, тот плати.

Вдова с детьми.

Сжалься, видя жизнь несчастну,
Дай зреть радостные дни;
Бедность лютую, ужасну,
В жизнь спокойну премени.

Скалыгин (*про себя*). Не знаю, что с ними делать. Вижу, что взять нечего, а простить жаль. Провал вас возми! Вы меня в жалость привели. (*Вслух*.) Да полно; в этаком случае и богатой бедным притворяется. (*Подымает вдову и гонит с детьми вон*.) Поди-ка, поди, голубушка, здесь без денег нечего делать. Заплати, да и двора моего не знай.

ЯВЛЕНИЕ IX

Скалыгин (один).

Скалыгин. Эх, кабы зять-та мой смахлевал это дельцо-то! Уж бы остригли мы плотно этих бедняков, а там бы постарался я и зятюшку-та от себя отбоярить. Веть он кропивное

семя! С этаким человеком дружись, а камешек в пазухе держи. Теперь дела мои идут, кажется, все по моему желанию. Прошибкин получил наклад от подряду; Недомекова товары будут продавать завтра с акциону; Дремучкин накупил испорченных вин, кои у него с рук нейдут; Фалин посадил брата своего в магистрат; Дрозжник спился с кругу, и все это я! Да так и довлеет. Веть чем больше угнетаешь других, тем больше сам возвышаешься. Пей, ешь, веселись, душа, и радуйся падению других; что совесть? Добро, вор Андрюшка! Он пустил мне в голову этого кузнечика, да я его тотчас выгоню. Ну, деньгам ли она чета? Пускай же наживают с совестью то, сколько я нажил без нее. *(Поет.)*

Всяк умей-ка так пожить
И достаточек скопить.
Пусть душой я покривился,
Да чрез то обогатился.

В том хвала мне, в том и честь,
Как гомза в кармане есть.
Всякой шапочку снимает,
Государь мой, величает.

Хоть прослыл я и жидом,
Только всем мой полон дом.
Все заклады мне приносят;
Одолжи, пожалуй, просят.

Я и рост на рост беру,
Я и рубль на рубль деру;
Слез, стенанья не внимаю;
За долги в тюрьму сажаю.

ЯВЛЕНИЕ X

Сквалыгин, Проторгуев, Перебоев, а после Прямиков, Крепышкина, Щепеткова, Саламанида, Крючкодей, секретарь с подьячими и мужик. Перебоев и Проторгуев бегут задыхаючись.

Сквалыгин. Что вы так бежите? Доровое ли?

Проторгуев. Беда-сте! беда! беда, да и не малая! Мы были теперь оба по делам нашим в правлении и видели, что нареченного зятя твоего ведут сюда под караулом.

Перебоев. Офицер Прямиков уличает-сте его в фальшивых векселях и, следовательно, будет-сте, Пафнутьич, и тебе худо.

Остальные входят, кроме Саламаниды и мужика.

Секретарь (*Сквалыгину*). Мне приказано спросить вас, должны ли вы по векселю госпоже Крепышкиной десять тысяч рублей?

Сквалыгин. Никак, милостивец! Я хотя и был ей должен, однако ж, по чести, все заплатил.

Секретарь. Чем вы это докажете?

Сквалыгин. Тем, что и уплата на том векселе подписана. Сверх того вот и эти честные люди, господин Перебоев и господин Проторгуев, о том вам скажут. (*Тихо купцам.*) Помогайте мне и скажите, что вы при том были; а ежели не так, то я вас разорю.

Проторгуев и Перебоев поминаются и почесываются.

Секретарь. Изрядно! госпожа Щепеткова отдает вам сто рублей, кои вы дали ей под вексель; для чего вы закладу ей не отдаете?

Сквалыгин. Это, сударь, такожде ложно на меня донесено. Сто рублей она у меня под вексель взяла, а закладу я у нее не бирал. Проторгуев и Перебоев и в том такожде свидетельствуют.

Проторгуев и Перебоев делают то же.

Секретарь. Хорошо! однако ж доносят на тебя, что ты от данного тебе Щепетковою векселя подписанное внизу поручительство на двести пятьдесят рублей серебра прочь отрезал.

Сквалыгин (*про себя*). Кому донести, кроме плута Крючкодея? (*Вслух.*) Это я вижу — плут Крючкодей. Ему верить не довлеет, потому что он за плутни в провинциальной канцелярии отставлен от дела.

Крючкодей. Как ты, каналья, дерзаешь ругательски поносить меня? Так, слушайте ж, господин секретарь: я хотя вам этого не говорил, точию теперь утверждаю. (*Оборотясь к Сквалыгину.*) Ты от векселя поручительство отрезал.

Сквалыгин. Ты скоблил вексель!

Секретарь (*к Проторгуеву и Перебоеву*). Вы, господа свидетели, что теперь скажете?

Проторгуев. Я-я-я люблю правду! Он-он подучал нас по нем потакать; только-только что страховато. Пропадай, пропадай он вставши!

П е р е б о е в. Нет-сте, нет! Мы не такой поведенции и, следовательно, этого знать не знаем.

П р я м и к о в (*вынув отрезок от векселя из кармана*). Для бесспорной улики вот и поручительство госпожи Щепетковой.

С е к р е т а р ь (*вынимает бумагу и прикладывает к лоскутку*). Этот лоскуток точно от этого векселя отрезок. Ну, теперь что скажете?

С к в а л ы г и н (*повеся голову*). Виноват! Враг меня попутал.

К р ю ч к о д е й. Сатана меня за ребро дернул.

С к в а л ы г и н. Ты, вор, привел меня на все плутовские дела!

К р ю ч к о д е й. Ты, бездушник, меня смахлевать это заставил!

С к в а л ы г и н. Разве не ты мне советы давал?

К р ю ч к о д е й. А разве не ты меня о том просил и за то хотел за меня дочь выдать?

С а л а м а н и д а (*в сие время входит*). Что такое? что такое? Не успели породниться, да уж и бранятся, еще ничего не видя. (*Особо.*) Гостей-то сколько! То-то будет сегодни попойка!

С е к р е т а р ь (*к приказным*). Отведите ее. (*Отводят.*)

С а л а м а н и д а. Что вам за дело? Свои собаки грызутся, а чужая не приставай.

М у ж и к (*выскоча из-за людей к секретарю*). Помилуй, цосной осподин! Вот он (*указывая на Крючкодея*) давица меня турбацыль, ажно в глазах поцемнело, да и деньжонки мои повымоздзил; прикажи, баценько, яму заплацинь.

С е к р е т а р ь. Дело твое известно. Поди ты вот с ним (*указывая на служителя*). Там получишь ты свои деньги.

М у ж и к (*кланяется*). Цем им пропадаць, так лутце купить бабиче своей сороку. Целом бью! целом бью! (*Кланяется и уходит.*)

С е к р е т а р ь (*к Прямикову, Щепетковой и Крепышкиной*). Будьте уверены, что вы все свое требуемое получите.

П р я м и к о в. Мы приносим достодолжную нашу благодарность за неукоснительное попечение о вспомоществовании притесняемым.

С а л а м а н и д а. Ну, свадьба наша, прощай! и попить не удалось! Так по этому зачали за здравие, а свели за упокой. Худо жить без совести!

П е р е б о е в. Следовательно, как поживешь...

П р о т о р г у е в. Так и прослывешь.

С к в а л ы г и н. Признаюсь, не достанет всего моего богатства для тех, коих я обидел.

К р ю ч к о д е й. А я, частореченной, окаянной! ничем загладить не могу учиненные мною крючки и каверзы.

Скважыгин. Андрюшка правду сказал! Худо жить без совести!

Хор.

Царствуй, истина святая,
Царствуй в наши времена!
Чтут тебя все, прославляя,
Земнородны племена.

Перебоев.

Счастья реки б пролилися
Для спокойства всех людей;
Естьли б в свете превелися
Лихоимец, Крючкодей.

Проторгуев.

Кто лишь деньги обожает,
Притесняет вдов, сирот,
Чести, совести не знает,
Этот скаредной урод.

Скважыгин.

Меркнет свет в глазах,
Дух терзает страх.
Ах, какой злой час
Вдруг постигнул нас!

Скважыгин и Крючкодей.

Пропали мы,
Пропали мы!
Мы пропали оба телом и душой!
Пропали мы,
Пропали мы!
Мы в беду попали по уши с тобой!
Узнали мы,
Узнали мы,
Мы узнали, от безделства плод какой.

Крепышкина.

Вот затеи, плутни, взятки,
Как приятны, милы, сладки
Крючкодею
И злодею!

Щепеткова.

Вот как алчность, чужехватство,
Приумножилось богатство
Жидомору,
Плуту, вору!

Щепеткова, Крепышкина и Прямиков.

Плутовство закрыть крючками,
Рвать помногу и клочками

Хоть старались,
Да попались.

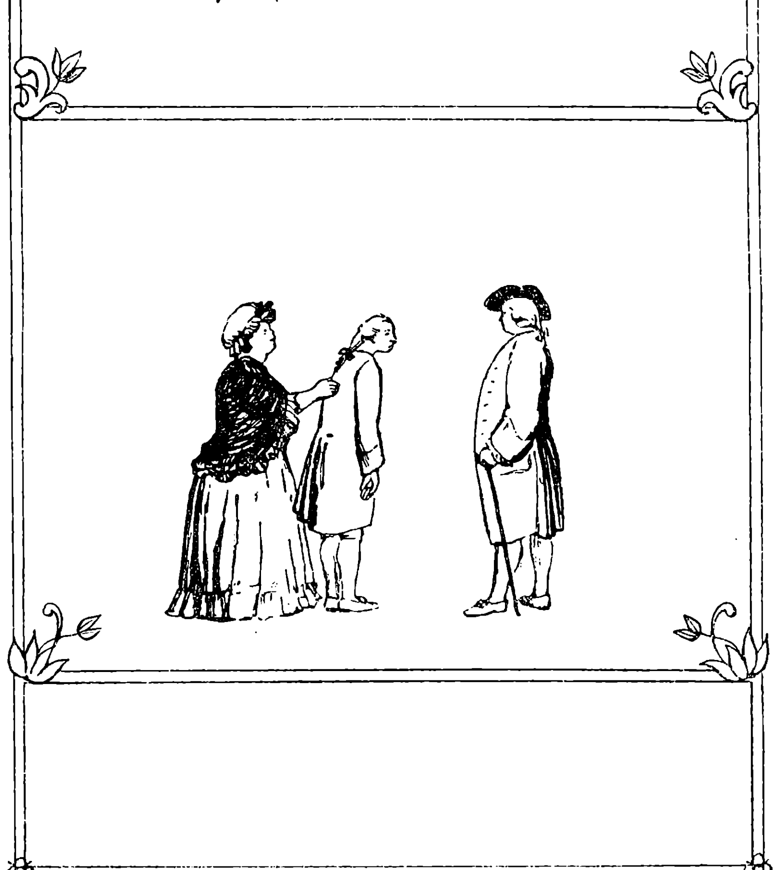
Хор.

Царствуй истина святая,
Царствуй в наши времена!
Чтут тебя все, прославляя,
Земнородны племена.

Конец оперы

Д. И. ФОНВИЗИН

НЕДОРОСЛЬ



НЕДОРОСЛЬ*

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Простаков
Г-жа Простакова, жена его
Митрофан, сын их, недоросль
Еремеевна, мама Митрофанова
Правдин
Стародум
Софья, племянница Стародума
Милон
Скотинин, брат г-жи Простаковой
Кутейкин, семинарист
Цыфиркин, отставной сержант
Вральман, учитель
Тришка, портной
Слуга Простакова
Камердинер Стародума

Действие в деревне Простаковых

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтан на Митрофане)*. Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремеевна отходит.)* Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(к Тришке)*. А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вас докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ища он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет * портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан *(вбегает)*. Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и Простаков.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков (*от робости запинаясь*). Ме... мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил, и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Скотинин.

Скотинин. Кого? за что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтрева; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изрядненько.

Г-жа Простакова (*Тришке*). Выйди вон, скот. (*Еремеевне.*) Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать робенку. Ведь, я чаю, скоро и учители придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я ведь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, мати божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая же дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков *(в сторону)*. Ну, беда моя! сон в руку!

Митрофан *(разнежась)*. Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова *(с досадою)*. Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечной! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин.

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегу-тка теперь на голубятню, так авось либо. . .

Г-жа Простакова. Так авось-либо господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною отходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин.

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Ввечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж?

Г-жа Простакова. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако, я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущею сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке, сделался удар...

Г-жа Простакова (*показывая, будто крестит сердце*). С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка ее, г. Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нем ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее в нашу деревеньку и надзираем над ее имением, как над своим.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня так разоврался, мой батюшка? Ища братец может подумать что мы для интересу ее к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякой убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хоть бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор, как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жените меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота.

Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околодке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может. Митрофанушка наш весь в дядю. И он до свиней сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это, подлинно, диковинка! Ну, пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям-то так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж и Софья.

Софья вошла, держа письмо в руках и имея веселый вид.

Г-жа Простакова (*Софье*). Что так весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова (*испугавшись, с злобою*). Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядной вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умной; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну, да коли он не умирал?

Простаков. Избави боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова (*к мужу*). Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто-таки и грешные-то мои молитвы не доходили! (*К Софье.*) Письмецо-то мне пожалуй. (*Почти вырывает.*) Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь, от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама итти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К деушкам письма пишут! деушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. (*К мужу.*) Читай.

Простаков (*долго смотря*). Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я от роду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О, матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушки скоро придет. Ему велю...

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит. Вить, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те ж и Правдин.

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! а как по фамилии, я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой! имени и отчества не знаю,— в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. *(К Правдину.)* Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин. Если вы приказываете. *(Читает.)*

«Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известии. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощию счастия, нажил я десять тысяч рублей доходу. . .»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Правдин *(читает)*. «Которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею. . .»

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!
Простаков. Софью наследницею!
Скотинин. Ее наследницею!
(Вместе.)

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя от радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама все-таки думала, что бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин (*протянув руку*). Ну, сестрица, скоряе же по рукам.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя вытти?

Скотинин. Как! что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова (*к Софье*). Софьюшка, душа моя! пойдем ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. (*Увела Софью.*)

Скотинин. Ба! так я вижу, что сегодни сговору-то вряд и быть ли.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Правдин, Простаков, Скотинин, слуга.

Слуга (*к Простакову, запыхавшись*). Барин! барин! солдаты пришли, остановились в нашей деревне.

Простаков. Какая беда! Ну, разорят нас до конца.

Правдин. Чего вы испугались?

Простаков. Ах, ты, отец родной! Мы уж видали виды. Я к ним и появиться не смею.

Правдин. Не бойтесь. Их, конечно, ведет офицер, которой не допустит ни до какой наглости. Пойдем к нему со мною. Я уверен, что вы робеете напрасно.

Правдин, Простаков и слуга отходят.

Скотинин. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотной двор.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин, Милон.

Милон. Как я рад, мой любезной друг, что нечаянно увиделся с тобой! Скажи каким случаем...

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешней округ; а притом, из собственного подвига сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника. С какою ревностию помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении *, там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дни. Нашел помещика дурака бессчетного, а жену презлую фурию, которой адской нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останешься?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено и солдат вести без замедления. Да сверх того я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезной друг! я влюблен и имею счастье быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слыхал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю, ни кто, ни куда. Может быть,

она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь, однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сумневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

Правдин. Позволь мне спросить об ее имени.

Милон (*в восторге*). А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те ж и Софья.

Софья (*в восхищении*). Милон! тебя ли я вижу?

Правдин. Какое счастие!

Милон. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники...

Правдин. Мой друг! не спрашивай о том, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь от меня, какие грубости...

Милон. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однакож, в первой раз здешняя хозяйка переменила со мною свой поступок. Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем ее обинякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

Милон (*с нетерпением*). И ты не изъявила ей тот же час совершенного презрения?..

Софья. Нет...

Милон. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что...

Софья. Нет...

Милон. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нем всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещен, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб...

Софья (*усмехаясь*). Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

Милон (*с негодованием*). Я воображаю все его достоинствы...

Софья. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет.

Правдин. Как дале не пойдет, сударыня? Он доучивает часослов; а там, думать надобно, примутся и за псалтирь.

Милон. Как! таков-то мой соперник! А! любезная Софья! на что ты и шуткою меня терзаешь! Ты знаешь, как легко страстной человек огорчается и малейшим подозрением. Скажи ж мне, что ты ей отвечала?

Софья. Подумай же, как несчастно мое состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство.

Милон. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идет по театру, задумавшись, и никто его не видит.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме своем, которого (*к Правдину*) не позволил нам дочитать господин Скотинин.

Милон. Скотинин?

Скотинин. Я!

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и Скотинин.

Правдин. Как вы подкрались, господин Скотинин? Этого бы я от вас и не чаял.

Скотинин. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнет — Скотинин! а я ему: я! Что вы, братцы, и за правду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом. Бывало, на съезжей в перекличке как закричат: Тарас Скотинин! а я во все горло: я!

Правдин. Мы вас теперь не кликали, и вы можете итти, куда шли.

Скотинин. Я никуда не шел, а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из нее гвоздем не выколотишь. У меня, слышь ты, вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

Правдин. Что ж бы вас так теперь занимало?

Скотинин. Ох, братец, друг ты мой сердечной! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привез ничего.

Правдин. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

Скотинин (*озлобясь*). Как мячиком? Оборони бог! Да я и сам зашвырну ее так, что целой деревней в неделю не отыщут.

Софья. Ах, как вы рассердились!

Милон. Что с вами сделалось?

Скотинин. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъехала с отводом: «Что-де тебе, братец, в жене; была бы де у тебя, братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведешь.

Правдин. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

Скотинин. Эка притча! Я другому не помеха. Всякой женись на своей невесте. Я чужу не трону, и мою чужой не тронь же. (*Софье.*) Ты не бось, душенька. Тебя у меня никто не перебьет.

Софья. Это что значит? Вот еще новое!

Милон (*вскричал*). Какая дерзость!

Скотинин (*к Софье*). Чего ж ты испугалась?

Правдин (*к Милону*). Как ты можешь осердиться на Скотинина?

Софья (*Скотинину*). Неужели суждено мне быть вашею женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конем не объедешь, душенька! Тебе на свое счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что затрубят: в здешнем-де околодке и житье одним свиньям.

Правдин. Когда же у вас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от вас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для нее одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердешной! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клевок особливой, то жене найду светелку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин (*Скотинину*). Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит ее за сынка своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как чорта, изломаю. Ну, будь я свиной сын, если я не буду ее мужем, или Митрофан уродом.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж, Еремеевна и Митрофан.

Еремеевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофан. Ну, еще слово молви, стара хрычовка! Уж я те отделаю; я опять нажалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по-вчерашнему.

Скотинин. Подойди сюда, дружочек.

Еремеевна. Изволь подойти к дядюшке.

Митрофан. Здорово, дядюшка! Что ты так ощетиниться изволил?

Скотинин. Митрофан! Гляди на меня прямее.

Еремеевна. Погляди, батюшка.

Митрофан (*Еремеевне*). Да дядюшка что за невидальщина? Что на нем увидишь?

Скотинин. Еще раз: гляди на меня прямее.

Еремеевна. Да не гневи дядюшку. Вон, изволь посмотреть, батюшка, как он глазки-то вытаращил, и ты свои изволь так же вытаращить.

Скотинин и Митрофан, выпуча глаза, друг на друга смотрят.

Милон. Вот изрядное объяснение!

Правдин. Чем-то оно кончится?

Скотинин. Митрофан! Ты теперь от смерти на волоску. Скажи всю правду; если б я греха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги, да об угол. Да не хочу губить души, не найдя виноватого.

Еремеевна (*задрожала*). Ах, уходит он его! Куда моей голове деваться?

Митрофан. Что ты, дядюшка? белены объелся? Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволил.

Скотинин. Смотри ж, не отпирайся, чтоб я всердцах с одного разу не вышиб из тебя духу. Тут уж руки не подставишь. Мой грех. Виноват богу и государю. Смотри, не клепли же и на себя, чтоб напрасных побой не принять.

Еремеевна. Избави бог напраслины!

Скотинин. Хочешь ли ты жениться?

Митрофан (*разнежась*). Уж давно, дядюшка, берет охота...

Скотинин (*бросаясь на Митрофана*). Ах ты чушка проклятая!..

Правдин (*не допуская Скотинина*). Господин Скотинин! Рукам воли не давай.

Митрофан. Мамушка! заслони меня.

Еремеевна (*заслоняя Митрофана, остервенясь и подняв кулаки*). Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю.

Скотинин (*задрожав и грозя, отходит*). Я вас доеду.

Еремеевна (*задрожав, вслед*). У меня и свои зацепы востры!

Митрофан (*вслед Скотинину*). Убирайся, дядюшка; проваливай.

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж и оба Простаковы.

Г-жа Простакова (*мужу идучи*). Тут перевирать нечего. Весь век, сударь, ходишь, развеся уши.

Простаков. Да он сам с Правдиным из глаз у меня сгиб да пропал. Я чем виноват?

Г-жа Простакова (*к Милону*). А! мой батюшка! Господин офицер! Я вас теперь искала по всей деревне; мужа с ног сбила, чтоб принести вам, батюшка, нижайшее благодарение за добрую команду.

Милон. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Как за что, мой батюшка! Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул. Не прогневайся, мой батюшка, что урод мой вас прозевал. Отроду никого угостить не смыслит. Уж так рохлею родился, мой батюшка.

Милон. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находит такой, по-здешнему сказать, столбняк. Иногда, выпуча глаза, стоит битой час, как вкопанной. Уж чего-то я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймешь. Ежели столбняк и попройдет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у бога просишь опять столбняка.

Правдин. По крайней мере, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нрав. Он смирен...

Г-жа Простакова. Как теленок, мой батюшка; от-

того-то у нас в доме все и избаловано. Вишь у него нет того смыслу, чтоб в доме была строгость, чтоб наказать путем виноватого. Все сама управляюсь, батюшка. С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка!

Правдин (*в сторону*). Скоро будет он держаться иным образом.

Митрофан. И сегодня матушка все утро изволила провозиться с холопями.

Г-жа Простакова (*к Софье*). Убирала покои для твоего любезного дядюшки. Умираю, хочу видеть этого почтенного старичка. Я об нем много наслышалась. И злодеи его говорят только, что он немножечко угрюм, а такой-де преразумной, да коли-де кого уж и полюбит, так прямо полюбит.

Правдин. А кого он не возлюбит, тот дурной человек. (*К Софье.*) Я и сам имею честь знать вашего дядюшку. А сверх того от многих слышал об нем то, что вселило в душу мою истинное к нему почтение. Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил «да», когда душа его чувствовала «нет».

Софья. Зато и счастье свое должен он был доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость божия к нам, что удалось. Ничего так не желаю, как отеческой его милости к Митрофанушке. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?

Софья отходит.

Г-жа Простакова (*к Простакову*). Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаков (*отходя*). Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова (*к гостям*). Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой век проходит. Его готовлю в люди.

Здесь появляются Кутейкин с часословом, а Цыфиркин с аспидной доскою и грифелем. Оба они знаками спрашивают Еремеевну: входить ли? Она их манит, а Митрофан отмахивает.

Г-жа Простакова (*не видя их, продолжает*). Авось-либо господь милостив, и счастье на роду ему написано.

Правдин. Оглянитесь, сударыня, что за вами делается!

Г-жа Простакова. А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители, Сидорыч Кутейкин. . .

Еремеевна. И Пафнутьич Цыфиркин.

Митрофан *(в сторону)*. Пострел их побери и с Еремеевной.

Кутейкин. Дому владыке мир и многая лета с чады и домочадцы.

Цыфиркин. Желаем вашему благородию здравствовать сто лет, да двадцать, да еще пятнадцать, несчетны годы.

Милон. Ба! наш брат служивой! Откуда взялся, друг мой?

Цыфиркин. Был гарнизонной, ваше благородие! А ныне пошел в чистую.

Милон. Чем же ты питаешься?

Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! Малу толику арифметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей у счетных дел. Не всякому открыл господь науку: так кто сам не смыслит, меня нанимает то счетец поверить, то итоги подвести. Тем и питаюсь; праздно жить не люблю. На досуге ребят обучаю. Вот и у их благородия с парнем третий год над ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся; ну, и то правда, человек на человека не приходит.

Г-жа Простакова. Что? Что ты это, Пафнутьич, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркин. Так. Я его благородию докладывал, что в иного пня в десять лет не вдолбишь того, что другой ловит на полете.

Правдин *(к Кутейкину)*. А ты, господин Кутейкин, не из ученых ли?

Кутейкин. Из ученых, ваше высокородие! Семинарии здешния епархии. Ходил до риторики, да богу изволившу, назад воротился. Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убояся бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиниями, да не попрут его ногами».

Г-жа Простакова. А где наш Адам Адамыч?

Еремеевна. Я и к нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дым столбом, моя матушка! Задушил, проклятой, табачищем. Такой греховодник.

Кутейкин. Пустое, Еремеевна! Несть греха в курении табака.

Правдин *(в сторону)*. Кутейкин еще и умничает!

Кутейкин. Во многих книгах разрешается: во псалтире именно напечатано: «И злак на службу человеком».

Правдин. Ну, а еще где?

Кутейкин. И в другой псалтире напечатано то же. У нашего протопопа маленька в осьмушку, и в той то же.

Правдин (*к г-же Простаковой*). Я не хочу мешать упражнениям сына вашего; слуга покорной.

Милон. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда же вы, государи мои?..

Правдин. Я поведу его в мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многом говорить имеют.

Г-жа Простакова. А кушать где изволите, с нами или в своей комнате? У нас за столом только что своя семья, с Софьюшкой...

Милон. С вами, с вами, сударыня.

Правдин. Мы оба эту честь иметь будем.

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, так теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешной. Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Вить здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова (*вне себя*). Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волоски ему не вцепился. А ни за что... ни про что...

Г-жа Простакова (*в злобе*). Ну...

Еремеевна. Пристал к нему, хочешь ли жениться?

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берет. Как он остервенится, моя матушка! как вскинется...

Г-жа Простакова *(дрожа)*. Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестия! По тебе робенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту ж минуту отойти не изволил, то я б с ним поломалась. Во что б бог ни поставил. Притупились бы эти *(указывая на ногти)*, я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна *(заплакав)*. Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмя что... живота не жалеешь... а все не угодно.

Кутейкин. Нам во-свояси повелите? *(Вместе.)*

Цыфиркин. Нам куда поход, ваше благородие? *(Вместе.)*

Г-жа Простакова. Ты ж еще, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. *(К Митрофану.)* Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещечко, так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь деточек. *(К Еремеевне.)* С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная. *(Отходит с Митрофаном.)*

Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромешная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку...

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна *(в слезах)*. Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость вся та же...

Кутейкин. А велика ль благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в круглой год.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин.

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мое к вам душевное почтение...

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете иметь ее к другим, кроме таких...

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины,— перестает искренность.

Правдин. Ваше обхождение...

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякой считал себя за многих. Зато нонче многие не стоют одного. Отец мой у двора Петра Великого...

Правдин. А я слышал, что он в военной службе...

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

Правдин. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах...

Стародум. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знания мода, как на пряжки, на пуговицы.

Правдин. Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа...

Стародум. Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь. *(С чувством.)* Невежда без души — зверь. Самой мелкой подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я свободить. . .

Правдин. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем. . .

Стародум. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойной поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня правило: в первом движении ничего не начинать.

Правдин. Редкие правило ваше наблюдать умеют.

Стародум. Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

Правдин. Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете. . .

Стародум. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особливой случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостию. «Любезной граф! вот случай нам отличить себя. Пойдем тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Друг мой граф сильно наморщился и, обняв меня сухо: «Счастливой тебе путь», сказал мне: «а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту ж минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду.

Правдин. Сущая истина.

Стародум. Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежней мой зна-

комец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжкой болезни. Такое неправосудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

Правдин. Что ж бы иное и делать надлежало?

Стародум. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженного моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо любочестивой человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану.

Правдин. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

Стародум. В одном только: когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

Правдин. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародум. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

Правдин. Куда же?

Стародум. Ко двору. Меня взяли ко двору. А! Как ты об этом думаешь?

Правдин. Как вам эта сторона показалась?

Стародум. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

Стародум. А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтиться не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земи.

Правдин. Так поэтому тут самолюбие...

Стародум. Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдин. Но те достойные люди, которые у двора служат государству...

Стародум. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

Правдин. Вас, конечно, у двора не узнали?

Стародум. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот; а то бы выжили ж меня одним из двух маперов.

Правдин. Каких?

Стародум. От двора, мой друг, выживают двумя манерами. Либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин. Итак, вы отошли от двора ни с чем? *(Открывает свою табакерку.)*

Стародум *(берет у Правдина табак)*. Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублев. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублев целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правилы.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. За тем, за чем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

ЯВЛЕНИЕ II

Те ж и Софья.

Софья *(к Правдину)*. Сил моих не стало от их шуму.

Стародум *(в сторону)*. Вот черты лица ее матери. Вот моя Софья.

Софья *(смотря на Стародума)*. Боже мой! Он меня назвал. Сердце мое меня не обманывает...

Стародум *(обняв ее)*. Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья *(бросаясь в его объятия)*. Дядюшка! Я вне себя с радости.

Стародум. Любезная Софья! Я узнал в Москве, что ты живешь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздраженным, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало мое сердце, как невинность в сетях

коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случилось из рук вырвать добычь от порока.

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка, ваши ко мне милости...

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечении твое счастье. Пошед в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум *(к Правдину)*. Чтоб оградить ее жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицеприятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли б обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нажил столько, чтоб при твоем замужестве не остановляла нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав ее, не лишнее было бы оставить и детям...

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут, без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван — все болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатным оказывается почтение.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение ваше неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум!

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж, г-жа Простакова, Скотинин, Милон. Милон разнимает г-жу Простакову с Скотининым.

Г-жа Простакова. Пусти! Пусти, батюшка! Дай мне до рожи, до рожи...

Милон. Не пущу, сударыня. Не прогневайся!

Скотинин (*в запальчивости, оправляя парик*). Отвяжись, сестра! Дойдет дело до ломки, погну, так затрещишь.

Милон (*г-же Простаковой*). И вы забыли, что он вам брат!

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

Милон (*Скотинину*). Разве она вам не сестра?

Скотинин. Что греха таить, одного помету; да вишь как развизжалась.

Стародум (*не могши удержаться от смеху, к Правдину*). Я боялся рассердиться. Теперь смех меня берет.

Г-жа Простакова. Кого-то, над кем-то? Это что за выезжей?

Стародум. Не прогневайся, сударыня. Я от роду ничего смешнее не видывал.

Скотинин (*держась за шею*). Кому смех, а мне и полсмеха нет.

Милон. Да не ушибла ль она вас?

Скотинин. Перед-от заслонял обеими, так вцепилась в зашеину...

Правдин. И больно?..

Скотинин. Загривок немного пронозила.

В следующую речь г-жи Простаковой Софья сказывает взорами Милону, что перед ним Стародум. Милон ее понимает.

Г-жа Простакова. Пронозила!.. Нет, братец, ты должен образ выменить господина офицера; а кабы не он, то б ты от меня не заслонился. За сына вступлюсь. Не спущу отцу родному. (*Стародуму.*) Это, сударь, ничего и не смешно. Не прогневайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала? Изволил пожаловать неведомо к кому, неведомо кто.

Стародум (*указывая на Софью*). Приехал к ней, ее дядя, Стародум.

Г-жа Простакова (*оробев и иструсясь*). Как! это ты! Ты, батюшка! Гость наш бесценной! Ах, я дура бессчетная! Да так ли бы надобно было встретить отца родного, на которого вся надежда, которой у нас один, как порох в глазе. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Где муж! где

сын! Как в пустой дом приехал! Наказание божие! Все обезумели. Девка! Девка! Палашка! Девка!

Скотинин (*в сторону*). Тот-то, он-то, дядюшка-то!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Еремеевна.

Еремеевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты разве девка, собачья ты дочь? Разве у меня в доме, кроме твоей скверной хари, и служанок нет! Палашка где?

Еремеевна. Захворала, матушка, лежит с утра.

Г-жа Простакова. Лежит! Ах, она бестия! Лежит. Как будто благородная!

Еремеевна. Такой жар рознял, матушка, без умолку бредит...

Г-жа Простакова. Бредит, бестия! Как будто благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи им, что по милости божией дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; ну, беги, переваливайся.

Стародум. К чему так суетиться, сударыня? По милости божией я ваш не родитель, по милости же божией я вам и незнаком.

Г-жа Простакова. Нечаянной твой приезд, батюшка, ум у меня отнял; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодетель наш!..

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

В следующую речь Стародума, Простаков с сыном, вышедшие из средней двери, стали позади Стародума. Отец готов его обнять, как скоро дойдет очередь, а сын подойти к руке. Еремеевна взяла место в стороне и, сложа руки, стала, как вкопанная, выпяля глаза на Стародума, с рабским подобострастием.

Стародум (*обнимая неохотно г-жу Простакову*). Милость совсем лишняя, сударыня! Без нее мог бы я весьма легко обойтиться. (*Вырвавшись из рук ее, обертывается на другую сторону, где Скотинин, стоящий уже с распростертыми руками, тотчас его схватывает.*)

Стародум. Это к кому я попался?

Скотинин. Это я, сестрин брат.

Стародум (*увидя еще двух, с нетерпением*). А это кто еще?

Простаков (*обнимая*). Я женин муж.
Митрофан (*ловя руку*). А я матушкин сынок. } (*Вместе.*)

Милон (*Правдину*). Теперь я не представлюсь.

Правдин (*Милону*). Я найду случай представить тебя после.

Стародум (*не давая руки Митрофану*). Этот ловит целовать руку. Видно, что готовят в него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка. Как-де, сударь, мне не целовать твоей ручки? Ты мой второй отец.

Митрофан. Как не целовать, дядюшка, твоей ручки. Ты мой отец... (*К матери.*) Которой бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофан. Второй? Второй отец, дядюшка.

Стародум. Я, сударь, тебе ни отец, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вить робенок может быть свое счастье прорекает: авось-либо сподобит бог быть ему и впрямь твоим племянничком.

Скотинин. Право! А я чем не племянник? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братец, с тобою лаяться не стану. (*К Стародуму.*) Отроду, батюшка, ни с кем не бранивалась. У меня такой нрав. Хоть разругай, век слова не скажу. Пусть же, себе на уме, бог тому заплатит, кто меня, бедную, обижает.

Стародум. Я это приметил, как скоро ты, сударыня, из дверей показалась.

Правдин. А я уже три дня свидетелем ее добронравия.

Стародум. Этой забавы я так долго иметь не могу. Софьюшка, друг мой, завтра же поутру еду с тобой в Москву.

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! За что такой гнев?

Простаков. За что немилость?

Г-жа Простакова. Как! Нам расстаться с Софьюшкой! С сердечным нашим другом! Я с одной тоски хлеба отстану.

Простаков. А я уже тут сгиб да пропал.

Стародум. О! Когда же вы так ее любите, то должен я вас обрадовать. Я везу ее в Москву для того, чтоб сделать ее счастье. Мне представлен в женихи ее некто молодой человек больших достоинств. За него ее и выдам.

Г-жа Простакова. Ах, уморил!
Милон. Что я слышу!
Софья кажется пораженною.
Скотинин. Вот-те раз!
Простаков всплеснул руками.
Митрофан. Вот тебе на!
Еремеевна печально кивнула головою.
Правдин показывает вид огорченного удивления.
} (*Все вместе.*)

Стародум (*приметя всех смятение*). Что это значит?

(К Софье.) Софьюшка, друг мой, и ты мне кажешься в смущении? Неужель мое намерение тебя огорчило? Я заступаю место отца твоего. Поверь мне, что я знаю его права. Они нейдут далее, как отвращать несчастную склонность дочери, а выбор достойного человека зависит совершенно от ее сердца. Будь спокойна, друг мой! Твой муж, тебя достойной, кто б он ни был, будет иметь во мне истинного друга. Поди за кого хочешь.

Все принимают веселый вид.

Софья. Дядюшка! Не сумневайтесь в моем повиновении.

Милон *(в сторону)*. Почтенной человек!

Г-жа Простакова *(с веселым видом)*. Вот отец. Вот послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человек ее стоил. Так, мой батюшка, так. Тут лишь только женихов пропускать не надобно. Коль есть в глазах дворянин, малой молодой...

Скотинин. Из ребят давно уж вышел...

Г-жа Простакова. У кого достаточек, хоть и небольшой...

Скотинин. Да свиной завод не плох...

Г-жа Простакова. Так и в добрый час в архангельской.

Скотинин. Так веселым пирком, ды за свадебку. *(Вместе.)*

Стародум. Советы ваши беспристрастны. Я это вижу.

Скотинин. То ль еще увидишь, как опознаешь меня покороче. Вишь ты, здесь содомно. Через час место приду к тебе один. Тут дело и сладим. Скажу, не похвалясь, каков я, право, таких мало. *(Отходит.)*

Стародум. Это всего вероятнее.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародум. А он вам братец?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка. Вить и я по отце Скотининых. Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодиных. Нас, детей, было у них восемнадцать человек; да, кроме меня с братцем, все, по власти господней, примерли. Иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались. Двое о святой неделе с колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка!

Стародум. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отец! Не нынешней был век. Нас ничему не учили. Бывало, добры люди приступят к батюшке, ублажают, ублажают, чтоб хоть братца отдать в школу. К статью ли, покойник-свет и руками, и ногами,

царство ему небесное! Бывало, изволит закричать: прокляну робенка, которой что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет.

Правдин. Вы, однакож, своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова. *(К Правдину).* Да ныне век другой, батюшка! *(К Стародуму.)* Последних крох не жалеем, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка из-за книги не встает по суткам. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будет детина хоть куда. Вить вот уж ему, батюшка, шестнадцать лет исполнится около зимнего Николы. Жених хоть кому, а все-таки учители ходят, часа не теряет, и теперь двое в сенях дожидаются. *(Мигнула Еремеевне, чтоб их позвать.)* В Москве же приняли иноземца на пять лет и, чтоб другие не сманили, контракт в полиции заявили. Порядился учить, чему мы хотим, а по нас учи, чему сам умеешь. Мы весь родительской долг исполнили, немца приняли и деньги по третям наперед ему платим. Желала б я душевно, чтоб ты сам, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрел бы, что он выучил.

Стародум. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова *(увидя Кутейкина и Цыфиркина).* Вот и учители! Митрофанушка мой ни днем, ни ночью покою не имеет. Свое дитя хвалить дурно, а куда не бессчастна будет та, которую приведет бог быть его женою.

Правдин. Это все хорошо: не забудьте, однакож, сударыня, что гость ваш теперь только из Москвы приехал и что ему покой гораздо нужнее похвал вашего сына.

Стародум. Признаюсь, что я рад бы отдохнуть и от дороги, и от всего того, что слышал и что видел.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Все готово. Сама для тебя комнату убирала.

Стародум. Благодарен. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то на что? Позволь, мой батюшка, проводить себя и мне, и сыну, и мужу. Мы все за твое здоровье в Киев пешком обещаемся, лишь бы дельце наше сладить.

Стародум *(К Правдину.)* Когда же мы увидимся? Отдохнув, я сюда приду.

Правдин. Так я здесь и буду иметь честь вас видеть.

Стародум. Рад душою. *(Увидя Милона, который ему с почтением поклонился, откланивается и ему учтиво.)*

Г-жа Простакова. Так милости просим.

Кроме учителей, все отходят. Правдин с Милоном в сторону, а прочие в другую.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кутейкин и Цыфиркин.

Кутейкин. Что за бесовщина! С самого утра толку не добьешься. Здесь каждое утро процветет и погибнет.

Цыфиркин. А наш брат и век так живет. Дела не делай, от дела не бегай. Вот беда нашему брату, как кормят плохо, как сегодни к здешнему обеду провианту не стало...

Кутейкин. Да кабы не умудрил и меня владыко, шедши сюда, забрести на перепутье к нашей просвирне, взалках бы яко пес ко вечеру.

Цыфиркин. Здешни господа добры командеры!..

Кутейкин. Слыхал ли ты, братец, каково житье-то здешним челядинцам; даром, что ты служивой, бывал на баталиях, страх и трепет приидет на тя...

Цыфиркин. Вот на! Слыхал ли? Я сам видал здесь беглой огонь в сутки сряду часа по три. *(Вздохнув.)* Охти мне! Грусть берет.

Кутейкин *(вздохнув)*. О, горе мне грешному!

Цыфиркин. О чем вздохнул, Сидорыч?

Кутейкин. И в тебе смятеся сердце твое, Пафнутьевич?

Цыфиркин. За неволю призадумываешься... Дал мне бог ученичка, боярского сынка. Бьюсь с ним третий год: трех перечесть не умеет.

Кутейкин. Так у нас одна кручина. Четвертой год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, прости господи, без складу по складам, без толку по толком.

Цыфиркин. А кто виноват? Лишь он грифель в руки, а немец в двери. Ему шабаш из-за доски, а меня ради в толчки.

Кутейкин. Тут мой ли грех? Лишь указку в персты, басурман в глаза. Ученичка по головке, а меня по шее.

Цыфиркин *(с жаром)*. Я дал бы себе ухо отнети, лишь бы этого тунеядца пришколить по-солдатски.

Кутейкин. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грешничу путем накостылять.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те ж, г-жа Простакова и Митрофан.

Г-жа Простакова. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофан. Ну! А там что?

Г-жа Простакова. А там и женишься.

Митрофан. Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь; только чтоб это был последней раз и чтоб сегодни ж быть сговору.

Г-жа Простакова. Придет час воли божей!

Митрофан. Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа Простакова. А я тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было бы куды класть.

Митрофан. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркин. Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая)*. Ах, господи боже мой! Уж робенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался!

Цыфиркин. За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит.

Митрофан. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркин. Все зады, ваше благородие. Ведь с задами-то век назади останешься.

Г-жа Простакова. Не твое дело, Пафнутьич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и боже избави!

Цыфиркин. Задача. Изволил ты, на приклад, итти по дороге со мною. Ну, хоть возьмем с собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофан *(пишет)*. Трое.

Цыфиркин. На дороге, на приклад же, триста рублей.

Митрофан *(пишет)*. Триста.

Цыфиркин. Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофан *(вычисляя, шепчет)*. Единожды три — три. Единожды ноль — ноль. Единожды ноль — ноль.

Г-жа Простакова. Что, что, до дележа?

Митрофан. Вишь триста рублей, что нашли, троим разделить.

Г-жа Простакова. Врет он, друг мой сердечной. Нашел деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

Митрофан. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Цыфиркин. Пиши, ваше благородие. За ученье жалуется мне в год десять рублей.

Митрофан. Десять.

Цыфиркин. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофан (*пишет*). Ну, ну, десять.

Цыфиркин. Сколько ж бы на год?

Митрофан (*вычисляя, шепчет*). Нуль да нуль — нуль. Один да один... (*Задумался.*)

Г-жа Простакова. Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а все, вижу, пустота. Денег нет, что считать? Деньги есть, сочтем и без Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкин. Шабаш, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Вить на проверку приводить не станут.

Митрофан. Не бось, брат. Матушка тут сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

Кутейкин (*открывает часослов, Митрофан берет указку*). Начнем благословясь. За мною, со вниманием. «Аз же есмь червь...»

Митрофан. «Аз же есмь червь...»

Кутейкин. Червь, сиречь животина, скот. Сиречь: «аз есмь скот».

Митрофан. «Аз есмь скот».

Кутейкин (*учебным голосом*). «А не человек».

Митрофан (*так же*). «А не человек».

Кутейкин. «Поношение человеков».

Митрофан. «Поношение человеков».

Кутейкин. «И уни...».

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те ж и Вральман.

Вральман. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарить хатят репенка! Матушка ты мая! Сшалься нат сфаей утропой, катора тефять месесоф таскала,— так скасать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим преклятым слатеям. Ис такой калафы толго ль палфан? Уш диспозисион*, уш все есть.

Г-жа Простакова. Правда. Правда твоя, Адам Адамыч! Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань.

Митрофан. А по мне и подавно.

Кутейкин (*затворяя часослов*). Конец и богу слава.

Вральман. Матушка моя! Што тепе надопно? Што? сынок, каков есть, да тал бог старовье, или сынок премудрой, так сказать, Аристотелис, да в могилу.

Г-жа Простакова. Ах, какая страсть, Адам Адамыч. Он же и так вчера небережно поужинал.

Вральман. Рассути, мать мая, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слапе прюха; напить ее лишне да и захрани поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адам Адамыч; да что ты станешь делать? Робенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург; скажут, дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь.

Вральман. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шеловек никахта ефо не сатерет, никахта з ним не саспорит: а он с умными лютьми не сфясывайся, так и пудет плаготенствие пожие!

Г-жа Простакова. Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Митрофан. Я и сам, матушка, до умниц-то не охотник. Свой брат завсегда лучше.

Вральман. Сфая кампания то ли тело!

Г-жа Простакова. Адам Адамыч. Да из кого ж ты ее выберешь?

Вральман. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; каков тфой тражайший сын, таких на сфете миллионы, миллионы. Как ему не фыпрать сепе кампаний?

Г-жа Простакова. То даром, что мой сын, малой острой, проворной.

Вральман. То ли пы тело, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска крамат. Арихметика! Ах, хоспоти поже мой, как туша ф теле остаёса! Как путто пы россиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать * пез российской крамат!

Кутейкин (*в сторону*). Под язык бы тебе труд и болезнь.

Вральман. Как путто пы до арихметики пыли люди тураки несчетные!

Цыфиркин (*в сторону*). Я те ребра-то пересчитаю. Попадесся ко мне.

Вральман. Ему потрепно снать, как шить ф сфете. Я снаю сфет наизусть. Я сам терта калашь.

Г-жа Простакова. Как тебе не знать большого свету, Адам Адамыч? Я чай, и в одном Петербурге ты всего нагляделся.

Вральман. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я савсегда ахотник пыл смотреть публик. Пыфало, о праснике съетутца

в Катрингоф кареты с хоспотами. Я фсе на них смотру. Пыфало, не сойту ни на минуту с косел.

Г-жа Простакова. С каких козел?

Вральман (*в сторону*). Ай! ай! ай! ай! Што я зафрал. (*Вслух.*) Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лофче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету и сасел, та и сматру польшой сфет с косел.

Г-жа Простакова. Конечно, виднее. Умной человек знает, куда взлезть.

Вральман. Ваш трашайший сын также на сфете как-ни-путь всмаститца, лютей пасматреть и сепя покасать. Уталец!

Митрофан, стоя на месте, перевертывается.

Вральман. Уталец! Не постоит на месте, как тикой конь пез усды. Ступай! Форт!

Митрофан убегает.

Г-жа Простакова (*усмехаясь радостно*). Робенок, право, хоть и жених. Пойти за ним, однакож, чтоб он с резвости без умыслу чем-нибудь гостя не прогневал.

Вральман. Поти, мая матушка! Салётна птиса! С ним тфои гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адам Адамыч! (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Вральман, Кутейкин, Цыфиркин.

Цыфиркин (*насмехаясь*). Эка образина!

Кутейкин (*насмехаясь*). Притча во языцех!

Вральман. Чему фы супы-то скалите, нефежи?

Цыфиркин (*ударив по плечу*). А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова!

Вральман. Ой! ой! шелесны лапы!

Кутейкин (*ударив по плечу*). Филин треклятый! Что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральман (*тихо*). Препал я. (*Вслух.*) Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркин. Сам праздно хлеб ешь и другим ничего делать не даешь; да ты ж еще и рожи не уставишь.

Кутейкин. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый.

Вральман (*оправляясь от робости*). Как фы терсаете нефешничать персд ушоной персоной? Я накраул сакричу.

Цыфиркин. А мы те и честь отдадим. Я доскою...
Кутейкин. А я часословом.
Вральман. Я хоспоже на фас пожалаюсь.

Цыфиркин, замахиваясь доской, а Кутейкин часословом.

Цыфиркин. Раскрою тебе рожу напятеро. } *(Вместе.)*
Кутейкин. Зубы грешнича сокрушу. }

Вральман бежит.

Цыфиркин. Ага! Поднял трус ноги!
Кутейкин. Направи стопы своя, окаянный!
Вральман *(в дверях)*. Што фсяли, бестия? Сюта сунтесь.
Цыфиркин. Уплел! Мы бы дали тебе таску!
Вральман. Лих не паюсь теперь, не паюсь.
Кутейкин. Засел пребеззаконный! Много ль там вас, басурманов-то? Всех высылай!

Вральман. С атним не слатили! Эх, прат, фсяли!
Цыфиркин. Один десятерых уберу!
Кутейкин. Во утрие избию вся грещные земли!
(Все вдруг кричат.)

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Софья (одна).

Софья *(глядя на часы)*. Дядюшка скоро должен выттти. *(Садясь.)* Я его здесь подожду. *(Вынимает книжку и прочитав несколько.)* Это правда. Как не быть довольну сердцу, когда спокойна совесть! *(Прочитав опять несколько.)* Нельзя не любить правил добродетели. Они — способы к счастью. *(Прочитав еще несколько, взглянула и, увидев Стародума, к нему подбегает.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Софья и Стародум.

Стародум. А! ты уже здесь, друг мой сердечной!

Софья. Я вас дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародум. Какую?

Софья. Французскую. Фенелона *, о воспитании девиц.

Стародум. Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет. Я боюсь для вас нынешних мудрецов. Мне случалось читать из них все то, что переведено по-русски. Они, правда, искореняют сильно предрассудки, да воротят с корню добродетель. Сядем. *(Оба сели.)* Мое сердечное желание видеть тебя столько счастливу, сколько в свете быть возможно.

Софья. Ваши наставлении, дядюшка, составят все мое благополучие. Дайте мне правила, которым я последовать должна. Руководствуйте сердцем моим. Оно готово вам повиноваться.

Стародум. Мне приятно расположение души твоей. С радостью подам тебе мои советы. Слушай меня с таким вниманием, с какою искренностью я говорить буду. Поближе.

Софья подвигает стул свой.

Софья. Дядюшка! Всякое слово ваше врезано будет в сердце мое.

Стародум (*с важным чистосердием*). Ты теперь в тех летах, в которых душа наслаждаться хочет всем бытием своим, разум хочет знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь в свет, где первый шаг решит часто судьбу целой жизни, где всего чаще первая встреча бывает: умы, развращенные в своих понятиях, сердца, развращенные в своих чувствиях. О мой друг! Умей различить, умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была б надежною порукою за твой разум и сердце.

Софья. Все мое старание употреблю заслужить доброе мнение людей достойных. Да как мне избежать, чтоб те, которые увидят, как от них я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтоб мне никто на свете зла не пожелал?

Стародум. Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желают тем, кого презирают; а обыкновенно желают зла тем, кто имеет право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтоб были в свете такие жалкие люди, в которых дурное чувство родится точно оттого, что есть в других хорошее. Добродетельной человек сжалиться должен над такими несчастными.

Стародум. Они жалки, это правда; однако для этого добродетельной человек не престает итти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели б солнце перестало светить для того, чтоб слабых глаз не ослепить?

Софья. Да скажите же мне, пожалуйста, виноваты ли они? всякой ли человек может быть добродетелен?

Стародум. Поверь мне. Всякой найдет в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно, а там всего будет легче не делать того, за что б совесть угрызала.

Софья. Кто ж остережет человека, кто не допустит до того, за что после мучит его совесть?

Стародум. Кто остережет? Та же совесть. Ведай, что совесть, как друг, всегда остерегает прежде, нежели как судья наказывает.

Софья. Так поэтому надобно, чтоб всякой порочный человек был действительно презрения достоин, когда делает он дурно, знав, что́ делает. Надобно, чтоб душа его была очень низка, когда она не выше дурного дела. . .

Стародум. И надобно, чтоб разум его был не прямой разум, когда он полагает свое счастье не в том, в чем надобно.

Софья. Мне казалось, дядюшка, что все люди согласились, в чем полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародум. Так, мой друг! И я согласен назвать счастливым знатного и богатого. Да сперва согласимся, кто знатен и кто богат. У меня мой расчет. Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. Мой знатной человек, конечно, счастлив. Богач мой тоже. По моему расчету, не тот богат, которой отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, которой отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.

Софья. Как это справедливо! Как наружность нас ослепляет! Мне самой случалось видеть множество раз, как завидуют тому, кто у двора ищет и значит...

Стародум. А того не знают, что у двора всякая тварь что-нибудь да значит и чего-нибудь да ищет. Того не знают, что у двора все придворные и у всех придворные. Нет! Тут завидовать нечему. Без знатных дел знатное состояние ничто.

Софья. Конечно, дядюшка! И такой знатной никого счастливым не сделает, кроме себя одного.

Стародум. Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Знай, что, как бы он знатен ни был, душа его прямого удовольствия не вкушает. Вообрази себе человека, которой бы всю свою знатность устремил на то только, чтоб ему одному было хорошо, которой бы и достиг уже до того, чтоб самому ему ничего желать не оставалось. Ведь тогда вся душа его занялась бы одним чувством, одною боязнию: рано или поздно сверзиться. Скажи ж, мой друг, счастлив ли тот, кому нечего желать, а есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне это непонятно, дядюшка, как можно человеку все помнить одного себя? Неужели не рассуждают, что один обязан другому? Где ж ум, которым так величаются?

Стародум. Чем умом величаться, друг мой! Ум, коль он только что ум, самая безделица. С пребеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену уму дает благонравие. Без него умной человек — чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумает. Умов много, и много разных. Умного человека легко извинить можно, если он какого-нибудь качества

ума и не имеет. Честному человеку никак простить нельзя, ежели недостает в нем какого-нибудь качества сердца. Ему необходимо все иметь надобно. Достоинство сердца неразделимо. Честной человек должен быть совершенно честной человек.

Софья. Ваше изъяснение, дядюшка, сходно с моим внутренним чувством, которого я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честного человека, и его должность.

Стародум. Должность! А, мой друг! Как это слово у всех на языке, и как мало его понимают! Всечасное употребление этого слова так нас с ним ознакомило, что, выговоря его, человек ничего уже не мыслит, ничего не чувствует, когда, если б люди понимали его важность, никто не мог бы вымолвить его без душевного почтения. Подумай, что́ такое должность. Это тот священный обет, которым обязаны мы все тем, с кем живем и от кого зависим. Если б так должность исполняли, как об ней твердят, всякое состояние людей оставалось бы при своем любочестии и было бы совершенно счастливо. Дворянин, например, считал бы за первое бесчестие не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было б таких дворян, которых благородство, можно сказать, погребено с их предками. Дворянин, недостойный быть дворянином! Подлее его ничего на свете не знаю.

Софья. Возможно ль так себя унизить?

Стародум. Друг мой! Что сказал я о дворянине, распространим теперь вообще на человека. У каждого свои должности. Посмотрим, как они исполняются, каковы, например, большею частию мужья нынешнего света, не забудем, каковы и жены. О, мой сердечной друг! Теперь мне все твое внимание потребно. Возьмем в пример несчастной дом, каковых множество, где жена не имеет никакой сердечной дружбы к мужу, ни он к жене доверенности; где, каждой с своей стороны, своротили с пути добродетели. Вместо искреннего и снисходительного друга, жена видит в муже своем грубого и развращенного тирана. С другой стороны, вместо кротости, чистосердечия, свойств жены добродетельной, муж видит в душе своей жены одну своенравную наглость, а наглость в женщине есть вывеска порочного поведения. Оба стали друг другу в несносную тягость. Оба ни во что уже ставят доброе имя, потому что у обоих оно потеряно. Можно ль быть ужаснее их состояния? Дом брошен. Люди забывают долг повиновения, видя в самом господине своем раба гнусных страстей его. Имение растощается: оно сделалось ничье, когда хозяин его сам не свой. Дети, несчастные их дети, при жизни отца и матери уже осиротели. Отец, не имея почтения

к жене своей, едва смеет их обнять, едва смеет отдаться нежнейшим чувствованиям человеческого сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная иметь детей, уклоняется их ласки, видя в них или причины беспокойств своих, или упрек своего развращения. И какого воспитания ожидать детям от матери, потерявшей добродетель? Как ей учить их благонравию, которого в ней нет? В минуты, когда мысль их обращается на их состояние, какому аду должно быть в душах и мужа, и жены?

Софья. Ах, как я ужасаюсь этого примера!

Стародум. И не дивлюся: он должен привести в трепет добродетельную душу. Я еще той веры, что человек не может быть и развращен столько, чтоб мог спокойно смотреть на то, что видим.

Софья. Боже мой! Отчего такие страшные несчастия!..

Стародум. Оттого, мой друг, что при нынешних супружествах редко с сердцем советуют. Дело о том, знатен ли, богат ли жених? Хороша ли, богата ли невеста? О благонравии вопросу нет. Никому и в голову не входит, что в глазах мыслящих людей честной человек без большого чина — презнатная особа; что добродетель все заменяет, а добродетели ничто заменить не может. Признаюсь тебе, что сердце мое тогда только будет спокойно, когда увижу тебя за мужем, достойным твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да как достойного мужа не любить дружески?

Стародум. Так. Только, пожалуй, не имей ты к мужу своему любви, которая на дружбу походила б. Имей к нему дружбу, которая на любовь бы походила. Это будет гораздо прочнее. Тогда после двадцати лет женитьбы найдете в сердцах ваших прежнюю друг к другу привязанность. Муж благоразумной! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может! Надобно, мой друг, чтоб муж твой повиновался рассудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогает сердце мое...

Стародум (*с нежнейшею горячностью*). И мое восхищается, видя твою чувствительность. От тебя зависит твое счастье. Бог дал тебе все приятности твоего пола. Вижу в тебе сердце честного человека. Ты, мой сердечный друг, ты соединяешь в себе обеих полов совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманывает, что добродетель...

Софья. Ты ею наполнил все мои чувства. (*Бросаясь целовать его руки.*) Где она?

Стародум (*целуя сам ее руки*). Она в твоей душе. Благодарю бога, что в самой тебе нахожу твердое основание твоего

счастия. Оно не будет зависеть ни от знатности, ни от богатства. Все это притти к тебе может; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтоб чувствовать себя достойною всех благ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цену...

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и камердинер.

Камердинер подает письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с нарочным. *(Отходит.)*

Стародум *(распечатав и смотря на подпись)*. Граф Честан. А! *(Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.)* Софьюшка! Очки мои на столе, в книжке.

Софья *(отходя)*. Тотчас, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум (один).

Стародум. Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чем в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его, мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком... Если свободно ее сердце...

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум и Софья.

Софья *(подавая очки)*. Нашла, дядюшка.

Стародум *(читает)*. «...Я теперь только узнал... ведет в Москву свою команду... Он с вами должен встретиться... Сердечно буду рад, если он увидится с вами... Возьмите труд узнать образ мыслей его». *(В сторону.)* Конечно. Без того ее не выдам... «Вы найдете... Ваш истинной друг»... Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек похвальных свойств представлен. Слова мои тебя смущают, друг мой сердечной. Я это и давеча приметил, и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне...

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от вас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам...

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж, Правдин и Милон.

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум (*в сторону*). Милон!

Милон. Я почту за истинное счастие, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей...

Стародум. Граф Честан не свойственник ли вам?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдает вам всю справедливость. Особливые достоинствы...

Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моем положении было бы непростительное высокомерие считать все то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперед уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы узнаете его короче. Он бывал часто в доме сестрицы вашей...

Стародум оглядывается на Софью.

Софья (*тихо Стародуму и в большой робости*). И матушка любила его, как сына.

Стародум (*Софье*). Мне это очень приятно. (*Милону.*) Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша...

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение еще не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! будучи в сражениях и подвергая жизнь свою...

Милон. Я подвергал ее, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я еще никакого случая, испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чем же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце... В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодною кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустра-

шимость его состоит, следственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убояся ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нем клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так...

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини мое простосердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в мое воспитание. В твоем вижу и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещенным.

Милон. Душа благородная!.. Нет... не могу скрывать более своего сердечного чувства... Нет; добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливо, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародум (*к Софье, с радостью*). Как! Сердце твое умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. (*В восхищении соединяя их руки.*) От всей души моей даю вам мое согласие.

Милон (*обнимая Стародума*). Мое счастье несравненно!

Софья (*целуя руки Стародумовы*). Кто может быть счастливее меня!

(*Вместе.*)

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Мое удовольствие неизреченно!

Милон (*целуя руки Софьи*). Вот минута нашего благополучия!

Софья. Сердце мое вечно любить тебя будет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те ж и Скотинин.

Скотинин. И я здесь.

Стародум. Зачем пожаловал?

Скотинин. За своей нуждой.

Стародум. А чем я могу служить?

Скотинин. Двумя словами.

Стародум. Какими это?

Скотинин. Обняв меня покрепче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародум. Не пустое ль затевать изволишь? Подумай-ко хорошенько.

Скотинин. Я никогда не думаю и наперед уверен, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародум. Эко странное дело! Человек ты, как вижу, не без ума, а хочешь, чтоб я отдал мою племянницу, за кого — не знаю.

Скотинин. Не знаешь, так скажу. Я Тарас Скотинин, в роде своем не последний *. Род Скотининых великой и старинной. Пращура нашего ни в какой герольдии * не отыщешь.

Правдин (*смеючись*). Этак вы нас уверите, что он старее Адама *?

Скотинин. А что ты думаешь? Хоть немногим...

Стародум (*смеючись*). То есть, пращур твой создан хоть в шестой день, да немного попрежде Адама?

Скотинин. Нет, право? Так ты доброго мнения о старине моего рода?

Стародум. О! такого-то доброго, что я удивляюсь, как на твоем месте можно выбирать жену из другого рода, как из Скотининых?

Скотинин. Рассуди же, какое счастье Софьюшке быть за мною. Она дворянка...

Стародум. Экой человек! Да для того-то ты ей и не жених.

Скотинин. Уж я на то пошел. Пусть болтают, что Скотинин женился на дворяночке. Для меня все равно.

Стародум. Да для нее не все равно, когда скажут, что дворянка вышла за Скотинина.

Милон. Такое неравенство сделало б несчастье вас обеих.

Скотинин. Ба? Да этот что тут равняется? (*Тихо Стародуму.*) А не отбивает ли?

Стародум (*тихо Скотинину.*). Мне так кажется.

Скотинин (*тем же тоном*). Да где чорту!

Стародум (*тем же тоном*). Тяжело.

Скотинин (*громко, указывая на Милона*). Кто ж из нас смешон? Ха, ха, ха, ха!

Стародум (*смеется*). Вижу, кто смешон.

Софья. Дядюшка! Как мне мило, что вы веселы.

Скотинин (*Стародуму*). Ба! Да ты весельчак. Давеча я думал, что к тебе приступу нет. Мне слова не сказал, а теперь все со мной смеешься.

Стародум. Таков человек, мой друг! Час на час не приходит.

Скотинин. Это и видно. Вить и давеча был я тот же Скотинин, а ты сердился.

Стародум. Была причина.

Скотинин. Я ее и знаю. Я и сам в этом таков же. Дома, когда зайду в клева, да найду их не в порядке, досада и возьмет. И ты, не в пронос слово, заехав сюда, нашел сестрин дом не лучше клевов, тебе и досадно.

Стародум. Ты меня счастливее. Меня трогают люди.

Скотинин. А меня так свиньи.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те ж, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

Г-жа Простакова (*входя*). Все ль с тобою, друг мой?

Митрофан. Ну, да уж не заботься.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Хорошо ли отдохнуть изволил, батюшка? Мы все в четвертой комнате на цыпочках ходили, чтоб тебя не обеспокоить; не смели в дверь заглянуть; послышим, ан ты давно и сюда вытти изволил. Не взыщи, батюшка...

Стародум. О сударыня, мне очень было бы досадно, ежели б вы сюда пожаловали ране.

Скотинин. Ты, сестра, как на смех, все за мною по пятам. Я пришел сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я так за своею. (*Стародуму*). Мы пришли, батюшка, потрудить вас теперь общею нашею просьбою. (*Мужу и сыну.*) Кланяйтесь.

Стародум. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первых, прошу милости всех садиться.

Все садятся, кроме Митрофана и Еремеевны.

Вот в чем дело, батюшка. За молитвы родителей наших,— нам,

грешным, где б и умолить,— даровал нам господь Митрофанушку. Мы все делали, чтоб он у нас стал таков, как изволишь его видеть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен?

Стародум. О, сударыня! До моих ушей уже дошло, что он теперь только и отучиться изволил. Я слышал об его учителях и вижу наперед, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(К Правдину.)* Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил.

Г-жа Простакова. Всем наукам, батюшка.
Простаков. Всему, мой отец.
Митрофан. Всему, чему изволишь.
(Вместе.)

Правдин *(Митрофану)*. Чему ж бы, например?

Митрофан *(подает ему книгу)*. Вот, грамматике.

Правдин *(взяв книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна...

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь, котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Стародум. Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан. И ведомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаков. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборной не рассказывал мне истории. Мастер, собачий сын, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не прийдет против Адама Адамыча.

Правдин *(Митрофану)*. А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдин. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

Стародум. Вральман? Имя что-то знакомое.

Митрофан. Нет, наш Адам Адамыч истории не рассказывает; он, что я же, сам охотник слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляют себе рассказывать истории скотницу Хавронью.

Правдин. Да не у ней ли вы оба учились и географии?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышишь, друг мой сердечной? Это что за наука?

Митрофан (*тихо матери*). А я почем знаю.

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофан (*тихо матери*). Да я не возьму в толк, о чем спрашивают.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин. География.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еоргафия.

Митрофан. Да что такое! Господи боже мой! Пристали с ножом к горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И ведомо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он ее и расскажет.

Правдин. Описание земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А к чему бы это служило на первый случай?

Стародум. На первый случай сгодилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это-таки и наука-то не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда,— свезут, куда изволишь. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

Стародум. О, конечно, сударыня. В человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Без наук люди живут и жили. Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажить и сохранить. Челобитчиков принимал всегда, бывало, сидя на железном сундуке. После всякого сундук отворит и что-нибудь положит. То-то эконом был! Жизни не жалел, чтоб из сундука ничего не вынуть. Перед другим не похвалюсь, от вас не потаю: покойник-свет, лежа на сундуке с деньгами, умер, так сказать, с голоду. А! каково это?

Стародум. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтоб вкусить такую блаженную кончину.

Скотинин. Да коль доказывать, что ученье вздор, так возьмем дядю Вавилу Фалелеича. О грамоте никто от него и не слыхивал, ни он ни от кого слышать не хотел: а какова была голоушка!

Правдин. Что ж такое?

Скотинин. Да с ним на роду вот что случилось. Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменны ворота. Мужик был рослой, ворота низки, забыл наклониться. Как хватит себя лбом о притолоку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею, и бодрой конь вынес его из ворот к крыльцу навзничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете ученой лоб, которой бы от такого тумака не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезвясь, спросил только, целы ли ворота?

Милон. Вы, господин Скотинин, сами признаете себя неученым человеком; однако, я думаю, в этом случае и ваш лоб был бы не крепче ученого.

Стародум *(Милону)*. Об заклад не бейся. Я думаю, что Скотинины все родом крепколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! Да что за радость и выучиться? Мы это видим своими глазами и в нашем краю. Кто посмышленнее, того свои же братья тотчас выберут еще в какую-нибудь должность.

Стародум. А кто посмышленнее, тот и не откажет быть полезным своим согражданам.

Г-жа Простакова. Бог вас знает, как вы нынче судите. У нас, бывало, всякой того и смотрит, что на покой. *(Правдину.)* Ты сам, батюшка, других посмышленнее, так сколько трудишься! Вот и теперь, сюда шедши, я видела, что к тебе несут какой-то пакет.

Правдин. Ко мне пакет? И мне никто этого не скажет! *(Вставая.)* Я прошу извинить меня, что вас оставлю. Может быть, есть ко мне какие-нибудь повеления от наместника.

Стародум *(встает и все встают)*. Поди, мой друг; однако я с тобою не прощаюсь.

Правдин. Я еще увижусь с вами. Вы завтра едете поутру?

Стародум. Часов в семь.

Правдин отходит.

Милон. А я завтре же, проводя вас, поведу мою команду. Теперь пойду сделать к тому распоряжение.

Милон отходит, прощаясь с Софьею взорами.

ЯВЛЕНИЕ IX

Г-жа Простакова, Митрофан, Простаков, Еремеевна, Стародум, Софья.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка?

Скотинин. Ну, мой друг сердечной? Ты видишь, каков я?

Стародум. Узнал обеих, нельзя короче.

Скотинин. Быть ли ж за мною Софьюшке?

Стародум. Не бывать.

Г-жа Простакова. Жених ли ей Митрофанушка?

Стародум. Не жених.

Г-жа Простакова. А что б помешало? } (*Вместе.*)
Скотинин. За чем дело стало? }

Стародум (*сведя обоих*). Вам одним за секрет сказать можно. Она сговорена. (*Отходит и дает знак Софье, чтоб шла за ним.*)

Г-жа Простакова. Ах, злодей!

Скотинин. Да он рехнулся.

Г-жа Простакова (*с нетерпением*). Когда они выедут?

Скотинин. Вить ты слышала, поутру в семь часов.

Г-жа Простакова. В семь часов.

Скотинин. Завтре и я проснусь с светом вдруг. Будь он умен, как изволит, а и с Скотининым развяжешься не скоро. (*Отходит.*)

Г-жа Простакова (*бегая по театру в злобе и в мыслях*). В семь часов!.. Мы встанем поране... что захотела, поставлю на своем... Все ко мне.

Все подбегают.

Г-жа Простакова (*к мужу*). Завтре в шесть часов, чтоб карета подвезена была к заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозевай.

Простаков. Слушаю, мать моя.

Г-жа Простакова (*к Еремеевне*). Ты во всю ночь не смей вздремать у Софьиных дверей. Лишь она проснется, беги ко мне.

Еремеевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова (*сыну*). Ты, мой друг сердечной, сам в шесть часов будь совсем готов и поставь троих слуг в Софьиной предспальней, да двоих в сенях на подмогу.

Митрофан. Все будет сделано.

Г-жа Простакова. Подите ж с богом. (*Все отходят.*) А я уж знаю, что делать. Где гнев, тут и милость. Старик погневается да простит и за неволю. А мы свое возьмем.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин.

Правдин. Это был тот пакет, о котором при вас сама здешняя хозяйка вчера меня уведомила.

Стародум. Итак, ты имеешь теперь способ прекратить бесчеловечие злой помещицы?

Правдин. Мне поручено взять под опеку дом и деревни при первом бешенстве, от которого могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародум. Благодарение богу, что человечество найти защиту может! Поверь мне, друг мой, где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права. Там все скоро ощутят, что каждой должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно... и что угнетать рабством себе подобных беззаконно.

Правдин. Я в этом согласен с вами; да как мудрено истреблять закоренелые предрассудки, в которых низкие души находят свои выгоды!

Стародум. Слушай, друг мой! Великой государь есть государь премудрой. Его дело показать людям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, которой плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных. Мы это видим своими глазами.

Правдин. Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать...

Стародум. А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека,

имеющего в руках своих судьбу себе подобных! И во-первых, толпа скаредных льстецов...

Правдин. Без душевного презрения нельзя себе вообразить, что такое льстец.

Стародум. Льстец есть тварь, которая не только о других, ниже о себе хорошего мнения не имеет. Все его стремление к тому, чтоб сперва ослепить ум у человека, а потом делать из него, что ему надобно. Он ночной вор, которой сперва свечу погасит, а потом красть станет.

Правдин. Несчастиям людским, конечно, причиною собственное их развращение; но способы сделать людей добрыми...

Стародум. Они в руках государя. Как скоро все увидят, что без благонравия никто не может выйти в люди; что ни подлой выслугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбираются для мест, а не места похищаются людьми, тогда всякой находит свою выгоду быть благонравным и всякой хорош становится.

Правдин. Справедливо. Великой государь дает...

Стародум. Милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин.

Правдин. Чтоб в достойных людях не было недостатку, прилагается ныне особливое старание о воспитании...

Стародум. Оно и должно быть залогом благосостояния государства. Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну, что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворян-отцов, которые нравственное воспитание сынка своего поручают своему рабу крепостному! Лет через пятнадцать и выходят, вместо одного раба, двое, старой дядька да молодой барин.

Правдин. Но особы высшего состояния просвещают детей своих...

Стародум. Так, мой друг; да я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих, благонравие. Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу. Я хотел бы, например, чтоб при воспитании сына знатного господина наставник его всякой день разогнул ему историю и указал ему в ней два места: в одном, как великие люди способствовали благу своего отечества; в другом, как вельможа недостойный, употребивший во зло свою доверенность и силу, с высоты пышной своей знатности низвергся в бездну презрения и поношения.

Правдин. Надобно действительно, чтоб всякое состояние

людей имело приличное себе воспитание; тогда можно быть уверену... Что за шум?

Стародум. Что такое сделалось?

ЯВЛЕНИЕ II

Те ж, Милон, Софья, Еремеевна.

Милон (*отталкивая Еремеевну от Софьи, которая за нее было уцепилась, кричит к людям, имея в руке обнаженную шпагу*). Не смей никто подойти ко мне!

Софья (*бросаясь к Стародуму*). Ах, дядюшка! Защити меня!

Стародум. Друг мой! Что такое?
Правдин. Какое злодеяние!
Софья. Сердце мое трепещет!
Еремеевна. Пропала моя голоушка! (*Вместе.*)

Милон. Злодеи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее под руки, несмотря на сопротивление и крик, сводят уже с крыльца к карете.

Софья. Вот мой избавитель!

Стародум (*к Милону*). Друг мой!

Правдин (*Еремеевне*). Сейчас скажи, куда везти хотели, или как с злодейкой...

Еремеевна. Венчаться, мой батюшка, венчаться!

Г-жа Простакова (*за кулисами*). Плуты! Воры! Мошенники! Всех прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! (*Указывая на Милона.*) Чужой погрозит, приказ мой ни во что.

Простаков. Я ли виноват?
Митрофан. За людей приниматься?
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу. (*Вместе.*)

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, дает право вам, как дяде, а вам, как жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаков. Хороши мы!
Митрофан. Все к чорту! (*Вместе.*)

Правдин. Требовать от правительства, чтоб сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов. Сейчас пред-

ставлю ее перед суд, как нарушительницу гражданского спокойства.

Г-жа Простакова (*бросаясь на колени*). Батюшки, виновата!

Правдин. Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии...

Простаков. Без вины виноват. } (*Вместе, бросаясь на колени.*)
Митрофан. Виноват, дядюшка. }

Г-жа Простакова. Ах, я собачья дочь! Что я наделала!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! Что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова (*стоя на коленях*). Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. (*К Софье.*) Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова (*подняв руки к Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Вить я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да и не надобно быть чортом.

Милон. И преступление, и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин (*Стародуму*). Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством... и уж спасти ее нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

Правдин. А за что вы хотите наказывать ваших людей?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя в праве драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. *(Г-же Простаковой.)* Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства *?

Стародум. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову... *(Порывается итти.)*

Правдин *(останавливает ее)*. Поостановитесь, сударыня. *(Выняв бумагу и важным голосом Простакову.)* Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.

Простаков. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа...

Правдин. Госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоучрежденном государстве терпимо быть не может. *(Простакову.)* Подите.

Простаков *(отходит, всплеснув руками)*. От кого это, матушка?

Г-жа Простакова *(тоскуя)*. О, горе взяло! О, грустно!

Скотинин. Ба! ба !ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякой Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда по-добру, по-здорову.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсем погибаю!

Скотинин *(Стародуму)*. Я шел было к тебе добиться толку. Жених...

Стародум *(указывая на Милона)*. Вон он.

Скотинин. Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и...*

Правдин. Да и ступай к своим свиньям. Не забудь однакож повестить всем Скотининым, чему они подвержены.

Скотинин. Как друзей не остеречь! Повещу им, чтоб они людей...

Правдин. Побольше любили или б, по крайней мере...

Скотинин. Ну?
Правдин. Хоть не трогали.
Скотинин (*отходя*). Хоть не трогали.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правдин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хотя на три дни. (*В сторону.*) Я дала бы себя знать...

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простакова. Да как вам, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это мое дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а...

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?.. Не доплачено учителям...

Правдин. Учителям? (*Еремеевне.*) Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?..

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чем, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум (*видя в тоске г-жу Простакову*). Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж, Еремеевна, Вральман, Кутейкин, Цыфиркин.

Еремеевна (*введя учителей, к Правдину*). Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман (*к Правдину*). Фаше высоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе прасить?..

Кутейкин (*к Правдину*). Зван бых и приидох.

Цыфиркин (*к Правдину*). Что приказу будет, ваше благородие?

Стародум (*с прихода Вральмана в него взглядывается*). Ба! Это ты, Вральман?

Вральман (*узнав Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподин. (*Целуя полу Стародума.*) Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года был у меня кучером.

Все показывают удивление.

Правдин. Изрядной учитель!

Стародум. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек доброй и не за свое не возьмешься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфой, не я послетней. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, либо ушитель. . .

Правдин (*к учителям*). По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся. . .

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милосливый господин, мой счетец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, попустому, за. . .

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не мое.

Правдин (*Кутейкину*). Хорошо, хорошо. (*Цыфиркину.*) Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил слишком двадцать лет. За службу деньги брал, попустому не бирал и не возьму.

Стародум. Вот прямой доброй человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?

Кутейкин (*потупя голову*). Посрамихся, окаянный.

Стародум (*Цыфиркину*). Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам, не заслужа, век не потребую.

Милон (*давая ему деньги*). Вот еще тебе, друг мой!

Цыфиркин. И еще спасибо.

Правдин дает также ему деньги.

Цыфиркин. Да за что, ваше благородие, жалуете?

Правдин. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркин. И! Ваше благородие. Я солдат.

Правдин (*Цыфиркину*). Поди ж, мой друг, с богом.

Цыфиркин отходит.

Правдин. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтре, да потрудись расчесться с самой госпожею.

Кутейкин (*выбегая*). С самою! Ото всего отступаюсь.

Вральман (*Стародуму*). Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротие. Фосмите меня апять к сепе.

Стародум. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?

Вральман. Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсе с лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те ж и камердинер.

Камердинер (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральман. Прикашишь мне дофести сепя.

Стародум. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин, Митрофан, Еремеевна.

Стародум (*к Правдину, держа руки Софьи и Милона*). Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердечной друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарной! (*Упала в обморок.*)

Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти.

Стародум (*Софье*). Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Ды она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю что делать. Пошел-ко служить...

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят...

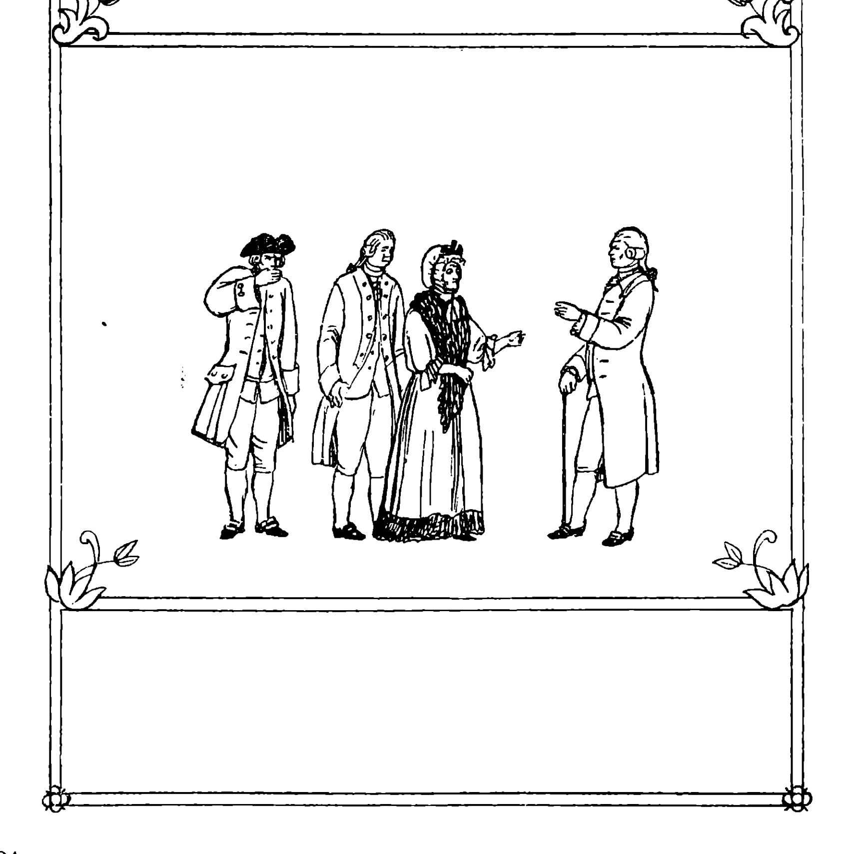
Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонравия достойные плоды!

Конец комедии

П. А. КРОПОТОВ

ФОМУШКА-БАБУШКИН ВНУЧЕК



ФОМУШКА — БАБУШКИН ВНУЧЕК

Комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хавронья Митрофанóвна Слюняева, вдова дворянка

Фома Поликарпович, внук ее, гвардии сержант

Граф Честосердов, генерал

Епифан Ананьич Добровидов, дворянин

Маланья, дочь его

Марина, девка ее

Калистрат Платонович Остромыслов, флота лейтенант

Карпович Фомин, дядька, регистратор

Нотариус

Митрофан, слуга Добровидова

Несколько служителей без речей

Действие в доме Добровидова в городе Небывалове

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет комнату, в которой трои двери, одни с приходу, а двои по обеим сторонам; в ней стол и на нем свеча почти догорелая погашена и ношник.

Митрофан (один).

Митрофан *(лежит на полу, возле его ношник; театр открывается и слышно, что бьет пять часов и потом будильник зачал бить; во оное время он просыпается, встает, то потягивается, то зевает и засвечает свечу, прибирает постелю, а между тем говорит)*. О, провал тебя побери! я только разоспался, а ты меня, дьявол, будишь: господин дворецкой еще покоится на постеле, а любит, чтоб все рано вставали; так на часах заводит и будильник; всех будит, благо он не слышит, а того он будто-то не знает, что вчерась как господа легли, ан в три часа я бедной и не раздевался, так и рынулся дрыхнуть, и лишь только сладкой спень пришел, то сей-то проклятой будильник меня и будит; а зачем так рано вставать, когда они, баря-та, чрез пять часов не проснутся? Ежели б господин наш был у дела, то б пусть так, и нам должно рано вставать от челобитчиков гроши сбирать. Посмотрю как на тех господ, которые умеют себя набогащать чужим добром, тут-та и нашим братьям наживка; а у нас что наживешь, кроме жалованья? ничего. Я слышал от барина не один раз, что тот-та из судей дурак, а тот-та плут умеет воровать; а я как скажу: а ты своим языком и с премудрым пером что нажил? гол, как сокол, а те, брат, так грабют, что и секретари у них деревни покупают, а ты продаешь: ин лутче быть последователю к прибыли, а не к убытку. Говорится по пословице: что взято, то свято. Что мне нужда, что все меня бранят? Брань на вороту не виснет; а я из бедняков сделался богатым; например, когда б я был судья, по правам гражданским за неправость решения штрафуются по гривне за четверть, а я уже взял по рублю, то мне

хотя и поплатиться, ин много барыша будет. Ежели рассуждать о грехе, то можно перед последним моим издыханием и покаяться. *(Между тем слышит на дворе приезд каретной, глядит в окошко.)* Вот ранняя птичка прилетела; знать бедненькой какую нужду имеет до графа. *(Отворяется дверь и видит входящих.)* Ан не одна пташка, да целая тройка. *(Про себя.)* Посмотрю их запев, зачем они так рано залетели.

ЯВЛЕНИЕ II

Тот же, Хавронья, Фома и Карпович.

Хавронья *(к Митрофану)*. Что, граф Алексей Гаврилович тут жительство имеет?

Митрофан. Так, сударыня, только он еще опочивает.

Хавронья. Ин я, друг мой, подожду.

Митрофан. Да он не скоро встанет, вчерась легли в три часа. *(А между тем подает два стула. Хавронья и Фома садятся.)*

Хавронья. Что ж он делал?

Митрофан. Играл в карты в какие-та три три *, истинно, сударыня, не понятна игра.

Хавронья. С кем же он играл?

Митрофан. С господином нашим и его дочерью.

Хавронья. Да я и забыла тебя, мой друг, спросить, господина твоего зовут Епифаном Ананьичем, а дочь его Маланья Епифановна?

Митрофан. Так точно, так, сударыня; да вы зачем так пожаловали рано? знать у вас дельцо есть до графа.

Хавронья. Нет, мой дружок, а он мне племянник, я его не видала более двенадцати лет.

Митрофан. Вот то-то вы дружка дружке обрадуетеся; я, сударыня, тотчас пойду его разбужу.

Хавронья. Нет, не буди, мне можно и подождать, а он долго не спал, ин рано встать ему в тягость. *(Как он говорил с нею, а Карпович поправляет на Фоме платье и говорит.)*

Карпович. Батюшка, будь повеселея, а то ты уныл.

Фома. Нет, дядька, я весел, только не знаю, что по коже подирает, будто лихорадка хочет бить.

Карпович. Это от того, что вы робеете, а надо быть бодрому. Смотрите на ваших сверстников, как войдут в покои, то окинут глазами всех, и уже все ему знакомо стало; хотя хозяина и в глаза не знает, изъясняется ему в дружбе: так-то и тебе должно быть порасторопнея.

Хавронья. Что ты, Карпович, ему говоришь?

Карпович. Я, сударыня, учу его, чтоб быть пободрей, как перед дядюшкою явиться полутче.

Хавронья. Так, мой свет, хорошо, нада, Фомушка, как увидишь дядю, поклониться пониже, а не так, как ныне вертопрахи кланяются; кивнут головою и ногой шаркнут.

Митрофан. Я, сударыня, пойду его сиятельству об вас доложу, уже пора ему вставать. *(Он хочет иттить, а между тем входит Марина и его остановила.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и Марина.

Марина *(входя на театр и не видя приезжих, подходит к Митрофану и, сама ударя его по плечу, говорит)*. Поставил ли ты воды на чай? уже скоро проснутся.

Митрофан. Нет еще, я иду теперь приказать, а ты между тем в моей должности побудь, побеседуй с сими господами, это тетушка графская. *(А сам уходит.)*

Марина *(оглядывается и, подошед, делает низкий поклон)*. Я, сударыня, и не усмотрела было вас.

Хавронья. Нет ничего, моя душа, я знаю, что ты не умышленно сделала; скажи, голубушка: я думаю, ты слышала от господ своих, как [долго] проживет граф у вас и зачем он здесь в городе?

Марина. Долго ли здесь пробудет, право не знаю, а только слышала, что приезд его для того, как оную комиссию препоручали другому было, а граф с молодых лет имеет дружбу к нашему помещику, потому-та он и испросил, чтоб ему эту комиссию поручили. Ежели б вы видели, какие между ими были обниманья; истинно в нынешнее время ни братья так дружка дружке не обрадуются, как они между себя.

Хавронья. Я слыхала от племянника, что они в одном училище обучались и там-та между себя такой дружбой утвердились; это, голубушка, богу угодное дело.

Марина. А это, сударыня, не внучек ли ваш?

Хавронья. Так, мой свет.

Марина. Какой же кавалер! да как я вижу, он уже и в службе записан *.

Хавронья. Он двенадцать лет, голубушка, как записан; хотя ему отроду о покрове минуло девятнадцать лет и сержантом восемь лет, да вот, мой друг, еще не скоро ему в офицеры достанется; сказывают, что у них в полку много сверхкомплектных.

М а р и н а. Я думаю, он в Питере бывал и действительную службу нес.

Х а в р о н ь я. Нет еще, он ни разу в должности не был, а отпущен ко мне для окончания наук.

М а р и н а. Ин, сударыня, он в малолетном списке.

Х а в р о н ь я. Нет, не в малолетном, а в настоящей считается; только положенной годовой оклад с пашпортов плотят *, затем, что и без него много кому эту должность несть.

М а р и н а. А вот и граф идет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Т е ж и г р а ф.

Г р а ф *(подходит к Хавронье и обнимает)*. Я очень порадовался, как услышал, что вы в здешнем городе поселились; а еще более обрадовался, что вы пожаловали. Скажи, матушка, давно ли вздумали покинуть деревенское состояние?

Х а в р о н ь я. Не все то делается, что хочется, так поневоле заставили меня жить всякую зиму в городе; затем этот-та сирота, ваш племянник, тому причина; я обязалась его обучать разным наукам, а всех учителей содержать у себя в доме убыточно, то я и рассудила жить в городе.

Г р а ф. Это Фома Поликарпович? *(Подошел и обнимает, а он, напротив того, в землю ему кланяется; он его поднимает и говорит.)* Излишнее, мой голубчик. *(К ней.)* Что до наук касается, то это, тетушка, похвальное дело: человек в его леты, будучи учен, везде место сыщет.

Х а в р о н ь я. Изволь-ка его спросить, он много знает.

Г р а ф. Каким же ты наукам обучен? а между тем сядем. *(И садятся трое.)*

К а р п о в и ч *(вместо Фомы отвечает)*. 1) Теологии, 2) гистории, 3) географии, 4) экономии, 5) математике, 6) языкам, 7) рисовать, 8) танцовать.

Г р а ф *(к Хавронье)*. А это, тетушка, что за человек?

Х а в р о н ь я. Был напредь сего сына моего дворецкой, а как стал подходить в возраст Фомушка, а я сделалась его воспитательница *(сама плачет)*, как покойный мой сын умер, Фомушке только пять лет минуло, то его-та определили за ним смотреть.

Г р а ф. Сожалею о покойном брате, что он так молод умер, а более о его сыне, что без него воспитывается.

Х а в р о н ь я. Так я, видя его усердие, дала ему отпускную; его вить отец был мой крепостной человек, а он по добродетели своей, а больше по любви к Фомушке остался у нас

жить; только записался в подьячие и стараньем своим вошел в офицеры и шпагу ныне носит.

Граф *(про себя)*. Этот плут их всех за нос водит и набивает свой карман. *(Вслух.)* Я думаю, ты *(к Фоме)* обстоятельно знаешь теологию, а как теология [непонятна] без знания философии, нельзя чтоб прежде ея не знать; скажи мне пожалуй, что есть ты?

Фома. Я есть, государь, Фома Слюняев, гвардии сержант.

Граф. Это не о том я спрашиваю, что ты значишь, да из сотворения что состоишь?

Фома. Такое, как и все.

Граф. Хорошо, да скотина от разумной твари разделена: например, разность, что есть быть быком и человеком; так ты человек-то; что есть человек?

Фома. Человек, как человеки все, а я больше не знаю.

Хавронья. И! Фомушка, как ты не понимаешь? вить мы различны от скотов потому, что мы по образу божиему сотворены; погляди на образ, у него головка, и у тебя.

Граф *(про себя)*. Только не такая глупая.

Хавронья. У него ручки и ножки, и у тебя есть.

Фома. У него бородушка, а у меня нет.

Граф *(про себя)*. Это весьма ученого смысл.

Хавронья. Ты еще молод, затем и бороды нет.

Граф. Хорошо, я спрошу о другой; гисторию ты священную знаешь, что у Ноя было три сына: Сим, Хам и Афет; кто им был отец?

Фома. Дайте подумать.

Граф с Хавроньею между тем тихо говорят и Фому толкает под бок Карпович.

Карпович. Стань, сударь, ко мне. *(Отводит по конец театра и говорит.)* Как тебе не стыдно, что ты того не понимаешь! ну вить у нашего старосты Трифона три сына, Алексей, Иван и Петр, кто им отец? вить он, Трифон, так-то и тебе было отвечать должно.

Фома. Хорошо, я скажу. *(Садится и дяде говорит.)* Я знаю, кто им отец, это староста наш Трифон.

Граф *(рассмеялся)*. Весьма учен, голубчик, ты, я знаю, что как ни толковал тебе твой дядька, а видно не понял; постой, я о третьей науке спрошу: вить земной шар на четыре части разделяется, так ли?

Фома. Так.

Граф. На Европу, Азию, Африку и Америку: так где ж они состоят?

Фома. Тут, где они есть.

Граф. Вить Европа в Камчатке, Азия на Вятке, Африка в Смоленске, Америка на Рязани?

Фома. Так, точно так.

Граф. Спрошу у тебя о четвертой, экономии: какой грунт земли требует пшеница?

Фома. Какая у земли есть грусть?

Граф. Я о грунте говорю, а не о грусти земли. *(Про себя.)* Ее-то грусть есть, что видит происшедшаго из ней такой шали, как ты; *(вслух)* а знай, что грунт есть поверхность земли, а как земля разделяется на разные количества, то есть грунты, например: чернозем, супиную, иловатую, глину, каменистую и песчаную, то на которой же земле лутче родится? я думаю на камне.

Фома. Да на какой лучше, на пашне хорошей хлеб родится.

Граф. Скажи, сколько у тебя в посеве ржаного хлеба было?

Фома. Пять нив.

Граф. Сколько семян на них вышло для посеву?

Фома. Пять сот четвертей.

Карпович. Ваше сиятельство, он еще к таковой безделке не употреблен.

Граф. Это, брат, не безделица, а за первое должно знать хозяину экономию.

Хавронья. Нет, я его к этому не допущала; как хозяин сам будет, ин научится; а и сама, друг мой, до старости дожила, а подлинности, сколько на что выходит семян, не знаю, а я уже вышла за покойника своего двадцати лет; он пошел в поход под Чигирин *, то из степной деревни пишет ко мне приказчик, что родилось у нас сто четвертей маку, то куды велю я девать; а вот так я как не знала, что мак как сеют, то и пишу, что половину оставить на семяны, а другую продать; да полно он был доброй человек, то он и пишет в ответ: у нас де, сударыня, и во всех ваших деревнях столько земли нет, чтоб осеять; этим можно более миллиону земли десятин обсеять; а напротив того, ныне, мой свет, никто меня не обманет, я сама знаю.

Граф. Да не все до ваших лет доживут, вить я думаю вам более ста лет.

Хавронья. Не с большим десяток за сто.

Граф. Слава богу. Спрошу я племянника о математике; ты учился арифметике?

Фома. Учился.

Граф. Сколько у полусемы собаки без ноги ног?

Фома. Постойте, сочту.

Граф. Хорошо, считай.

Фома. Тринадцать.

Карпович *(толкая его под бок)*. Скажи двадцать пять.

Ф о м а. Да еще, сударь, у них двадцать пять.

Г р а ф. Худо и наученье понимаешь; рисовать знаешь, то на сколько голов человек разделяется? вить знаешь, что разделен человек в корпусе на головы, то на сколько же?

Ф о м а. На двадцать на пять.

Г р а ф. Хорошо понимаешь дядьки своего наставление, уже число двадцать пять везде у тебя будет; чем же ты, мой друг, в деревне время провождал? я думаю в смотренье за садами, конным и скотским заводами.

Ф о м а. Никак, у нас бабы хорошо поют и пляшут, то-то есть чего посмотреть, и вы бы удивились.

Г р а ф. Ну да, одно да одно, и все-то прискучит, и так должно делить время.

Ф о м а. Да и то я делил: то пойду рано в рощу с бабами по грибы, а после обеда соберу их плясать.

Г р а ф *(к Хавронье)*. Весьма учен, тетушка, ваш внучек, пора его женить да в отставку.

Х а в р о н ь я. Да то-то беда, ныне говорят, что гвардии прапорщиком отставят, ин он будет безголосной дворянин *.

Г р а ф. Да на что ему голос в дворянском собрании? я б ему и в публику не советовал казаться, всякой всячины увидит; а для своих домашних у него довольно голос есть.

Х а в р о н ь я. Да я слышала, вот так делают, будто из полку в полк переводют сержантом и дают задним числом старшинство, так что ему будто достается в офицеры, а там примут его и напишут в выпуск капитаном, где отпустят его в отпуск, пробудет кой-как год, а там в отставку отставят маиором; так-та и мне хочется, чтоб старанием вашим и Фомушке быть маиором, а ему есть чем жить, слава богу.

Г р а ф. Об этом после поговорим, теперь мне пора с двора, так прошу завтре сюда пожаловать обедать, не взыщите, что я вас так покидаю. Меня должность зовет скорея одно дело окончить. *(Уходят все)*.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет то ж, что и в первом действии.

ЯВЛЕНИЕ I

Граф (один).

Граф *(сидит в креслах, задумавшись, а потом говорит)*. Всякой делает не то, что велят, а как хочет, так на свой манер и поворачивает дела; а на что ж и законы учреждать, когда по их не делать? ежели законы как бы свято ни основаны были, только у глупых судей или еще хуже у плутов не все будут они хороши... да! да кому ж по них рассуждать, когда выбираются в судьи * такие люди, котооые и понятия напредь сего об них не имели, а стали быть толкователи, то они, вступя в должность, и не знают, что делать, а себя не захочет замарать в пятне несмысленного; для того какой ему сброд в голову ни войдет, то он такую резолюцию и кладет; секретарь же у него мальчик, он не успел только записаться в службу, да уже и полетел чинами; пишет хорошо, а в чем дело состоит, того не понимает; а при том есть и такие, которые еще любят судье и потакать, когда видит, что на его сторону дело клонится. Я сегодни ходил в одно судилище, право не растолковал от судьи, что он мне представлял; такой вздор, что и в голову не взойдет.

ЯВЛЕНИЕ II

Тот же и Добровидов.

Добровидов. А я и не знал, что вы приехали; да что я вас вижу, вы, конечно, кем ни есть обеспокоены?

Граф. Так, любезной друг; я думал у вас найтить, что по толь славным узаконениям везде порядочно течение дел было, но, напротив того, я нашел другое.

Добровидов. Вить, сударь, в семье не без урода, так то изо многих присутствиев найдешь в иных и не порядочно, да со временем и их поправят.

Граф. Когда? Я думаю потому, что не учась в попы не ставят; не зная должности судьи, никогда хорошим судьею не будешь.

Добровидов. Привычка, а потом и прилежность, наконец, приведет человека к тому, к чему он определен, чтоб он был достоин в своем звании.

Граф. Нет, мой друг, нет ныне таких, которые б прилежали к должности, но, напротив того, всякой того смотрит, чтоб время положенное прошло его заседания; а домой придет, то, о чем он рассуждал, и позабудет, да ежели и найдется кто такой, которой и хотел с кем об деле посоветовать, то скажут ему: разве мало тебе было время и в присутствии молоть? а ты и здесь всех заглушить хочешь, об делах говоря.

Добровидов. Да коли все о делах говорить, так когда ж ему и покой иметь?

Граф. Нет, голубчик, для покою поди в отставку, очисти это место тому, которой достоин, а не напрасно бери жалованье.

Добровидов. Да каких же избирать? вить все одинаки, всякой хочет покою.

Граф. Да на что же начальники? им должно не суды судить, но смотреть за судящими, чтоб они делали то, что велят, а то я посмотрел на дела-та их, видел два одинакие дела, а розное об них положение.

Добровидов. Это, сударь, видно, причина была приклониться к какому-нибудь пристрастию; или паче от неведения, что прежде уже о таком деле в другом виде положено.

Граф. Для чего не делают прежде справку, что не было ль у них напредь сего такового подобного дела?

Добровидов. Вы все, граф, любите в точность, а нам бы как ни попалось; вить справляться надолго пойдет.

Граф. Портной коли пять раз не вымеряет материю и станет кроить, то скоро испортит, да это вить наживное дело; а когда глупой судья осудит по несмысленности человека к лишению жизни, то уже этого не поворотишь.

Добровидов. Да они говорят, что о таких делах во многих руках побывают, то неужели никто де из них не попадет на лад.

Граф. Нет, братец, да покуда до царя дойдет, а он бедной сидя в тюрме умрет.

Добровидов. Да чем же пособить?

Граф. А вот чем: нада судей экзаминовать в должности, в которую он желает вступить.

Добровидов. Да кому ж это делать? все таковы знатоки.

Граф. Начальникам.

Добровидов. Трудно будет.

Граф. Не трудно, когда б определили всякую неделю в один день после обеда съезжаться в одно место, где о всяких делах рассуждение иметь должно; например, первой день велеть задать одному по делам задачу, и увидят, как он будет рассуждать, способен ли он быть судьею; другому ж вели его рассуждение критиковать; а третьему вели оное рассмотреть, которой из них достойнее, и так далея одно за одним и поодиначке, всякой узнает свойство юриспруденции; а таковые диспуты записывать, то со временем давай и отдаленным членам о сем знать; а, напротив того, ежели невразумительно что в законах, то можно и начальнику сделать со отобранием мнениев от начальников мест доклад правительству, а то оно не знает, думает, что везде все хорошо, а, напротив того, дурно.

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и Митрофан

Митрофан. Господин морской офицер желает вас видеть.

Добровидов. Что за доклады? я вить не судья, проси его.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Остромыслов.
Остромыслов входит, оба сидящие встают; он подходит к хозяину и говорит.

Остромыслов. Я думаю, вы, милостивой государь, меня не узнаете.

Добровидов. Нет, не могу припамятовать, где я вас видел.

Остромыслов. Вы меня видали, да маленького, а коли вам угодно знать обо мне, я Калистрат Остромыслов.

Граф и Добровидов (*поодиначке говорят*). Это друга нашего Платона Афонасьевича сын; как же я рад видеть тебя, мой друг! Отец твой нам истинный друг был.

Добровидов. Он, бедненькой, остался после отца и матери в сущем трех лет младенчестве, имения почти ничего не осталось, отец его, вы веть знали, что он не скопидом был.

Остромыслов. Я знаю, что ваша-та отеческая милость довела меня до сего состояния, старанием вашим воспитан

я обще с вашими детками до осми лет и обучен был тому, что и ваши дети, и потом еще к вящшему вашему великодушию до меня, бедного, распространилось то, что записали меня в морской кадетской корпус; тут-то от добродетельных и рачительных в питомстве и в просвещении разума человеческого командиров, чрез пятилетнее бытие в оном корпусе обучил науки морские и пожалован мичманом, а потом чрез три года получил я чин лейтенанта.

Добровидов. Нет, мой друг, еще отца твоего дружбу не заплатил, а буду вперед стараться о твоем благополучии; да постой, где ж ты стал, я думаю, на квартире?

Остромыслов. Так, сударь.

Добровидов. Того-то я, друг, не люблю, со мной без церемонии обходись, прикажи перевезть все свои пожитки ко мне; графу не противно будет, что он уделит один покой для тебя.

Граф. Я, напротив того, очень рад буду такому собеседнику.

Добровидов. Да на сколько время ты отпущен?

Остромыслов. На двадцать на восемь дней; однако дозволено мне пробыть всю зиму, ежели нужда будет.

Добровидов. Были ли в своей отчизне? видели ли своих мужиков?

Остромыслов. Видел, сударь, они прославляя ваше великодушие и до них бедных, что вы по недороду хлеба давали им хлеб, а назад ничего не брали, и рекрутские складошные деньги они не платят, а всё к вашему рекруту причисляют; также и то сказывали, что и подушное нередко за них платили.

Граф. А сколько раз в море был?

Остромыслов. Восемь походов офицерских, и три гардемаринские.

Граф. В которых государствах был?

Остромыслов. В Дании, в Швеции, в Англии, в Голландии, в Италии, в Португалии, и прошли Дарданеллы и был при сожжении флота турецкого в Морее *, где особенную я экспедицию имел. Послан был с некоторым числом матрозов для взятья свежей воды, тут-то мне по счастию удалось сделать важное дело, что напали на нас янычары и хотели нас полонить, но мы храбро оборонялись и не допустили; порубили у них немалое число, а у нас только один убит и двое ранено, и тех я взял на корабль и остались они живы и теперь служат.

Граф. Что ж за это ты получил?

Остромыслов. Георгиевской орден четвертого класса, а Орлов *, сверьх похвалы, одарил меня очень много. Я имею от него часы и табакерку.

Добровидов. Поди же, мой друг, поскорея на квартеру и возми моих лошадей, вели тотчас перевезть свой экипаж, да скорея поспешай к обеду. Вот и карета для тебя готова.

Остромыслов. Я не знаю, что теперь сказать; я имел отца, только его не помню, но вижу вас, милостивой государь, в нем; в вас-то есть прямая добродетель.

Добровидов. Полно, друг мой, говорить, это все безделка.

Остромыслов. Как! сделать человека век счастливым, назвать безделкой; знать человек этот ищущий вышнего царствия. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж, опричь Остромыслова.

Граф. Я, братец, не надивлюсь на твое великодушие, знав, что ты и сам с копейки на копейку перебиваешься, и так щедро поступаешь.

Добровидов. Ну да рассуди! мне при воспитании детей моих что стоило его содержание; очень мало, а записка его в корпус право только пятьдесят рублев; хотя я несколько и посылал ему, но все безделка.

Граф. Безделка да безделка, а у тебя все убывало.

Добровидов. Подожди меня, граф, здесь, мне нечто приказать хочется.

Граф. С охотою.

ЯВЛЕНИЕ VI

Граф (один).

Граф. Вот разность между двумя: один воспитывался, не теряя ни полушки, а другой по три тысячи, сказывают, стоит ему на год; но первой остался как человек просвещенной, и уже доказал и началом ревность в услуге отечеству и при знании его наук и храбрость в нем пылала, а другой, кроме разобрания бабьего плясания и их песен, ничего не понял; в том-то наша братья министры всякой пристрастие имеет к своим родным, а не по достоинству стараются о награждении людей; я теперь должен сем себя попрекать, что дурака Фомушку вывел в сержанты. О господи, прости мое беззаконие! что столь я в сем тяжко согрешил, век мучиться будет моя совесть; нет лутче команды, как морская, хотя она и трудна, да лестна в службе. Тут достоинство, а не предстательство берет верх; ни за что и ни для кого не сделают, чтоб недостойного наградить, а всякой примает по своему достоянию.

ЯВЛЕНИЕ VII

Граф и Добровидов.

Граф. Что ты так скоро отделался?

Добровидов. Я только приказывал кое-что для сего сироты.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те ж и Остромыслов.

Остромыслов. Что могу? какую вам принесть благодарность? везде вижу вашу до меня милость; лишь только я приехал, то нашел в моей комнате постелю, белье все ваше готово, да и портной с сукнами на мундир, и снял мерку; к тому дворецкой ваш сказал именем вашим, что и карета с лошадьми к моей услуге. О великодушной отец! знать, в тебе божия благодать обитает.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те ж и Маланья.

Добровидов *(увидя дочь, говорит)*. Маланья Епифановна! *(Указывая на Остромыслова.)* Ты, я думаю, не помнишь его, да как тебе и помнить, ты тогда была семи лет, как от меня отлучился.

Маланья. Я хотя, сударь, чуть помню и коли не ошибусь, так это Калистрат Платонович.

Добровидов. Так, мой свет, он-то приехал нас посетить и меня порадовать, что в нем нашел все добродетельные свойствы.

Остромыслов *(подходя к ней)*. Позвольте, милостивая государыня, при засвидетельствовании вам моего почтения принесть и за все милости до меня вашего родителя благодарность и посвятить себя всей вашей дражайшей фамилии вечно в преданнейшие услуги.

Маланья. Напрасно, сударь, столько изъяснения о батюшки моего щедрости. Он не что иное делал, как долг дружбы и человечества.

Остромыслов. Нет, дражайшая отрасль блаженного корня; это сверхъестественно, что ваш имеет родитель такую душу; позвольте мне хотя сказать: ежели б это во времена язычников, то б, конечно, по смерти его поставили б ему храм и поклонялись, как богу.

М а л а н ь я. Много вы делаете ему чести, это от того, что вы его любите.

О с т р о м ы с л о в. Я люблю; скажите, сударыня: я его обожаю, а любить дело не великого стоит.

Д о б р о в и д о в. Полно, друг, много, много от тебя пожалован, пойдемте, граф, и вы кушать, стол уже накрыт.

Г р а ф. Я, братец, чем больше рассматриваю его, тем прельщаюсь на его воспитание; вот самое хорошее воспитание.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет как и в первом действии.

ЯВЛЕНИЕ I

Граф (один).

Граф *(ходя по театру, говорит)*. Я ночь целую не спал, все думал о сих двух воспитанниках. Одному не нужен приставник, а другой и на двор без него выттить не может; да что мне будет делать с своим Слюняевым? Постой, я по дружбе с Добровидовым постараюсь, чтоб отдал дочь свою за него, она как разумна и хорошего воспитания девица, со временем, ежели он будет ее слушаться, будет хорош; я знал одного такого ж шалуна, воспитанного у матушки за блинами; но как он не дурен лицом, то, в него влюбясь, одна девица и вышла за него и привела его в состояние и сделала хотя не совсем, однако не противного в поведениях человека; так я хорошо вздумал; он может ее взять и укрепить наперед ей пятьсот душ, вить за ним три тысячи. *(Глядит в окошко и говорит.)* Вот и они пожаловали; смотри-ка, на Фомушке шитой кафтан.

ЯВЛЕНИЕ II

Тот же, Хавронья, Фома и Карпович.

Хавронья. Я приказ твой, батька, исполнила, приехала.

Граф. Покорнейше благодарю, да я уже, тетушка, о племяннике положил рассуждение, о предбудущем его состоянии.

Хавронья *(сама, а потом Фому заставляет кланяться)*. Вот, друг, тебе отец, почитай его вместо покойного твоего отца.

Граф. Пожалуй без этих церемониев, а сядем да поговорим. *(Садятся все трое.)*

Хавронья. Как мне моего отца не благодарить! вы вить печетесь о сироте сем. О бедной, бедной сирота! слава богу, что вот есть у тебя теперь пристанище, когда я умру. *(Сама плачет.)*

Граф. Полно, тетушка, на сие лишнее терять время, а должно дело говорить.

Хавронья. Хорошо, батька, скажи ж, что об нем положил.

Граф. Я думаю, вы наслышались о здешней девице, друга моего дочери, какого она состояния.

Хавронья. Как не слыхать! сказывают, будто нет подобной в добродетели и в поступках женщины, как она, при том и красавица; только, мой свет, говорят, что один в ней порок, что не может от жалости терпеть, когда кто при ней плачет; она и сама заплачет, и ежели у нее кто в это время представит из себя бедняка и нужного, то и последнее раздаст.

Граф. Щедрость, сопряженная с жалостию, хотя б то и в обмане ей представлено, но она сделает благотворение, то это не делает пороку, а честь женщине.

Хавронья. Да от того люди, мой свет, разоряются.

Граф. Нет, говорят по священному писанию, что щедрая рука никогда не оскудевает; так посмотрите лишь, здесь есть жена одного начальника, как она себя ведет; это беспримерная женщина, она умеет обходиться со всяким, и никто на нее не осердится, ниже подумает; одним словом, я б советовал всем женщинам быть снимателями с ее поступков; да и она тож щедра; для чего ж от этого не разоряется, но больше бог ее за то награждает?

Хавронья. Так и я наслышалась об ней; которая лишь только у нее ни побывала, всякая ее приемом довольна и не ухвалится о ее добродетели, а чрез то и мужа все любят, хотя он и сам пречестной человек и истину любит, однако и ее прием много ему помогает.

Граф. Так ее-то я хочу сватать за племянника; она хотя не богата, да достойная невеста, только наперед тебе, тетушка, скажу, что ныне девки разборчиваты, не захотят глядеть в глаза и просить для себя у мужа; а нада ей сделать укрепление, хотя пятьсот душ в Устюжском уезде; она вить у вас оброчная, так, получая оброк, может содержать себя, не требуя от мужа.

Хавронья. Я на это согласна, коли он захочет; да о укреплении деревни-та дай подумать, вить иная такая навяжется, что его оберет да и бросит; да я полно о ней других мыслей; ее воспитание и доброе отцово наставление не допустит такую сделать обиду ему, а себе бесчестие.

Граф. Положитесь во всем на меня.

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж, Добровидов, Маланья и Остромыслов.

Граф (*при входе их встав и подошед к ним*). Рекомендую вам, друзьям моим, мою тетушку и племянника.

Добровидов. Радуюсь, что еще вас вижу, Хавронья Митрофановна, благополучно ли, как изволишь поживать?

Хавронья. Слава богу, по грехам моим еще жива.

Добровидов. Это ваш внук, Фома Поликарпович?

Хавронья. Так, он.

Граф (*к Остромыслову*). Вот, брат, сверстник тебе, прошу его любить; он немного застенчив, так зачни сам с ним говорить.

Остромыслов (*подошед к нему*). Я за счастие считаю себе в столь славном с вами собеседничестве быть и прошу мне приказать, что ко услугам вашим.

Карпович (*к Фоме тихо*). А ты что не говоришь? разве у тебя языка нет?

Фома (*к нему*). Нет, что-то я, дядька, робею. (*К Остромыслову.*) Я радуюсь, что могу с вами вместе быть в компании, прошу меня любить.

Остромыслов. Что, сударь, в чем время ныне провождаете? как уже осень, то, уповаю, ездите за охотою псовой или птичьей.

Фома. Нет, бабушка не пускает мне быть ни к чему оному охотником; а говорит, чтоб я время напрасно не терял, а учился б.

Остромыслов. Да вить бывают и праздничные дни, также можно несколько уделять время и на сии забавы; говорят, что когда человек к охоте склонной, то он может, будучи в походах, снести трудности; вот нашему брату некогда о сем думать; мы летом на воде; а зимой что мы видели на ней такожде и какой курс держали, то сочиняем; а вам что делать, как не веселиться?

Фома. Что это значит курс?

Остромыслов. Это поход, или путь ходу кораблей; и так когда он пойдет и до которого места дойдет, то то называется курсом; например, я вступил в море при святом городе Петра, а держал курс до Ливорны *, италианского города.

Фома. Как сказывают, у вас на корабле умещаются больше пятисот человек и более ста пушек, также будто на целой год и содержание на всех?

Остромыслов. Так, это правда, да и воды довольно и немало такелажу и грузу еще显 вприбавку.

Ф о м а. Как! да вы на воде, для чего ж ее вам с собою брать?

О с т р о м ы с л о в. Потому, что морская вода не употребляется ни на что, она очень солона и горька.

Ф о м а. Теперь-то я познал, как меня учитель писать учил, да в складах толковал: человек стоит в воде по горло, просит пить, а напиться не может; так-то и вы, на воде, а ее не пьете.

Г р а ф *(к тетке)*. Смотри-тка наши поговаривают; заставь его говорить с хозяйкою.

Х а в р о н ь я *(к Фоме)*. Что ты, мой свет, не говоришь с хозяйкою? рекомендуйся в ее милость, ты вить ей сосед ближней.

Ф о м а *(к Маланье)*. Пожалуйте ручку.

К а р п о в и ч *(к нему потихоньку)*. Это ныне не водится, а должен изъяснясь о себе просить, чтоб она тебя приняла в число приятелей. *(Маланья будто оного не слыхала и руку не дала.)*

Ф о м а. Так изъясняюсь вам, сударыня, что я есть гвардии сержант Слюняев и прошу меня принять в число ваших друзей. *(Все засмеялись, опричь бабушки.)*

М а л а н ь я. Наслышалась от батюшки об вас, кто вы есть. Что ж до дружбы касается, стараться буду, но вдруг сказать не могу, что дружба есть дело великое и в равном поле.

Ф о м а. Пожалуй, сударыня, я хоть и на Куликово поле с вами гулять поеду.

М а л а н ь я. Я завишу в воле родителя, так и никуды ни с кем, кроме его, не езжу.

Ф о м а. Да что ж, о каком же вы поле твердите?

М а л а н ь я. О таком, что свойство людей различено надвое, одно названо мужеской пол, а другое женской.

Д о б р о в и д о в *(ко всем)*. Прошу вас всех, моих милостивцев, за стол щи наши расхлебать, уже мой метр дотель докладывал. *(Все уходят, опричь Карповича.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

К а р п о в и ч (один).

К а р п о в и ч. Век я свой мучился, сего шалуна хотелось привесть к лучшему, но он ни на что не способен; что ему ни толкуй, а он другое думает; у него только и мысли, с которой бы бабой поплясать или песни попеть. Бабушка думает, что он всегда за книгою; правда, он их часто берет в руки, да не знает, что в ней написано; а учителям что нужды? только б денежки исправно платили; да и мне какая грусть? я довольно долг

делал, наставлял, да он не понял; а я, слава богу! хоть худа корова видом, да к молоку добра; так-то и мне есть барыш; я уже ныне не холоп, меня за худое воспитание сечь не станут, а притом уже по милости его имею пятьдесят душ в Казани, да десять тысяч в Астрахани ходят у меня в проценте, то хоть сегодни с двора, мне не будет дальной грусти; серебра да и золота у меня так же на несколько есть, а я еще сорока лет, ин могу жениться и вступя в звание своего чина, чрез мой достаток и приятелей, коих я на счет их себе присовокупил довольно, могу скоро быть секретарем, а секретарь и дворянином уже себя почитает.

ЯВЛЕНИЕ V

Тот же и Марина. Когда он это говорил, она слушала у дверей и, будто не видя его, говорит.

Марина. Посмотреть было сего вписавшегося в звание крючкотворца, не полюбится ли мне, я вить и сама подьяческая дочь.

Карпович (*оборотясь, увидел ее, подошед к ней*). Что, сударыня, вы здесь жительство имеете и в какой должности? смею ли доложить?

Марина. Здесь, здесь живу; только в какой мне быть должности? я сама благородная, а живу только так для Маланьи Епифановны.

Карпович. Что ж вы не за столом сидите?

Марина. Для того, что я должна после вас подчивать, и мы сядем за него с вами, с мамою, с двумя нянями, наш управитель и несколько официантов.

Карпович. Так, пожалуйте, скажите, вы еще девица?

Марина. Да разве не видишь, голубчик, что я молода? так в эти лета о замужестве рано помышлять.

Карпович. То от кого же вы заимствуете, ежели, например, паче чаяния сыщется вам жених, то чрез кого ему сыскать должно?

Марина. Полно, батька, говорить, я бедная сирота; хотя отец мой и был актуариус, только за некоторое выкраденное дело из архива наказан он и послан в ссылку, а меня воспитала госпожа сего дому, так можно ли мне о замужестве думать?

Карпович. Ежели вам не противно принять мою руку и притом и достаток мой в ваших руках будет, а я, слава богу, не убог, у меня всего на все, опричь деревни пятидесяти душ, тысяч до двадцати есть.

Марина. Полно вам надо мною смеяться, за вас и не такая голая, как я, пойдет.

Карпович. Нет, моя дражайшая, заставь меня обожать и в век преданным быть в ваши услуги.

Марина. Хорошо, я согласна, только пора мне иттить отсюда, а то здесь дурно быть с вами одной.

Карпович. Так дай мне поцаловать ручку. *(И цалует.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Граф, Добровидов, Остромыслов, Фома, Карпович, Хавронья, Маланья.

Добровидов *(к Карповичу)*. Поди, друг, пообедай.

Карпович, поблагодаря, уходит.

Граф *(к Остромыслову)*. Что, братец, ты нас за столом усладил разговорами о твоих вояжах, так скажи нам, я думаю, знаешь, под какими правами те государства, где ты был?

Остромыслов. Как не знать! извольте, я начну о Дании, она монархическая, управляема государем, который уполномочен во всем; Швеция, хотя прежде была под государем, но зависела от чинов, то есть чин дворянства, чин духовенства, солдатства, купечества и коронных людей, и было оное составлено из нескольких персон всякого из сих звания, кои все дела судили до общенародного права, а ныне государь нынешней уполномочен; Англия имеет короля, только он ничего сам собою сделать не может, а все парламент верхней и нижней: в верхнем судятся политические дела, а в нижнем до наложения податей; Голландия есть республика, которая управляется штатами, которых именуют: генеральные штаты, затем что они вообще государя значут; а выбираются таким манером: первое, всякой город выберет у себя депутатов и пошлет в провинцию, а там балотируют их, созванных из всех городов, и одного, которой сделается достойным, того и посылают. Он-то и состоит штат; а как их семь провинциев, семь их штатов. В случае же нужды народной, всякой за свою провинцию отвечает. В провинции также по одному из городов собранных депутатов, то и составляет оное провинциальное присутствие или штаты; в Венеции же республика, только под началом дожа, которой в правлении дальной полномочности в государстве не имеет, кроме как вышней начальник, а то все оно от сената состоит; Португалия управляется государем, но наперед сего плачивали папе некоторую подать, в подарках обыкновенных состоящую, а ныне он король отказался посылать; Морея под Турецкою державою, вам известною; я чаю оное государство деспотизма или господ-

ственное, то есть государь без законов, затем что может всякой час их переменять, не требуя общего совета.

Граф. Хорошо, да вот мне пора писать; прощайте. *(Уходит.)*

Хавронья. Фомушка, скажи о карете, чтоб подвезли.

И как он вышел и тотчас скоро воротился.

Фома. Готова, сударыня.

Хавронья. Покорно благодарю за угощение ваше. *(Сама кланяется.)*

Добровидов. Я больше благодарен за посещение; прошу почаще ездить, а внуку вашему с ним не скучно будет.

Хавронья и Фома уходят.

ЯВЛЕНИЕ VII

Добровидов, Остромыслов и Маланья.

Добровидов. Знаешь, дочь, зачем они здесь нас посещают? мне полно теперь недосуг, а то бы я рассказал.

Маланья. Пожалуйте, скажите, мне хочется знать.

Добровидов. Он не служил, а хочет маиором быть.

Маланья. Как это?

Добровидов. Так, как уже и все делают по гвардии; с теми-та балами она к племяннику своему подъехала; однако я заговорился, прощайте. *(Уходят все трое.)*

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет как и прежде.

ЯВЛЕНИЕ I

Остромыслов (один).

Остромыслов *(сидя на стуле, то вздыхает, а иногда и встает, а при том и говорит)*. Человек, когда определен от провидения терпеть прискорбности, то он как ни старайся убегать от случая быть печальным, но за ним гонится рок; о боже, всевышний благотворитель, за что попущаешь надо мною злочастной фортуне играть? уже и так она довольно играла, с самого младенчества и доныне; я лишился матери, еще был полутора году, а отца трех лет; воспитыван в чужих людях; хотя я чувствовал благодеяния от моего покровителя, равно как от отца, но вить у него были такие проклятые челядинцы, что не только что меня презирали и бранили, но не редко и заушницы мне давали; мне лутче было оное сносить, нежели на них жаловаться, потому что иногда мне как робенку и не поверят; а ты, всеведущий, видя оное, довел меня, наконец, и до сего благополучного состояния; и я до вчерашнего дня,— приношу тебе, владыко, чистосердечное откровение,— не думал, чтоб назвать себя бессчастным; я почитал, что нет во всей подсолнечной меня счастливее; мне только двадцать лет, а уже три года как лейтенант, и уповаю скоро быть повышен, чрез что буду штаб-офицер, то как бы оному не радоваться? да когда судьба начинает притесненному несколько благотворить, то и смотри, чтоб скоро не дала горькой пилюли проглотить; я-то ныне ее проглотил. . . ум мой. . . мутится. . . память от меня отбежала. . . члены все немеют. . . в груди тесноту чувствую. . . сердце поминутно бьется, будто выскочить хочет. . . в голове шум. . . я весь в беспорядке. *(А сам плачет и становится на колени.)* О благий творче и всем нам отец, не презри мое пред тобою моление, ниспошли

с высоты твоего престола свою благодать и дар твердого духа, чтоб отбежала от меня унылость. *(Потом встает, ходит по театру задумавшись и опять говорит.)* Нет силы, я откроюсь. Стой! что ты затеял... могу ли я вообразить себе... чтоб столь славная девица, как Маланья, могла подумать, чтоб принять от меня руку... нет, не воображай себе, Калистрат, для тебя довольно ее раба, вить ты бедной голяк, имеется за тобой пять душ и двадцать четвертей земли. Постой! да я вить молод, скоро могу дослужить и до хорошего чину, получу при отставке, когда уже и не способен буду ни к чему, пенсию... Нет, слабо я думаю, на предбудущее никто не кладись; а да и все ныне о настоящем помышляют... а при том хотя б я женился на ней, чем могу ее содержать? она воспитана хорошо, должно ее так и содержать; к хорошему скоро человек привыкнет, а к худому не скоро, да всего пуще, что мне благотворитель мой скажет, что я прельстил его дочь, за все его до меня милости... где... тут... долг благодарности... где... тут клятвы, пред престолом ежедневно мною чинимые, чтоб быть всегда в его преданности, а я за все оное хочу уговорить его дочь, чтоб меня любила? О неблагодарность! достойно навек в презрении быть... крепись, мой дух... а ты, боже... подкрепи мои силы... *(Вдруг немного погодя говорит.)* Я утвердился... я лутче скорея оставлю сей дражайший для моего погубления предмет и поеду скорея к должности и буду просить, чтоб меня на долгое время отлучить от отечества... так хорошо вздумал. Нет, я сам себя обманываю; мне оного не перенесть, а лутче всего я приму прием отравы и пойду в вечность, не сказав, что у меня на сердце было... Опять тебя я, милосердца, прошу, дай уму моему наставление, что делать; говорят, сам себе убийца да не внидет в вечное царство; но что мне делать? не знаю, какие предпринять мне меры.

ЯВЛЕНИЕ II

Марина и Остромыслов. Марина вошед и все оное видела и мешалась до конца; но вдруг будто не видала его и зачала звать человека.

Марина. Митрофан, Митрофан! Да его и здесь нет. *(Остромыслов во оное время оглядывается и хочет иттить, но Марина остановила и говорит.)*

Марина. Что вы так рано встали, и одни здесь? знать, вас клопы, или блохи наши обеспокоили.

Остромыслов. Нет, голубушка, они меня не беспокоют; мы к ним привыкли, да у меня голова болит.

Марина. Я хотя цыганкою не бывала, а нечто примечаю

из вас, что вы имеете сердечную печаль; знать, вы оставили какой-нибудь для вас дражайший предмет в Кронштате.

Остромыслов. Нет, моя радость, я еще до сего вашего города ни об одной женщине не помышлял, да и помышлять рано; когда кто отечеству служит и желает более показать ревность, то для холостого гораздо лутче, а особливо в нашей морской службе; ежечасно считай, что пойдешь в вечное пребывание, так одна голова, кому об ней тужить! а буде же с кем обязался, то и об ней должно больше тогда помышлять.

Марина. Нет-таки, службу-та служи, а женят, жену люби; лето для государства, а зиму для нее.

Остромыслов. Но пусть по-твоему, да кто за меня пойдет? я не могу содержать и себя хорошенько, не только жену.

Марина. Да все вы, морские, таковы, а как за вас хватись, то найдешь, что пожевать; у вас не деревни, а денежки часто водятся.

Остромыслов. Мне некогда еще нажиться.

Марина. То-то добрая жена полагает надежду на будущее.

Остромыслов. Плоховато оное, вить оная в одну минуту превращается; и человек думает о будущем, а того не знает, что смертное жало его тотчас скосит, а бедная жена пойдет по дворам с кошелем, когда обнадеется на будущее счастие мужнее.

Марина. Да полно таиться, а лучше открой, что у тебя на сердце, авось-либо, в чем могу, и пособлю.

Остромыслов *(в сторону)*. Моей печали нет помощника. *(Вслух.)* Нет, сердце, у меня никакой печали нет.

Марина. Как никакой! да вить я слышала, что ты от сей печали и отравить себя хотел.

Остромыслов *(про себя)*. Я сам себе изменил, она, конечно, все слышала. *(Вслух.)* Да это я не о себе размышлял, а о таком человеке, которой считал себя быть счастливым, а судьба зачала его гнать, и сделался благодетелю его врагом.

Марина. Как может быть врагом своему благотворителю? да в чем оное состоит?

Остромыслов. А вот в чем: например, я б полюбил моего покровителя дочь, то мог ли я подумать, чтоб она вышла за меня и он бы выдал с охотою, когда я самой бедной человек?

Марина. Нет, не отчаивайся; добродетель твоя, а более хорошее воспитание подает надежду, что ты будешь богат, и для того такой разумной девице, как Маланья, и должно оное вообразить себе, иттить за тебя; хотя несколько сперьва и потерпеть нужду, да после благополучно проживете.

Остромыслов. Нет, сударка, и подумать нашему брату о сем стыдно, не только чтоб начать; потому-то я и думал, ежели б такой, как я, подумал свататься, что он страдает от любви, то лучше себя отравить, нежели о сем начинать.

Марина. Положись на бога, авось-либо сделается по-твоему, будто мне сдается, что ты будешь на ней женат.

Остромыслов. Твоими б устами да мед пить, прощай, мне пора одеваться.

ЯВЛЕНИЕ III

Марина (одна).

Марина. О бедненькой! мне он очень жалок, что в такое состояние приведен. Он не знает, что делать: открыться, боится разгневать благодетеля своего, да притом и не думает, чтоб по бедности его и она пошла за него, а жар любви приводит его во отчаяние; он то то, то другое в сем замешательстве предпринять хочет, но ни на одно положиться не может: нада ему помочь; да как примечаю, что и Маланья-то ныне отменна стала. Бывало, какая веселая, а ныне забьется в угол да одна все плачет.

ЯВЛЕНИЕ IV

Маланья и Марина. Маланья, не видя Марины, первую идет на театр, а сама говорит.

Маланья. Везде, где я ни сижу и где ни хожу, дух мой мятется; не знаю, что начать, тоска превеликая, как будто чего я лишилась; кто стукнет или громко заговорит, так сердце мое окаменеет, а притом с самых тех минут, как увидела этого офицера, нечто я вся не своя, и при нем я часто робею; ежели б приметили со стороны, как он меня благодарил за батюшку, то я тогда была больше на пня, нежели на человека похожа. Нутренна у меня тогда вся трепетала; я не знаю, что это предвещает; иные думают, что будто к какой-то радости; а мне к чему? ежели считать, что мне быть его женою, то я бы по себе с охотою, только батюшка и вся родня не согласятся за него выдать; а опять и то рассудить, ну, он завезет в Кронштат. а сам в поход пойдет, а я буду чем тогда питаться? от жалованья ему уделить очень мало, а для нанятия квартиры, не только содержать себя; да я этого никогда и не воображаю себе, чтоб он мог подумать о женитьбе; вить все морские долго холостые бывают и как разживутся и получат чин хорошей, то и вздумают тогда ожениться; однако я приметила и в нем перемену: когда лишь только стану на него смотреть и взор наш

встретится, то он, бедной, весь покраснеет, и нечто перемена на лице его видна, да и я тогда будто что теряю. *(Ходя по театру и встречается с Мариною.)* А ты здесь, моя душенька, и не скажешь о себе.

Марина. Я давно здесь и видела и слышала все ваши рассуждения.

Маланья. Когда открылась моя тайна, то прошу тебя дружески дать наставление, что мне в таком случае делать и отстать от печали.

Марина. Я не знаю и сама оному средства; а скажу вам, сударыня, ежели б вы видели сами чрез час, как он, бедненькой, о ком вы рассуждали, вышел отсюда и что он хотел от любви к вам предпринять.

Маланья *(вся встревоженная)*. А что такое? скажи скорея.

Марина. Бежать отсюда, а потом и того не мог положить в своем рассуждении и вздумал было себя отравить, и так бедненькой жалок, что нельзя его описать, как тогда был.

Маланья. Да как, разве ты слышала его рассуждение?

Марина. Я так же подкралась подслушать, как и ваши речи.

Маланья. Да где ж он теперь?

Марина. Он пошел одеваться, а то был в сертуке.

Маланья. Что ж мне в таком случае делать? и я вить страдаю, да чем пособить?

Марина. А вот чем: уверьте его, что вы ни за кого замуж не пойдете и будете его.

Маланья. Да чрез кого же я могу оное ему пересказать? чрез письмо, то боюсь, чтоб не попалось в какие руки, от чего претерплю поношение.

Марина. Нет, дозвольте мне это пересказать; он, я уповаю, очень обрадуется и ждать будет того времени, покуда перестанет его гнать судьба и допустит быть вашим преданнейшим слугою.

Маланья. Я полагаюсь на твою дружбу, делай что хочешь, я все рада предприять; я столько распалена, что не знаю и сама себя.

Марина. Да вот и батюшка идет, будь повеселея.

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж и Добровидов.

Добровидов. Что ты здесь одна?

Маланья. Да я думала, что вы изволили встать: уже на дворе не рано, так я и пришла.

Добровидов. Нет, рано, еще только девять часов, а ты никогда так рано не вставала.

Маланья. Так что-то не спалось.

Добровидов. Я нечто примечаю в тебе перемену, ты была весела, а ныне уныла.

Маланья. Я все такова.

Добровидов. Поди, Марина, прикажи сказать, когда граф встанет, а мы с ней поговорим.

Марина (*выходя, про себя говорит*). Боюсь, чтоб она не открылась, а то испортит дело, а я между тем схожу к Остромыслову и его обрадую.

ЯВЛЕНИЕ VI

Добровидов и Маланья.

Добровидов. Ты знаешь, как вы мне все дороги; мне всякая ваша прискорбность чувствительна, то скажи, мой друг, что у тебя за печаль.

Маланья. Я давно от братьев писем не получала, они хоть пишут, да к вам, а ко мне нету.

Добровидов. Это от того, что писать им на почте часто да и много, то весовых денег заплатить убыточно, а довольно, что они ко мне пишут, да и к вам поклоны.

Маланья. Да можно бы им хотя один раз особо отписать.

Добровидов. А я было к тебе пришел о нужном поговорить? да только наперед тебя прошу мне ни в чем не прекословить.

Маланья. А что такое? я все для вас сделаю, хотя б стоило и моей жизни.

Добровидов. Нет, это не до жизни касается, а до любви. Вить ты знаешь, как мы с графом дружны, а он меня просил, то отказать ему дурно.

Маланья. Пожалуйста скорее скажите, на что такою долгою речью томить?

Добровидов. Видела ты его племянника Слюняева; он хотя несколько плоховат, да богат и лицом не дурен, а красота для женщины всего лутче, за ним вить три тысячи душ, да пятьдесят тысяч рублей в проценте; и так дом притом во всем полной; его-та он сватал и просил, чтоб я выдал тебя за него.

Маланья. Я замуж не хочу; еще мне рано о сем думать; вить мне семнадцать лет минуло.

Добровидов. Да мы хотя наперед сговорим и положим время, до которого времени ждать.

Маланья. Нет, сударь, на что это затевать? вить время меня не гонит.

Добровидов. Да он, друг, наперед укрепить хочет пятьсот душ тебе.

Маланья. Я никогда интересанкою не бывала, так и для этого замуж за него иттить не хочу; итак, пусть ищет другую по мысли.

Добровидов. Да за кого ж бы тебя выдать? ты знаешь, что я нездоров, так и боюсь, чтоб мне скоро не умереть, а тебе б не остаться без призрения.

Маланья. Я лутче век в девках буду, нежели за таким, которого видеть не могу, быть под началом глупости.

Добровидов. Да он, а не ты будешь под началом; говорят же, жена умная и мужа поправит.

Маланья. Нет, сударь, когда кто каков родится, таков и до смерти будет.

Добровидов. Да что ж мне велишь сказать графу?

Маланья. То, что изволите.

Добровидов. Ну, ин я скажу, что дай подумать; а ты между тем хотя некоторую ласку да ему показывай.

Маланья. Да какую прикажешь? он ничего не разумеет.

Добровидов. Прощай, я еще с тобой переговорю о чем, а теперь, я чаю, граф меня ждет. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Маланья (одна).

Маланья. Вот что говорится: сокол с места, а ворона на место; так-то вместо Остромыслова, да иттить за сего фалю фалелея; я лутче, завязав глаза, да в воду, нежели за ним буду; то-то насладится сладкого глаголания от него! он и с женой, как с крестьянскими бабами, обходиться будет.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Маланья и Марина.

Марина. Как же бедной порадовался слыша от меня ваше расположение! сколько же раз клялся, что он ввек будет вам преданным мужем и другом! да вот меня чем и подарил. *(Показывает табакирку и в ней несколько золотых.)*

Маланья. Я радуюсь, что ты чрез свое ко мне усердие получила от него подарок; так и я тебя дарю: возьми розовое тафтяное платье себе.

Марина. Благодарна; вот как теперь я вас вижу повеселяе; да скажи, что батюшка с тобою говорил.

Маланья. Он меня сватал, или, лутче сказать, граф его просил о племяннике своем дураке Слюняеве, чтоб мне выттить за него.

Марина. Что вы на то сказали?

Маланья. Я формально отказала, хотя он мне и укрепляет пятьсот душ.

Марина. Эк, сударыня, какова ты! да ты наперед возми от него крепость, а там чрез нотариуса мы сделаем в брачном контракте, что вместо его да ваш Остромыслов написан будет. Да мне и можно все оное делать; вить вы знаете, что он дядьку любит, а тот со мной условился на мне жениться.

Маланья. Нет, я никогда такого бездельничества не сделаю, лутче по миру пойду.

Марина. Да у дурака-то еще и без того много останется. *(Уходят.)*

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет приемную комнату.

ЯВЛЕНИЕ I

Добровидов и Маланья.

Добровидов *(сердитым образом)*. Я узнал, что то за причина, что ты отказываешься иттить за Слюняева; говоришь, что он дурак; да разве хуже тебя была тетка твоя, матери твоей сестра, что была за дураком, только за богатым человеком? жили спокойно; он у ней был в повелениях.

Маланья. Никакой причины нет, кроме что я не могу быть за ним; а тетка-та каково ж и переносила! вить вы же сказывали, как он всегда говаривал за женою и повторял речь, то дошло, что она сказала: как я мучилась! и насилу родила; то и он то ж сказал: как я мучился! и насилу родил. Вить не смех ли был для всех, а ей огорченье; да это еще в такие времена, в которые мало и рассматривали, а ныне все стали просвещены; только и смотрют, не прошибется ли кто в чем, то пересмеют.

Добровидов. Да что ж мне делать? я дело сделал и графу обещал то исполнить; уже закладная готова и контракт ими подписан, да и я подписал; а ты, друг, за твоим любезным голяком Остромысловым,— мне все вить сказали о твоих пересылках к нему и о его печали,— однако не бывать, а будешь Слюняева; готовься их принять, они тотчас будут. *(А сам уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Маланья (одна).

Маланья. Пропала я! всем уже открылась наша тайна, и я лишаюсь моего дражайшего... *(Сама плачет и в азарте встает.)* Я лутче сама себя убью. нежели за таким дураком

быть... Прельщают меня достатком... Хотя денег миллионы и есть, да печаль... то что, пойдет ли на ум веселье? а все плачь да рыдай... Веселому человеку и с любезным один ячменной хлеб покажется слаще ананасу... Постой, вот батюшка увидит, что его желание не сбылось, когда сей нож прекратит мою жизнь. *(Вынимает ножик и хочет заколоться, а при том говорит.)* О ты, всещедрый боже! прости мое окаянство, что предпринимаю на себя руки! *(Выхватя оной и хочет себя заколоть; но входит Марина и не допускает окончить.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Маланья и Марина.

Марина. Что вы затеяли? этому пособить можно. Хотя батюшка ваш так упрям и немилостив для вас, не хочет по-вашему сделать, да я вить вам сказывала, что у нас нотариус подкуплен, и контракт, хотя как ни мудрили, да по-нашему сделан.

Маланья *(обнимая ее)*. Так ли, мой свет? ежели это правда, то тебя-та я за отца, а не отца моего почитать должна; он мне гонитель, а все это граф мудрит, пусть его бог судит.

Марина. Притворитесь опять печальною, вот батюшка идет.

Маланья, сидя в беспамятстве и ножик на полу. Марина приводит ее в чувство, дает ей нюхать, трет по вискам спиртом, а между тем входит отец и граф.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж, граф и Добровидов.

Добровидов *(подбежал к дочери)*. Что это такое! она без чувства, умирает, помоги, любезной друг.

Марина. Это, сударь, плод вашего великодушия; как вы хотели сделать ее век несчастливою, то она рассудила его скорея ускорить прекращением сим ножом; ежели б я не подоспела, то б ау! вы бы ее лишились и век бы по ней совестью мучились.

Граф. О! братец, ты меня обманул, сказав, что она согласна иттить за него, а то б никогда я этого не сделал, побегите скорее за нотариусом, я контракт раздеру; согласен ли ты, друг мой, переменить наши мысли?

Добровидов. Согласен; да я только это делал в угодность вашу и в знак, что я вас почитаю другом и не хотел

отказать, а то она мне наотрез сказала, что нейдет за него, а как услышал от человека вашего, что он подслушал, что эта сладкоглаголивая посланница (*указывая на Марину*) была у Калистрата и его уверяла, будто дочь моя согласна за него иттить, а я, братец, рассудил, ну, пусть он достойной хотя и не моей дочери жених, да вить он гол, да и дочь не богата, то чем они проживут?

Марина. Тем, чем бог всех питает; он человека сотворил нага, а одел и об нем помышляет.

Добровидов. Молчи; ты-то всему и причина, она б без тебя ко оному не согласилась; какая ты неблагодарная за все мои к тебе милости! как бы не я, то б под углом околела, а ты вот какие пакости делаешь.

Марина. За те-то ваши милости я это делаю; знаю, что вы бы увидели в дочери вашей несчастную жизнь, то б вы не перенесли и скоро б соединились с вашими предками.

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж и нотариус.

Нотариус. По приказу вашему все готово, вот закладная от господина Слюняева к девице Добровидовой на пятьсот душ в пятидесяти тысячах рублях в год.

Граф. Постой, да контракт где?

Нотариус. Вот изволь, только я должен не вам, а при общем всех собрании прочтя отдать сей девице (*указывает на Маланью*); у нас такой обряд, а при том поздравить с будущим благополучием, и за то вить наша братья получают барыши и попойку.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж и Остромыслов (в дорожном платье).

Остромыслов (*подходя к Добровидову*). Я всему причина и нанес вам столько беспокойства, а дражайшей вашей дочери еще и больше. Ей почти смерть от того приключилась, то я рассудил вас оставить, но не мог отбыть без того, чтоб не засвидетельствовать вам мою нижайшую благодарность, и верьте, что я клянусь всем тем, что есть свято, что я век ваш преданнейший слуга, а я иду поспешать скорее к смерти.

Маланья. Ах, помогите мне или дайте мне волю прежде его умереть.

Граф (*подошед к Остромыслову*). Постойте на час, не ты

причиной беспокойству сего дома, да я; так знай, что все дело сделано будет в твою пользу. *(К Добровидову.)* Будь со мною согласен; что я ни буду делать, ты должен согласиться, так ли?

Добровидов. Так, да что такое, скажи, вить уже дело сделано, контракт подписан.

Граф. Это в моей и твоей воле, я его издеру; а вот что я вздумал...

В это время входит Хавронья со внуком и Карпович.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те ж, Хавронья, Фома и Карпович.

Граф *(не окончa речь, подошед к тетке говорит)*. Все что я было наделал: чуть было сих двух *(указывая на Остромыслова и Маланью)* не пустил в царство мертвых; ты думала, тетушка, что она согласна будет иттить за твоего внука; нет, сударыня, лучше хотела умереть, нежели за ним быть. Ну, ежели б они померли, да и мне бы не перенести, что я-то их убийца, то знайте, мои друзья *(обеих — Остромыслова и Маланью — обнимает; они встают)*, я в награждение вашего претерпения даю свою Бежецкую деревню, в ней триста душ и конской завод; я ее купил, так и можно мне ее дарить, не отнимая у наследников; подай же, нотариус, прежней контракт, я раздеру.

Оба, Остромыслов и Маланья, становятся на колени и берут руку, цалуя говорят.

Маланья. В ком я видела врага, в том ныне нашла отца.

Остромыслов. Какую прикажешь клятву дать, что я навек посвятил себя к вам нижайшим и наиусерднейшим слугою быть?

Добровидов. О друг! достойно это записать во внутренности наших чувств, что нет подобного тебе.

Граф. Я тебе откроюсь, что еще в Петербурге вздумал сделать укрепление тебе оной деревни, с тем-то и приехал; а вот этот случай, слава богу, мне сделал, что я исполняю; подай же контракт.

Нотариус. Постойте, я прочту, авось и этот вам годится. *(Читает.)* 1780 года октября в ... день я коллежской советник Епифан Добровидов сговорил дочь свою девицу Маланью за флота лейтенанта Калистрата Остромыслова, и даю ей в благословение святые образа да в приданое белье и платье, серебреной и золотой кузни посуды на две тысячи рублей да на

покупку деревни тысячу рублей, всего на три тысячи рублей; к сей сговорной коллежской советник Епифан Добровидов руку приложил; во свидетельстве подписуюсь генерал граф Алексей Чистосердов.

Граф. Да как же? вить тебе велено написать для Фомы Слюняева.

Нотариус. Так, сударь, да я наперед узнал, что девица-та не с охотою за его милость пойдет *(указывая на Фому)*, а при том некоторая птичка залетела и ко мне, в ухо шепнула, что мне из того будут барыши, то-то, сударь, я так и сделал.

Граф. Хорошо, что на лад попал, а то б я тебя в ссылку управил. *(К тетке.)* Так знать тебе с своим Фомушкою убираться домой, вот назад ваша закладная, она ее не принимает.

Хавронья. Да зачем же над моим внуком так играть господину Добровидову? это его затеи.

Добровидов. Я вам присягну, что я того и не помышлял, да так провидение устроило для моей дочери, то и я уже согласен, подите обоймите меня. *(Оба обнимают.)*

Остромыслов. Вы, милостивой государь, найдете во мне себе покорного сына, послушного раба и верного друга.

Маланья. Я век буду за вас богу молить, равно и за графа.

Фома *(Карповичу)*. Поедем, дядька, домой, у нас, право, бабы лутче ее, они беспритворно ласкают, а здесь все обман.

Хавронья. Что нам здесь, друг, в посмешище быть! я на старости вот до чего дожила, что мною ругаются; уедем.

Карпович. Постой, сударыня, я вам доложу: за все ваши милости приношу мою нижайшую благодарность; а как Фома Поликарпович ныне не робенок, может и без меня жить, а мне пора к должности привыкать, да время и жениться, а вот и невеста: я думаю *(кланяясь Добровидову)*, вы дозволите Марине выттить за меня, мы с ней условились.

Добровидов. С охотою, она достойная девка, право ты ею будешь доволен; Марина, согласна ли ты?

Марина. Я все по воле вашей сделаю.

Добровидов. Не по воле, да скажи, согласна ли.

Марина. Согласна.

Граф *(обеих берет за руки)*. Вот славно! и другой марьяж поспел, поцалуйтесь. *(Оба цалуются.)*

Карпович. Я, сударь, хочу в последние вам сказать *(к Фоме)*, чтоб вы старались не все при бабушке жить, а лутче служить и быть между людьми, отчего вы научитесь хорошему поведению и вперед можете быть хорошим кавалером.

Фома. Полно болтать, я пойду в отставку.

Граф. Вы, общество, смотрите, сколько воспитание придает человеку разума, хотя говорят, что чрез многое читание книг может понять; нет, мои друзья, хорошо теорию знать, но без практики худо; так-то и читать романы, нада видеть иногда и в действии их.

Хавронья. Прощайте! я вам буду слуга за все ваши насмешки; уже плут и Карпович над нами насмеялся.

Добровидов (*к графу*). Пора ж нам окончить начатое; так пойдем приготовлять к свадьбам; я сегодни обе хочу сыграть.

Граф. Хорошо, пойдем.

Нотариус. А мне что за работу?

Добровидов кидает несколько денег, то ж делает и Остромыслов и Карпович, и потом театр закрывается.

Конец комедии

П. А. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

БОБЫЛЬ

БОБЫЛЬ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Честин
Евгения
Хватов
Анисья
Влас, староста
Исавна, жена его
Анюта, дочь их
Парамон
Аксен, сын его
Матвей-бобыль

Действие в селе, принадлежащем пополам Честину и Евгении.

ПРЕДСТАВЛЕНА В ПЕРВЫЙ РАЗ В САНКТПЕТЕРБУРГЕ
НА ПРИДВОРНОМ ТЕАТРЕ АПРЕЛЯ 7 ДНЯ 1790 ГОДА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет лес, вдали деревня.

ЯВЛЕНИЕ I

Влас и Исавна.

Влас. Жена! Исавна! поди-ка сюда!

Исавна. Иду; что те нада, Влас Потапьевич?

Влас. Где наша дочь Анюта?

Исавна. Пошла в лес за ягодами; слышь, сегодня барин будет, так было бы с чем встретить.

Влас. Оно ладно; да смотри ж тово воно: барин-та барином, пускай приезжат: я бы позевал на него, ведь я его не видывал... да ведашь, сосед Парамон с Аксеном сыном своим хотел ко мне щей хлебать загулять, так не худо бы открыть бочку браги, мужик-та богат; он нагдась приехал из Питера, и слышь ты, зиму-та зимски расторговался, что казны-та привез и сметы нет.

Исавна. Ведь его казной нам не владеть, пусть его богатеет; ему же впрок.

Влас. Эка смышлена! ни на что у тя догадки нет: слышь ты, его сынку Анюта приглянулась, так благословясь да и по рукам.

Исавна. Ну, да ведь барин будет к нам, так досуг ли бить по рукам?

Влас. Ну, да барин-та барином; а по рукам так по рукам.

Исавна. Да ведь Парамон-та крестьянин вон той молодой помещицы! А как барин-та не захочет в чужо поместье отдать Анюту?

Влас. Эка ты жена недогадлива! Парамон вывод даст, так дело та и в шляпе; а как барин-та наш такой же милосливой, как покойница наша барыня, так и раздумывать незачем. То-та

была барыня! как жила у нас в селе: мужики-та рай от нее увидели: она не пускала никого по пачпортам; а всем велела землю пахать. Правду сказать: мы и работам; зато у каждого крестьянина ажно житницы ломятся; а у крестьянина, коли хлебушка есть, так он и сам барин, и шапки ни перед кем не ломает.

Исавна. То так, Потапыч! спросить бы надобе Анюту, ей полюбился ли Аксен-та Парамоныч?

Влас. Вот на! какой вздор болтать! спрашивай девку, полюбился ли ей жених? Коли отцу да матери люб, так и все те тут. Ведь у тя не спрашивали, как за меня выдавали?

Исавна. Да ты мало ль ходил за мною? Ты тогда и стал свататься, как я тя полюбила.

Влас. А почему знать, может, и Анюта полюбила Аксена?

Исавна. Кабы полюбила, так бы мне сказала.

Влас. Ну, вот! скажет дочь матери, кого полюбит. Парень-та об этом скоре отца и матери проведат; ты сама это знашь, жена!

Исавна. То неча сказать, проховый! куда ты хорош был тогда! ну, вот быть и не быть за тобой; слышь ты, и во сне-та все ты да ты: така одурь взяла!

Влас. Вот каково, Исавна! а ныньче-та?

Исавна. И уж, батька мой! старость напала, куды нам к чорту! теперь пришла Анютина череда.

Влас. Для того-та и нада ее за добра человека отдать, пусть их живут да веселятся: а мы, на них глядя, порадуемся.

Исавна. И подлинно, муженек! так с божьим благословеньем.

Влас. Ну, то-та же; ведь ладно я задумал? А богатиства-та, богатиства-та, что необъятна сила.

Исавна. Что и говорить уж, Влас Потапьевич! чему быть, так быть.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Хватов.

Хватов. Эй! мужичок!

Влас. Что-ста те нада?

Хватов. Я ищу старосту.

Влас. А твоя милость кто таков?

Хватов. Моя милость? Игнат Хватов, камердинер, дворецкий, управитель, советник, секретарь, парикмахер и наперсник его высокородия Евлампия Васильевича Честина, здешнего села барина: это разумеется, когда барин в городе; а когда он за городом, то я с ним всегда езжу на охоту. Птицу ли застре-

лить, на чучелах ли посидеть, зайца ли затравить, собак ли на свору сомкнуть? Ничто от моих рук не ушло. Сказывай же мне скорее, где староста?

Влас. Я-ста здесь староста; чего поволишь?

Хватов. Меня барин прислал сюда наперед осмотреть, прибраны ли хоромы? Все ли у вас готово к приезду его? Псарня какова? Можно ли ехать на охоту? .. Выспросить у тебя, есть ли в лесах зайцы, лисицы? Летают ли здесь утки, гуси, тетеревы, рябцы, бекасы, дупелшнепы? Есть ли у вас быки, коровы, телята, бараны, живность, чтоб было что барину кушать? Запасены ли на погребу вина, портер, англицкое пиво? Все это надобно мне узнать, обглядеть, проведать; ну, сказывай мне обо всем, покажи мне все; да смотри ж, проворнее поворачивайся.

Влас. У нас к барскому приезду все готово; хоромы прибраны и, как скорлупочка, чисты; кушанья и питья про барина вдоволь будет, чего душа его пожелат; а псов еще покойна матушка его всех перевела: дичины у нас хоть не стреляй. Коли твоей милости нада глядеть боярской дом, пожалуй: я те везде поведу. Барскому приезду все крестьяне ради, а твоей милости мы челом бьем: я староста Влас и жена моя Исавна.

Хватов. Да какой там у вас есть старой барыни вскормленик Матвей дворовый? Барин велел его сыскать.

Влас. Есть-ста у нас Матвей, бобыль, парень самой некошной; у него ни двора, ни кола, ни огороды, пашни не пашет, земли не орет. Покойна барыня при кончине пожаловала ему рублей десятка с три, так пока они велись, так он приставал на барском дворе в людской избе, да колотырил меж крестьян, а теперь шатается, где день, где ночь. Да на что он барину? Уж не в некруты ли хочет отдать? Туда бы-ста ему и дорога, чем с миру трогать.

Хватов. Я чаю так.

Влас. Ай, милостивой барин! и матушка его бывало все отдавала бобылей: да нехудо Матюхе-та о том бы не сказывать, чтоб не шарахнулся.

Хватов. На что сказывать; пойдем же на барской двор.

Влас. Пойдем-ста.

ЯВЛЕНИЕ III

Исавна и Матвей.

Исавна. Экой верченой! на месте не постоит.

Матвей. Исавна! с кем староста пошел на барской двор?

Исавна. Видишь, приехал от барина, а как его зовут,

не знаю. Он насказал имен такую пропасть, что и не упомнишь. Да неужто в городе-та зовут каждого многими именами? Так коли у холопа их с десяток; а у барина-та верно до сотни: как нам бедным и звать-та будет его? Скоро ли вытвердишь?

Матвей. Полно, Исавна! везде и в городе и в деревне у каждого имя, отечество да прозванье, больше ничего нет.

Исавна. Полно, батька! я слышала сама.

Матвей. Не всякому слуху верь; барские-та лакеи нас деревенских за ничто ставят; так этот видно хотел вам пыль в глаза пустить. Да сказал ли он, скоро ли барин будет?

Исавна. Скоро.

Матвей. Дай-та бог!

Исавна. А тебе что за радость, что барин будет?

Матвей. О! великая! как я его увижу, так верно буду счастлив.

Исавна *(в сторону)*. Будет те радость, как лоб забреют; *(ему)* и ты не боишься барина, Матвей?

Матвей. Чего барина бояться? Барин наш отец, так его надобно любить, а не бояться. Я было бежал к нему навстречу, думал, что уж и приехал. В перелеске попался мне Аксен Парамонов сын, спрашивает Власа; на что вам эта чучела?

Исавна. Что ты, батька! какая чучела? он сын богатого отца.

Матвей. Так что ж?

Исавна. Ты б ему поклонился и проводил к нам.

Матвей. Чтоб я стал кланяться дураку?

Исавна. Пусть дурак, да богат, а ты и умен, да куда годен?

Матвей. Деньги без ума хуже грязи.

Исавна. А ум без денег, Матвеюшка! и того хуже.

Матвей. Вздор, Исавна! я никогда так весел не бываю, как когда у меня денег нет. Больше денег, больше заботы. Что? Разве богатой-та здоровее меня или больше проживет. Вот кабы мне удалось проведать, любит ли меня одна девушка? Так бы что твои деньги?

Исавна. Тебя любить девке? Да разве она с ума сошла?

Матвей. Право! да чем я не молодец? Уже не Аксену вашему чета!

Исавна. Ну, кстате ли тебе, бобылю, верстаться с человеком? У него есть дом, земля, деньги; а скотины-та, скотины-та!

Матвей. Да зато он сам скотина, так не замай его и живет со скотиною: свой своему и по неволе друг. Да что мы заговорились об Аксене, как будто о путном чем; пускай его теперь вязнет в болоте.

Исавна. В каком болоте?

Матвей. Ну, вон что в перелеске; увяз, да и не выдерется; ревет во все горло, да плачет. Правду сказать, я и толкнул его туда.

Исавна. Ах, ты окаянной! что ты наделал? Вот ужо тебя Потапыч! .. побежать же поскорее, да вытащить его. Эдакой озорник! что ты наделал?

ЯВЛЕНИЕ IV

Матвей (один).

Матвей. Пускай его барахтается: смешно право эдак она полетела! — а кабы наш брат бедняк увяз, так и возле стоя никто не поможет. Как посмотришь, что деньги на свете делают, так ахнешь, да и только; у старостихи откуда ноги взялись! а чай бара-та, в городах-та, для денег-та, как угорелые, суются, Я слыхал, что там за деньги и любовь достают. Провались к чорту, как да нашему старосте экая ахинея в голову придет. Не даром что-та Исавна побежала за Аксеном? Пропал я, коли он на ней посватается. Пускай его посватается: то-та будет любо, естьли я богача перетягаю! Да то беда, Анюту-та я люблю, да она меня любит ли? Этого я не знаю. Попытаться было спросить у нее? Уж давно я сбираюсь, да нечто робость и нападет; правда, и она со мной все потупясь говорит, да кто узнает; кто из подлобья смотрит, тот чорту брат; как бы мне легонько проведать? А, да вот и Анюта бежит.

ЯВЛЕНИЕ V

Матвей и Анюта.

Матвей. Здравствуй, Анютушка!

Анюта. Здорово, Матвеюшка!

Матвей. Что у тебя в кузовочке-та?

Анюта. Земляника; я в лесу набрала, чтоб барину поклониться.

Матвей. Дай-ка мне отведать твоей земляники-та?

Анюта. Как бы не так; тебе-та и есть мою землянику?

Матвей. Что? Разве невидальщина твоя земляника? Молчи ж, Анюта! будет и на моей улице праздник: ведь в барском огороде смородина поспевает; тогда я буду Матюша. Бог, брат, с тобой, Анюта! *(Хочет взять из кузовка.)*

Анюта *(бьет его по руке)*. Перестань, Матвей! Эдакой нахал!

Матвей *(в сторону)*. Дерется; это знак добрый. *(Вслух.)* Однако, Анюта! можно бы и не драться.

Анюта. А ты не вольничай.

Матвей. Да что ж я такое сделал? Нешто, брат, ты, Анюта, заспесивела ныньче: бывало, так и Матвей бывал миленьким дружком.

Анюта. Пошел, ну, что за миленькой дружок?

Матвей. Так эдак-та ныньче? Видно что у вас в доме-та все переделано, так уж во мне и нужды не стало; а как тын городить, да овец стричь, так Матвеюшка да Матвеюшка; а ныньче так и земляннички горстки жаль; а я так не жалел и себя для вас: всюду готов и в лес за дровами, и жать, и молотить, и косить: а от вас видел ли я хоть полушку?

Анюта. Батюшка тебе за все за это заплатит.

Матвей. А за это чем он мне заплатит, что я убил волка, который чуть было тебя не съел.

Анюта. За это тебе спасибо, Матвеюшка!

Матвей. Спасибо! только-та?

Анюта. Да что ж тебе больше-та?

Матвей. Я думал, что ты меня за это полюбишь, а отец твой за меня выдаст тебя.

Анюта *(с застенчивостью)*. О! ты многого хочешь, Матвей!

Матвей. Многого! не думал я, Анюта, чтоб ты была такая спесиха; а у меня вот такой обычай: либо все, либо ничего.

Анюта. Да ведь батюшка купил тебе шляпу, а я лентой подвязала; что тебе больше?

Матвей. Право! так шляпа-та у вас так дорога?

Анюта. А другой нет у тебя.

Матвей. Я лучше век стану ходить без шляпы, чем терпеть такой попрек. *(Сняв ленту бросает перед ней шляпу.)* На вот, отнеси ее своему отцу и скажи ему, что я не хочу от него ничего; пускай же мое за вами пропадает. Вы люди богатые; а я хоть гол, да прав.

Анюта. Коли шляпы носить не хочешь, на что ж ленту снял? Подай ленту.

Матвей. Нет; многого хочешь, Анюта!

Анюта. Да на что тебе лента без шляпы?

Матвей. Я знаю на что. Всякой раз в посиделках, в хороводах, где только завижу тебя, стану этой ленточкой потряхивать, авось, взглянув на нее, покраснеешь, Анюта! да от чего ж ты теперь вдруг покраснела и потупилась? Ага! видно совесть есть; нет, Анюта! от совести-та никуда не уйдешь. Пускай она тебя так же помучит, как любовь к тебе меня. Узнаешь, каково добрых людей обижать; прощай, бог с тобою.

Анюта. Да шляпу-та возьми.
Матвей. Не возьму.
Анюта. Да и я не возьму.
Матвей. Так пусть ее волк унесет.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анюта (одна).

Анюта. Матвеюшка! воротись пожалуйста. Он ушел; видно, на меня очень рассердился. Жаль мне его! куда бы как мне хотелось сказать ему, что я его люблю; да боюсь это сделать; мне сказывали, что мужчина до тех пор и хорош, пока не услышит люблю, тогда уж и пропала наша сестра; ну, как я ему скажу, а он ни слова не говоря прочь пойдет. Ах! как мне будет тогда стыдно! Уж полно, не обманули ли меня в этом? Так и есть; верно он которой-нибудь полюбился, так нарочно, чтоб мне не достался, меня эдак и проводят. Да это что такое? Как его нет со мной, так мне скучно и грустно, так вот сердцета к нему и выпрыгнуть хочет: а как увижу его, так и стоит-та не так, и говорит-та не так, и смотрит-та не так. Однако мне все его жаль! он рассердился, и я долго его не увижу, хоть вслед за ним погляжу, куда он пошел. А! да он не далеко отошел, сидит в лесу на камушке... авось придет сюда. Какая же я дура! он просил у меня землянички, а я ему не дала, и за неволю рассердится; дам ему, пускай отведает; да ведь землянику-та я брала для барина; вот, на! у барина, я чаю, и без моей земляники ягод много; побегу к Матвею; ну, да как он теперь уж не захочет. Э! высыплю ее в эту шляпу. *(Высыпает.)* Кушай, Матвеюшка! на здоровье. Кликну его; а сама спрячусь и послушаю, что он будет говорить? А что ж я матушке скажу, как она спросит про землянику? Э! я видела в лесу дурака Аксена; скажу, что он меня испугал, я от него побежала и землянику всю просыпала. Матвей! Матвей!

Матвей *(за кулисами)*. Ась!

Анюта. Поди ко мне поскорей. *(Спряталась за куст.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Матвей и Анюта (за кустом).

Матвей *(выбегая)*. На что я тебе? Да ее нет здесь, видно мне послышалось.

Анюта *(за кустом)*. Я здесь, Матвеюшка!

Матвей *(бежит на голос и увидел шляпу)*. Ба! да в шляпе-

та ягоды! а, плутовка! так она меня только что дразнила, давно бы так; на, де, тебе, Матвеюшка! я бы и отведывать не стал.

Анюта. Ну, вот! правду мне сказали; что это я наделала?

Матвей. У меня словом не откажи, мне только и хотелось, а то я бы и сам умел набрать.

Анюта. Сердце слышало, что мне правду сказали; он узнал, что я его люблю.

Матвей. Люблю; это, верно Анюта говорит.

Анюта. Не покажусь ему, лучше уйти, а то никуда от стыда показаться нельзя будет...

Матвей (*нашел ее*). Ты здесь! сама же кличешь, да и прячешься от меня.

Анюта. Я тебя не кликала.

Матвей. Ну, полно, Анютушка! я еще глух не бывал, я слышал...

Анюта. А что ты слышал?

Матвей. Разве ты ничего не говорила без меня?

Анюта. Говорила, так про себя.

Матвей. Скажи в другой раз то же, так я тебе и скажу, где так, где не так.

Анюта. Я уж позабыла, что говорила.

Матвей. Скоренько же. Вот какова девушкина память! ну, так я тебе припомню; я слышал, люблю.

Анюта (*с застенчивостью*). Люблю!..

Матвей. Да, да; люблю. Точно твой был голос.

Анюта. Я говорила, что люблю есть ягоды.

Матвей. Пожалуй ешь; вот оне в шляпе.

Анюта. Да ведь шляпа-та твоя.

Матвей. Ну, так станем есть вместе.

Анюта (*весело*). Право вместе?

Матвей. Да, вместе; ты возьми горстку, да мне дай; а там я возьму горстку, да тебе дам.

Анюта. (*дает ему ягод*). Изволь.

Матвей (*целует ее руку*). Ну, вот, Анюта! мне этого и хотелось. (*Дает ей ягоды.*) На же вот и тебе.

Анюта. Давай. (*Оба едят.*) Ну, дай же теперь ты мне.

Матвей (*дав ягоды, целует ее руку*). Изволь.

Анюта. А теперь за что целуешь, ведь ты мне дал.

Матвей. Ах! Анютушка! целовать твою руку мне гораздо приятнее, нежели есть землянику.

Анюта. Вот какой балагур!

Матвей. Естьли б еще ты меня поцаловала, это бы мне всего на свете веселее было.

Анюта. Поцаловать! мне стыдно!..

Матвей. Почему стыдно цаловать кого любишь?

Анюта. Любить-та я тебя люблю, да сказать-та тебе этого не хочется.

Матвей. А для чего ж?

Анюта. Ты после этого меня любить перестанешь.

Матвей. Этому быть нельзя; я прежде умру, нежели тебя любить перестану.

Анюта. Да правду ль ты говоришь?

Матвей. Что я тебе говорю правду, в том поклянусь у колодезя перед часовней, и естьли не всегда я буду цаловать руку твою, так умру с тоски.

Анюта. Когда так, то изволь, я тебя поцалую.

Матвей. Анюта! я от радости и говорить что не знаю. Ты меня любишь, что этого лучше; теперь я счастлив и рад на вас работать по век свой. Побегу к твоему отцу и матери, естьли они тебя не отдадут за меня, так я и барина просить стану. Уж я на то пойду, чтоб тебе быть за мной. *(Хочет итти.)*

Анюта. Что ж ты бежишь? Я тебя цаловала, поцалуй же и ты меня. Я не хочу, чтоб ты у меня остался в долгу.

Матвей *(цалует)*. Виноват, Анюта! я от радости забылся.

Анюта. То-то же! вперед не забывайся, я никогда тебе этого не прощу.

Матвей. А вперед я постараюсь, чтоб всегда за тобою был мой задаток.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, Исавна и Аксен.

Исавна. Что это? Матвей с дочерью резвится! Анюта! что это такое?

Анюта *(смутясь)*. Матушка! *(Указывая на Аксена.)* Вот он испугал меня в лесу у болота; я думала, что медведь; я испугавшись прибежала сюда опрометью, да бежавши здесь просыпала землянику; так Матвей пособлял подбирать ягоды.

Матвей. Да; я пособлял ей подбирать землянику.

Исавна. Не люблю я этого пособлянья, и у меня с молоду много этаких пособлял бывало, да на уме-та у них не то; я те отучу пособлять, Матвей! ты не очень у меня к дочери-та льни; увидит Потапыч, так он тебе даст пособлянье. Еще как-та тебе это с рук сойдет, что ты Аксена-та Парамоныча столкнул в болото?

Аксен. Да, как-та тебе это с рук сойдет? этакой озорник! я иду по дороге, и он идет, да и толкнул меня, он толкнул, а я и упал; упал, да и увяз; увяз, да и барахтаюсь. Кабы не ты меня вытащила, сидеть бы мне и теперь там. Видишь, какой он озорник!

Матвей. Да ведь как на всех угодишь? Ты сердишься, что толкнул, а Исавна сердится, что пособил ягоды подбирать. Ну, а как бы я схватил их, да съел, так бы тогда староста рассердился.

Аксен. Да толкаться-та за что? Староста-та и так рассердится; да как бачка мой услышит...

Матвей. Так что он мне сделает?

Аксен. Что сделат? А вот посмотришь.

Матвей. Было бы чего смотреть?

Аксен. Было бы чего смотреть? Нет, ведь у меня бачка-та сердит.

Матвей. Сердит, да не силен...

Аксен. Не силен? Нет, бачка-та у меня силен: намнясь схватил батрака за волосы, да как дал потаску, так насилу он у него вырвался. Небось и тебе то же будет.

Матвей. У меня и своих боков не унесет.

Исавна. Ах, ты, Матюшка, нахал! да смел ли бы ты это говорить?

Аксен. Да, смел ли бы ты это говорить?

Матвей. Я что говорю, то и сделаю; тронь меня только кто!

Исавна. Что ж ты так расхрабровался? Коли ты так храбер, так по делам тебя хотят в некруты отдать.

Матвей. Меня в рекруты?
Анюта. Его в рекруты отдать! } *(Вместе.)*

Аксен. По делам хотят тебя в некруты отдать.

Матвей. Без барина этого никто сделать не смеет.

Исавна. Да барин-та за тем и приехал сюда, чтоб тебя поймать.

Матвей. На что меня ловить? Коль барину угодно, для чего не служить? Государю люди надобны. Я в миг капралом буду, смотри ж, Аксен! как нашему полку придет стоять в здешнем селе, ведь я буду тогда с усами; берегись меня, ась!

Аксен *(испугавшись)*. Ай! ай! ай! Исавна! я боюсь усатых солдат.

Матвей. Еще я не солдат. Слышь? Прощай.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, кроме Матвея.

Анюта. Матушка! не впрям ли его в солдаты?

Исавна. А тебе какое дело?

Аксен. А тебе какое дело?

Исавна. Ты бы с женихом-та поздоровалась, девушка!

А н ю т а. С женихом?

А к с е н. Да, с женихом. Я твой жених, а ты моя невеста.

А н ю т а. Ну уж не, глупая замарашка! матушка! куда он годится?

И с а в н а. Молчи, ты сама негодная; чем он тебе не жених?

А к с е н. Да, чем я тебе не жених?

И с а в н а. Чего у него нет?

А к с е н. Чего у меня нет?

И с а в н а. Дом, как полная чаша.

А к с е н. Дом, да чаша.

И с а в н а. Какого ж ты хочешь жениха! уж не выдать ли тебя за Матюху бобыля? Пошла домой, негодяйка! (*Аксену.*) Пойдем в избу, осушись, да вымой грязь-та с лица.

А к с е н. Грязь с лица! осушись! пойдем.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Влас и Анюта.

Влас. Ты не хошь итти за Аксена! а как бы ты смела не хотеть, коли я велю?

Анюта. Велеть-та можно, да каково-та мне, батюшка?

Влас. А что такое? Дочка!

Анюта. Разве вы не видите, какой он дурак?

Влас. Что ж, что вижу? А тебе таки все быть за ним. Дурочка! тебе же лучше, коли муж дурак, ты будешь в доме-та сама большая.

Анюта. Да дураки-та, батюшка, хотят всегда быть сами большими.

Влас. А вот поперечь ты мне еще хоть словом, так вот увидишь, как я тя заставлю меня слушать; ведь во всем околодке нашем богаче Парамона нет.

Анюта. Вы сами, батюшка, часто говаривали, что через золото слезы текут.

Влас. А ты зачем слушаешь, что я говорю.

Анюта. На то, батюшка, уши; да что это такое? Сердитесь, для чего слушаю; а кричите, для чего не слушаю. Я не знаю, что и делать?

Влас. Итти за Аксена замуж, не говоря ни слова.

Анюта. Я буду на вас плакаться вечно.

Влас. Плачься, сколько хошь, а слезы вода. Вот идет Парамон с сыном, смотри ж ты хоть слово у меня пикнешь не ладно. . .

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Парамон и Аксен.

Влас. А! Парамон Евсигнеич! здоровенько ль поживаешь?

Парамон. Здорово, ведашь ты, к вам барин приехал?

Влас. Приехал; и слышь ты, такой молодец, что загляденье!

Парамон. Так, ведашь ты, кстате бы и поклониться ему, о нашем-та деле-та. *(Сыну.)* Эка рохля! настоящий увалень! что ты тут стоишь розиня рот? Ты бы с невестой-та заигрывал.

Аксен. Да, заигрывал! я в избе-та раза два подбегал, да и хотел дать ей тумака, да как она взглянет на меня, ажно страх меня взял; нет, бачка! заигрывай с ней сам, а я боюсь.

Парамон. Экой ты розиня! разве так заигрывают, ведашь ты, с невестами?

Аксен. А как же, бачка?

Влас. И! молодой еще парень! войдет в леты, спознает все. Ведь и мы с тобой смолоду-та не так смекать умели, как теперь; век пережить, не поле перейти. Анюта! поклонись Парамону-та Евсигнеичу, да поцалуй будущего своего свекра; это уж дело сделано.

Парамон *(утирает платком усы)*. Поцалуй-ка, поцалуй-ка меня, нареченная невестка! ведашь ты.

Анюта. Мне тебя цаловать? Не хочу.

Влас. Как не хошь, негодная! я тебе велю. Слышь ли?

Анюта. Ни с чего этого не сделаю, воля ваша, как хотите.

Аксен. Бачка! ась! каково? А ты было и усы платком утер; нет, вот она какова!

Парамон. Что ж ты, Анюта! ведашь ты, так чвановата? Нет, Влас Потапьевич! дочка-та у тебя некстате востренька *. Надо бы ее взять, ведашь ты, в руки, да и в руки.

Влас. Добро, я с ней слажу; подь сюда.

Парамон. Не трогай ее, Потапыч! будет толковая, ведашь ты.

Аксен. Будешь толковая, дай-ка мне на тебе жениться-та.

Анюта. А я за тебя итти не хочу.

Влас. Хошь не хошь, да пойдешь.

Парамон. И впрям, какая нужда до ее охоты, ведашь ты; отцы стакались, так что тут и говорить, ведашь ты.

Анюта. А я его не люблю, да и любить никогда не буду. На что, батюшка, меня отдавать за такого чучелу, с которым и говорить нечего?

Влас. С ним тебе нечего говорить! а вот ты у меня с ним тотчас заговоришь; говори.

Анюта. Да что я буду говорить?

Парамон. Он о чем у тя спросит, а ты ему ответь, ведашь ты.

Анюта. Я ничего не ведаю, так и отвечать не стану.

Парамон. Аксен! спрошай у нее что-нибудь, ведашь ты.

Аксен. Спрошать что-нибудь? Изволь, бачка! спрошаю.

Парамон. Спрошай, для ча она тя не любит? Ведашь ты.

Аксен. Для ча она тя не любит? Да, для ча не любишь?

Анюта. Дураков никто не любит.

Аксен. Слышь бачка! дураков никто не любит.

Влас. Молчи, ни пикни у меня.

Анюта. А теперь лишь кричали на меня, для чего я не говорю?

Влас. Ты говори, да только то, что нада и что я хочу; а из своей-та башки пустяков-та не ври, и перед отцом-та не копыться: я прыткости-та твоей посбавлю. Этак она раскудахталась! У меня скоро запоешь не свое, а мое. Разве ты не знаешь, как я рассержусь; моли богу, что барин приехал, так для такой радости сердиться-та не охота; а то я бы те дал себя знать. Да что много пустого калякать; пойдем-ка, Парамон Евсигнеич, ко мне в избу, да пивца посмакуем, да как делу-та быть положим; а их оставим здесь; авось на одине-та они лучше поладят.

Парамон. Ведашь ты, в заправду пойдем-ка, теперь бы выпить-та гораздо ловко; смотри жь, Аксен, поладь же с нею. . . ведашь ты.

Влас. А ты, дочь! из его воли ни на́ шаг.

ЯВЛЕНИЕ III

Аксен и Анюта.

Аксен. Из его воли ни на шаг; вот вишь, Анюта, слышь ты, говори со мною, да ладно; скажи-ка мне, что ты любишь делать.

Анюта. Я люблю на дураков плевать.

Аксен. Эка ты! а я так люблю вороньи гнезды доставать. Уж у меня ни одно гнездо не спрячется. Этта я на дереве приметил, да и полез; лишь я к гнезду, а ворон-та слетелось такая пропасть, что и видимо и не видимо, и все надо мною летают да каркают: а матка-та как меня долбанет в голову, чуть было я с сосны не свалился, да лих на ее зло, гнездо-та как разорил, так разорил. А! вот каков я! да нет ли у вас где вороньего гнезда? Я в миг его достану. Это мне игрушки.

Анюта. И игрушки-та самыя дурацкие.

Аксен. Ну, коли ты этого не хошь, так станем играть в бабки; у меня всегда полон карман казанков; да что ж ты на меня не глядишь? Я ведь бачке скажу.

Анюта. Добро, ин я стану глядеть; ну, стань тут прямо.

Аксен. Стать тут прямо? Стою.

Анюта. Ну, таковская ли твоя харя, чтоб на нее глядеть? Загни голову-та кверьху, выше, выше, еще выше.

А к с е н *(потеряв равновесие, упал)*. Ой! да этак спину ушибешь; ведь больно! ну, подыми ж меня.

А н ю т а. Тебя поднимать?

А к с е н. А естьли не подымешь, так я сам встану. *(Встает.)* Разве тебе не упадать? Я сам тебя никогда не подыму. Добро, ты, Анюта! ведь я больно ушибся!

А н ю т а. Мне того-та и хотелось.

А к с е н. За это я тебе вымещу, как буду твоим мужем.

А н ю т а. А я тебе наперед вымещу за то, что ты хочешь быть моим мужем.

А к с е н. Да разве я виноват, что хочу; ведь бачка велит.

А н ю т а. А ты его не слушайся.

А к с е н. Не слушайся? Нет; он даст таку потасовку, что и глаза выпялишь; у него, что велит, то и делай.

А н ю т а. Да почасту ли он тебя бьет?

А к с е н. Почасту ли бьет? Да как попадет; оно в день-та то и дело колотит, и за волосы-та, и в рожу-та, и в голову-та; а все кулаками. Стань-ка попрямее, я укажу тебе, как он меня бьет?

А н ю т а. На что показывать? Я верно не ошибусь. Вот так. *(Бьет его.)*

А к с е н. За что ж ты дерешься? Я тебе ничего не сделал.

А н ю т а. Простенькой! я не дерусь, а показываю, как отец тебя бьет.

А к с е н. Как отец тебя бьет? Как бы не так; он гораздо больнее дерется.

А н ю т а. Коли не так, так я и вдругорядь; авось либо так будет?

А к с е н. Да, как не так, ведь рожа-та моя! что ты это затеяла? А вот я побегу; да на тебя пожалуюсь *(Бежит и встречается с Матвеем.)*

А н ю т а. Беги, куда хочешь, лишь бы я тебя не видала.

ЯВЛЕНИЕ IV

Т е ж е и М а т в е й.

М а т в е й. Постой, друг сердитый! куда ты бежишь?

А к с е н. Куда бежишь? К бачке, пусти меня.

М а т в е й. Постой, старики-та у ворот сидя на лавке брагу пьют; ведь тебе не поднесут.

А к с е н. Не поднесут; да и драться не станут, а она дерется.

А н ю т а. А естьли ты женишься на мне, то я тебя поминутно колотить буду: отец тебя в щеку, а я в другую.

Матвей. Как? Он на тебе женится?

Аксен. Да мне бачка велел.

Матвей. И ты, Анюта, идешь за него?

Анюта. Чорт с ним. Как итти за этакого дурака! да батюшка с матушкой меня губят.

Матвей. Видно, у твоего отца да матери ни на полушку разуму нет.

Анюта. Только и слов у них, что он богат.

Матвей. Экая жадность к богатству! неужели для богатства надобно забыть, что ты им дочь.

Анюта. Они это очень помнят, да только для того, чтоб меня насильно выдать за этого простофилю, которого я смертельно ненавижу. Я уж и говорила, и кланялась, и плакала, да ничто не помогает; одно у них, что Парамон богат.

Аксен. Да, бачка-та у меня богат.

Матвей. Молчи, я вас и с отцом-та проучу; а не посмотрю на это, что он богат как жид.

Аксен. Как жид? Врешь ты, он не жид, а бачка мой.

Матвей. Забудет он у меня сватать за тебя Анюту. Пусть прежде чорт вас обоих возмет, нежели Анюта будет за тобою. А ты у меня, чучела дурацкая, скоро не захочешь на ней жениться.

Аксен. Да я бы и рад не хотел, да бачка велит.

Матвей. Дай-ка барина-та увидеть: я ему припомню, как меня покойная его матушка жаловала.

Аксен. Да, жаловала, он тя упрячет в некруты, а я без тебя и женюсь на Анюте. Уж тогда мне никто не помешает.

Матвей. А! так ты все одно смекаешь! дураки-та еще и упрямы, так знай же, что я тебя переупрямлю: я ее люблю, и она меня любит, так тут не твоей дурацкой харе мешаться.

Аксен. Даром, что у меня харя-та дурацкая, это не один ты, и все мне говорят, да староста-та лих ваш велел ей меня любить, а об тебе и слова не было.

Матвей. О проклятое богатство! экое глупое счастье на свете! кого наделяет деньгами? Редко их имеет тот, кто того стоит; полно, дуракам-та без счастья-та пришло бы ведь с голоду мереть; не даром пословица-та есть, у богатого мужика уроди бог сына дурака. Да за что ж для одного богатого дурака должны быть несчастливы двое? Пускай бы зарывшись дураки в своих деньгах сидели, как мыши в крупе; нет, так вот на зло, дураку-та де все, а тебе, Матвей, ничего: ничего? Да на что ж дан и разум человеку?

Анюта. Матвеюшка! что нам делать?

Матвей. На Аксена наплевать и ни о чем не думать; и я затуманился напрасно, будто он уж и женился на тебе,

а что не кончено, то еще не сделано. Умей-ка из ничего сделать все; вот что славно! и весело! еще я ведь не отведывал счастья своего, авось либо и стариков уломаю; а не то, так посмотрю, не удастся ли выдумать что? Молчи, Анюта! смалчивай не бойсь; видно мне бог не дал денег для того, чтоб я был всему горазд; почему знать, естьли б я был не сирота и богат, я бы, может быть, еще был глупее Аксена, тогда бы ты меня и не полюбила; а теперь любишь, это гораздо больше стоит Аксеновых денег; а жениться на тебе, это уж будет мое дело. Слушай ты, денежная гадина! скажи своему бачке, что Анюта любит Матвея и что Матвей вас обоих в три листа уберет, естьли вы не отстанете свататься на ней; слышал ли ты, сноп стоячий!

Аксен. Слышал, и скажу бачке: ты сноп стоячий. Да скажу, что ты и в болото-та пехнул меня давича, что Анюта любит тебя, что ты любишь Анюту, что вы учили меня бачки не слушаться, что у кого нет всего, тот не сделает ничего, что жениться твое дело, что это стоит Аксеновых денег, что наплевать на Аксена и ничего не думать, что дураки сидят в крупах, как мыши в деньгах, что дан тебе разум, что Анюта не бойсь смалчивай, что один несчастлив для того, что два дурака богатых; все это скажу бачке, уж он тобе даст за это.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Хватов.

Хватов. Эй, мужичье! что вы тут говорите? Не продают ли здесь поблизку набойчатых платков, колец медных, перстней, лент, всякого этакого вздору: барин приказал всего этого сыскать. Вздумалось ему всех баб да девок передарить.

Матвей. Ай, да барин! для чего этого не сыскать?

Аксен. У моего бачки все это есть: он много товаров из Питера привез.

Хватов. А кто твой отец?

Аксен. Здешнего села крестьянин.

Хватов. Барина моего?

Аксен. Нет, вон той барыни, что на другом конце боярской дом.

Хватов. Так пойдем же скорей, укажи мне, я хочу все это закупить.

Аксен. Да бачки дома нет, я сбегаю за ним, он у вашего старосты в гостях.

Хватов. Так сбегай же, да поскорее.

ЯВЛЕНИЕ VI

Матвей, Анюта и Хватов.

Хватов. Это что за девочка? Да еще и хорошенькая?

Анюта. Я старостина дочь Анюта.

Хватов. А ты кто такой? Да вы что-та друг на друга миленько поглядываете?

Матвей. А тебе какая нужда до того, как бы мы друг на друга ни глядели?

Хватов. Что ж ты так прытко поговариваешь? Разве ты не знаешь, кто я? Я сам собою привез страх и ужас всем деревенским молодицам; у меня и в городе из горнишных ни одна красавица не показывайся; деревенские же, увидя такого молодца, каков Хватов, все ахнут и все передо мною растают. Поцалуй меня, красавица моя!

Анюта. Пошел прочь, дурак сумасшедший!

Хватов. Поцалуй же, упрямица! я говорю.

Анюта. А я говорю, прочь поди, и коли не перестанешь приставать, то узнаешь, что деревенские красавицы городским молодцам так умеют щеки разрумянивать, что и не хочешь, да отстанешь.

ЯВЛЕНИЕ VII

Матвей и Хватов.

Матвей. Ха, ха, ха! ай, Анюта! отделала молодца!

Хватов. Чему ж ты смеешься, неуч?

Матвей. Мне от того весело, что все красавицы твои, на которую ты ни взглянешь.

Хватов. Я тебя научу иным манером смеяться.

Матвей. Да я по городскому-та смеяться не горазд: а у нас в деревне все этак смеются.

Хватов. Ты ни к чему годной мужичонка! смеешь ли ты насмехаться над барским егерем?

Матвей. Над барским гоголем? Вот тебе на еще! не смейся тому, что смешно!

Хватов. Тебе бы надобно стоять передо мною без шляпы. Шляпу долой.

Матвей. Как бы да не долой! вот еще янька какой выехал! В поле, в лесу, на улице, я всегда хожу в шляпе; а скидаю ее для того, кому хочу поклониться, а тебе нет.

Хватов. Ты должен мне кланяться.

Матвей. Для чего не кланяться, коли наперед ты мне поклонишься.

Хватов. Чтоб я стал кланяться мужику деревенскому? Да еще и наперед? Да знаешь ли ты, что мне лучше тебя кланивались?

Матвей. Как тебе кланяются, я не видал, а как девки тебя жалуют, лишь теперь видел.

Хватов. Добро же ты, деревенская дубина!

Матвей. Грози богатому, так денежку даст, а у меня взять тебе нечего.

Хватов. Да знаешь ли ты, что я у барина-та первый человек? Что барин без меня никуда? У него все я: и подай я, и прими я, и одень я, и за ним и перед ним, все я.

Матвей. Ну, правду сказать, хитра работа! коли за тобой другого ума нет, так много тебя и хлебом кормить; вот ты бы у нас спросил, как я у покойной барыни служил еще мальчишкой, на побегушках-та, это бывало между дел. У нас все дворовые-та дома-та делай; да и пашня-та чтобы не стояла; да мы не чванимся, а работаем. А я на пустой земле такой сад развел, что теперь любо посмотреть; пускай-ка барин туда загуляет, так не нарадуется. Чего там нет? Цветов-та ли? Ягод-та ли? Плодов-та ли каких? Чего изволит; а хлеба-та на барском-та дворе запасено, что и видимо не видимо; так первые-та люди у барина мы, да крестьяне; мы ему и хлеб достаем, и деньги даем, и государеву подать платим; а вы холопья только, что бар-та объедаете да обнашиваете. Что вы? — дармоеды, а чепышитесь; да мы же бы все перед вами и без шляпы стояли? Да разве вам надобно шляпу скидать перед нашим братом рабочим человеком? Мы вас кормим.

Хватов. Так ты еще и поговаривать умеешь? Вмиг я усмирю твою прыткость; эк он расхарахорился! да коли крестьянину не работать, кому же и землю-та пахать? Ваше такое дело; крехти, да работай; а рассуждать-та бы ты еще и не смел.

Матвей. Право, я буду работать, а ты будешь рассуждать, да мой хлеб есть? Крестьянин-та не для того работает, что велят, а для того, что надобно. Баре-та для нас своего живота не жалеют; иные на войне неприятеля бьют, другие мирян судят. У нас отец барин, а у бояр-та отец государь, так тут не тебе холопу меня учить; трясись-ка ты у барина за каретой, как лихоманка: вот твое дело! а я что знаю, о том и рассуждаю.

Хватов. Так я буду скоро рассуждать с твоею рожею, коли ты еще хоть слово пикнешь; меня ведь зовут Хватов, так я вашу братью так умею хватить, что в глазах затуманится.

Матвей. Послушай же ты, первый человек боярской! не очень у меня прытко наскакивай, а то завоешь хуже крестьян-

ской последней бабы. Барин-та ведь не за тем приехал в деревню, чтоб ваша братья холопье здесь озорничали.

Хватов. Зачем барин приехал, это знает он, да я.

Матвей. Коли так, ин прощай, первый человек боярской! коли ты барские мысли знаешь, так нам и говорить с тобою не досталось; только, смотри, брат, держи кулаки-та на привязи, а то набредешь на зубастого парня, так и сам зубы оскалишь.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хватов и после Анисья.

Хватов. Ага! струсил не бойсь; только надобно мне всех крестьян взять в свои руки. Пока барин здесь, так я из них сок-та повыжму; а то при старухе-та они все зажирели и рожи не уставят... Ба! да это что за особа выступает? Она на крестьянку не похожа.

Анисья. Друг мой! скажи мне... ба! да это Хватов!

Хватов. Анисья! Это ты?

Анисья. Я думала, что тебя уж и в живых нет.

Хватов. Нет, Анисьюшка! Хватов на огне не горит, на воде не тонет. Кабы ты все знала, какие чудеса я, будучи с барином в походе, понаделал, то бы ты не так меня еще встретила... Пули, ядры, картечи, сколько их ни летало мимо ушей моих, ни что не могло ко мне прикоснуться: а я, напротив того, столько видел убитых, что и сметы нет.

Анисья. Неужто и ты воевал?

Хватов. А как же? В походе всякой воин. Так-то, Анисьюшка! мы за вас души свои клали, а барышня твоя наперед сочла, что нас убьют, и для того поскорее и замуж вышла.

Анисья. Кабы знали, каково ей было это замужество? Покойный отец ее насильно выдал за знатного и дряхлого старика, который уморил бы ее наверное ежеминутною и беспутною своею ревностью, естьли б сам наперед не умер.

Хватов. Из этого видно, что ревность-та вреднее тому, кто ревнует. От сей поры, век не буду ревновать; пускай моя жена делает, что хочет. Лучше быть живу, хоть с прикрасой на лбу, нежели умереть от одной только боязни.

Анисья. А разве ты женат?

Хватов. Нет, душа моя! да разве мне век не жениться? Мы не вы: барин мой за неверность твоей барыни рассердился так на любовь, что поклялся с нею никогда не знакомиться.

Анисья. И ты так же?

Хватов. Хотя и должен слуга барину подражать, да мне

еще никто и ни какой неверности не показывал, так не для чего и браниться с любовью.

Анисья. А почему ты знаешь?

Хватов. Как? Неужто и ты замужем?

Анисья. Нет, да тебе какое до меня дело?

Хватов. Какое дело? Разве ты забыла, что я тебя любил, люблю и буду любить.

Анисья. Что ты любил, этого не помню; что любишь, не знаю; а что будешь любить, это бог знает.

Хватов. Мне надобно, чтоб ты это знала.

Анисья. Да какая тебе от того прибыль?

Хватов. О! великая; я бы после этого на тебе женился.

Анисья. Не узнав о моей к тебе склонности?

Хватов. О твоей-та склонности я уж знаю.

Анисья. Знаешь! не видав меня и не говоря со мной?

Хватов. Мне сегодня ты грезилась во сне.

Анисья. Сон твой соврал. Я тебя возненавидела с тех пор, как барин твой, сватаясь на барышне моей и услыша, что выдают ее насильно за покойного ее старого чорта, вместо того, чтоб это препятствие разрушить, поскакал в армию, а ты и проститься со мною не пожаловал. С тех пор, говорю я, ни мало я о тебе не думала; однако скажи мне, что ж тебе сегодни виделось во сне?

Хватов. Да ведь ты меня ненавидишь, так на что и спрашивать?

Анисья. Так, из одного любопытства.

Хватов. Из одного любопытства? Ну, так слушай же: я сплю и вижу я, будто Анисья подошла ко мне и стала называть меня сердечным дружком, голубчиком. . .

Анисья. Какой же это глупой сон!

Хватов. Да выслушай до конца: а я будто поглядел на тебя, рассмеялся и отворотился.

Анисья. Ах ты, скотина!

Хватов. Что ж ты так прогневалась? Ведь это было во сне.

Анисья. Я не хочу, чтоб ты и во сне от меня отворачивался.

Хватов. Право не хочешь? *(В сторону.)* Она меня возненавидела! хочет обмануть старого воробья на мякине! дослушай же: ты будто за это на меня рассердилась, стала дуться, а я, как обыкновенно женщин улещивают, стал перед тобою на колена.

Анисья. Насилу образумился.

Хватов. Да ведь и это было во сне же. Полно, Анисьюшка, чваниться-та, я чаю, ты и ушки свои продала, чтоб только

хоть услышать про меня. Ну, вот я здесь перед тобой! разогреем-ка старую нашу дружбу; что было, то прошло; сердцем-та я всегда тебе был верен; естьли и ты мне сердцем же всегда была верна, так мне больше и не надобно. От нынешней поры я весь твой: неужто ты не захочешь быть моей? Скажи-ка мне, что барыня твоя поделывает? Видишь, случай их свел в одно село, так авось они свидясь и расстаться не захотят, а я слыхал не сто раз, что старая любовь не ржавеет.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и Евгения, девка и два лакея.

Евгения. Ты здесь, Анисья! я тебя искала; разве ты не знаешь, что я перед обедом обыкновенно прохаживаюсь.

Анисья (*тихо ей*). Это камердинер, сударыня, Евлампия Васильевича.

Евгения. Как будто важность какую сказала на ухо.

Хватов. Смею ли, сударыня, засвидетельствовать вам нижайшее мое почтение? Барин мой конечно не изволит знать, что вы изволите жить в здешнем селе, а то бы он конечно не преминул иметь честь донести вам должное свое почтение.

Евгения. Я знаю, что он всегда был отменно учтив.

Хватов. А при том естьли б вы еще изволили знать, сколько он вас любил? Услыша об вашем замужестве, он чуть-чуть не умер. Он вздыхал, плакал, стенал. После того занемог отчаянно; к этому несчастию присоединились доктора, которые из палатки моего господина сделали латинскую кухню и заставили меня с одним подлекарем стряпать на их же латинской манер барину питье и кушанье, которые не меньше вашего замужества сделали вреда его здоровью.

Евгения. Он был очень болен? Как мне жаль.

Хватов. Он еще и теперь, хотя и здоров, однако не так-то как надобно совершенно; и мне кажется, сударыня, что, кроме вас, никакой латинской кухмистер его не вылечит.

Евгения. Не слишком ли много ты говоришь?

Хватов. Нет, сударыня, я и сотой доли не могу того сказать, что барин об вас говаривал в дороге и в армии.

Евгения. А что ж такое? Пожалуй мне скажи.

Хватов. Что это письмо проклятое, которое вы к нему писали и которое, говорит он, принудило его так поспешно от вас уехать; что за эту неверность бог вас накажет; что он бы хотел какую-та волю вашу исполнить, да не может. Это все он говаривал бывало сидя, а там вдруг вскочит, побежит, затопает ногами. «Как! мне забыть ее! мне забыть Евгению! разве в гробе я это сделаю: нет, я и там». Потом, сударыня! кликнет

меня к себе, станет цаловать. «Голубчик мой, Хватов! говори мне, что меня еще Евгения любит; обманывай меня, что она не выйдет замуж за этого проклятого старого дьявола, который меня с нею разлучает. Этот обман несколько льстит моему сердцу и горесть мою хоть мало уменьшает». Да то ли еще он говаривал, где мне все упомнить. Да вот, сударыня, он сам идет, так он вернее перескажет.

Евгения. Боже мой! как я его увижу! я скроюсь лучше от него.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Честин.

Честин. Вы бежите от меня; неужли мой вид столько вам несносен?

Евгения *(в смущении)*. Напротив, вы видите меня в таком положении...

Честин. В каком бы вы состоянии ни были, я думаю, что вы мне позволите ласкаться приобресть вашу дружбу.

Евгения. Дружбу?

Честин. Вы увидите, что равное буду употреблять старание, как снискать, так и сохранить ее навсегда. Смежность наших имений и мое душевное к вам почтение к тому меня обязывают; я лишился любезной и почтенной моей матери; эта потеря ничем в сердце моем не загладима. Я должен теперь вступить в правление деревень моих.

Евгения. Смерть мужа моего такими же меня обременяет трудами и попечениями. За то, что я жертвовала ему собою, он сделал меня наследницею всего своего имения.

Честин. Естьли б я мог надеяться, что мои посещения не будут вам противны, то бы соболезнование друг о друге могло нас утешать.

Евгения. Утешать! что вы говорите? Этой только укоризны мне не доставало! ах! отдайте справедливость моим чувствованиям... Неужели ты не мог видеть, что письмо, которым я тебе запрещала себя видеть и которым я отрекалась от моей к тебе страсти... Неужели ты мог воображать, что это письмо я могла писать непринужденно? Жестокость моего родителя была мне ужаснее самой смерти, я проклинала бытие свое, но волю родителя почитала за свято, и никогда не дерзнет язык мой оскорблять прах его жалобами; я сделала все, судьба даровала мне свободу... не разрушай ее. Все мои несчастия начались с тех пор, как сердце мое преклонилось питать к тебе нежные чувствования, я не могла сокрыть любовь мою перед тобою; ты мог получить от меня признание, и едва излетело из уст моих слово люблю, я почувствовала некую тайную боязнь;

я трепетала, чего не зная, но трепет сей был основателен, и несчастие мое совершилось.

Честин. Вы требуете справедливости, отдайте ж справедливость и моим чувствованиям; можно ли, лишась вас, не чувствовать смертельной горести тому, кто узнал о взаимной вашей склонности? Неужели по сие время ваше зеркало не уверило вас, каких прелестей лишила меня судьба? Но это ничто в сравнении с драгоценным вашим сердцем и превосходнейшей душею: каждый ваш шаг, каждое слово, каждое действие доказывают, что одна добродетель составляет правило души вашей, и самое ваше несчастие, которое поразило меня смертельным ударом, увеличивают только ваши совершенства, умножают мое почтение и, естьли смею сказать, любовь.

Евгения. Любовь?..

Честин. Да, любовь! будьте столько свирепы, будьте столько немилосерды, запретите мне ее, но сердце мое повиноваться вам никогда не будет... Я всегда буду обожать вас.

Евгения. Я вам не запрещаю, любовь ваша составляла всегда верх моего благополучия.

Честин (*целуя ее руку*). Ожидал ли я столь совершенного блаженства?

Евгения. Но горестной опыт заставляет меня и теперь трепетать: не приготовила ли судьба мне нового и злейшего удара, когда я дам волю сердцу моему признаться вам в жестоком моем пламени. Я вас прошу не лишить меня вашего обхождения, в котором я найду все приятности, но прошу вас, чтоб слово любовь, естьли можно, не вмешивать в разговоры наши; это слово всегда будет напоминать мне несчастную участь противного супружества.

Честин. Но оно миновалось.

Евгения. Но ужас об нем не миновался еще в моем сердце. Неужели вы хотите умножать его ежеминутно? Много есть предметов, чтоб занять наши мысли. Вы только что сюда приехали, я считаю долгом угостить вас, и надеюсь, что вы мне в том не откажете.

Честин. Исполнять ваши повеления мое первое правило. (*Оба уходят.*)

Хватов. Барыня угощает барина, а ты должна меня.

Анисья. Хорошо, пойдем за ними.

Хватов. Только чтобы первое блюдо было: любовь твоя ко мне.

Анисья. Разве ты не слыхал, что барыня говорила?

Хватов. Да у бар и любовь барская, а мы холопе, так и любиться будем по-холопски.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Влас, Исавна и Парамон.

Парамон *(врасхмель)*. Ведашь ты, дело-та уж слажено, так до завтря к барину-та.

Влас *(врасхмель)*. До завтря, сват, до завтря. Утро вечера мудренее; теперь, видишь, не большу толику... брага-та ведь со льду... Уж для тебя друга свежу бочку открыл, да почал.

Парамон. Спасибо, спасибо, ведашь ты, прощай, сват! малу толику сосну; прощай. *(Цалуются.)* Исавна! прощай.

Исавна. Прости, батюшка! отдохни.

Парамон. Прощай, Исавна! *(Цалуются.)* Однако дочь-та твоя меня не поцаловала. Ну, да быть так; она, ведашь ты, еще глупенька, молоденька; мне люба; ведь и Аксен-та мой, ведашь ты, недального ума; да натореет еще.

Исавна. Дал бы бог тебе, Евсигнеич, здоровья, а то около тебя натрется, всему будет горазд.

Парамон. Как не быть горазду. Да вот, ведашь ты, алтынами денег считать не умеет; ну, а в серебряных, так и совсем толку не ведат; рубли-та кой-как я ему натолковал, а мелочи-та, ведашь ты, никак не поймет.

Влас. Было бы денег-та вдоволь, а то смекнет, хоть по пальцам.

Исавна. Водились бы они за лишком, а счесть, как не счесть. Я вот и сама, как за сорок алтын пойдет, так принесу гороху, да по горошинам-та и лажу, да ведь живу же, в добрый час молвить, в худый помолчать, двадцать лет с Потапьичем: а сколько бишь раз мы с тобою бранивались? Не вспомнишь ли ты, Потапьич?

Влас. Где все упомнишь, Исавна!

Исавна. А драться! раза с два колотил ли полно ты меня Потапьич? вот как мы живем, Парамон Евсигнеич!

Парамон. Что и говорить, сват! я ведал, что не с худой семьей породниться хочу. Ну, прощай же, сват! и ты Исавна! помогай вам бог. *(Все трое вместе обнявшись целуются.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Матвей.

Матвей. Эк наши старики расцаловались! Это не к добру, верно перед дождем.

Влас. Что те нада, Матвей!

Матвей. Мне бы надобно, Влас Потапьевич, поговорить с тобою о своей нужде.

Влас. Вот, нашел время калякать о нужде! не слыхать о какой?

Матвей. На тебя я работал, сам знаешь сколько.

Влас. Ну, что ж, что знаю? Да теперь мне не до знанья твоего: мы с Парамоном Евсигнеичем прощаемся, так не мешай нам.

Матвей. Да разве он опять в Питер едет?

Влас. Едет или пешком идет, в Питер или домой, не твое тут дело.

Парамон. Да, ведашь ты, мы разговаривам о своем, а не о твоем деле, так ты бы и не мешался тут, ведашь ты.

Матвей *(Власу)*. Фу! какая беда! разве мне уж и нельзя тебе сказать?

Влас. Да слышь ты, я не хочу теперь ни про каку нужду слушать; ты бы еще, бобыль, и не смел во всяко время к старосте-та лезть.

Матвей. Некстате, брат бы, Влас, завеличался! разве ты барин? Разве староста не такой же мужик, как и Матвей.

Влас. Как, верстаться со мною, со старостою, бобылю? да не роди меня мать на свете, естьли уж такой некошной парень это вздумал! чего ж мужикам-та глядеть? Только я тебя отважу от этого, Матвеюшка! ты ныньче уж многонько затеваешь. Понакутил ты много, не пройдет тебе даром давишнее болото.

Парамон. Болото, ведашь ты, сын-та мой, дай-ка мне до барина-та твоего добраться, а то забудешь ты толкаться.

Влас. Ты все ныне что-та очертя голову делаешь, смотри пожалуй, приверстай себя к старосте! этакой озорник праховой!

Матвей. Да ведь ты не для того у барина сделан старостою, чтоб над нами ломаться, а нас слушать, да мирить, да в деревне порядок вести.

В л а с. Да коего чорта мне у тебя слушать? Ну, болтай, что те надобно?

М а т в е й. Давно бы так; я пришел тебе покланяться.

В л а с. Ну, зачем же дело стало? Ин кланяйся, я люблю, когда мне кланяются.

М а т в е й. Кланяться-та я рад, лишь только сделай, о чем попрошу.

В л а с. Да как ты не путного попросишь?

М а т в е й. А мне кажется, так очень путного; мне жениться хочется, Влас Потапьевич!

В л а с. Жениться! да о своей ли ты голове? Да как тебе экая околесная в голову пришла? Да чем тебе жену-та кормить?

М а т в е й. Уж это не твоя беда. Была бы голова на плечах, да руки здоровы, с голоду не умрем. Еще у меня ничто из рук не выпало, коли земли мне не отведете, так стану пестредь ткать, а не то, так в дом пойду; ведь ты знаешь, что я работник не из последних.

В л а с. То так, Матюха! я знаю, что ты всему смышлен, да голова-та твоя забеглая! степени-та в тебе нет.

М а т в е й. Лишь благослови; а то увидишь, как я остепенюсь.

В л а с. По мне пожалуй, коли ты сладил; да позови, брат, и нас на свадьбу-та попировать.

М а т в е й. Да без тебя, Влас Потапьевич, и дело-та не сделается.

В л а с. Ну, вот, за это люблю; так, старосте нада везде быть первому. Люблю, Матюха, что ты меня почиташь. За этако дело, сват, простим ему, что он Аксена-та спехнул в болото.

П а р а м о н. Коли простить, так простим; для тебя, сват, все изволь.

В л а с. Да поведай нам, Матвей, невеста-та твоя кто? Я чай такая же воструха, как и ты; Исавна, на котору бы мекнуться? Сем-ка не угадам ли мы?

И с а в н а. Почем угадать, Потапыч! ведь полсела-та наши велики; он же около всех девок трется.

В л а с. Бай же поскорей, Матюха! за почтенье твое ко мне, я сам за тебя похлопочу; да еще и наделю тебя кое-чем: ты на меня довольно поработал, и ты увидишь, что твоя работа за мной не пропала.

М а т в е й. Коли так, с сего часа меня хоть в воду пошли, я и туда готов: пусть говорят, что худо людям служить, неправда; послужи — так слюбится после. *(Кланяется в землю.)* Ты мне теперь, Влас Потапьевич, вместо отца родного. Батюшка! благослови на Анюте.

Влас. Что? Что? на Анюте! на моей Анюте? видно, Матвей, губа-та у тебя не дура.

Исавна. Нет, Матюшка! этот кусок для тебя жирен: обожрешься.

Влас. Да о своем ли ты уме? Поди-ка проспись, ты видно пьян.

Парамон. Оно и вподлинну, ведашь ты, видно чрез край хватил.

Исавна. Эк его куда нелегкое занесло!

Влас. Залетела ворона в высокие хоромы. Экого бог дал женишка! слышь ты невидаль какая, што и боже упаси; поди-ка, друг! да прогуляй дурь-та; хе! хе! ну, такая ль ты животина, чтоб тебе на дочери моей жениться?

Исавна. Я ее удавлю сперва.

Влас. Что ты, Исавна! взбесилась, что ли? Да разве Анюта виновата, что Матюха с ума сошел? Экой женишок! ну; слышь ты, как спознают добрые люди, так кишечки надорвут смеясь, глядя на твою глупость. Затевущ ты, Матвей, да полно, будешь ли живущ? Ха, ха, ха!

Парамон. То-та и оно-та, Влас Потапьевич! эка втора! Матюха отбивает у моего сына невесту! провались ты, окоянный! и мне смешно на тебя глядя. Ха, ха, ха!

Влас. Да с которой стороны ты на жениха-то похож! С головы-та ты хоть брось: а о прочем-та и говорить неча. Аль лохмотья-та твово не видали, что ли?.. А! да вот и невеста идет.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Анюта.

Влас. Поди-ка сюда, Анюта! Бог дал тебе жениха; взгляни на Матвея-та, огляди-ка его хорошенько, ведь детина хоть куда! вот, вишь ты, пристает ко мне, чтоб ты его полюбила. Как ты смекашь об этом?

Анюта. Я? Батюшка! как вы хотите?

Влас. Ай, дочка! так и нада; как я хочу, ну, видишь, и она над дураком смеется; полюби его, Анюта! ха, ха, ха!

Исавна. Праховый Потапыч! как ты расшутился! а когда ты, батька мой, веселишься, так и мне смешно.

Влас. Ну, что ж, Анюта! ведь Матюха-та умрет с тоски, естьли ты его не полюбишь?

Анюта. На что ему умирать. Он уж знает! что я его люблю.

Все захохотали, кроме Матвея и Анюты.

Влас. Вот так-та! Матвей! Да полно, добро нада дело говорить: выгонь это колобродство из беспутной головы твоей и вперед у меня об Анюте ни пикни, да и думать не смей, да и не сказывай никому, что ты мне говорил; а естьли я услышу от кого, то спина твоя не спина.

Анюта. Что это? Батюшка! да не теперь ли вы сами радовались тому, что Матвей на мне сватается, и велели его полюбить?

Влас. Да это я его на смех поднимал.

Анюта. Воля ваша, батюшка! я не знаю, как и быть: вы только что скажете, да тотчас и отпираетесь.

Влас. Да неужто ты, проклятая, и впрям его любишь?

Анюта. Ах, батюшка!

Влас. Ах, батюшка! что такое, матушка?

Анюта. Я люблю его.

Влас. Право? . .

Исавна. Съела ты меня, непотребная!

Влас. Да как бы ты могла полюбить-та его? Так нада с тобою, дочка, посвойски поговорить; нада мне с твоею любовью поразведаться. Так Матюшка-та наперед стакался с тобою, да и начал мне говорить, а мы, как дураки, и уши развесили; прочь с глаз моих, негодная! смотри пожалуй, какую она чертовщину затеяла! да что ты это над моей головой затеваешь? Да ведь мне на старости стыд глаза показать в добры люди. Да благо я узнал, проучу я твою любовь. Исавна! смотри, это твое дело! выколоти ты у меня эту одурь из ее башки, либо я примусь за вас обеих.

Исавна. Да я чем виновата, Влас Потапьевич? *(Анюте.)* Я тебя, друг мой! ах ты, бесчинница! ты не дочь моя: да к статью ли тебе любить Матюшку бобыля? Чем он тебе мил? Говори, проклятая!

Анюта. Воля ваша, браните, бейте меня, ежели захотите, я его люблю и любить буду.

Влас. А вот не будешь, я те в том, что не будешь.

Анюта. Чем больше вы будете отбивать меня от него, тем сильнее я его любить стану. Я ни в чем из воли вашей не выступала, а в этом, как вы хотите; я сама не знаю, от чего Матвей мне полюбился; только, естьли вы не отдадите меня за него, мне и жизнь не взмилится. Разве вы хотите чтоб я умерла?

Влас. Врешь, лебедь моя! будешь жива, да еще и замужем за Аксеном; что ты меня стращаешь? Это твои замыслы, Матвей Силуянович! да не на таковского, брат, наскочил; балы-та мы эти слыхали не один раз в жизни. Видно у тебя спина-та зачесалась. Нет, ты меня за живое хватил, я те отделаю посвойски: а ты, дочка дорогая! забудешь пустое-та говорить;

я тебя засажу во мшеной чулан, где ты у меня зги божьей не увидишь до тех пор, пока ехать с Аксеном под венец.

Парамон. Оно ладно, ведашь ты, засади-ка ее, так в потемках-та, никого не видя, захочет и на моего Аксена посмотреть. А бобылю-та, ведашь ты, нада добрую качку задать, чтоб не в свои-те сани не садился.

Матвей. Ну, пусть староста говорил, что хотел; перед ним, хоть смолчать, быть так: да ты что за особь статья? Иль ты за свои деньги все сердца выкупил, что ли? Ну, виноват ли я, что твой сын дурак и что ни одна девочка его не любит? Да еще как бы ты смел кричать-та на меня? Да разве у меня барина нет? Мало ли бы что и староста-та задумал, да лих вот выше лба уши не ростут; а тебе я утру рыло-та в миг, и естьли на то пошло, так не видать твоему сыну Анюты, как свинье неба, и коли Анюту не отдадут за меня по честности, так я знаю, что делать.

Влас. Так ты еще грозить стал!

Матвей. Грозить, не грозить, да неужто тебе так вскружили голову Аксеновы деньги, что тебе и дочь твоя, твоя кровь не взмилилась? Я уж о себе ни слова; честные люди так и чужому безвременью не радуются. Эй, Влас! будешь после утирать кулаком слезы, да уж пособить нечем; коли в тебе жалости нет, так неужто ты бога не боишься? Разве на то дети отцам даны, чтоб они их мучили, да пили бы их слезы, как сахарну сыту?

Влас. Да исчезни ты от меня, дьявольское навожденье! что тебе нужды до слез моей дочери? Ничто ей! пускай ее плачет, зачем отцу да матери не повинна. А поплачет, да такова же будет.

Матвей. Да неужто ты сам не любя женился на Исавне?

Исавна. Чорт тебя спрашивает. Я вышла за него как нада.

Матвей. Стало быть, тебя не принуждали, а ты сама захотела.

Исавна. То я, а то она. Я ей мать.

Матвей. Для того-та и надобно по себе судить и о дочери. Примени-ка чужо-та горе к себе, так будешь и о других тужить.

Влас. Пересыпай из пустого-та в порожнее, только я тебе сказываю, что я с роду ни о ком не туживал и о путных людях; ну так стану ли я жалеть негодного бобыля? А твоей милой Анюте, а моей дорогой дочке, как отвешу полдесятка оплеух, так всяка любовь из сердца ее неоглядкой побежит.

Матвей. Ах ты варвар бесчеловечной! ну, так знай же,

когда нет в тебе жалости ни к кому, так и мне тебя жалеть нечего? Ведь мне все равно; я умру без Анюты, так не величаться же ни тебе, ни Исавне, ни Парамону, ни Аксену надо мною. Анюта меня любит, это я верно знаю, а любовь такие дела делает, каких деньги еще не делали; еще доныне нет таких замков, из-за которых бы любовь не выпрыгнула, а на это и живота своего не жалею и Анюту со дна моря достану.

Влас. Так ты сбагрить ее у меня смекаешь?

Исавна. Да я тебе перва окаянному глаза выцарапаю, да я жива быть не хочу; а ты, что стоишь, злодейка! вот до чего я дожила! Потапыч, принимай его: нас трое, а он один.

Анюта. Нет, Матвей, сколько я ни люблю тебя, только отнюдь не надейся, чтоб я могла сделать, чего батюшко с матушкой не велят; пусть я умру без тебя, только никогда не буду твоей женой против их воли.

Матвей. Как, и ты против меня?

Анюта. У тебя нет ни отца, ни матери; так ты верно не знаешь, как их надобно почитать; жизнь-та мне ведь они дали, так как же мне их во всем не слушать? Естьли они меня погубят, они в том и будут отвечать богу, и коли они променяли деньги на человека, то, стало быть, им деньги милее дочери; пускай же не говорят, что у дочери их есть кто-нибудь милее отца и матери.

Матвей. Теперь-та я совсем пропал.

Влас. Вот, насилу ты заговорила, как нада.

Исавна. Не плачь, мое милое дитятко! я тебя ни чем не трону, лишь поди только за Аксена.

Парамон. Ахти, ведашь ты, да Анюта-та твоя хоть куды; я было трухнул, как даве она про любовь-та болтала: ан она из воли-та твоей не выходит, не как мой Аксенка, ну, слышь ты, осипнешь крича, и коли полез на дерево за вороньим гнездом, так не разоря не слезет, как ни грози.

Влас. Как женится, так забудет и вороньи гнезда, будет смекать, как бы ему и свое согреть гнездышко.

Парамон. Так я уж, сват, верно на тебя надежен. Побреду ж я домой: не худо бы теперь еще по ковшику пивца клюнуть. Видишь, Матюха-та так нас размурыжил, что я, ведашь ты, и сон прогулял.

Влас. Ин и впрям уж не ходи домой-та, а воротимся-ка лучше ко мне. Вишь на дворе-та жарко, так и меня жажда взяла. Исавна! побегай-ка поскорей, да уцеди бодейку побольше.

Исавна. Изволь, изволь, батюшко Потапьевич! Анюта! пойдем со мной. Да что ты на Матюху-та глазами-та поводишь?

Анюта *(плача)*. Прости, Матвей!

Матвей. Прости, Анюта! я век тебя не забуду.

Исавна. Добро, помни сколько хошь; пошла скорей, негодная. Тут так и ног нет, а прежде так прытче зайца прыгала.

ЯВЛЕНИЕ IV

Парамон, Влас и Матвей.

Матвей. Вот каково на свете родиться бедным! Ах, матушка, матушка — покойная барыня! теперь-та я о тебе буду еще горче плакать; на то ли ты меня воскормила? На то ли ты меня жаловала? Лучше бы было, как бы ты меня не брала в боярской двор, где я, служа тебе, как сыр в масле у тебя катался: как вспомню твои милости, слезы у меня польются; как вспомню твои слова, сердце мое кровью обольется: «Матюшка, сиротинка, однако ж я ему мать, и из этого мальчишки я сделаю человека, он будет у меня верный слуга и мне и сыну». Эх, кабы льзя, да можно; душу бы свою отдал, чтобы тебя, моя сударыня, воскресить. Проснись, моя барыня, мать ты моя родная, взгляни только, как помнит твои милости Влас, твоей вотчины староста. Что тебе барыня-та приказывала перед смертью, злодей! «Влас, говорила она, служи моему сыну, как мне; дом мой и крестьян наблюдай, как правое свое око; вы все мои дети; сын мой так же, как и я, любить вас будет, и пока барин приедет из армии не покинь сиротинку Матвея; я на тебя, как на себя надежна». А теперь я вижу, что лучше бы мне было, как бы я сиротинкой без всякого приюту с голоду и с холоду умер. Так-та ты исполняешь ее волю? Бессовестной! что ты ей обещал? Видно нынче правды на свете не стало, а благодарности и не бывало.

Влас. Вот те на! еще какую ахинею занес! как все то делать, что обещаешь, так и дома не скажешься.

Матвей. Да ты мне сам не сто раз говаривал, что ты и сам был гол как сокол, что тебя покойна барыня всем наделила, как ты вздумал жениться.

Влас. Так не дать ли тебе того, что мне барыня пожаловала? Вот еще, с какими балясами подъехал! все у него затеи-та непутные, и все у него слова-та на винтах да на шурупах. Что слова скажет, то крюк; ан, вот он к чему и о благодарности-та запел! что-та ты некстате смышлен! да выторговать-та тебе у меня нечего; как бы барыня была жива, я бы обо всем и помнил, я бы ей и кланялся, с поклонов-та бы у меня шея не повихнулась; да что на него смотреть? У голяков-та всегда болясь нивись конца. Пойдем-ка лучше пиво пить, нежели с ним вздор молоть день до вечера, а слушать-та нечего.

ЯВЛЕНИЕ V

Матвей (один).

Матвей. Что ты станешь делать? Себя-та мне не жаль, да Анютушка-та бедная с тоски пропадет. Полно, Матвей, тебе жить на свете; да куда ж мне деваться? Пойду отсюда, куда глаза глядят, а где я найду другую Анюту? Где я найду таких людей, которые жалость знают? Эх, проклятая злокоманная судьбина! или мне на роду написано век свой горе мыкать? Знать, для того я и узнал, что Анюта меня любит, чтоб тотчас на меня и все беды-та обрушились и тем злее мое сердце защемили. Так и быть, скрепя сердце и зубы стиснув, буду терпеть; авось не долго я буду на земле, как стень, шататься! *(Садится на траву.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Матвей, Хватов и Аксен.

Аксен. Да что ты без бачки-та облапошить меня хошь, батраку-та я не верю, ведь денег-та десять рублей шестьдесят алтын.

Хватов. Дурак, коли ты не смыслишь, так у людей спроси.

Аксен. Да, у людей спроси? Люди-та все надо мной смеются, а перстни-та, да кольцы, да платки ты услал, заплати мне деньги-та! . .

Хватов. Да разве я не заплатил? Ну, вот тебе империял.

Аксен. Материал? а что мне в нем?

Хватов. Это золотой, это десять рублей; да вот еще восьмнадцать гривенников. Так и все одиннадцать рублей восемь гривен.

Аксен. Нет, врешь, не обманывай меня; мне восьми гривен не нада, а дай мне десять рублей шестьдесят алтын.

Хватов. Ну, да оно так и есть, вот десять рублей.

Аксен. Десять-та рублей ведь столько, сколько на руках у меня пальцев; рубли-та я знаю, а это один желтый, а рубли-та белые, а там еще шестьдесят алтын, а не рубль восемь гривен. Десять-та рублей отдай белых, а шестьдесят-та алтын отдай алтынами.

Хватов. Да где взять про тебя алтынов? У нас такой и монеты нет.

Аксен. Монеты нет? А что это такое монеты?

Хватов. Фу, какой осел веслоухий! не знаешь, что монета! этак деньги называются.

А к с е н. Я эких и не слыхивал. Я монеты-та не хочу, а мне деньги отдай.

Х в а т о в *(увидя Матвея)*. Да вот сидит мужик посторонний! сочти этому дураку деньги, видишь, эта скотина счету не знает.

А к с е н. Хоть я счету-та не знаю, только не скотина; скотина, та с рогами, а я еще нет.

Х в а т о в. Ну, так будешь наверное.

А к с е н *(Матвею)*. Сочти, брат, мне деньги-та.

М а т в е й. Пошел к чорту от меня и с твоими деньгами.

Х в а т о в. Для чего ты не хочешь считать деньги?

М а т в е й. Для того, что не хочу.

Х в а т о в. Так я тебя заставлю счесть.

М а т в е й. Мне не до счетов ваших.

Х в а т о в. Да для чего ж? Что ты молчишь? Говори, деревенщина!

М а т в е й. Для того, что я считать не умею *(в сторону)*, чтоб избыть от них, пришло так сказать.

Х в а т о в. Ты считать не умеешь?

М а т в е й. Ну, не умею; ведь не всем таким разумным быть, каков ты.

Х в а т о в. Что это за бессчетная деревня!

А к с е н. Нет, он всему горазд, а считать-та не хочет, а умеет.

Х в а т о в. Так ты умничаешь только, да знаешь ли, что я тебе тузов за это надаю.

М а т в е й. Сунься-ка только ко мне; отойди, я говорю, а не то зашибу больно.

Х в а т о в. Ах ты, каналья! вот я тебя... *(Замахнулся.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Т е ж е, Ч е с т и н, Е в г е н и я и А н и с ь я и д в а л а к е я.

Ч е с т и н *(Хватову)*. Что ты делаешь, дурак!

А к с е н *(Евгении)*. Да вот, боярыня! он купил у меня колец, перстней да платков на десять рублей на шестьдесят алтын, а дал мне вот что.

Е в г е н и я. Чего ж тебе больше? Тут все деньги.

А к с е н. А коли все, так я побегу их бачке отдать. Уж коли боярыня сказала, что все, то мне тут как не поверить *(Уходит.)*

Ч е с т и н. Это ваш крестьянин?

Е в г е н и я. Мой; только такой дурак, какого я отроду не видывала.

Ч е с т и н. А этот, кажется, малой хороший, и этот ваш же?

Е в г е н и я. Нет, этот ваш.

Хватов. Только такой, сударь, озорник, что сказать нельзя.

Честин. Да ты почему так скоро об этом узнал?

Хватов. Чего, сударь, чтоб отделаться от этого дурака крестьянина ее превосходительства, мы с ним просили его, чтоб он деньги счел, а он этого и не сделал.

Честин. Так поэтому он и стал озорник?

Матвей *(кланяясь)*. Вольно ему доносить вам на меня.

Честин. Не ударил ли он тебя?

Матвей *(кланяясь)*. Нет, барин, только замахнулся.

Честин. Хватов, я не люблю этого! ты не смей у меня обижать крестьян.

Матвей *(кланяясь)*. Покорно благодарствуем.

Честин. Для чего ж ты, мужичок, не хотел ему счесть денег?

Хватов. Да еще и смеючись надо мною говорит, что он счету не знает, а на взгляд кажется молодец.

Матвей. Где нам с вашею милостью тягаться?

Евгения. Да неужели ты вправду счету не знаешь?

Матвей *(в сторону)*. Как им скажу, что знаю, так бы не осердился барин за слугу. Я бы рад, сударыня, знать, да как же быть.

Честин. Ну, да скажи мне, гривна да пять копеек, сколько будет вместе?

Матвей. Вместе-та, сударь, и будет гривна да пятак.

Хватов. Вот видите ли, сударь, он и с вами шутит.

Евгения. Хотите ли? Он будет у меня уметь считать, или я узнаю наверное, естьли он не умеет.

Честин. Извольте.

Евгения. Держи шляпу. *(Матвей держит шляпу, Евгения высыпает из кошелька серебряные мелкие деньги.)*

Честин. На что это, сударыня?

Евгения. Не хочешь ли и ты положить, естьли у тебя есть мелкие?

Честин. Когда вам угодно, извольте *(Кладет из кармана.)*

Евгения. Видишь в шляпе деньги?

Матвей. Вижу, сударыня!

Евгения. Естьли ты сочтешь и скажешь, сколько их, и это будет верно, эти деньги твои.

Матвей. Я вам, сударыня, и без счету верю; покорно благодарствую. Вы, сударыня, уж верно меня не обочтете.

Хватов. Ах, деревенщина, смотри, пожалуй.

Анисья. Этакой шалун!

Евгения (смеясь). О, он верно счет знает, и гораздо лучше, нежели мы.

Честин *(смеясь)*. Дурак, что ты это?

Евгения. Неужто назад взять? Эта шутка стоит того, чтоб эти деньги были его, позволь ему взять.

Честин. Да к чему так убытчиться, сударыня!

Евгения. Разве тебе жаль того, что ты положил?

Честин. Сударыня, можно ли это? Естьли вам угодно. Ну, дружок, деньги твои, кланяйся барыне.

Матвей. Земно кланяюсь, сударыня, дай вам бог всего того, чего вам хочется.

Евгения. Лучше этого пожелать нельзя.

Матвей *(в сторону)*. Видно счастье определено одним только дуракам бессчетным. Я лишь только притворился таким, ан и денег полна шляпа, а без того и запаху денежного не слыхать бы было. Побегу к Власу, неужли он и глядя на эти деньги не сжалится надо мною? *(Уходит.)*

Честин. Этот малой от радости побежал без памяти.

Евгения. Ты не поверишь, душа моя, как приятно производить в людях такую радость.

Честин *(вздыхая)*. Я бы поверил, естьли б я...

Евгения. Ах, я вас просила... вы знаете мое сердце... не напоминайте мне... я вас еще о том прошу... благодарствую, что ко мне пожаловали; вам нужен покой после дороги, я надеюсь в вечеру с вами видеться. *(Уходит.)*

Честин *(целуя ее руку)*. Этот покой чрезвычайно для меня будет беспокоен.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Честин и Хватов.

Честин *(ходит несколько задумавшись)*. Что ты думаешь об Евгении?

Хватов. Ничего, сударь!

Честин. Что ты думаешь об этом запрещении говорить о любви?

Хватов. Я думаю, сударь, что это запрещение для того и сделано, чтоб принудить вас почаще говорить. О, женщины великие мастерицы, не веля велеть.

Честин. Нет, совсем не то; я подозреваю, не скрывается ли тут ко мне отвращение?

Хватов. Однако ж она вам перстенек подарила, да еще и дорогой цены; это на отвращение не похоже.

Честин. Что ей мешает теперь отдаться мне? Теперь нет ни отца ее, ни мужа; это все доказывает мне ее холодность.

Хватов. А по перстню судя, так самую великую горячность.

Честин. Естьли она мне и теперь изменит, то я брошу этот перстень, который получаю из рук неверных.

Хватов. Да бриллиянты-та в нем, сударь, очень верны и никогда своей цены не потеряют.

Честин. Оставь свои глупые враки, а притом меня и то беспокоит, она после мужа получила страшное богатство. Я хотя и сам не беден, однако я буду должен жить по большей части жениным имением; это меня тревожит. Я буду ежечасно бояться, чтоб этим меня не укорили; почему я знаю, не для богатства ли и покойник ею предпочтен был мне? Может быть, ее не принуждали, а она сама мне изменила, а кто один раз изменил, тот верен никогда быть не может.

Хватов. А многих ли знаете, кто бы никогда не изменял? Да не изменя и верным быть нельзя. Поверьте мне, сударь, что ваша философия никуда не годится. Кто с женщинами философствует, над тем оне смеются. Дайте мне самого, самого строгого философа, у которого бы сердце было крепче кремня, право, и оно растает от женских глаз, и вы увидите, что любовь всякую философию прогонит одним только взглядом. Нет ни одного на свете умницы, которого бы любовь с пахвей не сшибла. Оставьте, сударь, ваши сумнения, подозрения, тревог и боязни и не начинайте ссориться с вашим сердцем; вы всегда проиграете. Она не велит вам говорить про любовь, это-та и хорошо, сударь! По мне любовь без помехи никуда не годится, а та любовь и весела, где, что называется, как ни стать, да достать.

Честин. Ты заврался; нашел ли ты Матвея, о котором матушка ко мне еще в армию писала?

Хватов. Нет еще, сударь!

Честин. А для чего ж? Ведь я тебе приказывал.

Хватов. Была маленькая помеха.

Честин. Какая?

Хватов. Любовь, сударь!

Честин. Любовь!

Хватов. Так, сударь, я нашел здесь Анисью, которую я прежде так же любил, как вы ее барышню. Глядя на нее, я и сам себя позабыл, как же вы изволите, чтоб я тогда не забыл вашего приказания. Я виноват, только надеюсь, что для этой причины вы мне простите.

Честин *(отходя)*. Я прощу тогда, когда ты приведешь ко мне Матвея.

Хватов. Я в миг это исполню, лишь бы только опять Анисья мне не встретилась.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Влас и Парамон.

Влас. По мне хоть бы теперь к венцу, да батька-та венчать не станет без барской руки, а теперь к барину-та итти не ловко. Почем знаешь, может он и почивает.

Парамон. Да, ведашь ты, его дело боярское. Я сам хоть не барин, да когда сплю, не люблю, чтоб меня будили.

Влас. Анюта-та что-та у меня больно пахмурна: ну как захворает, так дело-та и пойдет в оттяжку.

Парамон. Где, к шатуну, захворать! девка-та, ведашь ты, едрена, ее никака боль не возмет, и коли взгрустнулось ей, так пройдет: уж я те в том, ведашь ты, что пройдет. Аксенка мой, бывало, взрыд рыдает, как его поколотишь хорошенько, да погодя маленько, как встрепаной пойдет, а ты ведь только что покричал на Анюту, а не дрался с ней.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Исавна.

Исавна *(вбежав)*. Ахти! что будешь делать, Потапыч?

Влас. Что ты так всполошилась, Исавна! что такое сделалось?

Исавна. Девка-та у нас взбеленилась, так на стены и бросается, воет да плачет; только что на себе волос не дерет.

Влас. Да ты бы ей образума два отвесила, так бы все и прошло.

Исавна. Нет, отец! нет, Потапыч! побоями не возмешь; только девку заколотишь, а польги не будет.

Влас. Да как же быть-та мне с ней? Подумать было,

как бы можно было тут какой крюк ввернуть, чтоб ей Матюха опостылел; подумай-ка, Исавна!

Исавна. И, батька мой! думать твое дело, а не мое.

Влас (*подумав*). Э! вспало мне на ум. Парамон Евсигнеич! хошь рублей десяток истратить, так Анюта будет за Аксеном.

Парамон. За этако дело, ведашь ты, я и ста не пожалею.

Влас. Надобе убаять того прыткого лакея, что с барином приехал, чтоб на Матюху солгал, а холопя-та, ведашь, на все досужи; а денежка мана, хоть кого свихнет она.

Парамон. Да как же? Ведашь ты, что ж солгать-та на Матюху та?

Влас. Я всему научу. Смотри ж, Исавна! ты только не проврись, так все будет по-нашему. Дай-ка мне деньги-та, Парамон!

Парамон. Оно, ведашь ты, для чего не дать; ну, да как он не ладно солжет, так и деньги пропали, и Анюта закочевряжется тогда пуще. Пусть наперед дело сделает, тогда мне денег не жаль.

Влас. Да это мой убыток, не твой; коли не так пойдет, я тебе твои деньги назад отдам.

Парамон. То дело иное, ведашь ты, на вот, возми. (*Дает ему деньги.*)

Влас. Ужо увидишь, как мы все поворотим по-своему! Она на Матюху и взглянуть не захочет; а мы тут свадебку-та и скрутим поскорее, а замужем-та хоть и проведает, так нечто возмет; за неволю привыкнет к Аксену и будет жить на диковинку. А да вот кстате и холоп-та идет к нам.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Хватов.

Хватов. Что за дьявольщина! нигде не могу найти этого Матвея.

Влас (*скинув шляпу, кланяется*). Не поволишь ли-ста, милость твоя, загулять к нам, деревенской бражки отведать?

Хватов. Спасибо, я, кроме портеру, ничего не пью.

Влас. А что это за пойло такое, портил?

Хватов. Это заморской напиток, которой привозят на кораблях.

Влас. Хоть бы понюхал его, чай, нивись как сладко; право бы отведал.

Хватов. Где тебе отведывать, язык проглотишь.

Влас. Да как же он у твоей милости цел?

Хватов. Это оттого, что я не мужик, а егерь барской.

Влас. То дело иное, а сметь ли-ста вам покучиться об нашей нужде?

Хватов. О какой? говори; естьли у барина попросить о чем, то, кроме меня, никто ему не докладывает, а естьли и доложит кто, так ничего не будет, а о чем я доложу, так все будет сделано, только я даром не докладываю.

Влас. Не о докладе речь; помоги нам обмануть дочь мою, а уж мы тебе слуги за это.

Хватов. Отец хочет обманывать дочь! Это я впервые отроду слышу; да на кой тебе чорт это? Вот как наша братья молодцы красоток обманывают, это я часто видал и сам делывал; полюбить, обещать жениться и тем поймать за сердчишко, а после бросить, это наше дело.

Влас. Ну, коли ты эки дела ломаешь, так наше-та тебе плевое дело; а мы тебе за это кланяемся рубликов пять, шесть, десяток.

Хватов. Еще и деньги сулят; о, за десять рублей и не наш брат солжет. Да где ж деньги-та?

Влас. Вот они.

Хватов (взяв). Давай сюда, сказывай только, что тебе надобно? Ты увидишь, что Хватов так солжет, что иглы не заточишь.

Влас. Пойдем же, я все тебе растолкую, смотрите же, не проболтайтесь; да я вижу Анюту, пойдем.

ЯВЛЕНИЕ IV

Парамон, Исавна и Анюта.

Исавна. Анютушка, друг мой! не грусти; ну, об чем ты взгоревалась? Как бы ты знала, как Парамон Евсигнеич тебя хвалит и как Аксен Парамонович тебя любит! ну, слышь ты, души в тебе не слышит. Подумай-ка, Анютушка! какий мы тебе к свадьбе сарафан сошьем! какий я тебе подзатыльник вынижу из бисеру да из стеклярусу, а подубрусник из пронизок.

Парамон. А я, ведашь ты, ниток восемь подарю тебе янтарей на шею.

Исавна. Подпояшу тебя золотым поясом и накрою фатой канаватной.

Анюта. Ах, матушка, мне ничего не надобно; мне белый свет не мил.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Влас, а потом и Хватов.

Исавна. Влас Потапьевич! посмотри, как Анюта горюет.

Анюта. Батюшка!

Влас. Что те нада? да говори без слез. *(Парамону тихо.)* Мы уж все сладили. *(Анюте.)* Ты все о Матюхе-та плачешь? Эка рева! да перестань же, я этого не люблю.

Хватов. Что за деревня проклятая! с ног сбился, искав старосты, да нигде его не вижу.

Влас *(скинув шляпу).* Я здесь, чего územ поволишь?

Хватов. Я ничего, да барин тебя часа два, как спрашивал.

Влас *(будто испугавшись).* Ахти! беда какая!

Хватов. То-та беда какая, как бы не я, было бы тебе от барина-та! ты тут бражничаешь с гостями, а за тобою дело стоит. Какий у вас там есть Матвей!

Влас. Есть-ста у нас Матвей.

Хватов. Он валялся у барина в ногах, просил жениться, и барин велел тебе его сегодня же женить, а мне велел быть отцом посаженым.

Анюта. Ах, я отдыхаю; это ангел, а не барин.

Влас. Мы от барского приказу не прочь.

Хватов. Да велел тебе все отпустить на свадьбу из барского погреба, только он долго смеялся, глядя на этого Матюху, тфу, пропасть какая! мужик в сером кафтане, как будто путный человек, знает любовь.

Анюта. У мужика такое же сердце, как у барина.

Хватов. Барин велел свадьбу играть в людской избе, смотри ж, староста! развертывайся: ведь я на свадьбе-та буду, у меня из барского-та погреба всего подавай, я хочу, чтоб было на этой свадьбе разливанное море; ха, ха, ха! как теперь гляжу на этого мужика, как он около барина ерзал, ревет да плачет. Помилуй, барин, я умру, естьли за меня не велишь выдать Маланью Викулову дочь. . .

Анюта. Ах, злодей! сгубил меня.

Хватов. Что этой девочке сделалось?

Анюта. Матвей любит Маланью, а меня обманывает.

Хватов. Ага! видно Матвей ее за сердчишко задел! полно, девочка, прокуратить-та; ты ведь не первая, которую обманывают. Как на всех тех жениться, на кого мило поглядываешь, так женами-та разве пруд прудить, а больше одной жены иметь нельзя; так и пришло нашему брату проворному парню жениться на той, которая всех тебе милее. Смотри ж,

староста, поворачивайся проворнее, у меня коли что не будет готово, то я так поверну, что закрехтишь. *(Власу тихо.)* Ну, видишь, мастер ли я лгать.

ЯВЛЕНИЕ VI

Влас, Исавна, Анюта и Парамон.

Анюта. Матвей женится на Маланье! обманщик! того ли я ждала от тебя? Ах, пропади жизнь моя! бедная, несчастная Анюта!

Влас. Вот, Анюта, ты видишь, какой мошенник Матюшка! уж отец твой на взвей ветер слова не скажет. Недаром у меня к нему сердце не лежало, а ведь сердце-та вещун человеку.

Исавна. Пропади он, проклятый, за все головы; да у него и душа-та плутовская. Как ты могла полюбить экаго вора, Анюта?

Парамон. Да у него, ведашь ты, и все не по-людски; он того и шнырит, окоянный, чтоб беды накутить, как басурман поганый, кобенится, да ломается, и поступь-та у него, ведашь ты, самая сатанинская.

Исавна. Чего и ждать доброго от злодея! полно, Анютушка, грустить-та, плюнь на экого скареда; не замай, Малашкина голова за ним пропадет, поживут, да оголеют, да как черваки и угаснут.

Влас. Лихая трава из поля вон, туда им, окоянным, и дорога. А ты, Анютушка, поверила бобылю! ну, станет ли правду говорить запропалая животина. Как бы в нем было хоть на грош путного, то бы хоть уж гунишка-та на нем была; у кого нет ничего, тот верно плохой человек. Знать, что у него душа-та крива, так ни в чем ему и спорыньи нет. Дурочка, вот каково не слушать отца да матери! что теперь слезами-та возмешь? а Матюшка-та только что тебе ведь насмеялся.

Анюта *(плача)*. Помилуйте, не надрывайте меня пуще, либо вырвите из меня мое сердце, только не говорите мне больше о Матвее, он мне теперь стал противнее всего.

Влас *(Парамону)*. Вишь, каково я повернул. О, в ком есть ум, все сделает.

Парамон *(Власу)*. Вижу, ведашь ты, вижу, уж я теперь о деньгах-та ни слова.

Влас. Коли тебе Матвей противен, Анюта, так я не заикнусь об нем. Примемся же мы теперь за Аксена, он не хуже твоего бобыля.

Анюта. Не хуже! это сердце мое заведает.

Исавна. Обману от него уж не жди, Анюта!

Парамон. Куды ему, ведашь ты, он и правды-та мало смыслит.

Влас. А естьли заберет в голову блажь какую, так Парамон вмиг оттуда у него высадит.

Исавна. Ты будешь за ним, как красно солнышко, чего ни захочешь, все у тебя будет: в красне-та ли, в хороше-та ли походить; кусу-та ли сладкого поесть, всем напитаешься, чего душенька твоя пожелает, а Матюшка с Малашкой, на твое житье глядя, от зависти лопнут.

Влас. Так-та и нада. Пусть казнятся; не проводи добрых людей. А ты, Анюта, на эту шерашь глядя, и взглянуть-та на них не захочешь, ха, ха!

Парамон. Да только ли, что это, ведашь ты, я на зиму поеду в Питер, да и Анюту с Аксеном с собой возьму, там-та она наглядится всячины; уж не деревне нашей жбан! а чтоб еще веселее было, так свожу их там в комедь; тут, ведашь ты, бают, так трелюдятся, что раз поглядя и век не забудешь: хе, хе, хе!

Влас. Нутка, Анюта, благословясь да поди за Аксена-та.

Исавна. Поди за него, милое дитя! ну, скажи же мне; ведь не будешь плакать, что мы тебя выдаем за Аксена?

Анюта. Какие безжалостные люди, батюшко!

Влас. Что, Анютушка, что? Ты хочешь мне сказать, что ты теперь с радостью идешь за Аксена?

Анюта. Они меня до смерти замучат.

Исавна. Говори же, мое милое дитятко!

Анюта. Когда вам этого уж очень хочется, так делайте, что хотите; выдавайте, не только за Аксена, хоть за чорта; видно, что уж нечем пособить моему горю.

Исавна. Ай, милое дитя! как я рада, что ты образумилась.

Влас. Мы сегодни же вас и обвенчаем.

Анюта (*испугавшись*). Сегодни же?

Влас. Не пугайся, не пугайся, ведь замуж выходить не страшно; спроси у матери, она это знает.

Исавна. Знаю, дитятко, знаю; поверь же матери. Мать худу не научит.

Влас. Пойдем же, Евсигнеич! приготовим, что нада. (*Тихо Парамону.*) Сладили, все стало по-нашему.

Парамон. Все ладно, ведашь ты, побежать же, чтоб Аксен-та мой куда не запропастился. (*Уходит.*)

Влас. И ты, Исавна, попроворь же, а я пойду к барину, видишь нада дело делать. Боярин велел выдать из погреба.

ЯВЛЕНИЕ VII

Анюта (одна).

Анюта. Насилу они меня оставили, я было совсем от них задохлась. Ах, Матвей! погубил ты бедную Анюту. Куда девалось это время, как мы с ним ели землянику. Теперь-та я узнала, что мне правду говорили, чтоб девка парню никогда про любовь не объявляла; да как утерпеть, когда любишь? Я все забыла слушая... Как бы я его увидела, я б так его разбранила, чтоб на мир слова не оставила. А Малашку я бы по щекам разбила, естьли бы она мне теперь попалась. Да она чем виновата, что Матвей ее больше меня любит? Нет, она-та и злодейка-та моя. Она-та меня и съела. Без нее Матвей наверное был бы моим мужем.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анюта и Матвей.

Матвей *(держа деньги в шляпе)*. Анютушка, душа моя! я тебя без души стал искавши.

Анюта *(с досадою)*. Полно, меня ли ты искал?

Матвей. Да кого ж, Анюта?

Анюта. Спроси-ка себя, не забыл ли ты? Нет ли у тебя кого милее меня?

Матвей. Милее тебя? да ты шутишь, или балагуришь?

Анюта. Где, сударь, мне шутить с вами? Вы, сударь, ныньче у барина в милости, так бедной Анюте й говорить с вами не сметь.

Матвей *(в сторону)*. Почему она узнала, что бара мне денег надавали? *(Ей.)* Да разве я негоден стал от того, что барин ко мне милостив? Мне кажется, я тот же Матвей. Вглядись-ка в меня хорошенько, я ни мало в лице не переменился.

Анюта. Лицо-та твое то ж, да сердце-та нет.

Матвей. Перекстись, Анюта! неужто льзя вынуть сердце, да на место его другое вставить?

Анюта *(с сердцем)*. Не другое вставить, обманщик! как будто не понимает моих речей; полно душою-та кривить, я знаю все твои дела, злодей! не прямись, как береста на огне. Да зачем же ты улещал меня? Зачем ты приставал ко мне, чтоб я тебя любила? А узнав, ты меня покидаешь и женишься на другой.

Матвей. На другой? да кто тебе намолол этакого вздору?

Анюта. Тот, кому я верю больше тебя; поди к своей

невесте и с нею разговаривай, а со мною нечего тебе говорить, я лучше хочу чорта видеть, нежели тебя.

Матвей. Да ты взаправду разозлилась, Анюта! да что я тебе сделал?

Анюта. Что он сделал? Моей мочи нет, не ты ли хотел на мне жениться?

Матвей. Я и теперь хочу.

Анюта. Да я другой-та женой быть не хочу; ты, пожалуй, рад и на трех жениться, кабы льзя тебе да можно было.

Матвей. Да о какой другой жене ты говоришь, я не знаю.

Анюта. Ты не знаешь, бедненькой, да я знаю! Знаю, Матвеюшка, знаю все твои плутни, да хоть бы ты не ругался над моею головой. Что ты меня, как дуру, из ума выводишь? Что ты притворяешься передо мною, будто ничего не знаешь? Ах, Малашка проклятая! заела ты мою головушку. Чем она тебе лучше меня показалась? Да я уж об этом ни слова не говорю; иногда покажется и сова лучше ясного сокола, так ведай же и ты, что я сама иду сегодня замуж за Аксена.

Матвей. А, так вот ты к чему и Малашку-та пригнала, чтоб чем-нибудь да вывернуться, что на Аксеновы деньги у тебя душа разгорелась! а я, как попест, смотрю, да дивлюсь. Ан она сворачивает с больной головы да на здоровую... Эки она ко мне лясы подпускает! видно ты с отцом-та из одной глинки вылеплена. Видно яблочко-та от яблонки не далеко пало.

Анюта. Ах ты, негодный! сам же ты виноват, да еще и шумишь на меня? Только я тебе не дура досталась; твои промысла-та с Малашкою на то и были, чтоб меня батюшко поколотил за любовь к тебе. Это было надобно твоей Малашке, да лих не удалось.

Матвей. Нет, врешь, Анюта, выдумай что-нибудь похитрее, а этим от меня не отойдешь, совесть-та есть, так-то де неловко отогнать, он, де, на нас много работал, так добры люди осудят, а так, де, этот крюк ввернем, так его же все будут бранить, а мы свое взяли. Ай, Анюта! где ты научилась этому? За хорошее ремесло принялась, нечего сказать.

Анюта. Да долго ли этого будет? Ты еще и дражнишься? Так вот на зло тебе я за Аксена-та выйду, а Малашке не бывать за тобою.

Матвей. Да чорт ее возьми и с твоим Аксеном.

Анюта. Не брани его, он честнее тебя.

Матвей. Знаю, что честнее, потому что у его отца денег много.

Анюта. Естьли б я лакома была до денег-та, я бы ни слова не говоря за него вышла, да пока я думала, что ты честный человек, я не смотрела ни на что, ни на брань батюшки

с матушкой, хотела все стерпеть, все перенесть, мало ли они мне и грозили, и бранились, и уговаривали, и улещали, ничто не помогло; я грустила, тосковала, плакала и хотела на себя руки положить, естьли за тебя не выдадут. Что ж привязало меня к тебе? Богатство твое, что ли? Так у тебя, кроме этого кафтана, ничего нет, а ты чем мне за это платишь? Поди от меня прочь и не говори со мною ни слова, я буду век плакать, что я тебя любила и что враг меня дернул это тебе сказать, ты теперь можешь насмехаться надо мною; я знаю, чем мне досаднее, тем тебе веселее, и я бы не хотела показать моих слез, да что мне делать? Я их унять не могу, на, смотри на них, пей их, коли они тебе сладки, да и Малашке своей отнеси.

Матвей. Анютушка! сделай милость, скажи мне, кто тебе сказывал?

Анюта. Не скажу.

Матвей. Так поэтому ты не хочешь выведать правды?

Анюта. Я уж ее выведала.

Матвей. Так я тебе говорю, что на меня солгали.

Анюта. Солгали?

Матвей. Вот те бог, что солгали.

Анюта. Стань-ка прямо, я на тебя погляжу.

Матвей. Гляди сколько хочешь, а это сущая ложь.

Анюта. Ага, змей горыныч! глаза-то у тебя что-та часто заморгали. Нет, злодей! душа-та твоя очень нечиста.

Матвей. Твоя разве как сажа вымарана, что ты меня против солнца-та ставишь? Я бы хотел посмотреть, как бы ты, глядя на него, не заморгала.

Анюта. Нет, коли бы ты был прав, так бы ты и на солнце глядел не смигнувши; правда-та ведь светлее солнца, да что ты тут стал! я чаю, барские холопья ждут тебя, чай все собрались на твою свадьбу.

Матвей. На какую свадьбу? В уме ли ты, Анюта?

Анюта. Разве ты с ума сошел? Отвяжись от меня, чорт с тобою!

Матвей. С тобою разве чорт. Что ты черкаешься? Поди черкай своего Аксена, видишь, он тебе очень мил стал.

Анюта. Что ж ты на меня раскричался? Ведь я не Малашка твоя.

Матвей. Да ведь и я не Аксен твой дурак.

Анюта (*отвернувшись*). Я не хочу с тобою говорить.

Матвей (*отвернувшись*). А я и глядеть-та на тебя не хочу.

Анюта (*так же*). Я так зла, чтоб всего его искусала.

Матвей (*так же*). Она что-то ворчит, только я ее не слухаю.

Анюта. Он верно на меня глядит, только я на него не взгляну. *(Украдкою оглядываются.)*

Матвей. Я уйду, пусть ее бесится одна.

Анюта *(обернувшись)*. Куда ты идешь? К Малашке?

Матвей. Да, к Малашке, и вот понесу ей полну шляпу серебряных денег.

Анюта. Понеси, понеси, она, увидя деньги-та, еще больше тебя полюбит.

Матвей. Посылаешь ли ей челобитье?

Анюта. Черную немочь я ей посылаю.

Матвей. Ну, прощай же, Анюта! понести ж твою посылку к ней, да только скажи, к которой Маланье? У нас в селе целых четыре Маланьи?

Анюта. К твоей невесте, к Викуловой дочери.

Матвей ушел.

Анюта. Он пошел, а я ему глаз не выцарапала.

Матвей *(воротясь)*. Анюта!

Анюта. Зачем же ты воротился?

Матвей. Да Викул-та с женою и с дочерью еще вчерась ввечеру пошли в город с ягодами, так искать-та их далеко.

Анюта. Ахти! и впрямь так, уж не Парамон ли согласясь с батюшкою. . .

Матвей. Да тебя и обманывают.

Анюта. Да как же мне сказывал барский холоп, что давиче меня цаловать хотел, что ты у барина выпросил и свадьбу в людской избе играть.

Матвей. Да я с барином о свадьбе ни слова не говорил.

Анюта. Да батюшка побежал в барский погреб.

Матвей. Верно, Анютушка, они сладились нас помутить, чтоб ты, на меня осердясь, вышла за Аксена; ну, променяю ль я тебя на кого-нибудь? Да я из всего околодка всех Малах не возьму за тебя; то-та давиче старики-та вместе обнявшись и цаловались; ну, я отгадал, что не к добру, а с холопом-та мы после тебя побранились, так он с сердцов-та на меня и наляпал. Экие люди есть на свете!

Анюта. И мне что-та, это кажется не так.

Матвей. Полно, Анюта, плюнь на это.

Анюта. Так; Викул еще не бывал и Маланьи в селе нет. Эк было меня поддели? А батюшка-то с матушкой и горы было на тебя понесли, а Парамон-та все им поддакивал.

Матвей. Так помиримся же, Анютушка!

Анюта. Ин, помиримся, Матвей!

Матвей. Я было бежал к тебе показать, смотри-ка, мне бог дал какую пропасть денег.

А н ю т а. И подлинно много.

М а т в е й. То-то же, голенькой ох, за голеньким бог. Смотри-ка было как нас поссорили, да добро, побежим-ка к старикам-та твоим, они ахнут, увидя эти деньги, теперь и у меня есть кока с соком, авось хоть этим я приду старосте по сердцу.

А н ю т а. Уж теперь, Матвей, меня не обманут, чуть было я не попалась в чортовы лапы. Ведь эти деньги ты должен отдать мне?

М а т в е й. Кому ж, что не тебе. Я для того-та им и рад, пусть отец-та твой хлопочет, как хочет, мне теперь и приданого за тобой не надобно ни на полушку.

А н ю т а. Так подай же их сюда, я спрячу.

М а т в е й *(высыпав в платок)*. На вот! . .

А н ю т а. Пойдем же вместе к батюшке, что-та он мне скажет? Неужли и теперь будет говорить, что ты женишься на Маланье?

М а т в е й. А чего доброго?

А н ю т а. Пусть же говорят, что хотят, только уж меня больше не проведут.

К о н е ц ч е т в е р т о г о д е й с т в и я

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Парамон и Аксен.

Аксен. Да, вот какой! я бы шестера четырс снял. Ведь мы играли-та в урывы; моя битка-та первая жохом легла. Теперь, чай, ребята все мои бабки расхватали, да и кону-та тарах дали.

Парамон. Экой пострел! ведашь ты, чорт ли теперь в бабки играет?

Аксен. Да, как не чорт? Все наши ребята играют; теперь где мне бабок-та взять? Ведь ты не купишь?

Парамон. Дурак вислоухой!

Аксен. Да, вислоухой! хоть бы битки-та ты дал мне подобрать! ведь битки-та у меня свинчатки.

Парамон. А вот я тебе такую отвешу свинчатку по уху, что ты у меня растянешься на сырой земле, ведашь ты, я баю не о бабках. Ступай-ка жениться. Анюту-та мы убаюкали.

Аксен. Да, убаюкали, а бобыль-та что? Он только и знает, что кулаки вострит на меня, да так на меня поглядывает, как словно ты на батраков, когда их таскать захочешь; да он говорит еще, что Анюта: плевать на Аксена, что ты, бачка, жид, что богатые мыши сидят в крупах, как в деньгах; да и чорт знает, где все упомнишь. Смотри ж, бачка! ведь ты мне велел жениться-та на Анюте, так пусть Матюха-та зато колотит тебя, а не меня.

Парамон. Не бойсь, дурак, не бойсь, уж мы Матюху-та отделали на обе корки.

Аксен. Ой ли? Ай, бачка! так уж ты колотил Матюху-та?

Парамон. Вот, стану я руки марать об этаку животину! Вишь, Анюта проведала, ведашь ты, что Матюха-та мошенник, так теперь идет за тебя сама.

Аксен. Сама? так я и женюсь на ней?

Парамон. Уж конче женишься, я те в том; ведь я те, проховый, затем и сочил; ведь Анюта-та гораздо лучше твоих бабок, ведашь ты.

Аксен. Ведашь ты, Анюта лучше бабок! так, бачка, так!

Парамон. Смотри ж, ведашь ты, как женишься, так в бабки-та уж не играй.

Аксен. Ну, так я, как женюсь, буду только вороньи гнезда разорять.

Парамон. И того не нада, ведашь ты, это не годится.

Аксен. Так, женясь на Анюте, что ж мне делать-та, бачка?

Парамон. Уж она те научит, ведашь ты.

Аксен. Научит, бачка? да ты вот чему ни учишь меня, все дерешься, ну, как и она так же меня учить будет? Я и от твоих колотушек чуть не оглох, а как вдвоем-та будете колотить, так я буду совсем глухая тетеря.

Парамон. Ты не глухая, а глупая тетеря, ведашь ты; она те будет беречь, да лелеять.

Аксен *(весело)*. Беречь, да лелеять.

Парамон. Цаловать, да миловать.

Аксен *(прыгая с радости)*. Цаловать, да миловать! ну же, бачка, жени меня поскорее, а то ведь охота пройдет, я опять убегу в бабки играть.

Парамон. Что ты будешь делать с розинею? Что ты ему ни бай, а он все свое городит, вот толкуй ему что хошь, ни на что у него догадки нет.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Влас и Исавна.

Влас *(Исавне)*. Да зачем же ты се одну оставила? Вот теперь ее ищи, да свищи.

Исавна. Да я побежала в избу, сам же ты велел.

Влас. Велел, да разве у тебя у самой ума нет?

Исавна. Ум-та есть, Потапыч!

Влас *(передражнивая)*. Ум-та есть, Потапьевна, да видно его на ту пору чорт съел. Смотри ж ты у меня, естьли Анюта встретится с Матвеем, то ты у меня прощайся с своими боками. Смотри, пожалуй, Парамон Евсигнеич! упусти из рук Анюту.

Парамон. Анюта твоя, ведашь ты, как клад не дается.

Исавна. Да вот как враг у меня на ту пору память отнял, чтоб ее с собой взять.

Влас. Ворона разнокрылая, да для чего ж мы и ладили-та?

Исавна. Что делать? На грех мастера нет.

Влас. Что ты станешь с этой бестолковой головой?

Парамон. В самом тебе ладу-та нет, ведашь ты.

Влас. Как? Во мне ладу нет? Да что ж мне делать-та?

Парамон. Тебе бы надобе, ведашь ты, самому не зевать, а на Исавну надеяться нечего; жена умне мужа не бывает.

Влас. Послушай, Парамон! коли уж я мало для тебя ладил?

Парамон. Мало ли, много ли, только Анюта-та запсалась и бог знает куда, а ведь я дал деньги, ведашь ты, а чорт те знат, уж ненароком ли ты позабыл?

Влас. Что? Нароком? Парамон! курицу три деньги дать, да и у той сердце есть.

Парамон. Да что ж ты задумал, ведашь ты, кочевряжиться, что ли, надо мной? Так я те не чурка достался; смотри, пожалуй, он же меня, как дурака, ведашь ты, за нос водит, да он же и голову кверьху поднимает. Я, брат, ведь деньги дал, так ты от меня не отъедешь, ведашь ты.

Влас. Да разве я твоими деньгами-та покорыстовался, что ли? Ведь одне деньги-та твои и вяжут меня, а без того, чорт ли бы мне велел отдать девку за такого неотесаного болвана, каков твой сын. Что ни говори, а девка-та посмотрит, посмотрит на лешего-та, да за неволю вздурится, ведь золотое-то платье на грядке, а дурак-та на шее.

Парамон. Ан, оно так-та и есть, ведашь ты, так ты только что меня морочишь, да казокаешься, да деньги-та у меня выманиваешь, аль разжихариться этим хошь?

Влас. Что ты же из полушки давишься, так и всех по себе мекаешь.

Парамон. Да где ж Анюта-та твоя, подавай нам ее сюда, а без этого я не честью с тобой поступлю, ведашь ты.

Влас. Не честью? Да что ты это затеял? Что ты богат, так неужто всему околодку тебе кланяться! да коли ты такий шустрый, так не честью-та я и сам провожу, ажно хребет затрещит.

Парамон. А вот, ведашь ты, я те вмиг покажу, что я мастак вашу братью и по усам гладить, коли ты зафоркал, то я так хвачу, что скулы зазвенят.

Исавна *(став между ними)*. Ах ты, наян провальной! да что ты у меня на мужа-та наскакиваешь? Да разве у меня бог отнял силу в плечах, да я сама растянусь на месте, а мужа не выдам.

Парамон. Исавна! прочь поди, не твое дело, ведашь ты, зашибу.

Влас. Что? Жену мою трогать?

Исавна. Не мое дело, когда на мужа нападают? Какая

жена мужа выдаст, а я тебя чем ни попадя, я тебя всего искусаю за мужа, коли сила не возмет; откачнись без греха, а то быть тебе либо без глаз, либо без бороды.

Аксен. Что, бачка? Это не батраки, да не я; нас-та ты потаскиваешь по своей воле, а тут что взял?

Парамон (*толкнул его*). Пошел ты, негодная животина! я тебя...

Аксен. Да что ж ты так больно толкаешься? Вишь, у них грыб съел, так и хочешь все на мне выместить; разве я виноват, что они тебе драться не даются.

Влас. Да об чем еще ты разорался так? Может еще Анюта и не видала Матвея, так дело-та и не испорчено.

Парамон. Да ведь ты сам, ведашь ты, говорил, так и я на тебя глядя то ж подумал.

Влас. Я подумал о своей дочере, так мне и подумать-та можно, я крикнул на жену свою, так я ей муж, для чего мне не кричать на нее? А тебе в чужи дела и мешаться-та бы не надобне; да вот и Анюта идет, ахти, и Матюха с ней, да и холоп-та тут же; пропали мы теперь, все перепорчено.

Парамон. Уж не даром, ведашь ты, меня сердце взяло.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Анюта, Матвей и Хватов.

Анюта (*отцу*). Что это, батюшко, годится ли вам меня, бедную, обманывать и с Матвеем ссорить? Ему и во сне не грезилось жениться на Маланье.

Влас (*Хватову*). Не выдай нас. (*Вслух.*) Да ведь вот он от барина приходил, хошь у самого спроси.

Матвей. Да он-та и говорит, что вы на меня взвели эту небылицу .

Влас. Как-ста небылицу? Да ты ведь при Анюте прибег сюда, я уж и в погреб сходил.

Хватов. Полноте, старики, пустошь-та городить. Разве не вы меня научили все это сказать? Забыл ты, староста! ты еще и денег мне дал.

Влас. Так подай же мои деньги назад.

Хватов. Нет, право? Как не назад! я свое дело сделал, солгал точно так, как тебе хотелось, а ведь я не рядился все лгать, надобно когда-нибудь и правду сказать.

Парамон. Да разве они тебе за правду-та так же заплатили?

Хватов. Нет, я лгу только за деньги, а правду говорю даром, однако ж мне недосуг с вами вздор молоть; меня барин послал, так надобно его приказ исполнить. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, кроме Хватова.

Влас. Вот, Исавна! ан, мои-та слова и сбылись, а все ты это промигала.

Парамон. Кабы ты сам меньше мигал, ведашь ты, так бы не то и было .

Анюта. Посмотри-ка, батюшко! как Матвей-та меня любит! ему бог дал денег, он их тотчас ко мне и принес; вон сколько.

Влас. Ахти! да все серебряные. Да где ты взял эку пропасть?

Матвей. Где ни взял, да взял; ну, что теперь скажешь? Естьли чем мне жену кормить?

Влас. Да где ты деньги-та взял? Я это знать хочу. Полно не подтибрил ли ты где их?

Парамон. Да, ведашь ты, и взаболь так; памяташь ты, он похвалялся? Так, чтоб чем-нибудь да укусить меня; он верно это меня обокрал.

Матвей. Не с ума ли ты сошел, старый пес?

Парамон. Да неча, старый пес! Я те знаю: ты хоть голо, да зло.

Влас. Да чуть ли не так, Парамон? и я теперь вспомнил, что он похвалялся, а денег-та видишь какая охапка.

Матвей. И ты, староста, тут же! я сроду ничего не крадывал.

Влас. Крадывал ли ты, не крадывал ли, только верно ты Парамона обокрал.

Анюта. Батюшко! как это думать? . .

Влас. Молчи, негодная!

Исавна. Досталось было мне за тебя, да теперь ты у меня в кохтях; я тебя из рук не выпущу.

Парамон. Свяжем-ка его, ведашь ты, чтобы он не ушел.

Матвей. Меня связать?

Влас. Да, тебя связать, да и теперь же скажешь, не бойсь, где ты деньги взял?

Парамон. Чего где взял, ведашь ты, где взять, коли не у меня? Аксенка! сойми-ка с себя опояску-то.

Аксен. Опояску снять! изволь, бачка!

Анюта. За что его вязать, батюшко?

Влас. За что его вязать? Матушка, уж и ты не вместе ли с ним на добыче-та была? Подай-ка сюда опояску-та. Парамон, пособи мне!

Парамон. Как не пособить, ведашь ты.

Матвей. Смотри, брат староста! чтоб не было азадков.

Влас. Не грози, Матвеюшка! я с твоих-та гроз, вишь каков взрос. А вот я тебе руки-та скрутя, да с понятыми в город отошлю.

Анюта. Чем в город, лучше к барину, у нас барин здесь.

Влас. А вот я языку-та твоему дам каши, забудет он у меня болтать. *(Вяжут Матвея.)* Пока в город-та спровадим, в то время и свадьбу сыграем. Так ли, Парамон Евсигнеевич?

Парамон. Дельно, ведашь ты, дельно, а как свадьбу сыграем, я прощу ему эту покражу, а без того и не думай.

Влас. Покайся с доброй воли, так я и понятых сбирать не стану. *(Исавне.)* А ты пошла домой, да наряжай Анюту к венцу.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же, Честин, Евгения, Хватов и Анисья.

Честин. Что это? Староста! за что вы его связали?

Парамон. Помилуйте, сударь! он обокрал меня; вот видите, сколько денег у него?

Евгения *(Честину)*. Это те деньги, что мы ему дали. Не врешь ли полно ты? Поймал ли ты его?

Парамон. Я не поймал, сударыня! ведашь ты, я еще и дома-та не бывал, да уж верно знаю, что он меня обокрал.

Влас. И я слышал, как он похвалялся.

Честин. Развяжите его. *(Развязали.)*

Евгения. Как же? Ты дома не был, а знаешь, что тебя покрали?

Парамон. Да, боярыня! кроме меня, ведашь ты, ни у кого в селе серебряных денег нет.

Матвей. Да у бояр есть, это ваши деньги, что вы мне давича пожаловали.

Анюта. Баре Матвею деньги пожаловали!

Честин. Матвею! тебя Матвеем зовут?

Матвей *(кланяясь)*. Так, сударь! покойница матушка ваша меня жаловала, любила, как мать родная. Она меня взяла в дом сиротинкою, и я служил ей верою и правдою.

Честин. Так это ты тот Матвей? Хорошо, что я тебя узнал, и я тебя буду любить.

Матвей *(кланяясь)*. Благодарствую, барин.

Честин. Да с чего же староста подозревал тебя?

Матвей. Я люблю Анюту, его дочь. А он ее сватает за Парамонова сына; так оттого вся и беда-та на меня всклепана.

Честин. Да Анюта-та любит ли тебя?

Анюта. Я давно его полюбила! да батюшко насильно меня выдает за дурака Аксена, вот за этого. Он богат, а Матвей нет.

Честин. Слушай, староста! естьли дочь твоя любит Матвея, а он ее, так для чего их не женить?

Влас. Воля ваша! мне тут что говорить.

Честин. Женитесь, я этого хочу.

Матвей и Анюта (*упав к его ногам*). Ай, барин! ты воскресил нас.

Влас (*Парамону*). Ну, Парамон! видишь сам.

Парамон. Как не видать! вижу, ведашь ты.

Евгения (*Парамону*). Ты у меня вперед никаких обид не делай. С чего ты это всклепал покражу на человека, который нимало не виноват? Дурак!

Честин. Простите ему для счастья этих молодых людей. Я слышал, ты охотник сад разводить. Ты будешь у меня здесь в селе садовником, и я тебе дам жалованья вдвое против городского моего садовника.

Анюта. Так, сударь! нас с ним двое, так и жалованья вдвое.

Аксен. Вот, бачка! только ты меня даром от бабок-та оттащил, я бы теперь так-та разве в кон щелкал, ин-да бы все ребята на меня зарились.

Евгения (*давая им денег*). Теперь вас женят, вот вам на свадьбу.

Честин. Сударыня! мне совестно.

Евгения. Пожалуй, сударь, не мешай мне, посмотри, какая парачка предарагая! прикажи им песенку спеть, да поплясать, а мы на них посмотрим, пускай они при нас повеселятся.

Честин. Слышите, вам барыня приказывает.

Петь песню русскую одной Анюте или обоим, как хотят играющие. Плясать должно обоим.

Исавна. Сокровище мое! как она поет, да и Матюха-та горазд, собака.

Влас. И мне на них глядя любо стало. Слушай-ка, Парамон! твой Аксен ни попеть, ни поплясать, ни в дудочку поиграть, так видно ему на роду написано не владеть Анютой. Исавна! семка и мы тряхнем на старости; бояра велят веселиться, так они на нас не прогневаются.

Исавна. Так, ин, будь по-твоему.

Все поют и пляшут, кроме Парамона и Аксена.

Аксен. Бачка! поплясал бы и я, кабы умел.

Парамон. Чему ты горазд! твое дело не плясать, а отвсюду бегать со стыдом.

Аксен. Ин, побегу ж я в бабки играть. (*Уходит.*)

Парамон *(отходя)*. Провались ты к чорту; деньги-та я только потерял, ни дай, ни вынеси.

Честин *(Евгении)*. Я очень рад, что их забава вам приятна. Ах, неужели состояние господ столь бедственно, что надобно завидовать счастию крестьян своих? сколь ни утешно делать других счастливыми, но естьли сделанная нами отрада другим напоминает нам самим сердечную горесть и скуку, тогда...

Евгения. Ты победил меня; ты не будешь им завидовать, их радость не будет тебе напоминать, я с восторгом душевным отдаю тебе мою руку.

Честин *(целуя ее руку)*. Ожидал ли я такого благополучия?

Хватов. Неужто мы с Анисьей только должны будем завидовать и крестьянскому и барскому счастью?

Честин. Чего вы хотите?

Хватов. Того же, сударь, чего и вам захотелось.

Евгения *(Честину)*. Ведь ты согласишься?

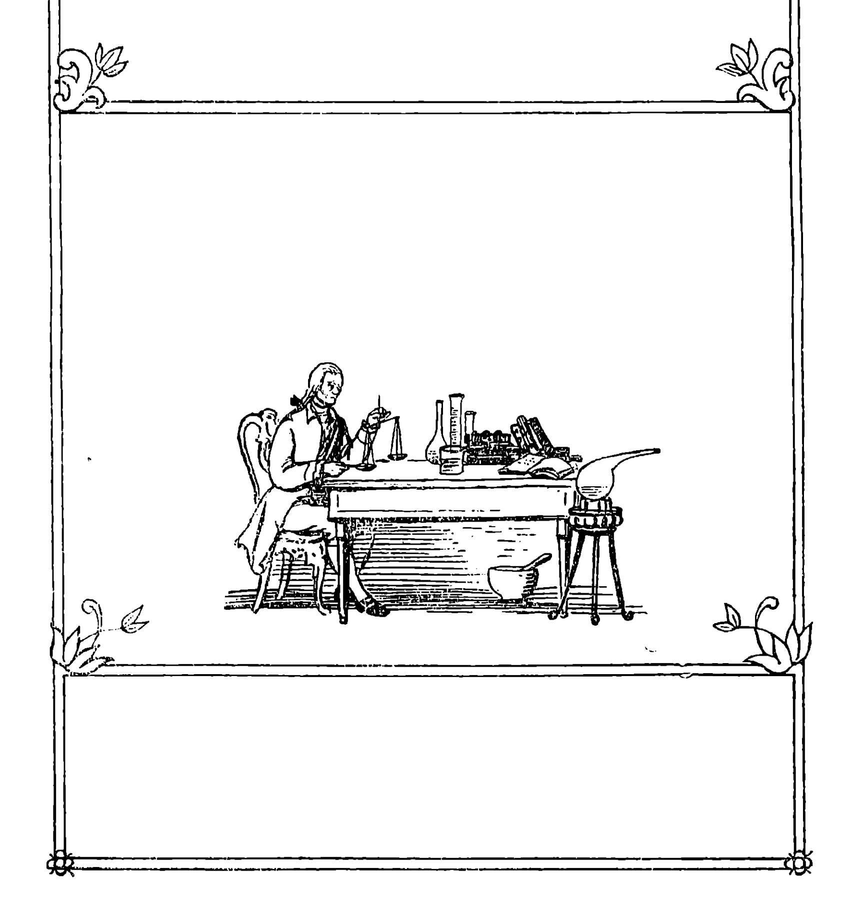
Честин. Без всякого сомнения.

Хватов. О, так и все дело сделано. *(К зрителям.)* Здесь женются разом барин, бобыль да слуга: прошу угадать, кто кого счастливее.

Конец комедии

А. И. КЛУШИН

АЛХИМИСТ



АЛХИМИСТ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вскипятилин, хозяин дому, алхимист

Здравомыслов, друг его Ротмистр Рубакин Криспин Разгильдяев Ветхокрасова Сгорепьянов, живописец Лекарь Смертодав	Сии семь лиц играет один актер

Действие в доме алхимиста

ЯВЛЕНИЕ I

Вскипятилин сидит у стола, на котором накладены разные книги, бумаги и пузырьки; вдали видна химическая печь; а на столе же стоит стеклянная колба.

Вскипятилин (*развешивая на весках, говорит*). Пол унции * прибавить, две драхмы * отнять, пересальвировать * сатурнову * бороду, усмирить летучий меркурий,* и будет успех несравненный, а счастие мое совершенно; о, алхимия, алхимия! Священная дщерь природы! приди на помощь к слабому смертному, ищущему тебя целые тридцать лет.— Приди, отверзи умственное мое око на познание твоего таинства! а вы, прошедших времян немерцаемые звезды, Парацельз *, Жермен * и Теофраст *! бодрствуйте и рачите о мне, вашем усердном последователе! О, как велик будет тот день, в которой я узнаю тайну философского камня *; сколь избыточно награждены будут без сна проведенные мною при колбах и печах ночи, и прожитые мною семьсот душ при искании сей тайны возвращены будут с лихвою. А ты, любезной друг Здравомыслов, будешь тогда как рак на мели; нечего тогда уж будет возражать о месте философского камня; и лишь только ты разинешь рот против таинственной алхимии, а я тебе его и заткну добрым куском чистого золота. То-то будет весело! он слово, а я куском; он другое, а я вдвое больше, и он сделается, наконец, безгласен.— Давай! давай стараться, как можно больше; все в свете зависит от случая и удачи.— Но это кто?

ЯВЛЕНИЕ II

Вскипятилин и Рубакин.

Рубакин. Слуга покорный! не ты ли господин Вскипятилин, тот славный алхимист, которой составляет какое-то бессмертное лекарство для людей, для скотов и для себя?

Вскипятилин. А что вам угодно?

Рубакин. Во-первых, я рекомендую себя: я ротмистр Рубакин, от роду мне 45 лет, в службе с 751 году мая с 1-го числа, холост и детей не имею: во-вторых, я столько изрубил турок, прусаков, татар и шведов, сколько ты проглотил пилюль во весь свой век, и ежели б попались мне под палаш голландцы, италиянцы, англичане, саксонцы, японцы, валахи, жиды, грузинцы, китайцы, армяне, греки, молдаваны, правоверные и неверные, то я бы не пощадил из них никого. Да, кстати, не хочешь ли ты я и тебя для препровождения времени в куски изрублю?

Вскипятилин. Такая храбрость делает вам честь.

Рубакин. Честь или нет, для меня все равно. Я разбиваю стены, взрываю башни, раскидываю батареи, простреливаю мужчин и женщин, колю и рублю всех, кто мне ни попадется.

Вскипятилин. Это действительно храбро.

Рубакин. Ходить на одной ноге, иметь обе руки простреленные, зубы вышибеные прикладом, плечо проткнутое штыком, лоб и щеки изрубленные крест-на-крест; все это для меня так приятно, как братская красауля * после пятичасного сражения.

Вскипятилин. Это удивительно!

Рубакин. Обращение в свете, обхождение с женщинами, театры, балы, маскерады, волокитствы, любовь, жалость, сострадание, нежность, чувствительность, художества и науки столько ж мне известны, как и арабской ваш язык, о котором я не имею ни малейшего понятия.

Вскипятилин. О! так вы очень учены.

Рубакин. Учен! а на что бы это? Ха! ха! да не думаешь ли ты, что надобно быть учену и разумну, чтоб быть счастливу? Нет, чорт меня возьми! Это пустое; я ни одного еще не знаю так счастливого с умом, как без ума; почтенного без заслуг, как. . .

Вскипятилин. Вы, я думаю, знаете, что фортуна не что иное, как вертящееся колесо, которое. . .

Рубакин. Упадает иногда на дураков, хочешь ты сказать? Так, чорт меня возьми! так, и не много труда стоит это заметить, ежели взглянешь хорошенько.— Но бросим это.— Ты знаешь, зачем я к тебе пришел?

Вскипятилин. Нет, еще не знаю. Скажите, чем могу вам служить?

Рубакин. Я пришел у тебя просить твоих бессмертных каплей.

Вскипятилин. Для вас, сударь?

Рубакин. Нет; для моей верной лошади.— Чему ж ты удивляешься? Знаешь ли ты, что она вынесла более тридцати походов, была на сражении противу турок, прусаков, польских

конфедератов и шведа; ранена в обе передние и в одну заднюю ногу, и ничего за это не получила; тебе известно, каково люди награждают заслуги; то я, вопреки честолюбивому их мнению, хочу сам моего рыжика наградить, а потому и решился сделать его бессмертным.

Вскипятилин. Как! лошадь бессмертною. Да разве вы не знаете, что это участь только людей?

Рубакин. Которые по часту бывают бесполезнее лошадей: но оставим их.— Давай мне каплей-то.

Вскипятилин. У меня нет, сударь.

Рубакин. А сам-то какие ж пьешь?

Вскипятилин. Я и сам никаких не пью.

Рубакин. Разумею! так ты не что иное с своею алхимиею, как шарлатан.

Вскипятилин. Государь мой!..

Рубакин. Наука твоя не что иное, как дурачество.

Вскипятилин. Государь мой!..

Рубакин. Упражнения твои истинные сумасшествия...

Вскипятилин. Государь мой! я выхожу из терпения...

Рубакин. ...и что надобно тебя по-настоящему засадить в смирительной дом: — прощай!.. чорт меня возьми! ты очень смешон. Ха! ха! ха! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Вскипятилин (один).

Вскипятилин. Вот — то-то истинная скотина из всех кавалеристов.— Странное дело! все вооружены против священныя алхимии; все действуют против просвещения и науки.— О, невежество! о, нравы! долго ли будет оставаться нам в странном закоренении! — все люди уверены, что нельзя вдруг достигнуть без труда ни до чего без науки, и что вдруг мастером никто не сделается, не бывши учеником; но в одних таинственных только познаниях не хотим быть ни учеником, ни мастером, а вот от этого-то и есть все люди на вон-тараты *; все почти в развращении или невежестве, а есть ли кто ни в том, ни в другом, так тот по уши в сумнении и недоверчивости; например, друг мой Здравомыслов, который столько умен, а вдвое недоверчив; да и то правда, что все основанное на премудрости и затруднении, кажется непонятно и лживо, а потому-то и осмеивают священнейшую алхимию.— Дай-ко тут же положить в горн остальные сто червонных, оне усилят состав.— Это что за человек?

ЯВЛЕНИЕ IV

Вскипятилин и Криспин*.

Криспин. Государь мой! вы меня, конечно, не знаете и верно оттого, что я с вами не знаком? впротчем это такая философская истина, которую бы и сам Сократ не оспорил.

Вскипятилин (*особо*). По лицу можно судить, что это плут.

Криспин. Так точно, сударь, знакомство и дружество суть такие качества сердца, которые похваляли все великие люди и истинные мудрецы, а особливо Цицерон *, и естьли б он о сю пору жив был (тут надобно приметить, что когда я говорю, что Цицерон не живет, то следственно он умер), итак, естьли бы он здравствовал, то бы, конечно, написал на наше знакомство прекрасную речь, наполненную витийства и риторических фигур.

Вскипятилин. Все это хорошо; но скажите, пожалуйте, сударь, кто вы таковы?

Криспин. Я пучина наук, бездна понятий, неизмеримость сведений, глубина познаний, а говоря ясно, обстоятельно, откровенно и дружески, мне все науки знакомы; то есть химия, медика, хирургия, математика, астрономия, живопись, поэзия, музыка и алхимия! и все это я так коротко знаю, как отца своего.

Вскипятилин. Но что, вы русской? или...

Криспин. Я сын целого света; дом мой Север, Восток, Юг и Запад, а родина в России.

Вскипятилин. В России?

Криспин. Да, сударь.— Но что касается до того, кто был мой батюшка, то я у матушки никогда не спрашивал; зная, однако ж, по истории почтенной нашей фамилии чрезвычайную его охоту к путешествиям, решился и я подражать ему.

Вскипятилин. Отец ваш также путешествовал?

Криспин. По Сибири; да еще и на казенной счет, где от чрезмерного прилежания к сниосканию золотых руд и жизнь свою окончил.

Вскипятилин. О! я вас понимаю.

Криспин. Итак, по страсти к путешествию, о которой я вам докладывал, и воспользуясь всем имением после отца пустился и я в путь.

Вскипятилин. В Сибирь же?

Криспин. Нет, сударь, в Москву. А чтоб поддержать свои расходы, то я принялся за игру.

Вскипятилин. За игру?

Криспин. Да, сударь, и что всего удивительнее, в две недели набрел я на даму *, которая мне рутировала * месяцов

шесть; выдернувши нечаянно и заметя, что она мне выиграла в один раз слишком сто рублей, разумеется с углом, начал я загибать ее более, и словом, чем чаще стал выдергивать, тем более выигрывал. Таким образом присвоил я себе до двадцати тысяч рублей.

Вскипятилин. До двадцати тысяч рублей! о! довольно много.

Криспин. Соскуча в Москве, еду я в Петербург; первое показалось мне странно, что как скоро выехал я из Москвы, то уж не было более меня там, и я беспрестанно встречал на дороге политиков без тонкости, судей без правды, купцов без торгу, офицеров без службы, мудрецов без мудрости, испытателей природы без малейшего понятия о физике, попадались и алхимисты по одному только названию, то есть совершенные дураки без ума. Э! да мне кажется, и вы тогда изволили быть в дороге?

Вскипятилин. Нет, сударь.

Криспин. Не были? — ну, да это все равно. Вы дома точно таковы! — но я наскучил всем, что имел и что видел, решился пуститься в чужие краи.

Вскипятилин. В чужие краи? о, как это далеко!

Криспин. Приискав корабль, качнул я в море; но удивляйтесь, что из этого вышло: вдруг востает сильная буря, ее преследует страшный вой; казалось, что сам Эол распустил пасть свою, солнце затмилось, луна побледнела, звезды попадали, море пришло в ужасное волнение,— якорь порвался, мачты затрещали, канаты полопались, лес завыл, берега пенились, град, снег, огонь, дождь, вода, воздух, земля, море, волны, короче сказать, корабль опрокинулся, и я очутился в той земле, жители которой предпочитают всем наукам аллегро, престо, модерато и адажио, где легкой смычок предпочитается математическим орудиям, где более награждают за хорошие ноги, нежели за цицеронскую голову, где самой маленькой член древнего антика* хранится в кабинете редкостей, как между тем тысячи живых умирают с голоду.

Вскипятилин. Вы мне рассказываете такие вести, которым едва можно верить.

Криспин. Ненавидя дурачества и вооружась охотно против суеверия и предрассудка, сочинил я сатиру на всех, начиная с их бургомистра до последнего читателя; чистые стихи, отборные мысли, естественные картины и перо неподражаемое заслужили их внимания, и я награжден был тюрьмою.

Вскипятилин. Что, что, сударь? тюрьмою?

Криспин. Так точно, сударь, тюрьмою, то есть меня управили в мрачное местечко; видя себя втиснутого в четыре стены

без окошек и зная, что чистое море окружает мою квартиру, решился я приняться за черную работу; вы, я думаю, знаете, что она прибыльна и что вмиг можно нажить минеральной кабинетец; имея заступ в руках, стал я доискиваться золотых и серебряных руд, но в надежде своей обманулся, прокопался несколько саженей земли, и меня поглощает влажная стихия, то есть попался я в чрево киту; вы знаете, что такое кит. Это такая рыба, внутренность которой так же пространна, как восточных государей.

Вскипятилин. Это все что-то непонятно.

Криспин. Господин кит, соскуча таким жирным куском, каков я, рассудил меня вытолкнуть из себя, и я попался между берегов Европы и Африки и переселился в преогромной город.

Вскипятилин. Как, вы и тут остались живы?

Криспин. Как видите; я думаю, всему притчиною небольшой мой магической прутик, которым я извлекался из многих пропастей.

Вскипятилин. Прутик? у вас есть прутик? Ах! нельзя ли мне его показать?

Криспин. Со временем. Естьли короче познакомимся. Великолепной город, о котором я вам докладывал, мне не понравился и я переехал в тот прекрасный уголок, где слава имеет свои олтари, на которых возжигают фимиам роскоши и своеволию.

Вскипятилин. Душистой помаде и желтой пудре.

Криспин. Точно так, сударь; придерживаясь философского мнения, что одни науки возвышают человека и отличают от скотов, каких видим мы множество, постарался я присовокупить к другим знаниям механику.

Вскипятилин. Механику! а разве она там в великом употреблении?

Криспин. О! сударь, этот народ имеет такие прекрасные машины, что не успеешь глазом мигнуть, как морально очистишь душу, а физически карманы. Хотите ли, чтобы я вам теперь же этим услужил?

Вскипятилин. О, я слуга ваш — за вашу механику.

Криспин. Ну, так со временем.— Страсть к наукам, а особливо к чрезъестественным, побудила меня перескорить оттуда во владение большой чалмы, и я в несколько месяцев облетел Сирию, Александрию, Палестину и жил два года в Медине.

Вскипятилин. В Медине! в этом городе, исполненном таинственных познаний! вот там-то, я думаю, эта наука в совершенной степени?

Криспин. Вот там-то не увернулся от меня и философской камень, помощию которого все известное механике и непостижимое метафизике превращаю я в золото прикосновением только маленького моего прутика.

Вскипятилин. Как! у вас есть философской камень?

Криспин. Конечно есть; да чорт бы тогда во мне было, когда бы у меня его не было? Снискавши таким образом все то, что только мне льстило, решился я объехать весь свет, смотреть, занимать, наставлять, просвещать и, слыша везде и ото всех, что вы великой алхимист, решился приехать к вам, чтоб свести с вами знакомство; минута эта настала, и я имею честь уж с вами беседовать.

Вскипятилин. Как! неужто обо мне знают и в тех местах, где вы были?

Криспин. Где я был? вы шутите, сударь! об вас говорят на земле, в воздухе, в воде, в огне, и даже выше известных звезд, населенных несметными существами, и я об вас слышал от гномов, сильфов...

Вскипятилин. От гномов, сильфов! что вы говорите, сударь?

Криспин. Стану ли я лгать? вы даже внесены в книгу животно-мыслящих.

Вскипятилин. В книгу животно-мыслящих! а! вы меня восхищаете!

Криспин (*важно*). Знайте, что алхимия самая высочайшая наука...

Вскипятилин. Знаю, знаю.

Криспин. Что философской камень найти безделица, и что им пользовались многие...

Вскипятилин. Верю, верю.

Криспин. Что золото польется ручьями...

Вскипятилин. Верю, верю.

Криспин. Что лишь стоит потрудиться...

Вскипятилин. Верю, верю.

Криспин. И что под моим покровительством, вы найдете его чрез три дни.

Вскипятилин. О конечно!

Криспин. Я что рукою махну, то у меня и кошелек с деньгами, а как скоро другою, то и галантерейная вещь. (*Говоря сие, крадет со стола кошелек с деньгами и часы.*)

Вскипятилин (*в восторге*). Верю, верю.

Криспин. Так верьте ж и тому, что я точно такой же алхимист, как и честной человек; — однако ж прощайте, сударь! — что все то похоже на правду, что я вам ни говорил. (*Смеется и уходит*).

ЯВЛЕНИЕ V

Вскипятилин (один).

Вскипятилин. Ах, верю, верю! о, великой человек! ты восхитил меня до исступления! О, божественная алхимия! Душа моя предается тебе без всякого колебания, без всякого размышления, вознагради меня, как приверженного тебе услужника. То-то я заблаженствую! до чего ни дотронусь, все превращу в золото, на что ни взгляну, все будет целительной состав и капли бессмертия! и все это будет чрез меня, которой первой из русских углубился в недра любомудрия.— Дай скорее положить остальные сто червонных, это усилит меркурий и вызовет молодую девицу * — давай работать! — Но где мой кошелек с червонными? Где мои часы? — куды все это девалось? ах! злодей! он меня обокрал своею механикою! караул! воры! воры — никого нет из людей моих! и послать некого. Пойду сам, догоню его, притащу в полицию — растерзаю! — люди! люди!

ЯВЛЕНИЕ VI

Вскипятилин и Разгильдяев.

Разгильдяев *(за кулисами)*. Я здесь, дядюшка, я здесь; защити меня! за мною бегут, меня хотят приневолить, чтоб я старую женщину...

Вскипятилин. Кого там еще чорт несет! Кто там такой? *(Увидя Разгильдяева.)* Зачем вы пришли, кто вас звал?

Разгильдяев. Да я сам прибежал; когда за мною гонются, так разве мне не бежать; нет, дядюшка, я этого не сделаю.

Вскипятилин. Да зачем вы сюда пришли? я у вас спрашиваю.

Разгильдяев. Да то-то спрятаться-то; засунь меня, дядюшка, в такое место, чтоб меня не видали — небось я не дурак, дядюшка,— ась?

Вскипятилин. Да кто за вами гонится?

Разгильдяев. Экой ты! да женщина-то — у! да какая старая, как будто ты! да какая дурная, как будто ты же! — вишь ты, она хотела, чтоб я ее...

Вскипятилин. О, какой дурачина!

Разгильдяев. Дурачина, дядюшка.— Я, вишь-ты, был в рядах и покупал пряники; она меня увидела, заговорила со мной; сказала, что я красавчик, что она меня любит, да и хотела, чтоб я ее... *(В сие время начинает есть пряник.)*

Вскипятилин. Да чего ж она хотела?

Разгильдяев. Хотела, чтоб я ее любил.

Вскипятилин. Только?

Разгильдяев. А чего же другого, скажи-ка? Ну, а я, вишь-ты, дядюшка, старух-та не люблю. Вить я молод.

Вскипятилин. Так что ж она?

Разгильдяев. Ну! как я сказал, что не люблю, то она хотела меня приневолить. Я побежал, она за мною, побежал да и бросился в этот дом, бросился, да и прибежал к тебе.

Вскипятилин. Да зачем же ко мне? мне и без вас скучно. Вы бы могли куда-нибудь спрятаться в другое место.

Разгильдяев. В другое? — а куда ж в другое? *(Плачет.)* Мне некуды, а дом-то у меня далеко, вишь-ты, в Арзамасе, а я теперь еду в Петербург записаться в гвардию, дядюшка, в капралы.

Вскипятилин. В капралы? Это недурно, а много ли у вас эдаких в Арзамасе, как ты молодцов?

Разгильдяев. Все, дядюшка, робята-то не промахи. Небось, дядюшка. *(Садится на стол и роняет его.)* Ай! ай! что я наделал! *(Плачет и убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Вскипятилин (один).

Вскипятилин. Чтоб черти тебя взяли, проклятого разгильдяя,— он все мои лучшие снадобья перебил; будь проклят тот день, в которой узнала о мне эта скаредная сволочь. Возможно ли! нет ничего целого! ах! разбойник проклятой, дурачина премерзкой, все труды сделал хоть брось. Спирт! драгоценной мой спирт! и ты пролит до капли! а [я] целые шесть лет перегонял денно и ночно.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Вскипятилин и Ветхокрасова.

Ветхокрасова *(за кулисами)*. Не уйдешь, миляк, не уйдешь.

Вскипятилин. Это что еще за чорт валится? о проклятые негодяи, чтоб вас дьявол всех побрал!

Ветхокрасова *(входит)*. Не уйдешь, не уйдешь, мил сердечной друг. Ах! мой батька, да куды он девался? Куды ты его запрятал? да знаешь ли ты, что за него ты со мною не разделаешься. Я принужу показать мне его, в каком бы он месте ни был; так, сударь, покажи мне, я тебе сказываю.

Вскипятилин. Да кого вам, сударыня? Скажите мне скорее, кто вам надобен.

Ветхокрасова. Кого, сударыня? Господина Разгильдяева, этого прекрасного молодчика, в которого я влюбилась и которой мне более мил, нежели самая жизнь моя.

Вскипятилин. Ах, сударыня! Да чего вы от меня хотите? я, право, ни его, ни вас не знаю.

Ветхокрасова. Не знаешь? да ведаешь ли ты, мой батюшка, господин неуч, что я тебе со всею моею кротостию глаза выцарапаю, что я со всею тихостию не оставлю волоска на тебе.

Вскипятилин. Ах, сударыня! избавьте меня вашей кротости.

Ветхокрасова. Нет, батюшка, коли я на кого рассержусь, тогда не упросима, а коли злюсь, то свирепее самого дьявола, и коли свяжусь с кем, то никто меня не развяжет, хотя бы это была и самая полиция; когда влюблюсь в кого, то нежнее, нежели Венера в Адониса.

Вскипятилин. А это мне кажется вам бы уж и не под леты.

Ветхокрасова. Не под леты? — Да знаешь ли ты, сколько мне лет? и самые враги мои говорят, что мне не более пятидесяти, хотя в самом деле мне только тридцать два года.— Любовь и болезни иссушили меня.

Вскипятилин. Естьли б вы не сами мне это сказывали, я бы, право, этому не поверил.

Ветхокрасова. Не поверил! а почему бы? Любовь излишняя предосудительна, а посредственная честь делает; я же имела только трех законных мужей, с которыми и развелась законным же порядком, да любовников раз, два, три. . .

Вскипятилин. О погодите, погодите! я вижу, что вы их очень мало имели.

Ветхокрасова. Да так-то мало, что и пересчитать нечего, и посуди же, мой батюшка, что у меня и детей не было; да, да! не было; ах! я об этом очень часто плачу, да не хочешь ли, чтоб я теперь же заплакала?

Вскипятилин. О, пожалуйте, сударыня! от этого меня прошу уволить, я слез не люблю до смерти, и даже зрелищ тех не смотрю, где плачут, а потому не только трагедии, но и драм терпеть не могу; мне кажется, что в них совсем натуры нет.

Ветхокрасова. Во мне натуры нет? во мне натуры нет? да ведаешь ли ты, что во мне более натуры, нежели надобно быть. Я горяча до бешенства, до исступления, и рада зубами искусать, ежели меня сильно, да и сильно растрогают. Но скажи мне, с кем я по-дружески имею честь разговаривать.

Вскипятилин. Я алхимист Вскипятилин, к вашим услугам...

Ветхокрасова. Что? что, мой батюшка, ты Вскипятилин? Этот славной алхимист? Ах! как я рада, батюшка. Я в тебе надобность имею, не оставь меня бедную вдову и сироту, одолжи меня, позволь молвить на ушко, одолжи... да нет ли здесь кого? — одолжи такими каплями, от которых бы я помолодела, и такими притираньями, чтоб все мои морщины затянули.

Вскипятилин. Простите, сударыня, у меня нет для вас ни того, ни другого.

Ветхокрасова. И, батюшка! ты скромничаешь! особливо одолжи меня капельками от зубной болезни. Я одним года с два так мучусь беспрестанно, вообрази, как со мною подшутил проклятой лекарь! Сделалася в зубе у меня от боли дырочка и такая маленькая, что булавочная головка не проходила, он приказал мне залепить ее воском, а воск-та, батюшка, так ее разъел, что входит в нее палец; представь, батюшка, палец! вить эта не шутка! и своим неуменьем и лекарством чуть было не измучил меня, ни дай ни вынеси за что! пожалуй, одолжи ты меня своим...

Вскипятилин. Я бы вас с охотою одолжил, но у меня, право, совсем того нет.

Ветхокрасова. Так куда же ты к чорту годишься, коли у тебя нет? вы видно только на словах-та и знающи, а на деле и пошевелиться не умеете: ты, между нами сказано, с своею алхимиею так же смешон, как и лекарь с своими лекарствами. Прощай, сударь! ты ничего более не значишь в глазах моих, как обманщик и дурак.— Но я об красавчике-та своем и позабыла! пойду отыщу, полюблю, полюблю. *(Уходит и возвращается.)* Помни же, мой батюшка, что ты обманщик и дурак; так, сударь, обманщик и дурак! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Вскипятилин (один).

Вскипятилин. Тьфу, старая дурища! Знать чорт в тебе поселился; зла, как ведьма, влюбчива, как обезьяна, и глупа, как тупица. Прах побери всю славу, когда должно о ней говорить с дураками! самой несносной сегодни для меня день, драгун переломал было ноги длинною своею шпажищею, черный проклятой вояжор меня ограбил, дурак арзамасской дворянин перебил лучшие с снадобьями бутылки, а эта старая образина разругала меня ни дай ни вынеси за что, надобно признаться, что слава делается мне, наконец, несносною.

ЯВЛЕНИЕ X

Вскипятилин и Сгорепьянов (впохмель).

Сгорепьянов (*поет*).

Вино унынье разгоняет,
Вино нам нову жизнь дает,
Вино живит и укрепляет
И кисти смелость придает.
Без портеру, вина, пивища
Зарюмит всякой человек,
И после свой окончит век,
Как скот, осел иль дурачища.

(*Вскипятилину.*) Скот, осел иль дурачища, извини я откровенно говорю.

Вскипятилин. Вот кажется самой дьявольской пьяница.

Сгорепьянов. Ты не знаешь меня? да где тебе знать великих людей! ты об них понятия не имеешь.

Вскипятилин. Это я думаю оттого, что у нас их нет.

Сгорепьянов. Нет? Сбредил ты; я к твоим услугам славной живописец Сгорепьянов.

Вскипятилин. Фамилия, кажется, этого не обещает.

Сгорепьянов. По фамилии судить о достинствах! вечно бредишь; но выслушай, я тебе ее растолкую; она мною самим произведена из двух имен, из существительного и прилагательного, и хотя мне должно было назвать Горепьяной, но я перекрасил себя в Сгорепьяной.

Вскипятилин. Да что мне до этого за нужда? Скажите скорей наотрез, зачем вы ко мне пришли?

Сгорепьянов. Это бы было бессовестно, скверно, гнусно, подло и глупо, ежели б я тебе о том тотчас сказал; я ничего не люблю скоро делать, но все с расстановкою, а более потому, что моя кисть от большого употребления в работе ослабела. Я только пьяницей скоро сделался.

Вскипятилин. Без пути потратился.

Сгорепьянов. Еще сбредил, ты хотел сказать, что без притчины: да нет действия без притчины; я тебе это логически докажу, самые дураки, каких я вижу, извини, что не в единственном числе сказал, да самые дураки от того глупы, что в них ума нет.

Вскипятилин. Хорошо это все: будь по-вашему, да скажите мне, что принудило вам сделаться пьяницей?

Сгорепьянов. Ну! коли ты хочешь, я тебе скажу, я стал пьяницей от того, что мне в Англии, Италии, Франции и словом в целом свете отдавали справедливость и ценили мое

искусство как должно, мне говорили так, что я не хуже ни Апеллеса, ни Рафаеля, ни Рубенса, полно ты этих людей не знаешь: а как приехал сюда, то мне сказали, что я не умею порядочной черты сделать; тут надо, конечно, пить; так я и сделался пьяницей. Да не хочешь ли, я и тебя таким сделаю?

Вскипятилин. Как неужли не отдали вам должной справедливости?

Сгорепьянов. То-то что нет; да я бы от этого не был таков, каким ты меня видишь; приезжает сюда какой-то иностранной, и хотя он не только не был хорошей живописец, но не умел и кисти в руки взять. Меня к нему отдали в ученики. Как, знатному [художнику] быть в учениках у невежды? Тут я стал и более пить.

Вскипятилин. Да для чего ж вы на это пустились? Вы бы могли что-нибудь лучше предпринять.

Сгорепьянов. Да что лучше вина, чтоб быть пьяну? Как ты ни думай, ничего не найдешь.

Вскипятилин. Но естьли бы вы захотели постараться, верно бы нашли людей, которые бы вам пособили *.

Сгорепьянов (*с горячностию*). Что? Искать покровителей художнику? ах! Это у меня сердце рвется. Не думал я, чтоб ты меня разумел подлым человеком; пусть ищет тот покровительства, которой без него жить не может, достойного человека покровители одни достоинства.

Вскипятилин. Однако ж естьли бы вы отнеслись [к] кому-нибудь из знатных любителей, они бы, конечно...

Сгорепьянов. Они поддержали бы меня, хочешь ты сказать? — Ну, да у меня ни картин, ни денег нет, а без этого сам посуди, что сделаешь?

Вскипятилин. Коли так, то для чего ж вы не поехали в чужие краи?

Сгорепьянов (*с сердцем*). Для чего? для чего? пусть едет туда тот, кто своему отечеству славы не сделал, а я когда приобрел ее, неужли бы затем поехал, чтоб посрамить ее и показать, что могу дома с голоду умереть? — а ты видишь — нет, я этого не сделаю и не хочу, и бывши несчастен, быть неблагодарным и походить на тех, которые хотя все благословение имеют от своего отечества, но всячески поносят его (*сквозь слезы*), положим я скот, дурак, пьяница и никуда не годной человек, однако ж я столько люблю мое отечество, что прежде рад издохнуть, утонуть, зарезаться, опиться, сквозь землю провалиться, нежели не почитать его.

Вскипятилин. По-моему мнению, неблагодарным всегда надобно платить взаимною неблагодарностию.

Сгорепьянов. Чтоб я был столько низок, чтоб помнил зло? Нет, бредишь ты, я хочу быть лучше гол и пьян, нежели дурной человек; пьяной проспится, голой разбогатеет, а злобной никогда не поправится; это мое правило, потому что злобной человек похож на дьявола; он никогда не бывает собой доволен, всем завидует, всех уязвляет, сердце его наполнено желчию, которая, сопрягаясь с духом, делает, что... что... да нет, ты этого не поймешь.

Вскипятилин. Что же вы теперь хотите делать, чтоб быть счастливу?

Сгорепьянов. Пить; вот-те и вся недолга; связывают меня только жена и дети; да, мои дети, ей-богу, мои; они часто без куска хлеба сидят.— Вот от этого я нередко и пьяной даже плачу! *(Заплакав чувствительно.)* Эх! как мне их жаль! милые мои! любезные мои! я бы рад вам жизнь мою отдать, кровь за вас пролить, да нет уж не могу, я часто сам себе говорю: «пьяница негодной, пьяница премерзкой, полно тебе пить». Горесть мною овладеет, слезы польются ручьями, и я еще более напьюсь.

Вскипятилин. Так для чего ж вы напиваетесь?

Сгорепьянов. Для того, чтоб трезвым не быть. Это разумеется, что трезвой более чувствует своей горести, бедность, презрение, ничтожность, гонение и лютость рока своего; а пьяной когда-то там, то в ином месте выпьет, не только ни о чем другом не помнит, да и о себе позабывает; — да кстати, не хочешь ли ты, чтоб я тебе пропел любезную мою песенку, которую я сам сочинил. В ней описаны свойства и действия вина.

Вскипятилин. Нет, прошу меня от этого уволить, и скажите мне, какую вы во мне имеете надобность?

Сгорепьянов. Изволь. Зная, что ты великой алхимист, потому что это все говорят, пришел я у тебя просить каплей.

Вскипятилин. Каких, сударь?

Сгорепьянов. Чтоб хоть маленько хлебнуть — да лишиться навсегда жажды, то есть поскорей чтоб околеть.

Вскипятилин. Ах, сударь, да вить я не лекарь.

Сгорепьянов. Да ежели б я хотел от лекарских рук умереть, так я бы успел раз сто побывать на том свете.

Вскипятилин. Да зачем же дело стало?

Сгорепьянов. Затем, что оне даром и этого не сделают, а у меня денег нет. Ежели ты не веришь, спроси у тех, которые умерли, и они скажут, что смерть многие из них приторговали за хорошие деньги.

Вскипятилин. Я бы желал по вашей просьбе вам услужить, но у меня, право, право, таких каплей нет.

Сгорепьянов. Как! эдакой безделицы нет? так поэтому твоя алхимия сущий вздор.

Вскипятилин. Почему бы так, государь мой?

Сгорепьянов. Потому, что ты только проматываешь безрассудно свое имение, ты думаешь, когда я пьян, так и не знаю, что, снискивая философской камень, все почти деревни прожил, вещи, каменья позаложил, жену оставил без присмотра, так что другие принимают на себя твою должность, детей оставил без воспитания, словом, чтоб сказать решительно, ты совершенно с ума сходишь.

Вскипятилин. Государь мой! прошу меня оставить с своими наставлениями.

Сгорепьянов. Пожалуй, я пойду; да, я и забыл, что правду говорю; виноват! виноват! правда глаза колет, не тебе одному, а вряд ли не всех, на кого ни взгляни; прощай. *(Уходит и возвращается.)* Да, и позабыл сказать, ты мне не дал смертных каплей, так я иду теперь, будучи в крайности, к лекарю. Будь уверен, что которой-нибудь из них сжалится надо мною. Один рецепт, и поминай меня как звали, но только не забудь сказать: «вчера беседовал Сгорепьянов с нами»! — ах! Это у меня слезы вызывает; а между тем «вино уныньe разгоняет» * и т. п. *(Поет и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ XI

Вскипятилин (один).

Вскипятилин. Провались ты сквозь землю с своим проклятым уныньем! в невозвратимой бы те путь, беспутному пьянюге! О, ежели бы я имел те капли, которых ты от меня просил, то бы я тебя напоил и с головы до ног ими облил, чтоб заткнуть негодную твою пасть.— Я схожу с ума! Я прожил все именье! Ах! Это немного походит на правду! — Добро, оставим эти вздорные посещения и принимемся снова за работу.

ЯВЛЕНИЕ XII

Вскипятилин и Смертодав.

Смертодав. Слуга ваш, государь мой!

Вскипятилин. Кто вы таковы?

Смертодав. Я доктор Смертодав, которой от всей души желает вам две горячки, пять лихорадок, сыпь по всему телу,

колику, хирагру, подагру, каменную и все болезни, известные и неизвестные медицине и, наконец, антонов огонь.

Вскипятилин. Хотя избавьте меня ваших рецептов и вашего о мне попечения.

Смертодав. Ежели бы ты попался в мои руки, я бы тебя в два часа на тот свет отправил; мои больные никогда не бывают более суток в постеле.

Вскипятилин. Это, я думаю, оттого, что ваши больные никогда не встают.

Смертодав. Я никогда не берусь вылечивать, но лечу, как и все другие, то есть наудачу.— Жив — хорошо, а нет, такая дурная трава из поля вон. Не прикажешь ли себя полечить? Я тебя двумя приемами с ног свалю и докажу, что ты преслабой комплекции.

Вскипятилин. Да скажите мне, за что вы хотите иметь меня в своих руках?

Смертодав. За то, что ты составляешь какие-то бессмертные капли и, следственно, вооружаешься противу судьбы, а более противу медицины.

Вскипятилин. Государь мой! верьте, что естьли бы я мог содействовать пользе несчастных, то верно бы употребил на то все силы, чтобы помогать благу человеческому.

Смертодав. Следовательно, уничтожаешь наше достоинство и искусство и стараешься сделать его нищим. Разве ты за ничто ставишь, что под моим надзиранием и от моих лекарств занемогут и помрут в год тысячи две человек? по рублю за смерть. Так великая сумма! Знаешь ли зачем я к тебе пришел?

Вскипятилин. Я думаю затем, чтоб меня полечить, но я, слава богу, здоров.

Смертодав. Да я не скажу, слава богу, что ты не болен! Я хочу с тобою колоться.

Вскипятилин. Чем прикажешь?

Смертодав. Чем хочешь.— Что у тебя есть, тем и коли меня.

Вскипятилин. Простите. Я не охотник до дуэли.

Смертодав. Я тебя принужу.

Вскипятилин. Да по какому праву?

Смертодав. По праву силы, обиды, разума; короче, я изрублю тебя, или защищайся. *(Обнажает шпагу.)*

Вскипятилин. Как! в моем доме такое насильство?

Смертодав. Хотя бы и в аптеке, мне все равно. Но бери шпагу, защищайся.

Вскипятилин. Государь мой!..

Смертодав. Защищайся, или клянусь Иппократом * и Галеном *, что в куски изрублю.

Вскипятилин. Эй! Кто-нибудь! — нет никого! — что делать, так и быть; давайте я буду отпарировать.

Смертодав. Мне все равно, лишь бы убить тебя; раз, два, смерть! *(Вышиб у него шпагу.)*

Вскипятилин. Люди! Люди!

Смертодав. Клянись, что ты оставишь алхимию.

Вскипятилин. Клянусь всем, что есть свято!

Смертодав. Что никогда не примешься ни за колбу, ни за ретурду *.

Вскипятилин. Не примусь никогда, и в том божусь всей медициной.

Смертодав. Так и я божусь, что я истинной твой друг Здравомыслов. *(Обнимает его и скидывает с себя парик и плащ.)*

Вскипятилин. Кого я вижу?

Смертодав. Истинного своего друга — друга, который любит тебя, советует и просит перестать следовать за мечтой, которая очаровывает твой разум и приготовляет неизбежное тебе злополучие; войди в себя, обрати внимание на свое семейство, оно тобою страждет, тобою повергается в горесть; с гласом друга соединяю голос нежной твоей супруги, любезных невинных детей — брось все то, что тебя ослепляло, расстроивало и приготовляло горестную нищету — несчастен обладающий богатством без пользы другим, но расточающий для гибельных прихотей — враг человечества!

Вскипятилин. Так! Ты просветил меня; и одним днем более ты мне открыл глаза, нежели тридцатилетние мои размышления; вижу бездну, в которую было себя и семейство мое низвергнул, равно ясно вижу, что всякая слабость, хотя невинная, когда дана будет ей воля, доходит до порока и преступления! *(К партеру.)* Милостивые государи!

Смеясь нас учит театр на тот конец;
Когда ж приобрели мы ваше к нам вниманье,
Оно бесценное за шутку воздаянье
И сочинителю венец!

Конец комедии

А. Д. КОПИЕВ

ОБРАЩЕННЫЙ МИЗАНТРОП,

ИЛИ ЛЕБЕДЯНСКАЯ ЯРМОНКА

ОБРАЩЕННЫЙ МИЗАНТРОП, ИЛИ ЛЕБЕДЯНСКАЯ ЯРМОНКА

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гур Филатач, помещик Лебедянского* уезда
Фекла Тарасовна, жена его
Микеша, сын Гура
Любовь, падчерица Гура, воспитанная в монастыре
Князь, приезжий знатной дворянин
Княжна, сестра его
Граф Достойнов, полковник с полком в Лебедянском уезде стоящим
Правдин, предводитель дворянства
Надоедалов, Гуров сосед
Затейкин, Простофилин — сержанты гвардии, женихи Любовины
Еремевна, сваха
Машинька, мещанка, воспитанная в монастыре*
Дурак Гуров
Дмитрий, управитель князя

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет деревенскую горницу Гура с лежанкой и скамейками, на стенах расставлены картины с Спасского мосту, как то: Бова королевич, Мамаево побоище и проч.

Дмитрий (один).

Дмитрий. Экой дом пропасной! .. хожу, хожу с час, а ни души християнской не вижу! .. Правдин умен, а такие глупые дела делает, что ни на что не похоже; влюбись, влюбись в таком омуте, где ни в барине ни в людях толку нет; благо своя воля; чорт ли ей велит в эдаком адове дне жить. Дорого бы я дал за то, чтобы мне его не любить, а Машиньке бы быть с горбом или с бельмом, чтоб она меня своею рожицею не сводила с ума. *(Слышит, что дверь скрипит.)* Кто-то идет, авось добьюся толку.

ЯВЛЕНИЕ II

Дмитрий и дурак.

Дмитрий *(обошедши кругом его и оглядев, склал обе руки, и глядит на дурака, а дурак на него; подождав, наконец, говорит)*. Говоришь ли ты, чудо морское? ..

Дурак. Как-ста не говорить.

Дмитрий. Так скажи мне, где Машинька?

Дурак. Ась? где Машинька? она вон тама. *(Размахнув руками врозь.)*

Дмитрий. Да где у тебя тама-та, урод!

Дурак. Ась? где у те тама-та, урод?

Дмитрий. Слушай! .. или ты позови сюда Машиньку, или я тебя прибью.

Дурак. Ась? .. или я тебя прибью?

Дмитрий (*толкает его в шею*). Чтобы чорт побрал этот ад, где ни одной души нет, которая бы знала по-человечески говорить.

ЯВЛЕНИЕ III

Дмитрий, Машинька (хохочет).

Машинька. Здорово, бедной Дмитрий! что ты с этим уродом поговорил?

Дмитрий. Хорошо тебе, что ты колдунья и из этих чудовищ умеешь делать, что ты захочешь; а я вышел из терпения и минуту позже бежал бы отсюда, да и не оглядывался. Что это у вас за чучела?

Машинька. Это у нас баринова забава, и нас здесь три: Марья старуха, Машинька, я, да есть еще Машка простоволосая босиком и в телогрее; да дело состоит не в том; ты бы должен подойти, да поцаловать у меня ручку за мои к тебе милости; ты знаешь, что я воспитана в монастыре, и что эдакому неучу, каков мой любезной Митинька, должно меня почитать.

Дмитрий. Вот, что правда, то правда! (*Берет ее за обе руки и цалует ее, обманув, в губы.*)

Машинька (*вырвавшись и ударив его в щеку*). Рано голубчик, вот тебе за твою скорость: а женишься на мне, так еще лутче будет.

Дмитрий. Это все хорошо, только ежели бы ты не видала и не учила дурных русских комедий, так бы ты за поцалуй пощечинами не платила; однако от миленькой ручки я все снесу. Поговорим-ка о деле, что твоя барышня?

Машинька. Моя барышня, ты знаешь, воспитана так чувствительною, что обо всех глупостях своего батюшки и матушки плачет, а у кого достанет слез, чтоб их все глупости оплакать?

Дмитрий. Правду сказать, глядя на них, есть о чем и заплакать; да скажи ты мне, зачем она из доброй воли у этих сахаров * мучится?

Машинька. Затем, что ты дурак и что ты не знаешь, что воспитание требует от благородной девицы, чтоб она без воли тех, от кого она зависит, ничего не делала.

Дмитрий. Ну! да ежели их воля будет, чтоб и из нее сделалась такая же чучела, как они сами?

Машинька. Она ею не сделается; а по чувствительности ее, не плакать нельзя, вышед из монастыря в такой свет, где первые люди, от которых она зависит, Гур да Фекла. Однако

я с тобою заболталась, а барин скоро придет. Поди и зови Правдина сюда обедать; хоть наши старики-та и будут на него коситься, да моя барышня его любит и ни за кем, кроме его, не будет, а пуще всего ежели за него вступится этот приезжий князь, так барин наш, чтоб подтруситься ему, все на свете сделает.

Дмитрий. Что он за него вступится, в этом сумнения нет, да боюсь, что князю-та нашему не до того; у него теперь сестрица оплакивает жениха, которой уж два года умер, и утешиться не может; вот как нашего-та полковника она увидит, так авось опять развеселится, и тогда уж примемся за вас.

Машинька. Долго же вас дожидаться, коли ей еще надобно с одним разлюбиться да в другого влюбиться; вить этого по моим мыслям в две недели не сделаешь.

Дмитрий. Нет, милая моя Машинька! об княжне так не думай. Она у нас ангел, весь дом глядя на нее с ума сходит; как она милостива! как она ласкова ко всем! покуда она не утешится, весь дом у нас тужить не перестанет.

Машинька. Хорошо, ну дай бог ей утешиться; ступай же, да скажи мой ответ Правдину, чтоб он приехал сюда.

Дмитрий. Ну! барину этот ответ хорош, а слуге-та что?

Машинька. А слуге-та приказ, быть впредь поучтивее, и коли он обожать меня не умеет, так, по крайней мере, бояться, как огня.

Дмитрий. Он тебя и обожает, моя жись, дай только срок до свадьбы-та, а то и я буду огонь! .. лишь не такой, которого бы бояться.

Машинька. Митинька, прощай, барин идет.

Дмитрий. Прощай! .. божество мое! огонь мой! Машинька моя! верь, что твои прелести столько долго останутся в моем сердце, сколько твоя пощечина в моей щеке. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Машинька, Гур и Надоедалов.

Машинька садится шить за пяльцы и поет песню. Гур садится на лежанку; Надоедалов с арапником ходит по горнице.

Гур. Что, брат Федул, губу-та ты надул? аль Вихра выдала? так на осину; дай бог мне столько рублей, сколько я их окаянных в одне Петровки перевешал, ну их к ляду; об том бы нам и тужить.

Надоедалов. Нет, батюшка, Гур Филатач, не Вихра окаянная у меня на уме; беда на беде да беда сверху, ведашь ты: хлеб не родился, скот повалился, сам не женился, а годы

бола пришли; ды на ту пору сделалась притчина,* вот те бог порукой, притчина.

Гур. И! .. не замай их, старой хрен! чему не быть, тому не бывать, а чему быть, того не миновать; будь его свята воля, будто на нас-таки и напущено! .. послуш-ка, девка-та живо мило поет. *(Мурнычит за нею.)*

Надоедалов. Да то она поет! .. поет, да не про нас, то-то и дело, то, как я те что порасскажу, так животики надорвешь. . .

Гур. И! .. брат Федул, брось! .. ну их к ляду, вить ты вить уж как примешься порассказать-та, так тебя только и слушай; брось, брат! так и быть! .. его свята воля! ..

Надоедалов. Да оно так! — его свята воля,— да смотри-ка ты, что наши соседи-те набедокурили,— я,— нагдышнева-ту русака в торака,— ды был таков от вас в отъежже поле, с Сидоркой-ту, Простофилиным да с этим — как его забыл и — ох, граф-ат, провал его возьми — наш-ту полковник — ну! .. так ему и быть; мы завернули к Сидору-та — говорим — здорова, брат — здорова, мал! — вот как здорова — он говорит: Сенюха! — чего дискать изволите? — псарь у него вершков десяти, хват такой — Семеном зовут — кровь с молоком! — Сенюха! — вели, брат, чайник согреть! — ну! — согрели чайник — выпили по чашке чаю — посидели — ну — знашь деревенско дело, не прикажешь ли вишневки, не прикажешь ли того-сего, другого, прочего. Давай, мал *,— что есть в печи, все на стол мечи *(смеется)* — забавник собака — малой жирной! — малой простой! — а угостишь! — ево подавай,— двор, как полна чаша — отец-ат, сам знашь, был мужик зажиточный — вот эдак — слово за слово — посидели — побалагурили — незнамо неведано откуда — Затейкин в двери — вот — как Затейкин в двери, взямши, глядь я на Сидора — Сидор наш сам не в себе — ну, наше дело сторона, мы ему поклон — здорова, Николай! — здорова, мал,— вот эдак путем чередом — я взямши говорю, Сидор! — чего дискать, мал,— что ди ты так принасупился? — ничего, мал,— вот как ничего — ан глядь поглядь, Затейкин зовет его на поговорку — знашь, при полковнике-та он не смел — пойдем говорить — тот — пойдем! — ну, вот как пойдем — ды пошли! — *(Между тем Гур дремлет и засыпает.)* Я графу-та, хашь * он молчаливой знашь, такой с нашим-то братом — он и не так чтобы — тавовона — однако я ему: ваше сиятельство! — что-то они не даром, не пойти ли нам туды? ну, слышь ты, не успел я молвить — бежит мой Сидор — слезы градом, ай, ай, ай! — ай, ай, ай! — вот как ай, ай, ай! — глядь и Затейкин ды к нему! — ды в ухо — ды в другое! — ды в третье! — я чтобы к Сидору — где! — и мой малой расхоро-

хорился — тот к нему — ан он и дверь на замок — ды бранить сквозь двери Затейкина-та смертно; я ему: — Сидор! — не балуй, брат! — брось! — ну, мал! — так и быть! — брось, брат! — ну, насилу рознял. Полковник мой — откуда взялись ноги — плюнул нам в рожу, ды домой,— смешно, чорт их возьми — ну! — кое-как помирились. В чем жа дело-то стало? .. и тот и другой вить ты — сватают в одном месте невесту — ну так у Сидора-та не тому чета — богатель-та * есть — 200 душ — да дом-ат, дом-ат — а тот только что прыток на слово, а ни в гумне кладушечки, ни в мошне полушечки,— а на ярманке ли — в Лебедяни ли,— на кулашном ли бою,— всех нас загоняет — что за гусары? что за прическа! — франт собака! — он жа видишь от строки, так Сидор-ат и струсил; теперь нада нам приготовиться, как бы еще при полковнике-та да при гостях-та не острамиться *(приметив, что Гур спит);* да что ж ты, Гур Филатач, здремал, кажется, я не долго толковал, эй, проснись, судырь! ..

Гур *(сквозь сна)*. Просну... усь! ..

Надоедалов. Проснись, говорят, эка притчина, нельзя дела поговорить, как раз заснет! — проснись! ..

Гур. Проснусь, проснусь...

ЯВЛЕНИЕ V

Фекла, Любовь, Микеша и прежние.

Надоедалов. Проснись, слышь, хозяюшка ваша пришла *(Кланяется всем.)*

Гур. Тьфу, беда какая, ну, вот и проснулся; вить ты вить уж как начнешь *(зевает)*, так как-та и дремлется, а дремать-та не дают. Здорова, жена! .. здорова, ребята! *(Микеше протягивает руку, он целует, а Любовь приседает.)* Эх, Любушка! что прибыли по-немецки-та кланяться, этому-та, матка, немка тебя в Питере-та и научила; я так не учу сваво, ничему не учу; вон у дяди-та у Простакова Митрофан-ат чему не учился? а дурак дураком; кучеру-та плуту * переплатили денег нивись что, ан, на них жа камедь * пишут. Смотри-ка у нас Микешка, то-та малой! *(Микеше.)* Что снопов вчера привезли?

Микеша. Без дву шестьдесят.

Гур. Хорошо, хорошо, брат, ну-ка, Любушка! что талек-ту * матка у тебя?

Любовь. Ай, fi donc *! батюшка, что за тальки-с?

Гур. Как, дура, что за тальки, да то-то бы те и знать-та, а то что ты думашь, клевикортами * да жеманством-та взять здесь? нет, голубушка, здесь этого не нада: вот у меня Фекла

Тарасовна куда ни поверни, за работой ли посмотреть, бывало с молоду, песенку ли спеть, что нам? что какой-та пропасной на нас на виршах стихи сочинил; я-таки и сам пою:

Нас с тобою, в свет натура
Создала без мыслей так;
Ты не винна, что ты дура,
Я не винен, что дурак.

Да таки пусть по их-та дурак, пусть умн-ат чахнет *(гладит себя по брюху)*, вот у нас, на домашних хлебах вскормлено, так ли, жена?

Фекла *(тонким голосом)*. Так, батюшка.

Гур. Не милей я тебе затейников-та?

Фекла. Так, батюшка.

Гур. Не замай же, и дети у нас также ж будут.

Фекла. Так, батюшка.

Гур. Эка ты, промолви что-нибудь, так да так; не даром ты по батюшке-та Потакальщикова, чорт ли в таке? дай то, аль другое, так ли, жена?

Фекла. Так, батюшка.

Гур. Ну ин так коль так, смотри-ка, глупа половина, какой-то слуга в галунах, чей-та эта. А... княжой управитель.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж и Дмитрий.

Дмитрий *(с узлом в руках)*. Князь и княжна приказали, сударь, вам кланяться и спросить, угодно ли вам, чтоб они к вам сегодни были!

Гур. Добро пожаловать, как не угодно; что ты, мой свет! мы рады гостям, да что это у тебя?

Дмитрий. Князь прислал вам из своей ранжереи артишоков и дыню.

Гур. Благодари, благодари жена! возьми, матка, да прикажи что-нибудь к княжне-та от себя.

Фекла. А что мне приказать-та, батюшка? я не знаю.

Гур. Любушка! вступись хоть ты, да возьми у него узел-та.

Любовь. Извольте-с,— пожалуй, скажи княжне, что я ей велела кланяться, и maman тож, да нет, нет, я лутче к ней напишу.

Гур. Вот то-та, девка, пиши, пиши, грамотница! по-вашему-та по-французскому-та я вить не знаю, как у вас там водится *(Любовь садится писать)*; что, брат, Андреич, не хошь ли водки?

Дмитрий. Вы, сударь, знаете, что я водки никогда не пью.

Гур. Ну ин ренскова, не чванься, брат, мы вить здешние жильцы, ты меня, а я тебя знам.

Дмитрий. Знаю, сударь, и слишком знаю, только ренскова вашего не нада, покорнейше благодарю.

Гур. Ну что Любушка, чем порадуешь?

Любовь. Написала-с.

Гур. Прочти же нам!

Любовь. Ma princesse *! жись моя! я вам очень рада, пожальте к нам сегодни кушать; мой papa и моя maman вам очень будут рады и приказали вас просить. Adieu, je vous embrasse *, прощайте-с.

Гур. Кто те знат, что ты напутала. Хорошо, братец, отвези княжне; хошь я и не понимаю, кланяйся, милости дискать просим.

Управитель уходит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те ж, кроме Дмитрия.

Гур. Ну-ка, Микеша! вели бурого-та в дрожки, да съездим, брат Федул, покуда на гумно; а ты, жена, смотри поопрятнее, да поучливее, так дело-то и в шляпе. Вот к тебе гостья, толкуй с ней.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Фекла, Еремевна, Любовь, Машинька.

Фекла. Вытте на час, нам нада поговорить. *(Машинька выходит, Любовь становится за дверьми и подслушивает.)* Здорова, Еремевна! добро пожаловать, давно уж ты у нас не гостила, садись-ка по добру по здорову.

Еремевна *(садится возле Феклы на скамейке)*. Давно, моя матушка! давно я те не видала; все за хлопотами, о том поговоришь, про другого сведаешь, третьего просватаешь, да за тем, да за другим, за тем да за другим, время-та идет да идет.

Фекла. Что новенького об ярмонке слышно?

Еремевна. Мало ли, родная моя! вот вить и я к вам не пир пировать, не ржи торговать, а так сказать, думу думати.

Фекла. Что б такое, мой свет?

Еремевна. Нет ли кого, моя мать! чтоб не подслушали. *(Тихо.)* Ну вот-таки у вас есть товар, а у нас есть купец, коли во святой час, так бы и по рукам.

Фекла *(в слезах)*. То оно так, моя мать! да вить каково расставаться с робенком-ту, она вить у меня одна одинешинька, как порох в глазе, вить ты, матка, не знаешь, каково с робенком-та расставаться.

Еремевна. Так, моя родная! да вить век не пережить с ними, лишь бы чилыек-ат попался, девка взрослая, здоровая на руках, чего ее дома держать!

Фекла. Будь его свята воля, я и сама, матка, замуж шла не по любви; пришли да сказали; за первого-та мужа, я бола отнекиваться, как покойница-та, не тем будь помянута, безменом меня отворочала, так и чорт *(плюет)*, прости господи, ангелом показался.

Еремевна. Ну да то о чем говорить, матушка! было бы слажено у родителей, где робенку толковать об муже. В старину-то и все было лутче.

Фекла. Кто ж, матушка, по-твоему купец-ат?

Еремевна. Мала ли, родная моя, нонче ярмонка; молодцов, как соколов; один другого лутче; где в прежни годы, статошно ль дело, то ли бывало; как наместничество открылось-та *, вот таки у вас из Питера-та подъехало соседей, чину большого, сам молодец, а дом-ат, дом-ат.

Фекла. Кто ж, моя родная?

Еремевна. Ну да вот таки Николай-та Назарьич Затейкин, чем не молодец? умен! то уж неча сказать, умен! он жа, матушка, всему обучен, видишь, он как-та в Питере-та, по французскому-та, что ли, научился, да что нам наизусть-та выучить, ан суды приедет, да сочиняет перед нами; ну! мы люди темные, нам где понимать, а дивуесся, дивуесся, как чего не понимаешьта; он же, матушка! в Приображенском-та полку уж сержантом служит.

Фекла. Правда, мать моя, то что умен-то умен.

Еремевна. Вот другой-та, об том я и не говорю, Простофилин-та, тот прост человек! то уж прост! что говорить; — ну да за то дом, как полна чаша, а в нонешнем быту, так права, у кого деньги, у того и ум; только видишь, одна на них беда.

Фекла. Что, моя мать, за беда?

Еремевна. Видишь, мать моя, про Любовь-ту Ивановну наш-та предводитель как-то проговаривал, ан оне его и боятся.

Фекла. Ах, он окаянной, ах, он бестия, ах, он каналья, да я вить думала Николай-та Назарьич, провал его возьми, моя мать; уж Правдин, не хочу и слышать; да он, матушка, дурак дураком, выдам ли я за него Любушку; не видеть ему ее, как ушей своих.

Еремевна. Ах, моя мать, вить ища * по рукам-та не ударено, ваша дочь, ваша и воля.

Ф е к л а. Так-таки, моя мать, не видать ему Любушки, где пить слыхано *, у девки 500 душ; да у ней будут женихи и не едакие; гол, как сокол, да где ему перед Николаем-та Назарьичем; да этот троих, как Правдин, продаст и выкупит; видали мы, матушка, правдивых-та судей этих; он, пожалуй, задумает, что он и Гура-та Филатача умнее, а я этих умниц-та не люблю, моя мать! таки не бывать, не бывать этой свадьбе; с честностью-та не много нонче возьмешь; что и честь, коли нечего есть, пословица-та нас поумнее.

Е р е м е в н а. Да я, матушка, не по нем и говорю, а видишь, мне хотелось, алиба Затейкина-та, алиба хоть уж Простофилина-та сосватать на Любови-ту Ивановне; он, правда, меня-таки и наградил по своей милости, однако суженого конем не объедешь; коли чему быть, того не миновать; а Правдина-та, мать моя! я-таки сама терпеть не могу; он, сказывают, умирает, да бог с ним, я ему зла не желаю, не замай его, умрет.

Ф е к л а. Так-таки, моя мать! я об нем не хочу и слышать; а постарайся-ка ты мне об Николае-та Назарьиче, уж куды смешон! забавник злодей! животики с ним надорвешь; да и девкам-та его как не любить! нагдысь * он с ними как-та затеял фанты, уморил меня на старости со смеху.

Е р е м е в н а. То уж забавник! что говорить. Вот нонче об ярмонке-та много молодцов, да что-то худо женются; я, права, стоптала, стоптала башмаков попустому; ища у покойного дядюшки-та *, как я ходила в ключах *, да была мамою Митрофана-та Терентьича, так тогда труда-та было и больше, да силы-та, мать моя, были не те; теперь и он женился, вот! вить говорили жа, плох да плох, а вить невеста пошла; деньги чего не делают, мать моя! уж я рада, рада была, как его, мое красно солнышко-та, сосватала. Барыня у него, дай бог здравствовать! такая дородная, такая плотная, а такая ж, как он, живут себе да денежки копят.

Ф е к л а. То-то и дело-то, мать моя, что нонче ум-ат не умен; как бы все растормошить, а кто собрать-та захочет, так и в дураках; вить говорено мало ли и про нас с Гуром-та Филатачем, да пускай нам худо, мы живем да живем. Однако прощай, мать моя! поди к Любушке-та, да поговори ей; она у нас такая плаксивая, не знаю в кого; ища вдруг возмешься, так и не сладишь, а богатая девка невеста на руках, так убережешь ли ее, я пойду поприбраться, к нам будут гости, суседи-та вон.

Е р е м е в н а. Ин будь по-вашему; прощенья прошу, матушка, Фекла Тарасовна. *(Цалуется с ней и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Любовь и Машинька.

Любовь. Подумай, Машинька! эта фатальная Еремевна пришла меня сватать за этого Затейкина, которого я терпеть не могу, которой так скушен! .. ай, да как он скушен! .. а Правдину хотят отказать дом, и матушка так сердита! — так сердита!

Машинька. Ах, сударыня! чего вы боитесь? у кого есть ум, 18 лет и 500 душ, кто того может принудить? такие ли бывали невозможности? вы Любовь сами, а любовь все на свете переделывает, о чем вам думать? Простофилин — дурак пошлой, а Затейкин дурак жа, да только умничает, что еще глупее: есть ли что несноснее, как полудурак над целым дураком расшутится? а мы это видим всякой день; вы приласкайте его при тетушке *, а я видела слугу настоящего жениха вашего и все будет сделано; он князю знаком, сюда будет с ним, а вы знаете, что батюшка и матушка готовы всячески князю подтрушивать из своего дела.

Любовь. Делай, что хочешь, Машинька, у меня ума не стало.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет дом князя близ ярмонки. Князь у камина читает книгу, Дмитрий входит.

Князь и Дмитрий.

Князь. Ну! что, братец, твой Гур будет ли дома?

Дмитрий. Будет, ваше сиятельство! и вот от падчерицы его записка к княжне; фрукты я им отдал, а что они из них сделают, того не знаю.

Князь (*прочетши*). Братец! это что-то ни по-русски, ни по-французски; однако отдай ужо сестре, как она встанет; да скажи пожалуй, что это за люди?

Дмитрий. Это, ваше сиятельство, Лебедянской дворянин, больше ничего, как Гур Филатач во всей силе этого слова, так как и жена его Фекла Тарасовна; а письмо это писала приехавшая недавно из Питербурга падчерица его, недурна собою, воспитанная в монастыре и выпущенная пред отъездом сюда.

Князь. Все это хорошо, только лутче еще будет, ежели он мне те 5000 десятин уступит без хлопот, которые и без того мне принадлежат, ежели не хочется ему заплатить иску; я прощаю охотно, ежели при этом мудреном воеводе Надоедалове он мог их себе несправедливо отмежевать: однако сколько уж лет наместничество открылось, пора бы уж и забыть, что делалось при старых-та воеводах; я думаю, что в совестном суде * все это скоро кончится.

Дмитрий. Это правда, что нонче не то: однако Гур все тот же Гур, ваше сиятельство, а вам известно, что дураки всегда упрямее всяких недураков; то надобно взяться иначе. Здесь стоит с полком полковник, человек разумной, которого все наши соседи и боятся и почитают; ежели бы он взялся ему поговорить, то, я думаю, его слово подействует над ним больше, нежели неприятности тяжебных хлопот, к которым эдакой Гур и привык и не боится.

Князь. А кто такой этот полковник?

Дмитрий. Молодой разумной человек, только так всегда задумчив и грустен, что его никогда веселого и не видывал: зовут его граф Достойнов.

Князь. Достойнов! .. я б желал с ним познакомиться, пошли к нему сказать о моем приезде, и что я желаю его видеть. Это верно брат нашего Достойнова.

Дмитрий. Полк его верстах в трех отсюда, и он верно будет скоро сам; он ездит иногда с собаками здесь, и хотя во всю зиму стояла здесь рота его полку, однако мы не только ни малейшей обиды от него не видали, а еще многие помощи по приказанию его имели по делам вашим; он много про ваше сиятельство и про сестрицу говаривал, и разговоры мои о вас его трогали.

Князь. Хорошо, пошли к нему или поезжай сам и проси его быть сюда или дать мне знать, когда я могу быть у него.

Управитель уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Князь (один).

Князь. Граф Достойнов! .. что б могло его трогать по смерти его брата, говоря обо мне? .. при всем том я желаю его видеть, хотя это огорчит сестру еще больше; ...сколько этот граф Достойнов стоил слез бедной моей сестре! вот она. Боже мой! как грусть ее меня трогает...

ЯВЛЕНИЕ III

Князь и княжна (с работой, в шляпе).

Князь (*цалует ее*). Здравствуй, сестрица! вчерась только приехала ты сюда, а уж выучилась вставать в 7 часов; когда это бывало с тобою?

Княжна. Я обходила всю деревню; утро прекрасное, и мне так весело было смотреть на наших крестьянских девочек, что я велела принести свои ленты и все им раздала; а у меня осталось только то, что ты на мне видишь; ты не можешь представить, как мне деревня полюбилась; какое сравнение с тем принужденным обхождением, с которым мы обращаемся между собою; я узнала здесь новой род людей, которые мне понравились, и точно знаю, что они искренно меня полюбили.

Князь. Жаль, душенька, что я не из твоих искателей,

я бы тебе на твои романические мысли сделал какие-нибудь нежные стихи; а так, как брат, которой очень тебя любит, скажу тебе в прозе, что эти мысли продолжатся в тебе до тех пор, покуда и деревня и эта искренность тебе надоедят до смерти, а там так же захочется опять в Петербург, как теперь в деревню.

Княжна. Нет! я не думаю, чтоб мысли мои зачали теперь вдруг переменяться, ежели они никогда переменчивы не были; не для того мне нравится деревня, чтоб я со многими другими согласилась, что при дворе или в городе нет людей честных и чистосердечных; я имею друзей и, знав их цену, предпочитаю деревню, не по досаде на городскую жизнь, а по склонности моей к уединению, которое и в городе в моих обстоятельствах было для меня приятно. Ты знаешь, отчего я еще до кончины батюшки переменилась, и с тех пор как перестала я думать о благополучии, то все места для меня равны, а уединенные приятнее.

Князь. На что ж было тебе переставать думать о благополучии, когда ты имеешь все, что к благополучной жизни подает надежду. Имея ум, воспитание, приятности наружные и богатство, что б могло тебе недоставать? ежели б только ты перестала думать о том, о чем батюшка думать тебе запрещал. Потеря твоя невозвратна, два года уж прошло, как графа нет на свете, а этого времени довольно, чтоб забыть его; ты плачешь! .. *(Берет ее руку.)* Прости мне, ежели я неосторожно напомнил тебе такое время, в которое ты довольно слез уж пролила, и вспомни, что вместо строгого отца, от которого ты зависела, с тобою брат твой и друг, которой жизни своей для тебя не пощадит.

Княжна. Конешно, братец! много утешает меня то, что я в любви твоей уверена, однако ежели дружба может услаждать наши горести, то как она слаба, чтоб их истребить!

Князь. Верь, что моя дружба не есть дружба обыкновенная; желаю, чтоб она могла твои горести и вовсе истребить: однако мне нужна для того совершенная твоя доверенность: успокойся, сядь и расскажи мне, что происходило у вас до возвращения моего из чужих краев; в три года много могло сделаться нового.

Княжна *(садится)*. Ты знаешь, братец, до твоего отъезда, как граф Достойнов, искавши моего согласия, слишком год всякой день был у нас в доме; что батюшка отличал его от всех молодых людей ему известных; не много труда ему стоило увидеть, что он мною еще больше был любим, нежели меня любил; достоинствы ввели его во все лутчие обществы *, и когда батюшке хотелось отдалить его от меня, то уж было невозможно, потому что граф везде со мной встречался; при всей любви

моей к нему трудно бы ему было получить мое согласие прежде согласия батюшки, ежели бы не нашел он способу уверить меня, что батюшка противиться не станет; тем получил он признание столько трудное для воспитанной девицы; на другой день, я не могу описать тебе, что сделалось со мною, как батюшка, призвав меня в кабинет, объявил мне однажды навсегда, чтоб знакомство мое с графом кончилось и что я его в доме нашем больше не увижу.

Князь. Я от часу больше нахожу причин жалеть о скором моем отъезде, этого бы многого не было.

Княжна. Этого не довольно: сколько могли сыскать дурных красок, то ими мне его описывали: даже находили в нем такие пороки, которые бывают в самых грубых и невоспитанных только людях, которых и имян знать я не умела; всему ж причина то, что он не богат, а при всех этих описаниях, ежели бы ты знал, братец! сколько одно воображение о нем все лжи на него выдуманные опровергало; он был в отчаянии и кроме чрезмерной учтивости искания ничем на сплетни моих родственников не отвечал, а мне оставалось только уходить из комнаты, когда начнут мне говорить, что он бог знает кто, что он упал с неба, что он ищет жениться из денежных расчетов, что он чужой ум выдает за свой, и тому подобные дурачествы; наконец, батюшка, видя, что я всем женихам моим отказываю, сказал ему (чего я по великодушию его от него никогда не знала): что ежели он не хочет видеть меня против воли выданную за другого, то чтоб он Петербург оставил; граф ни слова не сказал ему, сыскал меня в тот день в аглинском магазейне, я испугалась, увидя его вид, со мной была одна моя агличанка, без которой я никуда не выезжала, он от отчаяния был смелее обыкновенного, поцаловал у меня руку и, сказав только, что вечная разлука его со мной извинит его смелость, пропал; я окаменела и опомнилась уж тогда, когда его не было; на другой день услышала, что он поехал в армию против турок.

Князь. Я видел его в Киеве, отъезжая в чужие края, в том точно положении, как он тебя оставил и там, познакомившись с ним короче, многое от него слышал.

Княжна. Граф поехал, батюшка все силы употреблял, чтоб выдать меня за известного тебе его приятеля, однако я нашла способ избавиться; скоро по отъезде графа в армию вошел ко мне батюшка, и с жестокою холодностью объявил мне, что он в сражении убит. *(Слезы мешают ей продолжать.)* Теперь третий год, как нет его на свете, а сердце мое и мысли все остались те же; я ищу уединения, потому что не нахожу себя способной быть приятною в больших собраниях, которые и мне перестали уж быть приятны; только сделай милость,

не напоминай мне больше о таких случаях моей жизни, которые эту жизнь делают несчастливой; ни богатство, ни красота, ежели во мне ее находят, меня уж не утешат о потере того, на ком все мысли мои о благополучии соединялись.

Князь. Приятно для меня, сестрица, видеть в тебе столько редкое в женщинах постоянство, и жалею, что ты забыть его не умеешь. Здесь недалеко с полком стоит двоюродной брат его, граф Достойнов: хотя свидание с ним тебя и огорчит, однако я послал его звать к себе; мне хочется с ним познакомиться, и ежели он таков, как покойной брат его, то я очень буду рад.

Княжна. Брат его! здесь, недалеко с полком? ах, братец! сколько ни умножилась от того моя грусть, позови его сюда.

Князь. Теперь только узнал я о нем от моего управителя и послал его к нему.

Княжна. Не знаю для чего, только мне хочется чрезвычайно его видеть.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Дмитрий.

Дмитрий. Графа не нашел я в лагере, он уехал верхом, и он, конечно, приезду вашего сиятельства обрадуется, только думаю, что очень нужные полковые дела его задержат, у него сегодни полковой смотр; однако тотчас после смотру он к вам будет сюда или сыщет вас на ярмонке; к вам приехал здешний предводитель господин Правдин.

Князь. Правдин здесь! ах, как я рад! проси его сюды. Сестрица! ты идешь одеваться, пожаласта, грусти меньше и приходи скорее к нам, что ты Правдина так давно знаешь, что и он тебе и ты ему обрадуешься.

Княжна. Скажи ему, братец, что я тотчас оденусь и приду; как я рада, что он здесь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Князь, Правдин и Дмитрий.

Князь. Ба! .. здравствуй, братец! я не ожидал тебя здесь наехать; скажи ты мне, как это ты из Турина попал в Лебедян? как же ты переменился! вот каково давно не видаться.

Правдин. Покровительством батюшки вашего я был послан от иностранной коллегии к министру * в Турин, где и видел вас; исправив наложенную на меня должность, я занемог

и долго в Спа лечился, наконец, возвратясь в Петербург, по обстоятельствам своим принужден был взять отставку и приехал сюда, а со времени открытия наместничества дворянством выбран в предводители.

Князь. Так служба наша равная, и я здесь теперь, потеряв батюшку, приехал посмотреть деревни; за хлопотами здешний славной Гур с каким-та бывшим воеводою Надоедаловым завоевали у меня 5000 десятин, за которыми я еду к нему сегодни, и надобно, чтоб ты обедал с нами же у Гура.

Правдин. Я поеду, ежели угодно вашему сиятельству, только так, как прежнего благодетеля моего сыну, должен вам сказать, что этот Гур не очень мне будет рад.

Князь. А што ж такое? скажи мне и верь, что жалеть о том не будешь.

Правдин. Лестно для меня, ваше сиятельство! чтоб вы обстоятельствы мои узнали; а еще лестнее то участие, которое вы принимать в них изволите. Вам известно, что расстроенное здоровье и состояние, также многие частные неприятности принудили меня Петербург и службу оставить; растроганная чувствительность, огорченное честолюбие и крайний недостаток, часто горестное следствие службы и жизни, на честных правилах основанной, переменили нрав мой и сделали для меня все почести света нелестными. Я взял отставку и хотел лутче жить в уединении, нежели подвергать себя беспрестанно горестям, которые по состоянию дел моих и образа жизни были столько же несносны, сколько неизбежны; я выбрал здешнюю деревню своим жилищем, и даже до невежества соседей моих все мне в деревне нравилось; наконец, встретил я здесь девушку молодую, прекрасную и воспитанную в монастыре, со всею тою невинностью, которую имеют только те, кто лукавством света научиться еще не успели.

Князь. Конешно, падчерица этого Гурова? я смеялся письму ее к сестре, а признаюсь, внутренно хвалил в ней то незнание света, которое принуждает ее не знать много такого без чего она право обойтиться может. Дмитрий! подай ее письмо!

Правдин (*прочетши*). Как приятно для человека столько разогорченного вероломством и обманами света, видеть, что есть еще сердце, до 18 лет сохранившее детскую невинность! так, ваше сиятельство! это письмо смешно для тех, кому нужны притворные ласкательствы в штиле, и кто красноречивые уверении чувствам сердечным предпочитает, а для того, кто в науке знания света признает одно совершенное безнравие * людей свет знающих, тому не могут уж быть лестны пышные и чувствительные выражения бесчувственной души.

Князь. Жалею, что твои горести сделали из тебя такого

мизантропа; продолжай мне о твоих обстоятельствах; а ты, Дмитрий! отнеси письмо к сестре.

Дмитрий уходит.

Правдин. Узнав ее, долго испытывал я, не от природного ли недостатка в уме происходили странности, которые я в обращении ее находил; увидел, наконец, к беспримерному удовольствию моему, что ежели она худо говорила по-русски, то от редкого обращения с теми, кто хорошо по-русски говорят, а не от ненависти к своему языку, чем заражены по большей части такие, кто русской язык знают хорошо; ежели она не умеет скрыть ни радости ни печали, это происходило от того, что она скрывать чувств своих не училась; все это привязало меня к ней навек, тем больше, чем я узнал ее ко мне привязанность, не от слепой страсти происходящую, а от того высокого мнения, по которому она привыкла видеть во мне истинного себе друга; узнав ее привязанность от нее самой, нашел я ее родителей против меня чрезвычайно восстановленных; и для того теперь, знав, до чего довести может невежество людей, без притчины меня возненавидевших, положил ожидать решения судьбы моей от времени.

Князь. Я не нахожу, чтоб это дело совсем было расстроено, этого Гура, я думаю, уломать можно: поедем с нами; а между тем признаюсь тебе, что мне деревня от часу больше нравится. Что нужды, что эти люди невоспитаны, ежели б только не было в них того закоренелого самолюбия, которое невежество их кажет в глазах их достоинством.

Правдин. Самой лутчий плод, ваше сиятельство, нового учреждения губерний * есть истребление этого невежества; недавно открылось наместничество, а мало уж таких невеж, которые бы незнанием грамоты хвалились; надобно, чтобы попечение государыни о воспитании детей этих невеж больше занимало ее, нежели странных их родителей; с тех пор, как народные училищи открылись *, нескольких бедных дворян уговаривал я отдать туда детей, большая часть отдали, а иные, подлинно похоже на эзопову обезьяну *, до тех пор лелеют их дома, что удушат возле себя, а не отпустят в училище; все же это происходит от того странного самолюбия, что большая часть уездных дворян, не видав иногда в глаза ни столиц, ни порядочных обществ, думает быть в праве, сидя на своей лежанке, их пересуждать, называть спесью то обращение воспитанных людей, по которому они очень справедливо невеже убегают, и следственно составит себе особливой род жизни, в котором состареется и умрет в невежестве; с этой стороны извиняю я заблуждение многих знатных людей, судящих иногда о всех уездных дворянах по одному странному образчику.

Князь. Хорошо, что нонишнее учреждение губерний сколько-нибудь их унимает. Вот вить и мой Гур по судам и пересудам идет, куда хочешь, а совестного суда боится.

Правдин. Трудно унимать и совестному суду бессовестных людей; есть и из уездных дворян очень хорошие люди, да когда пять или шесть домов на 500 верстах расположены, то каким у них быть обществам, когда они встречаются только в отъезжих полях с собаками, да в губернии через три года на выборах; на этих днях здешние франты зазвали нас с охоты к себе, где один Затейкин одного Простофилина прибил, и я с графом Достойновым насилу вырвались, оставив грызться собак и людей.

Князь. Это мы сегодни, думаю, у Гура увидим; вот и сестра.

ЯВЛЕНИЕ VI

Князь, княжна и Правдин.

Правдин (*княжне*). Как я не ожидал, княжна, вас увидеть в Лебедяни! поздравляю с приездом, которому, признаюсь, я удивился.

Княжна. Мне давно уж в деревню хотелось, только я сама не ожидала вас здесь видеть. Братец! я получила письмо от этой девушки, воспитанной в монастыре; скажите, едем ли мы к ним?

Князь. Я думаю, это будет нужно для старого друга нашего дома, и для того сестрица, пожалуй, познакомься с ней и приласкай ее, она же сказывают прелюбезная, несмотря на ее штиль.

Княжна. Братец! я никогда по наружностям ни о чем не сужу, а как ее зовут?

Князь. Ее имя к ней очень идет, зовут ее Любовь! после этого как не чувствовать к ней любви, тому, кто так хорошо ее знает, как мой любезной друг; да скажи ж, пожалуй, кто здесь еще дворяне?

Правдин. Здесь в уезде, ваше сиятельство, очень мало таких, которые бы могли составить общество, а во время ярмонки приезжают много из других уездов и губерний, и для тех, кто ярмонок еще не видывали, довольно весело.

Князь. Полк здешний этому много способствует.

Правдин. Это правда, что мы полковником нашим очень счастливы; строгость и порядок его полку, удовольствии, которые он дает, и собственные его достоинствы всех здешних дворян к нему привязали; присутствие его тем приятнее для меня, что он один здесь, с которым разделяю я время; офицеры его

от ярмонки без ума; здешнего уезда красавицы разряжены в прах, показывают себя женихам; провинциальные щеголи в это время года отличаются сколько сил есть, и так как ярмонка вне города, то они, чрез то вышед из-под указа, летают на пребогатых цугах *; компании игроков отправляют сюда комиссионеров обыгрывать провинциальных, за комиссионерами дядек, надсматривающих за ними, а за дядьками еще дядек архимастеров смотреть за мастерами; всякую ярмонку здесь много свадеб, ремесло свах здесь также нужно, как портных и сапожников, и вид на ярмонку прекрасной; ежели бы вам угодно было сегодни это увидеть, то одна только верста расстояния отсюда, мы бы могли съездить после обеда.

Княжна. Мы, я думаю, и поедем.

Князь. Хорошо, да надобно уговорить Гура, а без него, я думаю, это не будет забавно; я еще не дописал мою почту; сестрица! для тебя он не новой знакомой, следовательно, ты можешь его угащивать без меня, а я тотчас отделаюсь, мне одно только письмо написать. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VII

Княжна и Правдин.

Правдин. Я думаю, княжна, что в первых днях приезда вашего деревня и даже самая дорога должны были по новости вам понравиться.

Княжна. Признаюсь, что по сию пору об отъезде из Петербурга еще не жалею, мы пробыли часть весны довольно весело в Москве, которую также я видела в первой раз, а здесь еще другой только день, то некогда было соскучиться.

Правдин. Я видел этому примеры, что многие петербургские приезжие находят разность в образе жизни Москвы с Петербургом; да и должна быть разность между двух городов, одного, наполненного людьми, ко двору или службе привязанными, а другого — людьми, из собственной воли своей поселившимися жить в свое удовольствие; отчего и происходит, что многие из них, не почитая себя обязанными следовать общему образу жизни, живут, всякой, как кто хочет, знакомится, с кем хочет, и упражняется, в чем хочет; сколько хороша и приятна эта воля в тех, кто жить умеют, столько она вредна и смешна в тех, кто жить не только не учились, да и учиться не намерены; я вижу все обществы так, как человек, которой от них уж отстал, а вам верно давали в Москве балы и праздники, так что некогда было узнать скуку.

Княжна. Правда, что окроме меня для всех там было весело: я ничего огромнее Московского благородного собрания

не знаю, где мы видели вдруг около двух тысяч человек дворянства; при нас были гулянья, ваксалы *, и это правда, что там занимаются всего больше своим удовольствием. Счастлив тот, кто может его найти.

Правдин. Конечно, так; однако в иных, а особливо в молодых людях этот образ жизни рождает привычку к праздности и часто делает очень способного человека ни к чему не способным; я отстал от всякой жизни в больших городах и по моим мыслям свою деревню предпочитаю всем городам, а одного здешнего друга, каков граф Достойнов, многим людям, по сию пору мне известным.

Княжна. Вы знаете графа Достойнова? давно ли он здесь?

Правдин. Он здесь с полком недавно. Претерпевши великие несчастии, и тем достойнее в глазах человека, испытавшего собою перемены счастия, ему после двоюродного брата его, убитого в армии против турок, досталось здесь имение, по которому он здешний дворянин и нам сосед.

Княжна *(стараясь скрыть слезы)*. Он был здешнему полковнику двоюродный брат и он убит уж третий год?

Правдин. Это уж так давно, что я думал для вас и не новое. *(В сторону.)* Боже мой! что я сказал? отчего эти слезы? ..

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те ж и князь.

Князь. Я почту отправил и теперь готов. *(Приметив, что княжна плачет.)* Сестрица! что ты так грустна опять?

Княжна. Мы говорили теперь об убитом в армии графе Достойнове, а ты знаешь, что я равнодушно о нем говорить не умею.

Князь. Мы о нем давно знаем; я сам потерял в нем друга, который мне почти также был дорог, как тебе жених. Когда привыкнешь переносить какое огорчение, то привыкнешь и вспоминать о нем; сделай милость, сестрица, старайся забыть то, что уж невозвратимо.

Княжна. Мне очень хочется видеть брата его, которой здесь; не будет ли он с нами обедать?

Правдин. Я не думаю, чтоб ему можно было; сегодни ему много дела; у него смотр полковой, а после обеда он хотел быть на ярмонке.

Князь. Мы там его увидим. Двенадцать часов, и Гур, я чай, уж скоро обедает; поедем, пора.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет дом Гура.

Любовь и Машинька.

Любовь. Что, жись моя, Машинька, ты видела?

Машинька. Видела, сударыня, и слугу и барина. Немудрено, что он в отчаянии от того, что вы не можете решиться быть благополучною; скажите однажды вашему батюшке, что дураки вам надоели, а так как Затейкин больше всех дурак, так он больше всех вам и надоел, и что вы, не любя его, идете замуж за того человека, которой любви вашей достоин.

Любовь. Ах, Машинька! ежели б ты знала, моя жись, каково это сказать! ай, да каково думать-та, что все дураки в уезде мои женихи.

Машинька. Ну, так плачьте, сударыня! да не пеняйте на меня, чтобы я вам не советовала, что должно. Вот письмо Правдина; делайте, что вам угодно.

Любовь *(читает)*. «Ежели вы позволите чувствительному сердцу вашему разобрать мое положение, то, конечно, простите смелость мою к вам писать; я знаю, что батюшке и матушке я не надобен, однако приеду к вам с князем в последний раз, и ежели еще не заслужил я согласия вашего, то не хочу быть больше в тягость той семье, которой все несправедливости по свойству ее с вами прощаю, и лутче буду век несчастлив, потеряв то, что мне всего дороже на свете, нежели подвергну вас малейшему неудовольствию». Машинька! что мне делать?

Машинька. То, что я вам сказала; однако оботрите слезы; вот здешняя сваха к вам идет, и старайтесь скрыть свои мысли хоть однажды в жизни...

ЯВЛЕНИЕ II

Любовь, Машинька и Еремевна.

Еремевна. Здравствуйте, матушка, Любовь Ивановна! давно уж я вас не видала; здравствуй, Марья! .. что, матушка, Любовь Ивановна! как ярмонку проводить изволите, весело ли?

Любовь. Нет-с!

Еремевна. Да что ж так, нет-с, посмотрите-тка по утру на балу, вечеру на балу, а все невесело; али, матушка, на сердце что, так нам скажи; да что, али не здорова, моя мать?

Любовь. Да-с...

Еремевна. И!.. Господь даст здоровье; все пройдет: что горевать-та, матушка, женихи осудят.

Машинька. А кто б такие женихи по-вашему?

Еремевна. Молчи, Марья! где тебе знать; у нас все на памяти; мало ли их, как собак, прости господи. Вон таки! Простофилин, Затейкин, Надоедалов, да тьма тьмущая.

Машинька. Коли других нет, эти чорт с ними.

Еремевна. Вот так-та, по-твоему, кого бы тебе?.. Царя, что ли?

Машинька. Между царя и Затейкина великая еще разница.

Любовь. Ай, да молчи, Машинька! она осердится.

Еремевна. Что ты говоришь, мать моя? я худо слышу.

Машинька. Ничего, я про себя.

Еремевна. То-та про себя; вить эдак-та и все служанки-та госпож сбивают. Не потачь-таки, матушка, Любовь Ивановна! Затейкин молодец, то уж молодец, посмотри-тка у него какие гусары, какой кипаж, ну, ды сам учен человек; вишь он как-то все на рихму пишет, я хоша и грамоте не знаю, а заслушасси иногда, как он, мой батюшка, распотешится-та; полно, матушка, чем он не жених? слушай, пожалуй, вашей Машиньки; по ней так он и ей не жених, а здесь в уезде за него всякая б пошла.

Любовь. Машинька! готово ли мне одеваться?

Машинька. Готово, сударыня.

Любовь хочет итти, Фекла входит с Затейкиным и ее останавливает.

ЯВЛЕНИЕ III

Фекла, Любовь, Затейкин, Еремевна и Машинька.

Фекла. Постой, Любушка! гости здесь, ища успеешь одеться; посиди с нами.

Затейкин. Что так это, матушка, Любовь Ивановна-с! лишь завидели нашего брата, ды вон; помилуйте! вы так прекрасны в эвтом неглеже, что грех бы, кажется, уходить-та.

Машинька помирает со смеху.

Еремевна. Как, батюшка! неглеже? тьфу пропасть! вот вить иногда и промолвил бы французское словцо-та, да где его найдешь.

Фекла. То уж так, где его найдешь.

Затейкин. Помилуйте, матушка, Любовь Ивановна! алибо что-нибудь... с вами сделалось... такое, что вы так сказать, ...по-нашему, по-питерски, димавез юмер *. Извините, что я спросил... я не гля ради чего другого прочего, как только из почтения к вам-с!

Любовь. Ай, да я ничего-с; что-йта вам так кажется-с?

Затейкин. Да как, матушка, не казаться-с, будучи такой прекрасной, я бы скакал да прыгал. Нонче ж, матушка, об ярмонке-та все так веселы, а вы у нас, что называется, димавез юмер; ну, права, димавез юмер.

Еремевна. Вот уж мне этого не выговорить, ну мудрено, моя мать!

Фекла. То так, то уж мудрено, нечего сказать.

Еремевна. Ну, то ль дело, чилыек в Питере-та побывает. *(Увидев на нем три жилета.)* Что-йта, батюшка, Николай Назарьич! у тебя сколько эта камзольчиков-та?

Затейкин. Так-с, ничего-с: это три жилетки-с, у нас в Питере все эдак носют.

Еремевна. А!.. а!.. смотри, пожалуй, где здесь увидишь? ну, уж притчина *!

Фекла. То так, то уж притчина, моя мать!

Еремевна. Што-йта у тебя, батюшка, али шейка-та болит *!

Затейкин. Нет-с, у нас в Питере все так-с; бывала в танц-клоб поедешь, на Красной ли кабачок * с приятелями, все так одеты-с.

Еремевна. Что ты прикажешь; мудрено, то уж мудрено, моя мать! как кто из Питера-та приедет, не тот человек. Вот, прости господи! наш Простофилин-та, ну, то ж, да не так.

Затейкин *(Любови)*. Да что-йта вы, матушка, Любовь Ивановна, сегодни, так сказать, не в духе, вы знаете, что я вас не только люблю... но и обожаю; я, матушка, на вас погляжу, так альна и мне плакать-та хочется.

Любовь. Машинька! помилуй, что мне с этим проклятым делать? он мне так надоел, ай, да как он мне надоел!

Машинька. Как вы это не умеете, сударыня, его от себя отогнать! один раз его отучите, так вперед приставать и не будет.

Любовь *(Затейкину)*. Послушайте-с, пожалте, оставьте меня в покое-с.

Затейкин. Матушка! да что-йта, да чем я вас беспокою-с.

Любовь. Тем, что вы мне надоели-с, вы такой префатальной, что от вас ничем нельзя... ох! .. отвязаться.

Затейкин. Матушка, Любовь Ивановна! пожалуй, мы и прочь пойдем, только пожалте мне ручку-с.

Любовь (*плачет и прячет обе руки за спину*). Ай! да у меня рук нет-с, отвяжитесь вы от меня прочь, я ничего скушнее вас не знаю.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Простофилин (входит и становится у дверей).

Затейкин. Ну вот, матушка, вот легок на помине! добро пожаловать, вот будет вам с ним веселее.

Любовь. Ай, да какие вы-с! как вам не стыдно так надоедать? ей-богу! он не так скушен, как вы-с.

Фекла (*Простофилину*). Добро пожаловать, батюшка, Сидор Терентьич! пожалуй к нам поближе; по добру ль, по здорову поживаешь.

Простофилин. Слава богу-с.

Еремевна (*ему*). Подойди, батька мой, будь посмелее.

Простофилин (*кланяется ей*). Нет, ничего-с, я и тут постою-с. (*Стоит в дверях и нейдет ни взад, ни вперед.*)

Еремевна (*Фекле*). Смирной малой, мать моя! то уж водой не замутит.

Фекла. То уж так, водой не замутит! (*Простофилину.*) Что, батька мой, скоро ли в Питер на службу?

Простофилин. Я, матушка, Фекла Тарасовна! подал челобитну в отставку; где мне за добрыми людьми?

Затейкин. А что ж, батюшка, Сидор Терентьич, куды конь с копытом, туды и рак с клешней; конь-ат, например, я-с, а рак-ат, например, вы-с (*Любови*), он, матушка, не так сказать, чтобы дурак, а, то есть, простой чилыек (*Простофилину*): что ж, брат, Сидор, так изволил присмиреть?

Простофилин. Ничего-с, я-с, так-с, что вы нападаете-с.

Затейкин. Да что, батюшка, это не гля ради того, чтобы я нападал-с! .. однако-с! ..

Простофилин. Пожалте-с, я вас не замаю-с.

Еремевна (*Фекле*). Загонял он его, моя мать!

Фекла. Ну да, загонял; то что пить говоришь.

Еремевна. Не разнять ли их, моя мать? что-то у них будет не хорошо.

Затейкин. Да и я-с вас не так, чтобы трогал, однако-с чево бы ради так ваша милость не ласков, аль намеднишно вспомнил? ась! ..

Простофилин. Слышь ты, вы меня не троньте-с, Николай Назарьич! я нонче сам зашибу.

Машинька (*Еремевне*). Разоймите их; они подерутся.

Еремевна. Ну, полно, батюшка, Николай Назарьич! и, ну его (*Простофилину*), полно, батюшка, Сидор Терентьич, что здесь ссоры заводить.

Затейкин. Матушка! .. я только гля ради шутки; однако, батюшка, Сидор Терентьич, от меня подале, я с вашей братьей не хочу знаться-та.

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж и Микеша (бежит, подавившись артишоком, и кричит без памяти, и потом дурак).

Фекла. Ах, моя мать! подавился! подавился! ..

Еремевна (*толкает его в спину*). Выплюнь, батюшка, выплюнь! ..

Между тем Простофилин Затейкина ударил, и они начинают драться; Еремевна и Фекла толкают в спину Микешу и кричат обе: «Подавился! подавился! ..»

Дурак (*бежит, запыхавшись, и кричит*). Приехали! Приехали! ..

Любовь. Кто такой приехали! ..

Дурак. Гости! .. гости! ..

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж, князь, княжна и Правдин входят, дурак, увидя их, бежит без памяти вон и толкает князя; Фекла с Еремевной толкают Микешу в спину вон с театра и кричат: «Подавился! подавился! .. выплюнь! выплюнь! ..»

Любовь (*смешавшись и хохочет и плачет*). Матушка-с! .. Боже мой! .. помилуйте, что это! .. Княжна-с! .. матушка-с! .. матушка-с! .. Княжна, ай, да как я рада-с, что вы к нам приехали, матушка-с, fi donc! .. уймите-с! что это вы! .. Княжна-с! .. Машинька! я не знаю, что мне делать! ..

Фекла, Микеша и Еремевна уходят.

Правдин (*Любови*). Не беспокойтесь; верьте, что князь столько хорошо расположен, что он этого беспорядка не приметит, ежели только батюшка нашему благополучию противиться не будет; ужели вы еще не решитесь сказать ему, что вы мне столько раз уж говорили?

Любовь. Ай, да я на все решилась! .. только научите

меня, что мне делать? .. ah! Dieu! .. этот вздор! .. огорчает меня больше, нежели их! ..

Правдин. Успокойтесь и старайтесь сами меньше его примечать.

Затейкин (*перестав шуметь с Простофилиным, подходит к Правдину*). Извините-с, что намедни-с у нас с этим господином Простофилиным вышла небольшая суспиция *. Это-с знайте, то есть по шерсти собаке имя дано, господин Простофилин!

Правдин (*князю*). Как после этого пенять кому-нибудь, ваше сиятельство, ежели воспитанные люди эдаких созданий бегают. Жаль мне, что вы видите наш уезд с такой дурной стороны.

Князь. Я этого здесь и ожидал, и, конечно, одна деревня всему уезду примером служить не может. (*Любови*). Позвольте спросить, где ж батюшка?

Любовь. Он! .. Князь! .. на том! .. ох! как бишь! ..

Машинька. На гумне, сударыня.

Любовь. Да... на гумне-с. Да вот и он приехал-с.

Князь. Кто это с ним?

Правдин. Это известный вашему сиятельству господин Надоедалов, бывший давно уж воеводою.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те ж, Гур и Надоедалов.

Гур (*в сертуке и без колпака*). Батюшка, ваше сиятельство! с приездом честь имею поздравить и благодарю, что пожаловали; я очень обрадовался, услышав, что изволили прибыть в наши края, батюшка, ваше сиятельство! (*Княжне.*) Княжна, матушка, ваше сиятельство! имею честь поздравить, пожалуйте, матушка, ручку (*целует руку*), я, право, рад, что бог дал таких дорогих соседей; господин предводитель! .. (*Всем кланяется порознь.*) Прошу садиться, милостивые государи! дело деревенское; все скамейки, да подайте стульчик. (*Несут князю и княжне стулья Гуровы холопя, протчие садятся по скамейкам.*) Микеша! .. девки! .. стульев! .. скорее! ..

Князь. А где ж ваша хозяюшка?

Гур. Ба! да где она в самом деле? Фекла Тарасовна! ..

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те ж, Фекла и Микеша (рукавом утирает слезы).

Фекла (*Гуру*). Чего, мой батюшка, видишь, Микеша-та наш подавился было совсем, что немецка-та кушанье князь-ат прислал; видно на смех, ан, он, мой батюшка, унес один коче-

нек да хотел скушать, ан, весь рот-ат рабенку-та бола и разодрало.

Гур. Полно, баба! поди да кланяйся его сиятельству; вот, батюшка, ваше сиятельство, вся моя семья, Микеша! .. жена! сын! .. Любушка, кланяйтесь. *(За головы наклоняет их и сам кланяется.)*

Надоедалов *(Микеше)*. Как те это догадало подавиться-та было?

Микеша *(сквозь слезы)*. А вон! я только бола взял в рот, да хотел пратведать-та, ан, оно и забрало; чуть-чуть не задушился.

Надоедалов. Эка притчина! .. ты, брат, и есть-та еще не умеешь; дядя твой Митрофан хоть неграмотник был, да есть-та пострел был мастер: бывала, как примется, так за ушьми пищит.

Князь *(Гуру)*. Я рад, сударь, что мы по соседству можем часто видеться; просим к нам жаловать.

Гур *(встает и кланяется)*. Ради, батюшка, ваше сиятельство! да вот теперь пора рабочая; за тем да за другим, ан, и некогда, а то бы мы к вашему сиятельству никогда не прочь; вот здесь нашему полковнику, дай бог здравствовать, это у нас не полк, а сокровище; дурно сказать, батюшка, ваше сиятельство! нет ни нашего брата дворянина, ни мужика, чтоб не был доволен его сиятельством.

Князь. Поедем вместе на ярмонку, мы там его увидим.

Гур. Все что угодно вашему сиятельству. *(Надоедалову.)* Федул! ты поедешь?

Надоедалов. Ну, да! .. чего ж бы ради не ехать! .. мне есть-таки кое-какие покупки! .. дело охотничье! .. у нас, батюшка, ваше сиятельство, примером так сказать, ножи, арапники, ошейники, своры, вся одежа псарям; да какие ребяты-та у меня набраны! заберутся в остров *, музыка! ну, слышь ты, дером дерут! .. когда, батюшка, ваше сиятельство, угодно к нам в отъезже поле в Завироловку, семьдесят гончих в напуску! .. да что нонче, все не по том, бывало, батюшка, ваше сиятельство! как примутся! .. выживут, злодюги! .. хоть откуда! .. ату его! .. ух! .. о! ату его... качнем, батюшка, ваше сиятельство, нонешну осень; вот здесь по околодку — Сорван Простофилина, да Доезжай был, половой кобель с крапинами во всех статях — у Гура Филатача, резов был кобель — то уж резов — а то ни одной собаки против моей Вихры не было, право, ну, ей, ну, богу, ну, с места не сойти, не было по всему околодку; а у вас чай, ваше сиятельство! ища не заведено охоты-та; ну, да я, батюшка, ваше сиятельство! для ради вас, матушка княжна, свою лутчу свору придставлю! ..

Г у р. Полна, брат Федул! .. брось! ну, так им и быть, вить князь-ат чай не охотник, ты вить расхвастаешься, так и конца нет; брось, брат! ну, так им и быть *(князю)* после обеда, батюшка, ваше сиятельство, на ярмонке изволите увидеть все наши потехи. Приехал из-за моря какой-та балансёр; ну, уж окаянной! .. как его нелёгкое-та коверкает! .. страсть! .. ну, страсть смотреть, а он, собака, не боится, ну, что ты прикажешь, ничего не боится.

П р а в д и н *(Любови)*. Мы увидим вас на ярмонке?

К н я ж н а *(ей же)*. Вы меня очень одолжите, коли поедете; я ни с кем еще не знакома.

Л ю б о в ь. Ай, да я очень рада-с, коли только maman поедет.

Г у р. Батюшка, ваше сиятельство, я чаю кушать готово. Водки! ..

ЯВЛЕНИЕ IX

Т е ж, д у р а к с водкой.

Г у р. Жена! налей его сиятельству. *(Фекла подает князю и кланяется; княжне.)* А вы, матушка, ваше сиятельство, и не кушаете!

К н я ж н а. Водки я никогда не пью-с.

Г у р. Нонче, матушка, ваше сиятельство, все не по том! .. бывала и барышни и барыни, как не так были великатны-та, так с нами жа гуливали; вон у меня своя падчерица хмельного в рот не берет, так ли, Любушка?

Л ю б о в ь. Ай, да я не знаю, батюшка-с, что-йта хмельное!

Г у р. Ну, то есть водки, ну, теперь понимашь!

Л ю б о в ь. Ай, fi donc! водки! a-t-on jamais vu *? да как это можно-с?

Г у р. Ну, то-та я и говорю *(дураку)*; готово ли?

Д у р а к *(улыбается)*. Готово, готово. *(Прыгает и дурачится.)*

Г у р. Смешон вить злодей-та, батюшка, ваше сиятельство! пожалуйте, матушка, ваше сиятельство! кушать готово.

К н я з ь. Как вам угодно!

Все уходят.

К о н е ц т р е т ь е г о д е й с т в и я

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет ярмонку, где крытые лавки, в линию перед зрителями, освещены цветными фонарями, в средине большие въезжие ворота в плетеном сосновом заборе, за которыми видна большая городская площадь. У первой лавки на правой стороне Еремевна торгует у купца материю, Затейкин подходит к ней, прочие актеры, множество офицеров графских, и всякого рода людей переходят и занимают нутрь театра.

Затейкин и Еремевна.

Затейкин. Что б такое, матушка, покупать изволили?

Еремевна. Торгую, мой батюшка, гранитур *.

Затейкин. Конечно, матушка, к празднику; ды прекрасной.

Еремевна. Прекрасной, мой батюшка! да не по деньгам; дорого окаянной-та просит. *(Купцу.)* Ну, провались же ты, прости господи! не куплю и не нада. *(Идет прочь.)*

Затейкин. Возьмите, матушка! он отдает гранитур.

Еремевна. Дорого, батюшка, Николай Назарьевич! не по моим деньгам, сторговала, ды не рада.

Затейкин. Матушка! да это безделица; пожалте, возьмите, мы найдем заплатить чем.

Еремевна *(берет и отговаривается)*. Ах, батька мой! возьму ли я? статимо ли дело? помилуй! нет, нет, нет.

Затейкин. Пожалте, возьмите.

Еремевна *(кладет в карман)*. Статошно ль дело, возьму ли я! нет, нет, мой батюшка! да разе мне разорить тебя.

Затейкин. Пожалте возьмите, права мне ничего не стоит. *(Купцу.)* Мы, брат, сочтемся.

Еремевна *(кланяется)*. Благодарствуй, мой родной! да чем жа мне тебе услужить та за это?

Затейкин. Есть, матушка, и у нас штука не малая; вы знаете, матушка, Любовь Ивановну?

Еремевна. Как, батька мой, не знать. Влюблен? уж верно влюблен! . .

З а т е й к и н. Матушка! знайте, не только влюблен, ну, слышь ты, она мне ни день есть, ни ночь спать не дает. Она жа, так сказать, и прекрасная, ды по-нашему, по-питерски емабль! то уж емабль!

Е р е м е в н а. Да-то я по-вашему-та не знаю, батюшка! будь она там, что хочешь, мое дело сосватать, а там зови, как умешь; да вот вишь ты, что старуха-та бы и не прочь, да уломай-ка ты ее-та, вить кабы она така была, как наши уездные-та барышни, так бы хорошо, а то лишь мать-та ее бранить, ан, она и в слезы, а побить-та так и не подумай; однако ты сам объяснись с ней, как ты ее обожаешь-та, что ли, так она и не станет против матери-та барахтатся.

З а т е й к и н. Да то у нас, матушка, не долго, живузем * ды все тут, а балясы-та нас не учи точить, сами умеем.

ЯВЛЕНИЕ II

Т е ж, к н я з ь, П р а в д и н, к н я ж н а, Л ю б о в ь, Ф е к л а (подходят к ним).

Е р е м е в н а. Смотри ж, батька мой, не плошай.

З а т е й к и н. Уж пожалста.

К н я ж н а *(Любови)*. Я не вижу ничего, чтоб могло мне быть нужно, а купить чего-нибудь очень бы хотела.

Л ю б о в ь. Ай, да здесь ничего нет-с; вон у madame Pouleau есть изрядные ленты, а то здесь нигде ничего нет-с.

К н я ж н а. Для меня эти очень хороши, которые на вас; не здесь ли оне куплены?

Л ю б о в ь. Maman мне подарила их вчерась-с.

К н я ж н а *(Фекле)*. Скажите, вы это у француженки купили?

Ф е к л а. Нет, матушка, ваше сиятельство! это у русской-та мадамы, что на нижнем-та рынке.

К н я ж н а *(Правдину)*. Что это значит русская мадама?

П р а в д и н. Ах, вы не знаете, что здесь этим именем называют тех девок, которые от француженок из Москвы держут лавки, и так как оне говорят по-русски, то и зовут их русская мадама.

Е р е м е в н а *(Затейкину)*. Подойди ж, батюшка! и ты что-нибудь молви.

З а т е й к и н. У меня, матушка, язык онемел; я при княжне не смею.

Е р е м е в н а. По-французскому-та, батька мой, по-французскому-та.

З а т е й к и н *(вынув из кармана апельсинов, наклал в шляпу и подает княжне.)* Ма пренсес, суете ву des apelcins *?

Княжна (*стараясь не смеяться*). Покорно благодарю, я не хочу.

Затейкин (*Любови*). Мадмазель! суете ву des apelcins?

Любовь (*хохочет*). Ай, да я не хочу-с! .. каким вы это языком говорите-с! ..

Затейкин (*Фекле*). Прикажите ли, матушка, Фекла Тарасовна?

Фекла берет все, один за другим, роняет на пол, подбирает их, и наполняет карманы апельсинами. Князь и княжна улыбаются, Любовь помирает со смеху.

Князь (*Правдину*). Уйми, братец, этого щеголя, чтоб он перестал нас подчивать, или нам трудно будет не хохотать.

Правдин. Ежели бы взялся я унимать его от всех тех странностей, которые он беспрестанно делает, то б меня не достало; уймите сами его, ваше сиятельство, ежели можно.

Князь. Напротив того, я хочу эту встречу сделать еще забавнее. (*Затейкину, который, подбирая апельсины, подает их Фекле.*) Вы замучитесь, подбирая их, вот как наши молодые люди любезны; и труды и старании и убытки ничто, как дело идет в том, чтоб понравиться.

Затейкин. Оно так, батюшка, ваше сиятельство! да все не в честь; ей, ну, богу! все не в честь; где, бывало, у нас в Питере, то ли дело.

Князь. Ах! Боже мой! неужели вам в Петербурге было веселее здешнего? этому трудно поверить.

Затейкин (*смешавшись*). Ну, да как, ваше сиятельство, не веселее? город какой прекрасной! бывала, алиба на лихих извозчиках в Катерингоф, алиба на Крестовской с приятелями, али на Красной кабачок; то ль дело как здесь.

Князь. Да кто же там приятели ваши?

Затейкин. Да мало ли, ваше сиятельство! нашей роты бывала сберемся, наймем песельников на шлюпку, да на Крестовской, там всегда народу туча, что кабы не строгой ротной командир, там бы и жили, батюшка, ваше сиятельство!

Правдин. Да вы это все хвалите не Петербург, а петербургские трактиры, так ежели больше вы удовольствия не имели, как это, то нельзя сказать, чтобы там было веселее здешнего.

Затейкин. Да что, батюшка, нам везде не скушно, бывало после строев в отпуск да в Москву; вот уж тут-то нам рай; что нам в Москве до больших бояр? иной наш брат так толкнет в барыню-та, и генерала-та, что с ног полетит, а своя братья такого-та и хвалют, то-то и молодец-та; там жа вить, батюшка, большого-то над нами нету, там маиору-та алиба капитану не пожалуются.

Правдин. Неужели этих притчин вам довольно, чтоб делать всякого рода грубости почтенным людям, ежели только ротной командир да маиор не узнает. Может ли быть лестна похвала беспутных повес, когда зато все почтенные люди возненавидят и вы получите много неприятностей, когда отец, муж или брат дамы, претерпевшей неучтивость, вступятся?

Затейкин. Да что нам, батюшка, вить нонче на дуэль-та не вызовут; а бранить-та станут по Москве, так у меня на то свои тетушки есть; осторожных-та учливых-та ища пуще бранят-с.

Правдин. Грустно бы было, ежели бы подлинно осторожные и учтивые люди еще больше были бранены, нежели невежи.

Затейкин. Да, конешна, батюшка, эдакой учливой-та подойдет лишь поговорить с какой барышней, али протанцует, ан, по городу на другой день прославют его женихом, ды взведут на него церьковну татьбу, так же наклеплют в городе, как на виноватого, ды понеси святые вон, а с нашим-та братом уж эдакой беды не будет.

Правдин. Нельзя сказать, чтоб было лестно этой беды так избежать, как вы говорите; в этом вы напрасно обвиняете Москву; во всяком месте, где сплетни решат мнение о человеке, там достойные люди всегда терпют, а чрез то я никогда и жалеть не буду, ежели станут бранить меня в таких домах, где мнение невоспитанных неучей или нескольких Чудихиных * может очернить безвинного человека.

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж, Гур и Надоедалов (оба вполпьяна).

Гур. Мы теперь из камеди; ну, уж собака балансёр-та. *(Княжне.)* Ну! матушка, ваше сиятельство! коли да здесь не весело, так где искать веселья. Что ваш Питер? балансёр, цыганки, песельники, наглядишься и наслушаешься; не роди мать на свет, коль не весело; князь! матушка, ваше сиятельство! пожалте сюда. *(Берет ее за руку.)*

Княжна. Помилуйте, куды вы меня ведете?

Гур. Пожалуйте, матушка, ваше сиятельство! здесь все хорошее увидите.

Любовь. Ай! батюшка-с! как вы княжне надоели-с!..

Княжна. Нет ничего, я пойду с вами; это не далеко.

Князь. Сестрица! поди, а я тотчас к вам буду.

ЯВЛЕНИЕ IV

Князь и Правдин.

Князь. Я желал бы видеть графа Достойнова без сестры; грусть ее меня очень трогает, и я не мог бы ничего спросить при ней о печальных происшествиях смерти бедного брата его, которой я о сию пору не понимаю; ни в каких реляциях об ней нет.

Правдин. Вот и он с своими офицерами.

ЯВЛЕНИЕ V

Правдин, князь и граф с несколькими офицерами.

Граф *(офицерам)*. Господа! вы можете ехать и делать все ваши покупки до семи часов и потом быть готовыми к смотру; я все уж приказал.

Князь *(Правдину)*. Боже мой! это он! он сам! *(Бросается к нему.)* Граф! ты жив! .. друг мой! .. брат мой! .. это ты! ..

Граф. Так, мой друг! .. наконец, я тебя вижу и от радости глазам своим еще не верю.

Князь *(целуя его)*. Возможно ли! .. за что сестра и я терпели столько горестей, оплакивая тебя? ты жив! .. ты здесь с нами! .. ты полковник! .. я столько хочу у тебя расспрашивать, что не знаю, с чего начать.

Граф *(держа его руку)*. Постой! .. начнем вот с чего; здесь ли княжна? .. здорова ли? .. спокойна ли она?

Князь. Она здесь и здорова, а спокойной ей быть невозможно, считая тебя мертвым.

Граф. Мертвым? .. ах! я догадываюсь. Это все сделала смерть двоюродного брата моего, убитого под Измаилом; нет, любезной друг! судьба сохранила мне ту жизнь, которая могла княжне быть нужной. По разным препоручениям от начальников, по службе и по отличному счастию моему, сыскал я те чины, которые тем только нужны были к благополучию моему, что без них, по мыслям батюшки, я был княжны недостоин; я получил после брата имение, столько был счастлив, что имею полковничей чин в мои леты, а все это несравненно лестнее для меня потому, что теперь могу надеяться того счастия, которое всем протчим счастиям в свете предпочитаю; скажи мне, здесь ли батюшка?

Князь. Недавно нет его на свете; поздно было раскаяние его о сделанных тебе огорчениях; мы были в Москве, когда он скончался; несколько дел задержали меня там; мы добивались долго об тебе известия и не могли ничего получить, кроме груст-

ных сомнений о твоей смерти, сестра просила меня ехать в деревню; здесь услышали мы сегодни от общего нашего друга, что здесь с полком стоит граф Достойнов, полковник, получившей по смерти брата своего, убитого в армии, наследство; пустые предчувствии и слухи сделали, что мы убитым сочли тебя: однако, к счастию нашему, сестра, искавши здесь уединения, нашла в нем, то без чего все места уединенными ей казались; ты жив! . . ты тот же друг мой, которого по мыслям сестры и по моей привязанности давно уж называю я братом; после этого никакая печальная мысль в сердце моем места иметь не может; расскажи ж мне теперь, что с тобою происходило! . . *(Цалует его опять.)*

Граф. Постой, князь! мне надобно еще опамятоваться от чрезвычайной моей радости. Должно бы тому претерпеть все мои несчастии, кто захочет чувствовать, сколько велико мое благополучие теперь; где ж княжна, увижу ль я ее, наконец?

Князь. Надобно так любить тебя, как я тебя люблю, чтоб понимать, сколько оно тебя трогает. Теперь мы ее не найдем, да мне еще надобно ее приготовить, а вдруг я тебя ей не покажу; ты знаешь ее чувствительность: подожди немного, а между тем я нетерпеливо желаю знать, что с тобою было?

Граф. Со мною было много чрезвычайного; нет нужды рассказывать тебе, что происходило до того, как ты в Киеве меня видел. Я ехал в армию оттуда, наполнен всеми горестными мыслями, которые несчастливая любовь моя мне внушала. Образ княжны и свирепой вид князя при моем отъезде были два мучителя, беспрестанно меня терзавшие; я приехал под Измаил, где во время штурма брат мой убит, а я с особенными препоручениями послан от фельдмаршала * из армии в Вену. Скорой отъезд мой и смерть брата были два приключения, которые через разные слухи перепутались; из Вены скоро приехал я к принцам в Кобленц *. Там служил я кампанию при герцоге Брауншвейгском, где, наглядевшись всех ужасных следствий вредной французской перемены *, узнал опытом, сколько худая воля несносна для самих ее защитников, и герцог с трудом меня отпустил.

Князь. Теперь я не удивлюсь, что ты не успел нас об себе уведомить, ежели столько много странствовал; как же ты успел из армии герцога Брауншвейгского попасть сюда?

Граф. Сверх моего беспрестанного странствованья я боялся к тебе писать, не знав, как батюшка примет мою с тобою переписку, и чтоб не навлечь тем еще новых огорчений княжне. Я возвратился в Россию, когда уже и фельдмаршала и многих благодетелей моих не было на свете; дорогою всех проезжих спрашивал о вас, и ничем надежда мне не возвращалась; между

тем в последнюю перемену пожалован полковником здешнего полку и, теперь приняв полк и вступив во владение братнего имения, узнал, что я вам сосед; богатствы, чины и почести были мне слабым утешением, потеряв то, на чем были основаны все понятии мои о благополучии; теперь узнал я, что все их выгоды, чувствительны только душе, нелишенной того, что всего дороже в свете; теперь я чувствую их цену, теперь я совершенно благополучен. Где ж княжна и скоро ль я ее увижу?

Князь. Она теперь здесь в рядах с одной очень изрядной девушкой, нашей соседкой, воспитанной в монастыре; только что у ней за вотчим, что за мать, и что за день мы сегодни препроводили, этого описать я тебе не могу.

Граф. Ах! я всех их очень знаю, и они все меня любят; мне еще нужно видеть Гура, чтоб поговорить о нем *(указывая на Правдина);* он эту девушку любит и любим ею: только за нево не выдают; как жаль, что она в такую странную семью прямо из монастыря попалась. *(Правдину.)* Что делать, братец, постоянство и время все переделывают; ты видишь это по мне.

Правдин. Так, граф! это правда; время переделывает мысли тех, которые мыслить умеют, а не таких людей, которых ни учтивости, ни старании, ни поведение, ни собственные заслуги им не переменяют. Чем больше я о себе размышляю, тем больше нахожу себя несчастливым.

Князь. Полно, братец! утро вечера мудренее, по-гуровски сказать, брось! .. его святая воля; я думаю, мы его уломаем; а между тем отыщем сестру, граф ее еще не видал, и мы теряем дорогие минуты; пойдем.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет лагерь и палатку графскую напереди театра.

Граф и Правдин.

Граф. Так, мой друг! теперь я совершенно благополучен; я видел ее после четырехлетней разлуки; смерть брата сделала, что они считали меня убитым под Измаилом, и вот от чего были слезы княжны, о которых ты мне сказывал. Я нашел ее так же прекрасну, так же любезну, так же ко мне привязанную, сто раз только милее мне, нежели я ее оставил; лестное для меня смущение княжны не допускало нас пользоваться всем нашим благополучием и препятствовало ей изъяснить все, что в сердце ее происходило, мое умело все то угадать; и те, кто знают, что есть истинная любовь, те только могут понять, как моя любовь толковала мне ее взгляды, столько много наградившие меня за мое мученье.

Правдин. Граф! твое благополучие, удовольствуя дружбу мою совершенно, горестнейшим образом любовь мою терзает; я вижу моего друга не только счастливым, а что всего больше, по-моему, достойным быть счастливу; я чувствую цену твоего благополучия и через то узнаю цену того, чего я лишен.

Граф. Друг мой! ты знаешь действия счастия над сердцем благородным; не только для моего друга, я не знаю человека, которого бы я не желал сделать сей час благополучным. Скажи мне, чем могу я тебе быть полезен?

Правдин. Все правы твоих достоинств ничто в горьких моих обстоятельствах; слушай меня: ты знаешь, я оставил приятную жизнь больших городов, чтоб не встречаться с людьми, заглушающими достоинствы блестящими пустотами прикрывающими часто человека, ни сердца, а иногда ни ума не имеющего; я удалился в здешнюю деревню и хотел лутче жить со зверьми, нежели показывать бесчувственным друзьям моим страдании сердца, наполненного горести. Я знал, что рано или поздно

мог бы я найти при таком дворе, где необыкновенная прозорливость узнает достоинствы в самом горьком и притесненном состоянии, и где справедливость есть в избранных к начальству людях, да бедность, а больше чрезмерная чувствительность, всегдашний неприятель благородных душ, оставить столицу и все искании меня принудили; я был в службе, был в свете, был и в чужих краях и видел свет со всех сторон, нашел его наполненным притворства, обманов, лжи и беспредельного самолюбия, попирающего все привязанности, дружбы и достоинствы. Для собственной пользы горько было прежде тридцати лет не находить его иначе сносным, как в моем кабинете, да я на то решился и удалился в здешнюю деревню навсегда.

Граф. Ты судишь так, как мизантроп, и все толкуешь в худую сторону; я знаю свет собой; мой друг, хотя мы разно себя ведем, а мыслим, я думаю, одинаково; наконец, ты вить и в деревне нашел еще в себе привязанность к свету, узнав падчерицу этого дурака, которой теперь упрямится.

Правдин. Судьба моя была во всю жизнь мою от дураков терпеть! этот не совсем дурак, а закоренелое невежество делает его несноснее всякого дурака. Общество его состоит из таких же, как и он; то как было невинной девушке узнать здесь свет, в котором она, кроме Надоедалова, надоедающего своим надоедательным существом, ничего не видит, эту девушку нашел я всей любви моей достойной; я боготворил в ней все, даже до ее странностей, от незнания света происходящих; я нашел в ней чувствительность, чистосердечие, благородную душу и все те добродетели, которые слывут в свете старыми именами, смысл потерявшими; эти добродетели препятствуют ей видеть, что родители ее странны и глупы; они препятствуют ей вытти за меня без согласия их; они меня восхищают; они меня мучат, они... делают, что я и преблагополучной и пренесчастливой человек вдруг.

Граф. Ты на все смотришь в грустном виде, а мне кажется скоро от мизантропства своего отступишься; кто хочет преодолеть свои несчастии, тот не должен допускать несчастиям себя преодолевать. Верь, что я столько еще Гуром любим, что он меня послушает. Вот он идет, оставь меня с ним. *(Правдин уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Граф и Гур.

Граф. Здравствуй, Гур Филатач; что так давно у меня не был?

Гур. Батюшка, ваше сиятельство! все за хлопотами; мы

столько милостию вашего сиятельства обязаны, что готовы и день и ночь быть у вас.

Граф. Помилуй! уж и день и ночь; куды мне столько; довольно с меня, ежели сегодни пожалуешь ко мне на вечер в лагерь; у меня полковой смотр и князь будет.

Гур. Батюшка, ваше сиятельство! я рад душою, да жена у меня така неопрятна, не скоро сберется, дело деревенское.

Граф. Помилуй! на что мне твои сборы, как-нибудь по-домашнему.

Гур. Ваши гости, батюшка, ваше сиятельство! о чем говорить. *(Помолчав.)* Не смею, батюшка, ваше сиятельство, доложить; у меня есть небольшая просьбица до вас.

Граф. Что такое? пожалуй, я готов тебе служить.

Гур. У меня, батюшка, ваше сиятельство, есть дельцо в земле с приезжим-та князем; так, ведашь ты, рука сильная! где нам хлопотать с его сиятельством. Он жа тащит меня в совестной суд.

Граф. В совестной суд, братец! никого тащить не можно, я дивлюсь, как ты сам не хочешь кончить по совести; однако я за тебя у князя стараться готов: только надобно, перьвое, чтоб ты мне все дело, не скрывая, рассказал так, как оно есть, второе, чтоб ты исполнил мою просьбу.

Гур. Гля ради вашего сиятельства я на все готов; стыдно сказать, а грех утаить, земля та, правда, княжая, да, ведашь ты, стар-ат князь в деревню-та не езжал, жил все в Питере, ан, Федул Надоедалов, бывши здесь воеводою, по дружбе ко мне, тысяч пять десятинишек-та мне и отрезал у князя-та, так тапер за десять-ту лет одного иску что приходит. Воевода-та, ведашь, был мне с руки, а уж совесть-ту, свою дуру, ничем не закупишь.

Граф. Слава богу, что она еще у тебя есть; ну за то, что ты мне сказал правду, я могу тебе ручаться, что князь с тебя иску просить не будет. Теперь скажу тебе мою просьбу: у тебя есть невеста, и умна, и хороша, что ты о сю пору замуж ее не выдаешь?

Гур. Батюшка, ваше сиятельство! я и сам ей не рад, така плаксивая! женихов туча, свах от ворот не отобьешь, а не идет ни за кого. Ну, что ты прикажешь? ни за кого не идет.

Граф. Ну! ежели я ей жениха сыщу; отдашь ли ты ее?

Гур. Батюшка, ваше сиятельство! против вашего слова нашего нет; а кто б такой?

Граф. Ну, например, ваш предводитель Правдин.

Гур. За Правдина! .. *(Поморщась.)* Батюшка, ваше сиятельство! он дурной человек.

Граф. Почему же?

Гур. Да я и сам не знаю почему, а дурной человек.

Граф. Экой ты, братец! да почему же?

Гур. Ох! батюшка, ваше сиятельство! я бы и не прочь, да бабу-та у меня подбили, а по ней уж и я зартачился; вишь, говорят, у него как-та ум-ат будто не свой; он, видишь, хочет жениться-та затем, что за Любушкой-та пятьсот душ; он же все верно промотат; он как-та и живет-та все не по-нашему; ды какой он муж? ища ему тридцати лет нету; ну, что это за муж?

Граф. А как жа ты дурака-та вашего щеголя-та Затейкина хвалил и говорил, что он хороший муж будет, а он еще его моложе.

Гур. Ну, батюшка, да вить не любо, не слушай, а врать не мешай; хозяйке-то он моей полюбился.

Граф. Ну послушай, поверь же ты мне, что ежели это все соврано, так это вздор; так ли? .. да не забудь еще о пяти тысячах десятин-та.

Гур *(трет лоб)*. Ох! .. помню, батюшка, ваше сиятельство! так и быть; поеду уговаривать хозяйку свою, она вить у меня и плоха и сварлива; что делать!

Граф. Нет, уж я тебя не пущу, покуда не согласишься.

Гур. А иск-ат, батюшко, ваше сиятельство! с пяти-та тысяч десятин-та?

Граф. Ну! .. нет иску, коли ты согласен.

Гур *(дает руку)*. Ин, коли так, будь воля божия и ваша.

Граф. Ну! поезжай же домой, да привози невесту и свою хозяйку сюда.

Гур. Скоро, батюшка, ваше сиятельство! тотчас буду; прощенья прошу. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Граф и Правдин.

Правдин. Граф! .. друг мой! .. как приятно для меня всем на свете быть обязану тебе! *(Обнимает графа.)*

Граф. Все дело сделано, и ты уж больше не мизантроп. Гур поехал за невестой, и сегоднишней день был назначен мне ко всем удовольствиям, какие мог я вообразить, видя и себя и тебя благополучным. Перемена твоих обстоятельств, надеюсь, истребит и ненависть твою к свету, от которой ты на все смотрел в черном виде; ты возненавидел службу от нетерпения, общества от самолюбия, изобилие от бедности, а скоро бы и самого себя от привычки все признавать ненавистным; счастие твое, дружба моя и твои достоинствы дают мне право быть с тобой чистосердечну; признайся, что теперь, получив то, что нам любезно, в городе, в деревне, во дворце и в хижине тебе и

надменность знатных, и невежество деревенских неучей не только будет сносно, да и равнодушно. Исполнив долг отечеству, дружбе и самому себе, все звании, умы и состоянии хороши при звании честного человека; и для того теперь перестанем бранить свет, в котором есть еще для нас счастливые случаи, пременяющие судьбу нашу *(обнимая его)*, поздравляю тебя от всего сердца; ты слышал, Гур зачем поехал?

Правдин. Я слышал ваш разговор за палаткой весь; судьбе надобно было, чтоб я всем счастием моим обязан был тебе, отчего оно мне еще приятнее.

ЯВЛЕНИЕ IV

Граф, Правдин, Затейкин и Простофилин.

Затейкин. Мы, батюшка, ваше сиятельство! услышали об вашем благополучии и теперь спешили поздравить. Я ажна так обрадовался, шты тьфу пропасть; поздравляю, ваше сиятельство! вас с вашей, так сказать, ды с нашей радостью; здесь весь уезд эвтому обрадуется.

Простофилин кланяется.

Граф. Благодарствую, братец! да что ты так разряжен! у меня будет князь, которой до этого не охотник; тебе же хочется ко мне в полк вытти из гвардии капитаном, а это смешное франтовство хорошего капитана никогда не сделает; ты знаешь, что служба ни этих нарядов, ни полуфранцузского языка не требует.

Простофилин. Слышишь, Николай Назарьич! ан, и я дурак, что перенял.

Затейкин. Я, ваше сиятельство, с тем было просил, чтобы мне в полку-та не служить, лишь бы через год к четверке-та прибраться *; вить не я первой, не я последней; а что три жилетки, эта как, ваше сиятельство, не хорошо? вить не мы эта выдумали, в Питере-та все так жа носют; а коли по-французски-та лучше не выучен, так я бы и за море поехал: да мне матушка говорит: прокляну, Николаша, коли поедешь! ан, где ж нашему брату перенять?

Правдин. Жаль, что не я выдумал эту пословицу, только я ее вспомню: ездют, сударь, и за море поросяты, да свиньями выезжают; в чужие-та земли ездить можно тогда, когда в своей земле кто жить умеет, да и то не за тем, чтобы перенять глупое франтовство, которое и тот весь ум выбивает из головы, с которым родился в России до отъезду.

Затейкин. Да вить здесь, хош и переймешь-та, так все

не в лад, а я было, ваше сиятельство! к вам с нижайшей просьбой.

Граф. Что такое, братец, еще?

Затейкин. Батюшка, ваше сиятельство! здесь нельзя говорить: пожалуйте в палатку.

Граф. Пойдем, братец. *(Улыбается, глядя на Правдина, и идет в палатку.)*

Простофилин. Ваше сиятельство! и мне нужда есть, помилуйте.

Граф. Ступай и ты суды, братец! *(Уходят в палатку.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Правдин (один).

Правдин *(задумавшись и походя взад и вперед.)* О, женщины! .. о... судьба! .. дурак тот, кто думает тебя предвидеть... куда девался во мне мизантроп, которому и свет и жизнь были так долго ненавистны? сколько они стали теперь мне и нужны, и приятны! .. жизнь теперь столько ж надобна мне для любви, сколько любовь необходима для моей жизни. Судьба моего друга мою судьбу переменила! .. Счастливы те, кто испытали все его горести и вкушают настоящее его благополучие. Прощаю всем моим злодеям; ужель прощаю теперь самому себе и своему сердцу, которое так долго меня мучило... теперь узнаю точно, что ежели чрезмерная чувствительность есть первейший источник столь многих нам несчастий, то она первейшее блаженство наше в благополучном состоянии! довольствуйся, гордец, почестями и поклонами, довольствуйся, скупой, теми миллионами, которые ты сбираешь и не пользуешься; обманывай сам себя, сколько хочешь, ты не знаешь цены того, что чувствует мое сердце... любовь! .. любовь! ты одна могла мне свет и меня свету возвратить!

ЯВЛЕНИЕ VI

Граф, Затейкин, Простофилин и Правдин.

Граф *(Правдину)*. Как бы ты думал, братец, эти господа оба просят меня вдруг, чтоб я их женил на одной невесте, которая за обеих их нейдет. Что мне с ними делать?

Правдин *(графу)*. Как тебе хочется, граф, с ними говорить?

Граф *(Правдину)*. Признаюсь, братец, что мне жаль их глупости, а по моему нраву мне никого огорчить не хочется. Ну,

извольте, господа! я ваш спор решу: положитесь вы все на самое невесту; она у меня будет сегодни, и она вас решит.

З а т е й к и н. А вы-то, батюшка, ваше сиятельство, за меня замолвите ли?

Г р а ф. Да ты сам за себя замолвил уж слишком много; однако кто-то едет. *(Правдину.)* Это должна быть она; сердце мое привыкло ее узнавать, я пойду к ним навстречу.

ЯВЛЕНИЕ VII

Т е ж, кроме г р а ф а.

З а т е й к и н *(Правдину)*. Вот вить, батюшка, с знатными-та господами каково! ничем не угодить; да что нам до них, мы заживем здесь на Лебедяни-та, ась! .. *(Правдин глядит на него сурово и отворачивается.)* Как вы думаете? Любовь-та Ивановна пойдет за меня? Кажется *(Правдин взглянул на него опять)*, чем бы я ей не жених? вить это, например, у нас с Сидором была сшибка-та не все же в беду ставить, так уж паразар * случилось, знать. *(Правдин взглянул на него и, пожав плечами, вздохнул.)* Да что ж вы, батюшка, ничего не говорите?

П р а в д и н. Неприятно говорить такие слова, которые и вам приятны быть не могут; а ежели вам непременно хотелось заставить сказать мое мнение, то простите чистосердечию моему, ежели я скажу, что девушке с разумом и достоинствами нельзя выбрать такого жениха (я не про вас говорю), которой, кроме глупого франтовства и полуфранцузского языка, других способов нравиться не имеет, а с чувствительным сердцем нельзя ей быть счастливой с тем несчастным самолюбием мужа, по которому все его странности кажутся ему хороши и подражания достойны. С этими мыслями (я не к вам говорю), кроме омерзения от всех порядочных людей, кроме худых успехов во всех предприятиях, кроме удивления скотов и кроме ненависти от всех, ничего заслужить невозможно; новости в одежде, в образе жизни и в обхождении в выдумавших их странны и дики, а в перенимающих глупы и презрительны, вот мое мнение; простите чистосердечию человека, которой ничего не ищет, ничем льститься не может, и которому похвала или хула господ петиметров и изобретателей, или подражателей всякого рода новостей совершенно равнодушна.

П р о с т о ф и л и н. Хорошо, Николай Назарьич! что я етого не понял, а то бы и я рассердился. Вить это никак он про нас говорил.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Прежние, князь, княжна, граф и Правдин.

Граф (*входя с княжною*). Надобно, чтоб этот день назначен был к совершенному моему благополучию; я нашел здесь то, что мне всего дороже в свете, нашел брата и друга и другого друга сделал благополучным.

Князь (*графу*). Когда это ты все успел сделать? (*Правдину.*) Поздравляю, братец! . .

Правдин. Так, ваше сиятельство! Граф умел сделать благополучие мое еще для меня приятнее, потому что им обязан я ему.

Княжна. Я берусь графа за вас благодарить, мне так жаль было видеть печаль этой достойной девушки, которая попалась в странную семью, что не могу вам описать; она так мила. . . так невинна, что всякую минуту приметно было, что ее положение ее мучило.

Граф. Надобно, чтоб был способ быть мне еще довольнее своей участью, когда я услужил княжне, услуживая моему другу и самому себе! . . Боже мой! я не могу себя уверить, что все то правда, что со мною делается; (*князю*) вообразите: Гур согласился выдать падчерицу за него, когда я дал слово, что вы иск свой ему простите.

Князь. Я больше сделаю для него, я всю землю спорную уступлю.

Правдин. Ваше сиятельство! я желал бы быть или б меньше вам обязан, иль бы больше иметь возможности вас благодарить.

Князь. Оставь, братец, пустую щекотливость, которая между друзьями ни к чему не годится, я рад, что этот Гур так сговорчив; пожалуй сюда, я не хочу пропустить сегоднишней почты и сейчас об этом в Тулу напишу. (*Уходит с Правдиным в палатку.*)

Затейкин (*графу*). Мы, ваше сиятельство, пойдем встречать Феклу Тарасовну, а вы, батюшка, не оставьте меня, то есть похвалить-то, ваше сиятельство! (*Простофилину.*) Кланяйся, Сидор. (*Простофилин кланяется, Затейкин с усмешкой графу, будто согласясь уж с ним, уходит.*)

Граф. Ступайте, ступайте, господа, встречайте ваших гостей. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Княжна и граф.

Княжна. Братец говорит мне, что довольно слез я пролила; граф! . . которого наконец позволено мне назвать любез-

ным моим графом! .. довольно ли будет тебе? ежели я скажу, что я теперь об слезах пролитых мною не жалею.

Граф (*цалует ее руку*). Сказать довольно, я не могу, а ежели есть еще благополучие в свете выше того, что я чувствую теперь, то надобно, чтоб оно мне было неизвестно, потому что я ничего счастливее минут теперешних не знаю. (*Глядят друг на друга, не говоря ни слова долго.*) Ежели б беспримерная княжна моя могла чувствовать, чего мне стоило то время, в которое любовь, ревность, разлука, страх ее лишиться и гнев князя мучили меня беспрестанно.

Княжна. Я чувствовала их по себе особливо тогда, когда эти несносные пустые слухи о твоей смерти до меня дошли; нет, ты не так любил, как я, когда мог оставить нас в неизвестности о себе.

Граф. Как мне можно было решиться писать к вам, знав расположение батюшки и странствуя по Европе тогда, когда вы сами беспрестанно ездили то в Москву, то в деревню; к тому же три раза в армии сказывали мне, что вы уж замужем, что богатствы, чины и знатность выбранного вами человека утешили уж вас о потере того, кто, кроме сердца, привыкшего боготворить вас, ничего в жертву принесть не мог.

Княжна. Он для меня всего дороже. Граф! перестань упрекать меня тем, в чем я невиновата. Есть ли какой-нибудь способ избежать пустой молвы, по которой часто называют женихом такого мужчину, с которым раз только встретишься или танцуешь? а по этой молве через несколько верст немудрено назвать его и мужем; мог ли кто-нибудь, кроме тебя, мне нравиться? Верь, что я мало после тебя видела мужчин любезных, а которых бы любить могла, ни одного. Верь, что я умела различать всегда цену человека с ценою его имений и чином; а после того, ежели б ты знал, чего стоит девице принуждать себя казаться равнодушной, когда сердце с намерением рассудка не согласно, видеть мучение любезного мне человека и мучить его еще больше беспрестанно, когда от одного слова моего зависит его и мое благополучие. Ах, граф! ежели есть из нас такие, которые чувствами сердца своего жертвуют богатству или чинам, то как оне жестоко за то наказаны.

Граф. Нет! это чувствы сердца одной беспримерной княжны моей; как мало других женщин судют, как она! нет, вредные наговоры, сплетни, старание завистников и несколько тысяч верст так легко истребляют из памяти человека, кроме души своей и сердца, ничего не имеющего, что я не знаю по моим мыслям, не одна ли вы женщина на свете, которая бы могла быть такова; я воображал всегда вас в Петербурге среди двора весельев и искателей; вся вселенна казалась мне моими

соперниками; часто жалел я, для чего княжна моя не крестьянка; для чего не могу я в какой-нибудь хижине находить с нею то, чего ни в каких дворцах без нее бы иметь не мог; наконец, получив уж и чины и имение, трепетал еще, что они достались мне поздно.

Княжна. Можешь ли ты думать, чтоб они умножили что-нибудь в мыслях моих о тебе? Ежели ты находишь, что я сужу необыкновенной женщиной, суди же ты необыкновенным мужчиной и не думай, чтобы в тебе что-нибудь, кроме самого тебя, мне нравилось.

Граф (*целует ее руку*). Все, что я слышу, умножает мою радость. Простите мне, ежели я думал иначе когда-нибудь; княжна! .. я больше чувствую, нежели сил моих достанет изъяснить.

ЯВЛЕНИЕ X

Те ж, князь и Правдин.

Князь. Кто-то едет сюда к лагерю. Простите мне, ежели желание разделить ваше удовольствие, принудило нас разговор ваш перервать.

Граф. Как бы много мы вам его ни уделили, довольно еще для нас останется; ах, это Гур едет.

ЯВЛЕНИЕ XI

Еремевна, Затейкин, Простофилин, Гур, Фекла, Любовь и прежние.

Любовь (*целуя княжну*). Princesse! скажите, кого мне благодарить? я не умею и не хочу скрыть, сколько я счастлива. Как это все сделалось? вообразите, . . .батюшка приехал и говорит, я иду замуж за того, кого я любила, в самое то время, как maman дала слово этому фатальному monsieur Затейкин!

Княжна (*целуя ее*). Поздравляю, душа моя, и знаю собой, каково неожидаемое благополучие.

Любовь. Княжна! .. граф! .. князь! .. кого мне благодарить?

Правдин (*целуя ее руку*). Наперед самое себя, а потом этих обеих друзей моих, которым так лестно мне быть обязану. Граф! я в восхищении от ее беспорядку! ты видишь, умеет ли она притворяться. . .

Князь (*Гуру*). Гур Филатач! теперь остается мне сдержать слово, графом тебе данное за меня, я тебе и иск и всю

спорную нашу землю уступаю. Вот каково делать добрые дела. *(Гур стоит, остолбенев с радости.)*

Еремевна. Ах, батюшки! пять тысяч десятин! *(Графу.)* Батюшка, ваше сиятельство! у меня внучик в полку-та твоем каптенармусом *, так помилуй: нельзя ли его во что-нибудь пожаловать, хоть в прапорщики, а коли нельзя, так хошь в подпрапорщики.

Граф. Ну ежели ты не лучше умеешь сватать, как чины выпрашивать, худо будет от тебя женихам.

Еремевна. Отец ты мой! да вить у меня только и хлеба-та; худо мне было в неволе в барском доме, а худая-та воля вить еще хуже; кабы да не свадьбы-та на ярмонке, с голоду бы пропала.

Граф. Мне уж и жаль ее; вот тебе, старушка *(дает кошелек с деньгами)*, за худые твои успехи.

Еремевна *(кланяется в землю)*. Благодарствую, мой родной!

Граф. Видишь, братец, что я тебя не обманул. *(Гуру.)* Ну, поздравь же своего зятя.

Гур. Ах! батюшка, ваше сиятельство! я не ожидал эдакой милости; жена! Любушка! кланяйтесь! благодарите; поздравляю, любезной зять! *(Цалует Правдина.)*

Фекла. Так, батюшка! благодарны вашему сиятельству. *(Цалует Правдина.)* Поздравляю, батюшка! дай бог вам совет да любовь.

Затейкин. Матушка, Фекла Тарасовна! да нешта я вам не зять?

Фекла. Так, мой батюшка! он мой зять, уж так видно и быть.

Затейкин *(Еремевне)*. А гранитур-ат, матушка?

Еремевна *(посматривая на кошелек)*. Отдам, мой батюшка *(отдавая гарнитур)*, отдам, пожалуй возьми, знать он в самом деле вас лутче. Ну, где вам не в свои сани садиться *(гонит их)*, подите, подите, батюшки мои! здесь не ваше место.

Простофилин поклонясь, а Затейкин сердясь уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Князь, княжна, граф, Гур, Фекла, Любовь, Правдин, Еремевна (слышен барабан).

Фекла *(Гуру)*. Полк-ат станет палить, батюшка? а я пушек-та боюсь: сем я на дрожжках-та поеду домой.

Гур. Поезжай, баба! ты, матка, на праздники не годишься.

Любовь *(князю)*. Ай, да я не знаю, что это значит,

десятины, однако знаю, что я от них счастлива, и вас, князь, так благодарю, так благодарю! .. что не умею этого сказать.

Правдин. Ежели она не умеет этого сказать, то верно мы оба будем уметь чувствовать во всю жизнь нашу, сколько мы вам благодарны. Граф! мы счастливы оба беспримерно, только я перед тобою имею то удовольствие лишнее, что ты счастием своим обязан судьбе, а я тому другу, которого после нее всему в свете предпочитаю.

Полк перед палаткой марширует на ученье, занавес опускается.

Конец пятого действия

Между пятым действием и балетом слышны выстрелы и барабан, ученье полку изображающие, которому музыка соответствует.

ПРОГРАММА БАЛЕТА,

последующего

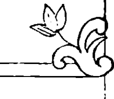
ЛЕБЕДЯНСКОЙ ЯРМОНКЕ

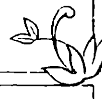
Открывающийся занавес представляет лагерь графа, оставленный по окончании пятого действия. Возвращающийся с ученья полк после смотру входит церемониальным маршем с распущенными знаменами в лагерь, внутри которого видна палатка графская с раскрытою полою, и возле ее бекет *, при знаменах, поставив которой, полк входит в кулисы, палатки представляющие; при восходящей луне бьют зорю; лагерь освещается разноцветными фонарями, так же и ставка графская. Пляски цыганок и полковых мальчиков, так же всякого рода ярмоночные увеселении занимают середину балета, праздник графом данной в лагере изображающего; наконец, театр освещается дневным светом, расступившая фигура балета уступает место полку, внутри театра построенному к утренней зоре, которая оканчивает балет.

Конец

В. В. КАПНИСТ

ЯБЕДА





ЯБЕДА

Комедия в пяти действиях

ЛИЦА:

Праволов, отставной асессор
Кривосудов, председатель гражданской палаты
Фекла, жена его
София, дочь его
Прямиков, подполковник служащий
Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин — члены гражданской палаты
Хватайко, прокурор
Кохтин, секретарь гражданской палаты
Добров, повытчик
Анна, служанка
Наумыч, поверенный Праволова
Архип, слуга Праволова

Действие происходит в доме Кривосудова. В углу комнаты стоит стол, красным сукном покрытый. В комнате три двери.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Прямиков и Добров.

Прямиков

Я рад, мой друг, что мы с тобою здесь столкнулись.

Добров

Да вы, сударь, зачем в дом этот завернулись?
Неужли за грехи какая вас напасть
Иль тяжба, бог храни, втащила в эту пасть?

Прямиков

Та именно: процесс на шею навязался;
Я от него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступал, но потерял весь труд.
И так уездный уж и верхний земский суд
Прошел, где моему не льстили супостату,
Вступило дело к вам в гражданскую палату.

Добров

Боюсь я, чтоб оно не оступилось здесь.
Да с кем же вы, сударь, имеете процесс?

Прямиков

Сосед мой Праволов не ведь с чего вцепился...

Добров

Кто? Праволов?

Прямиков

Да, он. Чему ж ты удивился?

Добров

Дивлюся, право, я, как с умной головой
Могли связаться вы с такой, сударь, чумой?

Прямиков

Сутяга хитрый он, однако ж не опасен.

Добров

Кто? Он?

Прямиков

Уж в двух судах был труд его напрасен.

Добров

Не знаете, сударь, сего вы молодца.
Другого в свете нет такого удальца.
Напрасен в двух судах! Да там лишь разбирают,
А ведь в гражданской вдруг решат и исполняют.
Что за беда ему, что в тех его винят;
Лишь только для него в палате был бы лад.
То он получит вдруг и право и именье.
Вам с Праволовым в суд? Какое дерзновенье!

Прямиков

Да чем же страшен так он мне? Прошу сказать.
Я, в армии служа, не мог соседей знать.
По замирении я в отпуск отпросился;
Лишь в дом,— он на меня с процессом и взвалился;
И тут-то я узнал уж не от одного,
Что он злой ябедник; да только и всего.

Добров

Да только и всего! Так этого и мало?
Вы добрый человек; мне жаль, сударь, вас стало!
Покойный ваш отец мне благодетель был;
Я милостей его отнюдь не позабыл:
Я помню, что его хлеб-соль едал довольно.
В сетях сих видеть вас мне, право, очень больно.
Коль нужен в чем, готов для ваших я услуг.

Прямиков

Чувствительно тебя благодарю, мой друг!
Я должен искренно теперь тебе признаться,

Что я не знаю, как за дело мне приняться.
Во-первых, мне скажи: чем так соперник мой
Мне страшен?

Добров

Господи! что за вопрос такой!
Он ябедник: вот все уж этим вам сказали.
Но чтоб его, сударь, получше вы узнали,
То я здесь коротко его вам очерчу:
В делах, сударь, ему сам чорт не по плечу.
В гражданской уж давно веду я протоколы;
Так видны все его тут шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представ, невинности явили в нем черты.
А сверх того еще, глас божий — глас народа,
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.
Там отмежевана вдруг выросла земля;
Тут верхни мельницы все нижни потопили;
Там двести десятин два борова изрыли;
Здесь выморочных сел наследничек воскрес;
Там, на гумне, его дремучий срублен лес;
На брата иск за брань и за бесчестье взносит,
А пожилых с того и за умерших просит;
Там люди пойманы его на воровстве
Окраденным купцам сыскалися в родстве
И брали то, что им лишь по наследству должно.
Но всех его проказ пересказать не можно:
Довольно и того, что вам слегка сказал.
Притом, как знает он всех стряпчих наповал!
Как регламент нагнуть, как вывернуть указы!
Как все подьячески он ведает пролазы!
Как забежать к судье, с которого крыльца;
Кому бумажек пук, кому пуд сребреца;
Шестерку проиграть, четверку где иль тройку;
Как залучить кого в пирушку, на попойку;
И словом: дивное он знает ремесло,
Неправду мрачную так чистить, как стекло.
Так вам возможно ли с сим молодцом тягаться?

Прямиков

И подлинно, его мне должно опасаться.
Но дело ведь мое так право, ясно так! ..

Добров

Как солнце ясно будь, то будет аки мрак.

Прямиков

Но на судей ужли не можно положиться?
Хозяин здешний? ..

Добров (*осматриваясь кругом*)

Ах! Боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышит нас никто.
Извольте ж про себя, сударь, вы ведать то,
Что дому господин, гражданский председатель,
Есть сущий истины Иуда и предатель,
Что и ошибкой он дел прямо не вершил;
Что с кривды пошлиной карманы начинил;
Что он законами лишь беззаконье удит

(*Показывая, будто считает деньги.*)

И без наличного довода дел не судит.
Однако хоть и сам всей пятерней берет,
Но вящую его супруга дань дерет:
Съестное, питейцо — пред нею нет чужаго;
И только что твердит: даянье всяко благо.

Прямиков

Вот на! Возможно ль быть? А члены?

Добров

Все одно:
У них все на один салтык заведено.
Один член вечно пьян, и протрезвленья нету;
Так тут какому быть уж путному совету?
Товарищ же его до травли русаков
Охотник страстный: с ним со сворой добрых псов
И сшедшую с небес доехать правду можно.

Прямиков

А заседатели?

Добров

Когда, сказать не ложно,
В одном из них души хотя немножко знать;
Так что ж? Лих та беда, что не горазд читать,
Писать и поготовь, а на словах заика;
И так, хотя б и рад, помеха лих велика.
Другой себя к игре так страстно пристрастил,
Что душу бы свою на карту посадил.
В суде по Чермному с ним фараон гуляет *,
И у журналов он углы лишь загибает *.

Прямиков

А прокурор? Ужли и он...

Добров

О! прокурор,
Чтоб в рифму мне сказать, существеннейший вор.
Вот прямо в точности всевидящее око:
Где плохо что лежит, там зетит он далеко.
Не цапнет лишь того, чего не досягнет.
За праведный донос, за ложный он берет;
Щечит за пропуск дел, за голос, предложенья,
За нерешение решимого сомненья,
За поздний в суд приход, за пропущенный срок,
И даже он дерет с колодников оброк.

Прямиков

А о секретаре? ..

Добров

Дурак, кто слово тратит.
Хоть гол будь, как ладонь, он что-нибудь да схватит.
Указы знает все, как пальцев пять своих.
Экстрактец сочинить без точек, запятых,
Подчистить протокол, иль лист прибавить смело,
Иль стибрить документ — его все это дело;
И с Праволовым он запазушны друзья.
Он вам накаверзит, весьма уверен я.
И дельцо, знать, к себе он прибрал по секрету;
По крайности, его в моем повытье нету.

Прямиков

Изрядно эту мне ты шайку описал!
Какая сволочь!

Добров

Я вам истину сказал:
Но, бога ради! ..

Прямиков

Будь, пожалуй, будь спокоен.
Но чем же мне начать? Я, право, так расстроен...

Добров

Из слов, сударь, моих могли вы то понять,
Что нечем тут начать, как тем, что дать да дать.

Прямиков (*даст ему кошелек*)

Изволь, тебе, мой друг! Так, как знакомцу древню...

Добров (*не принимая*)

Никак: благодарю.— Давно бы я деревню
Купил, когда б так брал, как многие берут,
Впредь до решенья дел, за предлежащий труд.
Таких неправедных нажитков я чуждаюсь;
С женой, с детьми трудом и правдою питаюсь.
А если правое чье дело верх берет,
И правый мне за труд в признательность дает,
То, признаюсь, беру. Мне совесть не пеняет:
Я принимаю дар, бездельник вынуждает.
И не из прибыли я вам служить хотел;
Я уж сказал, сударь, я вашу хлеб-соль ел.

Прямиков

Ну, как же ты, мой друг, совет мне предлагаешь,
Которого ты сам исполнить не желаешь?
Ты бедный человек, имеешь малый чин;
Породы ты простой, не князь, не дворянин;
Ты дому моему уже служил довольно;
Но ты не взял, что я хотел дать добровольно.
А мне советуешь, чтоб я пошел дарить,
Кого ж? Мне равного! Как может это быть!
И как мне сметь его унизить, уничтожить!

Добров

Не должно это вас, поверьте мне, тревожить.
До рода, до чинов, какая нужда тут?
Давайте тем, сударь, которые берут.
А чтоб предохранить их от уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтоб чина пред другим вам не уничтожать,
То по чинам лишь им извольте прибавлять *.

Прямиков

Не сроден я, мой друг, на эдакие штуки.
Пускай подарками мой враг марает руки *.
Я мыслю, что мою тем правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Добров

Вы слишком песенку поете нам высоку;
А на Руси твердят: не всяко лыко в строку.

Прямиков

Но я все правдою привык, мой друг, строчить.
Имений могут всех они меня лишить,
Но не принудят век на подлость и пронырства.

Добров

Что ж вам от этого прибудет богатырства?

Прямиков

Честь.

Добров

Честь, сударь, не в честь, как нечего с ней есть!
Но надобно же вам подумать, как ни есть. . .

Прямиков

Я думаю, я прав.

Добров

И неужель стоите
Упрямо в том? . .

Прямиков

Стою.

Добров

И им вы не дадите?

Прямиков

Ни шеляга не дам.

Добров

Однако истец ваш,
Я думаю, прислал тяжелый свой багаж,
И под фортецию суда подкоп уж роет.

Прямиков

Пусть.

Добров

Ну, а как он залп из кошелька откроет,
То праву вашему

(свищет)

на воздухе гулять.

Прямиков

Ну, что ж? Хоть здесь они изволят сплутовать,
То я наместнику на них подам прошенье *.

Добров *(закрывая рукою рот)*

О боже! Положи устам моим храненье!
Но хоть подумайте,— и это, ей, не вздор —
Что исполняется палатской приговор
И что ощиплют вас, как коршуны синицу;
А с апелляцией уж голый

(свищет)

дуй в столицу.

Прямиков

Нет, права моего ничто не помрачит.
Я не боюсь: закон подпора мне и щит.

Добров

Ах! Добрый господин, ей-ей! законы святы,
Но исполнители — лихие супостаты.
Закон желает нам прямого всем добра;
Но мы хотя и все из одного ребра,
Но не равно мы все к добру расположенны.
В зерцало взглянь судов: Петра черты священны
Безмездно там велят по истине судить;
Божествен суд таков! Да где судей найтить?
Закон старается вселить в нас души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко бескорыстию желание вперить,
И с правдою судей сколь можно примирить;
Наградою их льстит и казнью угрожает;
Но против ябеды ничто не помогает.
Ее-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза *;
И чтоб насущного вам хлеба не лишиться,
То должно с ябедой как ни на есть сойтиться.

Прямиков

Все так, мой друг, но я из правил уж моих
Ни для каких причин не выйду ни на миг.
И я решился раз; что скажешь, все пустое.

Добров

Но. . .

Прямиков

Перестань, прошу. Да это что такое?
Судейский красный стол, мой друг, я вижу здесь!

Добров

Не знаю как сказать: иль ангел, или бес,
Вняв челобитчиков умильному моленью,
Присутственны места все предал всесожженью;
А как домов таких нельзя здесь вдруг найтить,
Где выгодно суды могли бы поместить,
То председатель наш в свой дом вместил палату,
С казны за то себе приобретая плату.

(Показывает, будто деньги считает.)

Прямиков

Так мы нечаянно в святыню забрели?

Добров

Но святость, знать, в ней спит; а день уж на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйска именинна,
И для сговора...

Прямиков

Чей сговор?

Добров

У них едина
Лишь дочь. Я слышал вскользь,— таят.

Прямиков

Да за кого?

Добров

Не знаю истинно. Да вам что до того?

Прямиков

Как что? Но на тебя могу ль я положиться?

Добров

Я предан вам, сударь! Нет нужды и божиться,
Уж после всех тех тайн, что вам...

Прямиков

Так знай, мой друг,
Что страстью нежною пылает к ней мой дух *,
Но кто соперник мой?

Добров

Таят, сударь, к чему-та.
Да вот, ее идет служанка к нам.

ЯВЛЕНИЕ II

Прямиков, Добров и Анна.

Прямиков

Анюта!
Ах! как я рад тебе! . .

Анна

И я вам. Да отколь
Принес вас бог?

Прямиков

Постой, и прежде мне позволь
Спросить, правдив ли слух по городу несется,
Что барышня твоя уж замуж отдается?

Анна

Что отдается, в том, наверное, вам лгут;
Но то не солгано, сударь, что отдают.

Прямиков

Скажи мне искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня в печали оставляешь?
Хоть словом успокой, Анютушка! меня *.

Анна

Да что мне вам сказать?

Прямиков

Скажи, любим ли я?

Анна

Хотя и не совсем, сударь, вы правы сами;
Но правды потаить я не хочу пред вами.
Вас любят; но беда, что принуждают нас
Женою быть того, кто не похож на вас *.

Прямиков

Ах, боже мой! поди ж скажи ты ей, Анюта!

Анна

Да вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ III

София, Прямиков, Анна и Добров.

Прямиков *(цалует у Софии руку)*
Счастливая минута!
С какою радостью я вижу вас опять!

София

Ах, да откуда вы *?

Прямиков

Могу ль себя ласкать
Надеждой, что моей вы к вам любви сердечной...

София

Вы позабыли нас!

Прямиков

Ах, нет; я помнил вечно,
И вечно образ ваш в душе моей *...

Анна *(к Софии)*

Но вот
Сюда ваш батюшка, сударыня, идет.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те ж и Кривосудов.

Прямиков *(к Кривосудову)*

Позвольте вам, сударь, отдать мое почтенье.
Я Прямиков. Процесс мой к вам на рассмотренье
Вступил. Я в правости на ваш надеюсь суд.

Кривосудов

А! знаю...

(к Софии.)

А ты что, чего зеваешь тут? ..
Поди в уборную: ты видишь, челобитчик.

София и Анна уходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Кривосудов, Прямиков и Добров.

Прямиков

Осмелюсь вам сказать...

Кривосудов

А! господин повытчик!

Добров

С днем ангела, сударь, я поздравляю вас,
Желаю новых благ на всякий день и час.

Кривосудов

Благодарю, дружок!

Прямиков

Я смелость принимаю...
О деле вам моем...

Кривосудов

Да я сказал, что знаю.
Надолго ль в город к нам?

Прямиков

То должно вам решить.

Кривосудов

Мы ради гостю.

Прямиков

И... без тяжбы здесь прожить
Я несколько хотел. Позвольте мне о деле...

Кривосудов

Рассмотрим мы его на этой же неделе.

Прямиков

Но я хотел, сударь, вам прежде изъяснить...

Кривосудов

Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дело на письме увидеть можем ясно;
И предуведомлять хотите вы напрасно.

Прямиков

Однако я прошу...

Кривосудов

Вам не о чем просить:
Мы по законам все должны дела вершить.
Без просьбы оправдим, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дело плоховато...

Прямиков

Не о потачке я упрашивать хотел;
Бесчестьем вам и мне такую б просьбу счел.
Но дело в сторону; я к вам имею нужду,
Процесса всякого и всякой тяжбы чужду,
Важнейшую всего на свете для меня.
Простите мне, что вам откроюсь прямо я.
Вам дом известен мой, порода и поместья:
Я льщусь, сударь, что вам не сделаю бесчестья
И искренность моих поступков докажу,
Когда вам, как отцу, признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотою
Пленен смертельно я; что счастливой судьбою
Почту я сыном вам, а ей супругом быть.

Кривосудов

Дочь! Как? — Где вы ее успели полюбить?

Прямиков

В столице, как она у тетушки бывала,
Имел я счастие...

Кривосудов

И тетка это знала?

Прямиков

Я страсти перед ней не думал и скрывать.

Кривосудов

Она с ума сошла! Да как же так спущать?

Прямиков

Мне странно: неужель я этим вас обижу?

Кривосудов

Никак: но в первый раз я вас сегодня вижу.
Она же молода; у ней же есть и мать.

Прошу за честь сию спасибо вас принять:
Однако же нельзя так скоро нам решиться.

Прямиков

Я только лишь хотел об этом изъясниться;
Узнать, могу ль себя я хоть надеждой льстить?

Кривосудов

На сей седмице вас потщимся мы решить.

Прямиков

Так вы даете мне надежду, что я буду? ..

Кривосудов

Надейтесь, вашего я дела не забуду.

Прямиков

Я с восхищеньем вас, сударь, благодарю.

Кривосудов

Добро; явитеся лишь вы к секретарю.

Прямиков

Зачем к секретарю?

Кривосудов

Он силу в деле знает.
Да, ба! Повытчик тут с делами ожидает:
Мне резолюцию на них потребно дать.
(Берет бумаги.)

Прямиков

Позволите ль мне честь к вам и вперед бывать?

Кривосудов

Добро пожаловать.— Я ваш слуга покорный.

Прямиков уходит.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кривосудов и Добров.

Кривосудов

Вот на! Какой востряк! о! да какой проворный!
Лишь только на порог — и к дочке уж успел *!

Да как сестра моя? .. кто ей на шею сел?
Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!

Добров

Да может быть, сударь, что женишка такова
Хотела приласкать. Ведь с тысячью-то душ
Красавец эдакой хоть бы кому так муж.
Чин подполковничий; через четыре года
Полк тысячный; а бог коли не даст похода,
То с сих двух тысяч душ! — Позвольте мне сказать
Преданнейшу слуге, чем он и вам не зять?

Кривосудов

Вот эти молодцы все ветер лишь гоняют;
И родовых наследств беречь они не знают;
А что говорить о благонажитых!
Кто первый захотел, тот и ощиплет их *.
Не знают, что за зверь экстракт и протоколы;
Лишь только разными языки и глаголы,
С своими ж русскими на площади, везде
Лепечут; а язык прильпе их на суде.
Ты знаешь, нажил я ведь лишь трудом да потом,
Ну, так не жаль ли, брат! как в прах пойдет все мотом?
Такого зятя я хочу себе найтить,
Который бы умел к нажитому нажить.
Да у меня и есть уж некто на примете.

(Кладет бумаги на стол.)

Добров *(берет бумаги и подносит ему)*

Три дела тут, сударь, которы, по помете,
Уж более трех лет не решены лежат:
Пора бы кончить их...

Кривосудов

Да кто же виноват?
Лежат! — вот на! затем, что николи не ходят
Просители ко мне.

Добров

Да чай они и бродят
Под окнами, сударь, но чтоб сюда прийтить,
Так не с чем им.

Кривосудов

Так что ж? За ними мне ходить
Прикажешь?

Добров

Нет, сударь! но я за них таскаюсь,
Их прав иск: я нашел. . .

Кривосудов

Так я и не мешаюсь,
Когда ты что нашел; находка пред тобой.

Добров

Что вот у этого последнею землей
Грабительски его соседи завладели
И дом зимой сожгли.

Кривосудов

Хозяина, знать, грели.

Добров

А бедных сих дворян в подушный всех оклад
Помещик записал.

Кривосудов

Я был бы очень рад,
Когда б в крестьянску чернь, чтоб носа не взносили,
Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.

Добров

А этот, наконец, за поземельный спор,
Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит; домой чуть дотащился,
И в три дни отдал дух.

Кривосудов

Знать дурно он лечился.

Добров *(в сторону)*

Ну! вот и приговор!

(Вслух.)

Да что ж хоть первым двум? . .

Кривосудов

Да дела не могу решить я наобум:
Кто прав, кто виноват, мне это видеть должно.

Добров

Из дела. . .

Кривосудов

Ничего увидеть невозможно.

Добров

Но внятно говорит тут письменный довод.

Кривосудов

Потребен — слышишь ли? — изустный перевод.

Добров

Но дело на письме гласит довольно ясно.

Кривосудов *(вырывает бумаги, бьет об стол и бросает)*

Но дело на письме, хоть бей об стол, безгласно.
Да полно пустошью мне голову ломать;
Поди: к обедне мне пора уж поспешать.

Добров *(поднявши бумаги)*

Хоть взгляньте. . .

Кривосудов

Ох! поди, не говори мне боле.

Добров

При белом их, сударь, принес я протоколе;
Лишь подписать.

Кривосудов

Поди.

Добров

Для ангела!

Кривосудов

Поди!

Добров

Для праздника!

Кривосудов

Поди, поди и пропади!

(Выталкивает вон.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Кривосудов (один).

Кривосудов

Тьфу! бешеный какой! чуть к горлу не придрался,
И с челобитчиком скорея б развязался!

(Передразнивает.)

Лишь только подписать, готов и протокол;
Нет, друг мой! да и я, ведь, также не осел.
Когда все наголо подписывать я буду,
То скоро работать
(делая, будто жует)
и челюстьми забуду.
Перо, и то в себя чернилы ведь берет:
Так мне ли одному сидеть разиня рот,
И видя под носом летящих куропаток,
Из сотни не схватить одну или десяток?
Прост был бы я и впрям!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Кривосудов, Фекла, Наумыч и Архип с подарками в корзинах.

Фекла

Вот, милый муженек!
К нам Праволов прислал Наумыча.

Кривосудов *(надевая перстни, шпагу и проч.)*

Дружок!
Здорово. Господин каков твой?

Наумыч

Вас проздравить
Велел с днем ангела, и сим...
(Показывая подарки.)

Фекла *(Архипу)*

Изволь поставить.

Наумыч

Поклон вам отдает.

Кривосудов

Благодари его;
Но много так на что?

Наумыч

И, сударь! ничего!

Кривосудов

Но, право, совестно.

Наумыч

Домашне все ведь это.

Фекла

А нам бы все платить наличною монетой.

Наумыч

Неуж, сударыня?

Кривосудов

Но будет ли он к нам
На дружеской обед?

Наумыч

Когда угодно вам.

Кривосудов

Пожалуй, попроси.

Фекла

Мы будем дорогова
Ждать гостя.

Наумыч

Я скажу.
(Кривосудову.)
О деле я два слова
Хотел промолвить вам. Соперник прибыл наш...

Кривосудов

Он был уж у меня.

Наумыч *(Фекле, рассматривающей и раскладывающей подарки)*

В бутылках эрмитаж *.

Кривосудов

Но я его оттер. О деле небылицы
Занес было; но я замял речь.

Наумыч *(Фекле)*

Фунт горчицы.

Кривосудов

И с рук сжил.

Наумыч

Сколько ж вам мой господин, сударь,
Обязан!
(Фекле.)

На роброн * атлас.

Фекла

Какой хабар!

Кривосудов

Но как он намекнул, то дело плоховато!

Наумыч

Все ложно.

(Фекле.)

На кафтан тут бархатец косматой.

(Кривосудову.)

И вы словам, сударь, не верьте.

Кривосудов

Ну, добро;

Посмотрим.

Наумыч *(Фекле)*

Флер цветной невесте на фуро *.

(Кривосудову, указывая на подарки.)

На деле мы, сударь, доказываем ясно.

Кривосудов

Добро, добро.

Наумыч *(Фекле)*

За нас словцо.— Шампанско красно.

Кривосудов

Ужо посмотрим.

Фекла

Да, мой милый, посмотри:
Одной провизии не съесть недели в три.

Кривосудов *(смотря на подарки)*

Ба, ба! что вижу впрям! да это двор гостиной!

Наумыч

Изволите шутить.

Фекла *(Наумычу)*

Обернуто холстиной?

Наумыч *(Фекле)*

Швейцарской сыр...
(Кривосудову.)
Так мы надеемся на вас?

Кривосудов

Ну, кланяйся; добро.

Фекла

Обед наш ровно в час.

Наумыч

Наверно будет.

Фекла

Ну, спасиба!

Кривосудов

Ну, спасиба.

Фекла *(провожая Наумыча)*

Спасиба!

Наумыч *(возвратясь, Фекле)*

Там, в сенях, в кульке провесна рыба *.
(Уходит с Архипом.)

Слуга выносит подарки.

ЯВЛЕНИЕ IX

Кривосудов и Фекла.

Фекла

Какой же умница Наумыч!

Кривосудов

Не дурак!

Фекла

И Праволов какой досужий!

Кривосудов

Не простяк!

Фекла

Как любит он наш дом и как не оставляет!

Кривосудов

Зато и делать уж чего не заставляет!

Фекла

Вот друг, каких теперь в диковинку сыскать!
Все знает наперед, что думаешь сказать;
Все памятует дни: крестины, именины,
Родины. . .

Кривосудов

Плохо лишь он помнит день кончины!

Фекла

Им живы, кормит нас, и дом наш, и весь скот;
И словом: им живем без нужды, без хлопот.

Кривосудов

Но до хлопот, смотри, чтоб с ним нам не добиться.
Уж стал он несколько тяжел мне становиться:
Я слышу, на него отвсюду вопиют.
Лишь утушим одно, другое дело в суд;
И сделал для него уж я таких премного,
Из коих и одно б могло, судить коль строго,
Во уголовный суд меня препроводить,
Чтоб лакомством его оскомы не набить!

Фекла

Пустое: ты вершишь ведь все дела чистенько.

Кривосудов

Что черно, как ни чисть, а будет все черненько.

Фекла

Пустое: мы ль одни! всех не переведут.

Кривосудов

А как по жеребью прийдет отведать кнут? . .

Фекла

Пустое; знать, с утра ты левой встал ногою,
Что голову набил такою чепухою.
Ты только посмотри, как оборотлив он:
В Сенате у него, ты знаешь, есть патрон;
А у наместника приятелей имеет.
Куда ни кинется, везде уж он поспеет.

Так ты, пожалуйста, пустого не страшись
И на него в делах его ты положись.

Кривосудов

Что делать!

Фекла

Ах, на ум теперь пришло мне кстате,
На Прямикова иск в гражданской ведь палате.

Кривосудов

Так точно.

Фекла

Он о нем давно мне говорил.

Кривосудов

А мне не так давно.

Фекла

Как он со мной судил,
То с стороны его казалось дело свято.

Кривосудов

А я скажу тебе, что очень плоховато;
И я не знаю, как уж тут поворотить.

Фекла

Однако ж, милый мой, ты должен пособить.
Ведь вспомни, как он нам. . .

Кривосудов

Да помню так, как должно;
Но памятью одной тут пособить не можно:
Тут надобен указ, иль право, иль закон *.

Фекла

Законов столько!

Кривосудов

Так.

Фекла

Указов миллион!

Кривосудов

И это истинно.

Фекла

Прав целая громада!

Кривосудов

Все неоспоримо.

Фекла

Ну, так чего же нада?

Кривосудов

Безумна! надобно такой закон прибрать,
Чем виноватого могли бы оправдать.

Фекла

Да ведь закон прибрать — секретарево дело,
А ваше лишь решить; и я ручаюсь смело,
Что секретарь прибрал закон уж для него:
Из пропасти такой не выбрать одного!

Кривосудов

Да я же не один: ведь у меня есть члены.

Фекла

Вот на еще! да им и море по колены:
Так много ль надобно их уломать труда!

Кривосудов

Ин быть так; если он спроворит до суда
Всех членов наклонить; то вот-те слово свято,
Что уж и я пущусь... хоть дело плоховато!

Фекла

Притом для дочери он не жених, а клад:
А свой ведь своему и поневоле брат.

Кривосудов

Ба! я и позабыл сказать тебе, что снова
Господь нам женишка дарует и другова.
Как на голову снег сегодни...

Фекла

Кто таков?

Кривосудов

Он подполковник; дай мне вспомнить... Прямиков.

Фекла

Что с Праволовым?..

Кривосудов

Да, тот самый.

Фекла

И на эту
Весть не дал ты ему ответа прямо?

Кривосудов

Нету.

Фекла (*с жаром*)

Как! хочешь нам его на шею навязать?

Кривосудов

Никак; я лишь хотел сперва тебе сказать.

Фекла

Я слышать не хочу; чтоб не было и духу
Его у нас в дому.

Кривосудов

Он нашу дочь-воструху
В Москве уж знал *.

Фекла

Как знал?

Кривосудов

Знал у сестры в дому.

Фекла

Возможно ль быть? .. Да я... Да я ей! .. я ему! ..

Кривосудов

Спокойся же, мой друг! ведь отказать нам можно.

Фекла

Не только отказать, но заказать тут должно,
Чтоб к нам он ни ногой.— Он хочет забежать
И сватовством тебя к себе лишь привязать,
Чтоб в деле ты ему помочь не отказался.
Но не на олухов молодчик расскакался:
Нам Праволов давно знаком; а старый друг,
И по пословице, ведь лучше новых двух.
Не правда ль, миленькой? ась?

Кривосудов

Правда присносущна.
Но, кажется, к нему дочь очень равнодушна *.
Ей что-то Праволов не понутру.

Фекла

Так что ж?
Так на нее смотреть? что стар он, не пригож,
Не финтоват, не враль, так дуре и не нравен;
Но ум его уж зрел и кошелек исправен,
Полюбятся они, как лет пять поживут.
Не так ли?

Кривосудов

Точно так. Что за сомненье тут?

Фекла

Ну! так оставивши пустые, вздорны бредни,
Пойдем; чтоб эдак нам не проболтать обедни.
Давно молебен уж я приказала петь.

Кривосудов

У чудотворной? Что ль?

Фекла

Туда нельзя поспеть:
Там барынь тьма старух, и дорого платящих.
Велела Фильке я отпеть у Всескорбящих.

Кривосудов

Да как-то весть господь и там успеть ему:
Я челобитчиков всегда видал там тьму.

(Уходят.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Праволов и Наумыч.

Праволов

Ну! все ль исправно ты спроворил по наказу?

Наумыч

Исполнил все, сударь, по вашему приказу.

Праволов

Подарки всем судьям из глаза ты на глаз
С поклоном от меня препоручил?

Наумыч

Как раз.

Праволов

И что они тебе на это отвечали?

Наумыч

Что по-судейски им обыкновенно: — взяли.

Праволов

Наведался ли, где пристал наш Прямиков?

Наумыч

В трактире.

Праволов

Хорошо; подьячим там пиров
Приятельских давать нельзя ему: народа,
И день и целу ночь, там тьма без перевода.
Но для запаса ты приставил ли дозор?

Наумыч

За пятьдесят алтын за ним следит весь двор.

Праволов

Кто стряпчим у него?

Наумыч

Кто стряпчим? нет ни духа.

Праволов

Не может это быть.

Наумыч

Отрежьте мне пол-уха,
Коли я лгу. Но я в советники ему
Уж подпустил стишка Ловилова Козьму.
Вы знаете, сударь, как он всем в душу вьется:
А я ему шепну, что если подберется
Он к молодцу и нам откроет в деле что,
То перейдет в карман ему полтинок сто.

Праволов

Добро. К секретарю отнес ли ты бумагу?

Наумыч

Отнес; и вейновых чернил большую флягу *.

Праволов

Проворит ли он нам, как честно слово дал?

Наумыч

Проворит; о! да как! — вовеки не видал
Такого я дельца: в экстракте это дело
Он скомкал так, сударь, что я ручаюсь смело,
Кто б ни прочел его, хоть лоб будь пядей в пять,
Не может слова в нем ни одного понять.
Ответну речь смешал он так уловкой дивной,
Что смысл изо всего является противной
Всему тому, себя чем оправдает он.
Законов в пользу нам подвел он миллион;
Но этим всем еще не удовлетворился,
И вновь с вчерашня дня в архиву он зарылся.

Праволов

Так ладно все. Теперь и я тебе скажу,
Что около судей удачно ворожу:

Настроил всех под мой гудок; и труд великий
Лишь был мне около проклятого заики:
Все душу перегнуть боится сей провал;
Но, с божьей помощью, я чорта уломал.
Другим, как насказал указов, регламентов,
Да сунул в Банковой тисненных документов *
Так и явился чист; а с ним весь бился день:
Как заикнется, ну, так тут и станет в пень;
Теперь остался мне один лишь наш хозяин;
Ну, как да не возьмет он?

Наумыч

Кто? кто? этот каин?
Лишь в полный вес.

Праволов

И так уж солон мне. . .

Наумыч

Как быть?
Вы знаете: когда похлебки не солить. . .

Праволов

Конечно. Между тем ты не забыл искусно
Промеж листов вклеить то показанье устно,
Что мы с покойника? . .

Наумыч

Спроворено уж все.

Праволов

А те свидетели, которых неравно
Суд спросит, наняты ль?

Наумыч

Уж все, сударь, готовы.

Праволов

Да твердо ль внушены? и все ли однословы?

Наумыч

Не разобьются уж они в словах, сударь!

Праволов

А те указики, что дал я, секретарь? . .

Наумыч

Все к делу поместил.

Праволов

Итак, уж ладно дело?

Наумыч

Извольте приступать, сударь, к суду вы смело.

Праволов

Благодаря творца, удачно здесь клеим.
Но чтоб в Саратове по стареньким моим
Делам не вышло мне...

Наумыч

А что же вам опасно?

Праволов

Я письма получил: еще не видно ясно...

Наумыч

С которой стороны?

Праволов

Ты помнишь спор за лес?

Наумыч

Ну!

Праволов

И убитый?

Наумыч

Что ж? неужель он воскрес?

Праволов

Никак; но дело-то умерше воскресает.

Наумыч

Вздор: кто ввойдет?

Праволов

Да чорт горами ведь качает.

Наумыч

Нет ли наследничка...

Праволов

Отколь, не знаю, зло;
Но до наместника уж дело-то дошло.

Наумыч

Да у наместника. . .

Праволов

Приятелей имею;
Но я на них весьма надеяться не смею.
Ведь та беда; теперь не так, как встарину:
Бывало, кто уж раз возьмет твою казну
Взамену совести, то уж солгать стыдится;
Теперь хоть от тебя, как прежде, всяк щечится,
Хоть всяк обеими постарине берет,
Но если дело где доходит до хлопот,
И ежель туго где прийдет стоять за другом,
То он и с кошельком вильнет направо кругом.
Но что о будущем, о настоящем мне
Здесь нужно хлопотать: с отцом наедине
Я постараюся условиться о деле,
Чтоб скомкать нам его на этой же неделе.
Он тем охотнее решится мне помочь,
Что выдать за меня свою желает дочь.

Наумыч

Но неужель и впрям, сударь, на ней жениться? . .

Праволов

Я б должен наперед с ума сойти, взбеситься.
Возможно ль дурочку в монастыре с шести
Годов воспитанну почти до двадцати,
Которая приход с расходом свесть не знает,
Шьет, на Давыдовых лишь гуслях повирает *,
Да по-французски врет, как сущий попугай,
А по-природному лишь только: ай! да ай!
Возможно ли в жену такую взять мне дуру!
С ней разве запереть себя навек в конуру.
Нет, тешатся пускай мать ею да отец;
А я слуга ее, лишь делу бы конец.
Но до того манить мне их женитьбой нада.
Вот на! забыл: сюда, чай, членов всех громада
Изволит навалить на именинный бал;
Я всех перепоить хочу их наповал.
А чтобы не довесть хозяев до убытков,
Ступай, и разного запаса и напитков,
Как за обед пойдем, сюда ты принеси;
И сам секретаря усильно попроси,

Чтоб был он за меня с хозяином картежить;
А проигрыш его не должен уж тревожить.
Поди; да вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ II

Праволов, Кохтин и Наумыч.

Праволов (*обнимая его*)

Здорово, милый друг!

Кохтин

Я вас ища, сударь, обегал город вкруг:
И в уголовной был; там в нижнюю расправу;
На миг к колодничью я забежал приставу;
Оттоль к межевщику, оттуда в магистрат,
Оттоль в смирительный, оттоль сюда; и рад,
Что вас хоть здесь застал. Я радостну новинку...

Праволов

Какую?

Кохтин (*протягивая руку*)

Тьфу! забыл...

Праволов (*дает синюю ассигнацию*) *

Вот, друг мой! на вспоминку.

Кохтин

Да, да; поймал: она.— Да сколько же трудов.
Пока дорылся! Дни...

Праволов

Ну! без обиняков.

Скажи ее.

Кохтин

Дни три, поверьте, без засыпу...
Ведь надо было мне бумаг огромну кипу...

Праволов

Я верю; но скажи.

Кохтин

Но прежде чем сказать,
Я должен вам...

Праволов *(дает еще синюю ассигнацию)*

Тебе я должен: можешь взять.
Да только лишь скажи.

Кохтин

Как вы нетерпеливы!
Так я скажу, сударь, что вы весьма счастливы;
И что моим трудом, вдруг после всех забот,
Ваш иск возьмет, сударь, хороший оборот.—
А что? не рады ль вы? ..
(Наумычу.)
А ты что не хохочешь?

Праволов *(дает еще синюю ассигнацию)*

Скажи лишь прямо все; я рад дать, что ты хочешь.

Кохтин

Ну, так скажите ж мне, как при крещеньи зван
Был друг наш Прямиков?

Праволов

На что?

Кохтин

Да как?

Праволов

Богдан.

Кохтин

Зовите ж вечно вы меня Искариотом,
Когда он искони не окрещен Федотом.

Праволов

Какой вздор!

Кохтин

Нет, не вздор; духовной доведу *.

Праволов

Да если б он был так и назван на роду,
То много ль из того корысти бы мне было?

Кохтин

Что вдруг ваш ум, сударь, так тупо притупило *?
Нет нужды знать, зачем он имя пременил;

Но ныне он Богдан; а я вам доложил,
Что Прямикова сын, в свое, сударь, крещенье,
Федотом назван был: то малое ль сомненье
Тут предстоит, что сей Богдан не тот Федот,
О чьем наследии ваш иск, сударь, идет?

Праволов *(обнимая его)*

Ах, друг ты мой! дружок! Ах, друг ты мой сердечной!
Я благодарностью тебе обязан вечной.
Ну! как же удружил ты этой новизной!

Наумыч *(в сторону)*

Тьфу! эк он вывернул! — бесовской сын прямой!

Кохтин

Я вам сказал, что вы обрадуетесь сильно.

Праволов

Да как в делах твое проворство изобильно!
В духовной?

Кохтин

В ней, сударь!

Праволов

Его отца?

Кохтин

Отца.

Праволов

Доеду ж этого теперь я молодца!

Кохтин

В согласье важного такого документа,
Я тотчас поспешил, не тратя ни момента,
К прошенью вашему прибавку учинить,
Для вас потребно где экстракт перечернить;
И к завтрашнему дню все будет уж готово.
А как и дело все прияло образ новой,
То новенькие я законы приискал,
И с делом, кажется, гладенько сочетал.
Но если и еще чего тут недостанет,
То этот все, сударь, указик вам натянет.

(Подает ему бумагу.)

Праволов

Подай, мой друг!

(Прочитав бумагу.)

Ну, так одно к другому льнег...

Теперь он от меня уже не ускользнет!

Ах, милый ты мой друг! как я тебе обязан!

Кохтин

Готов служить вперед: я к вам душой привязан.

(Потряхивает камзольным карманом.)

Праволов

Спасибо; верю я, но вот на этот раз

Прийми, мой друг, еще, пожалуй, за указ.

Хочет дать ему несколько рублей, но Анна вбегает, слышит последний стих, и деньги остаются в руке Праволова.

ЯВЛЕНИЕ III

Праволов, Кохтин, Наумыч и Анна.

Анна

Казалось: господа приехали.

Праволов

Анюта!

Здорово! Не дичись; сторонних нет ведь тута.

Как барышня спала, скажи мне, ночью сей?

Анна

Нехорошо.

Праволов

А что?

Анна

Все чудились вы ей.

Праволов

Мне лестно, что меня она и сонна видит;

Знак, что и наяву весьма не ненавидит.

За эту весть хочу Анюту в первый раз

Я подарить.

(Дает ей те рубли, что у него остались.)

Анна *(не принимая)*

Да ведь весть эта не указ;

И я не знаю их.

Кохтин (*представляя, будто что суєт в карман кафтанный*)

Ты знаешь уложенье.

Праволов

Пожалуй же прийми, за доброе хотенье.

Анна (*не принимая*)

Из доброй воли вам хочу желать добра.

Кохтин (*тихо к Праволову*)

Вы видите, она не падка до сребра;
Пожалуйте лишь мне, я золотцом подброшу.
(*Берет деньги.*)

Анна (*в сторону*)

Ах, как я лавержет тебе, страмец, взъерошу *!
(*Вслух.*)
Карету слышу я, их надо встретить мне.
(*Уходит.*)

Праволов (*Кохтину*)

Оставь с хозяином меня наедине.

Наумыч берет руку Кохтина и уходят в другие двери.

ЯВЛЕНИЕ IV

Кривосудов, Фекла, София, Праволов и Анна.

Праволов

Усердно с праздником, сударь, вас поздравляю.

Кривосудов (*обнимая его*)

Благодарю весьма; здоровья вам желаю.

Праволов (*к Фекле, целуя ее руку, а потом у Софии*)

И вас, сударыня!

Фекла

Мы вдвое должны вас
Благодарить: с утра вы не забыли нас.

Кривосудов

Мне, право, совестно, что вы. . .

Праволов

Как вам не стыдно?

Фекла

Так много уж для нас. . .

Праволов

Вот это мне обидно.

Кривосудов

Нет, это слишком уж. . .

Праволов

Нельзя ль не вспоминать?

Фекла

Вы разоряетесь. . .

Праволов

Прошу же перестать.

Кривосудов

Но я вперед прошу. . .

Праволов

Хоть мало пощадите.

Фекла

Так много. . .

Праволов

Иль меня вы выжить вон хотите?

Фекла

Никак: вы дорогой и милый гость у нас;
И сердцем рады мы вас видеть каждый час.
Но на один лишь миг. . . чтобы разоблачиться.
(Уходит и уводит Софию и Анну.)

Праволов

Прошу, сударыня, со мною не чиниться.

ЯВЛЕНИЕ V

Кривосудов и Праволов.

Во время сего действия Фекла почасту выглядывает из дверей и показывает Праволову, что она дает ему время переговорить с ее мужем. А как тот берет деньги, то она радостные знаки делает, и прочая...

Кривосудов

Прошу ж, друг милый, сесть.

Праволов

Мне совестно в такой,
Как ныне, день скучать...

Кривосудов

Приятель дорогой!
Пожалуй, говори с душою мне открытой.

Праволов

О деле я моем, чтоб лишней волокитой
Не изнурять себя, желал вам говорить.
Соперник мой уж здесь; он станет яму рыть.

Кривосудов

Ну, да коли не прав, так сам падет во ону.

Праволов

Но, может быть, иной поверит ветрогону
И станет иначе о деле уж судить;
Потребно мнениям не дать, сударь, простыть,
Тем паче, что мое так в деле право свято...

Кривосудов

Нет, между нас сказать, так дело плоховато!

Праволов

Вы шутите, сударь, извольте лишь взглянуть,
Вы ясно в деле сем найдете, что отнюдь
И не наследник он... наследному именью;
Что несомненному подвержено... сомненью
Свидетельство, что дал ему уездный суд;
Что хоть соседы все и присягнули тут,
Но документы где и ясные бумаги,
Не должно там отнюдь уже давать присяги;
И вы б увидели, что с стороны его
Он правится ничем; а напротив того
Нашли бы, что мой иск, по купчей, мною взятой...

Кривосудов

Ну, что ни говори, а дело плоховато!
А как велик ваш иск?

Праволов

Да только лишь село,
От коего земли уж много отошло.

Да маленькие три при оном деревеньки;
Угодья хороши, да мужички бедненьки.
С осмью поставами плотина на реке;
Притом и сенокос и лес в особняке.

Кривосудов

Я слышал, конской есть заводец там богатой?

Праволов

Я мог бы услужить...

Кривосудов

Да! дело плоховато!
Притом?

Праволов

Три пустоши, хоть меры и большой,
Да только кряж земли уж тут пришел другой.
Еще два озерка, да пруд.

Кривосудов

А скот рогатой?

Праволов

Имеется; я б мог...

Кривосудов

Да! дело плоховато!

Праволов

А! кстати: слышал я, назад тому дней пять,
Что вздумали и вы деревню покупать;
И с выгодой притом?

Кривосудов

Да, так; была затея;
Отстал.

Праволов

Что ж?

Кривосудов

В долг купить, так заболит и шея;
Наличных же даст бог.

Праволов

Когда сия одна
Причина, то... а как последняя цена?

Кривосудов

Три тысячи.

Праволов

Всего? да это даровое.
Я почитал, сударь, по крайней мере вдвое.
Поверьте мне: я вам советую купить.

Кривосудов

Я б рад; да ежели мне нечем заплатить?

Праволов

Уж это не должно тревожить вашу думу.
Я вам могу служить: я точно эту сумму
Имею, и ее мне некуда девать.

Кривосудов

Нет; я вас не хочу отнюдь обременять.

Праволов

Напротив, вы меня чрез это облегчите;
И неужель меня обидеть захотите?
Вы знаете, я вам друг не с вчерашня дня.
Притом же я почти уже вам и родня:
Вы за меня отдать ведь дочь согласны вашу.

Кривосудов

Но, милый! не вошли еще вы в семью нашу;
А деньги любят счет; и брать на срок взаймы...

Праволов

Да в этом дружески сойдемся с вами мы:
Вы отдадите мне, как лишние случатся.

Кривосудов

Нет, нет.

Праволов

Но у меня они ведь залежатся.
Позвольте ими вам из дружбы услужить.
Вот все тут.

(Дает пакет.)

Кривосудов

О, нет, нет.

Праволов

Итак, вы оскорбить
Намерены меня? когда, сударь, от друга
Вам не угодна уж и малая услуга...

Кривосудов

Да как?

Праволов

Не тратьте слов.

Кривосудов

Нельзя вам отказать;
Но, ей-ей, совестно...

(Берет пакет.)

Праволов

Опять-таки, опять!

Кривосудов *(встает)*

Я ж вам расписочку...

Праволов

Мы с вами так уж близки;
И меж друзей, сударь, какие тут расписки?

Кривосудов

Вы вяжете меня доверенностью сей,
Мой милый друг, сильней, чем строгость векселей.

(Цалует его.)

Праволов

Ни в малой для сего не будьте вы тревоге.
Но эта, чаю, мне деревня по дороге;
Я б завернул в нее, чтоб распорядок дать,
И обстоятельно вам отрепортовать,
Когда б скорей меня отправили отселе.

Кривосудов

Да быть так, уж добро: на этой же неделе.

Праволов

Мне дела изъяснить нельзя вам на словах,
Но все изволите увидеть из бумаг.

Кривосудов

Ин на бумаге мы увидим все, как должно.

Праволов

Итак, надеяться уже, сударь, мне можно?

Кривосудов

Да прочих членов тож вам должно попросить.
(Делая, будто считает деньги.)

Праволов

Они наклонны все мне право присудить;
Лишь вы б, сударь! ..

Кривосудов

Когда уж все они согласны;
Ин уж добро; по мне вы будьте безопасны.
Да слышу, вот валят все гуртом к нам они.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин, Фекла, София. Члены входят в среднюю дверь, а Фекла с дочерью с другой стороны.

Бульбулькин

Хозяину поклон; счастливы, долги дни.

Атуев

Желаю здравствовать; усердно поздравляю.

Хватайко

Здоровы с праздником.

Паролькин

Я счастья вам желаю.

Радбын

И-и я по-по-здра-здра-здра-здравляю вас.

Кохтин

Да ниспошлет господь тьму благ на всяк вам час!

Кривосудов

Благодарю, друзья! жена, проси садиться.

Фекла

Покорнейше прошу.
(К Софии.)

А ты и поклониться
Не смыслишь: все-таки вприсядку.

Бульбулькин

А, и друг
Наш, Праволов, здесь!

Атуев *(к Праволову)*

Что, здорово ль?

Праволов

Для услуг.

Паролькин *(к Праволову)*

Да что-то не весел?

Хватайко

Ведь наш он челобитчик.

Все садятся.

Бульбулькин

Ну! проповедь! — Прямой поп этот всех обидчик:
Не жди конца, когда о взятках он начнет.

Фекла

А сам ведь и с живых и с мертвых он дерег.

Кривосудов

Родись, крестись, женись, умри, греши, иль кайся,
А кошельком за все с ним начисто квитайся.

Паролькин

Да ведь питает он себя от олтаря.

Хватайко

Мы ж из насущного лишь служим у царя.

Радбын

Но пра-прав-право он не без при-при-чи-чины. . .

Бульбулькин

Другая проповедь!

Атуев

И тут не жди кончины.

Радбын

До-до-до-води-дит и-и-ино-ногда
Нас пра-пра-правдою до-до-до сты-стыда.

Праволов (*подойдя к Бульбулькину, тихо*)

Венгерский антал как *?

Бульбулькин

Зелён и хлебом пахнет.

Праволов (*к Атуеву тихо*)

Те своры крымских?

Атуев

Ну, уж, брат! хоть кто, так ахнет.

Праволов (*к Хватайку тихо*)

Карета какова, любезный прокурор?

Хватайко

Так гибких в жизнь мою я не видал рессор.

Праволов (*к Паролькину тихо*)

Те с жемчугом часы? ..

Паролькин

Прекрасно репетуют *.

Кривосудов

А что же нового по городу толкуют?

Паролькин

Не знаю, правда ли; а громко говорят,
Что губернатором к нам будет...

Бульбулькин

Кто же, брат?
Слышно, что Правдолюб *.

Кривосудов

О, упаси владыко!
Вот тут-то, милые, уж в строку каждо лыко:
Правдив, как страшный суд, безмезден, копотун,
И человечества он общий опекун;
Во всяку входит дрянь, кто б с просьбой ни втесался.

Атуев

Да, право, я его нимало б не боялся:
Пусть губернатор он; что ж? нам он не судья:
Не дую в ус ему, сидя в гражданской я.

Бульбулькин

Да он как дунет в ус, так, слышь, и с места сдует.
Ведь как в Сенат кого вчерне он обрисует,
То покормежный вмиг герольдия пашпорт *. . .

Атуев

Да без суда меня, хотя б он сам был чорт,
Не может осудить.

Бульбулькин

Однако как рассудит
За благо выгнать вон, то выйти вон принудит.

Кривосудов

(Атуеву)

Ведь трудно, милый мой, нам прать против рожна *!

Хватайко

Послушайте: вот вам другая новизна:
За взятки, говорят, уж велено. . .

Паролькин

Простите,
Что речь вам перебью. Для бога вразумите *,
Как можно взятками попасть в беду? ведь тут
Один для давшего и для принявших суд:
Так чорт ли понесет кого-нибудь с доносом?

Хватайко

Ты огорошил нас заботливым вопросом.
Но кратко я на то скажу тебе в ответ:
Ты разве позабыл, что весь издревле свет
Все на авось-либо надежду полагает?

Кривосудов

А что? жена! гостей ведь водка ожидает.
Проси ж.

Фекла

Покорнейше. . .

Бульбулькин (*Атуеву*)

Ведите.

Атуев (*к Бульбулькину*)

Должно вам.

Кривосудов

Прошу же, милые мои, не по чинам.

Бульбулькин и Атуев берут под руки Феклу; Хватайко и Паролькин Кривосудова; Кохтин Радбына; а Правдолов Софию, и уходят в боковые двери.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Наумыч и Архип вносят корзину с бутылками.

Архип *(поставив корзину)*

Тьфу, пропасть! как устал! я думал, надорвуся,
Покуда с ношей сей на лестницу вздеруся.
В высоких так домах, на пагубу людей,
Сам чорт, знать, научил проклятых жить судей
И выдумал для них таки крутые крыльца.
Схватясь, чтоб не упасть, я вырвал два перильца.
Ну, барина пока судьи пооберут,
Проклятые, меня безвинно надорвут.
Уж лучше б в яме жить пиявкам сим годилось:
Что б с улицы пустил, само бы к ним вкатилось.

Наумыч

Ну, что ты вопишь, брат? о чем твоя тоска?
О, если б стряпчим был ты хотя полгодка,
То б, верно, проклинать не стал твою судьбину.
Когда б был принужден нагнуть сто раз в день спину;
Верст тридцать обежать по городу пешком
В дождь, слякоть иль мороз и зной бумаг с мешком;
Пред солнцем на поклон не опоздать до члена;
Ждать часик у ворот, хоть грязь и по колена;
И как ни гнали б прочь, а доступ получить;
Указов наизусть сто сотен затвердить;
Иль просидеть с пером тут ночи без засыпу,
А до удушья там в архивну врыться кипу;
Того ласкать, кого душой нельзя терпеть;
От всякого сносить, ко всякому поспеть;
А что несноснее: так целы дни поститься,
И всех перепоить, а самому трезвиться!

Со всем тем, после всех докук, трудов, хлопот,
Как дело иногда бывает в черный год,
В непользу барина свихнется сатаною,
То прийдет тут еще отдуться и спиною.
Вот жизнь! так ты, мой друг, Архипушка, молчи;
Поди и около теленков хлопочи.

Архип уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Анна и Наумыч, расставливает бутылки.

Анна

Ну! как же тянут там *!

(Увидя вино и корзину.)

Да ба! и это ново!
Вино к десерту, знать, иль полднику готово.

(К Наумычу.)

А вы зачем?

Наумыч

Зачем, не спрашивай; а с чем!
Запасец этот я своим принес плечем.
Зато меня, когда б была не столько люта,
Ты подарить должна, бесценная Анюта!

Анна

Мне нечем подарить.

Наумыч

Хоть малый поцалуй.

Анна

Тьфу! эдакой наглец!

Наумыч

Пожалуй же не плюй
В колодезь: может быть, испить ведь доведется.

(Хочет ее обнять.)

Анна *(отпихивая его)*

Поди же, отвяжись.

Наумыч

Ну! кто слегка так бьется?
Коли ж скупишься ты... так я тебе дарю...

(Хочет ее поцаловать.)

Анна (*поцаловав свою руку, дает ему оплеушину*)

Ин, вот мой поцалуй тебе.

Наумыч

Благодарю.

ЯВЛЕНИЕ III

Фекла, Анна и Наумыч.

Фекла (*входя, видит, как Анна Наумычу оплеушину дала.*)

Что вижу, дерзкая! Кто больно так дерется?

Анна

Да он, сударыня, не ведь куда несется...
За вашу же я честь,— не вытерпя,— с сердца...
Чтоб он с переднего не заходил крыльца
С подарками.
(*Указывая на бутылки*)

Наумыч (*к Фекле*)

Теперь ее измеря пяди,
Я буду заходить, сударыня, уж сзади.

Фекла (*к Анне*)

Но, дура! не давай ты воли-та рукам.
(*к Наумычу*)
А ты, мой милый друг, Наумыч, ведь и впрям,
Что прямо лезешь так, то делаешь не гоже;
Иному с стороны покажется похоже
На нечто странное, и весть господь на что!
(*Между этим Анна ставит столик с картами.*)
Спасибо; но поди, чтоб не увидел кто.
Как из-за столика они десертна встанут
И на простор сюда гуртом уж все нагрянут,
То приходи и ты.

Наумыч уходит.

Фекла (*к Анне*)

А ты поторопися.
И стулья для гостей расставь: вот оглянися *,
Все идут.

Анна *(в сторону)*

Пьяные.

Фекла *(услышав и замахнувшись на Анну)*

Знать, хочешь ты румян?

ЯВЛЕНИЕ IV

Фекла, София, Анна, Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин, Наумыч, выходят все полупьяные.

Хватайко

Ну, стол, уж прямо стол! — Всё вместе: сыт и пьян *.

Паролькин

Десерт!

Бульбулькин

Напиточки!

Атуев

Откудова что взято!

Кривосудов

Нет; что-то повар наш сегодня плоховато. . .

Фекла

Немного запился.

Бульбулькин

Да празднику кто рад,
Тот до света уж пьян.
(К Хватайку.)
А что? не правда ль, брат?

Хватайко

Пословица не лжет.

Праволов

А тот, кто время тратит,
Она ж ведь говорит, что дорого заплатит.

Хватайко

К чему словцо?

Праволов *(указывая на карты)*

К тому, что множество червей
В колодах сих давно свободы ждут своей.

Парольки н *(к Кривосудову)*

Он прав: пора пустить их по зелену полю.
Ну, прокурор! реши колодничью неволю;
Тебе вступиться долг.

Кривосудов

Изволь, мой друг, изволь!
Кто как?

Праволов *(раздает карты)*

Мы наберем; я с вами в рокамболь,
Советник в помощь вам.
(Указывая на Бульбулькина, который берет карту).

Паролькин

А кто ж в заповедную *?
Я банка не мечу.

Праволов

Добро; и вас обдую:
Я делаю вам банк. Наумыч! ты мечи;
(Дает ему ассигнации.)
Да знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

Фекла

А кто ж со мной в пикет?

Праволов

Сударыня, простите;
Вы нашу партию ведь окончать хотите.
Я к вам.
(Кривосудову.)
А за себя, чтоб вас не разлучить,
Позвольте моего мне друга посадить.
(Указывая на Кохтина.)

Кривосудов

По мне вы как хотя.

Бульбулькин

А я и рад размену.

Кривосудов

Какую ж нашей мы игре поставим цену?

Праволов

Я по пяти рублей; а меньше николи.
(*К Кохтину.*)
Садись, мой друг, но лишь, пожалуй, не соли.

Бульбулькин

Да годовой оклад с нас эдак сбрить изволишь
В три пули, ежели да нам не помирволишь.

Кривосудов

Не горячись: а то и впрям как раз бобыль *.

Бульбулькин

Я рад бы; но когда пожалует шпадиль *;
Она не документ: не выбросишь из дела.

Все садятся; посредине в ломбер играющие. На одной стороне Фекла с Праволовым, а на другой играющие в банк. Близ Феклы на канапе София, которая потом, сыскав тут книжку, читает.

Наумыч

Да что же на столе наличного нет мела?

Хватайко

А много ль в банке-та наличных?

Наумыч

Сотни три.

Праволов

Наумыч, не ударь ты в грязь лицом, смотри!

Паролькин

Как ни смотри, ни зги в два талии не взвидит.

Атуев

А я боюсь, что он вельми нас всех обидит.

Хватайко

Снимайте: полно вам пороть-та дребедень.

Фекла

А мы постарине? по четверце поэнь *?

Праволов

Когда угодно вам.

Фекла

И также все с рефетом *?

Праволов

На что, сударыня, и спрашивать об этом.

Кривосудов

Жена, рефетом ты не замори гостей.

Фекла

Ах! кстати ль! — Софьюшка! ну! встань, почародей
И пуншик изготовь.

София

Ай, я ведь не умею.

Фекла

Какая ты и впрям!

(К Анне.)

А ты что пялишь шею?
Ну, двинься же хоть ты.

Хватайко

Нет, дама не везет *.
Так атанде; авось мне вывезет валет.
Тьфу пропасть! соника: и этот вон из кона!

Кривосудов

Вот штраф за то, что ты идешь против закона,
И в запрещенную игру...

Хватайко

Да, видно, нам
В нее играть судьба, с поры той, как Адам
В нее наследное все проиграл именье *.

Бульбулькин

Ха, ха, ха, экой вздор! какое заключенье!
Вот в мнениях твоих всегда подобный вздор,
Ты предлагаешь нам, почтенный прокурор!
Ну, от кого, скажи, наследие Адаму?

Хватайко

Да от кого-нибудь, а надобно ж...

Паролькин

Тьфу! даму
Я, слушая ваш вздор, как олух, прозевал.

Праволов

Позвольте, чтобы я за прокурора стал.
И я готов теперь представить вам урода,
Который без отца, без племени, без рода,
Наследие берет *: а именно таков
Точь-в-точь соперник мой, молодчик Прямиков.

Бульбулькин

Ну! докажи же нам; то быть так, всем собором
Пожалуем тебя мы нашим прокурором.

Атуев *(вполголоса)*

Эк он объехал след!

Паролькин *(вполголоса)*

Ей-ей, не без ума.

Хватайко *(вполголоса)*

Великий тут скачок, хоть линия пряма!

Радбын *(вполголоса)*

От Пря-Прямико-кова до-до Ада-дама?

Паролькин

Насилу наконец мне выиграла дама.

Праволов *(оборачивается к ним; а между тем Фекла подбирает карты)*

Охотно; и на ваш я посылаюсь суд.
Покойный Прямиков, и нет сомненья тут,
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Которого уж нет: скора была кончина.
Где точно умер он, вам не могу сказать;
Сколь ни желал, о том не мог узнать.
Но звался он Федот; так вписан в родословной,
И даже у отца так назван и в духовной.
Сей, напротив того, зовется уж Богдан;
И так вы видите, что явный тут обман:
И что чрез хищное, неправедное средство,
Федотово к себе Богдан прибрал наследство.

Наумыч *(Хватайку)*

Вы лишний уголок...

Бульбулькин (*Праволову*)

Прямой ты прокурор!
Отдать я должен честь.

Хватайко (*Бульбулькину*)

Кто я? Да я не вор.

Бульбулькин (*Хватайку*)

Льнет разве и к тебе?

Хватайко

Не гну и пальца даром.

Наумыч (*Хватайку*)

Берете шутку вы с таким, как правду, жаром.

Радбын

Ра-разве Бо-Богдан не-не Фе-Фе-Федот *?

Атуев

Ты видишь, тут сбылось: Федот-де, да не тот.

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж и Прямиков.

Праволов (*увидя входящего Прямикова*)

Что ж, он Богдан, то хоть у самого спросите.
Да кстати, вот он сам.

Хватайко

Чорт просит.

Прямиков (*Кривосудову*)

Извините,
Что дружескую я беседу помешал.
Я с праздником, сударь, поздравить вас желал,
И вам, сударыня, отдать мой долг.

Фекла

Садиться
Прошу.

Прямиков целует руку Софии и садится возле нее.

Сюда прошу ко мне переместиться.

Прямиков

Мне хорошо и здесь.

Кривосудов

Как вас, сударь, зовут?

Прямиков

К чему вопрос? — Богдан.

Праволов *(вполголоса)*

Лгу ль я?

Хватайко *(вполголоса)*

Тут ясный суд.

Прямиков

А вижу... я было сперва и не приметил.
Здесь кстати моего соперника я встретил,
Мы можем на словах вам дело объяснить.

Кривосудов

Но мы словесных дел не можем ведь судить.

Прямиков

Я не суда прошу, а только рассужденья.

Бульбулькин

Да до суда нельзя открыть судейска мненья.

Прямиков

Но правду открывать вам не запрещено.

Кривосудов

Да не келейно так, в дому.

Прямиков

Не все ль одно,
Где вы ее, сударь, и как бы ни сыскали?
Но сверх того, когда б вы истину узнали,
То бы неправого могли бы устыдить,
И с ним меня, сударь, без тяжбы примирить.
Я в правости моей на суд ваш полагаюсь.

Кривосудов

Но я, сударь, в дела чужие не мешаюсь:

На то ведь совестной лишь установлен суд *.
Мирить на свете всех ему лишь вверен труд *.

Наумыч *(вполголоса)*

Мирится; стало быть, не прав.

Хватайко *(вполголоса)*

Не прав, конечно:
Кто за свое пойдет мириться?

Кривосудов

Я сердечно
Рад миру; но, сударь, я, право, вам не лгу:
В чужие я дела мешаться не могу.
Вы в совестной бы суд пошли.

Прямиков

Я рад иттить;
Но милости его не мог уговорить.

Праволов

В суд совестной, сударь, вы, знать, затем спешите,
Что снисхожденье в нем к себе сыскать хотите;
А я, безмездие и истину любя,
Так правым в иске сем, по чести, чту себя,
Что спорного всего наследства и именья
Достать я не хочу отнюдь из снисхожденья;
Но чтобы чистым мне пред целым светом быть,
Законом лишь его желаю получить.

Бульбулькин

Когда бы стали все судящиесь мириться,
На что б казне тогда другим судам платиться?
А плату брав, судить должны мы как ни есть,
Чтоб хлеба царского по пустякам не есть.

Прямиков

Когда же вы судить хотите непременно...

Праволов

Я прав, хотя судить пред целою вселенной.

Прямиков

То в кратких я словах...

Кривосудов

Да на бумаге мы. . .

Хватайко

Ах! кто б избавил нас от этой кутерьмы?

Паролькин

Нелегко принесло!

Прямиков

Вам объясню все дело;
И если что не так, сказать он может смело.

Праволов

Но ябеде, сударь, отнюдь я не учен.
Что ж я неправедно имения лишен,
То мой поверенный законами вам теми. . .

Наумыч *(вскоча с места)*

Готов вам доказать пред каждым и пред всеми.

Прямиков *(к Праволову)*

Не с ним, а с вами я беседовать желал.

Праволов

Я неуч в ябедах.— Уже вам раз сказал.

Прямиков

Но изъясняться с ним и подло мне и низко;
Вам так же, как и мне, ведь ваше право близко.

Праволов

Вам ближе лих оно.

Прямиков

Мне ближе! мне? а как?

Праволов

А так, что в ваших все имение руках;
А с правом я моим лишь по судам таскаюсь.
Моим живете вы,— а я лишь разоряюсь.

Прямиков

Но я согласен вам теперь же все отдать,
Лишь право мне свое извольте доказать.

Праволов

Я вам твержу, сударь, что ябеды не знаю.

Прямиков *(несколько горячо)*

Стократ вас менее ее я понимаю.
Не ябедничать здесь, а правду говорить...

Праволов

Я вижу, вы меня готовитесь бранить;
Но я вам уступлю из уваженья к дому.

Прямиков *(с горячностью)*

Не брань, а истину...

Фекла

Да этому содому,
Как вижу я, отнюдь не будет и конца.
(К Прямикову.)
Дом отперт мой, сударь, ведь не для наглеца:
Я не стерплю, чтоб кто гостей в нем и словами...

Прямиков

Безвинно виноват, сударыня, пред вами,
Я почитаю вас и почитаю всех,
Но слов хочу ему сказать не больше трех,
И не о деле сем, поверьте мне, божуся.
(Праволову, отведя в сторону.)
Послушайте!

Праволов

Ну, что? нимало не боюся.

Прямиков *(вполголоса)*

Бояться нечего: я то хочу сказать,
Что ябеды тебе не стану запрещать;
Как хочешь каверзи, вывертывай указы,
Стерплю и плутни все и ябеды пролазы;
Но если в доме сем дерзнешь ты дочь любить,
И если вздумаешь ее ты мужем быть,
То я тебе божусь, что эту тяжбу нашу
Решу тем, что тебя как чорта окарнашу;
И по миру пущу без носа, без ушей.
Порука сабля в том; поверь, пожалуй, ей;
Она не шутит ведь.— Ну! помни ж.

Праволов

Не забуду.

Прямиков

Помехой пиршеству я вашему не буду.
Покорный всех слуга,
(к Софии.)
а особливо ваш.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж, выключая Прямикова.

Бульбулькин

Какой же бешеный наглец!

Фекла

Какая блажь!

Хватайко *(Праволову)*

Да что тебе, мой друг, на память он оставил?

Праволов

Так ничего: просил, чтоб я себя избавил
От нарастающих и суетных хлопот.

Бульбулькин

Впрям, видно, богом дан тебе, брат, сей Федот:
Хлопочет о тебе, как друг.

Праволов

Да вы шутите...

Кривосудов

Бет * мой...

Кохтин

И этот ваш! для бога пощадите.
Я в пух ощипан.

Бульбулькин

А! чужой ведь щиплем пух.

Праволов

Да чаще каски-та * хватай, сердечный друг!

Кохтин

Высокородный все грандиссимо хватает.

Паролькин (*Праволову*)

Душеприсяжный твой кругом нас обирает.

Праволов

Да так и надлежит.
(К Наумычу.)
Но кстати ты бы встал.
(Кривосудову.)
Позволите ль, чтоб он нам пуншик сработал?
Он мастер.

Кривосудов

Хорошо.

Бульбулькин

И впрям; а то красотка
Нас как на водопой...

Наумыч (*подошед к Анне*)

Вот там в корзине водка.

Фекла

Капот *.

Праволов

Так истинно.

Кривосудов

Да кто ж?

Праволов

Да я капот.

Бульбулькин

Вот это сработал проклятый все Федот.

Радбын (*к Хватайку, который подсматривает карты*)

Что ты, ты кар-кар-кар...

Хватайко (*зажимая ему рот*)

Ну! полно же ты каркать.

Паролькин

Пора, Наумыч! слышь; покинь ты с ней балакать *.

Кривосудов

Что ж, Анна! впрям, куда ты так от нас ушла?
Ты б пуншу нового стаканы поднесла;
А мы б тебе сполать.

Фекла (*Анне*)

Поди ж потoропися.

Во все это время Анна подносит пунш и вино гостям, по частым знакам Феклы; а гости постепенно пьянеют.

Атуев

А, а! доехали!

Праволов

Что?

Паролькин (*показывая на Наумыча*)

У него спросися.

Наумыч

Да что; беда, сударь, и я уже капот.

Праволов

Смелей; лови секурс!
(*Бросает кошелек.*)

Бульбулькин

Вот это все Федот.

Праволов

Да вам Федот лишь смех, а мне уж с сим Федотом. . .

Кривосудов

Но что ж? коли и впрям каким-нибудь комплотом
Богдан Федотово имение заел,
Так есть на это ведь закон.

Кохтин

Уж я велел
Прибрать и вынесть все.

Кривосудов

Я чаю в уложеньи *. . .

Кохтин

Есть множество, сударь!

П а р о л ь к и н

И также в учрежденьи *? . .

К о х т и н

Имеется.

Б у л ь б у л ь к и н

Нельзя, чтоб не гласил указ. . .

К о х т и н

Гласят, и многие.

Х в а т а й к о

Ясней всего наказ *
Об этом говорит в статье той, где. . . об этом. . .

А т у е в

Вот темна пароли *.

П а р о л ь к и н

Туз наряду с валетом.

К р и в о с у д о в

Ведь тоже к этому закон идет и тот *,
Где за поступок лжив. . .

К о х т и н

Идет, сударь, идет *.

Б у л ь б у л ь к и н

И если регламент да согласить с наказом *. . .

К о х т и н

То сходно будет все с помянутым указом.

Х в а т а й к о

Ну! так чего ж? и вам весьма короткий суд.

К р и в о с у д о в

Федота в сторону; Богдан конечно плут;
И должно, отобрав Федотово именье,
Отдать кому есть след. Мое такое мненье.

Б у л ь б у л ь к и н

И я то ж мню.

А т у е в

И я.

Паролькин
И я.

Радбын
И-и-и я.

Хватайко
С столь общей мыслию согласна мысль моя.

Праволов
Благодарю вас всех.

Кривосудов
Законы все отчасти
Клеятся.

Анна (*вполголоса, собирая на полу карты*)
Станем же и мы клеить масть к масти.

Кривосудов (*осматривая*)
Ба, ба! неужли то стоит зерцало тут *?
Но нет.

Бульбулькин
И хорошо, что спрятали подспуд.

Атуев
Смотреться не могу.

Хватайко
На нас весь век смотрело.

Анна
Знать, больше и смотреть уже не захотело.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те ж и София с арфой.

Кривосудов
Запой же нам, мой друг!

София
Что батюшка велит?

Кривосудов
Что хочешь, милая!

Кохтин *(к Бульбулькину)*

На этой пел Давид?

Бульбулькин

Нет, эта ведь стоит; а он с своей носился.

Паролькин *(Атуеву)*

Загнуть было ушко Давиду.

Хватайко

Ты взбесился;

Он проиграл уже, я думаю, раз пять.

Паролькин

Охотничек и он, старик, ведь был играть.

Атуев

Глух звук; не слышу я.

Хватайко

Хоть с длинными ушами!

Паролькин

Взглянь, как работает руками и ногами!

София *(играет и поет)*

Воспоем тьму щедрот *
Нашей матери царицы;
Что под свой покров берет
Вдов, убогих и сирот.

От драгой своей десницы
Им она блаженство шлет;
Вкруг блестящей колесницы *
Счастье и любовь ведет.

Воспоем тьму щедрот...

Мы все, как сиротки птицы,
К ней направя наш полет,
Под крылами сей орлицы
Жизнь спасем от непогод.

Воспоем тьму щедрот...

Как лучом она денницы
Просвещает росский род;
И под кровом багряницы
Воспитает тьму сирот.

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери царицы,
Что под свой покров берет
Вдов, убогих и сирот.
Два раза

Все судьи

Помути господь народ,
Да накормит воевод.

София с арфой поспешно уходит.

Кривосудов

Что ж, пуншу?

Фекла

Анна! что ж? проворней подноси,
И чаще и кругом; да милости проси.

Бульбулькин

Мы скоро у нее уж милости попросим.

Кривосудов

Когда б кто песенку *!

Паролькин

Да лучше карты бросим:
Не стала дама везть.

Атуев

Ты тяжело кладешь.

Кривосудов *(Хватайку)*

Любезный прокурор! Ты хорошо поешь:
Запой нам.

Хватайко

Рад душой; да голоса-та нету.

Кривосудов

Ну, как-нибудь.

Бульбулькин

Мы все пристанем для комплекту.

Хватайко *(поет)*

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.

На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать!

Все *(повторяют)*

Брать, брать, брать.

Наумыч

...и драть.

София, заткнув уши, уходит *.

Кривосудов

Ей, браво! хорошо!

Хватайко

Ведь сам сложил словца.

Бульбулькин

Да по работе как уж не узнать творца?

Хватайко *(поет)*

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?
(Размахивая руками.)

Все *(повторяют)*

Брать, брать, брать.

Наумыч

...и драть.

Хватайко

Ведь без указа нам не стать
Пословицы ломать,
Котора говорит: что взято,
То свято!

Все *(повторяют)*

То свято!

Кривосудов *(поет)*

Но нада, чтоб уйти прижимки,
И чтоб не оплошать,
Перчатки-невидимки
На миг не скидавать.

Хватайко (*поет и все акомпанируют*)

Бери, большой тут нет науки;
и прочая.

Кохтин

Но под шумок-ат я без бета, как без шляпы.

Паролькин (*Наумычу*)

Да слышь, укороти вот эти хищны лапы;
Ты доберешься так и до последних крох;
Уж в проигрыше я почти что сот до трех.

Наумыч

Да наши деньги ведь из вашего кармана...

Бульбулькин

Вы вспомните лишь им Федота иль Богдана,
То счастие тотчас возьмет к вам оборот.

Паролькин

Поди с Федотом прочь: ему, слышь, не везет;
И хлап уж проиграл. Так к даме я пригнуся
Еще хоть раз.

Атуев

Постой: а я так уцеплюся
За хлапа.

Наумыч (*по знаку Праволова делает талию фос*)

Хлапа я что хлопну, то убью.

Паролькин

Фальшива талия. Ну! заплати ж мою...

Атуев

Мои две пароли.

Хватайко

Мне за туза с транспортом.

Радбын

И ба-ба-банк чи-чист.

Паролькин

Насилу с этим чортом
Мы сладили.

Праволов

А что, схватили?

Паролькин

Наконец.

Встают и попивают. Наумыч им подносит.

Кохтин

Такой же и моей игре, сударь, венец.
Бессчетно проиграл.

Праволов

Итак, спустил я много!
Но как быть? не всегда щечиться из чужого.
(Смеется.)

Фекла

Не так-то много: вот почти и ничего.

Праволов

Да так, сударыня! четыреста всего.

Встает он и Фекла.

Фекла

Да что же, Анна, ты на стены зазевалась *?
Носи кругом; уж ты совсем избаловалась.

Бульбулькин

Насилу вот и мы последнее берем;
Конец.

Встают и они.

Праволов

А сколько же считается на ком?

Бульбулькин

Почти что на тебе весь счетец остается:
Мне двадцать восемь приз.

Кривосудов

Мне сорок доведется.
(К Бульбулькину.)
С вас восемь.

Бульбулькин

Так.

Праволов

Ну! я довольно просолил.

(Платит Кривосудову и Бульбулькину.)

Извольте ж проигрыш.

Кривосудов

Да я бы погодил.

Праволов

Нет, я люблю платить: ведь денежка счет любит.

(Платя Бульбулькину, вполголоса.)

Мой проигрыш никто, я чаю, не раструбит.

Бульбулькин *(вполголоса)*

Никто, никто.

(К Кривосудову вслух.)

А с вас по старым сколько я? . .

Кривосудов *(вынимая записную книжку)*

Сочтем тотчас: при мне записочка моя.

Праволов *(к Атуеву)*

Я в деле лишь на вас надежду неизменну. . .

Атуев *(насилу стоя на ногах)*

Надейся на меня как на Кремлевскую стену.

Праволов *(к Паролькину)*

Могу ли в деле я на вас? . .

Паролькин *(облив руку пуншем)*

Хоть со́грешу,

Пусть высохнет рука, коли не подпишу.

Праволов *(к Радбыну)*

На вас надеяться я как на друга стану.

Радбын *(указывая на товарищей, попивающих и поющих. . . «Бери. . .»)*

Уж от-от-от-от них я не от-от-от-стану.

(Выпивает стакан.)

Праволов *(к Бульбулькину)*

Позволите ль на вас надежду в деле класть?

Бульбулькин

Скажи секретарю.— А он что мне подаст...

Кохтин подает ему покал, а он берет его и выпивает.

То я хоть этими обеими руками...

Праволов *(к Хватайку)*

Я вас меж лучшими моими чту друзьями,
И вашей помощи всех более ищу.

Хватайко

Свахляют пусть они.— А я уж пропущу.
(Выпивает стакан.)

Праволов *(к Кривосудову)*

На вас я в деле уж...

Кривосудов

Да дело-то худенько!
Ведь штраф пятьсот рублей: так надо бережненько!..

Праволов *(делает в сторону знак неудовольствия)*
(Ласково.)

Когда случится что, я их плачу за вас;
Надежны будьте.

Кривосудов

Так: но лучше бы в запас...
(Делает, будто деньги считает.)

Праволов

Так я их поутру пришлю в сохранность вашу.

Кривосудов *(указывая на членов, поющих: «Бери...»)*

Ин быть так: — с ними уж я не порозноглашу.

Праволов *(Кохтину)*

У всех теперь уж я настроил дело в лад.
Ты помощь окажи.— А это на! — в заклад.
(Дает ассигнацию.)
Могу ль надеяться?

Кохтин *(подставляя карман кафтанный)*

Извольте положиться.

Праволов

(ко всем)

Однако не пора ль с хозяином проститься?

Бульбулькин

Пора; — покойна ночь!

Атуев

Прощайте; уж пора.

Хватайко

Слуга ваш.

Паролькин

Сладка сна!

Радбын

Пора-ра нас с двора.

Гости уходят обнявшись и припевая: «Бери...», а Фекла и Анна под руки отводят Кривосудова.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

София в спальном платье и Анна.

Анна

Зачем, сударыня, вы так раненько встали?

София

Я не могла всю ночь очей сомкнуть с печали!
Несносный Праволов всю ночь мечтался мне.
Покою от него мне нет уж и во сне *!

ЯВЛЕНИЕ II

София, Прямиков и Анна.

Прямиков

Не ждал я счастия так рано тут вас встретить.

София *(в сторону)*

Ах, если б слез моих он не успел приметить!

Прямиков

Да что! мне кажется вы грустны? — вы в слезах!

София

Нет, так; так, ничего.

Прямиков

А слезы на глазах!
О чем грустите вы, сударыня? хоть взгляньте *...

Анна *(Прямикову)*

Вот барин с барыней к нам идут: перестаньте,
Сударь!

ЯВЛЕНИЕ III

Кривосудов, Фекла, Прямиков, София и Анна.

Прямиков

Простите мне столь ранний мой приход,
Желанье вам служить меня, сударь, ведет.
Все ваше позабыв ко мне жестокосердье,
Я поспешаю вам нелестное усердье,
Привязанность мою на деле изъявить;
И хоть вас, может быть, могу и огорчить
Сей откровенностью; однако же решился
Сказать, что от друзей вчера я известился
О предстоящей вам опасности: Сенат,
По разным жалобам на вас, вошел в доклад;
И если вы, сударь, умедлите взять меры,
То нехорошего...

Фекла *(отпихивая Кривосудова)*

Какие же химеры!
Какие пустяки! Отколь нанес вестей?
И кто к нам в дом просил непрошенных гостей?
Не ведь зачем, не ведь откудова ввернулся.
Служивый батюшка, иль ты ума рехнулся,
Что с вздором эдаким втесался ты в наш дом?
Отколь в головушку твою такой содом,
Сумбур и ералаш вселился, мой родимой!
Или нельзя ворот проехать наших мимо?
Иль на тебя нашел благой невпору час?

Прямиков

За искренность мою не ожидал от вас...

Фекла

Да с искренностью сей тебя мы к нам не ждали.
С чего тебе об нас вдруг хлопоты припали?
Откудова, бог весть, зачем влетел в Сенат;
Отколь взял жалобы, куда вошел в доклад;
Какие меры брать, аршинны иль саженны?
(Размахнув руками.)

Прямиков

Напрасно на меня вы столько раздраженны;
Я мнил...

Ф е к л а

Пожалуй ты, что хочешь, батька, мни;
Но с дрянью к нам такой вперед не загляни.

К р и в о с у д о в *(к Фекле, становясь между ею и Прямиковым)*

Ну, милый мой дружок, престань же горячиться,
И дай порядочно без жару мне спроситься...

Ф е к л а *(отпихивая Кривосудова)*

О чем тут спрашивать? ведь тут один расспрос,
Один допрос: зачем в наш дом господь занес?

П р я м и к о в

Для вашей пользы я...

Ф е к л а

Трудился бесполезно.

П р я м и к о в

Любя ваш дом...

Ф е к л а

Прошу так не любить любезно.

К р и в о с у д о в *(становясь между Феклою и Прямиковым)*

Но дай, жена, хоть слов...

Ф е к л а *(отпихивая Кривосудова)*

Да что уж тут болтать?
Пожаловал к нам в дом за тем, чтоб нас ругать.

П р я м и к о в

Возможно ль мне ругать?

Ф е к л а

Да как же не ругаешь?
И жалобами нам и всем ты попрекаешь.
Какие жалобы? и жаловался кто?
Когда, как, почему, кому, где и за что?

П р я м и к о в

Когда изволите, я покажу вам ясно...

Ф е к л а

Показывать ты мне изволишь тут напрасно,
Где нечего, хоть будь указка, показать.

Да что противу нас кто может доказать?
Кого мы без суда имения лишили?
Кого не по словам закона разорили?
Кого? . .

Кривосудов *(становясь между Феклою и Прямиковым)*

Позволь, жена, мне только слова три. . .

Фекла *(отпихивая Кривосудова)*

В дому лих я вольна; в суде ты, знай, смотри.

Прямиков

Но я. . .

Фекла

Но ты, кто ты, голубчик? я не знаю,
Не знала и вперед знать вечно не желаю.
Приехал клеветать!

София

Ай, нет; не клеветать
Он, матушка! . .

Фекла

Что? что? тебе какая стать,
Безумная, в дела сторонние мешаться,
За незнакомого против меня вступаться?
Вот по-заморскому нам воспитали дур *!
Ты б знала свой филе вязать, строчить тамбур,
Стучать на кляузах, иль гарпой утешаться,
А не туда, куда не ведаешь, мешаться.
Поди ж, безумная, в каморку уплетись;
И слышь, мне на глаза день целый не кажись.

София уходит.

Анна *(к Фекле)*

Напрасно на нее. . .

Фекла

И ты туда ж, скотина?
Знать, около ушей свербит твоя личина.
Я всею пятерней ее пощекочу
И скверный твой язык тотчас укорочу.
Негодна! сгибни вмиг за барышней твоею;
Или,— ты слышала? — я всею пятернею. . .

Анна уходит бегом.

Прямиков

Мне жаль, сударыня! . .

Фекла

И мне, сударик, жаль,
Что в дом наш суется незвана всяка шаль,
Затем, чтоб эдаки нам причинять досады.

Прямиков

Так я оставлю вас.

(Уходит.)

Фекла

Весьма мы будем рады.

ЯВЛЕНИЕ IV

Кривосудов и Фекла.

Фекла

Насилу с рук сжила! какой же он востряк *!
А на тебя, сударь, наехал, знать, столбняк.
Стоишь, как словно пень: не шевелишь языка;
Все стряпай за тебя, от мала до велика.

Кривосудов

Ну, хорошо же ты настряпала теперь:
По шее чуть его не вытолкнула в дверь.
Ну, было ли за что так сильно рассердиться?
Он, может быть, и впрям хотел нам подслужиться,
А ты, не расспрося, откуда, кто таков? . .

Фекла

Вздор; я узнала ведь, что это Прямиков
И что он лишь затем в дом наш и завернулся,
Чтобы пустых его ты бредней ужаснулся
И Праволову бы в решеньи изменил.
На плохости твоей он умысл сочинил *.
Проведал, видно, он, что ты трусливой роты.

Кривосудов

Хоть это и пустяк, однако без заботы
С делами нашими, жена, не можно жить:
Чему не должно бы, ино то может быть.

Ты знаешь, ведь у нас и заячие уши *
Рогами назовут, то пойдут уши тпруши.

Фекла

Вот трусость ты свою сам назвал пустяком,
А в тот же самый миг явился русаком;
Но, старое дитя, скажи мне, как не стыдно
Вдруг струсить от того, что ложно очевидно?
Отколь молодчику известен стал Сенат?
Откуда знать ему, что он вошел в доклад?
И как, не рассудя сперва, не рассмотряся,
Итти докладывать, уму не доложася?
Да и докладывать о чем, скажи, родной?
Дела твои текут своею чередой,
Как и везде; так тут о чем и доложиться?
Ведь всей святой Руси в доклад не поместиться;
И с этой стороны спокойся; так о чем
Еще? о взяточках? — так мы их не берем:
А принимаем лишь, что нас принять неволят.

Кривосудов

Жена, я уж сказал: не вечно, слышь, мирволят.
Не все двуличную дает расправу суд;
Ино ведь взятками приемы назовут,
И так как...

Фекла

Нет лих, нет; не назовут, божуся *.
Да как не видишь ты, тому вот я дивлюся,
Что сим враньем тебя лишь хочет он отвесть
От Праволова?

Кривосудов

Но, жена! как тут да есть...

Фекла

Нет, ничего: а что и есть, то все пустое.

Кривосудов

Что ни на есть...

Фекла

Ну, слышь, нет ничего.

Кривосудов

Такое...

Фекла

Такого ничего, слышь, нет.

Кривосудов

То будешь ты...

Фекла

Пока я буду что; а это пустоты.

Кривосудов

Виною...

Фекла

Ин быть так; но этой новизною,
Пустыми страхами и вздорной чепухою,
Пожалуй, перестань мне голову ломать.
(С жаром.)
Иль хочешь ты меня и с света уж согнать?

Кривосудов

Ну, ин добро, мой друг! не стану, успокойся.
Я лишь боюсь...

Фекла *(зажимая ему рот)*

Еще! Пожалуй же, не бойся
Того, что вертопрах нарочно с ветра врет.
Да вот Наумыч к нам с секретарем идет.
Пожалуй же, мой друг! для страха ты пустова
В их деле не скриви уж данного раз слова.
Припомни, что он друг, и как всегда он нам...

Кривосудов

Добро; ну!

ЯВЛЕНИЕ V

Кривосудов, Фекла, Кохтин и Наумыч.

Наумыч

Господин мой приказал мне вам
Поклон отдать, сударь, нижайший с сим пакетом.

Кривосудов *(распечатывает письмо: ассигнации падают)* *

Фекла отпихивает всех и сама подбирает.

Что это?

Наумыч

Он в письме сем пишет вам об этом.

Фекла

Знать, проигрыш?

Наумыч

Никак, сударыня, а штраф,
Когда не будет он в своем процессе прав.
Так в нем уверен он!

Кривосудов

Он пишет и о деле.
(К Кохтину.)
А что же? ведь на сей хотели мы неделе?
Я думаю, экстракт до этих пор готов?

Кохтин

Сегодня подписал его уж Прямиков.

Кривосудов

Прибавил что-нибудь?

Кохтин

Нет, он просил убавить;
Но я не захотел его тем позабавить.

Кривосудов

Законы?

Кохтин

Приискал и все поставил в ряд.

Кривосудов

Так чтоб не волочить, уж можно и в доклад?

Наумыч

Нижайше просим мы, без дальней проволочки...

Кривосудов *(к Кохтину)*

Добро; ты к слушанью сегодня ж без отсрочки
Представь. Лиха беда нам выслушать, а там
В минуту приговор.

Кохтин *(подавая бумагу)*

Когда угодно вам,
Сударь, осмелюся нижайше доложиться...

Чтоб время выиграть и меньше вам трудиться,
Я предварительный журналец начернил;
С законами его и с делом согласил,
Найпаче же, сударь, с вчерашним общим мненьем.

Кривосудов

Торопишь дело ты уж с лишним поспешеньем.

Наумыч

Мы просим вас, сударь, не отлагать вдаль суд:
Железо ведь пока лишь горячо куют.
(Делает, будто деньги считает.)

Кривосудов *(берет бумагу)*

Ну, да! добро; подай, увидим *.
(Читает.)
«Приказали. . .»
(Читает тихо — а потом громко.)
«И Праволова иск формально оправдали,
В согласье для сего изданных точных прав».
(К Кохтину.)
Их нет.

Кохтин

Я в протокол их всех впишу, собрав.

Кривосудов

Ин быть так, хорошо; возьми.
(Подает бумаги Кохтину.)

Наумыч

Мы всенижайше
Благодарим, сударь, за изволенье ваше;
И барин мой вам ввек не может отслужить
Всего, чем вы его изволите должить.
Но смею ль я еще покорное прошенье. . .
(К Кохтину.)
Не в гнев.
(К Кривосудову.)
Тут малое, сударь, есть упущенье:
Не упомянуто отнюдь о пожилых.
Мы в праве требовать, по крайней мере, их.
Что мы убытчились в сем иске попремногу,
То ведомо, сударь, вам и всеведцу-богу.

Кривосудов (*Кохтину*)

Да что же? дело б впрям уж сделать нас с концом.

Кохтин

Исправлю все, сударь, единым я словцом.
(На спине Наумыча пишет и читает.)
«А как толь долго он, не пользовавшись оным»,
(К Кривосудову.)
Именьем сиречь.

Кривосудов

Ну, прибавь еще, законным.

Кохтин (*пишет и читает: а Наумыч между тем подает ему украдкой ассигнации*)

«Законным, многие убытки в сей процесс...»

Кривосудов

И незаконные.

Кохтин (*пишет и читает*)

«И незаконны нес;
То оные искать с Богдана Прямикова» *.

Кривосудов

Пиши — взыскать.

Кохтин (*пишет и читает*)

«Взыскать, или с его другова
Именья истцу сим предоставляет суд».
Законы подведу я после.

Кривосудов

И все тут.

Наумыч

Нижайше мы, сударь, благодарим.

Кривосудов (*Кохтину*)

Подите;
И это набело переписать велите.

Кохтин (*Наумычу*)

Ты регистратору отдай лишь моему
Да чтоб не показал отнюдь он никому.

Наумыч

Как раз исполню все.— Слуга ваш всепокорный.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Кривосудов, Фекла и Кохтин.

Кривосудов *(к Кохтину)*

А ты! послушай-ка. Слух, может быть, и вздорный,
Пронесся, будто бы противу нас Сенат
Мудреный некакий недавно внес доклад *
О взятках, о делах, решенных здесь неправо.

Кохтин

Вот на! какой же дух на нас донес лукавой?

Кривосудов

Я этого всего не мог разведать вдруг.
Но ты поистине скажи мне, милый друг!
Какое дело мы оплошно так решили,
Чтоб внутренности всей наружностью не скрыли?
Я так ни одного припомнить не могу.

Кохтин *(потирая спину)*

Хоть исповедаться, не помню, не солгу.

Фекла

Да этому и быть не можно.

Кривосудов

Ах! помилуй,
Жена! оставь ты нас: мы лучше знаем силу
В делах, чем ты.

Фекла

Нет лих; не хуже знаю я.
Ведь что где, как принять,— забота лишь моя;
Но пусть на месте гнев господень покарает,
Когда десница весть, что шуица хватает.

Кривосудов *(Кохтину)*

Послушай-ка: теперь вспадает мне на ум.
Ты помнишь ли, какой великий вышел шум.
О векселе, что я велел на обороте
Подчистить?

Кохтин

Ах, сударь! в напрасной вы заботе:
Подчистил я один.— Ответчик в спор вошел.—
На истца своего он подозренье взвел,

Что надпись он скоблил о вексельной уплате;
А по законам вы решили спор сей кстате,
К уничтожению сей вексель присудя.

Фекла *(Кривосудову)*

Так что ж? ты виноват тут столько ж, как и я.

Кохтин

Притом не вексель мы ведь, сударь, подскоблили:
Бумагу чистую.

Фекла

Так чем вы согрешили?
Бумагу чистую неужли грех скоблить?
Великая беда!

Кривосудов

Добро! ин так и быть *.

Кохтин

Приходит нечто мне еще на помышленье.
Вы тяжбу помните за Простина именье,
За кое Праволов совсем сторонним быв,
И имя Простина в процессе позабыв,
Условясь хитростно, искал на Чужпродава,
Который не имел тож никакого права
К сему имению; — а мы, не разобрав,
Чье спорное село, без дальних всех расправ,
В отлучку Простина, тем сей процесс решили,
Что тяжущимся двум чужое присудили,
Которое они делят уж пополам.
Что Простин возгласит, не понимаю сам.

Кривосудов

Пускай он возгласит теперь уж что захочет.
Когда он о себе так мало сам хлопочет,
Так что за нужда нам о нем тут хлопотать?
Судьи мы.— Долг наш есть лишь только то и знать,
Что на бумаге нам представят на сужденье.
Как сметь нам знать самим, что спорное именье
Не тяжущимся двум, тебе принадлежит?
На это надобен какой-нибудь нам вид;
А без того решим, без дальних всех рассказов,
Процесс меж двух сторон по строгости указов.
Когда же оба спор лишь о чужом вели,
Как быть?

Фекла

Зло сильно так возникло на земли,
Что спорит о чужом один, где два лишь спорят;
Так дивно ли, когда два о чужом завздорят?

Кохтин

Какое диво тут?

Фекла

Да полно, все пустяк:
Ведь испугался он пустых насущных врак,
Которые ему дошли от Прямикова.

Кохтин

Как? эта грозна весть от этого пустова
Враля к вам принеслась? ну! уж правдива весть!
Он запугать лишь вас хотел чем ни на есть *.

Кривосудов

Нет, этим он меня ничуть не запугает!
Но всячина, мой друг, на свете ведь бывает.
Довольно простоты на кажда мудреца;
А умудряет бог иного и слепца.

Кохтин

Но этого, сударь, не умудрил, божуся.

Фекла

Да что ты, трус такой?

Кривосудов

Я, право, не боюся;
Ты видела, что я уж написать велел:
Делец, голубушка, познается от дел *.

Фекла

А тут теперь без дел проходит только время...

Кохтин

На шее у меня дел целое беремя...
Когда вам нужды нет меня здесь удержать,
То я б пошел велеть скорей переписать.

Фекла (*Кривосудову*)

Пусти его, мой друг!

Кривосудов (*Фекле*)

Ох, как ты уж пристала!
(*Кохтину.*)
Ну! ин поди. Но слышь, чтоб нам не ждать журнала.

Кохтин уходит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Кривосудов и Фекла.

Кривосудов

Жена! довольна ль ты? смотри, я подаюсь;
Но, истину сказать, я, ей же ей, боюсь.

Фекла

Ты все-таки одно: привык всего пугаться.
Ведь не ходить и в лес, когда волков бояться.

Кривосудов

Хоть не боялся я до сей поры волков,
Но чем ведь дальше в лес, тем боле найдешь дров:
Ино чтоб не зайтить в таку глухую пущу!

Фекла

Сегодня ты с утра лишь пустошь мелешь сущу.
Похмелье, знать, еще в головушке шумит.
Пойдем-ка; гданская там водочка стоит
На шкафике моем близ твоего взголовья *;
Так чарочку хлебни для доброго здоровья,
И чтоб из головы напрасный вышел страх.

Кривосудов

Пойдем; дела ломать впрям трудно натощак.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Анна и Добров.

Добров *(видя разброшенные бутылки и прочая)*

Ба, ба! да это что? Что за трактирна стойка?
Как вижу, тут была изрядная попойка;
И не пирушечка, а полновесный пир.
Какой расстроенный бутылочный ранжир!
Знать, речками везде текло вино и пиво,
И не оскудевал сей чан пуншеточивой.
Скажи, как клюковки, все гости налились?

Анна

Что называется: до положенья риз.
По лестнице к крыльцу уж не сошли, спустились;
И чадом вейновым так сильно зарядились,
Что не опомнятся, я думаю, дни в три.

Добров

Не так оплошные они богатыри;
Верь, что хоть напролет всеночну пропуншуют,
Проспавшись, как ни в чем, вновь мертву чашу дуют;
И что не клюнувши и чарки, и другой,
В суд ни один из них не ступит и ногой.
Да, кажется, почти и время им сходиться.

Анна

Ахти! так надобно и мне поторопиться
Следы вчерашнего присутствия прикрыть,
И бахусов кагал в судейску превратить.
(Она поливает комнату, взяв стакан из стола.)

Добров

Напрасные труды! Не токмо что простыя,
Но целый хоть ушат разлей воды святыя,
То ябедничьих здесь не смоешь ты проказ.
Послушай: окрещен кто уж в чернилах раз,
Тот черн останется, хоть мой во Иордане.

Анна

Да это не вода: остался пунш в стакане.
Пусть пьет судейское питье судейский пол.

Добров

Резон!

Анна

Прошу помочь поставить к месту стол.

Добров *(ставит с нею стол посредине)*

Охотно.

Анна

А куда девать бутылки?

Добров

Строем
Поставя их под стол, суконцем сим прикроем.
Ведь множество оно привыкло прикрывать
И не таких грехов!

Анна

А как? прошу сказать.

Добров

Вот как: когда судья желает, чтоб чье дело
Лет несколько на свет господний не глядело,
То он его кладет под красное сукно;
А там — спокойна ночь; лежи и прей оно.

Анна

Добро ж, поставим их под скромно покрывало;
Но лишь боюсь, чтоб все тут цело устояло.

Добров

То правда, что нельзя наверно утвердить:
Судейское чутье исправно.

Анна

Так и быть;

Хозяин будет сам сидеть на карауле;
Ведь видит с кресел он, что крадет кто на стуле?

Добров

Не завсегда: ино он смотрит лишь на то,
Не надзирает ли за ним со стула кто?

Анна

Мудрен свет! Но мы все порядком учредили *:
Когда б, как этот стол, так чисты судьи были!

Добров

Потише: берегись; вот к нам валит весь суд.

Анна *(уходя)*

Что вижу, правде мат они теперь дадут.

ЯВЛЕНИЕ II *

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Радбын, Кохтин и Добров.

Кривосудов

Прошу пожаловать.

Атуев

Нет; вам вперед довлеет:
Вы нам глава.

Бульбулькин

Ну, впрям глава сия умеет
Хоть чью бы ни было головушку вскружить,
Когда путем кого захочет угостить;
Как я ни скромничал и как ни укреплялся,
Но, ей, не помню, как с вчерашним днем расстался.

Кривосудов

Изволите шутить.

Паролькин

Подите с шуткой прочь.
Я из кареты вон не вылез целу ночь,
Так ноги спутал мне ваш этот пунш проклятой.

Кривосудов

Нет, нет! я угощал вас право плоховато;
И ужин позабыл.

Бульбулькин

Да можно ль было есть?
При винах эдаких уж ужина не в честь *.

Радбын

Воль-но же вам не по-по-по-ви-но-но-ваться;
Я вам го-го-ворил пора-ра убираться.

Кривосудов

Но, милые мои, не час ли заседать?
(Садятся.)

Бульбулькин

Извольте, я готов теперь дела ломать.

Паролькин

Не поломаешь всех: скопилось их довольно.

Кривосудов

Повытчик! ну, возьми, читай реестр настольной.

Добров *(читает)*

«Корнета Скудова иск за наследный дом,
Отнятый у него секретарем Драчом» *.
(Говорит.)
Уж третий год лежит в повытье это дело.

Кривосудов

О, мимо! Пусть лежит еще три года смело,
Авось-либо тогда решим его судьбу.
Он домом смел назвать пребедную избу.

Добров *(читает)*

«Иск вексельный Луки Ссудихина майора
На Володимира Хватайка прокурора» *.

Кривосудов

Ах! мимо; поскорей, скорей брось этот вздор!
Помилуй, нам всего нужнее прокурор.

Добров *(читает)*

«Через опекуна прошенье Бедняковых,
О выкупе двух сел наследственных отцовых,
На подполковницу Чужхватову, вдову
Ирину. . .» *

Кривосудов *(Доброву)*

С делом сим я после призову.
(Членам.)
Реченная, друзья, скажу меж нас, вдовица,
Наместнику она ведь внучатна сестрица.
Он жалует ее; — так, знаете — вперед! . .

Бульбулькин

Ну, береженого и бог ведь бережет.

Кривосудов *(Доброву)*

Ну!

Кохтин *(вырывает реестр у Доброва и читает, перевернув несколько листов)*
«Иск асессора Ефрема Праволова
На подполковника Богдана Прямикова».

Кривосудов

Вот это кстати бы сегодня разобрать.

Бульбулькин

Добро.

Радбын

Хо-хорошо.

Паролькин

И впрям.

Атуев *(Кохтину)*

Вели подать.

Кохтин *(Доброву)*

Там на столе лежит оно особно.

Кривосудов *(Доброву)*

Поближе; внятнее читай.

Добров *(читает)*

«Экстракт подробной.
Своею жалобой асессор Праволов
Изобразил: майор покойный Прямиков,
Скончавшись, все свое наследное именье,
Которому всему подробно означенье
Приложено при сем, ближайшему родне

Оставил по своей, покойной же, жене;
А именно, Фоме майору Чужпродаву.
Сей, по наследственну и по законну праву,
Именье оное все истцу уступил
И крепость на суде, как должно, утвердил.
Законный срок прошел и спора не явилось.
Когда ж просителю за благо рассудилось
Во обладание имений тех ввойтить,
Чтоб с них законные доходы получить,
То некакой Богдан, нazванье Прямикова,
Не предъявя к тому предлога никакова,
Взяв, сыном сам себя родным его назвал
И истцу оных всех имений не давал. . .» *

Кривосудов

Приметьте: не давал.

Бульбулькин

Ну, не давал, вестимо.

Кривосудов

Как это зло могло законом быть терпимо?
(К Доброву.)
Читай.

Добров *(читает)*

«Хотя ж тогда проситель этот спор
Разрушил, доказав, что Прямиков майор
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Федота, коего скора была кончина. . .
Затем, что оного нет более в живых;
Но не уважа суд доводов таковых
Имение за сим Богданом же оставил
И нескольких дворян в том присягнуть заставил,
Что Прямикова сей Богдан законный сын
И всем имениям наследник лишь один.
Проситель, таковым обиженный решеньем,
В суд верхний с жалобным на то вступил прошеньем.
Когда ж и сей ему суд в праве отказал,
То апелляцию в палату он прислал,
В которой, наконец, доказывает ясно.
Что Прямикова с ним духовная согласно
Федота одного за сына признает:
А о Богдане в ней ниже полслова нет,
Которым именем ответчик сей зовется;

В чем на свидетелей он беспристрастных шлется,
На подпись собственну по всем делам его,
На совесть чистую Богдана самого
И даже на его майорские патенты.
А как где письменны найдутся документы,
Там действовать уже присяги не должны. . .»

Между тем члены, нашед бутылки под столом, одну ногами повалили.

Бульбулькин[1]

Ин память вечная ему.

Паролькин

И в добрый час.

Атуев

Эк спрятали куда остаточный запас.

Паролькин

Пошарь-ка, нет ли карт, так мы б переметнули.

Бульбулькин

Будь сыт тем, что вчера с Наумыча вы сдули.

Паролькин

Да ты не видел ведь, как даму я пригнул:
Десятком рубликов за банк перешагнул.

Кривосудов *(Доброву)*

Постой-ка.

(К членам.)

Кстати тут весьма приведены
Патенты штабские. Тут имя ведь прямое *. . .
Так что он ни толкуй, уж, верно, все пустое.
Вот важный пункт!

Бульбулькин

И впрям.

Кривосудов *(Доброву)*

Ну! дале.

---

[1] Следующие шесть стихов говорятся одновременно с чтением Доброва.— *Ред.*

Добров (*читает*)

«Не должны;
А как судом они неправедно даны,
То должно их почесть в сем деле за неважных;
А присягателей всех за кривоприсяжных;
Богдану ж с сей поры указом запретить
Чужое прозвище бесправно впредь носить,
А Прямикова все имения и села
Отдать просителю».

Кривосудов

Тут явна правость дела.

Бульбулькин

Как солнце ясное.

Паролькин

Прав без обиняков.

Атуев

Да ведь на истину не много надо слов.

Кривосудов

Тут правда сущая во всех словах приметна.
Но что-то возвестит нам сторона ответна?

Добров (*читает*)

«А Прямиков Богдан перед судом сказал
На все сие: — хотя проситель показал,
Что за кончиною майора Прямикова
И сына-де его постигла смерть роднова,
Но утвердить сего он, истец, не успел
Ни чрез свидетелей, ниже из гласных дел.
Сколь совесть ни ломал, сколь в ябеде ни рылся;
А напротив того, лишь только в суд явился,
То ясно доказал. . .» *

Кохтин (*вырывая бумаги у Доброва*)

Но ты стал бормотать.
Подай мне: слушай же и научись читать.

Кривосудов

И впрям прочти-ко ты, а то он так невнятно. . .

Бульбулькин

Коли уж что читать, так должно аккуратно.

Кохтин *(невнятно читает, кашляя, останавливаясь и проч.)*

«А Прямиков Богдан перед судом сказал;
На все сие хотя.— Проситель показал.
Что за кончиною майора; Прямикова
И сына-де его; постигла смерть роднова
Но утвердить сего он истец не успел.
Ни чрез свидетелей ниже; из гласных дел
Сколь совесть ни ломал, сколь; в ябеде ни рылся
А напротив того. . .

(Тут останавливается, харкает, сморкает нос.)

лишь только в суд явился
То ясно доказал он Прямиков Богдан
Присягой двадцати; соседственных дворян
Что Прямикова он родной сын и законный
Что Чужпродав майор. Совсем ему сторонний
И матери его был токмо просто: кум.

(Останавливается, нюхает табак, Кривосудов берет табак из его табакерки,— а он за то ему кланяется,— продолжает читать и, возвыся немного голос, бормочет.)

Что как ему отнюдь не вспало и на ум
Чтоб кто-нибудь его мог продавать именья,
Когда он был в чужих краях для обученья
То ябед плутовских, уступок и бумаг.
Через поверенных, тем меньше, на словах
Оспорить он. Не мог за двести миль; и боле
Что возвратясь в свое отечество оттоле,
И с двух сторон нашед; зажженное войной
Он долгом счел служить; и жертвовать собой
По замиреньи ж. . .

(Тут останавливается, оборачивает листы, чешет голову, оправляет камзол.)

— в дом отцовский возвратяся
Узнал что ябеда ему в родню; вплелася
В число покойников; давно его причла
И точное его наследье; продала
Что тут презрев ее, все низкие ехидства
Крючки, законностей, пролазы и бесстыдства
На правости своей. . .

(Останавливается пока окончат члены разговор свой, а тогда оканчивает чтение, возвыся голос при самом конце.)

. . .себя он утвердил,
И хищникам; своих наследств не попустил.

В чем супротиву лжи и ябедничья кова
Священного; себе законов ждет покрова».

Во время сего чтения Радбын тотчас задремлет, потом Бульбулькин; Атуев и Паролькин встают и выходят на авансцену.

Бульбулькин (*вполголоса*)[1]

Ну, мастер, признаюсь, наш секретарь читать;
Хотя б подслушал чорт, не мог бы разобрать.

Паролькин

Пусть мелет он, а мы подумаем о деле.
Из гвардьи отпускной сюда на сей неделе
Вельми молоденькой пожаловал барчук;
Пуста головушка, но с золотцом сундук.
Мы можем, приглася его в свою беседу...

Бульбулькин

А как да не пойдет на удочку?

Паролькин

Подъеду
К нему, поверь, с такой я ловкой стороны:
Уж змейки от меня к нему подпущены.
Лишь вы бы...

Атуев

Ба! да кто? не мой сосед ли это,
Что позлащенною всем хвастает каретой?

Паролькин

Тот самый.

Атуев

Ну, так всех сокровищ ты его
Не ведаешь!

Паролькин

Уж-ли? а именно, чего?

Атуев

Красотка у него; да знаешь ли? прекрасна!

Паролькин

Поди прочь: знать душа уж к ней твоя пристрастна:

---

[1] Последующий текст (до ремарки: «Садятся») говорится одновременно с чтением Кохтина.— *Ред.*

Я видел и не раз: ни чуть не хороша.
Подденем кошелек, в нем больше барыша.

Бульбулькин

Ой! ой! вы молодежь! ну, долго ль вам проказить
И то за кошельком, то за красоткой лазить?
Пора бы вашу жизнь уж вам остепенить.

Паролькин

А что ж прикажешь ты начать нам делать?

Бульбулькин

Пить.

(*Садятся.*)

Кривосудов

Эк вздоры!

Паролькин

Дребедень!

Атуев

Сумбур!

Бульбулькин

А штиль надут!

Радбын

Ни мы-мы-мысли нет; ни смы-мы-мысла тут.

Кохтин

Ни ссылки на указ.

Кривосудов

Какие те указы?
Ты видишь, тут одни пустые лишь рассказы,
Запутанная речь и бранные слова.
Ей, у меня от них вскружилась голова.
Пусть лучше бы он врал по-чудьски иль богемски.

Кохтин

Однак уездный суд и также верхний земский,
Решение на сих резонах утвердя
И спорное ему именье присудя,
Соперника его согласно обвинили.

Бульбулькин

Знать, пышные слова им головы вскружили.

Кривосудов

Но вы как мыслите о сем, мои друзья?

Бульбулькин

Коль правду вам сказать, так вот что мыслю я:
Что плут Богдан.

Атуев

Ей, так.

Кривосудов

И я такого ж мненья.

Радбын

То-точно так.

Паролькин

В том нет и малого сомненья.

Кривосудов

Так Праволова вы согласны оправдить?

Бульбулькин и Паролькин

Согласны.

Атуев

И весьма.

Радбын

Уж та-ки-ки-ки быть.

Кривосудов

Люблю я эдаку согласну мыслей встречу.
Так резолюцию в сей силе я отмечу?

Бульбулькин

Когда угодно вам.

Кривосудов *(написав, отдает бумагу Кохтину)*

Возьми же, да поди,
Все это поскорей как надо расплоди;
И принеси журнал, чтоб подписать успели

Кохтин, а за ним Добров уходят.

Бульбулькин

Ну, над проклятым сим мы делом попотели!

Кривосудов

Так можно отдохнуть.

Все встают.

Паролькин (*смотря на свои часы*)

Двенадцатый уж час.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Хватайко.

Хватайко

Желаю здравствовать. Не потревожу ль вас?

Кривосудов

Никак, любезный гость! спокойно ль ночевали?

Хватайко

Я думаю, как все: как улеглись — не знали.
(*Вполголоса.*)
В передней Праволов своей судьбины ждет.
Вы не забыли ли его?

Кривосудов

Нет, милый, нет!
Уж дело все с концом: согласно мы решили.

Хватайко

Ай, да спасибо вам; вот прямо удружили!

Бульбулькин

Когда б скорей журнал...

Кривосудов

Да я ведь уж велел.

Паролькин

А вот и секретарь.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Кохтин с журналом.

Кохтин (*отдавая бумагу Кривосудову*)

В минутную поспел.

Бульбулькин

Ну, впрям спроворил вмиг.

Кривосудов (*подписывая*)

Итак, перекрестяся.

Бульбулькин (*подписав*)

Эк живо подмахнул!

Атуев (*подписывая*)

И я благословяся.

Паролькин (*Радбыну, который хочет читать бумагу*)

Да, ну, пожалуй, нас читаньем не смеши:
Еже писах — писах.

Радбын (*подписав, Паролькину*)

Так на ж ты пи-пиши.

Паролькин (*подписав, отдает бумагу Кривосудову*)

Вот подчеркнул и я.

Кривосудов

Бумага и готова. (*К Кохтину.*)
Возьми.

Хватайко

Так можно уж позвать к вам Праволова?

Кривосудов (*Кохтину, который отворяет дверь*)

Охотно; прикажи.

Хватайко

Ну, как же эта весть
Обрадует его! судя как ни на есть,
А дело тысяч в сто.

ЯВЛЕНИЕ V

Те ж и Праволов.

Праволов

Слуга ваш всенижайший.

Кривосудов

И мы усердные.

Бульбулькин (*потрепавши Праволова по плечу*)

И скромны слуги ваши.

Хватайко *(Праволову)*

Какой тебе, мой друг, сегодни снился сон?

Праволов

К чему вопрос такой?

Атуев *(Праволову)*

Ты знаешь ли, ведь он *
Снотолкователем недавно учинился.

Хватайко *(Праволову)*

Вчерашним пуншевым ты чаном окатился
Во сне, наверное?

Праволов

А может быть и так.

Паролькин

А это, говорят, хороший будто знак.

Праволов

Я благодарен вам за доброе значенье *.

Бульбулькин

За потерпенье ведь дает бог и спасенье.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те ж и Добров.

Добров *(несет два пакета и отдает их Кривосудову)*

С почтамта лишь сейчас они принесены.

Кривосудов *(распечатывает и отдает Хватайку один пакет.)*

Судебно око ты: пожалуй, потрудися.

Хватайко *(развернув бумагу)*

От «приказали» ведь *?

(Читает.)

«А как в Сенат стеклися
Из разных главных мест, правлений и судов
Репорты, коими асессор Праволов
В поносных ябедах, злодейственных беспутствах,
В разбоях, грабежах и даже душегубствах,

Довольно приличен. . .»

(К Праволову.)

Кой чорт! смотри-ко, брат!

(Читает.)

«Довольно приличен, то для того Сенат
Присутственным местам всем сим повелевает
Строжайший обыск. . .»

Праволов

Ох! кровь в жилах замерзает.

Хватайко *(читает)*

«О Праволове сем повсюду предписать;
И где найдется он, сковав, под стражу взять
И крепко содержать до нового указу».

Праволов

Погиб я!

Хватайко *(к Праволову)*

Вот те на! Какую же проказу? . .

Праволов *(падая на колени и подняв вверх обе руки, между коих записная книжка видна)*

Да что уж говорить, не погуби, спаси!

Хватайко

Да ты возможного, голубчик, лишь проси.
Ведь тож и у меня спина-та щекотлива.

Праволов

Пропал навеки я! О хищность нечестива!

(Бежит вон.)

Хватайко *(бежит за ним)*

Куда? Постой, вернись! Чтоб он куда не сгиб.

ЯВЛЕНИЕ VII

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Радбын, Кохтин и Добров.

Атуев

Я вне себя!

Паролькин

Кой чорт!

Кривосудов

Меня как гром ушиб.

Бульбулькин

Мне кажется, я пьян.

Радбын

Эк-эк-эк-эко диво!

Кривосудов

Да как с ним эдак вдруг внезапно, несчастливо!
Я не сберусь с умом. Но дай-ко нам прочесть
(Берет другой пакет.)
И эту вещь. Очки! Тут что-нибудь да есть.
О чем Сенату к нам писать и столько много?
(Читает вслух.)
Вот на! «Гражданскую палату всю... и строго...»
Ахти, пропали мы!
(Роняет из рук бумагу и падает в креслы.)

Бульбулькин

За что? Перекрестись!

Атуев

Неужли впрям?

Паролькин

Господь, господь с тобой, очнись.

Радбын

Эк-эко диво!

Кохтин

Ну, пришло и нам, знать, круто!

Подымают бумагу и все, сбежавшись, читают.

Добров *(в сторону)*

Крутили ведь и вы!

Кривосудов

О скорбь! О горе люто!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те ж, Фекла, София и Анна.

Фекла

Что за беда у вас? О чем так сильный крик?

Кривосудов

Пропали мы!

Фекла (*к Кривосудову*)

Да как? Ну ж! поверни язык.

Кривосудов

Погибли, говорю; ну, сгибли да пропали!

Фекла (*к Бульбулькину*)

Да как?

Бульбулькин

Погибли так, как ввек не погибали.

Фекла (*к Паролькину*)

За что?

Паролькин

За то, что нам пришел прямой уж мат!

Фекла (*к Атуеву*)

Взбешусь; скажи мне...

Атуев

Уж все сказал Сенат *.

Фекла (*к Радбыну*)

Сенат! ахти! и впрям; да что же вам оттуда?

Радбын

Ввек эк-эк-экого не ждал я чу-чу-чуда!

Фекла (*к Кохтину*)

Хоть ты мне растолкуй.

Кохтин

Да толк тут недалек:
За бабушкин, знать, грех всех нас попутал бог.

Фекла (*к Доброву*)

Хоть ты...

Добров

О том вся скорбь, что вздумалось Сенату
Нас в уголовну всех препроводить палату.

Фекла

Ахти мне! Да за что?

Кривосудов

Да то-то и беда,
Что осудили нас без всякого суда.
Ну, льзя ли, по одним доносам лишь злословным *,
Велеть нас всех судить порядком уголовным?
За взятки, якобы, за толк кривой в делах
Законов будто...

Фекла

Как? Как? На пустых словах
Сенат уверился? Сенат нас обвиняет?
Да кто ж нам взятки дал? Кто нас изобличает?
Без права, без суда, честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, страмить нас, убивать!
Да что, что он Сенат? Да что, что сенаторы?
В палатах разве лишь одних засели воры?
И к нам не дьявол ли занес стол красный в дом?
Прочь с ним отсель: — я все поставлю кверху дном.

Опрокидывает стол; все члены и Кохтин разбегаются; под столом увидя бутылки, Фекла к Кривосудову с радостью.

А кто принес?

Кривосудов

Никто. Остатки, знать, вчерашни.

ЯВЛЕНИЕ IX

Кривосудов, Фекла, София, Анна и Добров.

Фекла *(свернув руки, стоит)*

Ахти! беда! беда!

Кривосудов

Твои вот это шашни:
Через тебя и я, и весь мой дом погиб.

Фекла

Через меня? Да ты сидел в суде, как гриб,
Как истукан, как пень, как олух, как осел,
Как рохля; в жизнь твою ты двух концов не свел.

Кривосудов

Сведи же ты теперь.

Фекла

Сведи! еще бормочет;
И он же голову еще вскружить мне хочет!
Слышь, не дразни, а то...
(Бросается к нему.)

София

Ах, матушка, я вас
Прошу...

Фекла *(Софии)*

И ты туда ж? поди с моих ты глаз!

Кривосудов

Да не гони ее; она беды не знает,
Что уж ее жених в остроге заседает.

Фекла

Кто? ..

Кривосудов

Праволов.

Фекла

Ахти! За что?

Кривосудов

Сенат велел
Сковать; и скован уж; так, стало, не без дел.

Фекла

Ахти! пришла беда! ахти мне! умираю.

Падает в обморок; София и Анна бросаются ей помогать.

ЯВЛЕНИЕ X

Те ж и Прямиков.

Прямиков

Простите мне, сударь, что смелость принимаю
Прийти к вам; ваше я несчастие узнал;
Жалея искренно, за первый долг считал
Спешить утешить вас и разделить печали.
(К Фекле, пришедшей в себя.)

Хотя вы на меня немного пороптали.
Сударыня, но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступок мой,
Усердья моего почувствуете цену.

Кривосудов

Вы счастья нашего узнали перемену?

Прямиков

Но чувствований я моих не пременил,
И вам готов помочь, колико будет сил.
Счастлив, когда б мои услуги предуспели
Склонить вас, чтобы вы с приятностью глядели
На нежну страсть мою.

Фекла

Вы много чести нам. . .
Я, право, вас стыжусь. Когда угодно вам. . .
С моей я стороны согласна всей душею.

Кривосудов

И я тож; да и вы, я чай, согласны с нею.

София

Ах! признаюсь, что мне он не противен был.

Кривосудов *(соединяя их руки)*

Ну, дай же бог, чтоб он тебе был вечно мил!

Прямиков *(целуя руки Софии)*

Какое счастие!

София

Какая перемена!

Кривосудов

Теперь моя печаль немного облегченна.

Анна

Авось-либо и все нам с рук сойдет слегка.

Добров

Впрям: моет, говорят ведь, руку-де рука;
А с уголовною гражданская палата,

Ей-ей, частехонько живет за панибрата;
Не то, при торжестве уже каком ни есть,
Под милостивый вас поддвинут манифест.

Кривосудов

Ну, что ни говори, а дело плоховато!

Анна

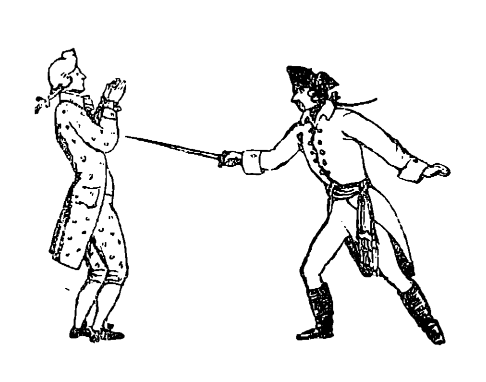
Жить ябедой и тем: что взято, то и свято.

Конец

И. А. КРЫЛОВ

ТРУМФ

(ПОДЩИПА)



ТРУМФ
(ПОДЩИПА)

Шуто-трагедия в двух действиях, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Вакула
Царевна Подщипа, его дочь
Трумф, немецкий принц
Слюняй, князь, жених Подщипы
Дурдуран, гофмаршал двора царя Вакулы
Чернавка, наперсница Подщипы
Паж царя Вакулы
Цыганка
Бояре, члены Совета царя Вакулы

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Подщипа и Чернавка.

Чернавка

Престанете ль, княжна, крушиться столько вы,
И молодость губить?

Подщипа

Увы! Увы! Увы!

Чернавка

Ах! сжальтесь над собой! и так уж вы, как спичка,
И с горя в неглиже, одеты, как чумичка:
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешетесь, ни пить не просите, ни есть.
Склонитесь, наконец, меня, княжна, послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа

Чернавка милая! петиту нет совсем;
Ну, что за прибыль есть, коль я без вкуса ем?
Сегодня поутру, и то совсем без смаку,
Насилу съесть могла с сигом я кулебяку.
Ах! в горести моей до пищи ль мне теперь!
Ломает грусть меня, как агнца лютый зверь.

Чернавка

Лишь меру надо знать. Увы! и я не спорю,
Что много есть для вас причин законных к горю
С тех пор, как Трумф немчин, красой твоей пленясь,
Проклятых свах заслал и, за отказ взбесясь,
А более за то, что любишь ты Слюняя,

Вошел войною к нам, все грабя и пленяя;
Премудрый твой отец Вакула, светлый царь,
В Сенате будучи, спускал тогда кубарь,
Когда о близкой толь беде ему сказали.
Все меры приняты: указом приказали,
Чтоб шить на армию фуфайки, сапоги
И чтоб пекли скорей к походу пироги.
По лавкам в тот же час за тактикой * послали,
Намазали тупей, подкоски подвязали,
Из старых скатертей наделали знамен,
И целый был постав блинами завален.
Но ах! уж поздно все! Трумф под город пробрался,
Как вихрь в полях взвился и в город он ворвался.
Ах! сколько видела тогда я с нами бед!
У нас из-под носу сожрал он наш обед,
Повыбил окна все; из наших генералов
Наделал он себе конюших да капралов,
По бешеным домам министров рассадил,
Всем графам да князьям затылки подобрил,
И ах! — как не пришиб его святой Никола!
Он бедного царя пинком спихнул с престола!
Что делать в крайности и гибели такой?
Вакула наконец спастись хотел тобой
И немцу вдруг твою он руку предлагает.
Любовь и зверские сердца превозмогает!
Согласен Трумф за то корону возвратить,
И к свадьбе пиво он скорей велел варить.

Подщипа

А бедный князь Слюняй, с его жестокой страстью,
Колико поражон такою стал напастью!
Увы! из детских я к нему привыкла лет,
И с ним заветного у нас друг другу нет.
Как вспомнить я могу без слез его все ласки,
Щипки, пинки, рывки и самые потаски!
Делили все мы с ним забавы меж собой:
Катанья в масляну, качели о святой;
Друг без друга, увы! мы в жмурки не играли
И вместе огурцы по огородам крали...
А ныне, ах! за весь его любовный жар
Готовится ему несносный столь удар!!!

Чернавка

Не спорю, что его опасно то здоровью:
Как резом в животе, он мучится любовью;

Но если спасть должна ты царство и отца,
Княжна! поступком сим ты все пленишь сердца,
И скажут все, что ты героев всех не ниже.

Подщипа

Да, да, рассказывай: рубашка к телу ближе.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Дурдуран (с каплуном в руках).

Дурдуран (*кланяясь низко*)

Княжна! родительский узнай к тебе приказ,
И будь готова ты венчаться через час.
Сейчас лишь каплуна я сам купил на рынке
И нанял на вечер гудок да две волынки.

Подщипа

Что слышу! .. Ой, умру! .. ой, тошно! .. ой, живот! ..
(*Упадает в кресло.*)

Чернавка

Страшусь! она себя с печали надорвет!

Дурдуран

Я знаю всей ее великой жертвы цену...
Понюхать бы дала царевне ты хоть хрену.

Чернавка

О бедная княжна! злосчастная любовь!
Хотя б рожечную скорей пустить ей кровь.

Дурдуран (*ощупывая княжну*)

Смотри: копна-копной, не можно с места сдвинуть.
Не лучше ль на живот горшка ей два накинуть?

Подщипа (*несколько опамятовавшись*)

Где я? .. Скажите мне: теперя ночь иль день?

Чернавка

Царевна, что у вас?

Подщипа

Вапёры да мигрень.

Дурдуран

Скрепитесь, о княжна, и давши Трумфу руку...

Подщипа

Нет, нет! не вытерплю такую злую муку!
Зарежусь, утоплюсь...

Чернавка

Опомнитесь, княжна!
(Дурдурану.)
Ну, если в подлинну утопится она?

Дурдуран

Царь все предвидел то и, страхом отчим движим,
Велел ей пузыри носить наместо фижем *,
Чтоб, если кинется в реку, наверх ей всплыть;
А за столом велел лишь жеваным кормить *,
Да чтоб, спустя чулки, ходила без подвязок...
Но пропадайте вы! Мне с вами не до сказок!
Мне ныне случай есть явить весь разум мой:
Кухарка, чай, давно в стряпушьей ждет за мной.
А чтоб гофмаршальский мой сан достойно справить,
На кухню каплуна я сам бегу доставить.
(Уходит.)

Подщипа

Не сон ли это все? — Не брежу ль я?..

Чернавка

Ах, нет!
Но укрепись, княжна! се твой жених грядет!

Подщипа *(вставши)*

О царский сан! ты мне противней горькой редьки!
Почто, увы! не дочь конюшего я Федьки!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Трумф.

Трумф

Старофа ль, анкель мой! прелесна мой княшон!
Для плапалушна шас, кахта мой пудешь жон,
Мой ноши весь не спит и серса польна сшотся;
Прелесна тфой фикур на мой туша шифется.
Курит ли трупка мой,— из трупка тфой пихтишь.
Или мой кафе пил,— тфой в шашешка сидишь;

Фезте мой фидит тфой — на поля и на пушка,
И кочет auf ein Mal * уфидеть на патушка,
Карона, скиптра, трон и слафа растелить
И фместе на слатей из пушешка палить.

Подщипа

Конечно, государь! мне много б было славы!
Но вспомни, что у нас совсем различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я их не терплю;
Противны сочни вам *, а я их смерть люблю;
Привык ты на войне сносить и жар и холод,
И к пище всякой там тебя привадит голод;
А я лишь выборный люблю везде кусок:
Петушьи гребешки, у курочки пупок;
Ты всяку дрянь рад есть, находишь вкус в лягушках,
А я у матушки взросла лишь на ватрушках;
Ты храбр, но с нежностью и вкусом не знаком,
И за версту, о князь, воняешь табаком.
Помысли ж, каково мне быть твоей женою,
Подумай, государь, и сжалься надо мною *.

Трумф

Фай! што тут шалиться нам путет жить утешна,
Кахта на цепки нас Амур сафяшет фешна:
Из крушешка отна мы путем пифа пиль,
Из трупошка отна тапах с тапой куриль;
Не путет мала твой ни домик, ни палатка,
Ни платьиса пахат, ни санка, ни лошатка;
Все это путит дал. Не тушь, mein Herz *, не тушь!
Шесна пароль тебе: мой путет топра муш.

Подщипа

Нет, нет, о государь! не льсти себя напрасно!
Боюсь, с тобою мне супружество ужасно!

Трумф

Паись со мной? кафо? — На всех стреляй фелит!
Не пось! не там тепе, красафис мой, ф опит;
На карнафаль к тепе подсунься лишь тетинка,
Мой псарь тотшас тафай он фухтеля на спинка.
Мой стелай, чтоб нихто на твой не смел клядить,
И в спальна сарска к нам нихто не смей кадить:
Ни графа, ни министр, ни сама генерала,
Отна фельдфебель мой und два иль три капрала.

Подщипа

Я музыку люблю.

Трумф

О мусык слафна наш!
На кларинет тепе икрай я путит марш;
Два тонка флейтошка, да толста два тимпана,
Симфонья на опет нам стелай с парапана.

Подщипа

До танцев страстна я.

Трумф

Мой путет бал тафал,
И станет пил тафо, кто не буль тансофал.
Мой люпит фесел шить: скакать, плясать, ресфиться,
И палькой на дворца сконяит веселиться *.

Подщипа

Я не люблю тебя, мне вид противен твой!

Трумф

Не люпишь? .. Этофа стерпел не мошна мой!
Протифна Трумф? .. фай, фай! такая поруканья
Тастойна саслушить тешола накасанья.
Некотна тефка! твой протифен мой фикур,
Кохта сфетлейша ей принцеса телай кур!
Мой снает фсе: Слюняй тфой так мысли латит;
Но мерска сей рифаль я в мик на кол посатит.
Смотри, я не шути, кохта пуфай сертит.
Люпи мене, коль пил не хочешь польна пит!
Рукаться на мене! .. Не там тепе поташка;
Коль быль не хочешь шон, так мой ты путешь прашка!

Подщипа

Тиран! не устрашишь ты сердце тем мое:
В моем несчастьи мне сноснее мыть белье,
Когда бы только князь Слюняй носил мне воду,
Чем быть супругою столь скверному уроду.

Трумф

Der Teufel *! .. я урот? .. Стерпел нет больше мошь!
Ну, фот заплат са фесь моя люповь! .. Карош!
Мольши! на корот стесь не путет шиф ни тушка:
Сейшас пошел фелеть на фсех стреляй из пушка.

(Уходит.)

Подщипа

Ступай, тиран! твоих я ядер не боюсь,
О князе бедном лишь своем слезами льюсь!

ЯВЛЕНИЕ IV

Подщипа, Чернавка и Слюняй.

Слюняй (*крадется тихонько из-за кулис*)

Князьня! усой-и он? Ну, бьят, какой сейдитой?
Он съядит хоть бы с кем, хоть с куцейем Никитой.
Пьеестная! как я бояйся за тебя,
Уз так за двейю там езем я сзяй себя.
Ну, так и думаю: убьет ее до смейти.
На-сию побьяи его отсюда цейти!

Подщипа

Чтоб сделал ты, мой князь?

Слюняй

Ну, так бы и завый!
Без миенькой князны куда бы годен бый?

Подщипа

Ужели б сим мечом ты не сразил злодея?
Скажи, любезный князь, утешь меня скорея!

Слюняй

Да, да! подсунься-ка к его ты паясу:
Вить деевянную я спагу-то носу.

Чернавка

Возможно ль, государь?

Слюняй

А как бы ты хотея?
Мне матуска носить зеезной не веея.

Чернавка

Но если, князь, на вас напасть дерзнул бы кто...

Подщипа

Скажи, чем спасся б ты?

Слюняй

А ноги-то на сто?
Не бось, как дам стьецка, так поминай как зваи!

Подщипа

Увы, любезный князь! с тобою мы пропали.

Слюняй

Ой! как мне быть, как ты с дьюгим пойдесь к венцу!
Я так юбью тебя... ну, пусце еденцу.
Ты знаесь, мияя, моей веикость стьясти;
Подумай, как бы нам спастися от напасти.
Кой выйдесь за него,— не быть со мной добью.

Подщипа

От нажимации одной лишь я умру *.
Чернавка милая! беги, беги скорее —
Сказать родителю, что жизнь мне смерти злее,
Когда с Слюняем я любезным разлучусь,
Что вечно Трумфовой я быть не соглашусь;
Скажи родителю, чтоб он со мной скоряе
Увиделся сейчас тихонько, хоть в сарае,
Чтоб нам придумать, как немчина обмануть
И голову ему, как петуху, свернуть.
Беги, лети к нему!

Чернавка

Бегу, но все напрасно!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, кроме Чернавки.

Подщипа

Так, так! напрасно все! и я то вижу ясно.
Но есть еще одно прибежище у нас,
И смерть от хищника спасет нас сей же час.
Скажи, мой князь, в любви ты мне не лицемеришь?

Слюняй

Хоть пьисягнуть готов! Узьи ты мне не веишь?

Подщипа

Готов ли вместе ты со мною умереть?

С л ю н я й

Позяюй!

П о д щ и п а

Вместе нам приятна будет смерть.
Пойдем же, бросимся сейчас стремглав в окошко
И сломим головы.

(Тащит его за руку.)

С л ю н я й

Постой, постой немносько!
Отсей вить высоко. Позяюй, бьёсюсь я,
Но тойко, знаесь сто: из низнего зийя.

П о д щ и п а

Я вижу: смерти род такой тебе ужасен.
Но менее ль, скажи, злодей для нас опасен?
Вить умирать же нам, а может нас убьют.
Пойдем же, бросимся с тобою вместе в пруд
И Трумфу нашему тем досадим злодею.

С л ю н я й

Позяюй,— только я вить пьявать не умею.

П о д щ и п а

Жестокий! робостью ты бед моих не множь!
Ну, хочешь ли: вот я украла в кухне нож...
Зарежемся!.. Мы тем от бед себя избавим,
И наши имена навек с тобой прославим!.

С л ю н я й

Извой.

П о д щ и п а *(подавая ему нож)*

Начни ж.

С л ю н я й

Гьяди.

П о д щ и п а

Увы! я вся дрожу!

С л ю н я й *(отдавая нож)*

Князна! заезься ты, я пьезде погьязю *.

П о д щ и п а

О варвар! так-то ты в любви своей мне клялся?
Где нежность вся твоя, где пламень твой девался?

Прочь, прочь! я более тебя уж не люблю,
И вида твоего, слюнявый, не терплю!
Прощай! .. быть нежным ввек ты счастия не вкусишь.
Прямой слюняй, когда зарезаться ты трусишь.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Слюняй (один).

Слюняй

Да, видись, бьят! насья, небось, ты дуяка!
Заезься-ка сама, кои юка егка.
И я не пьёмах вить, меня ты не обманешь.
Чейкнуться дойго-и, а после и не встанешь.
Нет, сто ни говои, я смейти не юбью,
Хотя от миенькой и гнев за то тейпью:
Но посье помиюсь, пьивьюся, пьияскаюсь,
И сто я зить хочу, ей истинно пьизнаюсь.
Ну, пьяво, как она ни спой себе со мной,
А все-таки вить я — утеснее зивой.

ЯВЛЕНИЕ VII

Слюняй, Вакула, Дурдуран, паж с кубарем, вельможи.

Вакула

А, слышь ты, господа! мы стол велим поставить,
Чтоб царский мой Совет как надобно исправить,
Да, слышь, подумаем.

Дурдуран

Скорей внесите стол.
Боюсь лишь, чтоб немчин нас не всадил на кол.

Вакула

Нет, в рынок он пошел теперь за башмаками,
Чтоб, слышь ты, танцовать ужо на бале с нами;
А у меня меж тем подкуплен уж звонарь. . .

Паж

Велите ли себе спустить теперь кубарь?

Вакула

Тотчас, слышь, погоди! Ну, слышь, чтоб с колокольни
Звонарь, как сыч, смотрел на все места окольни

И дал бы знать, когда воротится немчин.
Молчи: мы, слышь, ему сготовим добрый блин.
Садитесь же.

Все садятся. Вакула берет первое место.

Ну, вот, бояре, в чем все дело:
Нас семя вражье здесь немчинско одолело;
Вить, слышь, сказать — так стыд, а утаить — так грех:
Я, царь, и вы, вся знать,— мы курам стали в смех.
Нам, слышь, по улицам ребята все смеются;
Везде за нами гвалт — бес знает, где берутся!
Частехонько — ну, срам! — немчина веселя,
Под царский, слышь ты, зад дают мне киселя.
Сам Трумф, ругаться вам став заражен повадкой,
Слышь, всем велит носить кафтаны вверх подкладкой,
И уж задумал, слышь, содрать с вас парики,
Чтоб лошадям своим свалять их в потники.
Так, знашь, нельзя ль самим содрать с него нам кожу,
Иль, слышь, хоть, отманя к сторонке, треснуть в рожу,
Да вон и с челядью его отсель прогнать.
Ну, так ли, господа? — Так, слышь, сберем мы рать.

Слюняй

Надёзя-госудай! вить я в Совет не нузен?

Вакула

Ты зелен еще, князь! Ступай и будь на ужин.
Подщипа, слышь ты, мне теперь сказала все.

Слюняй

Пьёпай я!

Вакула

Я с тобой уж помирил ее.
Небось, лишь погоди, я с басурманом слажу.

Слюняй

Езон! Так я пойду на гоюбятню сьязю.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, кроме Слюняя.

Вакула *(встает и подходит к одному из вельмож)*

Ну что ж, придумал ты, мой дорогой Совет?
А, слышь, и в помощи нам недостатка нет.
(Подает бумагу.)

Прочти, какую нам сосед дает помогу.
Не без кумов-то вить и я здесь, слава богу!
Ну, что ж? Прочел ли ты?

Д у р д у р а н (*привстает*)

Он слеп, о государь!

В а к у л а

Так, слышь ты, не прочтет...

П а ж

Прикажете ль кубарь?

В а к у л а

Тотчас, слышь.

(*Подходит ко второму.*)

Ну, так ты скажи свое, слышь, мненье.
И докажи свое и знанье и уменье.
С чего бы заговор нам лучше свой начать,
Умненько произвесть и славно окончать?
Ну, что ж ты думаешь? Скажи хотя мне слово.

Д у р д у р а н (*привстает*)

Он нем, о государь!

В а к у л а

Ну, вот тебе здорово!

(*Подходит к третьему.*)

Скажи же ты хотя, как горю пособить.
А я, ну право, слышь, не знаю, как мне быть.
Эх, слышь! Ну, что ж ты стал? ..

(*Толкает его в бок.*)

Д у р д у р а н (*привстает*)

Он, государь, не слышит!

В а к у л а (*к четвертому*)

Хоть ты!

Д у р д у р а н

За старостью, о царь, едва он дышит!

П а ж

А у меня кубарь готов, навит совсем.

В а к у л а

Ну, ладно же, так мы в столовую пойдем.

(*К Совету.*)

Вы, слышьте, вздумайте, да не сходя со стула.
А я, знашь, подмахну вам тотчас: царь Вакула.
(Уходит с пажом.)

Дурдуран

Молчите ж, ни гу-гу! и думать мы начнем;
А что придумаем, царю то донесем.

Один после другого зачинают зевать и дремать. Все засыпают и храпят. Занавес опускается.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Вакула и Подщипа.

Вакула

Ну, ну, не видывал такой беды я сроду!

Подщипа

Что, что ты, отче мой?

Вакула

Ну, ну, рад, знашь, хоть в воду!

Подщипа

Какою новою грозит нам рок бедой?
Не новою ль злодей идет на нас войной?

Вакула

Вот вздор бы, слышь, какой! На то вить есть солдаты!
Пускай бы и дрались они себе из платы.

Подщипа

Или против твоей особы заговор?

Вакула

Нет, нет, совсем не то! Ты, слышь, болтаешь вздор.

Подщипа

Какое ж новое нас горе одолело?
Не хлеба ль недород?

Вакула

А мне, слышь, что за дело?
Я разве даром царь? — Слышь, лежа на печи,

Я и в голодный год есть буду калачи.
Да дело все не в том, моя беда сильнее;
Ну, слышь ты, ничего мне не было больнее. . .

Подщипа

Так верно Трумф. . .

Вакула

Ах, нет!

Подщипа

Так что ж, о государь?

Вакула

Ну, слышь, проклятый паж мой изломал кубарь.
Я им с ребячества доныне забавлялся,
А, знашь, теперь хоть кинь. Ну, так бы разорвался!

Подщипа

Я думала другой печали сей предмет,
И, знавши, государь, что собрал ты Совет. . .

Вакула

То дело иншее! Чтоб им придать охотки,
Так я послал в Совет салакушки да водки,
Пускай их думают; авось придет черед
И нам, Подщипушка, у немца взять перед.
Когда б не паж, и я бы, может, что затеял;
Да он, проклятый, слышь ты, мысли все рассеял.
А вот и Дурдуран! Слышь, что-то он несет?

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Дурдуран.

Вакула

Ну, что же сделал, слышь, премудрый мой Совет?

Дурдуран

Штоф роспил вейновой, разъел салакуш банку,
Да присудил, о царь, о всем спросить цыганку,
Котора на мосту с премудростью живет
И знает наизусть, что будет за сто лет.
Как отымалками, бесами помыкает
И часто за усы их старшего таскает.

И, словом, приговор Совета был таков,
Что голова ее всех вместе их голов
Умнее во сто раз, а может быть и боле.

Вакула

Ну, что же? Вить за ней послать-то в нашей воле.
Пошли-ка поскорей!

Подщипа

Пошли, душа моя!
Поворожиться-ка, кому достанусь я.

Вакула

Да если б занял ты мне для нее полтинник. . .
Скажи-ка, будто я. . . ну, знашь ты, именинник,
Так мне подарками тут с рубль перепадет;
А между тем пускай она, слышь, подождет.

Дурдуран

О всем придумал я и трудность опрокинул:
На кашель, государь, я пошлину накинул,
А за цыганкою послал уж ходока.

Вакула

Да вот, слышь, и она. Эк на помин легка!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и цыганка.

Цыганка *(вбегая)*

О чем кручинен, царь, и что на сердце, знаю!
Ой, дай же рубличек, на ручке загадаю,
Все про хорошенько и добренько скажу.
Ой, дай же рубличек, царю поворожу.

Подщипа *(подает руку)*

Скажи, цыганка, мне, да будь лишь справедлива. . .

Цыганка

Ой, все я знаю, все! То рученька счастлива. . .

Вакула *(выдергивает руку Подщипы и подает свою)*

Постой-ка! руку-то и после можешь дать.
Тут, слышь, о царственных делах хотят гадать.
Скажи-ка — от тебя я света ожидаю. . .

Цыганка

Да дай же рубличек, добренько загадаю.

Подщипа

Ах, мне о женихе!

Вакула

Нет, нет, слышь! мне скажи. . .

Дурдуран

Вот рубль.

Вакула

Да вот, слышь, рубль — так мне поворожи.

Цыганка

Богата рученька, разумная головка!
Ой, много мозгу в ней.

Вакула

Ну, слышь, пряма колдовка.

Цыганка *(смотря на руку Вакулы)*

Кручины много есть.

Вакула

Ну, то-то ж. Как же быть?
Не вздумаешь ли ты, как горю пособить?
Отворожи-ка ты отсюда нам немчина.

Цыганка

Черноволосый он, такой большой детина
На сердце у тебя.

Вакула

Как жернов, слышь, лежит.

Цыганка

Он худо думает.

Вакула

Чтоб взял его, слышь, жид!

Цыганка

Все загадала я; но всем болтать не стану,
А за секрет скажу лишь только Дурдурану.
Когда исполнит он совет мой точно весь,
Так вмиг и с челядью не будет немца здесь.

Вакула (*Дурдурану*)

Слышь, слушайся ж ее!

Дурдуран

Хоть то мне и обидно,
Но если царь велит, так мне ничуть не стыдно.

Подщипа

Скажи, любезная, и мне ты поскорей
И худо и добро об участи моей.

Цыганка

Прекрасна рученька, таланлива, счастлива;
А есть кручинушка...

Подщипа

Ох, тише! я стыдлива.

Цыганка

Сердечушко твое, княжна, заножено,
Ну, хочет, кажется, вон выпрыгнуть оно.
Прекрасный молодец! как яблочко наливно...

Подщипа

Ой, стыдно, стыдно мне!

Цыганка

Однако ж не противно?

Подщипа

Ну, нет... Да буду ли сегодня я за ним?

Вакула

Княжна! слышь, надо дать подумать время им.

Цыганка

Что ж за труды?

Вакула

Молчи! Когда отмщу злодею,
Так, слышь, сошью тебе кумачну телогрею.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Трумф.

Трумф (*вбегая в бешенстве*)

Фай, фай! преклята тфарь! собашья скферна дел!
Как мошно думал так, упил меня фелел?

Прекрасна та прожект! Мой ошень плаготарит!
Но прежде фся ваш род на фертель мой исшарит!

Вакула

Помилуй, государь, я, слышь...

Трумф

Помилуй — нет!
Проклята ваша тух, как стерфа пропатет.
Я снай вся умысла и фаша загофора:
Сейшас я тфой пояр потслюшал у забора.

Дурдуран

Пропали мы!

Вакула

Беда!

Подщипа

О, ты, жестокий рок!

Трумф

Да, брат: и на моя калофка быль умок;
Мой знает плутня тфой и за такая шашня
Мой путет фас сашай на сепи и на башня,
Да на рапоший дом фас путет посылать,
И кроме хлеп да фот вам кушать не тафать.

Вакула

Помилуй, государь! Я, слышь, вперед не буду,
Попутал бес меня.

Трумф

Фон, стара пес, отсюда!

Вакула уходит.

Подщипа

Ужели нет и мне пощады никакой?

Трумф

О, хитра польно тфой! Мольши, красафис мой!
Пошель, пошель! Теперь мой даст на все указа.

Подщипа уходит.

Дурдуран

Ни телом, ни душой...

Трумф

Ты, клупая проказа!
Ти много финофат! Марш, марш, мой каспатин!
Твой тотшас путет сут и палошка на спин.

Дурдуран

Позвольте выйти мне.

Трумф

Пошель, такой сапака!
На фешер путу таль вам топра перетряка.

Дурдуран уходит.

ЯВЛЕНИЕ V

Трумф и цыганка.

Цыганка

Во мне ведь нужды нет?

Трумф

Постой, красафис мой!
Скаши-ка, для шефо твой призван на пакой?

Цыганка

Хороший молодец! Царевна присылала
И о тебе со мной все утро прогадала.

Трумф

А што кадал такой? мой скоро ль шорт возьмет,
И скоро ль князь Слюняй на сватьба с ней пойтет?

Цыганка

Ой, нет! лишь о тебе одном она тужила,
И любишь ли ее, о том проворожила:
Милее никого тебя ей, барин, нет,
И с нетерпением она дня свадьбы ждет.

Трумф

Не лшот тфой?

Цыганка

Кстати ли? Подумай сам ладненько;
Ну, где есть личико другое так беленько;
Где букли толще есть, где гуще есть усы,
И у кого коса длинней твоей косы?

Где есть такой носок, глазок, роток, бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну, есть ли девушка иль мужняя жена,
Чтоб, на тебя взглянув, не ахнула она?

Трумф

Мой тумал так, да князь Слюняй мне тут сатится.
(Показывает на затылок.)

Цыганка

Ну, вот великий страх! Я рада побожиться,
Что, может, до того казался он ей мил;
Но ныне ты ее все мысли полонил.
Подай-ка ученьку. Ой, тут сидит девочка,
И по тебе с ума царева сходит дочка.

Трумф

За фестошка така не шаль полтинка даль,
Когта бы прафта мне, цыганошка, сказаль.

Цыганка

Я сроду не лгала.

Трумф

Так тфой не лицемеришь?

Цыганка

Взглянись лишь в зеркало, так лучше мне поверишь.

Трумф

Та, та! Тфой прафта есть: мой фашна есть фикур!
Поди ше, кралишка! Кохта моя амур
Успеха полушит, я кликну тфой в палата,
И накраштенья там фелика и поката.
Поди, красафис мой, на дом себе теперь.

Цыганка

Спасибо, барин мой!
(В сторону.)
Вперед цыганкам верь!

ЯВЛЕНИЕ VI

Трумф и Слюняй.

Трумф *(один)*

Она сказаль не лошь: умен, снать, эта тефка...

Я, прафо, подшутиль: молотшик не в истефка.

Слюняй (*вбегая и не видя Трумфа*)

Ну, вот и я пьисой!

Трумф (*схватывает его*)

Поди-ка, прат, сюта.

Слюняй

Ой, смейть!

Трумф

Мне ната ты!

Слюняй

Пьисья моя беда!

Помиюй, дядюська!

Трумф

Нет, милуй мой не мошна.

Смерть тфой.

Слюняй

Пьяпай.

Трумф

От тфой пришел мне польно тошно.

Слюняй

Отец!

Трумф

Фай!

Слюняй

Гьяфцик!

Трумф

Фстор!

Слюняй

Сокьёвисце мое!

Сиятейный!

Трумф

Мольшать!

Слюняй

Светьейсий!

Трумф

Ну!

Слюняй

Мусье!

Помиюй!

Трумф

Нет, тепе там топра перебяки.

Слюняй

Ах, батюски! пьопай на место я собаки!

Трумф (*вынимая шпагу*)

Катофся умирай!

Слюняй

Ой, смейтюська моя!
Помиюй! Цем тебя пьогневай стойко я?

Трумф

Не путет польше тфой Подщипа телай куры,
Я коншу в сей минут тфой шашнь и вся амуры.

Слюняй

Ой, ой!

Трумф

Но нет! Хоть тфой нефеша и урот,
Я, кашет, пошитай в тепе тфой княша рот.
(Вкладывает шпагу.)

Слюняй

И в подьину, я — князь, не тойко бьягоёдный;
А ты со мной сшутий поступок стой негодный.
(В сторону.)
Авось он стьюсит.

Трумф (*вынимая пару пистолетов*)

Ну, так выпери ш люпой!

Слюняй

(Смотьи-ка, усь даит! ..) Спасибо, гьяфчик мой!
Да не заязен-и?

Трумф

Та, та! Он заряшона!
Сейшас тафай стреляй — княшон чей путет шона.

Слюняй

Есть егче! .. Дядюска, я с ёду не стьеяй.

Трумф

Ну, ну! не то тотшас я пуля посылай.
Стой там.

Слюняй

С умом-и ты? застьеишь вить до смейти.
Князну, юбовь, тебя — чтоб все побьяи цейти!

Трумф

Фай, фай! какой тфой князь? Тфой потла, мерзка трус!

Слюняй *(кланяясь низко)*

Сто хоцес! Виноват, а смейти я боюсь!

Трумф

Стреляй!

Слюняй

Ой, нет!

Трумф

Так тфой со мной не кошет питься?

Слюняй

Ну, сам ты яссуди: где мне с тобой возиться?

Трумф

Я люпит тфой княшон.

Слюняй

Ись тойко не убей!
Я отступьюсь совсем, вьядей, позяюй, ей!

Трумф

Так слюшай ше, Слюняй! Коль смерти тфой поится,
Так пыть рифалем мне для тебя не катится.
Смотри же, вышлю я к тебе княшон в минут;
Но пуля в лоб тотшас, кохта тфой путет плут.
Княшна укафари тотшас со мной шениться;
Или на шпага мой готофа тут сатиться. . .
Но фот итет княшон. . . Красафис мила мой!
Смотри тотшас феншать, иль прошь колофка тфой.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Слюняй (один).

Слюняй

Когда б она еще со мной не помиинясь,
Иль хоть опять бы вновь тепея побьяниясь!
А то беда пьисья.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Слюняй и Подщипа.

Подщипа

Мир, мир, любезный князь!
Прости, коль дерзко я сказала, рассердясь.

Слюняй (*особо*)

Ахти! она меня еще сийнее юбит!

Подщипа

Слюняюшка, мой друг!

Слюняй (*особо*)

Ну, ну! совсем погубит!

Подщипа

Жестокий! ты молчишь! Того ль достойна я,
Когда сильней огня любовь к тебе моя?

Слюняй (*особо*)

Того-то и боюсь.

Подщипа (*плачет*)

Тронись же хоть слезами,
Взгляни ты на меня умильными глазами.

Слюняй

Князна! когда ко мне ты истинно незна,
Так Трумфу юку дать сегодни з ты дойзна.

Подщипа

Ты ль это мне сказал? .. Душа летит из тела!

Слюняй

Но мне ведь гоёва моя не надоея!
Тьюмф именно сказай: кой сдеяись отказ

И не пойдесь к венцу к ним сей за самый цас,
Так он... ну, видись-и... все это мне отпьятит,
И гоёву с меня, как коцеиску, схватит.
Так яссуди з сама...

П о д щ и п а

Умри ж, любезный мой,
И понеси во гроб любовь мою с собой!

С л ю н я й

Ты так намеена? ..

П о д щ и п а

Тебя хоть мертвым видеть
И мертвого любить, а Трумфа ненавидеть!

С л ю н я й

Ах! он убьет меня!

П о д щ и п а

Мой князь, спокоен будь:
Душа твоя ко мне переселится в грудь.
Ты в мыслях у меня и в сердце будешь вечно!
Я буду вспоминать...

С л ю н я й

Бьягодаю сейдецно!
Позяюста, князна, кой юбись ты меня,
Так выйди за него...

П о д щ и п а

Как! как! чтоб вышла я?
Ах, нежности моей ты меры всей не знаешь,
Когда поступок мне столь гнусный предлагаешь!

С л ю н я й *(особо)*

Ну, вот тебе юбовь!

(Подщипе.)

Пьеесная, увы!
За вейность эдаку мне быть без гоёвы:
Застьеит он меня, отказ его твой взбесит.

П о д щ и п а

Пусть он тебя убьет, застрелит иль повесит,
Но нежности к тебе не пременит моей.

С л ю н я й *(особо)*

Стобы ты тьеснюя и с незностью своей!

Подщипа

Чтоб я оставила тебя — избави боже!
Люблю, люблю тебя — ты мне всего дороже.

Слюняй

Ахти! беда моя! хоть тисе говои:
Он бьиско. Стьястью ты меня не умои.
Задусит он меня.

Подщипа

Пусть он тебя задушит,
Но верности моей нимало не нарушит.
Чем я горжусь, о том чтоб стала я молчать!
Люблю, люблю тебя,— и буду то кричать!

Слюняй

Ей, ей, конец пьисой! надезды бойсе нету!

Подщипа *(громче)*

Люблю, люблю тебя! будь то известно свету!

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и паж

Паж

Княжна! немедленно ступай ко алтарю!
Уж велено звонить к вечерне звонарю;
А если вздумаешь хоть мало куралесить,
Так есть приказ за то Слюняя вмиг повесить.

Слюняй

Гоюбуська! .. поди, кьясавица моя!

Подщипа *(пажу)*

Скажи, что никогда. . .

Слюняй

Опомнись. . . умей я. . .
(Пажу.)
Скази: идет.

Подщипа

Нет, нет! поди скажи тирану. . .

Слюняй

Помиюй! . .

Подщипа

Что любить Слюняя не престану,
Что может он его повесить сей же час;
Но не ослабит тем любви взаимной в нас.

Слюняй

Пьекьясная юбовь!

Подщипа

Скажи, что им пылаю!

Слюняй

Я эдакой юбви зьядею не зеяю!..

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Трумф.

Трумф *(вбегая в бешенстве)*

Нет мочи польш терпел! Скафор тфой коль нейтет,
В минуту сей Слюняй от рук моя умрет.

Подщипа

Нейду, нейду, нейду! Ты бесишься напрасно:
(Обнимая Слюняя.)
Им вся пылаю я, им сердце нежно, страстно!

Трумф *(вырывая у нее Слюняя)*

Умри ше!

Слюняй

Каяуй! из тея идет дух!

Трумф

Фай! скферна тух какой! как тфой фоняет втруг!

Слюняй

Не знаю.

Трумф

Как не снай?.. фай, нос моя упила!

Слюняй

Сто деять? со стьястей зивот пееёмия.

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же и Вакула.

Вакула *(вбегая)*

Ура, ребятушки! а наша, слышь, взяла!

Трумф

Што, што такой?

Вакула

Да что, слышь, вся беда прошла.
Не бойтесь, детки! Эх, немецкий, слышь, проказник!
А слышь ты, уж теперь на нашем поле праздник.

Трумф

Мольши, некотна тфарь! Я фас! .. К рушья! к рушья!

Вакула

И слышь, как не к ружья! — Сам бойся батожья!
А все, слышь, сделала премудрая цыганка,
Свертела дело вмиг, прямая басурманка!

Подщипа

Да как?

Слюняй

Пьютовка!

Вакула

Ну, слышь, с шайкою своей
По челяди его рассыпалася всей,
Да подпустила всем заряда два чихотки,
Да во щи пурганцу поболее щепотки; —
Так, слышь, у них теперь такая чихотня,
А что еще смешней — такая беготня,
Что наши молодцы их только окружили,
Так немцы, слышь ты, все и ружья положили.

Трумф

Пропаль я!

Слюняй

Сто, небось, тепей-то пыить ты сшиб.
Подсунься-ка ко мне, чухонский стаий гьиб!

Трумф

Мольшать!

Слюняй *(отскакивая)*

Ай! экой зьой!

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же, Чернавка, цыганка и Дурдуран.

Цыганка

Вот, на моем сбылося!

Дурдуран

Все войско Трумфово, о царь, вам поддалося.

Вакула *(цыганке)*

А, слышь, будь фрейлиной у дочери моей.

Чернавка

Княжна, вас в церковь ждут,— спешите поскорей.

Трумф

Што путет с мой? ..

Вакула

Я, слышь, разведаюсь с тобою:
(Дурдурану.)
Чтоб парикмахер, слышь, гребенкою большою
Сейчас, ты знашь, его в пять пуколь причесал;
Одел бы франтом, слышь, жабо бы подвязал,
Чтоб прыгать козачка Трумф к вечеру явился.

Трумф

О петна колоф мой!

Дурдуран его уводит.

Слюняй

Езон! за то, сто зьийся!

Подщипа

Ну, что ж, к венцу?

Вакула

Пойдем.

Слюняй

Годи!

Подщипа

Чего ж годить? *

Слюняй

Я в пойминутоцки!

П о д щ и п а

На что же уходить?

В а к у л а

На что же медлить, слышь?

П о д щ и п а

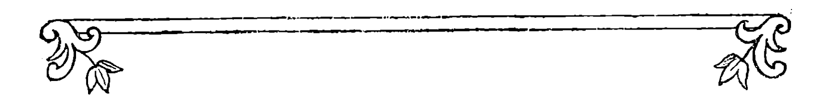
Иль тщетно я пылаю?

С л ю н я й

Пьеестная князна! Я медьить не зеяю,
И в цейковь я тотцас вас всех пеегоню,
Да тойко напеёд кой-сто пееменю.

Конец

КОММЕНТАРИИ



А. П. Сумароков
(1717–1777)

ССОРА У МУЖА С ЖЕНОЮ

Комедия (1750)

Текст печатается по писарской копии Российского театра, хранящейся в настоящее время в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (Ленинград) (шифр: 1.XIX.2. 37. № 7230). Рукопись состоит из 43 ненумерованных страниц в четвертую долю листа; водяной знак бумаги: Pro Patría. G. R. Позднее комедия была автором переработана; под заглавием «Пустая ссора» она была опубликована в «Полном собрании всех сочинений» Сумарокова (М., 1781, т. V).

Стр. 70. *По сороку алтын* — по 1 р. 20 коп.

— *Без полугривны по сороку* — по 1 р. 15 коп.

— *Два рубли, восемь алтын и две деньги* — 2 р. 25 коп.

Стр. 71. *На вас хлеб тратится.* В «Пустой ссоре» после этих слов идет следующее: «да и указ есть такой, чтоб дураков и дур не веньчать, да этот указ из моды вышел; было бы лишь хорошее приданое, а то и дураки женятся, а дуры замуж выходят».

Стр. 76. *Bête (фр.)* — скотина.

Стр. 77. *Флатировать* — льстить.

Стр. 78. *Адорировать* — обожать.

— *Меритировать* — быть достойным, заслуживать.

— *Ремаркировать* — заметить, замечать.

— *Презанс* — присутствие.

— *Конфузия* — смущение.

— *Дистре* — рассеянный.

— *Мепризировать* — презирать.

— *Пансе* — мысль.

— *Эмабль* — достойный любви.

— *Деесса* — богиня.

— *Эстимовать* — ценить.

— *Калите* — достоинство.

— *Адоратер* — обожатель.

— *Амант* — возлюбленный.

— *Пардонабельно* — простительно.

— *Резонабельный* — рассудительный.

— *Целадоновый* — бледнозеленый.

— *Самара* — верхняя женская одежда.

— *Сотизы* — глупости.

— *Экскюзабельный* — простительный.

— *Est-il possible?* — возможно ли?

Стр. 79. *Commun* — вульгарно.

— *Très commun* — очень вульгарно.

— *Игнорант — невежда.*

— *Право, русские намедни пела песни.* После этих слов в рукописи другими чернилами вписано: «да еще из русских опер». Это более позднее добавление: первая русская опера «Цефал и Прокрис» была написана Сумароковым в 1755 г.

— *Belle brune que j'adore* и т. д. — красавица смуглянка, которую я обожаю, вы лишили меня любви.

— *Sans champagne, sans tendresse...* — без шампанского, без нежности...

— *Apprens à boire de ce vin...* — учись пить это вино...

— *Песошный* — серый, цвета песка.

Стр. 80. *Это бы всего лутче было...* Перед «это бы всего лутче было» другими чернилами вписано: «Ах, какие прекрасные инвенции!» (Инвенция — изобретение, выдумка.)

— *Написано не на синей и не на красной бумаге, на белой* — позднее другими чернилами исправлено «не на синей и не на красной, а на белой».

— *...едешь с вершниками* — эти слова зачеркнуты и другими чернилами вписано: «не рыжею пудрою была напудрена». Следующие строки, кончая словами Деламиды: «Да вить это не всяк знает», вычеркнуты.

— *Вершники* — верховые слуги, ехавшие перед каретой владельца, доезжачие, форейторы.

— *Ливрея* — в середине XVIII в. дворовые люди (челядь) назывались «ливрея» по носимой ими одежде.

— *Соболья шапка* — женский головной убор допетровского времени; в первой половине XVIII в. — признак старых обычаев и вкусов.

Стр. 81. *Деламида (Дюфизе). Отведаем-ка сперьва убрать эдак Финету.* Далее другими чернилами вписано: «как ты прожектировала. *(Подавая Финете стул.)* Садись, мон анж». Две следующие затем реплики вычеркнуты. Мон анж — мой ангел.

— *Подкапок* — монашеская шапка, камилавка, или похожая на нее.

— *Враг мой* — в жаргоне петиметров и кокеток ласковое обращение.

— *Mon âme* — моя душа, душенька.

Стр. 82. *А разве не все равно* — другими чернилами исправлено: «А разве глупость не все равна»...

— *Сюкурс* — помощь, подмога, поддержка.

Стр. 83. ..*Пять да пять вить десять...* После этих слов вписано другими чернилами: «Что ты, брат, веть я не дурак, даром что не лепечу, как ты».

— *Касировать* — разбить.

— *Ma mère* — матушка.

— *Интенция* — намерение.

— *Финировать* — кончить.

— *Салмина (Деламиде). Я не хочу, чтоб по его сделалось.* После этой реплики вписано: *«Оронт (Салмине).* А я не хочу, чтоб по-твоему сбылось.»

— *Компренировать* — понимать. *Этоне* — удивлен.

— *Это очень подло!* За этими словами вписано другими чернилами: *«Боюся, тень в лице потерять».* Тень (фр. teint) — цвет лица.

— *Juste* — правильный.

— *Резонировать* — рассуждать.

Стр. 84. *Aimable* — достойный любви.

— *Incroyable* — невероятный.

— *А тебе, упрямица.* После этого до слов *«я это все (указывая на мужа)...»* заменено следующим: «...наведу тень на лице другим образом; и ежели с тобой не могу сладить, то...»

В. И. Лукин
(1737—1794)

ЩЕПЕТИЛЬНИК

Комедия (1764—1765)

Текст печатается по «Сочинениям и переводам В. Лукина» (СПб., 1765, ч. II).

Примечания к тексту письма

Стр. 87. *Письмо к господину Ельчанинову* было написано после середины апреля 1765 г.

— *Ельчанинов*, Богдан Егорович (1744—1770) — драматический писатель, автор комедии «Наказанная вертопрашка» и ряда переводов и переделок с французского.

— *Учася в К...* — в Корпусе. Б. Е. Ельчанинов обучался в Сухопутном шляхетном корпусе в Петербурге.

— *Гофманова о спокойствии душ сочинение* — Иоанна Адольфа Гофмана о спокойствии и удовольствии человеческом. Перевел с немецкого Сергей Волчков. СПб., 1760, в 2 частях.

— *Boutique de Bijoutier* — французский перевод драматической сатиры Роберта Додслея (1703—1764) «The Toy-Shop», сделанный К. П. Патю

(1729—1757) и помещенный в первой части изданного им в 1756 г. «Choix de petites pièces du Théatre anglais». Пьеса Додслея была в конце XVIII в. переведена на русский язык А. Красовским и под заглавием «Галантерейная лавка» издана в 1798 г.

— *Глухов* — Б. Е. Ельчанинов был адъютантом гр. П. А. Румянцова, находившегося с 1765 г. в Глухове в качестве управляющего Малороссийским краем.

— *Мало или вовсе снов не читывали* — «снами» в XVIII в. называли литературные произведения социально-утопического, сатирического или фантастического содержания. В русской литературе образцами подобных произведений являются «Сон. Счастливое общество» и три «Сна» Сумарокова («Полное собр. всех сочинений», т. VI и IX).

— *Кригер, И. Х.* (1722—1750) — немецкий комедиограф, сатирик, автор сборника сатир в прозе.

Стр. 88. *Всенародный театр* (1765—1766) — театр, организованный наборщиками и рабочими типографии Академии наук. Первые его спектакли были даны 5—7 апреля 1765 г. Подробнее о нем см. в газете «Ленинградская правда», 1950, 7 апреля, № 83.

— *Низкия степени народ* — так Лукин называет народные массы в противоположность дворянским писателям, применявшим для тех же целей выражение «подлый народ».

— *По правде сказать и т. д.* — это первая в русской литературе попытка передать язык рабочих-мастеровых; очевидно, автор хотел изобразить в лице своих собеседников типографских наборщиков, владевших значительным запасом иностранных слов и слов, обозначавших абстрактные понятия.

— *Медиатер* — в «школьном театре» XVII—XVIII вв., а затем в народном театре XVIII в. антрепренер-режиссер (от лат. mediator — посредник).

Стр. 89. *Чистосердов* — один из положительных героев «Щепетильника».

— *По первому явлению не было следа узнать, что оная комедия из Бижутиера переделана* — в пьесе Додслея персонажей, соответствующих Чистосердову и его племstriляннику, нет.

— *В вольном маскараде* — до конца 1750-х годов маскарады устраивались только при дворе. В 1758 г. итальянский антрепренер Локателли для поправления дел исхлопотал право устраивать платные публичные маскарады, получившие название «вольных».

Стр. 90. *Верьхоглядов и Самолюбов* — слова Лукина, что это «лицы, также п о ч т и вымышленные», являются указанием на то, что в основе этих образов лежат реальные личности; в Самолюбове без сомнения выведен Сумароков, очень враждебно относившийся к Лукину. Кто изображен в лице Верьхоглядова, за недостатком прямых указаний, нельзя сказать ничего.

— *Наборщик академической типографии... имеет честь быть при кня-*

тре суфлером — по архивным данным Д. Д. Шамраем установлено, что это был наборщик Алексей Севериков.

— *Цапата* — персонаж романа Лесажа «Жиль Блаз»; актер.

— *Артемедия* — испорченное слово, вместо «интермедия»; в середине XVIII в., в особенности в народном употреблении, слово «интермедия» означало «забавная пьеса, забавное приключение».

Стр. 91. *«Скупой»* — комедия Мольера, переведена на русский язык Ив. Кропотовым в 1757 г. и тогда же издана.

— *«Лекарь поневоле»* — комедия Мольера, переведена на русский язык П. Свистуновым между 1757 и 1762 г.; перевод был напечатан лишь в 1783 г.

— *«Генрих и Пернилла»* — комедия Л. Гольберга; перевел с немецкого в 1758 г. А. Нартов; в первый раз представлена в 1760 г., перевод издан в 1764 г.

— *«Новоприезжие»* — комедия Леграна; перевел с французского в 1759 г. А. Волков; в том же году комедия была представлена, а перевод ее напечатан.

— *«Чадолюбие»* — комедия А. Волкова «на нравы национальные»; точная дата ее написания неизвестна, напечатана она была в 1788 г.

— *«Привидение с барабаном»* — комедия Детуша; переведена с французского А. Нартовым в 1759 г., тогда же поставлена на сцене; перевод был издан в 1764 г.

Все перечисленные им в письме пьесы Лукин относил к «развлекательному» направлению и жалел, что народный театр не ставит пьес сатирического характера.

— *П. П.* — после письма, пост-скриптум.

Примечания к тексту предисловия к комедии

Стр. 93. *«Всесветной друг»* — комедия Леграна; переведена с французского между 1757 и 1762 гг. И. Кропотовым; перевод был издан в 1788 г.

— *«Река забвения»* — комедия Леграна; перевел с французского в 1758 г. А. Волков; в том же году комедия была представлена. В печати перевод не появлялся. Рукопись перевода хранится в Париже в Национальной библиотеке.

Примечания к тексту комедии

Стр. 98. *Отец Щепетильников был офицер* — вся эта реплика Чистосердова имеет отношение к биографии Лукина, отец которого был не дворянином, служил придворным лакеем и к концу царствования Елизаветы приобрел небольшое имение в 60 душ крестьян. Лукин, как не дворянин по рождению, не мог учиться в Сухопутном шляхетном корпусе, где обычно получали образование дети дворян. Офицер — служащий на государственной службе (не обязательно военный).

Стр. 99. *Галич* — уездный город Костромской области.

— *а-ла-грек* — в греческом вкусе.

— *а-ла-салюэт* — повидимому, опечатка, вместо а-ла-Силуэт. Этьен де-Силуэт (1709—1797) — французский министр, вызвавший своей финансовой политикой недовольство дворянства и крупной буржуазии, в результате чего последовала его отставка (1759). В насмешку многие вещи стали тогда называть его именем, в частности профильные портреты из черной бумаги, наклеивавшейся на белый фон, до настоящего времени сохранившие название силуэтов.

Стр. 103. *Компания* — петиметры стали произносить давно вошедшее в русский язык слово «компания» на французский лад, с ударением на «и» — «компани́я».

Стр. 105. *Рифмолюбов* — поэт, пишущий слишком десять лет элегии,— вероятно, имеется в виду А. А. Ржевский, один из верных учеников Сумарокова в конце 1750-х, в начале 1760-х годов.

— *Женерожство* — великодушие (от французского générosité).

Стр. 108. *Ерихон* (Иерихон) — город в Палестине; согласно Библии, стены Иерихона пали от звука труб, в которые дули израильтяне при осаде этого города.

— *Прядь волос Самсоновых* — согласно библейскому преданию, сила богатыря Самсона заключалась в его волосах; когда его в сонном виде остригли, он потерял свою мощь.

— *Лепообразный Иосиф* — прекрасный Иосиф, персонаж библейской легенды.

— *Вулкан поймал свою супругу с ее любовником* — античный миф говорил о том, что бог кузнечного ремесла Вулкан поймал свою жену, богиню красоты и любви Венеру, с ее любовником, богом войны Марсом, в незаметные для глаз сети, выкованные самим Вулканом.

— *Остров Нигде-Небывалый* — русский перевод слова «утопия».

— *Алграментибардас* — слово, выдуманное Лукиным (в пьесе Додслея реплика Щепетильника о раковинах из реки Евфрата и о камнях с острова Нигде-Небывалого отсутствует).

Стр. 109. *Яуза* — упоминание московской реки Яузы в пьесе, действие которой происходит в Петербурге, сделано было Лукиным, повидимому, с целью отвести упреки в том, что он изображает в «Щепетильнике» петербургские «подлинники».

Стр. 112. *К столбу выведут* — поставят в наказание у позорного столба на рыночной площади.

Стр. 113. *Пар дие* — ей богу.

— *Галант-ом* — светский человек.

— *Фидом* — фи.

— *Экскюз* — извинение; аргумент.

— *Орнировать* — украшать.

— *Орёр* — ужас.

— *Дискурировать* — вести беседу, разговаривать.

— *Кель диабле* — чорт возьми
— *Риваль* — соперник.
— *Иниоранство* — невежество.
— *«Троа Фрер-Риво»* — «Три брата-соперника», комедия Лафона; переведена с французского в 1757 г. П. Свистуновым; в первый раз была представлена на придворном театре в конце августа 1764 г., как раз в то время, когда Лукин писал «Щепетильника».
— *Гоннет-ом* — порядочный человек.
— *Прононсуасия* — произношение.
— *Инкомодировать* — причинять неудобства.
— *Жужировать* — судить.
— *Аппарансы* — проявления.
— *Вояжор* — путешественник.
Стр. 114. *Монде галан* — светский круг, светское общество.
— *Алабюшерон* — табакерки с рисунками на темы рубки леса bucheron (фр.) — дровосек.
— *Офрировать* — предлагать.
— *Эспри* — остроумие.
— *Монтрировать* — показывать.
— *Куверкль* — крышка.
— *Пентюра* — живопись, рисунок.
— *Дивинировать* — догадываться.
— *Продюировать* — производить.
— *Бонмо* — острое словцо.
— *Инженуезный* — остроумный.
— *Атташироваться* — присоединяться.
— *Савант-ом* — ученый.
— *Авек эспри* — с умом, остроумно.
— *Анимировать* — одушевлять, веселить.
— *Марк де бон сан* — признак здравого ума.
— *Трез эстиме* — очень ценимый.
— *Серкель* — кружок, салон.
— *Презинтировать* — показывать.
— *Турнюр* — оборот.
— *Аббесировать* — опускать.
— *Офонд эмабле* — в высшей степени приятно.
— *Дезавантажный* — невыгодный.
— *Поседировать* — владеть, обладать.
— *Жантиль* — милый, любезный.
— *Лежер* — легкий.
— *Коммод* — удобный.
— *Ту кур* — совсем кратко.
— *Дефинировать* — определять.
— *Контрадировать* — противоречить.
— *Капабель* — способный.

— *Эксепте селя* — кроме того.
— *Мериты* — достоинства.
Стр. 115. *А ла санте де бо секс* — за здоровье прекрасного пола.
— *Мокироваться* — глумиться, издеваться.
— *Ту-ле-серие* — всякий серьезный.
— *Антер ну* — между нами.
— *Прешировать* — проповедывать.
— *Бутик* — лавочка.
— *Мордамант* — колкий, язвительный.
— *Суспандировать* — избавить.
— *Гардиес* — дерзость.
— *Импертинанство* — наглость, нахальство.
— *Батировать* — побить.

Д. И. Фонвизин
(1743—1792)

БРИГАДИР

Комедия (1769)

Текст печатается по рукописи из собрания акад. Н. С. Тихонравова, которую владелец считал сценическим текстом. Рукопись эта была опубликована в «Материалах для полного собрания сочинений Д. И. Фонвизина» Н. С. Тихонравова. СПб., 1894, стр. 127—225.

Стр. 125. *Hélas!* — увы!
Стр. 126. *Dieu!* — боже!

— *Артикул.* Имеется в виду книга «Артикул воинский купно с процессом, надлежащим судящим» (М., 1756), представлявшая собрание узаконений о преступлениях, преимущественно воинских, а также описание ряда процессов; впервые она была издана при Петре в 1715 г. и затем несколько раз переиздавалась, так как представляла документ действующего права.

— *Устав воинской.* Имеется в виду «Книга устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов... купно при сем артикул воинский и с процессом, надлежащим к судящим... Напечатася повелением Петра Великого» (СПб., 1716; впоследствии неоднократно переиздавался, в частности в 1754 г.).

— *Инструкция межевая.* Так в быту называлась «Инструкция о межевании земель во всем государстве» (Спб., 1757; позднее не раз переиздавалась; издание 1797 г. называлось «Межевая инструкция»).

— *Уложение.* Речь идет о книге «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производятся; сочиненное

и напечатанное повелением царя Алексея Михайловича» (первое издание М., 1649; в XVIII в. неоднократно переиздавалась, в частности в 1759 г.).

— *Vous-avez raison* — вы правы.

— *Je vous prie!* — пожалуйста!

Стр. 127. *Капабельный* — способный (на жаргоне щеголих).

Стр. 128. *Дискютировать* — спорить (жаргон щеголих).

— *C'est plus intéressant* — это более интересно.

— *Mon pére* — отец.

Стр. 129. *J'en suis d'accord* — согласен.

— *Billets-doux* — любовные записочки.

— *Adieu, ma reine!* — прощайте, моя владычица!

Стр. 130. *De tout mon coeur* — от всего сердца.

— *Менажировать* — щадить.

— *Резонеман* — рассуждение.

— *Индиферан* — безразличный.

— *Диссимюлация* — притворство.

Стр. 131. *Указ о лихоимстве.* Речь идет об указе, изданном Екатериной в 1762 г., через двадцать дней после захвата ею власти.

— *При всем том он скуп, как Кащей.* Под именем Кащея в прогрессивной сатирической журналистике 1769 г. высмеивался ростовщик А. И. Бутурлин, первоначально выведенный под тем же именем в комедии Сумарокова «Лихоимец». В более поздних изданиях «Бригадира» имя «Кащей» было заменено словом «кремень».

— *Комплезан* — снисходительный.

— *Экзистировать* — существовать.

Стр. *133. Oh, que nous sommes heureux* — о, как мы счастливы.

— *Комоднее* — удобнее.

Стр. 136. *По бозе* — после бога.

Стр. 137. *Книга животная* — книга, где, согласно религиозным представлениям, записана длительность жизни каждого человека.

— *Всеми моими чувствы* — вм. чувствами (старинная форма творит. падежа).

Стр. 139. *Declaration en forme* — объяснение в любви по всей форме.

Стр. 140. *J'ai pensé crever de rire* — я чуть не лопнул со смеху.

— *Et même tant de fort honnêtes gens* — и даже очень порядочных людей.

Стр. 141. *Этурдери* — безрассудство.

— *Экскюзовать* — извинить.

— *Vous avez raison* — вы правы.

— *Que de vivre dans le grand monde* — жить в большом свете.

— *Мы рождены под одною кометою* — вм. «под одною планетою».

— *Defaut* — недостаток.

— *Occasion favorable* — благоприятный случай.

— *Les restes des nos jours* — остаток наших дней.

— *Société* — общество.

Стр. 142. *Et pourquoi non?* — а почему бы и нет?

— *Le nom m'est échappé* — я забыл заглавие.

— *Les sottises du temps* — современные глупости.

Стр. 143. *Il ne me flatte pas* — он не льстит мне.

— *Je vous le répète* — я повторяю это вам.

— *Je m'en moque* — мне смешно это.

Стр. 144. *Voilà mon caractère* — таков мой характер.

Стр. 145. *Quelles espèces!* — что за твари!

— *Barbarie* — варварство.

— *C'est l'homme le plus bourru que je connais* — вот самый грубый человек, какого я только знаю.

— *Мериты* — достоинства.

Стр. 146. *Контантировать* — удовлетворять.

— *De tout mon coeur* — от всего сердца.

— *Par où commencer?* — с чего начать?

Стр. 147. *Vous avez le don de déviner* — вы обладаете даром угадывать.

— *N'importe!* — нужды нет!

— *Totalement* — совсем.

— *Illusion* — греза.

— *Cela m'excède, je me retire* — это меня из себя выводит, я удаляюсь.

— *Эстима* — оценка, почтительное отношение.

Стр. 148. *Акция* — военные действия.

— *Дискур* — разговор.

— *Фортеция* — крепость.

Стр. 150. *Эtаблировать* — устроить, обзавестись семьей.

Стр. 153. *Avec plaisir* — с удовольствием.

— *Кадриль* — карточная игра вчетвером.

Стр. 154. *Passe* — пас.

— *Они и они* — «он» славянское название буквы «о», которую понимали и как цифру нуль; «они и они» — нули да нули (при пасе — всем вписывают нули).

— *Je les jette par terre* — я брошу их наземь.

— *Рекиз, санпрандер, пигус, матадоры* — карточные термины.

— *Эр* — ария, песенка.

Стр. 155. *Il est impossible de jouer* — невозможно играть.

Стр. 156. *Par quelle raison* — на каком основании.

Стр. 157. *Je vous demande pardon* — прошу прощенья.

Стр. 158. *Бизарный* — причудливый; здесь — привередливый.

Стр. 161. *Аверсия* — отвращение.

— *C'est la même chose* — одно и то же.

Стр. 162. *Dieu m'en préserve!* — боже сохрани!

— *Très obligé* — премного обязан.

— *Ni l'un, ni l'autre* — ни то, ни другое.

— *Je vous demande pardon, ma très chere mère, je parlerai toujour russe avec vous* — извините, матушка, я всегда буду говорить с вами по-русски.

— *Car je brûle moi* — потому что я пылаю.

— *Vous avez raison* — вы правы.

— *Mal à propos* — некстати.

— *Le diable m'emporte* — чорт меня побери.

— *Par consequant* — следовательно.

Стр. 163. *Контрадировать* — противоречить.

— *D'où vient cela* — откуда это?

— *Avouez* — признайтесь.

— *Коннесанс* — знакомство.

— *Et pourquoi?* — а почему?

— *Je vous demande pardon* — прошу прощенья.

— *Malheureusement* — к несчастью.

— *Prendre nos mesures* — принять меры.

— *Idole de mon âme* — кумир моей души.

— *Serviteur très humble* — покорнейший слуга.

Стр. 164. *Политес* — вежливость.

— *Свояк* — любовник жены. В XVIII в. слово «свояк» чаще употреблялось в этом значении, чем для определения степени родства.

Стр. 165. *Par bagatelle* — за пустяк.

Стр. 166. *La moitié de mon âme* — половина моей души.

Н. П. Николев

(1758—1815)

РОЗАНА И ЛЮБИМ

Драмма с голосами (1776)

Текст печатается по первому изданию (М., 1781)

Примечания к «Объяснению»

Стр. 171. *Керселий* (Керцелли, И.) — московский капельмейстер 1770-х годов.

— *«Деревенский праздник»* — пастораль В. И. Майкова (1777).

— *«Колдун»* — комическая опера В. И. Майкова, поставленная в 1772 г. и анонимно изданная в 1779 г. под заглавием «Любовник-колдун».

Стр. 172. *Квинтилиан* — римский писатель I—II вв. н. э.

— *Оранг-утанги* — здесь в значении «обезьяны».

— *«Синав и Трувор»* — трагедия Сумарокова (1751).

— *«Елисей»* — ирои-комическая поэма В. И. Майкова (1769).

— *«Пантея»* — трагедия Я. П. Козельского (1769), считавшаяся крайне неудачным произведением.

— *«Россияда»* — эпическая поэма М. М. Хераскова (1779).

Стр. 173. *Il male è l'inimico del bene* — плохое враг хорошего (итал.).

— *«Дровосек» французский* — имеется в виду комическая опера Филидора «Дровосек» (1763).

— *«Смешанной словарь»* — такого произведения у Николева нет.

— *Ожогин, А.* (род. ок. 1750 — ум. в нач. XIX в.) — московский драматический актер-комик.

Примечания к тексту комедии

Стр. 178. *Цыволдаево* — от «сиволдай» — бранное слово в значении «неуклюжий, грубый мужчина».

Стр. 179. *Докука* — здесь кличка собаки.

Стр. 197. *Фурия* — фуриозо (итал.), яростно; ария, исполняемая фуриозо.

Стр. 206. *Портеры* — зрители, сидящие в партере.

А. О. Аблесимов

(1742—1783)

МЕЛЬНИК — КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ

Комическая опера (1772; первая постановка — Москва, 1779 г.)

Текст печатается по первому изданию (М., 1785).

Обычная датировка «Мельника» — 1779 г.; однако в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (1772) в статье об Аблесимове указано, что им сочинена одноактная комическая опера; правда, Новиков говорит, что она написана в стихах, а дошедший до нас текст «Мельника» частично прозаический, частично стихотворный. Тем не менее, надо полагать, речь идет об одном и том же произведении, так как в тексте «Мельника» есть несомненные следы какой-то переработки: первое появление на сцене крестьянина Анкудина может быть понято только как неустраненный остаток противопоставления дворянской и крестьянской жизни, имевшегося в прежнем тексте и в виде осколка сохранившегося в окончательном тексте. Повидимому, дошедший до нас прозаический текст представляет ослабленную в политическом отношении переработку ранней стихотворной редакции «Мельника». Допустить вероятие, что, имея готовый текст какой-то комической оперы, Аблесимов стал писать новые произведения в этом жанре — «Мельника», «Счастье по жеребью», «Поход с непременных квартир»,— едва ли можно.

«Мельник» пользовался огромным успехом в публике: после первой постановки — 29 января 1779 г.— он был поставлен несколько раз подряд; точные сведения о постановках этой оперы в Москве имеются только с 1782 г. и по 1805 г.; за это время пьеса Аблесимова была дана 52 раза,

больше чем какая-либо другая комедия и комическая опера. В Петербурге «Мельник» был поставлен на Вольном театре Книпера (на Царицыном лугу, ныне площадь Жертв Революции) двадцать семь раз кряду. На сцене петербургских театров «Мельник» удержался до 1834 г.

Стр. 219. *«Как вечор у нас со полуночи»* — очевидно, вариант песни «На заре то было, братцы, на утренней», напечатанной впервые у Чулкова в «Собрании разных песен», ч. 1, № 134.

Стр. 222. *«Как ходил гулял молодчик»* — близкая по зачину песня напечатана у Соболевского в «Великорусских народных песнях», т. 1, № 75.

Стр. 224. *«Западала путь-дороженька моя»* — такой песни нет ни в одном печатном и ни в одном из известных рукописных сборников народных песен (сообщено А. В. Позднеевым).

Стр. 225. *«Вы, реченьки, реченьки»* — см. у Соболевского, т. V, № 700.

Стр. 227. *«Земляничка-ягодка»* — см. у Соболевского, т. III, № 69 и т. V, № 293.

Стр. 228. *«Кабы знала, кабы ведала, мой свет»* — песня, часто встречающаяся в рукописных сборниках XVIII в.; в печати эта песня не была.

Стр. 230. *«Ах, на што ж бола? ах, к чему ж бола?»* — близкая по зачину песня есть у Соболевского, т. II, №№ 459—461.

Стр. 231. *«При долинушке гуляла»* — близкую по тексту песню см. у Соболевского, т. III, № 256 («Белолица, круглолица, красная девица, При долинушке гуляла, калинушку ломала»).

Я. Б. Княжнин

(1742—1791)

НЕСЧАСТЬЕ ОТ КАРЕТЫ

Комическая опера (1779)

Текст печатается по первому изданию (1779).

Стр. 248. *Фирюлин, Фирюлина* — от слова «фирюля» — дурачок, несерьезный человек.

Стр. 252. *Клеман* — французское имя, соответствующее русскому имени Клим, Клементий.

— *Офансировать* — оскорблять.

Стр. 253. *Синьерская милость* — господская милость.

— *Бальи* — староста.

Стр. 255. *Буфон* — шут.

Стр. 259. *Деликатес* — нежность, деликатность.

— *Красные каблуки* — в тогдашней Франции признак принадлежности к дворянскому сословию.

Стр. 260. *Mon Dieu* — боже.

— *Mon coeur* — мое сердце.
— *Horrible* — ужасный.
— *Mon ami* — дружок.
— *Parbleu!* — чорт возьми!
— *Monseigneur* — господин.
Стр. 261. *Mon cher* — мой милый.
— *Mariez-vous!* — женитесь!

М. Матинский
(1750—182?)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСТИНЫЙ ДВОР

Комическая опера (1781)

Комическая опера М. Матинского была в первый раз издана в 1790 г. в Москве без согласия автора под названием «Санкт-Петербургский гостиный двор». В следующем году автор издал ее в Петербурге в новой редакции под заглавием «Как поживешь, так и прослывешь»; в «Предуведомлении» к этой редакции М. Матинский сообщал, что его комическая опера «играна была она перед сим лет за десять»; таким образом, дата ее постановки может быть приурочена к 1781—1782 гг. В Москве она была в первый раз поставлена в театре Маддокса в 1783 г. (здесь обыкновенно петербургские пьесы шли в следующий сезон). Существующая в литературе дата первой постановки комической оперы Матинского — 1779 г., берется из абсолютно недостоверного источника, так называемой «Хроники» И. Носова.

В 1799 г. в Москве было напечатано третье издание этой комической оперы под первым ее заглавием.

Текст всех изданий отличается сравнительно незначительно. Наибольшее отклонение заключается в том, что во втором издании последнее действие пьесы происходит снова в Гостином дворе, а не в доме Сквалыгина, как в двух остальных редакциях.

В языковом отношении второе издание значительно слабее, так как Матинский сглаживал речевые особенности персонажей пьесы.

В настоящей книге текст пьесы Матинского печатается по третьему изданию (М., 1799), наиболее полному и цельному в художественном и языковом отношении.

Стр. 266. *По двадцать четыре процента* — по закону в конце XVIII в. можно было взимать только 6 процентов.

— *По пяти копеек и по гривенке на рубль в месяц* — то есть по 60 и по 120 процентов в год.

Стр. 272. *Зунд* — название пролива между датским островом Зеландом и юго-западным берегом Швеции.

— *Хвалынское море* — старинное название Каспийского моря.

Стр. 277. *Стрелка* — так в XVIII в. называлась северная часть Васильевского острова в Петербурге (ныне площадь Пушкина); здесь собирались подьячие, работавшие в учреждениях, находившихся в здании Двенадцати коллегий (теперь Университет), и в Академии наук.

— *«Тычок»* — название кабака, помещавшегося в течение XVIII в. в одном и том же месте на Петербургской стороне в Петербурге; этот кабачок упоминается в ирои-комической поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1769).

Стр. 281. *«Во саду земзюлюшка кликала»* — ноты этой песни см. в «Очерках по истории музыки» Н. Ф. Финдейзена, ч. II, нотное приложение № 12.

Стр. 282. *«Ах, сборы, сборы Хавроньины»* — близкая по тексту песне «Ах, сборы, сборы Оксиньины», находится в «Собрании разных песен» Чулкова, ч. III, прибавление № 27 (Сочинения М. Д. Чулкова, СПб., 1913, т. 1, стр. 743—744); ноты песни Матинского см. у Финдейзена, указан. соч., № 13.

Стр. 285. *«Соболем Хавроньюшка все леса прошла»* — кроме Матинского, песня с подобным зачином нигде не зарегистрирована.

Стр. 286. *«Друженька хорошенькой»* — близкая по тексту песня находится в «Собрании разных песен» Чулкова, ч. III, прибавление № 45 (Сочинения М. Д. Чулкова, т. 1, стр. 756).

Стр. 290. *Коли зубов не подчерню* — в купеческом быту вплоть до начала XIX в. считалось красивым для женщины иметь черные зубы.

Стр. 299. *Был на нас гонитель Сумароков* — намек на то, что в комедиях, сатирах, притчах и журнальных статьях Сумароков боролся с подьячими.

— *«Лошадиный лечебник»* — имеется в виду книга «Лечебник лошадиный, или Рецепты для излечения лошадей от болезней» (СПб., 1778).

Д. И. Фонвизин

(1743—1792)

НЕДОРОСЛЬ

Комедия (1782)

Текст печатается по первому изданию с дополнениями по рукописи из собрания Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина (так называемая «театральная редакция» с поправками Фонвизина; текст разночтений рукописи и первого издания воспроизведен в примечаниях к «Материалам для пол-

ного собрания сочинений Д. И. Фонвизина» Н. С. Тихонравова. СПб., 1894, стр. 227—344 и 348—353).

При Петре I согласно указу 1714 г. все грамотные дворяне были обязаны вступить на государственную службу — рядовыми в военную, повытчиками (писцами) в гражданскую, с правом продвижения по лестнице чинов. Не получивший образования дворянин на службу не принимался и не имел права жениться; такой дворянин назывался недорослем и получал дополнительный срок для усвоения обязательного минимума знаний. Не выдержавшие при повторной проверке испытаний зачислялись в рядовые без права повышения по службе. При преемниках Петра неоднократно повторялись указы о недорослях. Ко времени Фонвизина дворянские дети должны были являться на проверку три раза: в семь лет, в двенадцать (когда они должны были доказать, что умеют «совершенно читать и чисто писать») и в пятнадцать (когда должны были быть подвергнуты экзаменам по одному из двух иностранных языков — французскому или немецкому, закону божию, арифметике и геометрии). С пятнадцати до двадцати лет недоросль должен был учиться, сверх арифметики и геометрии, еще географии, истории и артиллерии.

Стр. 311. *Первоет* — вм. первой-от.

Стр. 319. *Учреждение* — имеется в виду екатерининское «Учреждение о губерниях» (1775).

Стр. 341. *Диспозисион* — предрасположение.

Стр. 342. *Аванзировать* — продвигаться вперед по службе.

Стр. 345. *Фенелон* (1651—1715) — французский писатель, автор очень популярного в XVIII в. прогрессивного политического романа «Похождения Телемака» и трактата «О воспитании девиц» (русск. пер. 1763 и 1774 гг.).

Стр. 353. *В своем роде не последний* — это формула, которая применялась дворянами в официальных документах; здесь же Фонвизин хочет с ее помощью подчеркнуть типичность таких дворян, как Скотинин.

— *Герольдия* — департамент герольдии ведал документацией о дворянском происхождении.

— *Этак вы нас уверите, что он старее Адама?* — здесь намек на то, что Скотинины происходят не от людей: согласно библейскому преданию, в шестой день мироздания были созданы звери, скоты и гады, а затем уже человек, Адам.

Стр. 363. *Указ о вольности дворянства* — издан при Петре III в 1762 г.

— *Кибитку впрячь, да и...* После этих слов в 1 и 3 изд. идут следующие две реплики:

Правдин. Да и ступай в свои клева. Советую однакож и тебе поостеречься. Я слышал, что с свиньями невпример лутче обходисся, нежели с людьми.

Скотинин *(отходя с трусостью)*. Государь ты мой милосливой, да как к людям и лежать у меня сердцу? Люди передо мною умничают, а между свиньями я сам всех умнее.

П. А. Кропотов

(173?—ум. после 1790 г.)

ФОМУШКА, БАБУШКИН ВНУЧЕК

Комедия (*1785*)

Текст печатается по сборнику «Российской феатр» (СПб., 1790, ч. XXXV), где эта комедия была опубликована.

Стр. 372. *Три — три* — вид игры в ломбер (фр. *tri*).

Стр. 373. *Да как я вижу, он уже и в службе записан.* В обход указов о недорослях, при преемниках Петра установилось обыкновение записывать дворянских детей чуть ли не с младенческих лет в рядовые с тем, чтобы ко времени их явки по возрасту на действительную службу они уже имели возможность числиться нижними чинами, капралами, сержантами.

Стр. 374. *Только положенной годовой оклад с пашпортов плотят.* Недорослям, хотя и числившимся на «настоящей службе», но отпущенным домой «для окончания наук», жалованья («оклада») не платили, а выдавали только ту сумму, которая нужна была для получения паспорта.

Стр. 376. *Пошел в поход под Чигирин.* Поход под Чигирин состоялся в 1676 г. Х. М. Слюняева, бабушка Фомушки, говорит, что ей «с небольшим десяток за сто», т. е. ей, повидимому, лет 112—113. Так как действие комедии происходит в начале 1770-х годов (см. в д. II, явл. 4 упоминание о том, что Остромыслов участвовал в Морейской экспедиции, состоявшейся в начале 1770-х годов), то воспоминания старухи Слюняевой о походе ее мужа под Чигирин не противоречат хронологии: очевидно, по замыслу Кропотова, старуха родилась в конце 1650-х годов, рано вышла замуж, и муж ее мог поэтому быть в Чигиринском походе 1676 г. См. ниже, прим. к стр. 403.

Стр. 377. *Безголосной дворянин.* По «Учреждению о губерниях» (1775) только те дворяне пользовались правом голоса на дворянских губернских и уездных собраниях, которые по службе имели обер-офицерский чин (майора или надворного советника).

Стр. 378. *Выбираются в судьи.* По «Учреждению о губерниях» дворянские собрания избирали судей для разбора гражданских дел между дворянами.

Стр. 381. *Сожжение флота турецкого в Морее.* Во время битвы при Чесме (1770) русской эскадрой был сожжен весь турецкий флот.

— *Орлов* — граф А. Г. Орлов-Чесменский (1737—1807), начальник Средиземноморской (Морейской) экспедиции.

Стр. 387. *Ливорна* — Ливорно, порт в южной Италии; здесь была стоянка русского флота во время Средиземноморской экспедиции (1769—1774).

Стр. 403. *...1780 года* — здесь, очевидно, ошибка. В. д. IV, явл. 1 Остромыслов говорит, что ему двадцать лет. Если ему столько лет в 1780 г., значит, он родился в 1760 г. и участвовал в битве при Чесме (1770) в чине офицера в возрасте ...десяти лет.

П. А. Плавильщиков
(1760—1820)

БОБЫЛЬ

Комедия (1790)

Текст печатается по «Сочинениям» Плавильщикова (М., 1816, ч. II, стр. 121—256).

Стр. 421. Д. II. явл. 2. *Нет, Влас Потапьевич! дочка-та у тебя некстати востренька.* В оригинале ошибочно напечатано «Влас Парамоныч».

А. И. Клушин
(1763—1804)

АЛХИМИСТ

Комедия (1793)

Печатается впервые по рукописи из собрания Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) (шифр: Q. XIV. 43), представляющей копию с более раннего списка, может быть, и с оригинала. В конце рукописи пометка: «Окончена перепискою октября 7 дня 1808 года».

Стр. 467. *Унция, драхма* — меры упраздненного ныне аптекарского веса.

— *Пересальвировать* — перетереть мазь.

— *Сатурнова борода* — в жаргоне алхимиков — свинец.

— *Меркурий* — в жаргоне алхимиков — ртуть.

— *Парацельз, Филипп Теофраст* (1493—1541) — швейцарский алхимик и врач.

— *Жермен* — точнее Сен-Жермен, французский авантюрист-алхимик (ум. в 1795 г.).

— *Теофраст* — греческий философ и ученый (род. ок. 371 г.— ум. в 285 г. до н. э.); его труды по ботанике очень высоко ставили алхимики.

— *Философский камень* — по учению алхимиков, превращает все металлы в золото.

Стр. 468. *Красауля, красоуля* — большая чашка, ковш.

Стр. 469. *На вон-тараты* — наоборот (Даль); здесь «судят превратно».

— *Криспин* — комический персонаж из французско-итальянских комедий XVII—XVIII вв., слуга-пройдоха.

Стр. 470. *Особливо Цицерон* — у Цицерона, действительно, есть трактат «О дружбе».

— *Набрел я на даму* — сделал меченую карту даму.

— *Рутировать* — сопутствовать, сопровождать.

Стр. 471. *Антик* — античная статуя.

Стр. 474. *Вызовет молодую девицу* — молодой девицей в жаргоне алхимиков называлось золото.

Стр. 479. *Но естьли бы вы захотели постараться, верно бы нашли людей, которые бы вам пособили...* — В рецензии Крылова эта реплика Вскипятилина звучит так: «Я не о том говорю, сударь. Вы бы могли найти людей, которые бы вам помогли». Кроме того, врач у Клушина носит имя Смертодав, а у Крылова — Смертонос. Такие расхождения стилистического порядка свидетельствуют о том, что после первой постановки сценическая рукопись пьесы подверглась некоторой обработке автора.

Стр. 481. *А между тем «вино уныньe разгоняет»* и т. п. — см. выше, начало явления 10.

Стр. 482. *Иппократ* (460—377 до н. э.) — знаменитый греческий врач.

— *Гален Клавдий* (131—200) — знаменитый римский врач.

— *Ретурда* — вм. реторта.

А. Д. Копиев

(1767—1846)

ОБРАЩЕННЫЙ МИЗАНТРОП, или ЛЕБЕДЯНСКАЯ ЯРМОНКА

Комедия (1791)

Текст печатается по отдельному изданию 1794 г.

Стр. 486. *Лебедянь* — город в б. Тамбовской губ., славившийся своими богатыми ярмарками.

— *Монастырь* — Смольный монастырь, или институт, учебное заведение закрытого типа, основанное при Екатерине II (1764); имело два отделения — для дворянок и для мещанок. Окончившие этот институт назывались в XVIII и начале XIX в. монастырками. В лице Любови Копиев впервые в русской литературе изобразил монастырку.

Стр. 487. *Картины с Спасского мосту* — в Москве на Спасском мосту производилась в то время продажа лубочных картинок и лубочных книжек.

Стр. 488. *Сахары* — сокращенное от Сахары Медовичи; иронически о злых людях.

Стр. 490. *Сделалась притчина* — сделалась беда, неприятность.

— *Мал* — мол.

— *Хашь* — хошь, хоть.

Стр. 491. *Богатель* — безделка (фр. bagatelle).

— *Кучеру-плуту* — Вральману.

— *Камедь* — «Недоросль».

— *Талька* — моток ниток.

— *Fi donc* — фи!

— *Клевикорты* — клавикорды (музыкальный инструмент типа пианино).

Стр. 493. *Ma princesse* — княжна.

— *Je vous embrasse* — обнимаю вас.

Стр. 494. *Как наместничество открылось* — открытие наместничеств состоялось в 1781 г.

Стр. 495. *Где пить слыхано* — где же слыхано?

— *Покойного дядюшки-та* — у Простакова.

— *Ходила в ключах* — была ключницей.

Стр. 496. *При тетушке* — здесь ошибка: вместо «при матери».

Стр. 497. *Совестный суд* — в XVIII и начале XIX в. суд для дворян, в котором рассматривались дела имущественного и семейного характера и решались не на основании законов, а «по совести» судей; третейский суд.

Стр. 499. *Достоинствы ввели его во все лутчие обществы* — ввиду того, что со времени Петра I, а в особенности при Екатерине II графское достоинство широко присваивалось людям не родовитого происхождения, старая аристократия (князья) закрывали двери своих домов перед новой знатью.

Стр. 501. *Министр* — в XVIII в. министрами назывались послы.

Стр. 502. *Безнравие* — безнравственность.

Стр. 503. *Учреждение губерний* — состоялось в 1775 г.; об открытии наместничеств см. выше.

— *Народные училищи открылись* — в 1783 г.

— *Эзопова обезьяна* — имеется в виду басня Эзопа «Обезьяна и ее детеныш».

Стр. 505. *Вышед из-под указа, летают на пребогатых цугах* — согласно указу от 1700 г. количество запрягаемых цугом лошадей должно было строго соответствовать служебному положению владельца. Этот указ распространялся только на городскую территорию, поэтому ярмарки устраивались за чертою города, чтобы помещики могли «выходить из-под указа».

Стр. 506. *Ваксалы* — вокзалы, особый род увеселений, гулянья с аттракционами.

Стр. 509. *Димавез юмер* — *Du mauvais humeur* — в дурном настроении.

— *Ну, уж притчина!* — вот диковина!

— *Али шейка-та болит* — в начале 1790-х годов считалось особенно модным закутывать шею длинными кашне.

— *Красный кабачок* — увеселительное заведение, находившееся на полупути между Петербургом и Петергофом (Петродворцом).

Стр. 512. *Суспиция* — здесь «столкновение» (фр. suspicion — подозрение).

Стр. 513. *Остров* — отдельный лесок (в жаргоне охотников).

Стр. *514. A-t-on jamais vu?* — видано ли?

Стр. 515. *Гранитур* — гарнитур, подбор пуговиц для одежды.

Стр. 516. *Живузем* — je vous aime — я вас люблю.

— *Ма пренсес, суете ву des apelcins?* — княжна, хотите ли вы апельсинов? Фраза составлена неправильно: слова «apelcins» во французском языке нет.

Стр. 518. *Чудихина* — персонаж из комедии Екатерины II «О время!»

Стр. 520. *Фельдмаршал* — князь Г. А. Потемкин (1739—1791).

— *Приехал я к принцам в Кобленц* — в г. Кобленце (Германия) в начале 1790-х годов находились бежавшие из Франции братья французского короля, возглавлявшие реакционную эмиграцию.

— *Вредная французская перемена* — французская буржуазная революция.

Стр. 526. *Через год к четверке-та прибраться* — получение чина майора давало право ездить четвернею.

Стр. 528. *Паразар* — случайно (фр. par hazard).

Стр. 532. *Каптенармус* — в старой армии нижний чин, ведавший вещевым и амуниционным складами.

Стр. 533. *Бекет* — пикет, караул.

В. В. Капнист

(1756—1823)

ЯБЕДА

Комедия (1793—1794)

Комедия писалась Капнистом в начале 1790-х годов (первоначальные тексты были писаны на бумаге с водяными знаками 1790 и 1791 г.); напечатана она была в 1798 г.

В настоящем издании текст воспроизводится по изданию 1798 г. с поправками по первоначальным рукописям и печатному экземпляру 1798 г., принадлежавшему актеру Щенникову; в этом экземпляре Капнист сделал ряд изменений, улучшающих текст.

Стр. 540. *В суде по Чермному с ним фараон гуляет.* Игра слов: по библейскому сказанью, египетский фараон, преследуя евреев, ушедших из Египта под предводительством Моисея, погиб на Чермном (Красном) море; здесь же «фараон» — азартная игра в карты, «чермное» — сукно (красным сукном покрывались столы в присутственных местах). Смысл этой фразы: заседатель играет в карты во время судебных разбирательств.

— *И у журналов он углы лишь загибает* — не читает решений суда, а загибает углы, как в карточной игре; загнуть угол — поставить ставку на данную карту.

— *Поготовь* — тем более.

Стр. 542. *То по чинам лишь им извольте прибавлять.* После этого стиха в первоначальной рукописи идут следующие две, опущенные в окончательной редакции, реплики:

Прямиков

Но оставляя их, о мне что б говорили,
Когда б за деньги мне лишь правость присудили[1]?
Не вправе ли тогда б и мой соперник был
Сказать, что в кошельке я совесть задушил?

Добров

Пусть он тогда б все врал, что на язык взлетело;
Не переделалось чрез то б уж ваше дело,
И вы б сказать могли, что право в деле сем
Вы были подкрепить должны не только тем,
Что требовал закон, но и закона руки.

— *Пускай подарками мой враг марает руки* — этого стиха окончательной редакции нет в первоначальных.

Стр. 544. *То я наместнику на них подам прошенье.* В первоначальных редакциях этот стих читался так:

То я могу на них подать в сенат прошенье.

— . . . . *а то роса,*
Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза — переделка украинской пословицы: докі сонце зійде, роса очі виїст.

Стр. 545. *Что страстью нежною пылает к ней мой дух.* После этих слов в первоначальных редакциях читается следующее:

Еще в монастыре, в котором воспиталась,
Прекрасною она глазам моим казалась;
Влюбился страстно я в нее там, а потом,
Как вышла уж она оттоле к тетке в дом,
То я, узнав ее, и пуще заразился.
Признаться, счастлив был: и я ей полюбился.
Однак, сколь ни любим, сколь страстно ни влюблен,
Но я к полку спешить был честью принужден.
Простились горестно; она мне поклялася
Любить меня по смерть. Потом война зажглася;
Я дрался, отличен, и сведал наконец,
Что в город сей ее велел привезть отец.
Спешил сюда; в дому процессом задержался,
Приехал, к ней иду, с тобою повстречался
И слышу — боже мой! — но может ли то быть?
Возможно ль клятву ей так скоро позабыть.

---

[1] Вариант: Но их оставь, о мне что б говорили в свете,
Когда б я правом был одолжен лишь монете.

Упоминаемый в тексте «монастырь» — Смольный институт; «война» — война со Швецией (1788—1790).

Стр. 546. *Хоть словом успокой, Анютушка, меня.* Вместо этой реплики в первоначальных редакциях читалось следующее:

Анна

Нет, я всегда равно желаю вам добра,
Но вспомнить вам о нас давно бы уж пора.
Как в воду впали вы: куда себя девали,
До сей поры, сударь, мы вовсе вить не знали.

Прямиков

Так знай, Анютушка, что был я на войне,
Но средь опасностей, промежду пуль, в огне
Прелестный образ той, котору обожаю,
Преследовал меня. Я ей писал, я чаю,
Сто писем, но представь: от ней ни на одно
Мне ни полстрочного ответа не дано.
Я был в отчаяньи, в отчаяньи и ныне.
Смягчися, пожалей ты о моей судьбине.
Хоть словом услади жестокости ея.

— *Женою быть того, кто не похож на вас.* После этого стиха следовали такие строки:

Вот это плод, сударь, походов и сражений,
А больше не могу я дать вам изъяснений.

Прямиков

За эту весть тебя я рад расцеловать,
И сердце несколько уж стало отдыхать.

Стр. 547. *Ах! да откуда вы?* В первоначальных редакциях как в этой реплике, так и во всех последующих Софья говорит вместо «ах!» — «ай!» Это одна из особенностей речи монастырок.

— *И вечно образ ваш в душе моей...* В первоначальных редакциях читалось так:

И вечно и в душе, и в сердце вас носил.
Но вам я?..

Софья

Признаюсь: ты мне все равно мил.
Ай, что сказала я?

Прямиков

Что вдруг все те печали,
Которые мой дух доселе угнетали,
Разбило и меня в миг драгоценный сей
Счастливейшим из всех соделало людей.
(Цалует ей руки.)

Софья

Где был ты долго так? Ах! Сколько тем теряешь!
И всех твоих еще несчастий ты не знаешь.

Прямиков

Никак! Уж я узнал, что нежну нашу страсть
Стремится разорвать родительская власть.
Но льщусь надеждою, когда они узнают,
Что тем прискорбие лишь вам приготовляют,
То переменят мысль и предпочтут того,
Кого избрали вы для сердца своего.

Софья

Желаю, чтобы ты нетщетно этим льстился.

Прямиков

Открыться в этом им теперь же я решился.
О деле разговор подаст к тому мне след.
Но кто тот счастливый?

Софья

Вот батюшка идет.

Стр. 550. *Лишь только на порог — и к дочке уж успел.* В первоначальных редакциях этот стих и следующий читались так:

Лишь в комнату, уже и к дочке на кровать.
Но как сестра моя могла так сплоховать?

Стр. 551. *Кто первый захотел, тот и ощиплет их.* Вслед за этим стихом в первоначальной редакции шли два, замененные затем, стиха:

Вертеться, щеголять, болтать — вся их наука,
На разных языках — как при сошествьи духа.

Стр. 555. *В бутылках эрмитаж.* «Эрмитаж» — старое французское вино.

Стр. 556. *Роброн* — широкое женское платье на каркасе из китового уса (на фижмах).

— *Фуро* — платьице из легкой ткани (без каркаса).

Стр. 557. *В кульке провесна рыба* — вяленая рыба.

Стр. 559. *Тут надобен указ, иль право, иль закон.* Кривосудов перечисляет разные источники судебных решений: «законы», то есть основные положения, регулирующие отношения людей в государстве; «указы» — установления, изданные государственной властью в виде обязательных требований, не облеченных, однако, в форму закона; «права» — решения, выводимые на основании других законов или указов.

Стр. 561. *В Москве уж знал.* В первоначальных редакциях:

Знал в Питере,

Стр. 562. *Но, кажется, к нему дочь очень равнодушна.* В первоначальной редакции этот стих читается так:

Да монастырка-то все что-то наша скучна.

Стр. 564. *Отнес; и вейновых чернил большую флягу.* «Вейновые чернила» иронически вместо «вейновая водка» — водка, изготовленная из старого вина.

Стр. 565. *Да сунул в Банковой тисненных документов.* «Банковая» — Банковая экспедиция, ныне экспедиция изготовления государственных бумаг. «Документы, тисненные в Банковой экспедиции» — ассигнации, бумажные деньги.

Стр. 567. *Шьет, на Давыдовых лишь гуслях повирает* — играет на арфе

Стр. 568. *Дает синюю ассигнацию.* «Синяя» — пятирублевая ассигнация

Стр. 569. *Духовной доведу.* «Духовная грамота» — духовное завещание; «доведу» — докажу.

— *Что вдруг ваш ум, сударь, так тупо притупило?* В первоначальных редакциях после этого стиха шли следующие два, затем опущенные:

Кто именем себя сам назвал бы чужим,
Как мыслют о таком? Как поступают с ним?

Стр. 572. *Ах, как я лавержет тебе, срамец, взъерошу.* «Вержет», «лавержет» — хохолок, взбитая прядь волос.

Стр. 580. *Венгерский антал как?* Венгерское вино (токайское), продававшееся в четырехведерных боченках, называвшихся «антал» или «андал».

— *Прекрасно репетуют* — при нажиме соответствующей кнопки отзванивают время.

— *Слышно, что Правдолюб.* В лице губернатора Правдолюбова Капнист изобразил своего друга и родственника, поэта Г. Р. Державина, во время своего губернаторства отличившегося необыкновенной в екатерининские времена бескорыстностью и строгой законностью.

Стр. 581. *Так покормежный вмиг герольдия пашпорт.* При исключении дворянина из службы и лишении дворянства Департамент герольдии, ведавший делами о дворянстве, выдавал такому лицу «покормежный вид», или «покормежный паспорт», приравнивавший его владельца к «лицам податных сословий».

— *Ведь трудно, милый мой, нам прать против рожна!* — выражение, заимствованное из Евангелия, где оно употреблялось как образ, взятый из земледельческого обихода: чтобы тяглый скот во время пахоты не останавливался, на соху клали остроконечный деревянный шест (рожен) таким образом, что его металлическое острие кололо ноги животного в случае остановки.

— *Для бога, вразумите* — ради бога, вразумите. После этих слов в первоначальных редакциях шло следующее:

Как можно попадать за взяточки под суд?
Вить, чай, и давшему и взявшему тут кнут?
Так чорт ли понесет кого-нибудь с доносом?

Хватайко

Ты огорошил нас заботливым вопросом.
Да разве, братец, ты позабываешь то,
Что в наши дни кнуту не верит уж никто.
Лишь чернь одну еще он несколько пугает.

Стр. 584. *Явление второе. Ну, как же тянут там!* В первоначальной редакции начало этого явления читалось так:

Софья, Анна и Наумыч[1].

Анна

Что так, сударыня, бежите торопливо?

Софья

Ай! Что мне делать там?

Анна

Да гости: неучтиво...

Софья

Ай! да учтивы ли они ко мне?

Анна

Как быть?
Вы полхозяйка; вам их должно угостить.

[1] Имена действующих лиц взяты из окончательной редакции.

Софья

Ай! Не хочу; они такие грубияны!

Анна

Как быть?

Софья

Ай! не хочу; они такие пьяны!
У нас в монастыре ввек не был пьян никто.
Фи-дон.

Анна

То монастырь, а здеся все не то.

Софья

Ай! вижу очень.

Анна

Так вам должно применяться.

Софья

Ай! Фи-дон! не хочу; как этак напиваться!

Анна

Не вам, сударыня, советую я пить,
Но пьяных сих в дому, по крайности, сносить
При матушке.

Дальше как в окончательном тексте. Повидимому, пропущена ремарка — «Софья уходит».

Стр. 585. *А ты поторопися и стулья для гостей расставь: вот оглянися.* Вместо этих стихов в первоначальных редакциях читалось следующее:

Фекла

А ты, жеманна дочь,
Зачем оставила гостей и вышла прочь?
У вас так разве лишь в монастыре ведется,—
Невеста ушмыгнет, жених сам остается?

Софья

Ай! Женихов отнюдь нет, я божусь вам в том,
У нас в монастыре.

Фекла

А за монастырем?
Я знаю все; да вить я не помироволю.
Не монастырься, слышь, и делай нашу волю.
Мы Праволова уж давно тебе сулим:
Упрямься или нет, а быть тебе за ним.
Итак, сударыня, смотри, не зазнавайся
И нравиться ему как можно ты старайся.

Софья

Ай, матушка, прошу вас на коленях я,
Избавьте от него, избавьте вы меня.
Я нравиться ему уж не могу, божуся,
Что не люблю его, и в том вам признаюся.
Избавьте вы меня, он мне противен так!
И если упросить вас не могу никак
И у себя меня держать вы не хотите,
То в монастырь меня обратно отошлите
Иль к тетушке назад; я сколько с ней жила,
Божуся, в тягость ей я, право, не была.

Фекла

Встань, дура, и молчи; про тетушку ни слова:
Там прежни шашни с ней вы заведете снова.
Не льстись, голубушка. Я раз сказала уж,
Что Праволов тебе наверно будет муж.
И ежели ему ты согрубишь хоть мало,
То помолись, чтобы мово терпенья стало,
Да вот все.

Стр. 586. *Ну, стол, уж прямо стол! — Все вместе: сыт и пьян.* В первоначальных редакциях этот стих читался иначе: «Ну, стол! объешься, будь хоть постник [1] Иоанн!»

Постник Иоанн (род. в нач. VI в.— ум. в 595 г.) — константинопольский патриарх, автор нескольких церковных произведений. Очевидно, из опасений вмешательства духовной цензуры Капнист в окончательном тексте удалил упоминание об Иоанне, хотя последний и не был причислен к лику святых.

Стр. 587. *А кто ж в заповедную?* «Заповедной» — запрещенный. Здесь имеется в виду азартная игра «фараон» («фаро»), запрещенная специальным указом Елизаветы в 1761 г.

— *Бобыль, шпадиль, поэнь, рефет, бет, каски, капот, пароли* — термины карточных игр.

---

[1] Вариант: столбник.

Стр. 589. *Ну, двинься же хоть ты.— Нет, дама не везет.* Вместо этого и следующего стиха в первоначальных редакциях читалось так:

Фекла

Ну, кинься же хоть ты и не таращь глаза.

Паролькин

На крале проиграл,— так вдвое на туза.

— *Адам в нее наследное все проиграл именье.* Это острота Хватайко: Адам, согласно библейскому сказанию, был создан богом и, следовательно, не имел родителей, от которых мог бы получить наследство.

Стр. 590. *И я готов теперь представить вам урода,*
Который без отца, без племени, без рода
Наследие берет.

Эта фраза была из опасений вмешательства духовной цензуры помещена взамен прежней редакции:

И я вам покажу, не бравши издалека,
Как правом лишь иной отца Мелхиседека
Наследие берет.

Стр. 591. *Ра-разве Бо-Богдан не-не Фе-Фе-Федот?* Русское имя Богдан представляет перевод греческого имени Феодотес (в просторечии: Федот).

Стр. 593. *На то ведь совестный лишь установлен суд.* Совестный суд был организован, согласно указу Екатерины, для рассмотрения некоторых гражданских дел, в отношении которых судьи руководствовались своей совестью, а не законами.

— *Мирить на свете всех ему лишь вверен труд.* После этого стиха в первоначальных редакциях идет следующая большая реплика Прямикова, опущенная в окончательном тексте:

Прямиков

Хотя сей мирный труд божествен, несравненный,
Со снисхожденьем в нем законы сопряженны,
Хотя должны ничьей судьбы не отягчить,
Но могут, кажется, и все суда мирить,
Законодательну последуя[1] предмету.
Священный сей предмет всему известен[2] свету:
Восставить истину, а ябеду попрать

---

[1] Ранний вариант: Сообразуяся монархини.
[2] Ранний вариант: Ее желания всему известны.

И строги совестью законы умягчать.
Итак, наверное, вы тем не согрешите [1],
Когда без тяжбы нам правдивый мир дадите.

Стр. 597. *Пора, Наумыч! Слышь; покинь ты с ней балакать.* В первоначальных редакциях вслед за этим стихом шла реплика Кривосудова:

Кривосудов *(к Софии)*

Ну, что же, Софьюшка, ты так невесела?
Ты б к нам Давидовы хоть гусли принесла
Да нам запела бы.

Фекла *(Софии)*

Поди ж, поторопися.

Стр. 598. *Я чаю, в Уложеньи...* Уложенье — свод законов, изданный при Алексее Михайловиче в 1649 г.

Стр. 599. *И также в учрежденьи?* Имеется в виду «Учреждение о губерниях» (1775), один из крупнейших документов дворянской диктатуры, изданный непосредственно после подавления восстания Пугачева.

— *Ясней всего Наказ.* «Наказ» депутатам Комиссии для сочинения проекта Нового уложения, произведение Екатерины, представлявшее компиляцию из западных юридических и политических источников и претендовавшее на то, чтобы быть инструкцией для выработки новой конституции России («Нового уложенья»).

— *Ведь тоже к этому закон идет и тот.* В первоначальных редакциях этот стих читался так:

Дворянска грамота вить также тут идет.

«Дворянская грамота», точнее «Жалованная грамота российскому дворянству» (1783) — наиболее важный документ, определявший привилегии дворянства и окончательно освободивший его от обязательной службы, установленной Петром I.

— *Идет, сударь, идет!* Эта фраза заменила более раннюю редакцию:

И родословный счет.

«Родословный счет» — иначе — «родословие». Смысл таков: «может понадобиться и родословие дворян Прямиковых».

— *И если Регламент да согласить с Наказом.* «Духовный регламент» (1721), произведение Феофана Прокоповича, написанное по поручению Петра I и определявшее положение церкви в дворянской империи XVIII в.

---

[1] Ранний вариант: «сй угодите».

Стр. 600. *Ба, ба! Неужли то стоит зерцало тут?* «Зерцалом» назывались в XVIII и XIX в. напечатанные на трех полосах бумаги три указа Петра, перечислявшие основные положения делопроизводства в России; помещенные в три остекленные рамки, они были соединены между собою по граням и образовывали трехгранную призму. «Зерцало» должно было обязательно находиться на столе всякого присутственного места во время служебных занятий. Оно представляло символ закона и должно было напоминать чиновникам о неизменной бдительности высшей власти.

За приведенным выше стихом шли следующие:

Футляр где?

Бульбулькин

Впрямь, пускай себе спокойно спит.

Атуев

Смотреться некому.

Хватайко (*к Наумычу*)

Вздень колпачок-то спальный.

Наумыч вместе с Анною надевают футляр и уроняют зерцало.

Анна

Ну, скоро, знать, придет и всем уж час повальный.

Стихи окончательной редакции: «Но нет» и кончая «Знать больше и смотреть уже не захотело» — не объясняют ситуации; очевидно, по ошибке переписчика пропущена была в окончательной редакции ремарка о том, что Анна с Наумычем надевают на зерцало футляр и роняют его.

Стр. 601. *Воспоем тьму щедрот.* В первоначальных редакциях первый куплет песни Софьи кончался несколько иначе:

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери-царицы,
Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.

— *Вкруг блестящей колесницы*

Счастье и любовь ведет. В первоначальных редакциях текст этих двух стихов звучал еще ироничнее и злее:

Вкруг непышной колесницы
Добродетели ведет.

В рукописном подносном экземпляре «Ябеды», который Капнист представил Павлу I до выхода пьесы в свет, песня Софьи «Воспоем тьму щедрот» была заменена другой;

Счастлив, кто на все на свете
Мог без зависти глядеть
И в кругу мечты иметь
Добродетель лишь в предмете.
В совести спокойной тот
Тьму прямых отрад найдет.

* * *

Клад свой Крез напрасно множит,
День над ним не спит, ни ночь;
Как его себе ни прочь,
Злый случай похитить может.
В свете всех богаче тот,
Кто лишь правдою живет.

* * *

Хоть весь мир кто завоюет,
Счастливых не сыщет дней,
Средь победы звук цепей
Беспокойный дух волнует.
Счастлив истинно лишь тот,
С правдой кто в миру живет.

Стр. 602. *Когда б кто песенку!* Вместо этой реплики Кривосудова в первоначальных редакциях было следующее:

Хватайко

Прекрасно как поет!..

Кривосудов *(Прокурору)*

Я слышал вить, что ты сам хорошо поешь.

Стр. 603. *София, заткнув уши, уходит.* Ни в печатном, ни в рукописных текстах нет указания на то, что Софья возвратилась в комнату после того, как поспешно ушла с арфою.

Стр. 605. *Да что же, Анна, ты на стены зазевалась?* В первоначальных редакциях вместо этой реплики читалось следующее:

Фекла

Куда ж врасплох моя певица-то девалась?

Кривосудов

Пускай ее.

Фекла

Она тобой избаловалась.

Стр. 609. *Покою от него мне нет уж и во сне.* За этой фразой в первоначальных редакциях следовали опущенные затем 32 стиха:

Что делать с матушкой, что так она жестока?
Что так невинну страсть...

Анна

Эта страсть без прока,
Когда позволите мне прямо говорить.

Софья

Ай! что же предпринять и чем тут пособить.

Анна

Как чем? Или умом, или упрямством вашим.
Во-первых, предложить родителям дражайшим,
Что если Праволов с которой стороны
Им мил, когда они в него так влюблены,
То могут счастливо на нем они жениться;
И что скорее вы согласны утопиться,
Чем быть когда-нибудь драгой его женой.
Вот вам, сударыня, совет последний мой.

Софья

Ай! Нет. Ввек этого сказать я не посмею.
К родителям любовь, почтение имею,
Хотя они меня и могут погубить,
Но я противу их не смею согрубить.

Анна

Ин, так извольте их повиноваться воле,—
Я не могу ничем уж пособить вам боле
И радуюсь вперед, вообразя себе,
Как с Праволовым вы в блистательной судьбе
Жить будете весь век, как с ним, с его друзьями,
С писцами, стряпчими или секретарями
Беседу дружеску вы будете иметь
И ото всех сторон довольным оком зреть
Чужое в руки к вам текущее богатство.
Какое для души чувствительной приятство!
Вдов видеть, стариков и нищеньских сирот,
От вас свой бедный хлеб просящих у ворот!

Софья

Ай! Не терзай меня! И так я раздираюсь.
Но что ж! Несчастная, куда ни обращаюсь
Отрады ниотколь, ни помощи мне нет!

Анна *(видя входящего Прямикова)*

Однако некто вот на помощь вам идет.

— *О чем грустите вы, сударыня? Хоть взгляньте...* В первоначальных редакциях этот стих многократно изменялся и за ним следовал довольно длинный разговор Прямикова с Софьей:

Скрыть ваши от меня хотите вы печали?
Я вижу, вы меня любить уж перестали,
Другой счастливее...

Софья

Ах! не терзай меня;
Не мысли, чтоб когда, тебе я изменя
И клятвы позабыв, другого полюбила.
Но, ах! судьба меня над меру [1] отягчила.
Родители мои велят тебя забыть,
А кто несносен так, того женою быть,
И угрожают мне всей властию своею,
Когда противиться я воле их посмею.
Что делать?

Прямиков

Что тебе любовь твоя велит.
Знай, что мне смерть с твоей разлукой предстоит.
Коль любишь ты меня, возможешь ли решиться
Убить меня, с моим врагом соединиться?
Пусть все имение отнимет; перед ним [2]:
Но сердце пусть твое оставит; им одним
Я счастлив буду; с ним напасти все забуду.
Люби меня, вот все.

(Цалует ее руку.)

---

[1] Вариант: Не в меру.
[2] «Перед ним» — старинный оборот; «пусть так ему будет».

Софья

Люблю тебя и буду
Любить; приятно мне сказать сие стократ,
Но что ж в том, если нас навеки разлучат?

Прямиков

О мысль несносная! — Но нет! Позволь мне льститься,
Что сердце может их еще перемениться.
Я в силах оказать услугу важну им,
И с тем пришел. Нельзя, чтобы поступком сим
Я не стяжал себе хоть малой их приязни.
Я сведал, что меж тем, как вовсе без боязни
И в безопасности от всех они живут,
В Сенате им враги несчастие куют,
И дело, говорят, дошло уж до царицы.
Вчера один мой друг приехал из столицы,
Которого родня в Сенате прокурор;
Из дружбы мне открыл он этот заговор.

Софья

Ах, боже мой! Так им теперь же надо с вами
Поговорить. Пойдем. Да вот они и сами
Идут.

Стр. 612. *Вот по-заморскому нам воспитали дур.* Эта реплика Феклы представляет отголосок передававшейся в устной традиции эпиграммы на основателя Смольного монастыря (института) И. И. Бецкого, воспитательная программа которого строилась по образцу французской педагогики тех лет. Вот эта эпиграмма:

Иван Иваныч Бецкий,
Человек немецкий,
Воспитатель кур,
Монастырских дур.

Стр. 613. *Насилу с рук сжила! Какой же он востряк!* В первоначальных редакциях этот и следующий стихи читались иначе:

Насилу сжили с рук! Какой же наглый он!
А ты, сударь, стоишь, как столпник Симеон.

Симеон столпник — один из святых византийской церкви (ум. в 460 г. н. э.); столпником назван потому, что, согласно преданию, 80 лет своей жизни провел на капители колонны в аскетических подвигах.

Эти стихи были изменены из опасения вмешательства чрезвычайно строгой духовной цензуры.

— *На плохости твоей он умысл сочинил.* В первоначальных редакциях стих был более благозвучным:

На плохости твоей он план свой утвердил.

Стр. 614. *Ты знаешь, ведь у нас и заячие уши рогами назовут, то пойдут уши тпруши.* Эти слова, в особенности последний стих представляют цитату из басни Н. А. Львова, друга и родственника Капниста, «Львиный указ» (1779). Львом был издан указ об изгнании из его царства рогатого скота. Лисица встречает удирающего зайца и спрашивает, куда он бежит. Заяц отвечает, что видел тень своих ушей и боится, что их могут признать рогами. Лисица насмехается над зайцем, но он настаивает на своем:

Рогами назовут, пойдут и уши тпруши!

— *Тпруши!* — обращение к корове; здесь — в значении «рога».

— *Нет лих, нет; не назовут, божуся.* В первоначальных редакциях взамен этой и следующей реплик читалось вот что:

Ну, добро, на все я соглашуся,
Но к речи я теперь начатой возвращуся,
Отколь к молодчику дошел об этом слух,
Когда здесь ни один о том не знает дух?
От питерских друзей не слышим мы ни слова,
И скрыться как сие могло от Праволова,
А обнаружиться сопернику его,
Который в сих делах не знает ничего
И с саблею в руках за ветром лишь гонялся,
Земель не для себя у турков добивался,
А собственны свои именья прозевал?
С чего ему Сенат так вдруг знакомым стал?
Он познакомиться скорей бы мог с султаном.
Поверь мне, что он лжет и хочет сим обманом
Лишь устрашить тебя и как-нибудь отвесть
От Праволова.

Стр. 615. *Кривосудов (распечатывает письмо; ассигнации падают).* В первоначальных редакциях вслед за словом «падают» шло: «все кидаются подымать, жена (т. е. Фекла) отпихает секретаря». При переписке слова «все кидаются подымать» были пропущены; в результате этого последующая ремарка не совсем понятна.

Стр. *617. Ну, да! добро; подай, увидим. Приказали.* После этого в самой ранней редакции читалось следующее (фамилии изменены):

Кохтин *(Читает тихо, вздев очки).*

Приказали:

Кривосудов

Читай погромче, вслух.

Кохтин

Понеже показали
Доводы истцевы, которых даже сам
Ответчик Прямиков Богдан по двум судам
Не опорочивал, а именно: духовна,
Из метрик выписка и роспись родословна;
Из коих видно, что покойный Прямиков,
О чьем наследии асессор Праволов
Ведет иск, не имев в жизнь сына никакова,
Окроме одного Федота Прямикова,
А что сей Прямиков не оный есть Федот,
То видно из того, что сам себя зовет
Богданом и сему довлеет в доказанье
Собственноручное повсюду подписанье
Сим самым именем, которого нигде
Не изрекался он, как след был, на суде;
А из сего уже и следует [толь] ясно,
Что суд свидетелям присяги дал напрасно
В сем случае, где сам открыл себя обман,
И что неправедно Федотовым Богдан
Именьем завладел, которое по праву
Линейну надлежит майору Чужпродаву;
А ныне следует по купчей, данной им
И в двухгодичный срок порядком судовым
Не опороченной малейшим спорным словом,
Остаться оному за истцем Праволовом...

Стр. 618. *То оные искать с Богдана Прямикова.* В окончательной редакции пропущена следующая ремарка: «Между тем поверенный (т. е. Наумыч) то тому, то другому за каждую поправку и повторение кланяется и также жене».

Стр. 619. *Мудреный некакий недавно взнес доклад.* В первоначальных редакциях было — «царице взнес доклад».

Стр. 620. *Добро! Ин так и быть.* За этой репликой в первоначальных редакциях следовал большой отрывок, затем опущенный:

Кохтин

Нет, это пустяки, поверьте мне, божуся.
По делу Тяпкина я более боюся,
Чтоб нам какой-нибудь не вышло кутерьмы:
Из пасынка его в родного сына мы

Без дальних выправок в палате превратили
И внуков истинных наследия лишили,
Всех их имения ему приговоря.

Кривосудов

Нет, в этом деле нас, творца благодаря,
Закон сам от хлопот и от поклёп избавил:
Ты помнишь вить, дружок, что Тяпкин в суд представил
От отчима письмо, в котором он его
Открыто признает за сына своего,—
Возлюбленным его в нем сына называя.

Фекла

Вот на! так тут ваш страх лишь чепуха пустая:
Когда покойник сам его уж сыном звал,
Так, стало быть, он сын, кто б как ни толковал.

Кривосудов

Притом же истину тут что бы нам открыло?
С покойничка допрос уж брать поздненько было.

Фекла

Вздор [это], милый мой, и суща чепуха,
Хоть человек всяк ложь, никто не без греха,
Но в этом правы вы, как ни суди кто строго,
А этаких грехов, пожалуй, сыщешь много,
Но капитальнейших...

Кривосудов

Я истинно не лгу,
Что больших этого припомнить не могу.

Стр. 621. *Он запугать лишь вас хотел чем ни на есть.* В окончательной редакции этот стих заменил следующие семь стихов первоначальных редакций:

Но как вы эту ложь могли за правду счесть?
И как чрез этого пустого вертопраха
Могли себе и нам нагнать вы столько страха?
За вас, сударь, за вас мне, право, очень стыдно:
Вить тут и самому простому оку видно,
Что он хотел, сударь, вас только запугать,
Чтоб Праволову вы не смели помогать.

— *Делец, голубушка, познается от дел.* В первоначальных редакциях этот стих читался так:

Творец, голубушка, познается от дел.

Изменение вызвано было опасениями вмешательства духовной цензуры.

Стр. 622. *Пойдем-ка: гданская там водочка стоит на шкафике моем близ твоего взголовья.* В самой первоначальной редакции эти два стиха имели другой вид и были изменены из опасений вмешательства духовной цензуры.

Пойдем, там гданская свята вода стоит
За нашим образом близ твоего взголовья.

«Гданская свята вода» иронически вместо «гданская водка»; «гданская водка» — данцигская, или золотая, водка, особо очищенная и сдобренная водка.

Стр. 625. *Мудрен свет! Но мы все порядком учредили.* За этим стихом в первоначальных редакциях следовало одно из самых сильных мест «Ябеды»:

Вот на! а главное — зерцало — позабыли.

Добров

Коль истину сказать, то мало прока в нем:
Зевает на него бесстыдным всяк лицом;
Не правилом оно всем служит, а игрушкой
И стало, наконец, судейскою вертушкой.

Анна

Потише, берегись: вот к нам валит весь суд.
(*Уходя.*) Ну, правде уж они с похмелья мат дадут!

— *Явление II.* После перечисления действующих в этом явлении лиц в первоначальных редакциях следовала ремарка, опущенная в окончательном тексте:

Секретарь приносит бумаги и кладет на столе.

Стр. 626. *При винах эдаких уж ужина не в честь.* Слово «ужин» в XVIII в. употреблялось в форме женского рода — «ужина».

— *Отнятый у него секретарем Драчем.* Фамилию (или литературное имя) «Драч» Капнист применил еще в 1777 г. в своей «Сатире»:

Драч совесть выдает свою за образец,
А Драч так истцов драл, как алчный волк овец.

— *На Володимира Хватайка прокурора.* В первоначальных редакциях было:

На графа Сидора Злоплата, сенатора.

Ниже, через стих, где в окончательном тексте «нужнее прокурор», в первоначальных редакциях соответственно было «нужнее сенатор».

— *На подполковницу Чужхватову вдову.*

Ирину... Повидимому, в лице Ирины Чужхватовой Капнист изобразил вдову полковницу Тарновскую, с которой у семейства Капнистов была тяжба, длившаяся свыше тридцати лет.

Стр. 628. *И истцу оных всех имений не давал.* В одной из первоначальных редакций за этим стихом следовала ремарка:

Во время сего [т. е. чтения дела Прямикова] члены, нашед бутылки под столом, одну оттуда взяли, и Бульбулькин не давал оной Атуеву.

Стр. 629. *Патенты штабские. Тут имя ведь прямое.* В первоначальных редакциях этот и следующий стихи читались иначе:

Патенты штабские; ведь их сама царица...
Так тут присяга уж пустая небылица.

Стр. 630. *То ясно доказал.* В одной из первоначальных редакций вслед за данной репликой шел довольно длинный отрывок, позднее опущенный. Вот он:

...он, Прямиков Богдан,
Присягой двадцати соседственных дворян,
Что Прямикова он родной сын и законный,
Что Чужпродав майор совсем ему сторонний
И матери его был токмо просто кум,
Что как ему отнюдь не вспало и на ум,
Чтоб кто-нибудь его мог продавать именья,
Когда он был в чужих краях для обученья,
То ябед плутовских, уступок и бумаг,
В уездном городке прибитых на дверях,
Оспорить он не мог за двести миль и боле,
Что, возвратясь в свое отечество оттоле
И с двух сторон нашед зажженное войной,
Он долгом счел служить и жертвовать собой;
По замиреньи ж в дом родительск возвратяся,
Узнал, что ябеда в родню к нему вплелася,
В число покойников давно его причла
И родное его наследье продала,
Что тут презрев ее все низкие ехидства,
Крючки законностей, пролазы и бесстыдства,
На правости своей себя он утвердил
И хищникам своих наследств не попустил
И сопротиву лжи и ябедного кова
Священного себе законов ждет покрова.

Вслед за этим в первоначальных редакциях шла та часть комедии, которая в настоящем издании находится на стр. 633 и начинается репликой Кривосудова: «Эк вздоры!»

Стр. 637. *Ты знаешь ли, ведь он.* В первоначальных редакциях это полустишие звучало так:

Иосифом ведь он...

Иосиф снотолкователь — один из героев библейских преданий, разгадавший, по сказанию, сны фараона. Это полустишие изменено, как и в других подобных случаях, в связи со строгостями духовной цензуры.

— *Я благодарен вам за доброе значенье.* В первоначальных редакциях было:

Я благодарствую вам за благовещенье.

Последнее слово было причиною замены стиха по тем же соображениям, которые указаны в предшествующем примечании.

— *От «приказали» ведь?* Официальные документы содержали обычно две части: первую, представлявшую перечисление причин, вызвавших данный указ, и вторую, содержавшую самое постановление; последнее начиналось со слова «приказали». Прокурор, считая, что первая часть присланных бумаг мало интересна, в форме вопроса предлагает читать от «приказали».

Стр. 640. *Уж все сказал Сенат.* В первоначальных редакциях:

Взбесился, знать, Сенат.

Стр. 641. *Ну, льзя ли по одним доносам лишь злословным.* В первоначальных редакциях этот и следующий стихи читались иначе:

Ну, льзя ль по одному доносу голословну
Наместника отдать нас всех во уголовну?

И. А. Крылов

(1769—1844)

ТРУМФ (ПОДЩИПА)

Шуто-трагедия (1800)

Текст печатается по так называемому «лобановскому» списку пьесы, опубликованному В. Ф. Кеневичем в «Русской старине» (1871, февраль, стр. 161—200), с некоторыми специально оговоренными отступлениями. При жизни Крылова данное произведение не печаталось, и автограф его не сохранился. Существует много различных списков шутотрагедии, но все они, за исключением не дошедшего до нас «лобановского», т. е. принадлежавшего сослуживцу Крылова, члену Российской Академии М. Е. Лобанову, не исправны. Заглавие пьесы удержано то, под которым она была известна современникам; в скобках то, которое находится в «лобановском» списке.

Стр. 648. *Тактика.* Имеется в виду книга «Тактика, касающаяся до правильного устроения всех движений сухопутных войск при сражениях и повсюду, сочиненная г. Мирабо, фельдмаршалом прусских войск, а на русском языке изданная генерал-маиором М. Вестицким», СПб., 1791—1792, в 3 ч.

Стр. 650. *Велел ей пузыри нашить наместо фижем.* В «лобановском» списке — «Носить наместо фижем».

— *А за столом велел лишь жеваным кормить* — особенно беречь, холить.

Стр. 651. *Auf ein Mal* — наконец (нем.).

— *Противны сочни вам.* В «лобановском» списке — «противны слизни всем».

— *Помысли, каково мне быть твоей женою.*

Подумай, государь, и сжалься надо мною. После этих двух стихов, оканчивающихся женской рифмой, идут два стиха, также имеющие женскую рифму. Очевидно, здесь либо пропуск двух стихов, которые, по правилам чередования мужских и женских стихов, должны были быть мужскими, либо эти дополнительные стихи лишние.

— *Mein Herz* — сердечко (нем.).

Стр. 652. *И палькой на дворца сконяит веселиться.* После этого стиха в отдельном издании «Трумфа» 1880 г. идут два стиха, отсутствующие в «лобановском» списке, но имеющиеся в некоторых других (например, в хранящемся в Библиотеке Института Русской литературы,— шифр: 50 $\frac{6}{37}$ (алл. 4), стр. 5 об.), правда, в другом месте:

Фикляра, покуса тепе на каштa шас,
Каметья, кукла, все, все путет пиль у нас!

Так как следующие два стиха тоже мужские, то, очевидно, эти два стиха, находившиеся в оригинале Крылова, как лишние, были потом удалены им из окончательного текста.

— *Der Teufel!* — чорт!

Стр. 654. *От нажимации одной лишь я умру.* «Нажимация» — искажение слова «имажинация» — воображение.

Стр. 655. *Князна! заезься ты, я пьезде погьязю.* В «лобановском» списке «погьяжу». Так как во всех репликах Слюняя звук «ж» отсутствует, то здесь удержана орфография отдельного издания «Трумфа» 1880 г. (стр. 17).

Стр. 676. *Ну, что ж, к венцу? — Пойдем.— Годи! — Чего ж годить.* Во всех списках и печатных изданиях вместо «годи!» — «готов».

СЛОВАРЬ УСТАРЕЛЫХ, ОБЛАСТНЫХ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ

Агреме́нт, аграма́нт — плетеная тесьма для обшивки женских шелковых и бархатных платьев.

Аза́дки — как бы азадков не было — как бы не было дурных последствий.

Актуариус — чиновник, ведший протоколы и хранивший документы до их передачи в архив.

Амка — собака.

Аркибузировать, аркебузировать — расстрелять.

А́хид — злой, зловредный человек; скряга.

Ба́згалы — пустые речи.

Ба́чка — батюшка.

Бала́ — была.

Ба́раня — барыня.

Ба́рыша — барич.

Бесчестье заплатить — заплатить штраф за оскорбление.

Бешеный дом — дом умалишенных.

Благой — безумный.

Бобами разводить — гадать на бобах.

Богатель — пустяки (от фр. bagatelle — безделка); иногда осмысливается как народная этимология в значении «богатая вещь».

Бодяга — водяное растение, применявшееся в прежнее время с косметическими целями.

Бола́ — было, была.

Бороноволо́к — погонщик лошади при бороньбе; переносно — негодный к серьезной работе.

Брызжи — гофрированный отложной воротник.

Бу́ркольцо — детская игрушка, состоящая из полой косточки, просверленной с двух противоположных сторон; надетая на нитку, она при вращении производит визгливый звук, напоминающий брюзжанье.

Вапёры — истерика.
Вéйновая — водка, перегнанная из вина.
Вертопрашка — кокетка, щеголиха.
Вес лоухий — вислоухий.
Взáболь — в самом деле.
Взалкáх бы — проголодался бы.
Винный — виновный, виноватый.
Волтóры — валторны.
Втóра — напасть, беда (большей частью в сочетании «эка втора!»).
Выборный — староста.
Вывод — вывод давать — выплачивать чужому помещику деньги за невесту — крепостную из его деревни.
Вы́езжий — приезжий, новоприбывший.
Высуслить — с удовольствием выпить, выдуть (о спиртных напитках).

Гали́ться — смеяться, насмехаться.
Гарпа — арфа.
Гнет — тяжесть; положить под гнет — придавить, положить под сукно.
Гóлчить, гáлчить — говорить громко, шумно.
Гомзá — кошелек; переносно — деньги.
Гон — расстояние между двумя почтовыми станциями; ямщичий переезд.
Готовальник — пенал.
Грыб — гриб; грыб съел — остался ни при чем.
Гýнишка, гýня — обветшавшая одежда; иногда — армяк.

Дáка! — дай-ка!
Дернуть — выпить; дернешь за пётак — выпьешь на пять копеек.
Десни́ца — правая рука.
Деýли — девули, девушки.
Довлело бы — надлежало бы.
Доровое ли? — точнее: даровое ли? — что за беда?
Драни́чка — длинная и тонкая палочка, дранка.
Дресвá — крупный песок или измельченные камешки, употребляемые для мытья полов.
Дубьё — дубовые палки; в дубьё принять — встретить побоями.
Дуванить — делить добычу; дуть (в духовой инструмент).
Дувань не бось — бери без страха.
Душеприсяжный — поверенный в делах, доверенное лицо.
Ды — да.

Ендовá — сосуд для разливания вина и для питья.
Епанчá — верхняя одежда, плащ.
Епанéчка — женская безрукавная шубка, ротонда на меху.

Ж и в о т — жизнь.
Ж и л ь ё — этаж.
Ж л у́ д и — трефы.
Ж о х — лечь жохом — выиграть

З а б е г л ы й — быстрый, бойкий, даровитый, своенравный, непокорный.
З а г у́ л к а — она в загулке — имеет жениха.
З а́ м ш а н ы й — замшевый, похожий на мох, имеющий вид мха.
З а н е́ л е ж е — ибо, так как.
З а п а́ з у ш н ы й — в выражении «запазушный друг» — закадычный друг.
З а п с а́ т ь с я — запропаститься, затеряться.
З а р а з а — прелесть; то, что способно увлечь.
З а р а з и́ т ь с я — увлечься.
З а с т о́ л ь н о е — еда, выдававшаяся помещиками дворовым людям.
З а т ы л о к п о д о б р и т ь — отдать в солдаты.
З а х а́ з и т ь — заважничать.
З е́ т и т ь — высматривать.
З л о к о м а́ н н ы й — зловредный, зложелательный.
З н а к о м и́ т ы й — известный; приветливый, ласковый.

И з н е в а́ ж и в а т ь — принуждать, насильно заставлять делать.
И н — ну, пусть.
И́ н д а — даже; редко — иногда.
И с п о́ ж и н к и — осенний праздник, отмечавшийся в разных местах то 15 августа, то 8 сентября.
И с п о л а́ т ь! — слава! спасибо!
И с т р у́ с и т ь с я — струсить.
И́ щ а — еще.

К а з а н к и́, к о з а н к и́ — бабки, альчики.
К а з а н ь е — проповедь.
К а з а т ь с я — нравиться.
К а з о́ к а т ь с я, к о з о́ к а т ь с я — сердиться, сердито отнекиваться.
К а н а в а́ т н ы й — из шелковой ткани.
К а н и ф а с — плотная льняная ткань.
К ё р ы — черви (в картах); кёровый — червонный.
К и с е л я д а в а т ь — ударять коленкой.
К л е в — хлев.
К л я у з ы, вм. клавиши.
К о к а с с о к о м — в выражении «и у меня есть кока с соком» — и у меня есть то, чему могут позавидовать; собственно «кока» значит «игрушка».
К о л о т ы́ р и т ь — перебиваться.
К о л ы в а̀ н ь — праздник, пиршество.
К о н о в н о й — основной, главный, начальный.
К о̀ н ч е — конечно.

Копейка — с копейкою восемь — выражение, означающее «еще немного», повидимому, семь копеек, а с копейкою — восемь.
Кости — счеты; с костéй сброшу — скину со счетов.
Кошелек — сетка для косички (у мужчин).
Краля — королева (в картах).
Красная шапка — солдатская шапка; угодить под красную шапку — быть отданным в солдаты.
Крóсна — ткацкий станок; холст.
Крóшево — окрошка; вообще — еда.
Кружáло — кабак.
Курицу три деньги дать, и у той сердце есть — у курицы, которой цена полторы копейки, тоже есть сердце; смысл пословицы такой: «не обижай меня, я не курица, а и у курицы сердце есть».
Крючок винца — чарка.
Кузовенька — корзина.
Куликáть — выпивать.
Кур (фр.) — делать кур — ухаживать, волочиться
Курныкать — мурлыкать, напевать вполголоса.
Кутить — своевольничать.

Лабет, бет (фр.) — карточный термин, означающий проигрыш.
Лих — зато, в самом деле, лишь; часто для обозначения действия назло, наперекор.
Личина — маска.
Лóманые — дроби.
Льзя — можно; кабы льзя было — если бы было можно.
Любочестие — честолюбие, любовь к поступкам, приносящим истинную честь.

Магистрат — городское самоуправление; в магистрат посадить — посадить в отделение для несостоятельных должников при магистрате.
Мазилька, мазилка — кисть живописца.
Малáх — разгильдяй, рохля.
Мама — няня.
Манá — приманка (в сочетании «денежка-манá, хоть кого свихнет она»).
Марьяж — брак; также название карточной игры.
Мемщизна — немщизна, Западная Европа.
Место — некоторое количество; несколько. Иногда — для обозначения времени («с час место»; ср. «покамест[о]»).
Мкнига — книга.
Монета — рубль.
Мыслéте — славянское название буквы «м»; писать ногами мыслéте, выводить ногами мыслéте — быть сильно пьяным.
Мясоед — время с праздника рождества и до великого поста; вообще время, когда церковью разрешалось употребление мяса в пищу.

Нагдысь, нагдась — недавно.
Нагдышний — недавний.
Нáглость — в XVIII в. это слово имело более ограниченное значение чем сейчас — «недостаточная скромность».
Наём — деньги за наем.
Настáть — подходящий, под пару.
Настрехтáть — настегать, нахлестать.
Наторéть — приобрести навык, набить руку.
Натя́ться — навязаться.
Нахлюстáться — в очень сильной мере напиться пьяным.
На́йн — назойливый, нахальный человек.
Не в пронос слово — не для разглашения, между нами говоря; по секрету.
Не замáй — пусть, пускай.
Не токмя́ что — не только что.
Не честью — невежливо.
Не шутём — серьезно, в самом деле.
Некошный, некошнóй — чортов; негодный.
Некрут — рекрут.
Неотменно — обязательно.
Неуклюд — неуклюжий.
Нещечко — секрет; иногда — дорогая вещь, лакомство.
Нишни́! нишкни́! — тс! молчать!
Нужный — нуждающийся.

Образу́м — удар, тумак (который может «образумить»).
Обычай — нрав; по обычаю ль тебе? — нравится ли это тебе?
Обычье — обыкновение, нрав.
Овощи — плоды, фрукты.
Озорочек — зрачек.
Окаянство — греховность.
Онамéдни — не так давно.
Ономня́сь — недавно.
Остров — в жаргоне охотников: небольшой отдельно стоящий лес.
Отваживать — в выражении «отваживать жизнь свою» — подвергать жизнь опасности, рисковать.
Отменный — другой, иной; стать отменным — измениться, перестать быть собою.
Отчаять — перестать надеяться.
Отчизна — имение, доставшееся от отцов, вотчина.
Отымалка — кухонная тряпка.
Охреян — грубый, невоспитанный человек; мужлан.
Оцосный — скромный.
Очёсливый — скромный, стыдливый.

Очуни́ться — очнуться.
Ощо — еще.

Па́мяташь? — памятуешь? помнишь ли?
Пахвы́, см. похви.
Пахму́рный — сумрачный.
Пень — стать в пень — попасть в безвыходное положение.
Перву́ю — сперва, сначала.
Перекстись — перекрестись.
Переминаж — искажение слова «променад», прогулка; народная этимология по глаголу «переминаться».
Переносчица — сплетница.
Письмена — литература.
Пить — словечко, вставлявшееся в речь для придания ей оттенка сомнения («разве») или ограничения («только»).
Плохой — болезненный, больной.
По чести — выражение из жаргона щеголей и щеголих в значении «честное слово».
Поботуха — потасовка.
Поверстный — поверстный срок — законный срок, дававшийся чиновникам для выполнения дела.
Поволить — пожелать.
Повытчик — столоначальник в суде.
Повы́тье — отдел, находившийся в ведении повытчика.
Поготовь — тем более.
Подзатыльник — старинный женский головной убор.
Подкосок — поддельная коса, которую носил каждый солдат и офицер русской армии в XVIII в.
По́днизь — жемчужная или бисерная сетка на женском головном уборе.
Подноготное — заветное, сокровенное.
Подтете́рить — украсть.
Подтруси́ться — подольститься, подъехать.
Подубрусник — женский головной убор, надевавшийся под повязку (убрус).
Поезжанин, поезжане — участники свадебного поезда.
Пожилые — в выражении «пожилые деньги» — квартирная плата, деньги за проживание.
Поко́й — комната.
Поку́читься — упрашивать, усердно просить, докучать.
Полсема́ — шесть с половиной.
По́льга — польза, льгота.
Поне́же — так как.
Поно́сный — позорный, постыдный.
Пока́л — бокал.
Попе́ст — увалень, лентяй.

Порскну́ть по красному — криком выгнать красного зверя из леса.
Поса́дский — мещанский, недворянский.
Посиде́нки — посиделки.
Поста̀в — буфет.
По́ступь — поступок, поведение.
Поучли́вее — повежливее.
Похви́, пахвы́ — подхвостный ремень у лошади; «к похвям потылицею» — затылком к хвосту лошади; «с пахвей сбиться» — сбиться с толку.
Правёж — в выражении «на правеже́ поставить» — подвергать мучениям.
Прахо́вый — непутёвый, шелопай; проклятый.
Прибор — с обыкновенным сельским прибором — как полагается в деревнях.
Приверстать — присоединить.
Приз — в картах — взятка.
Приклад — пример.
Прикушать — отведать, попробовать.
Приморчивый — слабый, хилый, болезненный.
Приобострожиться — окрепнуть.
Приписание — посвящение.
Приписывать — посвящать.
Присяжный человек — человек, принесший присягу; чиновник.
Притома́нная правда — истинная, чистейшая правда.
Причина, притчина — беда, диковинка.
Пробаять — высказать, произнести.
Провальный — гибельный, злой, худой; проклятый. «За провальную!» — «пропади ты!».
Проворить — ловко добывать, торопить, спешить.
Прокуратить — набедокурить, притворяться.
Пронизки — украшение из просверленных камней или монет.
Пронозить — проткнуть, глубоко вонзить.
Пропасно́й — погибший, злой, то же, что провальный.
Просить на кого — подавать в суд иск на кого.
Прост — в выражении «да я буду (того-то) прост» — «пусть я лишусь (того-то)».
Прошать — просить.
Пуля, пулька — партия в карты; один (полный) оборот игры в карты.
Пу́рганец — слабительное.
Пырь (в) встречу — неожиданно появляется навстречу.
Пьюсовый, пюсовый — блошиного цвета (о шелковой ткани), (фр. puce — блоха).

Раз — удар.
Разве — кроме; только («разве дувань не бось»).
Разжи́хариться — разбогатеть.

Расплодить — размножить.
Расплодиться — принять большие размеры.
Растощаться — расточаться.
Рахманный — глуповатый.
Ревновать — ревностно относиться.
Рекамбия — пеня за просрочку векселя.
Ренское — вино; рейнвейн.
Риваль (фр.) — соперник.
Рожéчная кровь — кровь, которую пускали у больных, делая насечку на теле и ставя на это место банку («рожок»).
Ромодá — простофиля.
Рука — с моей руки — по мне.
Рыскýшка — та, кто рыщет, бегает вне дома.

Сары́нь — толпа, множество.
Сговóрная — сговорная грамота, брачная запись.
Сделаться — разделаться, справиться.
Седми́ца — неделя.
Секýрс — помощь.
Сéреные спички — серные спички.
Сесть — сей, этот. По сесть час — до сих пор.
Скáред, скáредный — скверный человек.
Скиля́жничать — скупиться.
Скóсырь — наглец, нахал.
Смайстери́ть — смастерить
Смахлевáть — сжульничать, смошенничать.
Смя́мкать — стеснить, сдавить.
Сóромь — стыд.
Сочи́ть — искать.
Сóчни — блины, смазанные творогом или вареньем.
Спень — первый сон.
Сполáгоря — не жаль.
Спрорýшить — разнести, разрушить.
Спорыньи́ нет — нет удачи.
— ста, — стани, — сте — частицы, присоединявшиеся к словам, для придания речи почтительности. В языке писателей XVIII века эти частицы служили средством изображения недворянской речи.
Старшòй — в переносном смысле: «домовой».
Стень — привидение.
Стишкá — исподтишка.
Стряпýшья — кухня.
Стряпчий — адвокат, ходатай по чужим делам.
Сулейка, суле́й — винная бутыль, полуштоф; плоская фляга.
Съезжая — полицейская тюрьма.

Сыскна́я — в выражении «сыскную послать» — подать вексель ко взысканию.

Таё, тоё — ту.
Так-так — еле-еле.
Та́кальщик — блюдолиз; человек, который на все говорит «так».
Театр — сцена.
Табола́ — детская игра.
Тово́-воно, тово́-вона, тово́-вона-тка — («того» и «оно») — словечко типа «де», «дескать» и т. д. Впервые было введено в литературный язык в «Розане и Любиме» Николева и затем широко использовалось комедиографами.
Толки́ — беглое чтение; по толко́м — бегло читая.
То́чию — только.
Трелю́диться — чудачествовать.
Треух — треугольная шапка; переносно — побои, пощечина.
Труд — боль, болячка.
Трусея́ — трусиха.
Тулумба́с — барабан; тумак, удар.
Тулунба́с, см. Тулумбас.
Тупе́й — взбитый хохолок.
Турба́чить, турба́цыть — жаловаться на кого-нибудь.

Ужасть как — выражение из жаргона щеголих.
Узоро́чный, узаро̀чный — красивый, пестрый.
Уклю́жий — статный, ловкий.
Укрепле́ние — сделать укрепление — подарить что-либо, юридически оформив подарок.
Урывы — особый вид игры в бабки.

Фа́ля, фалеле́й — дурачок.
Фи́гли — фокусы.
Флоре́нт — узорчатый атлас, первоначально изготовлявшийся во Флоренции.
Фря — иронически: важная особа.
Фу́хтель — удар плашмя обнаженной саблей по спине; позднее — палочный удар. Один из видов наказания в прусской армии, а также в русской армии при Павле I.

Хаба́р — выгода; взятка, подарок.
Хлап — валет.
Хозово́й, хазово́й — казовый; тот, которого должно показывать.

Цо̀стной — честный, почтенный.

Челоби́тье — поклон.
Чепору́ха — чарка.
Черка́ться — чертыхаться, посылать к чорту.
Чи́во, тчиво — учтиво, вежливо.
Чин — сословие; «зависела от чинов» — от палаты представителей разных сословий.
Чихо́тка — трава чемерица, вызывающая чиханье.
Чудесе́ — чудеса.
Чуфа́риться — важничать.

Шалбе́р — хозяин.
Шалу́н, Шаль — шалый, безумный человек.
Шату́н — чорт...
Ше́лег — мелкая монета, вышедшая уже в XVIII в. из употребления.
Ше́леп — плеть.
Шера́шь, шара́шь — мелкий лед; переносно — мелюзга.
Шлиф — подвязки, банты на чулках.
Шмерц-каналья — прохвост высокой марки, архи-каналья.
Шнырить — шнырять.
Шпе́тить — допекать намеками.
Шу́ица, шуйца — левая рука.
Шутишь, радость! — выражение из жаргона щеголих.

Щечи́ть — тормошить; воровать тайком; болтать, говорить без умолку.
Щечи́ться — поживиться; богатеть от тайного воровства.

Я уж тебе в том — ручаюсь в том.
Явное и крепленное — несомненное, неопровержимое.
Янька — бесстыдный, нахальный человек; человек с большим самомнением.
Ярлык — билет, талон.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
Н. Р. Мерзольф

Художник
В. В. Зенькович

Художеств. редактор
Н. Г. Дембо

Технич. редактор
З. М. Колесова

М-22570 Подписано к печати 3/X-50 г. „Искусство“ 76. Бумага 60×92[1]/[16].
Бум. л. 22,94. Печ. л. 45,87. Уч-изд л. 38,37. Заказ № 2314. Тираж 5000. Цена 28 р. 50 к.

Типография № 2 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета
Ленинград, Социалистическая, 14.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
116	19-я снизу	гляду	глядя
175	3-я снизу	затрик	завтрик
222	10-я снизу	Музыка зачинает	Музыка зачинает,
537	11-я сверху	та именно	так именно
588	9-я снизу	два	две
590	9-я снизу	о том не мог узнать	о том никак не мог узнать
618	2-я сверху	нас	нам
622	1-я снизу	натощак	натощах
672	1-я сверху	к ним	с ним
687	15-я сверху	рубки леса	рубки леса;
Выходные данные (цена)		28 р. 50 к.	28 р. 50 к. + переплет 2 р. 50 к.

„Русская комедия 18 века“